

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1973

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Подготовка иллюстративных материалов — А. Горбов, П. Северцов

В книге использованы фотографии и рисунки из архивов Аркадия Стругацкого, Бориса Стругацкого, Бориса Заикина, Андрея Тужилкина, в том числе фотографии Михаила Лемхина

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

- © Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1973, 2017
- © Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2017
- © Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2017
- © Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2017
- © Курильский В., Рудман Л., комментарии, примечания, 2017
- © Флейшман Ю., библиография, 2017
- © Курильский В., указатели, 2017
- © Рудман Л., подготовка форматов FB2, EPUB и MOBI, 2017
- © Рудман Л., подготовка форматов RTF и PDF, 2017

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Град обреченный

— Как живете, караси?

— Ничего себе, мерси.

В. Катаев. «Радиожираф»

...Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы...

Откровение Иоанна Богослова
(Апокалипсис)

Часть первая. Мусорщик

Глава первая

Баки были ржавые, помятые, с отставшими крышками. Из-под крышек торчали обрывки газет, свешивалась картофельная шелуха. Это было похоже на пасть неопрятного, неразборчивого в еде пеликана. На вид они казались неподъемно тяжелыми, но на самом деле вдвоем с Ваном ничего не стоило рывком вздернуть такой бак к протянутым рукам Дональда и утвердить на краю откинутого борта. Нужно было только беречь пальцы. После этого можно было поправить рукавицы и немного подышать носом, пока Дональд ворочает бак, устанавливая его в глубине кузова.

Из распахнутых ворот тянуло сырым ночным холодом, под сводом подворотни покачивалась на обросшем грязью шнуре голая желтая лампочка. В ее свете лицо Вана было как у человека, замученного желтухой, а лица Дональда не было видно в тени его широкополой тexasской шляпы. Серые облупленные стены, исполосованные горизонтальными бороздами; темные клочья пыльной паутины под сводами; непристойные женские изображения в натуральную величину; а около дверей в дворницкую — беспорядочная толпа пустых бутылок и банок из-под компота, которые Ван собирал, аккуратно рассортировывал и сдавал в утиль...

Когда остался последний бак, Ван взял совок и метлу и принялся собирать мусор, оставшийся на асфальте.

— Да бросьте вы копаться, Ван, — раздраженно произнес Дональд. — Каждый раз вы копаетесь. Все равно ведь чище не будет.

— Дворник должен быть метущий, — наставительно заметил Андрей, крутя кистью правой руки и прислушиваясь к своим ощущениям: ему показалось, что он немного растянул сухожилие.

— Ведь все равно же опять навалят, — сказал Дональд с ненавистью. — Мы и обернуться не успеем, а уже навалят больше прежнего.

Ван сыпал мусор в последний бак, утрамбовал совком и захлопнул крышку.

— Можно, — сказал он, оглядывая подворотню. В подворотне теперь было чисто. Ван посмотрел на Андрея и улыбнулся. Потом он поднял лицо к Дональду и проговорил: — Я только хотел бы напомнить вам...

— Давайте, давайте! — нетерпеливо прикрикнул Дональд.

Раз-два. Андрей и Ван рывком подняли бак. Три-четыре. Дональд подхватил бак, крикнул, ахнул и не удержал. Бак накренился и боком грохнулся на асфальт. Содержимое вылетело из него метров на десять, как из пушки. Активно опорожняясь на ходу, он с громом покатился во двор. Гулкое эхо спиралью ушло к черному небу между стенами.

— Мать вашу в бога, в душу и святого духа, — сказал Андрей, едва успевший отскочить. — Руки ваши дырявые!..

— Я только хотел напомнить, — кротко проговорил Ван, — что у этого бака отломана ручка.

Он взял метлу и совок и принялся за дело, а Дональд присел на корточки на краю кузова и опустил руки между колен.

— Проклятье... — пробормотал он глухо. — Проклятая подлость.

С ним было явно что-то не в порядке в последние дни, а в эту ночь — в особенности. Поэтому Андрей не стал ему говорить, что он думает о профессорах и об их способности заниматься настоящим делом. Он сходил за баком, а потом, вернувшись к грузовику, снял рукавицы и вытащил сигареты. Из пустого бака смердело нестерпимо, и он торопливо закурил и только после этого предложил сигарету Дональду. Дональд молча покачал головой. Надо было поднимать настроение. Андрей кинул горелую спичку в бак и сказал:

— Жили-были в одном городишке два ассенизатора — отец и сын. Канализации у них там не было, а просто ямы с жижицей. И они это дерьмо вычерпывали ведром и заливали в свою бочку, причем отец, как более опытный специалист, спускался в яму, а сын сверху подавал ему ведро. И вот однажды сын это ведро не удержал и обрушил обратно на батю. Ну, батя утерся, посмотрел на него снизу вверх и сказал ему с горечью: «Чучело ты, — говорит, — огородное, тундра! Никакого толку в тебе не видно. Так всю жизнь наверху и проторчишь».

Он ожидал, что Дональд хотя бы улыбнется. Дональд вообще-то был человек веселый, общительный, никогда не унывал. Было в нем что-то от студента-фронтовика. Однако сейчас Дональд только покашлял и глухо сказал: «Всех ям не выгребешь». А Ван, возившийся возле бака, среагировал и вовсе странно. Он вдруг с интересом спросил:

— А почему оно у вас?

— Что — почему? — не понял Андрей.

— Дерьмо. Дорого?

Андрей неуверенно хохотнул.

— Да как тебе сказать... Смотря чье...

— Разве оно у вас разное? — удивился Ван. — У нас — одинаковое. А чье у вас самое дорогое?

— Профессорское, — немедленно сказал Андрей. Просто невозможно было удержаться.

— А! — Ван высыпал в бак очередной совок и покивал. — Понятно. Но у нас в сельской местности не было профессоров, поэтому цена была одна — пять юаней за ведро. Это — в Сычуани. А в Цзянси, например, цены доходили до семи и даже до восьми юаней.

Андрей наконец понял. Ему вдруг захотелось спросить, правда ли, что китаец, пришедший в гости на обед, обязан потом опорожниться на огороде хозяина, однако спрашивать это было, конечно, неловко.

— А как у нас сейчас, я не знаю, — продолжал Ван. — Последнее время я не жил в деревне... А почему профессорское ценится у вас дороже?

— Это я пошутил, — сказал Андрей виновато. — У нас этим делом вообще не торгуют.

— Торгуют, — сказал Дональд. — Вы даже этого не знаете, Андрей.

— А вы даже это знаете, — огрызнулся Андрей.

Еще месяц назад он ввязался бы с Дональдом в яростный спор. Его ужасно раздражало, что американец то и дело рассказывает о России такие вещи, о которых он,

Андрей, и понятия не имеет. Андрей был тогда искренне уверен, что Дональд просто берет его на пушку или повторяет злопахательскую болтовню Херста. «Да шли бы вы с вашей херстовиной!» — отмахивался он. Но потом появился этот недоносок Изя Кацман, и Андрей спорить перестал, огрызался только. Черт их знает, откуда они всего этого набрались. И бессилие свое он объяснял тем обстоятельством, что он-то пришел сюда из пятьдесят первого года, а эти двое — из шестьдесят седьмого.

— Счастливый вы человек, — сказал вдруг Дональд, поднялся и пошел к бакам у кабины.

Андрей пожал плечами и, стараясь избавиться от неприятного осадка, вызванного этим разговором, надел рукавицы и принялся сгребать вонючий мусор, помогая Вану. Ну, и не знаю, думал он. Подумаешь, дерьма-то. А что ты знаешь об интегралах? Или, скажем, о постоянной Хаббла? Мало ли кто чего не знает...

Ван запикивал в бак последние остатки мусора, когда в воротах с улицы появилась ладная фигура полицейского Кэнси Убукаты.

— Сюда, пожалуйста, — сказал он кому-то через плечо и двумя пальцами откозырял Андрею. — Привет, мусорщики!

Из уличной тьмы в круг желтоватого света вступила девушка и остановилась рядом с Кэнси. Была она совсем молоденькая, лет двадцати, не больше, и совсем маленькая, едва по плечо маленькому полицейскому. На ней был грубый свитер с широченным воротом и узкая короткая юбка, на бледном мальчишеском личике ярко выделялись густо намазанные губы, длинные светлые волосы падали на плечи.

— Не пугайтесь, — вежливо улыбаясь, сказал ей Кэнси. — Это всего лишь наши мусорщики. В трезвом состоянии совершенно безопасны... Ван, — позвал он. — Это Сельма Нагель, новенькая. Приказано поселить у тебя в восемнадцатом номере. Восемнадцатый свободен?

Ван, снимая на ходу рукавицы, подошел к ним.

— Свободен, — сказал он. — Давно уже свободен. Здравствуйте, Сельма Нагель. Я — дворник, меня зовут Ван. Если что-нибудь понадобится, вот — дверь в дворницкую, приходите сюда.

— Давай ключ, — сказал Кэнси. — Пойдемте, я вас провожу, — сказал он девушке.

— Не надо, — проговорила она устало. — Сама найду.

— Как угодно, — сказал Кэнси и снова откозырял. — Вот ваш чемодан.

Девушка взяла у Кэнси чемодан, а у Вана — ключ, мотнула головой, отбрасывая упавшие на глаза волосы, и спросила:

— Который подъезд?

— Прямо, — сказал Ван. — Вон тот, под освещенным окном. Пятый этаж. Может быть, вы хотите есть? Чаю?

— Нет, не хочу, — сказала девушка, снова тряхнула головой и, цокая каблуками по асфальту, пошла прямо на Андрея.

Он отступил, пропуская ее. Когда она проходила, он ощутил крепкий запах духов и еще какой-то парфюмерии. И он все смотрел ей вслед, пока она шла по желтому освещенному кругу, юбка у нее была совсем короткая, чуть длиннее свитера, а ноги были голые, белые, и Андрею показалось, что они светятся, когда она вышла из-под арки в темноту двора, и в этой темноте был виден только ее белый свитер и белые мелькающие ноги.

Потом заныла, завизжала и грохнула дверь, и тогда Андрей машинально снова достал сигареты и закурил, представляя, как эти нежные белые ноги ступают по лестнице, ступенька за ступенькой... гладкие икры, ямочки под коленями, обалдеть можно... Как она поднимается выше и выше, этаж за этажом, и останавливается перед дверью восемнадцатой квартиры — как раз напротив шестнадцатой квартиры... ч-черт, надо хоть белье постельное переменить, три недели уже не менял, наволочка серая сделалась, как

портянка... А какое у нее лицо? Надо же — совсем не помню, какое у нее лицо. Только ноги и запомнил.

Он вдруг осознал, что молчат все, даже женатый Ван, и в ту же секунду заговорил Кэнси:

— У меня есть двоюродный дядя, полковник Маки. Бывший полковник бывшей императорской армии. Сначала он был адъютантом господина Осимы и два года просидел в Берлине. Потом его назначили исполняющим обязанности нашего военного атташе в Чехословакии, и он присутствовал при вступлении немцев в Прагу...

Ван кивнул Андрею, они рывком подняли бак и благополучно переправили его в кузов.

— ...Потом, — продолжал Кэнси неторопливо, закуривая сигаретку, — он немного повоевал в Китае, по-моему, где-то на юге, на Кантонском направлении. Потом он командовал дивизией, высадившейся на Филиппинах, и был одним из организаторов знаменитого «марша смерти» пяти тысяч американских военнопленных — извините меня, Дональд... Потом его направили в Маньчжурию и назначили начальником Сахалинского укрепрайона, где он, между прочим, в целях сохранения секретности загнал в шахту и взорвал восемь тысяч китайских рабочих... извини меня, Ван... Потом он попал к русским в плен, и они, вместо того чтобы повесить его или, что то же самое, передать его Китаю, всего-навсего упрятали его на десяток лет в концлагерь...

Пока Кэнси все это рассказывал, Андрей успел слазить в кузов, помог там Дональду расставить баки, поднял и закрепил борт грузовика, снова спрыгнул на землю, угостил Дональда сигаретой, и теперь они втроем стояли перед Кэнси и слушали его. Дональд Купер, длинный, сутулый, в выцветшем комбинезоне, длинное лицо со складками возле рта, острый подбородок, поросший редкой седой щетиной; и Ван, широкий, приземистый, почти без шеи, в стареньком, аккуратно заштопанном ватнике, широкое бурое лицо, курносый носик, благожелательная улыбка, темные глаза в щелках припухших век; и Андрея вдруг пронизала острая радость при мысли, что все эти люди из разных стран и даже из разных времен собрались здесь вместе и делают одно, очень нужное дело, каждый на своем посту.

— ...Теперь он уже старый человек, — закончил Кэнси. — И он утверждает, что самые лучшие женщины, каких он когда-либо знал, — это русские женщины. Эмигрантки в Харбине.

Он замолчал, уронил окурок и старательно растер его подошвой блестящего штиблета.

Андрей сказал:

— Какая же она русская? Сельма, да еще Нагель.

— Да, она шведка, — сказал Кэнси. — Но все равно. Это был рассказ по ассоциации.

— Ладно, поехали, — сказал Дональд и полез в кабину.

— Слушай, Кэнси, — сказал Андрей, берясь за дверцу. — А кем ты был раньше?

— Контролером на литейном заводе, а до того — министром коммунального...

— Да нет, не здесь, а там...

— А-а, там? Там я был литсотрудником в издательстве «Хаякава».

Дональд завел двигатель, и старенький грузовик затрясся и залязгал, испуская густые клубы синего дыма.

— У вас правый подфарник не горит! — крикнул Кэнси.

— Он у нас сроду не горел, — отозвался Андрей.

— Так почините! Еще раз увижу — оштрафую!

— Понасажали вас на нашу голову...

— Что? Не слышу!

— Бандитов, говорю, лови, а не шоферов! — проорал Андрей, стараясь перекричать лязг и дребезг. — Дался тебе наш подфарник! И когда только вас всех разгонят, дармоедов!

— Скоро! — крикнул Кэнси. — Теперь уже скоро — не пройдет и ста лет!

Андрей погрозил ему кулаком, махнул Вану и ввалился на сиденье рядом с Дональдом. Грузовик рванулся вперед, чиркнул бортом по стене в арке ворот, выкатился на Главную улицу и круто повернул направо.

Устраиваясь поудобнее, так, чтобы пружина, вылезшая из сиденья, не колола в зад, Андрей искоса поглядел на Дональда. Дональд сидел прямо, положив левую руку на баранку, а правую — на рычаг переключения скоростей, надвинув шляпу на глаза и выставив острый подбородок, и гнал во всю мочь. Он всегда ездил так, «с максимально разрешенной скоростью», не думая даже тормозить перед частыми выбоинами на асфальте, и на каждой такой выбоине в кузове тяжело ухали баки с мусором, дребезжал проржавевший капот, а сам Андрей, как ни старался упираться ногами, подлетал и падал в точности на острие проклятой пружины. Только раньше все это сопровождалось веселой перебранкой, а сейчас Дональд молчал, тонкие губы его были крепко сжаты, на Андрея он не смотрел вовсе, и потому чудился в этой обычной тряске какой-то злой умысел.

— Что это с вами, Дон? — спросил Андрей наконец. — Зубы болят?

Дональд коротко дернул плечом и ничего не ответил.

— Правда, вы какой-то сам не свой последние дни. Я же вижу. Может быть, я вас обидел как-нибудь нечаянно?

— Бросьте, Андрей, — проговорил Дональд сквозь зубы. — При чем здесь вы?

И опять Андрею почудилось в этих словах какое-то недоброжелательство и даже что-то обидное, оскорбительное: где уж тебе, сопляку, меня, профессора, обидеть?.. Но тут Дональд заговорил снова:

— Я ведь не зря сказал вам, что вы счастливый. Вам и в самом деле можно только позавидовать. Все это идет как-то мимо вас. Или сквозь вас. А по мне это идет как паровой каток. Ни одной целой кости не осталось.

— О чем вы? Ничего не понимаю.

Дональд молчал, искривив губы. Андрей посмотрел на него, невидящими глазами поглядел вперед на дорогу, снова покосился на Дональда, почесал себе макушку и расстроено сказал:

— Честное слово, ничего не понимаю. Так вроде все хорошо идет...

— Потому я вам и завидую, — жестко сказал Дональд. — И хватит об этом. Не обращайтесь внимания.

— То есть как не обращать внимания? — сказал Андрей, совсем расстроившись. — Как это я могу не обращать внимания? Мы здесь все вместе... вы, я, ребята... Конечно, дружба — это большое слово, слишком большое... ну, просто товарищи... Я бы, например, рассказал, если что... Ведь никто же не откажется помочь! Ну, сами скажите: если бы со мной что-нибудь случилось и я бы попросил у вас помощи, вы бы мне отказали? Ведь не отказали бы, верно?

Правая рука Дональда оторвалась от рычага и легонько потрепала Андрея по плечу. Андрей замолчал. Его переполняли чувства. Снова все было хорошо, все было в порядке. Дональд был в порядке. Просто обычная хандра. Может же быть у человека хандра? Просто у него самолюбие взвырало. Все-таки как-никак профессор социологии, а тут баки с мусором, а до этого он был грузчиком на складе. Конечно, ему это неприятно и обидно, тем более что никому об этих обидах не расскажешь — никто его сюда не гнал, и жаловаться неудобно... Это только сказать просто: выполняй хорошо любое дело, на которое тебя поставили... Ну и ладно. И хватит об этом. Сам справится.

А грузовичок уже катился по диабазу, скользкому от осевшего тумана, и здания по сторонам стали ниже, дряхлее, и цепочки фонарей, протянувшиеся вдоль улицы, стали тусклее и реже. Цепочки эти впереди сходились в туманное расплывчатое пятно, на мостовой и на тротуарах не было ни души, даже дворники почему-то не попадались, только на углу Семнадцатого переуллка, перед приземистой неуклюжей гостиницей, известной более под названием «Клопный вольер», стояла телега с понурой лошадей, и в

телеге кто-то спал, закутавшись с головой в брезент. Было четыре часа ночи — время самого крепкого сна, и ни одно окно не светилось в черных этажах.

Впереди слева из подворотни высунулся грузовик. Дональд помигал ему фарами, промчался мимо, а грузовик, такой же мусорщик, вывернув на дорогу, попытался их перегнать, но не на таковских напал, где ему было тягаться с Дональдом, — так, посветил фарами через заднее окно и отстал безнадежно. Еще одного мусорщика они обогнали в Горелых кварталах, и вовремя, потому что сразу за Горелыми кварталами начался булыжник, и Дональду пришлось-таки снизить скорость, чтобы старикашка невзначай не развалился.

Здесь стали попадаться встречные машины, уже пустые, — они шли со свалки и больше никуда не торопились. Потом от фонаря впереди отделилась неясная фигура, вышла на мостовую, и Андрей, сунув руку под сиденье, вытащил было тяжелую монтировку, но оказалось, что это полицейский, который попросил подбросить его до Капустного переулка. Ни Андрей, ни Дональд не знали, где это, и тогда полицейский, здоровенный мордастый дядька со светлыми лохмами, беспорядочно торчащими из-под форменной фуражки, сказал, что покажет.

Он встал на подножку рядом с Андреем и, держась за раму, всю дорогу недовольно крутил носом, словно бог весть что унюхал, хотя от самого от него так и шибало застаревшим потом, и Андрей вспомнил, что эта часть Города уже отключена от водопровода.

Некоторое время ехали молча, полицейский насвистывал из оперетки, а потом ни с того ни с сего сообщил, что на углу Капустного и Второй Лево́й нынче в полночь кокнули какого-то беднягу, все золотые зубы повывергивали.

— Плохо работаете, — зло сказал ему Андрей.

Такие случаи выводили его из себя, а тон у полицейского был такой, что так и надавал бы ему по шее: сразу видно было, что ему совершенно безразличны и убийство, и убитый, и убийцы.

Полицейский озадаченно повернул широкую ряшку и спросил:

— Ты, что ли, меня учить будешь, как работать?

— Может быть, и я, — сказал Андрей.

Полицейский нехорошо прищурился, посвистел и сказал:

— Учителей-то, учителей!.. Куда ни харкни — везде учитель. Стоит и учит. Мусор уже возит, а все учит.

— Я тебя не учу... — начал было Андрей, повысив голос, но полицейский говорить ему не дал.

— Вот вернусь сейчас в участок, — спокойно сообщил он, — и позвоню к тебе в гараж, что у тебя подфарник правый не горит. Подфарник у него, понимаешь, не горит, а туда же — учит полицию, как работать. Молокосос.

Дональд вдруг рассмеялся сухим скрипучим смехом. Полицейский тоже ржанул и сказал совсем уже миролюбиво:

— Я один на сорок домов, понял? И оружие запретили носить. Чего же ты от нас хочешь? Тебя скоро дома резать начнут, не то что в переулках.

— Так а чего же вы? — ошеломленно сказал Андрей. — Протестовали бы, требовали бы...

— «Протестовали», — повторил полицейский язвительно. — «Требовали»... Новичок, что ли? Эй, шеф, — позвал он Дональда. — Притормози-ка. Мне здесь.

Он спрыгнул с подножки и вразвалку, не оглядываясь, направился в темную щель между покосившимися деревянными домами, где в отдалении горел одинокий фонарь, а под фонарем стояла кучка людей.

— Да что они, ей-богу, сдурели, что ли? — возмущенно сказал Андрей, когда машина снова тронулась. — Как это так — в городе полно шпаны, а полиция без оружия! Не может этого быть. У Кэнси же кобура на боку, что он в ней — сигареты носит?

— Бутерброды, — сказал Дональд.

— Ничего не понимаю, — сказал Андрей.

— Было разъяснение, — сказал Дональд. — «В связи с участвовавшими случаями нападения гангстеров на полицейских с целью захвата оружия»... и так далее.

Некоторое время Андрей размышлял, изо всех сил упираясь ногами, чтобы не подбрасывало над сиденьем. Бульжник практически уже кончился.

— По-моему, это ужасно глупо, — сказал он наконец. — А по-вашему?

— И по-моему тоже, — отозвался Дональд, неловко закуривая одной рукой.

— И вы об этом так спокойно говорите?

— Я свое уже отбеспокоился, — сказал Дональд. — Это очень старое разъяснение, вас еще здесь не было.

Андрей почесал макушку, наморщился. Черт его знает, может, и был какой-то смысл в этом разъяснении? В конце концов, полицейский-одиночка действительно соблазнительная приманка для этих гадов. Если уж изымать оружие, то изымать надо, конечно, у всех. И конечно, дело не в этом дурацком разъяснении, а в том, что полиции мало и облав мало, а надо было бы устроить одну хорошенькую облаву и вымести всю эту нечисть одним махом. Население привлечь. Я бы, например, пожалуйста, пошел... Дональд бы, конечно, пошел... Надо будет написать мэру. Потом мысли его приняли вдруг новое направление.

— Слушайте, Дон, — сказал он. — Вот вы социолог. Я, конечно, считаю, что социология — это никакая не наука... я вам уже говорил... и вообще не метод. Но вы, конечно, много знаете, гораздо больше меня. Вот вы мне объясните: откуда в нашем Городе вся эта дрянь? Как они сюда попали — убийцы, насильники, ворье... Неужели Наставники не понимали, кого сюда приглашают?

— Понимали, наверное, — равнодушно ответил Дональд, с ходу проскакивая страховидную яму, наполненную черной водой.

— Так зачем же тогда?..

— Вором не рождаются. Вором становятся. А потом, как известно: «Откуда нам знать, что нужно Эксперименту? Эксперимент есть Эксперимент...» — Дональд помолчал, потом добавил необычайно ядовито: — Футбол есть футбол, мяч круглый, поле квадратное, пусть победит достойнейший...

Фонари кончились, жилая часть города осталась позади. Теперь по сторонам разбитой дороги тянулись заброшенные развалины — остатки нелепых колоннад, просевшие в скверные фундаменты, подпертые балками стены с зияющими дырами вместо окон, бурьян, штабеля гниющих бревен, заросли крапивы и колючек, чахлые, полузадушенные лианами деревца среди нагромождений почерневшего кирпича. А потом впереди опять возникло туманное сияние, Дональд свернул вправо, осторожно разминувшись со встречным пустым грузовиком, пробуксовал в глубоких колеях, забитых грязью, и наконец затормозил вплотную к красным огонькам последнего в очереди мусорщика. Он заглушил двигатель и посмотрел на часы. Андрей тоже посмотрел на часы. Было около половины пятого.

— Часок простоим, — бодро сказал Андрей. — Пошли посмотрим, кто там впереди.

Сзади подошла и остановилась еще одна машина.

— Идите один, — сказал Дональд, откинулся на спинку сиденья и сдвинул поля шляпы на лицо.

Тогда Андрей тоже откинулся на спинку, поправил под собой пружину и закурил. Впереди полным ходом шла разгрузка — лязгали крышки баков, высокий голос учетчика кричал: «...восемь... десять...», на столбе покачивалась тысячесвечовая лампа под плоской жестяной тарелкой. Потом вдруг заорали сразу в несколько глоток: «Куда, куда, мать твою?.. Сдай назад! Сам ты жопа слепая!.. По зубам захотел?..» Справа и слева громоздились горы мусора, слежавшегося в плотную массу, ночной ветерок наносил ужасную тухлятину.

Знакомый голос вдруг сказал над ухом:

— Здорово, говновозы! Как идет великий Эксперимент?

Это был Изя Кацман, в натуральную величину, — встрепанный, толстый, неопрятный и, как всегда, неприятно жизнерадостный.

— Слыхали? Есть проект окончательного решения проблемы преступности. Полиция упраздняется! Вместо нее будут по ночам выпускать на улицы сумасшедших. Бандитам и хулиганам конец — теперь только сумасшедший решится ночью выйти из дома!

— Неостроумно, — сказал Андрей сухо.

— Неостроумно? — Изя встал на подножку и просунул голову в кабину. — Наоборот! Чрезвычайно остроумно! Никаких же дополнительных расходов. Водворение сумасшедших на место постоянного жительства по утрам возлагается на дворников...

— За что дворникам выдается дополнительный паек в размере литра водки, — подхватил Андрей, чем и привел Изю в необъяснимый восторг: Изя принялся хихикать, издавая странные горловые звуки, брызгать и мыть ладони воздухом.

Дональд вдруг глухо выругался, распахнул свою дверцу, спрыгнул и исчез в темноте. Изя тут же перестал хихикать и обеспокоенно спросил:

— Что это с ним?

— Не знаю, — мрачно сказал Андрей. — Наверное, его от тебя затошнило... А вообще-то он уже несколько дней такой.

— Правда? — Изя поверх кабины глядел в ту сторону, куда ушел Дональд. — Жалко. Он хороший человек. Только очень уж неприспособленный.

— А кто приспособленный?

— Я приспособленный. Ты приспособленный. Ван приспособленный... Дональд давеча все возмущался: почему, чтобы свалить мусор, надо стоять в очереди? На кой хрен здесь учетчик? Что он учитывает?

— Ну и правильно возмущался, — сказал Андрей. — Действительно же, кретинизм какой-то.

— Но ведь ты же не нервничаешь по этому поводу, — возразил Изя. — Ты прекрасно понимаешь, что учетчик — человек подневольный. Поставили его учитывать, вот он и учитывает. А поскольку он учитывать не успеваешь, образуется, сами понимаете, очередь. А очередь — она и есть очередь... — Изя снова забулькал и забрызгал. — Конечно, на месте начальства Дональд проложил бы здесь хорошую дорогу со съездами для сброса мусора, а учетчика, здорового бугая, отправил бы в полицию ловить бандитов. Или на передовую, к фермерам...

— Ну, — сказал Андрей нетерпеливо.

— Что — ну? Дональд ведь не начальство!

— Ну, а начальство почему так не делает?

— А зачем ему? — радостно вскричал Изя. — Сам подумай! Мусор вывозится? Вывозится! Вывоз учитывается? Учитывается! Систематически? Систематически. Месяц окончится, будет представлен отчет: вывезено на столько-то баков говна больше, чем в прошлом месяце. Министр доволен, мэр доволен, все довольны, а что Дональд недоволен, так его сюда никто не гнал — доброволец!..

Грузовик впереди выбросил клуб сизого дыма и проехал вперед метров на пятнадцать. Андрей торопливо пересел за руль, выглянул. Дональда нигде не было видно. Тогда он с опаской включил двигатель и кое-как продвинулся на те же пятнадцать метров, трижды заглохнув по дороге. Изя при этом шел рядом, испуганно шарахаясь каждый раз, когда машина принималась дергаться. Потом он принялся рассказывать что-то про Библию, но Андрей слушал плохо — он был весь мокрый от пережитого напряжения.

Под яркой лампой по-прежнему лязгали баки и стоял мат. В крышу кабины что-то ударило и отскочило, но Андрей не обратил на это внимания. Сзади подошел со своим

напарником, гаитянским негром, здоровенный Оскар Хайдеман, попросил закурить. Негр, по имени Сильва, почти невидимый в темноте, скалил белые зубы.

Изя пустился с ними в разговоры, причем Сильву он называл почему-то тонтон-макутом, а Оскара расспрашивал о каком-то Туре Хейердале. Сильва строил страшные рожи, изображал пальцами очки, делал вид, что строчит из автомата, Изя хватался за живот и делал вид, что сражен на месте, — Андрей ничего не понимал, и Оскар, по видимому, тоже: очень скоро выяснилось, что он путает Гаити с Таити.

По крыше снова что-то прокатилось, и вдруг здоровенный ком слипшегося мусора ударился в капот и разлетелся в клочья.

— Эй! — крикнул Оскар в темноту. — Прекратите!

Впереди вновь заорали в двадцать глоток, плотность брани достигла вдруг немыслимого предела. Что-то происходило. Изя жалобно ойкнул и, схватившись за живот, согнулся пополам — теперь уже не в шутку. Андрей открыл дверцу, высунулся было наружу, и сейчас же в голову ему ударила пустая консервная банка — не больно, но очень оскорбительно. Сильва пригнулся и скользнул в темноту. Андрей, прикрывая голову и лицо, озирался.

Ничего не было видно. Из-за куч мусора слева градом сыпались ржавые банки, куски гнилого дерева, старые кости, даже обломки кирпичей. Послышался звон разбиваемого стекла. Дикий возмущенный рев взлетел над колонной. «Какая сволочь там развлекается?!» — ревели чуть ли не хором. Зарычали включенные двигатели, вспыхнули фары. Некоторые грузовики принялись судорожно елозить взад-вперед: видимо, водители пытались развернуть их так, чтобы осветить мусорные хребты, откуда летели уже целые кирпичи и пустые бутылки. Еще несколько человек, пригнувшись как Сильва, ринулись в темноту.

Мельком Андрей заметил, что Изя с искривленным плачущим лицом скорчился возле заднего ската и ощупывает живот. Тогда Андрей нырнул в кабину, выхватил из-под сиденья монтировку и снова выскочил наружу. По башкам сволочей, по башкам! Видно было, как с десяток мусорщиков на четвереньках, цепляясь руками, остервенело карабкаются по склону. Кому-то из водителей удалось-таки поставить машину поперек, и свет фар озарил неровный гребень, ошетиленный обломками старой мебели, взлохмаченный тряпьем и обрывками бумаги, сверкающий битым стеклом, и над гребнем — высоко задранный ковш экскаватора на фоне черного неба. И что-то там шевелилось на ковше, что-то большое, серое с серебристым отливом. Андрей замер, вглядываясь, и в ту же минуту отчаянный вопль перекрыл всю разноголосицу:

— Это дьяволы! Дьяволы! Спасайтесь!..

И сейчас же со склона кубарем, на карачках, через голову, поднимая столбы пыли, в вихре рваного тряпья и бумажных лохмотьев посыпались люди, — обезумевшие глаза, разинутые рты, размахивающие руки. Кто-то, обхватив руками голову, спрятав голову между сжатыми локтями, продолжая панически визжать, пронесся мимо Андрея, поскользнулся в колее, упал, снова вскочил и изо всех сил побежал дальше, по направлению к городу. Кто-то, хрипло дыша, втиснулся между радиатором Андреева грузовика и кузовом передней машины, застрял там, зацепился, принялся рваться и тоже заорал не своим голосом. Стало вдруг тише, только ворчали двигатели, и тут хлестко, словно удары бича, звонко защелкали выстрелы. И Андрей увидел — на гребне, в голубоватом свете фар — высокого тощего человека, который стоял спиной к машинам, держа пистолет в обеих руках, и раз за разом палил куда-то в темноту за гребень.

Он выстрелил пять или шесть раз в полной тишине, а потом из темноты возник тысячеголосый нечеловеческий вой, злобный, мяукающий и тоскливый, как будто двадцать тысяч мартовских котов заорали одновременно в мегафоны, и тощий человек попятился, оступился, нелепо взмахнул руками и съехал на спине по склону. Андрей тоже попятился в предчувствии чего-то невыносимо страшного, и он увидел, как гребень вдруг зашевелился.

Серебристо-серые, невероятные, чудовищно уродливые призраки закишели вдруг там, засверкали тысячами кроваво светящихся глаз, заблестели миллионами яростно оскаленных влажных клыков, замахали лесом невообразимо длинных мохнатых лап. Пыль густой стеной взлетела над ними в свете фар, и сплошной ливень обломков, камней, бутылок, комков дряни обрушился на колонну.

Андрей не выдержал. Он нырнул в кабину, вжался в самый дальний угол и выставил перед собой монтировку, обмирая, как в кошмаре. Он абсолютно ничего не соображал, и когда какое-то темное тело заслонило открытую дверь, он заорал, не слыша собственного голоса, и принялся тыкать железом в мягкое, страшное, сопротивляющееся, лезущее на него, и тыкал до тех пор, пока жалобный вопль Изю: «Идиот, это же я!» не привел его в чувство. И тогда Изю влез в кабину, захлопнул за собой дверь и неожиданно спокойным голосом объявил:

— Ты знаешь, что это такое? Это обезьяны. Вот суки!

Сначала Андрей не понял его, потом понял, но не поверил.

— Ну да? — сказал он, вылез на подножку и выглянул из-за кабины.

Точно: это были обезьяны. Очень крупные, очень волосатые, очень свирепые на вид, но не дьяволы и не привидения, а всего лишь обезьяны. Андрея обдало жаром от стыда и облегчения, и в ту же секунду что-то тяжелое и твердое ахнуло его прямо по уху, да так, что другим ухом он ахнулся о крышу кабины.

— Все по машинам! — взревел где-то впереди властный голос. — Прекратить панику! Это павианы! Ничего страшного! По машинам и задний ход!..

В колонне стоял ад кромешный. Стреляли глушители, вспыхивали и гасли фары, двигатели ревели вразнос, сизый дым клубами поднимался к беззвездному небу. Из тьмы вдруг вынырнуло какое-то залитое черным и блестящим лицо, чьи-то руки схватили Андрея за плечи, встряхнули, как щенка, сунули боком в кабину, и тут же передний грузовик сдал назад и с хрустом врезался в радиатор, а грузовик сзади дернулся вперед и ударил в кузов, как в бубен, так, что там загрелись потревоженные баки, а Изю дергал за плечо и приставал: «Ты машину водить умеешь или нет? Андрей! Умеешь?», а из сизого дыма кто-то вопил истошно: «Убили! Спасите!», а властный голос все ревел: «Прекратить панику! Задняя машина, задний ход! Живо!», а сверху, справа, слева градом сыпалось твердое, лязгало по капоту, гремело по бакам, со звоном било в стекла, и непрерывно ныли и гундели сигналы, и все нарастал и нарастал гнусный мяукающий вой.

Изю вдруг сказал: «Ну, я пошел...» и, заранее прикрывая руками голову, вылез наружу. Он чуть не попал под машину, промчавшуюся по направлению к городу, — среди подпрыгивающих баков промелькнуло перекошенное лицо учетчика. Потом Изю исчез, и появился Дональд — без шляпы, ободранный, весь в грязи, — швырнул на сиденье пистолет, сел за руль, включил двигатель и, высунувшись из кабины, дал задний ход.

Видимо, какой-то порядок все-таки установился: панические вопли утихли, моторы ревели слаженно, и вся колонна понемногу пятилась назад. Даже каменно-бутылочный град, казалось, несколько поутих. Павианы прыгали и расхаживали по мусорному гребню, но вниз не спускались — только орали там, разевая собачьи пасти, и издевательски поворачивали к колонне лоснящиеся в свете фар ягодицы.

Грузовик катился все быстрее, снова пробуксовал в грязевой яме, выскочил на шоссе, развернулся. Дональд со скрежетанием переключил скорость, дал газ и, захлопнув дверцу, откинулся на сиденье. Впереди прыгали во мраке красные огоньки удирающих во весь дух машин.

Оторвались, с облегчением подумал Андрей и осторожно ощупал ухо. Ухо распухло и пульсировало. Надо же — павианы! Павианы-то откуда? Да такие здоровенные... да в таких количествах!.. Сроду у нас тут не было никаких павианов... если не считать, конечно, Изю Кацмана. И почему именно павианы? Почему не тигры?.. Он поерзал на сиденье, и в это время грузовик трянуло. Андрей подлетел и с размаху опустил на что-то твердое, незнакомое. Он сунул руку под зад и вытащил пистолет. Секунду он смотрел

на него, не понимая. Пистолет был черный, небольшой, с коротким стволом и рифленой рукоятью. Потом Дональд вдруг сказал:

— Осторожнее. Дайте сюда.

Андрей отдал пистолет и некоторое время смотрел, как Дональд, изогнувшись, засовывает оружие в задний карман комбинезона. Его вдруг прошиб пот.

— Так это вы там... палили? — спросил он сипло.

Дональд не ответил. Он мигал единственной уцелевшей фарой, обгоняя очередной грузовик. Через перекресток, перед самым радиатором, пронеслись, изогнув хвосты, несколько павианов, но Андрею было уже не до них.

— Откуда у вас оружие, Дон?

Дональд опять не ответил, только сделал странный жест рукой — попытался надвинуть на глаза несуществующую шляпу.

— Вот что, Дон, — сказал тогда Андрей решительно. — Мы сейчас же едем в мэрию, вы сдадите пистолет и объясните, как он к вам попал.

— Бросьте чепуху молоть, — отозвался Дональд, сморщившись. — Дайте лучше сигарету.

Андрей машинально достал пачку.

— Это не чепуха, — сказал он. — Я не хочу ничего знать. Вы молчали — ладно, это ваше личное дело. И вообще я вам доверяю... Но в городе только у бандитов есть оружие. Я ничего такого не хочу сказать, но в общем я вас не понимаю... в общем, оружие надо сдать и все объяснить. И нечего делать вид, будто все это чепуха. Я же вижу, какой вы последнее время. Лучше пойти и сразу все рассказать.

Дональд на секунду повернул голову и посмотрел Андрею в лицо. Непонятно, что у него было в глазах — то ли насмешка, то ли страдание, — но он показался Андрею очень старым в этот момент, совсем дряхлым и каким-то загнанным. Андрей ощутил смущение и растерянность, но тут же взял себя в руки и твердо повторил:

— Сдать и все рассказать. Все!

— Вы понимаете, что обезьяны идут на город? — спросил Дональд.

— Ну и что? — растерялся Андрей.

— Действительно — ну и что? — сказал Дональд и неприятно рассмеялся.

Глава вторая

Обезьяны уже были в городе. Они носились по карнизам, гроздьями висели на фонарных столбах, жуткими косматыми толпами плясали на перекрестках, липли к окнам, швырялись булыжниками, вывороченными из мостовой, гонялись за обезумевшими людьми, которые в одном белье выскочили на улицу.

Несколько раз Дональд останавливал машину, чтобы взять в кузов беженцев. Баки давно выкинули вон. Одно время перед грузовиком мчалась галопом осатаневшая лошадь, запряженная в телегу, а в телеге этой уже никто не спал, укутавшись в брезент, — там приседал и раскачивался, размахивал длинными волосатыми ручищами и пронзительно вопил здоровенный серебристый павиан. Андрей видел, как телега с треском врезалась в фонарный столб, лошадь с оборванными постромками понеслась дальше, а павиан лихо перелетел на ближайшую водосточную трубу и исчез на крыше.

На площади перед мэрией кипела паника. Подъезжали и отъезжали автомобили, бегали полицейские, бродили потерянные люди в исподнем, у подъезда какого-то чиновника прижали к стене, требовательно кричали на него, а он отпихивался тростью и отмахивался портфелем.

— Бардак, — сказал Дональд и выпрыгнул из машины.

Они вбежали в здание и сразу же потеряли друг друга в непроторенной толпе людей в штатском, людей в полицейской форме и людей в нижнем белье. Стоял многоголосый гомон, от табачного дыма ело глаза.

- Поймите! Не могу же я вот так — в одних подштанниках!
- ...Немедленно открыть арсенал и раздать оружие... Черт вас побери, ну хотя бы полицейским раздать оружие!..
- Где шеф полиции? Только что здесь крутился...
- У меня жена там осталась, вы можете это понять? И теща-старуха!
- Слушайте, да ничего страшного. Обезьяны — они и есть обезьяны...
- Представляешь, просыпаюсь я, а на подоконнике кто-то сидит...
- А шеф полиции где? Дрыхнет, толстая задница?
- Был у нас в переулке один фонарь. Повалили.
- Ковалевский! В двенадцатую комнату, быстро!
- Однако согласитесь, что в одних подштанниках...
- Кто умеет водить машину? Шофера! Все на площадь, к рекламной тумбе!
- Да где, черт побери, шеф полиции? Сбежал, что ли, сучара?
- Значит, так. Бери ребят — и в литейные мастерские. Там возьмешь эти... ну, штыри такие, для парковой ограды... Все бери, все! И сразу сюда...
- Как я гвоздану по этой волосатой морде, — даже руку отшиб, ей-богу... А он орет: «Господи! Что ты делаешь? Это же я — Фредди!..» Тьфу ты, пропасть...
- А духовые ружья годятся?
- В семьдесят второй квартал — три машины! В семьдесят третий квартал — пять машин...

— Извольте распорядиться, чтобы им выдали обмундирование второго срока. Только под расписку, чтобы потом вернули!

— Слушайте, у них хвосты есть? Или мне показалось?..

Андрея толкали, тискали, прижимали к стенам коридора, оттоптали все ноги, и он сам толкался, протискивался, отпихивал. Сначала он искал Дональда, чтобы в качестве свидетеля защиты присутствовать при покаянии и сдаче оружия, потом до него дошло, что нашествие павианов — дело, видимо, очень серьезное, раз поднялась такая кутерьма, и он немедленно пожалел, что грузовики водить не умеет, где находятся литейные мастерские с таинственными штырями — не знает, обеспечить кого-нибудь обмундированием второго срока — не может, и получается, что он тут как бы никому и не нужен. Он попытался, по крайней мере, сообщить о том, что видел своими глазами — может быть, эти сведения окажутся полезными, — но одни его не слушали вовсе, а другие, стоило ему начать, перебивали и принимались рассказывать сами.

С горечью он убедился, что знакомых лиц в этом круговороте мундиров и подштанников не было, мелькнул только черный Сильва с головой, обмотанной кровавой тряпкой, да тут же и исчез, — а между тем что-то явно предпринималось, кто-то кого-то организовывал и куда-то посылал, голоса становились все громче, тон их становился все увереннее, подштанники стали понемногу исчезать, а мундиров стало, наоборот, заметно больше, на какое-то мгновение Андрею даже почудился мерный грохот сапог и строевая песня, но оказалось, что это просто уронили переносимый сейф, и он скатился, грохоча, по ступенькам и застрял в дверях продовольственного отдела...

Тут Андрей увидел знакомое лицо — чиновника, бывшего сослуживца по бухгалтерии Палаты Мер и Весов. Андрей, распахивая встречных, догнал его, прижал к стене и единым духом выложил, что вот он, Андрей Воронин, — помните, мы вместе работали? — ныне грузчик-ассенизатор, никого найти не могу, направьте меня куда-нибудь в дело, ведь наверняка же нужны люди... Чиновник некоторое время слушал, очумело моргая и делая слабые конвульсивные попытки вырваться, а потом вдруг оттолкнул Андрея, заорал: «Куда я вас направляю? Вы что, не видите — я бумаги несу на подпись!» и почти убежал по коридору.

Андрей сделал еще несколько попыток принять участие в организованных действиях, но все от него отказывались и отмахивались, все страшно спешили, не было буквально ни одного человека, который просто спокойно стоял бы на месте и, скажем,

составлял бы списки добровольцев. Тогда Андрей ожесточился и принялся распахивать все двери подряд, надеясь найти хоть какое-нибудь ответственное лицо, которое не бегают, не кричат и не размахивают руками, — из самых общих соображений было ясно, что должен же где-то здесь быть некий штаб, откуда и направляется вся эта кипучая деятельность.

Первая комната оказалась пуста. Во второй — один человек в подштанниках громко кричал в телефонную трубку, а второй, чертыхаясь, натягивал на себя узкий канцелярский халат. Из-под халата выглядывали полицейские бриджи и чиненые-перечиненые полицейские же штиблеты без шнурков. Заглянув в третий кабинет, Андрей получил по глазам чем-то розовым с пуговицами и тотчас же отпрянул, успев заметить только весьма дородные и явно женские телеса. Зато в четвертой комнате оказался Наставник.

Он сидел на подоконнике с ногами, обхватив руками колени, и смотрел в черноту за стеклом, озаряемую летящим светом фар. Когда Андрей вошел, он повернул к нему доброе румяное лицо, как всегда немного вздернул брови и улыбнулся. И увидев эту улыбку, Андрей сразу успокоился. Злость его и ожесточение прошли, и стало ясно, что в конце концов все обязательно образуется, станет на свои места и вообще окончится благополучно.

— Вот, — сказал он, разводя руки и улыбаясь в ответ. — Оказался никому не нужен. Машину водить не умею, где находится гимназиум — не знаю... Суматоха, ничего не понять...

— Да, — сочувственно согласился Наставник. — Ужасная суматоха. — Он спустил ноги с подоконника, засунул под себя ладони и поболтал ногами, как ребенок. — Даже неприлично. Стыдно даже. Серьезные взрослые люди, в большинстве своем опытные... Значит, не хватает организованности! Правильно, Андрей? Значит, какие-то важные вопросы пущены на самотек. Неподготовленность... недостаток дисциплины... Ну и бюрократизм, конечно.

— Да! — сказал Андрей. — Конечно! Я, знаете, что решил? Не буду я больше никого искать, и не буду я ничего выяснять, а возьму какую-нибудь палку и пойду. Присоединюсь к какому-нибудь отряду. А если не примут — сам. Там ведь женщины остались... и дети...

На каждое его слово Наставник коротко кивал, он больше не улыбался, лицо у него теперь было серьезное и сочувственное.

— Вот только одно... — сказал Андрей, сморщившись. — Как с Дональдом?

— С Дональдом? — переспросил Наставник, приподнимая брови. — Ах, с Дональдом Купером? — Он засмеялся. — Вы, конечно, решили, что Дональд Купер уже арестован и покаялся в своих преступлениях... Ничего подобного. Дональд Купер как раз сейчас организует отряд добровольцев для отражения этого бесстыдного нашествия, и, конечно, никакой он не гангстер и никаких преступлений не совершал, а пистолет выменял на черном рынке за старинные часы с репетиром. Что делать? Он всю жизнь проходил с оружием в кармане — привык!

— Ну, конечно! — сказал Андрей, чувствуя огромное облегчение. — Ясно же! Я ведь и сам не верил, просто я считал, что... Ладно! — Он повернулся, чтобы идти, но остановился. — Скажите... если не секрет, конечно... Скажите, зачем все это? Обезьяны! Откуда они? Что они должны доказать?

Наставник вздохнул и слез с подоконника.

— Вы опять задаете мне вопросы, Андрей, на которые...

— Нет! Я все понимаю! — проникновенно сказал Андрей, прижимая руку к груди. — Я только...

— Подождите. Вы опять задаете мне вопросы, на которые я просто не умею ответить. Поймите вы это, наконец: НЕ УМЕЮ!.. Эрозия построек, помните? Превращение воды в желчь... Впрочем, это было еще до вас... Теперь вот — павианы... Помните, вы все у меня допытывались, как это так: люди разных национальностей, а

говорят все на одном языке и даже не подозревают этого. Помните, как это вас поражало, как вы недоумевали, пугались даже, как доказывали Кэнси, что он говорит по-русски, а Кэнси доказывал вам, что это вы сами говорите по-японски, помните? А теперь вот вы привыкли, теперь эти вопросы вам и в голову не приходят. Одно из условий Эксперимента. Эксперимент есть Эксперимент, что здесь еще можно сказать? — Он улыбнулся. — Ну, идите, идите, Андрей. Ваше место — там. Действие прежде всего. Каждый на своем месте, и каждый — все, что может!

И Андрей вышел, и даже не вышел, а выскочил в коридор, теперь уже совсем опустевший, и скатился по парадной лестнице на площадь, и сразу же увидел деловитую, несуетливую толпу вокруг грузовика под фонарем, и не колеблясь вмешался в эту толпу, протолкался вперед, ему сунули в руки тяжелое металлическое копье, и он почувствовал себя вооруженным, сильным и готовым к решительному бою.

Неподалеку кто-то — очень знакомый голос! — зычно командовал строиться в колонну по три, и Андрей, держа копье на плече, побежал туда и нашел себе место между грузным латиноамериканцем в подтяжках поверх ночной сорочки и тощим белобрысым интеллигентом в помятом костюме, который страшно нервничал — то и дело снимал свои очки, дышал на стекла, протирал носовым платочком и снова водружал на нос, поправляя двумя пальцами.

Отряд был невелик, всего человек тридцать. А командовал, оказывается, Фриц Гейгер, что было, с одной стороны, достаточно обидно, но, с другой стороны, нельзя было не признать, что в данной ситуации Фриц Гейгер, хотя и является бывшим фашистским недобитком, но оказался как-никак на своем, так сказать, месте.

Как и полагается бывшему унтер-офицеру вермахта, в выражениях он не стеснялся, и слушать его было довольно противно. «Па-а-др-равняйсь! — орал он на всю площадь, словно командовал полком на строевых учениях. — Эй, вы, там, в шлепанцах! Да, вы! Подберите брюхо!.. А вы что там раскорячились, как корова после случки? Вас не касается? Пики — к ноге!.. Не на плечо, а к ноге, я сказал, — вы, баба в подтяжках! Смир-р-рна! За мной, шагом... Ат-ставить! Шагом... арш!» Кое-как двинулись. Андрею сразу же наступили сзади на ногу, он споткнулся, толкнул плечом интеллигента, и тот, конечно, выронил в очередной раз протираемые очки. «Кар-р-рова!» — сказал ему Андрей, не сдержавшись. «Осторожнее! — завопил интеллигент высоким голосом. — Ради бога!..» Андрей помог ему найти очки, а когда Фриц налетел на них, захлебываясь от ярости, Андрей послал его к чертовой матери.

Вдвоем с интеллигентом, не перестававшим благодарить и спотыкаться, они догнали колонну, прошли еще метров двадцать и получили приказ «по машинам». Машина, впрочем, была всего одна — мощный спецгрузовик для перевозки цементного раствора. Когда погрузились, выяснилось, что под ногами чавкает и хлюпает. Человек в шлепанцах грузно перелез обратно через борт и объявил высоким голосом, что на ЭТОЙ машине лично он никуда не поедет. Фриц приказал ему вернуться в кузов. Человек еще более высоким голосом возразил, что он в шлепанцах и у него промокли ноги. Фриц помянул супоросую свинью. Человек в промокших шлепанцах, несколько не испугавшись, возразил, что ОН-то как раз не свинья, что свинья, возможно, и согласилась бы ехать в этой грязи, — он приносит глубокие извинения всем, согласившимся ехать в этом свинарнике, но... Тут из кузова вылез вдруг латиноамериканец, презрительно сплюнул Фрицу под ноги и, сунув большие пальцы под подтяжки, неторопливо зашагал прочь.

Наблюдая все это, Андрей испытывал определенное злорадство. Не то чтобы он одобрял поведение человека в шлепанцах и тем более поступок мексиканца — несомненно, оба они поступили не по-товарищески и вообще вели себя как обыватели, — но было крайне любопытно посмотреть, что теперь будет делать наш унтер и как он вывернется из создавшейся ситуации.

Андрей был вынужден признать, что унтер вывернулся без каких-либо потерь. Не говоря ни слова, Фриц повернулся на каблуке, вскочил на подножку рядом с шофером и скомандовал: «Поехали!» Грузовик тронулся, и в ту же минуту включили солнце.

С трудом удерживаясь на ногах, поминутно хватаясь за соседей, Андрей, вывернув шею, наблюдал, как на своем обычном месте медленно разгорается малиновый диск. Сначала диск дрожал, словно пульсируя, становясь все ярче и ярче, наливался оранжевым, желтым, белым, потом он на мгновение погас и сейчас же вспыхнул во всю силу, так что смотреть на него стало невозможно.

Начался новый день. Непроглядно-черное беззвездное небо сделалось мутно-голубым, знойным, пахнуло жарким, как из пустыни, ветром, и Город возник вокруг как бы из ничего — яркий, пестрый, исполосованный синеватыми тенями, огромный, широкий... Этажи громоздились над этажами, здания громоздились над зданиями, и ни одно здание не было похоже на другое, и стала видна раскаленная Желтая Стена, уходящая в небо справа, а слева, в просветах над крышами, возникла голубая пустота, как будто там было море, и сразу же захотелось пить. Многие по привычке сейчас же посмотрели на часы. Было ровно восемь.

Ехали недолго. Видимо, обезьяны полчища еще не добрались сюда — улицы были тихи и пустынные, как всегда в этот ранний час. Кое-где в домах распахивались окна, заспанные люди сонно потягивались, равнодушно поглядывая на грузовик. Женщины в чепчиках вывешивали на подоконники матрасы, на одном из балконов усердно занимался зарядкой жилистый старик с развевающейся бородой и в полосатых трусах. Сюда паника еще не докатилась, но ближе к Шестнадцатому кварталу стали попадаться первые беженцы, встрепанные, не столько испуганные, сколько злые, некоторые с узлами за спиной. Эти люди, увидев грузовик, останавливались, махали руками, кричали что-то. Грузовик с ревом повернул на Четвертую Левую, чуть не сбив престарелую пару, катившую перед собой двухколесную тележку с чемоданами, и остановился. Все сразу увидели павианов.

Павианы держались на Четвертой Лево́й как у себя дома — в джунглях или где они там живут. Загнув крючками хвосты, они ленивыми толпами бродили с тротуара на тротуар, весело прыгали по карнизам, раскачивались на фонарях, сосредоточенно искали, забравшись на рекламные тумбы, зычно перекликались, гримасничали, дрались и непринужденно занимались любовью. Шайка серебристых громил разносила продуктовый ларек, двое хвостатых хулиганов приставали к побелевшей от ужаса женщине, обмершей в подъезде, а какая-то мохнатая красotka, расположившись в будке регулировщика, кокетливо показывала Андрею язык. Теплый ветер нес вдоль улицы клубы пыли, перья из перин, листки бумаги, клочья шерсти и уже устоявшиеся запахи зверинца.

Андрей растерянно посмотрел на Фрица. Гейгер, сощурившись, с видом занятого полководца озирал поле предстоящих действий. Шофер выключил двигатель, и наступившая тишина наполнилась дикими, совершенно не городскими звуками — ревом и мявом, низким бархатным курлыканьем, рыганьем, чавканьем, хрюканьем... Тут осажденная женщина вдруг завизжала изо всех сил, и Фриц приступил к делу.

— Выходи! — скомандовал он. — Живо, живо! Развернуться в цепь... В цепь, я сказал, а не в кучу! Вперед! Бейте их, гоните! Чтоб ни одной твари здесь не осталось! Бить по головам и по хребту! Не колоть, а бить! Вперед, живо! Не останавливаться, эй, вы, там!..

Андрей выскочил одним из первых. В цепь он разворачиваться не стал, а, перехватив свой железный дрын поудобнее, устремился прямо на помощь женщине. Хвостатые хулиганы, завидев его, залились дьявольским хохотом и вприпрыжку умчались вверх по улице, издевательски виляя лоснящимися ягодницами. Женщина продолжала визжать, изо всех сил зажмурившись и сжав кулаки, но теперь ей ничего больше не грозило, и Андрей, оставив ее, направился к бандитам, которые грабили ларек.

Это были могучие, выдавшие виды экземпляры, особенно один, с угольно-черным хвостом, — он сидел на бочке, запускал в нее по плечо длинную мохнатую лапу, извлекал соленые огурцы и смачно хрупал ими, время от времени поплеывая на своих дружков, азартно отдиравших фанерную стенку ларька. Заметив приближающегося Андрея, чернохвостый перестал жевать и плотоядно ухмыльнулся. Андрею эта ухмылка крайне не понравилась, но отступить было невозможно. Он взмахнул железным шестом, заорал: «Пшел!» и бросился вперед.

Чернохвостый оскалился еще пуще — клыки у него были, как у кашалота, — лениво соскочил с бочки, отошел на несколько шагов в сторону и принялся выкусывать под мышкой. «Пшел, зараза!» — заорал Андрей еще громче и с размаху ударил железом по бочке. Тогда чернохвостый метнулся в сторону и одним прыжком оказался на карнизе второго этажа. Ободренный трусостью противника, Андрей подскочил к ларьку и грохнул своим ломом по стенке. Стенка дала трещину, приятели чернохвостого прыснули в разные стороны. Поле боя очистилось, Андрей огляделся.

Боевые порядки Фрица распались. Бойцы растерянно бродили по опустевшей улице, заглядывали в подворотни, останавливались и, задрав головы, смотрели на павианов, усеявших карнизы домов. Вдалеке, вращая над головой палкой, пылил по мостовой давешний интеллигент, преследуя какую-то хромую обезьяну, неторопливо трусившую в двух шагах перед ним. Воевать было не с кем, даже Фриц растерялся. Он стоял возле грузовика, хмурился и кусал палец.

Притихшие было павианы, ощутив себя в безопасности, снова принялись обмениваться репликами, чесаться и заниматься любовью. Наиболее наглые спускались пониже, с явной руганью гримасничали и оскорбительно показывали зады. Андрей снова увидел чернохвостого: тот был уже на другой стороне улицы, сидел на фонаре и заливался смехом. К фонарю с угрожающим видом направился маленький чернявый человек, похожий на грека. Он размахнулся и изо всей силы запустил железным штырем в чернохвостого. Раздался звон и дребезг, посыпалось стекло, чернохвостый от неожиданности подскочил на метр, чуть не сорвался, но ловко ухватился хвостом, принял прежнюю позу и вдруг, выгнув спину, обдал грека струей жидкого кала. У Андрея подступило к горлу, и он отвернулся. Поражение было полным, придумать что бы то ни было не представлялось возможным. Тогда Андрей подошел к Фрицу и спросил негромко:

— Ну, что будем делать?

— Хрен его знает, — злобно сказал Фриц. — Огнемет бы сюда...

— Может, кирпичей привезти? — спросил, подойдя, прыщавый парень в комбинезоне. — Я с кирпичного. Машина есть, в полчаса обернемся...

— Нет, — авторитетно произнес Фриц. — Кирпичи не годятся. Все стекла перебьем, а потом они нас этими же кирпичами... Нет. Тут надо бы какую-нибудь пиротехнику... Ракеты, петарды... Эх, фосгену бы десяток баллонов!

— Откуда в городе петарды? — произнес презрительный бас. — А что касается фосгена, то, по-моему, уж лучше павианы...

Вокруг начальства начала собираться толпа. Один чернявый грек остался в стороне — изрыгая нечеловеческие проклятия, он отмывался у водоразборной колонки.

Краем глаза Андрей наблюдал, как чернохвостый и его приятели бочком-бочком снова подбираются к ларьку. Тут и там в окнах домов стали появляться бледные от пережитых страхов и красные от раздражения лица аборигенов, в основном женские. «Ну, чего вы там стали? — сердито кричали из окон. — Прогоните же их, вы, мужчины!.. Смотрите, ларек грабят!.. Мужчины, чего же вы стоите? Эй, ты, белобрысый! Командуй, что ли?.. Что вы стоите как столбы?.. Господи, у меня дети плачут! Сделайте же так, чтобы мы могли выйти!.. Мужчины называется! Обезьян испугались!..» Мужчины угрюмо и пристыженно огрызались. Настроение было подавленное.

— Пожарников! Пожарников надо вызывать! — твердил презрительный бас, предпочитавший павианов фосгену. — С лестницами, с брандспойтами...

— Да бросьте вы, откуда у нас столько пожарников...

— Пожарники — на Главной.

— Может, факелы какие-нибудь запалить? Может, они огня испугаются!

— Черт! Какого дьявола у полицейских отобрали оружие? Пусть раздадут!

— А не двинуть ли нам, ребята, по домам? Я как подумаю, что у меня жена там сейчас одна...

— Это вы бросьте. У всех жены. Эти женщины — тоже чьи-то жены.

— Так-то оно так...

— Может, на крыши взобраться? С крыш их чем-нибудь... того...

— Чем ты их достанешь, балда? Палкой своей, что ли?

— У, гады! — заревел вдруг с ненавистью презрительный бас, разбежался и с натугой метнул свой лом в многострадальный ларек. Фанерную стенку пробило насквозь, шайка чернохвостого глянула с удивлением, помедлила и снова принялась за огурцы и картошку. Женщины в окнах издевательски захохотали.

— Ну что ж, — сказал кто-то рассудительно. — Во всяком случае, мы своим присутствием задерживаем их здесь, стесняем их, так сказать, действия. И то хорошо. Пока мы здесь, они побоятся продвинуться дальше в глубину...

Все принялись озираться и загомонили. Рассудительного быстро заставили замолчать. Во-первых, выяснилось, что павианы продвигаются-таки в глубину, невзирая на присутствие здесь рассудительного. А во-вторых, если бы даже они и не продвигались, то что же он, рассудительный, — собрался ночевать здесь? Жить здесь? Спать здесь? Какать и писать здесь?..

Тут послышалось неторопливое цоканье копыт, тележный скрип, все посмотрели вверх по улице и замолчали. По мостовой неторопливо приближалась пароконная телега. На телеге боком, свесив ноги в грубых кирзовых сапогах, дремал крупный мужчина в выгоревшей гимнастерке русского военного образца и в выгоревших же бриджах хэ-бэ. Склоненная голова мужчины была сплошь покрыта спутанным русым волосом. В огромных коричневых руках он вяло держал вожжи. Лошади — одна гнедая, другая серая в яблоках — переступали лениво и тоже, кажется, дремали на ходу.

— На рынок едет, — сказал кто-то почтительно. — Фермер.

— Да, ребята, фермерам горюшка мало — когда еще до них эта сволочь доберется...

— Между прочим, как представляю я себе павианов на посевах!..

Андрей с любопытством приглядывался. Фермера он видел впервые за все время своего пребывания в Городе, хотя слышал об этих людях немало — были они якобы угрюмы и диковаты, жили далеко в диких местах, вели там суровую борьбу с болотами и джунглями, в город наезжали только для сбыта продуктов своего хозяйства и, в отличие от горожан, никогда не меняли профессии.

Телега медленно приближалась, возница, вздрагивая опущенной головой, время от времени, не просыпаясь, чмокал губами, несильно дергая вожжи, и вдруг обезьяны, настроенные до того довольно миролюбиво, пришли в необычайное злобное возбуждение. То ли их раздражили лошади, то ли им надоело наконец присутствие посторонних толп на их улице, но они вдруг загомонили, заметались, засверкали клыками, а несколько самых решительных вскарабкались по водостокам на крышу и принялись ломать там черепицу.

Один из первых обломков угодил вознице прямо между лопаток. Фермер вздрогнул, выпрямился и широко раскрытыми налитыми глазами обвел окрестности. Первым, кого он заметил, был все тот же очкастый интеллигент, который устало возвращался из своей безрезультатной погони и одиноко маячил позади телеги. Не говоря ни слова, фермер бросил вожжи (лошади сразу остановились), соскочил с телеги и, разворачиваясь на ходу, ринулся было к обидчику, но тут другой кусок черепицы угодил интеллигенту по темечку. Интеллигент охнул, выронил шест и присел на корточки, обхватив руками голову. Фермер озадаченно остановился. Вокруг него на мостовую с треском падали куски черепицы, разлетаясь в оранжевую крошку.

— Отряд, в укрытие! — браво скомандовал Фриц и устремился в ближайшую подворотню. Все кинулись кто куда, врассыпную, Андрей прижался к стене в мертвой зоне и с интересом следил за фермером, который в полном обалдении озирался по сторонам и, по-видимому, ничегошеньки не соображал. Затуманенный взор его скользил по карнизам и водосточным трубам, облепленным беснующимися павианами, он зажмурился и затряс головой, а потом снова широко раскрыл глаза и громко произнес:

— Ядрит твою налево!

— В укрытие! — кричали ему со всех сторон. — Эй, борода! Сюда давай! По кумполу же получишь, обалдуй болотный!..

— Что же это такое? — громко спросил фермер, обращаясь к интеллигенту, ползающему на карачках в поисках очков. — Это кто же такие здесь, вы не скажете?

— Обезьяны, разумеется, — сердито ответил интеллигент. — Неужели вы сами не видите, сударь?

— Ну и порядочки тут у вас, — ошеломленно произнес фермер, только теперь окончательно проснувшись. — И вечно вы тут что-нибудь выдумаете...

Этот сын болот был настроен теперь философски и добродушно. Он убедился, что нанесенная ему обида не может, собственно, считаться таковой, и теперь был просто несколько ошарашен зрелищем мохнатых орд, прыгающих по карнизам и фонарям. Он только укоризненно покачивал головой и скреб в бороде. Но тут интеллигент нашел наконец свои очки, подобрал шест и опрометью кинулся в укрытие, так что фермер остался посреди мостовой один-одинешенек — единственная и достаточно соблазнительная мишень для волосатых снайперов. Крайняя невыгодность такой позиции не замедлила себя обнаружить. Дюжина крупных осколков с треском лопнула у его ног, а обломки помельче забарабанили по патлатой голове и по плечам.

— Да что ж это такое! — взревел фермер. Новый осколок стукнул его в лоб. Фермер замолчал и стремглав бросился к своей телеге.

Это было как раз напротив Андрея, и Андрей подумал сначала, что фермер упадет сейчас боком на телегу, махнет по всем по двум и умчится к себе на болота, подальше от этого опасного места. Но бородач и не думал махать по всем по двум. Бормоча: «З-за-ра-зы, пр-роститутки...», он с лихорадочной поспешностью и очень ловко расщипывал свой воз. Андрею за его широкой спиной не было видно, что он там делает, но женщины в доме напротив все видели — они вдруг разом завизжали, захлопнули окна и скрылись. Андрей глазом моргнуть не успел. Бородач ловко присел на корточки, и над его головой поднялся к крышам толстый, масляно отсвечивающий ствол в дырчатом металлическом кожухе.

— А-атставить! — заорал Фриц, и Андрей увидел, как он громадными прыжками несетя откуда-то справа напрямик к телеге.

— Ну, гады, ну, заразы... — бормотал бородач, совершая какие-то замысловатые и очень сноровистые движения руками, сопровождавшиеся скользкими металлическими щелчками и позвякиваниями. Андрей весь напрягся в предчувствии грохота и огня, и обезьяны на крыше, видимо, тоже что-то почуяли. Они перестали швыряться, присели на хвосты и, беспокойно вертя собачьими головами, принялись трескуче обмениваться какими-то своими соображениями.

Но Фриц был уже рядом с телегой. Он схватил бородача за плечо и повелительно повторил:

— Отставить!

— Подожди! — досадливо бормотал бородач, дергая плечом. — Да подожди, дай я их срежу, сволочь хвостатую...

— Я приказал — отставить! — гаркнул Фриц.

Тогда бородач поднял на него лицо и медленно поднялся.

— Чего такое? — спросил он, с невероятным презрением растягивая слова. Ростом он был с Фрица, но заметно шире его и в плечах, и ниже спины.

— Откуда у вас оружие? — резко спросил Фриц. — Предъявите документы!

— Ах ты сопляк! — с грозным удивлением сказал бородач. — Документы ему! А вот этого не хочешь, вошь белобрыся?

Фриц не обратил внимания на неприличный жест. Продолжая глядеть бородачу прямо в глаза, он гаркнул на всю улицу:

— Румер! Воронин! Фрижа! Ко мне!

Услышав свою фамилию, Андрей удивился, но тут же оттолкнулся от стены и неторопливо подошел к телеге. С другой стороны мелкой трусцой приближался приземистый вислопечий Румер, в прошлом — профессиональный боксер, и бежал со всех ног дружок Фрица, маленький, тощий Отто Фрижа, золотушный юноша с сильно оттопыренными ушами.

— Давайте, давайте... — недобро усмехаясь, приговаривал фермер, наблюдая все эти военные приготовления.

— Я еще раз настоятельно прошу вас предъявить документы, — с ледяной вежливостью повторил Фриц.

— А шел бы ты в жопу, — лениво отвечивал бородач. Смотрел он теперь главным образом на Румера, а руку как бы невзначай положил на кнутовище весьма внушительного кнута, искусно сплетенного из сыромятной кожи.

— Ребята, ребята! — предостерегающе сказал Андрей. — Слушай, солдат, брось, не спорь, мы из мэрии...

— Барал я вашу мэрию, — отвечивал солдат, недобрим взглядом измеряя Румера с головы до пят.

— Ну, в чем тут дело? — осведомился тот негромко и очень хрипло.

— Вы отлично знаете, — сказал Фриц бородачу, — что оружие в черте города запрещено. Тем более — пулемет. Если у вас есть разрешение, прошу предъявить.

— А кто вы такие — разрешение у меня спрашивать? Что вы мне — полиция? Гестапо какое-нибудь?

— Мы — добровольный отряд самообороны.

Бородач ухмыльнулся.

— Ну и обороняйтесь, если вы из обороны, кто вам мешает?

Назревало нормальное, основательное, вдумчивое толковище. Отряд постепенно собирался вокруг телеги. Даже аборигены мужского пола вылезли из подъездов — кто с каминными щипцами, кто с кочергой, а кто и с ножкой от стула. С любопытством разглядывали бородача, зловещий пулемет, стоявший на брезенте торчком, что-то округлое и стеклянное, поблескивающее из-под брезента. Принюхивались — фермер был окружен своеобразной атмосферой запахов: пот, чесночная колбаса, спиртное...

Андрей же с каким-то умилением, удивлявшим его самого, разглядывал выцветшую, пропотевшую под мышками гимнастерочку с одинокой (и то незастегнутой) бронзовой пуговичкой на вороте, знакомо сдвинутую на правую бровь пилотку со следом пятиконечной звезды, могучие кирзовые сапоги-говнодавы — только бородачи, пожалуй, казалась здесь неуместной, не вписывалась в образ... И тут ему пришло в голову, что у Фрица все это должно было вызывать совсем иные ассоциации и ощущения. Он посмотрел на Фрица. Тот стоял прямой, сжав губы в тонкую линию, собравши нос в презрительные морщины, и старался заледенить бородача взглядом серо-стальных, истинно арийских глаз.

— Нам разрешения не полагаются, — лениво говорил между тем бородач, поигрывая кнутом. — Нам вообще ни хрена не полагается, только кормить вас, дармоедов, нам полагается...

— Ну хорошо, — гундел в задних рядах бас. — А пулемет-то откуда?

— А что — пулемет? Смычка, значит, города и деревни. Я тебе — четверть первача, ты мне — пулемет, все честно-благородно...

— Ну нет, — гундел бас. — Пулемет все-таки — это вам не игрушка, не молотилка какая-нибудь там...

— А мне вот кажется, — вмешался рассудительный, — что фермерам как раз оружие разрешено!

— Оружие никому не разрешено! — пискнул Фрижа и сильно покраснел.

— Ну и глупо! — откликнулся рассудительный.

— Ясное дело, что глупо, — сказал бородач. — Посидел бы ты у нас на болотах, да ночью, да еще когда гон идет...

— У кого гон? — с живейшим интересом осведомился интеллигент, протискавшийся со своими очками в первый ряд.

— У кого надо, у того и гон, — ответил ему фермер пренебрежительно.

— Нет, нет, позвольте... — заторопился интеллигент. — Ведь я биолог, и мне до сих пор не удается...

— Помолчите, — сказал ему Фриц. — А вам, — продолжал он, обращаясь к бородачу, — я предлагаю следовать за мной. Во избежание напрасного кровопролития предлагаю!

Взгляды их скрестились. И ведь надо же, почуял как-то прекрасный бородач, по каким-то одному ему заметным черточкам понял, с кем приходится иметь дело. Борода его раскололась ехидной ухмылкой, и он произнес противным, оскорбительно-тоненьким голосом:

— Млеко-яйки? Гитлер капут!

Ни черта не боялся он кровопролития — ни напрасного, никакого.

Фрица словно ударили в подбородок. Он откинул голову, бледное лицо сделалось пунцовым, на скулах выступили желваки. На мгновение Андрею показалось, что он сейчас бросится на бородача, и Андрей даже подался вперед, чтобы встать между ними, но Фриц сдержался. Кровь снова отлила от его лица, и он сухо объявил:

— Это к делу не относится. Извольте следовать за мной.

— Да отстаньте вы от него, Гейгер! — сказал бас. — Ясно же, что это фермер. Виданное ли это дело — к фермерам приставать!

И все вокруг закивали и забормотали, что да, явный фермер, уедет и пулемет с собою заберет, не гангстер же он какой-нибудь, в самом-то деле.

— Нам павианов отражать надо, а мы тут в полицию играем, — добавил рассудительный.

Напряжение сразу вдруг разрядилось. Все вспомнили о павианах. Оказывается, павианы вновь разгуливали, где хотели, и держались как у себя в джунглях. Выяснилось также, что местному населению, по-видимому, надоело ждать решительных действий отряда самообороны. Население, по-видимому, решило, что толку от этого отряда не будет и надо как-то устраиваться самим. И уже женщины с кошелками, деловито поджав губы, спешили по своим утренним делам, причем многие держали в руках веники и палки от швабр, чтобы отмахиваться от самых настырных обезьян. С витрины магазина снимали ставни, а ларечник ходил вокруг своего разгромленного ларька, кряхтел, почесывал спину и явно что-то такое прикидывал. На автобусной остановке выросла очередь, а вот и первый автобус появился вдали. Нарушая постановление городского управления, он громко сигнализировал, разгоняя павианов, не знакомых с правилами уличного движения.

— Да, господа мои, — сказал кто-то. — Видимо, придется нам и к этому приспособиться. По домам, что ли, командир?

Фриц угрюмо исподлобья оглядывал улицу.

— Ну что ж... — произнес он обыкновенным человеческим голосом. — По домам так по домам.

Он повернулся и, сунув руки в карманы, первым направился к грузовику. Отряд потянулся за ним. Чиркали спички и зажигалки, кто-то обеспокоенно спрашивал, как же быть с опозданием на службу, хорошо бы справку какую-нибудь получить... Рассудительный и тут нашелся: сегодня все на службу опоздают, какие там еще справки.

Толковище вокруг телеги рассосалось. Остались только Андрей да очкастый биолог, который твердо положил себе выяснить, у кого же все-таки на болотах бывает гон.

Бородач, разбирая и вновь упаковывая пулемет, снисходительно пояснял, что гон на болотах бывает, брат, у краснух, а краснухи, брат, это вроде крокодилов. Видал крокодилов? Ну вот, только шерстью обросшие. Красной такой шерстью, жесткой. И когда у них гон идет, тут уж, браток, держись подальше. Во-первых, они здоровые, что твои быки, а во-вторых, ничего во время этого дела не замечают — дом не дом, сарай не сарай, все разносят в щепки...

Глаза у интеллигента горели, он жадно слушал, поминутно поправляя очки растопыренными пальцами. Фриц позвал из грузовика: «Эй, вы едете или нет? Андрей!» Интеллигент оглянулся на грузовик, посмотрел на часы, жалобно застонал и принялся бормотать извинения и благодарности. Потом он схватил бородача за руку, изо всех сил потряс и убежал. А Андрей остался.

Он и сам не знал, почему остается. У него случилось что-то вроде приступа ностальгии. И не то чтобы он соскучился по русской речи — ведь все кругом говорили по-русски; и не то чтобы этот бородач казался ему воплощением родины, вовсе нет. Но было в нем что-то такое, по чему Андрей основательно истосковался, что-то такое, чего он не мог получить ни от строгого язвительного Дональда, ни от веселого, горячего, но все-таки какого-то чужого Кэнси, ни от Вана, всегда доброго, всегда благожелательного, но очень уж забитого. Ни тем более от Фрица, мужика по-своему замечательного, но как-никак вчерашнего смертельного врага... Андрей и не подозревал, что так истосковался по этому загадочному «чему-то».

Бородач искоса взглянул на него и спросил:

— Земляк, что ли?

— Ленинградец, — сказал Андрей, ощущая неловкость, и, чтобы как-то затушевать эту неловкость, достал сигареты и предложил бородачу.

— Вон как... — сказал тот, вытаскивая сигарету из пачки. — Земляки, выходит. А я, браток, вологодский. Череповец — слышал? Охцы-мохцы череповцы...

— А как же! — страшно обрадовался Андрей. — Там же сейчас металлургический комбинат отгрохали, крупнейший заводище!

— Ой ты? — сказал бородач довольно равнодушно. — И его, значит, тоже в оборот взяли... Ну ладно. А ты что здесь делаешь? Как зовут-то?

Андрей назвался.

— А я, видишь ты, крестьянствую, — продолжал бородач. — Фермер, по-здешнему. Юрий Константинович, фамилия — Давыдов. Выпить хочешь?

Андрей замялся.

— Рановато как будто... — сказал он.

— Ну, может, и рановато, — согласился Юрий Константинович. — Мне ведь еще на рынок надо. Я, понимаешь, вчера вечером приехал и — прямо в мастерские, мне там давно пулемет обещали. Ну, то, се, опробовали машинку, сгрузил я им, значит, окорока, четверть самогону, гляжу — солнце выключили... — Рассказывая все это, Давыдов кончил упаковывать свой воз, разобрал вожжи, сел боком в телегу и тронул лошадей. Андрей пошел рядом.

— Да-а, — продолжал Юрий Константинович. — Выключили тут, значит, солнце. А он мне и говорит: «Пойдем, говорит, я тут одно место знаю». Поехали мы туда, выпили, закусили. С водкой сам знаешь в городе как, а у меня самогон. Они, видишь ты, музыку ставят, а я выпивку. Ну, бабы, конечно... — Давыдов пошевелил бородой от воспоминаний, затем продолжал, понизив голос: — У нас, браток, на болотах с бабами очень туго. Есть, понимаешь, одна вдова, ну, ходим к ней... у ней муж в запрошлом году утонул... Ну и знаешь же, как получается, — сходить-то сходишь, деваться некуда, а потом — то ты ей молотилку почини, то с урожаем подсоби, то культиватор... А, з-зараза! — Он вытянул кнутом павиана, увязавшегося за телегой. — В общем, житуха у нас там,

браток, приближенная к боевым условиям. Без оружия никак нельзя. А кто этот тут у вас, белобрысый? Немец?

— Немец, — сказал Андрей. — Бывший унтер-офицер, под Кенигсбергом попал в плен, а из плена — сюда...

— То-то я смотрю — морда противная, — сказал Давыдов. — Они, глистоперы, меня до самой Москвы гнали, в госпиталь загнали, ползадницы начисто снесли. Ну, а потом я им тоже дал. Танкист я, понял? В последний раз уже под Прагой горел... — Он опять покрутил бородой. — Ну ты скажи, какая судьба! Надо же, где встретились!

— Да нет, он мужик ничего, деловой, — сказал Андрей. — И смелый. Выпендриваться, правда, любит, но работник хороший, энергичный. Для Эксперимента он, по-моему, очень полезный человек. Организатор.

Давыдов некоторое время молчал, почмокивая на лошадей.

— Приезжает это к нам на болота один на прошлой неделе, — заговорил он наконец. — Ну, собрались мы у Ковальского — это тоже фермер, поляк, километрах в десяти от меня, дом у него хороший, большой. Да-а... Собрались, значит. Ну, и этот начинает нам баки вертеть: есть ли у нас правильное понимание задач Эксперимента. А сам он из мэрии, из сельхозотдела. Ну, и мы видим, конечно, что ведет он к тому, что ежели, скажем, есть у нас правильное понимание, то хорошо бы, значит, налог повысить... А ты женатый? — спросил он вдруг.

— Нет, — сказал Андрей.

— Я это к тому, что переночевать бы мне сегодня где-нибудь. У меня еще завтра утром здесь одно дело назначено.

— Ну конечно! — сказал Андрей. — Какой может быть разговор? Приезжайте, ночуйте, места у меня сколько угодно, буду только рад...

— Ну и я буду рад, — сказал Давыдов, улыбаясь. — Как-никак, а земляки все-таки.

— Адрес запишите, — сказал Андрей. — Есть у вас на чем записать?

— Говори так, — сказал Давыдов. — Я запомню.

— Адрес простой: улица Главная, дом сто пять, квартира шестнадцать. Со двора. Если меня вдруг не будет, загляните к дворнику, там китаец есть такой, Ван, я у него ключ оставлю.

Очень Давыдов нравился Андрею, хотя, по-видимому, взгляды их не во всем совпадали.

— Ты какого года? — спросил Давыдов.

— Двадцать восьмого.

— А из России когда?

— В пятьдесят первом. Всего четыре месяца назад.

— Ага. А я из России в сорок седьмом сюда подался... Скажи-ка ты мне, Андрюха, как там на деревне — лучше стало?

— Ну конечно! — сказал Андрей. — Все восстановили, цены каждый год снижают... Сам я в деревне, правда, после войны не был, но если судить по кино, по книгам, живут теперь в деревне богато.

— Гм... Кино, — с сомнением произнес Давыдов. — Кино, понимаешь, это такое дело...

— Нет, ну почему же... В городе, в магазинах-то все есть. Карточки отменили давно. Откуда берется? Из деревни ведь...

— Это точно, — сказал Давыдов. — Из деревни... А я, понимаешь, пришел с фронта — жены нет, померла. Сын без вести пропал. На деревне — пустота. Ладно, думаю, это мы поправим. Войну кто выиграл? Мы! Значит, теперь наша сила. Предлагают мне председателем. Согласился. На деревне одни бабы, так что и жениться не надо было. Сорок шестой кое-как протянули, ну, думаю, теперь полегче станет... — Он вдруг замолчал и молчал долго, словно бы позабыв про Андрея. — Счастье для всего человечества! — проговорил он неожиданно. — Ты как — в это веришь?

— Конечно.

— Вот и я поверил. Нет, думаю, деревня — это дело мертвое. Это ошибка какая-то, думаю. До войны — за грудь, после войны — за горло. Нет, думаю, так они нас задавят. И жизнь ведь, понимаешь, беспросветная, как генеральские погоны. Я уж было пить начал, а тут — Эксперимент. — Он тяжело вздохнул. — Значит, ты полагаешь, получится у них Эксперимент?

— Почему это — у них? У нас!

— Ну, пускай у нас. Получится или нет?

— Должен получиться, — сказал Андрей твердо. — Все зависит только от нас.

— Что от нас зависит — мы делаем. Там делали, здесь делаем... Вообще-то, конечно, грех жаловаться. Жизнь хотя и тяжелая, но не в пример. Главное — сам ты, сам, понял? А если придет какой-нибудь — уронишь его, бывает, в нужник, и вся-кот!.. Партийный? — спросил он вдруг.

— Комсомолец. Вы, Юрий Константинович, что-то уж больно мрачно настроены. Эксперимент есть Эксперимент. Трудно, ошибок много, но иначе, наверное, и невозможно. Каждый — на своем посту, каждый — все, что может.

— А ты на каком же посту?

— Мусорщик, — гордо сказал Андрей.

— Большой пост, — сказал Давыдов. — А специальность у тебя есть?

— Специальность у меня очень специальная, — сказал Андрей. — Звездный астроном.

Он произнес это стеснительно и искоса поглядел на Давыдова, ожидая насмешки, но Давыдов, наоборот, страшно заинтересовался.

— В сам-деле, астроном? Слушай, браток, так ты ж должен знать, куда это нас занесло. Планета это какая-нибудь или, скажем, звезда? У нас, на болотах то есть, каждый вечер по этому вопросу сцепляются — до драк доходит, ей-богу! Насосутся самогонки и давай, кто во что горазд... Есть такие, знаешь, что считают: мы здесь вроде как в аквариуме сидим — тут же, на Земле. Здоровенный такой аквариум, только в нем вместо рыб — люди. Ей-богу! А ты как считаешь — с научной точки зрения?

Андрей почесал в затылке и засмеялся. У него в квартире по этому же поводу дело тоже доходило чуть ли не до драк — и без всякой самогонки. А насчет аквариума буквально теми же словами, хихикая и брызгая, не раз распространялся Изя Кацман.

— Как тебе, понимаешь... — начал он. — Сложно все это. Непонятно. А с научной точки зрения я тебе только одно скажу: вряд ли это другая планета, и тем более — звезда. По-моему, все здесь искусственное, и к астрономии никакого отношения не имеет.

Давыдов покивал.

— Аквариум, — сказал он убежденно. — И солнце здесь вроде лампочки, и стена эта желтая до небес... Слушай-ка, вот этим проулком я на рынок попаду или нет?

— Попадешь, — сказал Андрей. — Адрес мой не забыл?

— Не забыл, вечером жди...

Давыдов хлестнул по лошадам, присвистнул, и телега, грохоча, скрылась в проулке. Андрей направился домой. Вот славный мужик, думал он растроганно. Солдат! В Эксперимент он, конечно, не пошел, а от трудностей убежал, но тут я ему не судья. Он — раненый, хозяйство было разрушено, мог он дрогнуть?.. Да и здесь, видно, житье у него тоже не сахар. Да и не один он здесь такой, дрогнувший, много здесь таких...

По Главной уже всюду разгуливали павианы. То ли Андрей к ним пригляделся, то ли они сами как-то переменились, но они уже вовсе не казались такими наглыми или, тем более, страшными, как несколько часов назад. Они мирно устраивались кучками на солнцепеке, тараторили, искались, а когда мимо них проходили люди, протягивали мохнатые лапы с черными ладошками и просительно помаргивали слезящимися глазами. Было похоже, как будто в городе объявилось вдруг огромное количество нищих.

У ворот своего дома Андрей увидел Вана. Ван сидел на тумбе, печально сгорбившись, опустив меж колен натруженные руки.

— Баки потеряли? — спросил он, не поднимая головы. — Посмотри, что делается...

Андрей заглянул в подворотню и ужаснулся. Навалено было, казалось, до самой лампочки. Только к двери дворницкой вела узенькая тропиночка.

— Господи! — сказал Андрей и засуетился. — Я сейчас... подожди... сейчас сбегаю... — Он судорожно пытался припомнить, по каким улицам они с Дональдом гнали вчера ночью и в каком месте беженцы вышвырнули баки из кузова.

— Не надо, — безнадежным голосом сказал Ван. — Уже приезжала комиссия. Переписали номера баков, обещали к вечеру привезти. К вечеру они, конечно, не привезут, но, может быть, хотя бы к утру, а?

— Ты понимаешь, Ван, — сказал Андрей, — это был такой ад кромешный, стыдно вспоминать...

— Я знаю. Мне Дональд рассказал, как это было.

— Дональд уже дома? — оживился Андрей.

— Да. Он сказал, чтобы я к нему никого не пускал. Он сказал, что у него болят зубы. Я дал ему бутылку водки, и он ушел.

— Вот как... — проговорил Андрей, снова оглядывая кучи мусора.

И вдруг ему до такой степени, невыносимо, почти до истерики, до крика, захотелось помыться, сбросить вонючий комбинезон, забыть о том, что завтра придется лопатой разворачивать все это добро... Все вокруг стало липким и зловонным, и Андрей, не говоря больше ни слова, бросился через двор, на свою лестницу, вверх, через три ступеньки, дрожа от нетерпения, добрался до квартиры, вытащил из-под резинового коврика ключ, распахнул дверь, и душистая одеколонная прохлада приняла его в свои ласковые объятия.

Глава третья

Прежде всего он разделся. Догола. Скомкал комбинезон и белье, швырнул все в ящик с грязным барахлом. Грязь в грязь. Затем, стоя голышом посередине кухни, он огляделся и содрогнулся от нового отвращения. Кухня была завалена грязной посудой. В углах громоздились тарелки, затянутые голубоватой паутиной плесени, милосердно скрывавшей какие-то черные комья. Стол заставлен был мутными захватанными бокалами, стаканами и банками из-под консервированных фруктов. Мойка была забита чашками и блюдцами. А на табуретках тихо смердели потемневшие кастрюли, засаленные сковородки, дуршлаги и котелки. Он приблизился к мойке и пустил воду. О счастье! Вода была горячая! И он принялся за дело.

Перемывши всю посуду, он схватился за швабру. Он действовал истово и с энтузиазмом, как будто смывал грязь со своего собственного тела. Однако на все пять комнат его не хватило. Он ограничился кухней, столовой и спальней. В остальные комнаты он только заглянул с некоторым недоумением — никак он не мог привыкнуть и понять, зачем одному человеку столько комнат, да еще таких безобразно огромных и затхлых. Он поплотнее прикрыл двери туда и заставил их стульями.

Теперь надо было бы смотаться в лавку, купить что-нибудь на вечер. Давыдов придет, да и из обычной кофты кто-нибудь завалится наверняка... Но сначала он решил помыться. Вода шла уже почти холодная, и все-таки это было прекрасно. Потом он застелил на постели свежие простыни. А когда он увидел на своей постели чистое белье, хрустящие накрахмаленные наволочки, когда он ощутил запах свежести, исходивший от них, ему вдруг страшно захотелось полежать чистым телом в этой давно забытой чистоте, и он рухнул так, что взвыли дурные пружины и затрещало старое полированное дерево.

Да, это было прекрасно! Это было прохладно, душисто, скрипуче, и справа, в пределах досягаемости, обнаружилась пачка сигарет и спички, а слева, в тех же пределах, — полочка с избранными детективами. Немного огорчало, что в пределах досягаемости не

оказалось пепельницы, а полочку он, оказывается, забыл протереть от пыли, но это уже были совершенные пустяки. Он выбрал «Десять негрятят» Агаты Кристи, закурил и принялся читать.

Когда он проснулся, было еще светло. Он прислушался. В квартире и в доме стояла тишина, только вода, обильно капавшая из неисправных кранов, создавала странный звуковой узор. Кроме того, вокруг было чисто, и это тоже было странно и в то же время неизъяснимо приятно. Потом в дверь постучали. Ему представился Давыдов, могучий, загорелый, пахнущий потом и свежим перегаром, как он стоит на лестничной площадке, держа лошадей под уздцы, с бутылкой самогона наготове. Снова постучали, и он проснулся окончательно.

— Иду! — заорал он, вскочил и забегал по спальне, ища трусы. Ему попались под руку полосатые пижамные штаны, забытые прежними хозяевами, и он торопливо натянул их. Резинка была слабая, и штаны пришлось придерживать сбоку.

Противу ожидания за парадной дверью не слышалось добродушного мата, не ржали кони и не булькала жидкость. Заранее улыбаясь, Андрей отодвинул засов, распахнул дверь, крикнул и отступил на шаг, вцепившись в проклятую резинку и второй рукой тоже. Перед ним стояла давешняя Сельма Нагель, новенькая из восемнадцатого номера.

— Сигареты у вас не найдется? — спросила она без всякой приветливости.

— Да... пожалуйста... заходите... — пробормотал Андрей, пятясь.

Она вошла и прошла мимо него, обдав его запахом какой-то неслыханной парфюмерии. Она прошла в столовую, а он захлопнул дверь и с отчаянным криком «Одну минуточку, подождите, я сейчас!» бросился в спальню. Ай-яй-яй, говорил он себе. Ай-яй-яй, как же это я так... Впрочем, на самом деле он нисколько не стыдился, а был даже рад, что вот его застали такого чистого, умытого, широкоплечего, с гладкой кожей и прекрасно развитыми бицепсами и трицепсами — даже одеваться жалко. Однако одеться было все-таки необходимо, он полез в чемодан, покопался там и натянул гимнастические брюки и синюю застиранную спортивную куртку с переплетенными буквами «ЛУ» на спине и на груди. В таком виде он и явился перед хорошенькой Сельмой Нагель: грудь колесом, плечи разведены, походка с оттяжкой, в протянутой руке — пачка сигарет.

Хорошенькая Сельма Нагель равнодушно взяла сигарету, чиркнула зажигалкой и закурила. На Андрея она даже и не смотрела, вид у нее был такой, словно на все на свете ей плевать. Вообще-то при дневном свете она и не казалась такой уж хорошенькой. Лицо у нее было скорее неправильное и грубоватое даже, нос коротковат и вздернут, скулы слишком широкие, а большой рот намазан слишком густо. Но вот ножки ее, основательно обнаженные, были превыше всех и всяческих похвал. Остальное, к сожалению, разглядеть было невозможно — черт знает, кто научил ее носить такую мешковатую одежду. Свитер. Да еще с таким ошейником. Как у водолаза.

Она сидела в глубоком кресле, положив одну прекрасную ногу на другую прекрасную ногу, и равнодушно осматривалась, держа сигарету по-солдатски, огоньком в ладонь. Андрей развязно, но изящно присел на край стола и тоже прикурил.

— Меня зовут Андрей, — сказал он.

Она обратила свой равнодушный взгляд на него. И глаза у нее были не такие, какими казались давеча ночью. Глаза были большие, но вовсе не черные, а бледно-голубые, почти прозрачные.

— Андрей, — повторила она. — Поляк?

— Нет, русский. А вас зовут Сельма Нагель, вы из Швеции.

Она покивала.

— Из Швеции... Так это вас вчера в участке лупили?

Андрей опешил.

— В каком участке? Никто меня не лупил.

— Слушай, Андрей, — сказала она. — Почему у меня здесь машинка не работает? — Она вдруг поставила на колено маленькую лакированную коробочку, чуть больше спичечного коробка. — На всех диапазонах один треск и вой, никакого кайфа.

Андрей осторожно взял у нее коробочку и с удивлением убедился, что это радиоприемник.

— Вот это да! — пробормотал он. — Неужели детекторный?

— Откуда я знаю? — Она отобрала у него приемник, раздалось хрипение, треск разрядов и заунывное подвывание. — Не работает, и все. А ты что — никогда таких не видел?

Андрей помотал головой. Потом сказал:

— Вообще-то он и не должен у тебя работать. Здесь всего одна радиостанция, так она транслирует прямо в сеть.

— Господи, — сказала Сельма. — А что ж тогда здесь делать? И ящика нет...

— Какого ящика?

— Ну, телика... Ти-ви!..

— А... Да, это у нас планируется не скоро.

— Ну и тоска!..

— Можно патефон завести, — предложил Андрей стеснительно. Ему было неловко. Действительно, что это такое — ни радио, ни телевидения, ни кино...

— Патефон? Это еще что такое?

— Не знаешь, что такое патефон? — удивился Андрей. — Ну, граммофон. Ставишь пластинку...

— А, проигрыватель... — сказала Сельма без всякого воодушевления. — А магнитофона нет?

— Вот еще, — сказал Андрей. — Что я тебе — радиоузел, что ли?

— Дикий ты какой-то, — объявила Сельма Нагель. — Одно слово — русский. Ну ладно, граммофон ты свой слушаешь, водку, наверное, пьешь, а еще что ты делаешь? Мотоцикл гоняешь? Или у тебя даже мотоцикла нет?

Андрей рассердился.

— Я сюда не мотоциклы гонять приехал. Я здесь для того, чтобы работать. А вот ты, интересно, что здесь собираешься делать?

— Работать он приехал... — сказала Сельма. — Ты лучше скажи, за что тебя в участке лупили?

— Да не лупили меня в участке! Откуда ты это взяла? И вообще у нас в полиции никого не бьют, это тебе не Швеция.

Сельма присвистнула.

— Ну-ну, — сказала она насмешливо. — Значит, мне померещилось.

Она сунула окурок в пепельницу, закурила новую сигарету, поднялась и, как-то забавно пританцовывая, прошла по комнате.

— А кто тут до тебя жил? — спросила она, останавливаясь перед огромным овальным портретом какой-то сиреневой дамы с болонкой на коленях. — У меня, например, — явный сексуальный маньяк. По углам порнография, на стенах — использованные презервативы, а в шкафу — целая коллекция женских подвязок. Даже не поймешь, то ли он фетишист, то ли он лизунчик...

— Врешь, — сказал Андрей, обмирая. — Врешь ты все, Сельма Нагель.

— Зачем это мне врать? — удивилась Сельма. — А кто жил? Не знаешь?

— Мэр! Мэр нынешний там жил, понятно?

— А, — сказала Сельма равнодушно. — Понятно.

— Что — понятно? — сказал Андрей. — Что это тебе понятно?! — вскричал он, накаляясь. — Что ты вообще можешь здесь понимать?! — Он замолчал. Об этом нельзя было говорить. Это надо было пережить внутри себя.

— Лет ему, наверное, под пятьдесят, — с видом знатока объявила Сельма. — Старость на носу, бесится человек. Климакс! — Она усмехнулась и снова уставилась на портрет с болонкой.

Наступило молчание. Андрей, стиснув зубы, переживал за мэра. Мэр был обширный, представительный, с необычайно располагающим лицом, сплошь благородно седой. Он прекрасно говорил на собраниях городского актива — о воздержании, о гордом аскетизме, о силе духа, о внутреннем заряде стойкости и морали. А когда они встречались на лестничной площадке, он обязательно протягивал для пожатия большую теплую сухую руку и с неизменной вежливостью и предупредительностью осведомлялся, не мешает ли Андрею по ночам стук его, мэра, пишущей машинки...

— Не верит! — сказала вдруг Сельма. Она, оказывается, больше не смотрела на портрет, она с каким-то сердитым любопытством разглядывала Андрея. — Не веришь — не надо. Мне вот только все это отмывать противно. Нельзя тут кого-нибудь нанять, что ли?

— Нанять... — тупо повторил Андрей. — Фиг тебе! — сказал он злорадно. — Сама отмоешь. Тут белоручкам делать нечего.

Некоторое время они молча разглядывали друг друга со взаимной неприязнью. Потом Сельма пробормотала, отведя глаза:

— Черт меня сюда принес! Что мне тут делать?

— Ничего особенного, — сказал Андрей. Он пересилил свою неприязнь. Человеку надо было помочь. Он уже навиделся тут новичков. Всяких. — Что все, то и ты. Пойдешь на биржу, заполнишь книжку, бросишь в приемник... Там у нас установлена распределяющая машина. Ты кем была на том свете?

— Фокстейлером, — сказала Сельма.

— Кем?

— Ну, как тебе объяснить... Раз-два, ножки врозь...

Андрей опять обмер. Врет, пронеслось у него в голове. Все ведь брешет, девка. Идиота из меня делает.

— И хорошо зарабатывала? — саркастически спросил он.

— Дурак, — сказала она почти ласково. — Это же не для денег. Просто интересно. Скука же...

— Как же так? — сказал Андрей горестно. — Куда же твои родители смотрели? Ты же молодая, тебе бы учиться и учиться...

— Зачем? — спросила Сельма.

— Как — зачем? В люди вышла бы... Инженером бы стала, учителем... Могла бы вступить в компартию, боролась бы за социализм...

— Боже мой, боже мой... — хрипло прошептала Сельма, как подрубленная упала в кресло и уронила лицо в ладони. Андрей испугался, но в то же время ощутил и гордость, и чудовищную свою ответственность.

— Ну что ты, что ты... — сказал он, неловко придвигаясь к ней. — Что было, то было. Все. Не расстраивайся. Может быть, и хорошо, что так у тебя получилось: здесь ты все наवरстаешь. У меня полно друзей, все — настоящие люди... — Он вспомнил Изю и сморщился. — Поможем. Вместе будем драться. Здесь ведь дела до черта! Беспорядка много, неразберихи, просто дряни — каждый честный человек на счету. Ты представить себе не можешь, сколько сюда всякого барахла набежало! Не спрашиваешь его, конечно, но иногда так и тянет спросить: ну чего тебя сюда принесло, на кой ляд ты здесь кому нужен?..

Он совсем было уже решил по-дружески, даже по-братски, потрепать Сельму по плечу, но тут она спросила, не отрывая ладоней от лица:

— Значит, не все здесь такие?

— Какие?

— Как ты. Идиоты.

— Ну знаешь!

Андрей соскочил со стола и пошел кругами по комнате. Вот ведь буржуйка. Шлюха, а туда же. Интересно ей, видите ли... Впрочем, прямога Сельмы ему даже импонировала. Прямота всегда хороша. Лицом к лицу, через баррикаду. Это не то что Изя, скажем: ни нашим ни вашим — скользкий, как червяк, и везде просочится...

Сельма хихикнула у него за спиной.

— Ну чего забегал? — сказала она. — Я же не виновата, что ты такой идиотик. Ну, извини.

Не давая себе оттаять, Андрей решительно рубанул ладонью воздух.

— Вот что, — сказал он. — Ты, Сельма, очень запущенный человек, и отмывать тебя придется долго. И ты не воображай, пожалуйста, что я обиделся лично на тебя. Это с теми, кто тебя до такого довел, у меня да — личные счеты. А с тобой — никаких. Ты здесь — значит ты наш товарищ. Будешь работать хорошо — будем хорошими друзьями. А работать хорошо — придется. Здесь у нас, знаешь, как в армии: не умеешь — научим, не хочешь — заставим! — Ему очень нравилось, как он говорит, — так и вспоминались выступления Леши Балдаева, комсомольского вожака факультета, перед субботниками. Тут он обнаружил, что Сельма наконец отняла ладони от лица и смотрит на него с испуганным любопытством. Он ободряюще подмигнул ей. — Да-да, заставим, а ты как думала? У нас, бывало, на стройку уж такие сачки приезжали — поначалу только и норовят в ларек да в лесок. И ничего! Как миленькие! Труд, знаешь, даже обезьяну очеловечивает...

— А здесь у вас всегда обезьяны по улицам бродят? — спросила Сельма.

— Нет, — сказал Андрей, помрачнев. — Только с сегодняшнего дня. В честь твоего прибытия.

— Очеловечивать их будете? — вкрадчиво осведомилась Сельма.

Андрей через силу ухмыльнулся.

— Это уж как придется, — сказал он. — Может быть, действительно придется очеловечивать. Эксперимент есть Эксперимент.

При всей издевательской сумасбродности мысль эта показалась ему не лишенной какого-то рационального зерна. Надо будет вечером этот вопрос поднять, мелькнуло у него в голове. Но тут же у него возникла и другая мысль.

— Ты что вечером собираешься делать? — спросил он.

— Не знаю. Как придется. А что здесь у вас делают?

Раздался стук в дверь. Андрей посмотрел на часы. Было уже семь, сборище начиналось.

— Сегодня ты — у меня, — сказал он Сельме решительно. С этим разболтанным существом действовать можно было только решительно. — Веселья особенного не обещаю, но с интересными людьми познакомишься. Идет?

Сельма пожала плечиком и стала оправлять волосы. Андрей пошел открывать. В дверь стучали уже каблуком. Это был Изя Кацман.

— У тебя что — женщина? — спросил он прямо с порога. — Когда ты, наконец, звонок поставишь, хотел бы я знать?

Как всегда, в первые минуты появления на сборище Изя был аккуратно причесан, при крахмальном воротничке и при сверкающих манжетах. Узкий отглаженный галстук с высокой точностью располагался на линии нос-пупок. Но все равно, Андрей предпочел бы сейчас увидеть Дональда или Кэнси.

— Заходи, заходи, трепло, — сказал он. — Что это с тобой сегодня — раньше всех заявился?

— А я знал, что у тебя женщина, — отвечивал Изя, потирая руки и хихикая, — и поспешил взглянуть.

Они вошли в столовую, и Изя широкими шагами устремился к Сельме.

— Изя Кацман, — представился он бархатным голосом. — Мусорщик.

— Сельма Нагель, — лениво отозвалась Сельма, протягивая руку. — Шлюха.

Изя даже закричал от наслаждения и бережно поцеловал протянутую руку.

— Между прочим! — сказал он, поворачиваясь к Андрею и снова к Сельме. — Вы слышали? Совет районных уполномоченных рассматривает проект решения, — он поднял палец и повысил голос, — «Об упорядочении положения, создавшегося в связи с наличием в городской черте больших скоплений собакоголовых обезьян»... Уф! Предлагается всех обезьян зарегистрировать, снабдить металлическими ошейниками...

— Ну, пошел трепаться!.. — сказал Андрей с неудовольствием.

— ...металлическими ошейниками и бляхами с собственными именами, — продолжал Изя, еще более возвышая голос и придавая ему левитановские интонации, — а затем приписать к учреждениям и частным лицам, каковые и будут впредь за них ответственны! — Он захихикал, захрюкал и с протяжными тоненькими стонами принялся бить кулаком правой руки в раскрытую ладонь левой. — Грандиозно! Титаны! Все дела заброшены, на всех заводах срочно штампуют ошейники и бляхи. Господин мэр лично берет под свою опеку трех половозрелых павианов и призывает горожан следовать своему примеру. Ты возьмешь себе павианиху, Андрей? Сельма будет против, я понимаю, но ведь таково требование Эксперимента! Как известно, Эксперимент есть Эксперимент. Надеюсь, вы не сомневаетесь, Сельма, что Эксперимент есть именно Эксперимент — не экскремент, не экспонент, не перманент, а именно Эксперимент?..

Андрей сказал, с трудом прорываясь сквозь бульканье и стоны:

— Пошел трепаться, трепло...

Этого он больше всего опасался. На свежего человека такой вот нигилизм и наплевизм должен был производить самое разрушительное действие. Конечно, куда как заманчиво бродить вот так из дома в дом, хихикать и оплевывать все направо и налево, вместо того чтобы, стиснув зубы...

Изя перестал хихикать и возбужденно прошелся по комнате.

— Может быть, это и трепотня, — сказал он. — Возможно. Но ты, Андрей, как всегда ни черта не понимаешь в психологии руководства. В чем, по-твоему, назначение руководства?

— Руководить! — сказал Андрей, принимая вызов. — Руководить, а не трепаться, между прочим, и не болтать. Координировать действия граждан и организаций...

— Стоп! Координировать действия — с какой целью? Что является конечной целью этого координирования?

Андрей пожал плечами.

— Это же элементарно. Всеобщее благо, порядок, создание оптимальных условий для движения вперед...

— О! — Изя опять вскинул палец. Рот его приоткрылся, глаза выкатились. — О! — повторил он и снова замолчал. Сельма смотрела на него с восхищением. — Порядок! — провозгласил Изя. — Порядок! — Глаза его выкатились еще больше. — А теперь представь, что во вверенном тебе городе появляются бесчисленные стада павианов. Изгнать их ты не можешь — кишка тонка. Кормить их централизованно ты тоже не можешь — не хватает жратвы, резервов. Павианы попрошайничают на улицах — вопиющий беспорядок: у нас нет и не может быть попрошаек! Павианы гадят, за собой не убирают, и никто за ними убирать не намерен. Какой отсюда напрашивается вывод?

— Ну, уж во всяком случае, не ошейники надевать, — сказал Андрей.

— Правильно! — сказал Изя с одобрением. — Конечно, не ошейники надевать. Первый же напрашивающийся деловой вывод: скрыть существование павианов. Сделать вид, что их вовсе нету. Но это, к сожалению, тоже невозможно. Их слишком много, а правление у нас пока еще до отвращения демократическое. И вот тут появляется блестящая в своей простоте идея: упорядочить присутствие павианов! Хаос, безобразие узаконить и сделать таким образом элементом стройного порядка, присущего правлению нашего доброго мэра! Вместо нищенствующих и хулиганящих стад и шаек — милые

домашние животные. Мы же все любим животных! Королева Виктория любила животных. Дарвин любил животных. Даже Берия, говорят, любил некоторых животных, не говоря уже о Гитлере...

— Наш король Густав тоже любит животных, — вставила Сельма. — У него — кошки.

— Прекрасно! — воскликнул Изя, ударяя кулаком в ладонь. — У короля Густава — кошки, а у Андрея Воронина — персональный павиан. А если он очень любит животных, то даже два павиана...

Андрей плюнул и отправился на кухню проверить запасы. Пока он копался в шкафчиках, разворачивая и осторожно нюхая какие-то запыленные пакеты с черствыми потемневшими остатками, голос Изи в столовой непрерывно гудел, и слышался звонкий смех Сельмы, а также неизбежное хрюканье и бульканье самого Изи.

Жрать было нечего: куль картошки, начавшей уже прорастать, сомнительная банка с кильками и совершенно каменной консистенции буханка хлеба. Тогда Андрей залез в ящик кухонного стола и пересчитал наличность. Наличности было — как раз до полочки и при условии, что он будет соблюдать экономию и не приглашать гостей, а, наоборот, похаживать в гости. В гроб они меня загонят, подумал Андрей мрачно. К черту, хватит. Всех выпотрошу. Что я им — кухмистерская, что ли? Павианы!

Тут в дверь снова постучали, и Андрей, зловеще ухмыляясь, отправился открывать. Мимоходом он отметил, что Сельма сидит на столе, подсунув под себя ладони, накрашенный рот — до ушей, сучка и сучка, а Изя разглагольствует перед нею, размахивая павианьими лапами, и уже никакого лоска в нем нет: узел галстука под правым ухом, волосы дыбом, а манжеты — серые.

Оказалось, что прибыли экс-унтер-офицер вермахта Фриц Гейгер с личным дружкой — рядовым того же вермахта Отто Фрижей.

— Явились? — приветствовал их Андрей со зловещей улыбкой.

Фриц немедленно воспринял это приветствие как выпад против достоинства немецкого унтер-офицера и окаменел лицом, а Отто, человек мягкий и неопределенных душевных очертаний, только щелкнул каблуками и искательно улыбнулся.

— Что за тон? — холодно осведомился Фриц. — Может быть, нам уйти?

— Ты жрать принес что-нибудь? — спросил Андрей.

Фриц сделал глубокомысленное движение нижней челюстью.

— Жрать? — переспросил он. — М-м, как тебе сказать... — И он вопросительно посмотрел на Отто. Отто сейчас же, стеснительно улыбаясь, вытащил из кармана галифе плоскую бутылку и протянул ее Андрею. Как пропуск — этикеткой наружу.

— Ну, это ладно... — смягчаясь, сказал Андрей и взял бутылку. — Но учтите, ребята, жрать абсолютно нечего. Может быть, у вас деньги есть хотя бы?

— Может быть, ты нас все-такипустишь в дом? — осведомился Фриц. Голова его была слегка повернута ухом вперед: он прислушивался к взрывам женского смеха в столовой.

Андрей впустил их в прихожую и сказал:

— Деньги. Деньги на бочку!

— Даже здесь нам не удастся избежать репараций, Отто, — сказал Фриц, раскрывая портмоне. — На! — Он сунул Андрею несколько бумажек. — Дай Отто какую-нибудь кошелку и скажи, что купить, — он сбегает.

— Погоди, не так быстро, — сказал Андрей и повел их в столовую. Пока щелкали каблуки, склонялись прилизанные прически и гремели солдатские комплименты, Андрей оттащил Изю в сторону и, не давая ему опомниться, обшарил все его карманы, чего Изя, впрочем, кажется, и не заметил, — он только вяло отбивался и все рвался закончить начатый анекдот. Забравши все, что удалось обнаружить, Андрей отошел и пересчитал репарации. Получалось не так чтобы уж очень много, но и не мало. Он огляделся. Сельма по-прежнему сидела на столе и болтала ногами. Меланхолия ее исчезла, она была весела.

Фриц закуривал ей сигаретку, Изя, давясь и повизгивая, готовил новый анекдот, а Отто, красный от напряженности и неуверенности в своих манерах, заметно шевелил большими ушами, торча среди комнаты по стойке смирно.

Андрей поймал его за рукав и потащил на кухню, приговаривая: «Без тебя, без тебя обойдутся...» Отто не возражал, он был даже, кажется, доволен. Очутившись на кухне, он сразу принялся действовать. Отобрал у Андрея корзину для овощей, вытряхнул из нее мусор в ведро (чего Андрей никогда не догадался бы сделать), быстро и аккуратно выстелил днище старыми газетами, мгновенно нашел кошелку, которую Андрей потерял еще в прошлом месяце, со словами: «Может, томатный соус попадет...» уложил в кошелку банку из-под компота, предварительно сполоснув ее, сунул туда же несколько сложенных газет про запас («Вдруг у них тары не будет...»), так что вся деятельность Андрея свелась к перекладыванию денег из кармана в карман, нетерпеливому переступанию с ноги на ногу и заунывному: «Да ладно тебе... Да будет... Ну пошли, что ли...»

— А ты тоже пойдешь? — благоговейно удивился Отто, закончив сборы.

— Да, а что?

— Да я и сам могу, — сказал Отто.

— Ну, сам, сам... Вдвоем быстрее. Ты встанешь к прилавку, я — в кассу...

— Это верно, — сказал Отто. — Да. Конечно.

Они вышли через черный ход и спустились по черной лестнице. По дороге спугнули павиана — бедняга бомбой вылетел в окно, так что они даже испугались за его жизнь, но оказалось — ничего, висит на пожарной лестнице и скалит клыки.

— Обьедков бы ему дать, — сказал Андрей задумчиво. — У меня там обьедков для целого стада...

— Сходить? — с готовностью предложил Отто.

Андрей только посмотрел на него и, сказавши: «Вольно!», пошел дальше. На лестнице уже пованивало. Вообще-то здесь и раньше всегда пованивало, но теперь появился некий новый душок, и, спустившись пролетом ниже, они обнаружили источник, и не один.

— Да, прибавится Вану работенки, — сказал Андрей. — Не дай бог теперь в дворники попасть. Ты кем сейчас работаешь?

— Товарищем министра, — уныло ответил Отто. — Третий день уже.

— Какого министра? — поинтересовался Андрей.

— Этого... профессионального обучения.

— Тяжело?

— Ничего не понимаю, — тоскливо сказал Отто. — Бумаг очень много, приказы, докладные записки... сметы, бюджет... И никто у нас там ничего не понимает. Все бегают, друг у друга спрашивают... Подожди, ты куда?

— В магазин.

— Нет. Пойдем к Гофштаттеру. У него и дешевле, и немец все-таки...

Пошли к Гофштаттеру. Гофштаттер держал на углу Главной и Староперсидского некую помесь зеленой с бакалейной. Андрей бывал здесь пару раз и каждый раз уходил несолоно хлебавши: продуктов у Гофштаттера было мало, и он сам выбирал себе покупателей.

Магазин был пуст, на полках стройными рядами тянулись одинаковые баночки с розовым хреном. Андрей вошел первым, и Гофштаттер, поднявши от кассы одутловатое бледное лицо, сейчас же сказал: «Закрываю». Но тут подоспел Отто, зацепившийся корзиной за дверную ручку, и одутловатое бледное лицо расплылось в улыбке. Закрытие лавки было, конечно, отложено. Отто и Гофштаттер удалились в недра заведения, где сейчас же зашуршали и заскрипели передвигаемые ящики, затарахтела сыпаемая картошка, звякнуло наполненное стекло, зазвучали приглушенные голоса...

Андрей от нечего делать озирался. Да, частная торговлишка господина Гофштаттера представляла собой жалкое зрелище. И весы, конечно, не прошли соответствующего контроля, и с санитарией было неважно. Впрочем, это меня не касается, подумал Андрей. Когда все будет устроено как надо, эти гофштаттеры попросту вылетят в трубу. Да они, можно сказать, и сейчас уже вылетели. Во всяком случае, любого-каждого он уже не в силах обслуживать. Ишь замаскировался, хрену везде понаставил. Надо бы на него Кэнси напустить — развел тут черный рынок, националист паршивый. «Только для немцев»...

Отто выглянул из недр и шепотом сказал: «Деньги, быстренько!» Андрей торопливо передал ему ком смятых бумажек. Отто не менее торопливо отслюнил несколько штук, остальное вернул Андрею и снова исчез в недрах. Через минуту он появился за прилавком с руками, оттянутыми полной кошелкой и полной корзинкой. Позади него замаячила лунообразная физиономия Гофштаттера. Отто обливался потом и не переставал улыбаться, а Гофштаттер добродушно приговаривал: «Заходите, заходите, молодые люди, всегда вам рад, всегда рад истинным немцам... А господину Гейгеру особенный привет... На следующей неделе мне обещали подвезти немного свинины. Скажите господину Гейгеру, я ему оставлю килограмма три...» — «Так точно, господин Гофштаттер, — откликнулся Отто, — все будет передано в точности, не беспокойтесь, господин Гофштаттер... И не забудьте, пожалуйста, передать большой привет фройлейн Эльзе — от нас и в особенности от господина Гейгера...» Они гудели все это дуэтом до самого порога лавки, где Андрей отобрал у Отто тяжеленную кошелку, битком набитую ядерной чистой морковью, крепкой свеклой и сахарным луком, из-под которых торчало залитое сургучом горлышко бутылки и поверх которых бурно выпирал наружу всякий там порей, сельдерей, укроп и прочая петрушка.

Когда они свернули за угол, Отто поставил корзину на тротуар, вытащил большой клетчатый платок и, задыхаясь, принялся обтирать лицо, приговаривая:

— Подожди... Передохнуть надо... Ф-фу...

Андрей закурил сигарету и протянул пачку Отто.

— Где такую морковочку брали? — осведомилась, проходя мимо, женщина в кожаном мужском пальто.

— Все, все, — поспешно сказал ей Отто. — Последнюю взяли. Там уже закрыто... Черт, умаял меня лысый дьявол... — сообщил он Андрею. — Чего я ему там плел! Оторвет мне Фриц башку, когда узнает... Да я и не помню уже, что я там плел...

Андрей ничего не понимал, и Отто вкратце объяснил ему ситуацию.

Господин Гофштаттер, зеленщик из Эрфурта, всю жизнь был преисполнен надежд, и всю жизнь ему не везло. Когда в тридцать втором году какой-то еврей пустил его по миру, открыв напротив большой современный зеленой магазин, Гофштаттер осознал себя истинным немцем и вступил в штурмовой отряд. В штурмовом отряде он было сделал карьеру и в тридцать четвертом году уже собственноручно бил упомянутого еврея по морде и совсем было подобрался к его предприятию, но тут грянуло разоблачение Рема, и Гофштаттера вычистили. А он к тому времени был уже женат, и уже подрастала у него очаровательная белокурая Эльза. Несколько лет он кое-как перебивался, потом его взяли в армию, и он начал было завоевание Европы, но под Дюнкерком попал под бомбы собственной авиации и получил в легкие здоровенный осколок, так что вместо Парижа оказался в военном госпитале в Дрездене, где провалялся до сорок четвертого, и совсем было уже выписался, когда совершился знаменитый налет союзных армий, уничтоживший Дрезден в одну ночь. От пережитого ужаса у него выпали все волосы, и он немножко тронулся, по его же собственным рассказам. Так что, попав снова в родной Эрфурт, он просидел в подвале своего домика самое что ни на есть горячее время, когда еще можно было удрать на Запад. Когда же он решился, наконец, выйти на свет божий, все было уже кончено. Зеленую лавку ему, правда, разрешили, но ни о каком расширении дела не могло быть и речи. В сорок шестом у него умерла жена, он в помрачении рассудка поддался на уговоры Наставника и, плохо понимая, что он, собственно, выбирает,

переселился с дочерью сюда. Здесь он немного отошел, хотя до сих пор, кажется, подозревает, что попал в большой специализированный концлагерь где-то в Средней Азии, куда сослали всех немцев из Восточной Германии. С черепушкой у него так и не восстановилось окончательно. Он обожает истинных немцев, уверен, что у него на них особенный нюх, смертельно боится китайцев, арабов и негров, присутствия которых здесь не понимает и объяснить не может, но более всего он почитает и уважает господина Гейгера. Дело в том, что во время одного из первых своих визитов к Гофштаттеру блестящий Фриц, пока Отто наполнял кошелки, кратко, по-военному, приволокнулся за белокурой Эльзой, осатаневшей без перспектив на приличное замужество. И с тех пор в душе сумасшедшего лысого Гофштаттера зародилась слепящая надежда, что этот великолепный ариец, опора фюрера и гроза евреев, выведет в конце концов несчастное семейство Гофштаттеров из бурно кипящих вод в тихую заводь.

— ...Фрицу что! — жаловался Отто, ежеминутно меняя руки, отмотанные корзиной. — Он у Гофштаттеров бывает раз, ну два в месяц, когда у нас жрать нечего, — пощупает эту дуру, и делов-то... А я сюда каждую неделю хожу, и по два раза, и по три раза в неделю... Ведь Гофштаттер-то дурак-дурак, а человек деловой, знаешь, какие он связи завязал с фермерами, — продукты у него первый сорт и недорого... Изоврался я вконец! Вечную привязанность Фрица к Эльзе я ему обеспечу. Неумолимый конец международного еврейства я ему обеспечу. Неуклонное движение войск великого райха к этой зеленой лавке я ему обеспечу... Я уже сам запутался и его, по-моему, до полного ужасного сумасшествия довел. Совестно же все-таки: сумасшедшего старика до полного сумасшествия довожу. Вот сейчас он спрашивает меня: что, мол, эти павианы должны означать? А я, не подумавши, ляпнул: десант, говорю, арийская, говорю, хитрость. Так ты не поверишь — он меня обнял и присосался что к твоей бутылке...

— А Эльза что? — с любопытством спросил Андрей. — Она-то ведь не сумасшедшая?

Отто залился пунцовым румянцем и зашевелил ушами.

— Эльза... — Он откашлялся. — Тоже работаю, как лошадь. Ей-то ведь все равно: Фриц, Отто, Иван, Абрам... Тридцать лет девке, а Гофштаттер к ней подпускает только Фрица да меня.

— Ну и сволочи же вы с Фрицем, — сказал Андрей искренне.

— Дальше некуда! — согласился Отто печально. — И ведь что самое ужасное: совершенно я не представляю, как мы из этой истории выпутаемся. Слабый я, бесхарактерный.

Они замолчали, и до самого дома Отто только пыхтел, меняя руки над корзиной. Подниматься наверх он не стал.

— Ты это отнеси и поставь воду в большой кастрюле, — сказал он. — А мне давай деньги, я сховаюсь в магазин, может, консервов каких-нибудь достану. — Он помялся, отводя глаза. — И ты, это... Фрицу... не надо. А то он из меня душу вытрясет. Фриц, он знаешь какой, — любит, чтобы все было шито-крыто. Да и кто не любит?

Они расстались, и Андрей попер корзинку и кошелку по черной лестнице. Корзина была такая тяжеленная, словно нагрузил ее Гофштаттер чугунными ядрами. Да, брат, думал Андрей с ожесточением. Какой уж тут Эксперимент, если такие дела делаются. Много ты с этим Отто да с этим Фрицем наэкспериментировал. Надо же, суки какие — ни чести, ни совести. А откуда? — подумал он с горечью. Вермахт. Гитлерюгенд. Швалье. Нет, я с Фрицем поговорю! Этого так оставлять нельзя — морально же гниет человек на глазах. А человек из него получится может! Должен! В конце концов, он мне тогда, можно сказать, жизнь спас. Ткнули бы мне перышко под лопатку — и баста. Все обгадились, все лапки кверху, один Фриц... Нет, это человек! За него драться надо...

Он поскользнулся на следах павианьей деятельности, выматерился и стал смотреть под ноги.

Едва очутившись на кухне, он понял, что в квартире все изменилось. В столовой гундел и сипел патефон. Слышался звон посуды. Шаркали ноги танцующих. И покрывая все эти звуки, раскатывался знакомый басовитый голос Юрия свет Константиновича: «Ты, браток, насчет экономии всякой и социологии — не нужно. Обойдемся. А вот свобода, браток, это другой разговор. За свободу и хребет поломать можно...»

На газовой плите уже была ключом вода в большой кастрюле, на кухонном столе лежал готовый, заново отточенный нож, и упоительно пахло жареным мясом из духовки. В углу кухни стояли, оперевшись друг на друга, два тучных рогожных мешка, а сверху на них — промасленный, прожженный ватник, знакомый кнут и какая-то сбруя. Знакомый пулемет стоял тут же — собранный, готовый к употреблению, с плоской вороненой обоймой, торчащей из казенника. Под столом масляно поблескивала четвертная бутылка с приставшей кукурузной шелухой и соломинками.

Андрей бросил корзину и кошелку.

— Эй, бездельники! — заорал он. — Вода кипит!

Бас Давыдова смолк, а в дверях появилась раскрасневшаяся, с блестящими глазами Сельма. За ее плечом верстой торчал Фриц. Видимо, они только что танцевали, и ариец пока не думал снимать здоровенные свои красные лапищи с талии Сельмы.

— Привет тебе от Гофштаттера! — сказал Андрей. — Эльза беспокоится, что ты не заходишь... Ведь ребеночку уже скоро месяц!

— Азиатские шутки! — объявил Фриц с отвращением, однако лапищи свои убрал. — Где Отто?

— И правда, вода кипит! — сообщила Сельма с удивлением. — Что теперь с ней делать?

— Бери нож, — сказал Андрей, — и начинай чистить картошку. А ты, Фриц, по моему, очень любишь картофельный салат. Так вот займись, а я пойду выполнять роль хозяина.

Он двинулся было в столовую, но в дверях его перехватил Изя Кацман. Физиономия его сияла от восторга.

— Слушай! — прошептал он, хихикая и брызгаясь. — Откуда ты взял такого замечательного типа? У них там на фермах, оказывается, настоящий Дикий Запад! Американская вольница!

— Русская вольница ничем не хуже американской, — сказал Андрей с неприязнью.

— Ну да! Ну да! — закричал Изя. — «Когда еврейское казачество восстало, в Биробиджане был переворот-переворот, а кто захочет захватить наш Бердичев, тому фурункулу вскочит на живот!..»

— Это ты брось, — сказал Андрей сурово. — Это я не люблю... Фриц, отдаю тебе Сельму и Кацмана под командование, работайте, да побыстрее, жрать охота — сил нет... Да не орите здесь — Отто будет стучаться, он за консервами побежал.

Поставив все таким образом на свои места, Андрей поспешил в столовую и там прежде всего обменялся крепким рукопожатием с Юрием Константиновичем. Юрий Константинович, все такой же краснолицый и крепко пахнувший, стоял посередине комнаты, расставив ноги в кирзовых сапогах, засунув ладони под солдатский ремень. Глаза у него были веселые и слегка бешеные — такие глаза Андрей часто наблюдал у людей бесшабашных, любящих хорошо поработать, крепко выпить и ничего на свете не страшась.

— Вот! — сказал Давыдов. — Пришел-таки я, как обещал. Бутылка видел? Тебе. Картошка еще тебе — два мешка. Давали мне за них, понимаешь, одну вещь. Нет, думаю, на хрен мне все это. Отвезу лучше хорошему человеку. Они тут в своих хоромах каменных живут, как гниют, белого света не видят... Слушай, Андрей, вот я тут Кэнси говорю, японцу, плюньте, говорю, ребята! Ну чего вы здесь еще не видели? Собирайте своих детишек, баб, девок, айда все к нам...

Кэнси, все еще в форме после дежурства, но в мундире нараспашку, неловко орудуя одной рукой, расставлял на столе разнокалиберную посуду. Левая рука у него была обмотана бинтом. Он улыбнулся и покивал Давыдову.

— Этим и кончится, Юра, — сказал он. — Вот будет еще нашествие кальмаров, и тогда мы все как один подадимся к вам на болота.

— Да чего вам ждать этих... как их... Плюньте вы на этих камаров. Вот завтра поеду поутру порожняком, телега пустая, три семьи свободно можно погрузить. Ты ведь не семейный? — обратился он к Андрею.

— Бог спас, — сказал Андрей.

— А девушка эта кто тебе? Или она не твоя?

— Она новенькая. Сегодня ночью прибыла.

— Так чего лучше? Барышня приятная, обходительная. Забирай и поехали, а? У нас там воздух. У нас там молоко. Ты ведь молока, наверное, уже год не пил свежего. Я вот все спрашиваю: почему в магазинах у вас молока нет? У меня у одного три коровы, я это молоко и государству сдаю, и сам ем, и свиней кормлю, и на землю лью... Вот у нас поселишься, понимаешь, проснешься поутру в поле идти, а она тебе, твоя-то, крынку парного, прямо из-под коровы, а? — Он крепко замигал обоими глазами по очереди, захохотал, ахнул Андрея по плечу и, твердо скрипя половицами, прошелся по комнате — остановил патефон и вернулся. — А воздух какой? У вас здесь и воздуха не осталось, зверинец у вас здесь, вот и весь ваш воздух... Кэнси, да что ты все стараешься? Девку позови, пусть поставит посуду.

— Она там картошку чистит, — сказал Андрей, улыбаясь. Потом спохватился и стал помогать Кэнси. Очень свой человек был Давыдов. Очень близкий. Будто знакомы уже целый год. А что, если и верно — махнуть на болота? Молоко не молоко, а жизнь там, наверное, действительно здоровее. Ишь он какой стоит, как памятник!

— Стучит там кто-то, — сообщил Давыдов. — Открыть или сам откроешь?

— Сейчас, — сказал Андрей и пошел к парадному. За дверью оказался Ван — уже без ватника, в синей саржевой рубахе до колен, с вафельным полотенцем вокруг головы.

— Баки привезли! — сказал он, радостно улыбаясь.

— Ну и хрен с ними, — отвечивал Андрей не менее радостно. — Баки подождут. Ты почему один? А Мэйлинь где?

— Она дома, — сказал Ван. — Устала очень. Спит. Сын немного захворал.

— Ну заходи, чего стоишь... Пойдем, я тебя с хорошим человеком познакомлю.

— А мы уже знакомы, — сказал Ван, входя в столовую.

— А, Ваня! — обрадованно закричал Давыдов. — И ты тоже тут! Нет, — сказал он, обращаясь к Кэнси. — Знал я, что Андрей — хороший парень. Видишь, все у него хорошие люди собираются. Тебя вот взять, или еврейчика этого... как его... Ну, теперь у нас пойдет пир горой! Пойду посмотрю, чего они там копаются. Там и делать-то нечего, а они, понимаешь, развели работу...

Ван быстро оттеснил Кэнси от стола и принялся аккуратно и ловко переставлять приборы. Кэнси свободной рукой и зубами поправлял повязку. Андрей сунулся ему помогать.

— Что-то Дональд не идет, — сказал он озабоченно.

— Заперся у себя, — отозвался Ван. — Не велел беспокоить.

— Чего-то он хандрит, ребята, последнее время. Ну и бог с ним. Слушай, Кэнси, что это у тебя с рукой?

Кэнси ответил, слегка скривив лицо:

— Павиан цапнул. Такая сволочь — до кости прокусил.

— Ну да? — поразился Андрей. — А мне показалось, они вроде мирные...

— Ну, знаешь, мирные... Когда тебя поймают и начнут тебе ошейник клепать...

— Какой ошейник?

— Приказ пятьсот семь. Всех павианов перерегистрировать и снабдить ошейником с номером. Завтра будем раздавать их населению. Ну, мы штук двадцать окольцевали, а остальных перегнали на соседний участок, пусть там разбираются. Ну, чего ты стоишь с открытым ртом?.. Рюмки давай, рюмок не хватает...

Глава четвертая

Когда выключили солнце, вся компания была порядочно уже на взводе. В мгновенно наступившей темноте Андрей вылез из-за стола и, сшибая ногами какие-то кастрюли, стоящие на полу, добрался до выключателя.

— Н-не пугайтесь, милая фройлейн, — бубнил у него за спиной Фриц. — Это здесь всегда...

— Да будет свет! — провозгласил Андрей, старательно выговаривая слова.

Под потолком вспыхнула пыльная лампочка. Свет был жалкий, как в подворотне. Андрей обернулся и оглядел собрание.

Все было очень хорошо. Во главе стола на высокой кухонной табуретке восседал, слегка покачиваясь, Юрий Константинович Давыдов, полчаса назад ставший для Андрея раз и навсегда дядей Юрой. В крепко сжатых зубах дяди Юры дымилась атлетическая козья нога, в правой руке он сжимал граненый стакан, полный благородного первача, а заскорузлым указательным пальцем левой водил перед носом сидящего рядом Изи Кацмана, который был уже вовсе без галстука и без пиджака, а на подбородке и на груди его сорочки явственно обнаруживались следы мясного соуса.

По правую руку от дяди Юры скромно сидел Ван — перед ним стояла самая маленькая тарелочка с маленьким кусочком и лежала самая щербатая вилка, а бокал для первача он взял себе с отбитым краем. Голова его совсем ушла в плечи, лицо с закрытыми глазами было поднято и блаженно улыбалось: Ван наслаждался покоем.

Быстроглазый раздумявшийся Кэнси с аппетитом закусывал кислой капустой и что-то живо рассказывал Отто, героически сражавшемуся с осоловлением и в минуты одержанных побед громко восклицавшему: «Да! Конечно! Да! О да!»

Сельма Нагель, шведская шлюха, была прямо-таки красавица. Она сидела в кресле, перекинув ноги через мягкий подлокотник, и сверкающие эти ноги находились как раз на уровне груди бравого унтера Фрица, так что глаза у Фрица горели, и весь он шел красными пятнами от возбуждения. Он лез к Сельме с полным стаканом и все норовил выпить с нею на брудершафт, а Сельма отпихивала его своим бокалом, хохотала, болтала ногами и время от времени стряхивала волосатую ласковую лапу Фрица со своих коленок.

Только стул Андрея по другую сторону от Сельмы был пуст, и был печально пуст стул, поставленный для Дональда. Жалко как — Дональда нет, подумал Андрей. Но! Выдержим, перенесем и это! И не с таким нам приходилось справляться... Мысли его несколько путались, но общий настрой был мужественный, с легким налетом трагизма. Он вернулся на свое место, взял стакан и заорал:

— Тост!

Никто не обратил на него внимания, только Отто дернул головой, словно кусаемая слепнями лошадь, и отозвался: «Да! О да!»

— Я сюда приехал, потому что поверил! — громко басил дядя Юра, не давая хихикающему Изе убрать его сучковатый палец у себя из-под носа. — А поверил потому, что больше верить было не во что. А русский человек должен во что-то верить, понял, браток? Если ни во что не верить, ничего, кроме водки, не останется. Даже чтобы бабу любить, нужно верить. В себя нужно верить, без веры, браток, и палку хорошую не бросишь...

— Ну да, ну да! — откликнулся Изя. — Если у еврея отнять веру в бога, а у русского — веру в доброго царя, они становятся способны черт знает на что...

— Нет... Подожди! Евреи — это дело особое...

— Главное, Отто, не напрягайтесь, — говорил в то же время Кэнси, с аппетитом хрустя капустой. — Все равно никакого обучения нет и просто быть не может. Сами подумайте, зачем нужно профессиональное обучение в Городе, где каждый то и дело меняет профессию.

— О да! — отвечивал Отто, на секунду проясняясь. — То же самое я говорил господину министру.

— И что же министр? — Кэнси взял стакан первача и сделал несколько маленьких глотков — словно чай пил.

— Господин министр сказал, что это чрезвычайно интересная мысль, и предложил мне составить разработку. — Отто шмыгнув носом, глаза его налились слезами. — А я вместо этого пошел к Эльзе...

— ...И когда танк оказался на расстоянии двух метров от меня, — гундел Фриц, проливая первач на белые ноги Сельмы, — я вспомнил все!.. Вы не поверите, фройлейн, все прожитые годы прошли передо мною... Но я — солдат! С именем фюрера!

— Да нет давно вашего фюрера! — втолковывала ему Сельма, плача от смеха. — Сожгли его, вашего фюрера!..

— Фройлейн! — произнес Фриц, угрожающе выпячивая челюсть. — В сердце каждого истинного немца фюрер жив! Фюрер будет жить века! Вы — арийка, фройлейн, вы меня поймете: когда р-русский танк... в трех метрах... я, с именем фюрера!..

— Да надоел ты со своим фюрером! — заорал на него Андрей. — Ребята! Ну, сволочи же, слушайте же тост!

— Тост? — спохватился дядя Юра. — Давай! Вали, Андрюха!

— За псютздесдам! — вдруг выпалил Отто, отстраняя от себя Кэнси.

— Да заткнись ты! — гаркнул Андрей. — Изя, перестань ты скалиться! Я серьезно говорю! Кэнси, черт тебя подери!.. Я считаю, ребята, что мы должны выпить... мы уже пили, но как-то мимоходом, а надо основательно, по-серьезному выпить за наш Эксперимент, за наше благородное дело и в особенности...

— За вдохновителя всех наших побед, товарища Сталина! — заорал Изя.

Андрей сбился.

— Нет... слушай... — пробормотал он. — Чего ты меня перебиваешь? Ну, и за Сталина, конечно... Черт, сбил меня совсем... Я хотел, чтобы мы за дружбу выпили, дурак!

— Ничего, ничего, Андрюха! — сказал дядя Юра. — Тост хороший, за Эксперимент надо выпить, за дружбу тоже надо выпить. Хлопцы, берите стаканы, за дружбу выпьем и чтобы все было хорошо.

— А я за Сталина выпью! — упрямылась Сельма. — И за Мао Цзэдуна. Эй, Мао Цзэдун, слышишь? За тебя пью! — крикнула она Вану.

Ван вздрогнул, жалобно улыбаясь, взял стакан и пригубил.

— Цзэдун? — спросил Фриц угрожающе. — К-то такой?

Андрей залпом осушил свой стакан и, слегка оглушенный, торопливо тыкал вилкой в закуску. Все разговоры доносились сейчас до него словно из другой комнаты. Сталин... Да, конечно. Какая-то связь должна быть... Как это мне раньше в голову не приходило! Явления одного масштаба — космического. Должна быть какая-то связь и взаимосвязь... Скажем, такой вопрос: выбрать между успехом Эксперимента и здоровьем товарища Сталина... Что лично мне как гражданину, как бойцу... Правда, Кацман говорит, что Сталина не стало, но это несущественно. Предположим, что он жив. И предположим, что передо мной такой выбор: Эксперимент или дело Сталина... Нет, чепуха, не так. Продолжать дело Сталина под сталинским руководством или продолжать дело Сталина в совершенно других условиях, в необычных, в не предусмотренных никакой теорией — вот как ставится вопрос...

— А откуда ты взял, что Наставники продолжают дело Сталина? — донесся вдруг до него голос Изя, и Андрей понял, что уже некоторое время говорит вслух.

— А какое еще дело они могут делать? — удивился он. — Есть только одно дело на Земле, которым стоит заниматься, — построение коммунизма! Это и есть дело Сталина.

— Двойка тебе по «Основам», — отозвался Изя. — Дело Сталина — это построение коммунизма в одной отдельно взятой стране, последовательная борьба с империализмом и расширение социалистического лагеря до пределов всего мира. Что-то я не вижу, как ты можешь эти задачи осуществить здесь.

— Ску-учно! — заныла Сельма. — Музыка давайте! Танцевать хочу!

Но Андрей уже ничего не видел и не слышал.

— Ты догматик! — гаркнул он. — Талмудист и начетчик! И вообще метафизик. Ничего, кроме формы, ты не видишь. Мало ли какую форму принимает Эксперимент! А содержание у него может быть только одно, и конечный результат только один: установление диктатуры пролетариата в союзе с трудящимися фермерами...

— И с трудовой интеллигенцией! — вставил Изя.

— С какой там еще интеллигенцией... Тоже мне говна-пирога — интеллигенция!..

— Да, правда, — сказал Изя. — Это из другой эпохи.

— Интеллигенция вообще импотентна! — заявил Андрей с ожесточением. — Лакейская прослойка. Служит тем, у кого власть.

— Банда хлюпиков! — рявкнул Фриц. — Хлюпики и болтуны, вечный источник расхлябанности и дезорганизации!

— Именно! — Андрей предпочел бы, чтобы его поддержал, скажем, дядя Юра, но и в поддержке Фрица была полезная сторона. — Вот, пожалуйста: Гейгер. Вообще-то — классовый враг, а позиция полностью совпадает с нашей. Вот и получается, что с точки зрения любого класса интеллигенция — это дерьмо. — Он скрипнул зубами. — Ненавижу... Терпеть не могу этих бессильных очкариков, болтунов, дармоедов. Ни внутренней силы у них нет, ни веры, ни морали...

— Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет! — металлическим голосом провозгласил Фриц.

— Э, нет! — сказал Андрей. — Тут мы с тобой расходимся. Это ты брось! Культура есть великое достояние освободившегося народа. Тут надо диалектически...

Где-то рядом гремел патефон, пьяный Отто, спотыкаясь, танцевал с пьяной Сельмой, но Андрея это не интересовало. Начиналось самое лучшее, то самое, за что он больше всего на свете любил эти сборища. Спор.

— Долой культуру! — вопил Изя, прыгая с одного свободного стула на другой, чтобы подобраться поближе к Андрею. — К нашему Эксперименту она отношения не имеет. В чем задача Эксперимента? Вот вопрос! Вот ты мне что скажи.

— Я уже сказал: создать модель коммунистического общества!

— Да на кой ляд Наставникам модель коммунистического общества, посуди ты сам, голова садовая!

— А почему нет? Почему?

— Я все-таки полагаю так, — сказал дядя Юра, — что Наставники — это не настоящие люди. Что они, как это сказать, другой породы, что ли... Посадили они нас в аквариум... или как бы в зоосад... и смотрят, что из этого получается.

— Это вы сами придумали, Юрий Константинович? — с огромным интересом повернулся к нему Изя.

Дядя Юра пощупал правую скулу и неопределенно ответил:

— В спорах родилось.

Изя даже стукнул кулаком по столу.

— Поразительная штука! — сказал он с азартом. — Почему? Откуда? У самых различных людей, причем мыслящих в общем-то вполне конформистски, почему рождается такое представление — о нечеловеческом происхождении Наставников? Представление, что Эксперимент проводится какими-то высшими силами.

— Я, например, спросил прямо, — вмешался Кэнси. — «Вы пришельцы?» Он от прямого ответа уклонился, но фактически и не отрицал.

— А мне было сказано, что они люди другого измерения, — сказал Андрей. О Наставнике говорить было неловко, как о семейном деле с посторонними людьми. — Но я не уверен, что я правильно понял... Может быть, это было иносказание...

— А я не желаю! — заявил вдруг Фриц. — Я — не насекомое. Я — сам по себе. А-а! — Он махнул рукой. — Да разве я попал бы сюда, если бы не плен?

— Но почему? — говорил Изя. — Почему? Я тоже ощущаю все время какой-то внутренний протест и сам не понимаю, в чем здесь дело. Может быть, их задачи в конечном счете близки к нашим...

— А я тебе о чем толкую! — обрадовался Андрей.

— Не в этом смысле, — нетерпеливо отмахнулся Изя. — Не так это все прямолинейно, как у тебя. Они пытаются разобраться в человечестве, понимаешь? Разобраться! А для нас проблема номер один — то же самое: разобраться в человечестве, в нас самих. Так, может быть, разбираясь сами, они помогут разобраться и нам?

— Ах нет, друзья! — сказал Кэнси, мотая головой. — Ах, не ободряйтесь. Готовят они колонизацию Земли и изучают на нас с вами психологию будущих рабов...

— Ну почему, Кэнси? — разочарованно произнес Андрей. — Почему такие страшные предположения? По-моему, просто нечестно так о них думать...

— Да я, наверное, так и не думаю, — отозвался Кэнси. — Просто у меня какое-то странное чувство... Все эти павианы, превращения воды, всеобщий кабак изо дня в день... В одно прекрасное утро еще смешение языков нам устроят... Они словно систематически готовят нас к какому-то жуткому миру, в котором мы должны будем жить отныне, и присно, и во веки веков. Это как на Окинаве... Я был тогда мальчишкой, шла война, и у нас в школе окинавским ребятам запрещалось разговаривать на своем диалекте. Только по-японски. А когда какого-нибудь мальчика уличали, ему вешали на шею плакат: «Не умею правильно говорить». Так и ходил с этим плакатом.

— Да, да, понимаю... — проговорил Изя, с остановившейся улыбкой дергая и пощипывая бородавку на шее.

— А я — не понимаю! — объявил Андрей. — Все это — извращенное толкование, неверное... Эксперимент есть Эксперимент. Конечно, мы ничего не понимаем. Но ведь мы и не должны понимать! Это же основное условие! Если мы будем понимать, зачем павианы, зачем сменность профессий... такое понимание сразу обусловит наше поведение, Эксперимент потеряет чистоту и провалится. Это же ясно! Ты как считаешь, Фриц?

Фриц покачал белобрысой головой.

— Не знаю. Меня это не интересует. Меня не интересует, чего там ОНИ хотят. Меня интересует, чего Я хочу. А я хочу навести порядок в этом бардаке. Вообще, кто-то из вас говорил, я уже не помню, что, может быть, и вся задача Эксперимента состоит в том, чтобы отобрать самых энергичных, самых деловых, самых твердых... Чтобы не языками трепали, и не расползались как тесто, и не философии бы разводили, а гнули бы свою линию. Вот таких они отберут — таких, как я, или, скажем, ты, Андрей, — и бросят обратно на Землю. Потому что раз мы здесь не дрогнули, то и там не дрогнем...

— Очень может быть! — глубокомысленно сказал Андрей. — Я это тоже вполне допускаю.

— А вот Дональд считает, — тихонько сказал Ван, — что Эксперимент уже давным-давно провалился.

Все посмотрели на него. Ван сидел в прежней позе покоя — втянув голову в плечи и подняв лицо к потолку; глаза его были закрыты.

— Он сказал, что Наставники давно запутались в собственной затее, перепробовали все, что можно, и теперь уже сами не знают, что делать. Он сказал: полностью обанкротились. И все теперь просто катится по инерции.

Андрей в полной растерянности полез в затылок — чесаться. Вот так Дональд! То-то он сам не свой ходит... Другие тоже молчали. Дядя Юра медленно сворачивал очередную козью ножку, Изя с окаменевшей улыбкой щипал и терзал бородавку, Кэнси опять принялся за капусту, а Фриц, не отрываясь, глядел на Вана, выдвигая и снова ставя на место челюсть. Вот так и начинается разложение, мелькнуло у Андрея в голове. Вот с таких вот разговоров. Непонимание рождает неверие. Неверие — смерть. Очень, очень опасно. Наставник говорил прямо: главное — поверить в идею до конца, без оглядки. Осознать, что непонимание — это неременнейшее условие Эксперимента. Естественно, это самое трудное. У большинства здесь нет настоящей идейной закалки, настоящей убежденности в неизбежности светлого будущего. Что сегодня может быть как угодно тяжело и плохо, и завтра — тоже, но послезавтра мы обязательно увидим небо в звездах, и на нашей улице наступит праздник...

— Я — человек неученый, — сказал вдруг дядя Юра, любовно заклеивая языком новую козью ногу. — У меня четыре класса образования, если хотите знать, и я тут уже Изе говорил, что сюда я, прямо скажем, попросту удрал... Как вот ты... — Он указал козьею ногой на Фрица. — Только тебе из плена дорога открылась, а мне, значит, из деревни. Я, если войны не считать, всю жизнь в деревне прожил и всю жизнь света не видел. А здесь вот — увидел! Что они там со своим Экспериментом мудрят — прямо скажу, братки, не моего это ума дело, да и не так уж интересно. Но я здесь — свободный человек, и пока мою эту свободу не тронули, я тоже никого не трону. А вот если тут которые найдутся, чтобы наше нынешнее положение фермерское переменить, то тут я вам в точности обещаю: мы от вашего города камня на камне не оставим. Мы вам, мать вашу так, не павианы. Мы вам, мать вашу так, ошейники себе на горло положить не дадим!.. Вот такие вот пироги, браток, — сказал он, обращаясь непосредственно к Фрицу.

Изя рассеянно хихикнул, и снова воцарилось неловкое молчание. Андрея речь дяди Юры несколько удивила, и он решил, что у Юрия Константиновича жизнь, видимо, сложилась особенно тяжело, и если он говорит, что света он не видел, значит есть у него на то особые основания, о которых расспрашивать его и тем более сейчас было бы бестактно. Поэтому он только сказал:

— Рано мы, наверное, поднимаем все эти вопросы. Эксперимент длится не так уж долго, работы — невпроворот, надо работать и верить в правоту...

— Это откуда ты взял, что Эксперимент длится недолго? — перебил его Изя с усмешкой. — Эксперимент длится лет сто, не меньше. То есть он длится наверняка гораздо больше, но просто за сто лет я ручаюсь.

— А ты откуда знаешь?

— Ты на север далеко заходил? — спросил Изя.

Андрей смешался. Он понятия не имел, что здесь вообще есть север.

— Ну, север! — нетерпеливо сказал Изя. — Условно считаем, что направление на солнце, та сторона, где болота, поля, фермеры, — это юг, а противоположная сторона, в глубину Города, — север. Ты ведь дальше мусорных свалок нигде и не был... А там еще город и город, там огромные кварталы, целехонькие, башни, дворцы... — Он хихикнул. — Дворцы и хижины. Сейчас там, конечно, никого нет, потому что воды нет, но когда-то жили, и было это «когда-то», я тебе скажу, довольно давно. Я там такие документы в пустых домах обнаружил, что ой-ей-ей! Слышал про такого монарха, Велиария Второго? То-то! А он, между прочим, там царствовал. Только в те времена, когда он там царствовал, здесь, — он постучал ногтем по столу, — здесь были болота и вкалывали на этих болотах крепостные... или рабы. И было это не меньше, чем сто лет назад...

Дядя Юра качал головой и цокал языком. Фриц спросил:

— А еще дальше на север?

— Дальше я не ходил, — сказал Изя. — Но я знаю людей, которые заходили очень далеко — километров на сто — сто пятьдесят, а многие уходили и не возвращались.

— Ну и что там?

— Город. — Изя помолчал. — Правда, и врут про те места тоже безбожно. Поэтому я и говорю только о том, что сам разузнал. Верные сто лет. Понял, друг мой Андрюша? Сто лет. За сто лет на любой эксперимент плюнуть можно.

— Ну ладно, ну подожди... — пробормотал Андрей, потерявшись. — Но ведь не плюнули же! — оживился он. — Раз набирают новых и новых людей, значит, не бросили, не отчаялись! Просто очень трудная задача поставлена. — Новая мысль пришла ему в голову, и он оживился еще больше. — И вообще: откуда ты знаешь, какой у них масштаб времени? Может быть, наш год для них — секунда?..

— Да ничего я этого не знаю, — сказал Изя, пожимая плечами. — Я пытаюсь тебе объяснить, в каком мире ты живешь, — вот и все.

— Ладно! — прервал его дядя Юра решительно. — Хватит нам из пустого в порожнее переливать!.. Эй, малый! Как тебя... Отто! Брось девку, и тащи ты нам... Нет, окосел он. Разобьет он мне бутылку, схожу сам...

Он слез с табурета, взял со стола опустевший кувшин и отправился на кухню. Сельма бухнулась на свое место, снова задрала ноги выше головы и капризно толкнула Андрея в плечо.

— Вы долго еще будете эту бодягу тянуть? Развели скучищу... Эксперимент, эксперимент... Дай закурить!

Андрей дал ей закурить. Неожиданно оборвавшийся разговор взбаламутил в нем какой-то неприятный осадок — что-то было недоговорено, что-то было не так понято, не дали ему объяснить, не получилось единства... И Кэнси вот сидит какой-то грустный, а с ним это бывает редко... Слишком много мы о себе думаем, вот что! Эксперимент Экспериментом, а каждый норовит гнуть какую-то свою линию, цепляется за свою позицию, а надо-то вместе, вместе надо!..

Тут дядя Юра бухнул на стол новую порцию, и Андрей махнул на все рукой. Выпили по стакану, закусили, Изя выдал анекдот — грохнули. Дядя Юра тоже выдал анекдот, чудовищно неприличный, но очень смешной. Даже Ван смеялся, а Сельма просто скисла от хохота. «В крынку... — захлебывалась она, утирая глаза ладонями. — В крынку не лезет!..» Андрей ахнул кулаком по столу и затянул любимую мамину:

А хто пье, тому нальвайтэ,
А хто нэ пье, тому нэ давайтэ,
А мы будэм питы, тай Бога хвалыты,
И за нас, и за вас, и за нэньку старэньку,
Шо вывчила нас горилочку пить помалэньку...

Ему подтягивали, кто как может, а потом Фриц, бешено вылупив глаза, проорал на пару с Отто какую-то незнакомую, но отличную песню про дрожащие кости старого дряхлого мира — великолепную боевую песню. Глядя, как Андрей с воодушевлением пытается подтягивать, Изя Кацман хихикал и булькал, потирая руки, и тут дядя Юра вдруг, уставясь своими ерническими светлыми глазами на голые ляжки Сельмы, заревел медвежьим голосом:

А по деревне пойдетё,
Играетё и поетё,
А мое сердце беспокоетё
И спать не даетё!..

Успех был полный, и дядя Юра продолжил:

А девки, сами знаетё,
Да чем заманиваетё:

Сулитё, не даетё,
Всё обманываетё...

Тут Сельма сняла ноги с подлокотника, отпихнула Фрица и сказала с обидой:

— Ничего я вам не сулю, нужны вы мне все...

— Да я ж вообще... — сказал дядя Юра, сильно смутившись. — Это песня такая. Сама ты мне больно нужна...

Чтобы замять инцидент, выпили еще по стакану. Голова у Андрея пошла кругом. Он смутно сознавал, что возится с патефоном и что сейчас уронит его, и патефон действительно упал на пол, но нисколько не пострадал, а напротив, начал играть даже как будто бы громче. Потом он танцевал с Сельмой, и бока у Сельмы оказались теплые и мягкие, а груди — неожиданно крепкие и большие, что было чертовски приятным сюрпризом: обнаружить нечто прекрасно оформленное под этими бесформенными складками колючей шерсти. Они танцевали, и он держал ее за бока, а она взяла его ладонями за щеки и сказала, что он — очень славный мальчик и очень ей нравится, и в благодарность он сказал ей, что любит ее, и всегда любил, и теперь ее от себя никуда не отпустит... Дядя Юра грохал кулаком по столу, провозглашал: «Что-то стало холодать, не пора ли нам поддаться...», обнимал совершенно уже сникшего Вана и крепко лобызал его троекратно по русскому обычаю. Потом Андрей оказался посередине комнаты, а Сельма снова сидела за столом, кидала в раскисшего Вана хлебными шариками и называла его Мао Цзэдуном. Это навело Андрея на идею спеть «Москва — Пекин», и он тут же исполнил эту прекрасную песню с необычайным азартом и задором, и потом вдруг оказалось, что они с Изей Кацманом стоят друг против друга и, страшно округлив глаза, все более и более понижая голоса в зловещем шепоте, повторяют, выставив указательные пальцы: «С-слушают нас!.. С-слуш-шают нас-с!..» Далее они с Изей оказались каким-то образом втиснутыми в одно кресло, а перед ними на столе, болтая ногами, сидел Кэнси, и Андрей горячо втолковывал ему, что здесь он готов на любую работу, здесь — любая работа дает особое удовлетворение, что он замечательно чувствует себя, работая мусорщиком...

— Вот я — мусорг...щик! — выговаривал он с трудом. — Мусорг... мусоргщик!

А Изя, плюясь ему в ухо, долдонил что-то неприятное, обидное что-то: якобы он, Андрей, на самом деле просто испытывает сладострастное унижение от того, что он мусорщик («...да, я мусорг...щик!»), что вот он такой умный, начитанный, способный, годный на гораздо большее, тем не менее терпеливо и с достоинством, не в пример другим-прочим, несет свой тяжкий крест... Потом появилась Сельма и сразу его утешила. Она была мягкая и ласковая, и делала все, что он хотел, и не перечила ему, и тут в его ощущениях образовался сладостный опустошающий провал, а когда он вынырнул из этого провала, губы у него были распухшие и сухие, Сельма уже спала на его кровати, и он отеческим движением поправил на ней юбку, накинул на нее одеяло, привел в порядок свой собственный туалет и, стараясь ступать бодро, снова вышел в столовую, споткнувшись по дороге о вытянутые ноги несчастного Отто, который спал на стуле в чудовищно неудобной позе человека, убитого выстрелом в затылок.

На столе возвышалась уже сама четвертная бутылка, а все участники веселья сидели, подперев взлохмаченные головы, и дружно тянули вполголоса: «Там в степи-и глухой за-амерзал ямщик...», и из бледных арийских глаз Фрица катились крупные слезы. Андрей присоединился было к хору, но тут раздался стук в дверь. Он открыл — какая-то закутанная в платок женщина в нижней юбке и ботинках на босу ногу спросила, здесь ли дворник. Андрей растолкал Вана и объяснил ему, где он, Ван, находится и что от него требуется. «Спасибо, Андрей», — сказал Ван, внимательно его выслушав, и, вяло шаркая подошвами, удалился. Оставшиеся допели «ямщика», и дядя Юра предложил выпить, «щоб дома нэ журылись», но тут выяснилось, что Фриц спит и чокаться поэтому не может. «Ну всё, — сказал дядя Юра. — Это, значит, будет последняя...» Но прежде чем

они выпили по последней, Изя Кацман, ставший вдруг странно серьезным, исполнил соло еще одну песню, которую Андрей не совсем понял, а дядя Юра, кажется, понял вполне. В этой песне был рефрен «Аве, Мария!» и совершенно жуткая, словно с другой планеты, строфа:

Упекли пророка в республику Коми,
А он и перекинься башкою в лебеду.
А следователь-хмурик получил в месткоме
Льготную путевку на месяц в Теберду...

Когда Изя кончил петь, некоторое время было молчание, а затем дядя Юра вдруг со страшным треском обрушил пудовый кулак на столешницу, длинно и необычайно витиевато выматерился, после чего схватил стакан и припал к нему без всяких тостов. А Кэнси, по какой-то одному ему понятной ассоциации, чрезвычайно неприятным визгливым и яростным голосом спел другую, явно маршевую, песню, в которой говорилось о том, что если все японские солдаты примутся разом мочиться у Великой Китайской стены, то над пустыней Гоби встанет радуга; что сегодня императорская армия в Лондоне, завтра — в Москве, а утром в Чикаго будет пить чай; что сыны Ямато расселись по берегам Ганга и удочками ловят крокодилов... Потом он замолчал, попытался закурить, сломал несколько спичек и вдруг рассказал об одной девочке, с которой он дружил на Окинаве, — ей было четырнадцать лет, и она жила в доме напротив. Однажды пьяные солдаты изнасиловали ее, а когда отец пришел жаловаться в полицию, явились жандармы, взяли его и девочку, и больше Кэнси их никогда не видел...

Все молчали, когда в столовую заглянул Ван, окликнул Кэнси и поманил его к себе.

— Вот такие-то дела... — сказал дядя Юра уныло. — И ведь смотри: что на Западе, что у нас в России, что у желтых — везде ведь одно. Власть несправедная. Нет уж, братки, я там ничего не потерял. Я уж лучше тут...

Вернулся бледный озабоченный Кэнси и принялся искать свой ремень. Мундир у него уже был застегнут на все пуговицы.

— Что-нибудь случилось? — спросил Андрей.

— Да. Случилось, — отрывисто сказал Кэнси, оправляя кобуру. — Дональд Купер застрелился. Около часа назад.

Часть вторая. Следователь

Глава первая

У Андрея вдруг ужасно заболела голова. Он с отвращением раздавил в переполненной пепельнице окурки, выдвинул средний ящик стола и заглянул, нет ли там каких-нибудь пилюль. Пилюль не было. Поверх старых перепутанных бумаг лежал огромный армейский пистолет, по углам пряталась всякая канцелярская мелочь в обтрепанных картонных коробочках, валялись огрызки карандашей, табачный мусор, несколько сломанных сигарет. От всего этого головная боль только усилилась. Андрей с треском задвинул ящик, подпер голову руками так, чтобы ладони закрывали глаза, и сквозь щелки между пальцами стал смотреть на Питера Блока.

Питер Блок, по прозвищу Копчик, сидел в отдалении на табурете, смиренно сложив на костлявых коленях красные лапки, и равнодушно мигал, время от времени облизываясь. Голова у него явно не болела, но зато ему, видимо, хотелось пить. И вероятно, курить тоже. Андрей с усилием оторвал ладони от лица, налил себе из графина тепловатой воды и, преодолев легкий спазм, выпил полстакана. Питер Блок облизнулся. Серые глазки его были по-прежнему невыразительны и пусты. Только на

тощей грязноватой шее, торчащей из расстегнутого воротничка сорочки, длинно съехал книзу и снова подскочил к подбородку могучий хрящеватый кадык.

— Ну? — сказал Андрей.

— Не знаю, — хрипло ответил Копчик. — Не помню ничего такого.

Сволочь, подумал Андрей. Животное.

— Как же это у вас получается? — сказал он. — Бакалею в Шерстяном переулке обслуживали; когда обслуживали — помните, с кем обслуживали — помните. Хорошо. Кафе Дрейдуса обслуживали, когда и с кем — тоже помните. А вот лавку Гофштаттера почему-то забыли. А ведь это ваше последнее дело, Блок.

— Не могу знать, господин следователь, — возразил Копчик с отвратительнейшей почтительностью. — Это кто-то на меня, извиняюсь, клепают. У меня, как мы после Дрейдуса завязали, как мы, значит, избрали путь окончательного исправления и полезного трудоустройства, так, значит, у меня никаких дел такого рода больше и не было.

— Гофштаттер-то вас опознал.

— Я очень извиняюсь, господин следователь, — теперь в голосе Копчика явственно слышалась ирония. — Но ведь господин Гофштаттер того-с, это кому угодно известно. Все у него, значит, перепуталось. В лавке у него я бывал, это точно — картошечки там купить, лучку... Я и раньше замечал, что у него, извиняюсь, в черепушке не все хорошо, знал бы, как дело обернется, перестал бы к нему ходить, а то вот, надо же...

— Дочь Гофштаттера вас тоже опознала. Это вы ей угрожали ножом, вы персонально.

— Не было этого. Было кое-что, но совсем не то. Вот она ко мне с ножом к горлу приставала — это было! Зажала меня однажды в кладовке у них — еле ноги унес. У нее же сдвиг на половой почве, от нее все мужики в околотке по углам прячутся... — Копчик снова облизнулся. — Главное, говорит мне: заходи, говорит, в кладовую, сам, говорит, капусту выбирай...

— Это я уже слышал. Повторите лучше еще раз, что вы делали и где вы были в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое. Подробно, начиная с момента выключения солнца.

Копчик возвел глаза к потолку.

— Значит, так, — начал он. — Когда солнце выключилось, я сидел в пивной на углу Трикотажного и Второй, играл в карты. Потом Джек Ливер позвал меня в другую пивную, мы пошли, завернули по дороге к Джеку, хотели прихватить его шмару, да задержались, стали там пить. Джек насосался, и шмара его уложила в постель, а меня выгнала. Я пошел домой спать, но был сильно нагрузившись и по дороге сцепился с какими-то, трое их было, тоже пьяные, никого из них не знаю, впервые в жизни увидел. Они мне так навешали, что я уж больше ничего и не помню, утром только очухался у самого обрыва, еле домой добрался. Лег я спать, а тут за мной пришли...

Андрей полистал дело и нашел листок медицинской экспертизы. Листок был уже слегка засален.

— Подтверждается только то, что вы были пьяны, — сказал он. — Медэкспертиза не подтверждает, что вы были избиты. Следов избиения у вас на теле не обнаружено.

— Аккуратно, значит, работали ребята, — сказал Копчик с одобрением. — Были у них, значит, чулки с песком... У меня до сих пор все ребра болят... а меня в госпиталь отказываются... Вот сдохну у вас тут — будете все за меня отвечать...

— Трое суток у вас ничего не болело, а как только предъявили вам акт экспертизы — сразу заболело...

— Как же — не болело? Сил никаких не было, как болело, терпежу не стало, вот и жаловаться начал.

— Перестаньте врать, Блок, — устало сказал Андрей. — Срамно слушать...

Его уже тошнило от этого гнусного типа. Бандит, гангстер, попался буквально с поличным — и никак его не возьмешь... Опыта у меня не хватает, вот что. Другие таких

вот раскалывают в два счета... А Копчик между тем горестно завздыхал, жалобно искривил лицо, закатил зрачки под лоб и, слабо постанывая, заерзал на сиденье, вознамерившись, по-видимому, половчее грянуться в обморок, чтобы ему дали стакан воды и отправили спать в камеру. Андрей сквозь щели между пальцами с ненавистью следил за этими омерзительными манипуляциями. Ну, давай, давай, думал он. Попробуй мне только пол заблевать — я тебя, сукиного сына, одной промокашкой заставлю все подобрать...

Дверь распахнулась, и в кабинет уверенной походкой вошел старший следователь Фриц Гейгер. Скользнув равнодушным взглядом по скорченному Копчику, он приблизился к столу и присел боком на бумаги. Не спрашивая, вытряхнул из Андреевой пачки несколько сигарет, одну сунул в зубы, остальные аккуратно уложил в тонкий серебряный портсигар. Андрей чиркнул спичкой, Фриц затаился, кивнул в знак благодарности и выпустил в потолок струю дыма.

— Шеф велел взять у тебя дело Черных Сороконожек, — сказал он негромко. — Если не возражаешь, конечно. — Он еще более понизил голос и значительно сморщил губы. — По-видимому, шефу здорово всыпал Главный прокурор. Он сейчас всех к себе вызывает и дает накачку. Жди — скоро и до тебя доберется...

Он еще раз затаился и посмотрел на Копчика. Копчик, вытянувший было шею подслушать, о чем шепчется начальство, тотчас опять съежился и издал жалобный стон. Фриц спросил:

— С этим ты, кажется, покончил?

Андрей помотал головой. Ему было стыдно. За последнюю декаду Фриц уже второй раз приходил забрать у него дело.

— Да ну? — удивился Фриц. Несколько секунд он оценивающе разглядывал Копчика, потом сказал вполголоса: — Ты позволишь? — и, не дожидаясь ответа, соскочил со стола.

Он подошел к подследственному вплотную и участливо наклонился над ним, держа сигарету на отлете.

— Все болит? — сочувственно осведомился он.

Копчик застонал утвердительно.

— Пить хочется?

Копчик снова застонал и протянул дрожащую лапку.

— И курить, наверное, тоже хочется?

Копчик недоверчиво приоткрыл один глаз.

— У него все болит, у бедняги! — громко сказал Фриц, не оборачиваясь, впрочем, к Андрею. — Жалко же смотреть, как мучается человек. Здесь у него болит... и здесь у него болит... и вот здесь у него болит...

Повторяя эти слова на разные лады, Фриц делал короткие непонятные движения рукой, свободной от сигареты, и жалобное мычание Копчика вдруг прервалось, сменилось какими-то крякающими и словно бы удивленными ахами, а лицо его побелело.

— Встать, сволочь! — неожиданно заорал Фриц во все горло и отступил на шаг.

Копчик немедленно вскочил, и тогда Фриц нанес ему страшный режущий удар в живот. Копчика согнуло пополам, а Фриц раскрытой ладонью с глухим стуком ударил его снизу в подбородок. Копчик качнулся назад, опрокинул табуретку и упал на спину.

— Встать! — снова заревел Фриц.

Копчик, всхлипывая и задыхаясь, торопливо возился на полу. Фриц подскочил к нему, схватил за ворот и рывком вздернул на ноги. Лицо Копчика было теперь совсем белое, с прозеленью, глаза выкатились, обезумели, он обильно потел.

Андрей, гадливо морщась, опустил глаза и принялся шарить дрожащими пальцами в пачке, силясь ухватить сигарету. Надо было что-то делать, но непонятно — что. С одной стороны, действия Фрица были омерзительны и бесчеловечны, но с другой стороны, не

менее омерзителен и бесчеловечен был этот явный бандит, грабитель, нагло издевающийся над правосудием, фурункул на теле общества...

— По-моему, ты недоволен обращением? — звучал между тем вкрадчивый голос Фрица. — Мне кажется, ты даже собираешься жаловаться. Так вот, зовут меня Фридрих Гейгер. Старший следователь Фридрих Гейгер...

Андрей заставил себя поднять глаза. Копчик стоял, вытянувшись, всем корпусом откинувшись назад, а Фриц, вплотную к нему, слегка нагнувшись, грозно нависал, оперев руки в бока.

— Можешь жаловаться — мое нынешнее начальство ты знаешь... А вот кто был моим начальником раньше, тебе известно? Некто рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер! Слышал такую фамилию? А знаешь ли ты, где я работал раньше? В учреждении, именуемом гестапо! А знаешь, чем я прославился в этом учреждении?..

Зазвонил телефон. Андрей снял трубку.

— Следователь Воронин слушает, — сказал он сквозь зубы.

— Мартинелли, — отозвался глуховатый, с одышкой, голос. — Зайдите ко мне, Воронин. Немедленно.

Андрей положил трубку. Он понимал, что у шефа его ожидает колоссальный втык, но он был рад сейчас уйти из этого кабинета — подальше от обезумевших глаз Копчика, от свирепо выдвинутой челюсти Фрица, от этой сгущающейся атмосферы застенка. Зачем это он... гестапо, Гиммлер...

— Меня шеф к себе вызывает, — сказал он не своим, скрипучим каким-то голосом, машинально выдвинул ящик стола и вложил пистолет в кобуру, чтобы быть по форме.

— Желаю удачи, — отозвался Фриц, не оборачиваясь. — Я здесь побуду, не беспокойся.

Андрей, все убыстряя шаг, пошел к двери и бомбой выскочил в коридор. Под сумрачными сводами стояла прохладная пахучая тишина, на длинной садовой скамейке под строгим взглядом дежурного охранника сидели неподвижно несколько обшарпанных типов мужского пола. Андрей прошел мимо ряда закрытых дверей в следственные камеры, миновал лестничную площадку, где несколько молоденьких, последнего набора, следователей, непрерывно дымя папиросами, азартно объясняли друг другу свои дела, поднялся на третий этаж и постучал в кабинет шефа.

Шеф был мрачен. Толстые щеки его обвисли, редкие зубы были угрожающе оскалены, он тяжело, с присвистом, дышал через рот и смотрел на Андрея исподлобья.

— Сядьте, — проворчал он.

Андрей сел, положил руки на колени и уставился в окно. Окно было забрано решеткой, за стеклом была непроглядная тьма. Часов одиннадцать уже, подумал он. Сколько же времени я потратил на этого мерзавца...

— Сколько у вас дел? — спросил шеф.

— Восемь.

— Сколько намерены закончить к концу квартала?

— Одно.

— Плохо.

Андрей промолчал.

— Плохо работаете, Воронин. Плохо! — сипло сказал шеф. Его мучила одышка.

— Я знаю, — сказал Андрей покорно. — Никак не могу войти в колею.

— А пора бы! — Шеф повысил голос до свистящего шипения. — Столько времени у нас работаете, а всего три жалких дела закрыли. Не выполняете свой долг перед Экспериментом, Воронин. А ведь вам есть у кого поучиться, есть с кем посоветоваться... Посмотрите, например, как работает ваш приятель, я имею в виду... э... я имею в виду Фридриха... э-э... У него, конечно, свои недостатки, но вам незачем перенимать у него именно недостатки. Можно перенимать и достоинства, Воронин. Вы пришли к нам вместе, а он уже закрыл одиннадцать дел.

— Я так не умею, — угрюмо сказал Андрей.

— Учиться. Надо учиться. Все мы учимся. Ваш... э-э... Фридрих тоже не с юридических курсов сюда пришел, а работает, и неплохо работает... Вот он уже старший следователь. Есть мнение, что пора его сделать заместителем начальника уголовного сектора... Да. А вот вами, Воронин, недовольны. Например, как у вас продвигается дело о Здании?

— Никак не продвигается, — сказал Андрей. — Это же не дело. Это — так, чушь, мистика какая-то...

— Почему же мистика, раз есть свидетельские показания? Раз есть потерпевшие? Люди-то пропадают, Воронин!

— Я не понимаю, как можно вести дело, построенное на легендах и слухах, — угрюмо сказал Андрей.

Шеф с натугой, с посвистом покашлял.

— Шевелить мозгами надо, Воронин, — просипел он. — Слухи, легенды — да. Мистическая оболочка — да. А зачем? Кому понадобилось? Откуда взялись слухи? Кто породил? Кто распространяет? Зачем? И главное — куда пропадают люди? Вы меня понимаете, Воронин?

Андрей собрался с духом и сказал:

— Понимаю вас, шеф. Но это дело не по мне. Я предпочитаю заниматься просто уголовщиной. Город кишит мерзавцами...

— А я предпочитаю разводить помидоры! — сказал шеф. — Обожаю помидоры, а здесь их почему-то не достать ни за какие деньги... Вы на службе, Воронин, и никого не интересует, что вы там предпочитаете. Вам поручено дело о Здании — извольте его вести. То, что вы неумеха, я и сам вижу. При других обстоятельствах я бы дела о Здании вам бы не поручил. А при нынешних обстоятельствах поручаю. Почему? Потому что вы — наш человек, Воронин. Потому что вы здесь не номер отбываете, а сражаетесь! Потому что прибыли сюда не для себя, а для Эксперимента. Таких людей мало, Воронин. И поэтому я расскажу вам сейчас то, что служащим вашего ранга знать не полагается.

Шеф откинулся в кресло и некоторое время молчал, еще сильнее свистя грудью и совсем уже оскалившись.

— Мы боремся с гангстерами, с рэкетирами, с хулиганами, это все знают, это хорошо, это нужно. Но опасность номер один — это не они, Воронин. Во-первых, существует здесь такое явление природы, именуется Антигород. Слыхали? Нет, не слышали. И правильно. Не должны были слышать. И чтобы никто от вас этого не слышал! Служебная тайна с двумя нулями. Антигород. Есть сведения, что к северу существуют какие-то поселения, одно, два, несколько — неизвестно. Где — тоже неизвестно. На севере. Кем заселены — неизвестно. А им о нас все известно! Возможно нашествие, Воронин. Очень опасно. Конец нашему Городу. Конец Эксперименту. Имеет место шпионаж, имеют место попытки саботажа, диверсии, распространение панических и порочащих слухов. Ситуация понятна, Воронин? Вижу — понятна. Далее. Здесь, в самом Городе, рядом с нами, среди нас живут люди, прибывшие сюда не ради Эксперимента — по другим, более или менее корыстным мотивам. Нигилисты, внутренние затворники, изверившиеся элементы, анархисты. Активных среди них мало, но даже пассивные представляют опасность. Подрыв морали, разрушение идеалов, попытки настраивать одни слои населения против других, разрушающий скептицизм. Пример: ваш хороший знакомый, некий Кацман...

Андрей вздрогнул. Шеф тяжело взглянул на него сквозь припухшие веки, помолчал и повторил:

— Иосиф Кацман. Любопытный человек. Есть сведения, что часто удаляется в сторону севера, пребывает там некоторое время и возвращается обратно. При этом манкирует своими прямыми обязанностями, но это уже нас не касается. Далее. Разговоры. Это вам должно быть известно.

Андрей невольно кивнул и тут же, спохватившись, сделал каменное лицо.

— Дальше. Самое важное для вас. Замечен вблизи Здания. Дважды. Один раз видели, как он оттуда выходил. Полагаю, я привел хороший пример и удачно связал его с делом о Здании. Этим делом необходимо заняться, Воронин. Это дело, Воронин, я сейчас никому не могу поручить. Есть люди, в такой же степени верные, как и вы, и гораздо более толковые, но они заняты. Все. Все до одного. И — выше головы. Так что форсируйте дело о Здании, Воронин. От остальных дел я вас постараюсь избавить. Завтра в шестнадцать ноль-ноль явитесь ко мне и доложите ваш план. Идите.

Андрей поднялся.

— Да! Совет. Советую вам обратить внимание на дело о Падающих Звездах. Настоятельно. Может быть связь. Это дело ведет сейчас Чачуа, зайдите к нему, ознакомьтесь. Посоветуйтесь.

Андрей неловко поклонился и направился к выходу.

— Еще одно! — сказал шеф, и Андрей остановился у самой двери. — Имейте в виду: делом о Здании специально интересуется Главный прокурор. Специально! Так что, кроме вас, этим занимается и будет заниматься еще кто-то из прокуратуры. Постарайтесь обойтись без упущений, связанных с вашими личными склонностями или наоборот. Идите, Воронин.

Андрей прикрыл за собою дверь и прислонился к стене. Внутри себя он ощущал какую-то неясную пустоту, неопределенность какую-то. Он ожидал втыка, шершавого начальственного фитиля, может быть, даже увольнения или перевода в полицию. Вместо этого его вроде бы даже похвалили, выделили из прочих, доверили дело, которое считается первостепенно важным. Всего год назад, когда он был еще мусорщиком, служебный втык бросил бы его в пучину горестей, а ответственное поручение вознесло бы на вершину ликования и горячего энтузиазма. А сейчас внутри стояли какие-то неопределенные сумерки, и он осторожно пытался разобраться в себе, а заодно — нащупать те неизбежные осложнения и неудобства, которые, конечно же, должны были возникнуть в этой новой ситуации.

Изя Кацман... Болтун. Трепло. Язык нехороший, ядовитый. Циник. И в то же время — никуда не денешься — бессребреник, добряк, совершенно, до глупости, бескорыстный и даже житейски беспомощный... И дело о Здании. И Антигород. Ч-черт... Ладно, разберемся...

Он вернулся в свой кабинет и с некоторым недоумением обнаружил там Фрица. Фриц сидел за его столом, курил его сигареты и внимательно перелистывал его дела, извлеченные из его сейфа.

— Ну что, получил на полную катушку? — осведомился он, поднимая глаза на Андрея.

Андрей, не отвечая, взял сигарету, закурил и несколько раз сильно затянулся. Потом он огляделся, где бы сесть, и увидел пустой табурет.

— Слушай, а этот где?

— В яме, — ответил Фриц пренебрежительно. — Отправил его на ночь в яму, велел не давать жрать, пить и курить. Расколосся он, как миленький, полное признание, и еще двоих назвал, о ком мы не знали. Но напоследок надобно проучить слизняка. Протокол я тебе... — Он перебрал с места на место несколько папок. — Протокол я подшил, сам найдешь. Завтра можешь передавать в прокуратуру. Там он сообщил кое-что любопытное, когда-нибудь пригодится...

Андрей курил и смотрел на это длинное холеное лицо, на быстрые водянистые глаза, невольно любовался уверенными движениями больших, истинно мужских рук. Фриц вырос за последнее время. В нем уже ничего почти не осталось от надутого молодого унтера. Туповатая наглость сменилась направленной уверенностью, он уже больше не обижался на шутки, не каменел лицом и вообще не вел себя как осел. Одно время он

зачастил было к Сельме, потом у них получился какой-то там скандальчик, да и Андрей сказал ему несколько слов. И Фриц спокойно отошел.

— Ты чего на меня уставился? — с доброжелательным интересом осведомился Фриц. — Все не можешь опомниться от клистира? Ничего, дружище, клистир начальника — именины сердца для подчиненного!

— Слушай-ка, — сказал Андрей. — Зачем это ты развел тут оперетту? Гиммлер, гестапо... Что это за новости в следственной практике?

— Оперетту? — Фриц вздернул правую бровь. — Это, дружище, действует, как выстрел! — Он захлопнул раскрытое дело и вылез из-за стола. — Я удивляюсь, почему ты до этого не допер. Уверяю тебя, если бы ты сказал ему, что работал в ЧК или в ГПУ, да еще пощелкал бы у него перед носом туалетными ножницами, он бы тут тебе сапоги целовал... Знаешь, я отобрал у тебя несколько дел, а то тут такой завал, что ты и за год не раскопаешь... Так я их у тебя заберу, а потом сочтемся как-нибудь.

Андрей с благодарностью посмотрел на него, и Фриц дружески подмигнул ему в ответ. Дельный парень — Фриц. И хороший товарищ. Что ж, может быть, так и нужно работать? Какого черта церемониться с этой швалью! И в самом же деле, их там на Западе запугали полуподвалами ЧК до полусмерти, а с такой грязной падалью, как этот Копчик, все средства хороши...

— Ну, вопросы есть? — спросил Фриц. — Нет? Тогда я пошел.

Он забрал папки под мышку и выбрался из-за стола.

— Да! — спохватился Андрей. — Слушай, а ты дело о Здании случайно не забрал? Ты его оставь!..

— Дело о Здании? Голубчик, мой альтруизм так далеко не распространяется. Дело о Здании ты уж сам как-нибудь...

— Угу, — сказал Андрей с угрюмой решительностью. — Сам... Между прочим, — вспомнил он. — Что это за дело — о Падающих Звездах? Название знакомое, а в чем там суть, что это за звезды такие — не помню...

Фриц наморщил лоб, потом с любопытством взглянул на Андрея.

— Есть такое дело, — произнес он. — Неужели тебе его поручили? Тогда ты пропал. Оно же у Чачуа. Совершенная безнадюга.

— Нет, — со вздохом сказал Андрей. — Никто мне его не поручал. Просто шеф рекомендовал ознакомиться. Это серия каких-то ритуальных убийств? Или нет?

— Да нет, не совсем так. Хотя, может быть, и так. Это дело, дружище, тянется уже несколько лет. Под Стеной находят время от времени людей, разбившихся вдребезги, явно упавших со Стены, с большой высоты...

— То есть как это — со Стены? — удивился Андрей. — Разве на нее можно взобраться? Она же гладкая... И зачем? У нее и верха-то не видно...

— В том-то все и дело! Сначала была идея, что там, наверху, тоже есть город, вроде нашего, и сбрасывают этих людей к нам с ихнего обрыва, ну, как у нас можно сбросить в пропасть. Но потом раза два удалось опознать трупы: оказалось — наши, местные жители... Как они туда забрались, совершенно непонятно. Пока остается только предполагать, что это какие-то отчаянные скалолазы — пытались выбраться из Города наверх... Но с другой стороны... В общем, дело это какое-то темное. Мертвое дело, если хочешь знать мое мнение. Ну ладно, мне пора.

— Спасибо. Счастливо, — сказал Андрей, и Фриц ушел.

Андрей переместился в свое кресло, убрал все папки, кроме дела о Здании, в сейф и посидел немного, подперев голову руками. Потом снял телефонную трубку, набрал номер и стал ждать. К телефону, как всегда, долго никто не подходил, потом трубку сняли, и басистый, явно нетрезвый мужской голос осведомился: «Х-алло?» Андрей молчал, прижимая трубку к уху. «Халло! Халлоу?» — рычал пьяный голос, потом замолчал, и было слышно только тяжелое дыхание и отдаленный голос Сельмы, выведивший жалобную песенку, завезенную сюда дядей Юрой:

Ставай, ставай, Катя,
Корабли стоя-ать!
Два корабля синих,
Один голубой...

Андрей повесил трубку, побряхтел, растирая щеки, пробормотал с горечью: «Шлюха паршивая, неисправимая...» и раскрыл папку.

Дело о Здании было начато еще в те времена, когда Андрей был мусорщиком и знать ничего не знал о мрачных кулисах Города. В 16-м, 18-м и 32-м участках начали вдруг систематически пропадать люди. Пропадали они совершенно бесследно, и не было в этих исчезновениях никакой системы, никакого смысла, никакой закономерности. Оле Свенссон, 43-х лет, рабочий бумажной фабрики, вышел вечером за хлебом и не вернулся, в хлебной лавке не появлялся. Стефан Цибульский, 25-ти лет, полицейский, ночью исчез с поста, на углу Главной и Алмазного найдена его портупея — и все, больше никаких следов. Моника Лерье, 55-ти лет, швея, вывела на прогулку перед сном своего шпица, шпиц вернулся здоровый и веселый, а швея исчезла. И так далее, и так далее — всего более сорока исчезновений.

Довольно быстро обнаружались свидетели, которые утверждали, что накануне исчезновения пропавшие люди заходили в некий дом, по описаниям — вроде один и тот же, но странность заключалась в том, что относительно местоположения этого дома разные свидетели давали разные показания. Иосиф Гумбольдт, 63-х лет, парикмахер, на глазах у лично знавшего его Лео Палтуса вошел в трехэтажное, красного кирпича здание на углу Второй Правой и Серокаменного переуллка, и с тех пор Иосифа Гумбольдта не видел никто. Некий Теодор Бух показал, что исчезнувший впоследствии Семен Заходько, 32-х лет, фермер, вошел в точно такое же по описанию здание, но уже на Третьейлевой улице, неподалеку от костела. Давид Мкртчян рассказал, как встретил в Глинобитном переулке своего давнего приятеля по работе Рэя Додда, 41-го года, ассенизатора, — они постояли, болтая об урожае, семейных делах и прочих нейтральных вещах, а затем Рэй Додд сказал: «Погоди минутку, мне нужно зайти в одно место, я постараюсь быстро, а если через пять минут не выйду, ты иди, значит, я задержался...» Он вошел в какое-то здание красного кирпича с окнами, замазанными мелом. Мкртчян ждал его четверть часа, не дождался и пошел своей дорогой, что же касается Рэя Додда, то он исчез бесследно и навсегда...

Красный кирпичный дом фигурировал в показаниях всех свидетелей. Одни утверждали, что он трехэтажный, другие — что четырех. Одни обратили внимание на окна, замазанные мелом, другие — на окна, забранные решетками. И не было двух свидетелей, которые указали бы одно и то же место его расположения.

По городу поползли слухи. В очередях за молоком, в парикмахерских, в локалях зловещим шепотом передавалась из уст в уста новенькая, с иголки, легенда о страшном Красном Здании, которое само собой бродит по городу, пристраивается где-нибудь между обычными домами и, жутко приоткрыв пасти дверей, притаившись, ждет неосторожных. Появились друзья родственников знакомых, которым удалось спастись, вырваться из ненасытной кирпичной утробы. Они рассказывали ужасные вещи и в доказательство предьявляли шрамы и переломы, полученные в прыжках со второго, третьего и даже четвертого этажа. Согласно всем этим слухам и легендам, дом внутри был пуст — там не подстерегали вас ни грабители, ни маньяки-садисты, ни кровососущие мохнатые твари. Но каменные кишки коридоров вдруг сжимались и норовили расплющить жертву; под ногами распахивались черные провалы люков, дышащие ледяным кладбищенским зловонием; неведомые силы гнали человека по мрачным сужающимся ходам и тоннелям до тех пор, пока он не застревал, забивал себя в последнюю каменную щель, — а в пустых

комнатах с ободранными обоями, среди осыпавшихся с потолка пластов штукатурки жутко догнивали раскрошенные кости, торчащие из-под заскорузлого от крови тряпья...

Поначалу это дело даже заинтересовало Андрея. Он отметил на карте города крестиками те места, где видели Здание, пытался найти какую-нибудь закономерность в расположении этих крестиков, добрый десяток раз выезжал обследовать эти места и каждый раз обнаруживал на месте Здания либо заброшенный палисадник, либо пустоту между домами, либо даже обыкновенный жилой дом, ничего общего не имеющий ни с тайнами, ни с загадками.

Смущало то обстоятельство, что Красное Здание ни разу не видели при солнечном свете; смущало, что не менее половины свидетелей видели Здание, находясь в состоянии более или менее сильного опьянения; смущали мелкие, но почти обязательные несообразности чуть ли не в каждом показании; особенно же смущала полная бессмысленность и дикость происходящего.

Изя Кацман как-то изрек по этому поводу, что миллионный город, лишенный систематической идеологии, должен неизбежно обзавестись собственными мифами. Это звучало убедительно, но люди-то ведь пропадали на самом деле! Конечно, пропасть в городе было немудрено. Достаточно было сбросить человека с обрыва, и концы, таким образом, оказывались в воде совершенно. Однако кому и зачем нужно было сбрасывать в пропасть каких-то парикмахеров, пожилых швей, мелких лавочников? Людей без денег, без репутации, практически без врагов? Кэнси однажды высказал совершенно здоровое предположение, что Красное Здание, если оно действительно существует, является, по всей видимости, составным элементом Эксперимента, а поэтому искать ему объяснения не имеет смысла — Эксперимент есть Эксперимент. В конце концов Андрей тоже остановился на этой точке зрения. Работы было невпроворот, дело о Здании насчитывало уже более тысячи листов, и Андрей засунул его на самое дно сейфа, изредка только извлекая, чтобы подшить очередное свидетельское показание.

Сегодняшний разговор с шефом открывал, однако, совершенно новые перспективы. Если в городе действительно есть люди, которые поставили перед собою (или получили от кого-то) задачу создать среди населения атмосферу паники и террора, то очень многое в деле о Здании становилось понятным. Несообразности в показаниях так называемых свидетелей легко объясняются в этом случае искажением слухов при передаче. Исчезновения людей превращаются в обыкновенные убийства с целью уплотнения атмосферы террора. В хаосе болтовни, опасных шепотов и вранья надлежало теперь искать постоянно действующие источники, центры распространения зловещего тумана...

Андрей взял лист чистой бумаги и принялся медленно, слово за словом, пункт за пунктом набрасывать черновик плана. Через некоторое время у него получилось следующее.

Главная задача: выявление источников слухов, арест этих источников и выявление руководящего центра. Основные средства: повторный допрос всех свидетелей, дававших ранее показания в трезвом виде; выявление по цепочке и допрос лиц, утверждавших, будто они были в Здании; выявление возможных связей между этими лицами и свидетелями... Учитывать: а) агентурные данные; б) несообразности в показаниях...

Андрей покусал карандаш, пощурился на лампу и вспомнил еще одно: связаться с Петровым. Этот Петров в свое время плешь переел Андрею. У него пропала жена, и он почему-то решил, что ее поглотило Красное Здание. С тех пор он забросил все свои дела и занялся поисками этого Здания — писал бесчисленные записки в прокуратуру, которые аккуратно переправлялись в следственный отдел и попадали к Андрею, рыскал ночами по городу, несколько раз забираем был в полицию по подозрению в нечестных намерениях, бунтил там, за что его сажали на десять суток, выходил и снова принимался за поиски.

Андрей выписал повестки ему, а также еще двум свидетелям, отдал эти повестки дежурному с наказом доставить немедленно, а сам отправился к Чачуа.

Чачуа, громадный разжиревший кавказец, почти без лба, но зато с гигантским носом, возлежал у себя в кабинете на диване в окружении разбухших папок с делами и спал. Андрей растолкал его.

— Э! — хрипло сказал Чачуа, пробуждаясь. — Что случилось?

— Ничего не случилось, — сердито сказал Андрей. Терпеть он не мог такой вот расхлябанности в людях. — Дай дело о Падающих Звездах.

Чачуа сел, лицо его засветилось радостью.

— Забираешь? — спросил он, хищно двигая феноменальным своим носом.

— Не радуйся, не радуйся, — сказал Андрей. — Только посмотреть.

— Слушай, зачем тебе смотреть? — горячо заговорил Чачуа. — Забирай у меня это дело совсем! Ты — красивый, молодой, энергичный, тебя шеф всем в пример ставит. Ты это дело быстро распутаешь — слезаешь на Желтую Стену и моментально распутаешь! Что тебе стоит?..

Андрей засмотрелся на его нос. Огромный, горбатый, на переносице покрытый сетью багровых жилок, с торчащими из ноздрей пучками черных жестких волос, нос этот жил своей, отдельной от Чачуа, жизнью. Видно было, что он знать ничего не хотел о заботах следователя Чачуа. Он хотел, чтобы все вокруг пили большими бокалами ледяное кахетинское, заедали сочащимися шашлыками и влажной хрустящей зеленью, чтобы плясали, захватив края рукавов в пальцы, выкрикивая азартно «асса!». Он хотел зарываться в душистые белокурые волосы и нависать над обнаженными пышными грудями... О, он многого хотел, этот великолепный жизнелюбивый нос-гедонист, и все его многочисленные желания откровенно отражались в его независимых движениях, в перемене окраски и в разнообразных звуках, издаваемых им!..

— ...А закончишь это дело, — говорил Чачуа, закатывая маслины глаз под низкий лоб, — бож-же мой! Какая тебе будет слава! Какой почет! Ты думаешь, Чачуа стал бы предлагать тебе это дело, если бы сам мог лазать по Желтой Стене? Ни за что Чачуа не стал бы предлагать тебе этого дела! Это же золотая жила! И я предлагаю его только тебе. Многие приходили и просили его у меня. Нет, думал я. Никому из вас с ним не справиться. Один только Воронин справится, думал я...

— Ну ладно, ладно, — сказал Андрей с досадой. — Завел свою говорильню. Давай папку. Нет у меня времени тут с тобой песни петь.

Чачуа, не переставая болтать, жаловаться и хвастаться, лениво поднялся, шаркая по замусоренному полу, подошел к сейфу и принялся в нем рыться, а Андрей смотрел на его широченные жирные плечи и думал, что Чачуа, наверное, один из лучших следователей в отделе, он просто блестящий следователь, у него самый высокий процент раскрытых дел, а вот дело о Падающих Звездах ему продвинуть так и не удалось, это дело никому продвинуть не удалось — ни Чачуа, ни его предшественнику, ни предшественнику предшественника...

Чачуа достал кучу пухлых засаленных папок, и они вместе пролистали последние страницы, и Андрей тщательно переписал себе на отдельный листок имена и адреса тех двоих, которых удалось опознать, а также те немногие особые приметы, которые удалось установить у некоторых из неопознанных жертв.

— Какое дело! — восклицал Чачуа, прищелкивая языком. — Одиннадцать трупов! А ты отказываешься. Нет, Воронин, не знаешь ты, где твое счастье. Вы, русские, всегда были идиётами — и на том свете идиётами были, и на этом остались!.. А зачем тебе это? — спросил он вдруг с интересом.

Андрей, как мог связно, объяснил ему свои намерения. Чачуа быстро схватил самую суть, но никакого особого восторга не выказал.

— Попробуй, попробуй... — сказал он вяло. — Сомневаюсь. Что такое твое Здание, и что такое моя Стена? Здание — это выдумка, а Стена — вот она, километр отсюда... Нет, Воронин, не разбераться нам с этим делом...

Впрочем, когда Андрей был уже около двери, Чачуа сказал ему вслед:

— Ну, а если там что-нибудь — ты сразу мне...

— Ладно, — сказал Андрей. — Конечно.

— Послушай, — сказал Чачуа, сосредоточенно морща жирный лоб и двигая носом. Андрей, приостановившись, выжидательно смотрел на него. — Давно хотел тебя спросить... — Лицо его стало серьезным. — Слушай, там у вас в семнадцатом году в Петрограде заварушка была. Чем кончилась, а?

Андрей плюнул и вышел, хлопнув дверью, под раскатистый хохот страшно довольного кавказца. Опять Чачуа поймал его на этот дурацкий анекдот. Хоть совсем с ним не разговаривай.

В коридоре перед кабинетом его ждал сюрприз. На скамье сидел какой-то насмерть перепуганный, взъерошенный, с заспанными глазами человек, зябко кутающийся в пальто. Дежурный за столиком с телефоном вскочил и браво гаркнул:

— Свидетель Эйно Саари по вашему вызову доставлен, господин следователь!

Андрей обалдело воззрился на него.

— По какому моему вызову?

Дежурный тоже несколько обалдел.

— Вы же сами... — сказал он обиженно. — Полчаса назад... Вручили мне повестки, велели доставить немедленно...

— Господи, — сказал Андрей. — Повестки! Повестки я велел вам доставить немедленно, черт вас подери! На завтра, на десять утра! — Он взглянул на бледно улыбающегося Эйно Саари и на белые тесемки кальсон, свисающие у него из-под брючин, затем снова посмотрел на дежурного. — И остальных сейчас привезут? — спросил он.

— Так точно, — угрюмо сказал дежурный. — Как мне было сказано, так я и сделал.

— Я на вас рапорт подам, — сказал Андрей, еле сдерживаясь. — Переведут вас на улицу — сумасшедших по утрам загонять, — наплачетесь вы у меня тогда... Ну что ж, — произнес он, обращаясь к Саари. — Раз уж так получилось, заходите...

Он указал Эйно Саари на табурет, сел за стол и взглянул на часы. Было начало первого ночи. Надежда хорошенько выспаться перед завтрашним тяжелым днем печально испарилась.

— Ну ладно, — проговорил он со вздохом, раскрыл дело о Здании, перелистал огромную кипу протоколов, донесений, отношений и экспертиз, отыскал лист с прежними показаниями Саари (43-х лет, саксофонист 2-го городского театра, разведен) и еще раз пробежал глазами. — Ладно, — повторил он. — Мне, собственно, требуется кое-что уточнить относительно ваших показаний, которые вы давали в полиции месяц назад.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказал Саари, с готовностью наклоняясь вперед и каким-то женским движением придерживая на груди распахивающееся пальто.

— Вы показали, что ваша знакомая, Элла Стремберг, на ваших глазах вошла в двадцать три часа сорок минут восьмого сентября нынешнего года в так называемое Красное Здание, имевшее тогда находиться на улице Попугаев в промежутке между гастрономическим магазином номер сто пятнадцать и аптекой Штрема. Вы подтверждаете это показание?

— Да, да, подтверждаю. Все было совершенно так. Только вот насчет даты... Точной даты я уже не помню, все-таки месяц с лишним прошел...

— Это неважно, — сказал Андрей. — Тогда вы помните, да и с другими показаниями это совпадает... Теперь у меня к вам просьба: опишите снова и поподробнее это самое так называемое Красное Здание...

Саари склонил голову набок и задумался.

— Значит, таким образом, — сказал он. — Три этажа. Старый кирпич, темно-красный, как казарма, вы понимаете меня? Окна, знаете ли, такие узкие, высокие. На нижнем этаже все они покрашены мелом и, как сейчас помню, не освещены... — Он опять немного подумал. — Вы знаете, насколько я помню, там вообще не было ни одного освещенного окна. Ну, и... вход. Каменные ступени, две или три... Тяжелая такая дверь...

медная такая старинная ручка, резная. Элла ухватилась за эту ручку и с таким, знаете ли, усилием потянула дверь на себя... Номера дома я не заметил, не помню, был ли номер... Словом, общий облик старинного казенного здания, что-нибудь конца прошлого века.

— Так, — сказал Андрей. — А скажите, вам часто приходилось бывать на этой улице Попугаев?

— В первый раз. И, собственно, в последний. Живу я довольно далеко оттуда, в тех краях не бываю, а в этот раз как-то так получилось, что я решил Эллу проводить. У нас была вечеринка, я за ней... м-м-м... ну, немножко ухаживал и пошел ее провожать. Мы очень мило беседовали по дороге, потом она вдруг сказала: «Ну, пора расставаться», поцеловала меня в щеку, и не успел я опомниться, как она уже нырнула в этот дом. Я, признаться, подумал тогда, что она там живет...

— Понятно, — сказал Андрей. — На вечеринке вы, вероятно, пили?

Саари сокрушенно хлопнул себя ладонями по коленям.

— Нет, господин следователь, — сказал он. — Ни капли. Пить мне нельзя — врачи не рекомендуют.

Андрей сочувственно покивал.

— А вы не помните случайно, были у этого здания печные трубы?

— Да, конечно, помню. Должен вам сказать, вид этого здания как-то поражает воображение, так что оно и сейчас как бы стоит у меня перед глазами. Там была такая черепичная крыша и три довольно высокие трубы. Из одной, помнится, шел дым, и я подумал еще тогда, как у нас все-таки много еще сохранилось домов с печным отоплением...

Момент настал. Андрей осторожно положил карандаш поперек протоколов, чуть подался вперед и пристально, значительно сощуренными глазами уставился на Эйно Саари, саксофониста:

— В ваших показаниях имеют место несообразности. Во-первых, как обнаружила экспертиза, вы, находясь на улице Попугаев, никак не могли видеть ни крыши, ни печных труб трехэтажного здания.

У Эйно Саари, завравшегося саксофониста, отвисла челюсть, глаза растерянно забегали.

— Далее. Как установлено следствием, улица Попугаев в ночное время не освещается вообще, и поэтому совершенно непонятно, каким образом в крошечной ночной темноте, за триста метров до ближайшего фонаря, вы различили такую массу деталей: цвет здания, старинный кирпич, медную ручку на двери, форму окон и, наконец, дым из трубы. Я хотел бы узнать, как вы объясняете эти несообразности.

Некоторое время Эйно Саари беззвучно открывал и закрывал рот. Потом он судорожно глотнул всухую и проговорил:

— Ничего не понимаю... Вы меня совсем растеряли... Мне это просто и в голову не приходило...

Андрей выжидательно молчал.

— Действительно, как я об этом раньше не подумал... Ведь на этой улице Попугаев было совершенно темно! Не то что домов — тротуара под ногами не видно было... И крыша... Я же стоял у самого дома, у крыльца... но я совершенно отчетливо помню и крышу, и кирпичи, и дым из трубы — такой белый ночной дымок, как будто освещенный луной...

— Да, странно, — произнес Андрей деревянным голосом.

— И ручка на дверях... Такая медная, отполированная многими прикосновениями... этакое хитрое сплетение цветов, листиков... Я бы мог ее сейчас нарисовать, если бы умел рисовать... И в то же время темнота была абсолютная — я лица Эллы не различал, только по голосу чувствовал, что она улыбается, когда...

В расширенных глазах Эйно Саари появилась какая-то новая мысль. Он прижал руки к груди.

— Господин следователь! — сказал он отчаянным голосом. — У меня в голове сейчас сумятица, но я отчетливо понимаю, что свидетельствую против себя, навожу вас на подозрения. Но я — человек честный, родители мои были честнейшие, глубоко религиозные люди... Все, что я вам сейчас говорю, есть полная и чистейшая правда! Все именно так и было. Просто раньше мне это не приходило в голову. Была кромешная тьма, я стоял у самого дома, и в то же время я помню каждый кирпичик, а черепичную крышу вижу так, будто она вот тут, рядом со мной... и три трубы... И дымок.

— Гм... — сказал Андрей и постучал пальцами по столу. — А может быть, вы не сами все это видели? Может быть, кто-нибудь вам об этом рассказывал?.. До случая с госпожой Стремберг вам приходилось слышать о Красном Здании?

Глаза Эйно Саари вновь смятенно забегали.

— Н-н-н... не припоминаю... — проговорил он. — Потом — да. Уже когда Элла пропала, когда я ходил в полицию... когда был уже объявлен розыск... потом было много разговоров. Но до этого... Господин следователь! — сказал он торжественно. — Я не могу поклясться, что я ничего не слышал о Красном Здании раньше, до исчезновения Эллы, но я могу поклясться, что ничего не помню об этом.

Андрей взял ручку и принялся писать протокол. Одновременно он говорил нарочито монотонным, казенным голосом, который по идее должен был навеять на подследственного суконную тоску и ощущение неизбежного рока, движимого безупречной машиной правосудия.

— Вы сами должны понимать, господин Саари, что следствие не может удовлетвориться вашими показаниями. Элла Стремберг исчезла бесследно, и последний человек, который ее видел, — вы, господин Саари. Красное Здание, которое вы здесь так подробно описали, на улице Попугаев не существует. Описание Красного Здания, которое вы даете, неправдоподобно, ибо противоречит элементарным физическим законам. Наконец, как известно следствию, Элла Стремберг жила в совершенно другом районе, далеко от улицы Попугаев. Это само по себе, конечно, не есть улика против вас, но вызывает дополнительные подозрения. Я вынужден задержать вас впредь до выяснения ряда обстоятельств... Прошу прочесть и подписать протокол.

Эйно Саари, не говоря ни слова, приблизился к столу и, не читая, поставил свою подпись на каждом листке протокола. Карандаш дрожал у него в пальцах, узкий подбородок отвис и тоже трясся. Потом он, шаркая ногами, вернулся к табурету, сел обессиленно и, стиснув руки, сказал:

— Хочу еще раз подчеркнуть, господин следователь, что, давая показания... — Голос у него сорвался, он снова глотнул. — Давая показания, я сознавал, что поступаю себе во вред. Я мог бы что-нибудь выдумать, наврать... Я мог бы вообще не участвовать в розыске — никто ведь не знал, что я ушел провожать Эллу...

— Это ваше заявление, — сказал Андрей равнодушным голосом, — уже фактически содержится в протоколе. Если вы не виновны, вам ничего не грозит. Сейчас вас препроводят в камеру предварительного заключения. Вот вам бумага и карандаш. Вы можете оказать помощь следствию, да и себе самому, если самым подробным образом напишете, кто, когда и при каких обстоятельствах говорил с вами о Красном Здании. Безразлично — до исчезновения Эллы Стремберг или после. Самым подробным образом: кто — имя, адрес; когда — точная дата, время суток; при каких обстоятельствах — где, по какому поводу, с какой целью, в каком тоне. Вы меня поняли?

Эйно Саари кивнул и беззвучно сказал «да». Андрей, пристально глядя ему в глаза, продолжал:

— Я уверен, что все подробности о Красном Здании вы узнали где-то на стороне. Сами вы его, может быть, даже и не видели. И я настоятельно рекомендую вам вспомнить: кто снабдил вас этими подробностями — кто, когда, при каких обстоятельствах. И с какой целью.

Он звонком вызвал дежурного, и саксофониста увели. Андрей потер руки, наколол протокол и подшил его в дело, спросил горячего чая и вызвал следующего свидетеля. Он был доволен собой. Все-таки воображение и знание элементарной геометрии — полезные вещи. Завравшийся Эино Саари был ушучен по всем правилам науки.

Следующий свидетель, вернее, свидетельница, Матильда Гусакова (62-х лет, вязание на дому, вдова) представляла собой, по крайней мере по идее, гораздо более простой случай. Это была могучая старуха с маленькой, сплошь седой головкой, румяными щечками и хитрыми глазами. Она нисколько не выглядела заспанной или испуганной, а наоборот, кажется, была очень довольна приключением. В прокуратуру она явилась со своей корзинкой, мотками разноцветной шерсти, набором спиц, а в кабинете немедленно взгромоздилась на табурет, надела очки и заработала спицами.

— Следствию стало известно, госпожа Гусакова, — начал Андрей, — что некоторое время назад вы в кругу своих друзей рассказывали о происшествии с неким Франтишеком, который якобы попал в так называемое Красное Здание, претерпел там разнообразные приключения и с трудом вырвался на свободу. Было такое?

Престарелая Матильда усмехнулась, ловко выхватила одну спицу, пристроила другую и сказала, не поднимая глаз от вязанья:

— Было, было такое. Рассказывала я, и не раз, только вот откуда это стало известно следствию, хотела бы я знать... У меня вроде бы знакомых среди судейских нет...

— Должен вам сообщить, — доверительно сказал Андрей, — что в настоящее время ведется следствие по поводу так называемого Красного Здания, и мы чрезвычайно заинтересованы войти в контакт хотя бы с одним человеком, который в этом здании побывал...

Матильда Гусакова его не слушала. Она положила вязанье на колени и задумчиво смотрела в стену.

— Кто же это мог сообщить? — проговорила она. — У Лизы все свои, разве что Кармен где-нибудь натрепалась после... болтливая старуха... У Фриды? — Она покачала головой. — Нет, не может быть, чтобы у Фриды. Вот к Любе ходит один... противный такой старикашка, глазки у него так и бегают, и вечно он пьет за Любин счет... Вот уж не ожидала!.. И здесь, оказывается, надо соображать, кто да с кем... При немцах сидели — рот на замке. После сорок восьмого — опять помалкивай да посматривай. Только немножко рот открыли золотой весной — на тебе, русские на танках прибыли, опять заткнись, опять помалкивай... Сюда подалась — и тут, значит, та же картина...

— Позвольте, пани Гусакова, — прервал ее Андрей. — Вы, по-моему, превратно рассматриваете ситуацию. Вы ведь, насколько я понимаю, не совершили никакого преступления. Мы рассматриваем вас только как свидетеля, как помощника, который...

— Э, голубчик! Какие уж тут помощники? Полиция есть полиция.

— Да нет же! — Андрей для убедительности прижал руку к сердцу. — Мы ищем банду преступников! Они похищают людей и, судя по всему, убивают их. Человек, который побывал в их лапах, может оказать следствию неоценимую услугу!

— Да вы что, голубчик, — сказала старуха, — вы что, верите в это самое Красное Здание?

— А вы разве не верите? — спросил Андрей, несколько опешив.

Старуха не успела ответить. Дверь кабинета приоткрылась, из коридора прорвался гомон возбужденных голосов, и в щель просунулась коренастая черноголовая фигура, которая кричала в коридор: «Да, срочно! Срочно надо!» Андрей нахмурился, но тут фигуру вновь втянули в коридор, и дверь захлопнулась.

— Простите, нас отвлекли, — сказал Андрей. — Вы, кажется, хотели сказать, что сами не верите в это Красное Здание?

Не переставая работать спицами, престарелая Матильда пожала одним плечом.

— Ну какой же взрослый человек может в это поверить? Дом, видите ли, у них бегают с места на место, внутри у него все двери с зубами, поднимаешься по лестнице

вверх — оказываешься в подвале... Конечно, в здешних местах все может случиться, Эксперимент есть Эксперимент, но это уж все-таки слишком... Нет, не верю. За кого это вы меня принимаете, чтобы я в такие басни верила? Конечно, в каждом городе есть дома, которые глотают людей, наверное, и в нашем без таких домов не обходится, но вряд ли дома эти бегают с места на место... да и лестницы там, как я понимаю, самые обыкновенные.

— Позвольте, пани Гусакова, — сказал Андрей. — А зачем же тогда вы эти басни всем рассказываете?

— А почему же не рассказывать, если люди слушают? Скучно же людям, особенно старикам, вроде нас...

— Так вы это что — сами выдумали?

Престарелая Матильда открыла рот, чтобы ответить, но тут у Андрея над самым ухом отчаянно заверещал телефон. Андрей чертыхнулся и схватил трубку.

— Андрю-шоно-чек... — произнес в трубке совершенно пьяный голос Сельмы. — Я их всех выпел-ра... выпер-ла. Ты чего не идешь?

— Извини, — сказал Андрей, покусывая губу и косясь на старуху. — Я сейчас очень занят, я тебе...

— А я не же-ла-ю! — заявила Сельма. — Я тебя люблю, я тебя жду. Я у тебя пьянень-ка-я, голень-ка-я, мне холод-но...

— Сельма, — понизив голос, сказал Андрей в самую трубку. — Не валяй дурака. Я очень занят.

— Все равно ты такой девочки не... не найдешь в этом нуж... нужнике. Я вот тут свернула к калачиком... совсем-совсем голень... голенькая...

— Я приеду через полчаса, — проговорил Андрей торопливо.

— Ду-ра-чок! Через пол... полчаса я спать уже буду... Кто ж через полчаса приезжает?

— Ну ладно, Сельма, ну пока, — сказал Андрей, проклиная тот день и час, когда он дал этой распутной девке телефон своего кабинета.

— Ну и пошел к черту! — заорала вдруг Сельма и дала отбой. Так небось грохнула трубку, что весь телефон разнесла. Андрей, сжав зубы от бешенства, осторожно положил свою трубку и несколько секунд сидел, не смея поднять глаза. Мысли у него разбегались. Потом он откашлялся.

— Ну так, — сказал он. — Угу... Значит, рассказывали вы просто так, от скуки... — Он вспомнил наконец свой последний вопрос. — Значит, прикажете вас так понимать, что вы сами выдумали всю эту историю с Франтишеком?

Старуха снова открыла было рот, чтобы ответить, и снова ничего не получилось. Дверь распахнулась, на пороге возник дежурный и браво отпартовал:

— Прошу прощения, господин следователь! Доставленный свидетель Петров требует, чтобы вы допросили его немедленно, поскольку он имеет сообщить...

Глаза у Андрея застлала мутная пелена. Он изо всех сил хватил обоими кулаками по столу и заорал так, что у самого в ушах зазвенело:

— Черт вас подери, дежурный! Вы что, устава не знаете? Куда вы претесь со своим Петровым? Вы что, у себя в сортире? Кр-ругом — марш!

Дежурный исчез, как не был. Андрей, чувствуя, что губы у него трясутся от ярости, налил себе онемевшими руками воды из графина и выпил. В горле у него саднило от дикого рева. Он исподлобья поглядел на старуху. Престарелая Матильда знай себе вязала, как ни в чем не бывало.

— Прошу прощения, — пробурчал он.

— Ничего, молодой человек, — успокоила его Матильда. — Я на вас не в обиде. Так вот вы спросили, может, я сама все это выдумала. Нет, голубчик, не сама. Где мне такое выдумать! Надо же: лестницы — идешь вверх, а попадаешь вниз... Мне бы такое и во сне не приснилось. Как мне рассказали, так и я рассказала...

— А кто именно вам рассказал?

Старуха, не переставая вязать, покачала головой.

— Вот этого уж я не упомню. В очереди рассказывала одна женщина. Франтишек этот якобы зять одной ее знакомой. Тоже врала, конечно. В очереди такого иной раз наслышишься, что ни в каких газетах не прочтешь...

— А когда это примерно было? — спросил Андрей, понемногу приходя в себя и уже досадуя, что погорячился и взял слишком круто в лоб.

— Месяца два назад, наверное... а может, и три.

Да, испортил я допрос, думал Андрей с горечью. Испортил я, к чертям собачьим, допрос из-за этой стервы и из-за этого болвана-дежурного. Нет, я этого так не оставлю, я его, дубину стоеросовую, припеку. Он у меня попляшет. Он у меня побегаёт за психами по утреннему холодку... Ну ладно, а со старухой-то что теперь делать? Заперлась ведь старуха, не хочет имен называть...

— А вы уверены, пани Гусакова, — приступил он снова, — что так уж совсем не помните имени той женщины?

— Не помню, голубчик, совсем не помню, — весело откликнулась престарелая Матильда, не переставая бойко сверкать спицами.

— А может быть, подруги ваши помнят?..

Движение спиц несколько замедлилось.

— Вы ведь называли им это имя, верно? — продолжал Андрей. — Вполне ведь возможно, что у них память окажется лучше?

Матильда опять пожала одним плечом и ничего не ответила. Андрей откинулся на спинку стула.

— Вот ведь какое у нас с вами получается положение, пани Гусакова. Имя той женщины вы то ли забыли, то ли просто не хотите нам сказать. А подружки ваши его помнят. Значит, придется нам вас немного здесь задержать, чтобы не могли вы предупредить ваших подружек, и держать мы вас будем вынуждены до тех пор, пока либо вы сами, либо кто-нибудь из ваших подружек не вспомнит, от кого вы слыхали эту историю.

— Воля ваша, — сказала пани Гусакова смиренно.

— Так-то оно так, — произнес Андрей. — Но вот пока вы будете вспоминать, а мы будем возиться с вашими подружками, люди-то будут продолжать исчезать, бандиты будут радоваться и потирать руки, и все это будет происходить от вашего странного предубеждения против органов следствия.

Престарелая Матильда ничего не ответила. Она только упрямо поджала сморщенные губы.

— Вы поймите, до чего все это нелепо получается, — продолжал втолковывать Андрей. — Мало того, что нам приходится и днем, и ночью возиться с отребьем, с гадами, с мерзавцами, — приходит честный человек и ни в какую не желает нам помочь. Ну что это такое? Дико ведь! Да и бессмысленна эта ваша, простите, детская затея. Вы не вспомните — ваши подружки вспомнят, а все равно мы имя этой женщины узнаем, до Франтишека доберемся, и он нам поможет взять все это гнездо. Если только его раньше не ужокошат бандиты как опасного свидетеля... А ведь если его убьют, виноваты будете и вы, пани Гусакова! Не по суду, конечно, не по закону, а по совести, по человечеству виноваты!

Вложивши в эту маленькую речь весь заряд своей убежденности, Андрей утомленно закурил сигарету и стал ждать, незаметно поглядывая на циферблат часов. Он положил себе ждать ровно три минуты, а потом, если вздорная старуха так и не расколется, отправить ее, старую корягу, в камеру, хоть и будет это совсем противозаконно. Но, в конце концов, надо же все-таки форсировать это проклятое дело... Сколько можно с каждой старухой возиться? Ночь в камере иногда производит на людей прямо-таки волшебное воздействие... Ну, а если возникнут какие-нибудь неприятности по поводу

превышения полномочий... не возникнут, не станет она жаловаться, не похоже... ну, а если все-таки возникнут, так, в конце концов, Главный прокурор лично в этом деле заинтересован и, надо полагать, не выдаст. Ну, влепят выговор. Что я им — ради благодарностей работаю? Пусть лепят. Только бы дело это проклятое хоть немножко продвинуть... хоть чуть-чуть...

Он курил, вежливо разгоняя клубы дыма, секундная стрелка бодро бежала по циферблату, а пани Гусакова все молчала и только тихонько позвякивала своими спицами.

— Так, — сказал Андрей, когда истекла четвертая минута. Он решительным жестом вдавил окурок в переполненную пепельницу. — Вынужден вас задержать. За сопротивление следствию. Воля ваша, пани Гусакова, но, по-моему, это ребячество какое-то... Подпишите вот протокол, и вас препроводят в камеру.

Когда престарелую Матильду увели (на прощание она пожелала ему спокойной ночи), Андрей вспомнил, что ему так и не принесли горячего чая. Он высунулся в коридор, длинно и резко напомнил дежурному о его обязанностях и приказал ввести свидетеля Петрова.

Свидетель Петров, коренастый, почти квадратный, черный, как ворона, а на вид — совершеннейший бандит, мафиози девяносто шестой пробы, — прочно уселся на табуретку и, не говоря ни слова, стал злобно исподлобья глядеть, как Андрей прихлебывает чай.

— Ну что же вы, Петров? — сказал ему Андрей благодушно. — Рвались сюда, скандалили, работать мне мешали, а теперь вот молчите...

— А чего с вами, дармоедами, разговаривать? — сказал Петров злобно. — Раньше надо было жопой пошевелить, теперь уже поздно.

— А что же это такое экстренное произошло? — осведомился Андрей, пропуская «дармоедов» и все прочее мимо ушей.

— А то произошло, что пока вы здесь болтовней занимались, устав свой говённый соблюдали, я Здание видел!

Андрей осторожно положил ложечку в стакан.

— Какое здание? — спросил он.

— Да вы что, в самом деле? — моментально взбесился Петров. — Вы что, шутки со мной шутите? Какое здание... Красное! То самое! Стоит, сволочь, прямо на Главной, и люди туда заходят, а вы тут чаек попиваете... Каких-то старух дурацких терзаете...

— Минуточку, минуточку!.. — сказал Андрей, вынимая из папки план города. — Где вы видели? Когда?

— Да вот сейчас, когда везли меня сюда... Я этому идиоту говорю: «Останови!», а он гонит... Здесь дежурному говорю: давай скорее туда наряд полиции — он тоже не мычит не телится...

— Где вы его видели? В каком месте?

— Синагогу знаете?

— Да, — сказал Андрей, находя на карте синагогу.

— Так вот между синагогой и кинотеатром — есть там такой занюханый.

На карте между синагогой и кинотеатром «Новый Иллюзион» значился сквер с фонтаном и детской площадкой. Андрей покусал кончик карандаша.

— Когда же это вы его видели? — спросил он.

— Двенадцать двадцать было, — сказал Петров угрюмо. — А сейчас уже — пожалуйста, почти час. Станет оно вас дожидаться... Я, бывало, через пятнадцать, через двадцать минут прибежал, его уже не было, а тут... — Он безнадежно махнул рукой.

Андрей снял трубку и приказал:

— Мотоцикл с коляской и одного полицейского. Немедленно.

Глава вторая

Мотоцикл с треском мчался по Главной улице, подпрыгивая на разбитом асфальте. Андрей, скорчившись, прятал лицо за ветровым щитком коляски, но его все равно пробирало насквозь. Надо было захватить шинель.

Время от времени с тротуаров навстречу мотоциклу выскакивали, кривляясь и приплясывая, синие от холода психи, орали что-то неслышное за шумом двигателя — полицейский мотоциклист притормаживал тогда, ругаясь сквозь зубы, увертывался от цепких протянутых рук, прорывался сквозь цепи полосатых балахонов и тут же снова разгонял машину так, что Андрея отбрасывало назад.

Кроме сумасшедших, никого на улице больше не было. Только однажды им повстречалась медленно катящаяся патрульная машина с оранжевой мигалкой на крыше, да на площади перед мэрией они увидели неуклюже бегущего огромного лохматого павиана. Павиан бежал опрометью, а за ним с гиканьем и пронзительными воплями гнались небритые люди в полосатых пижамах. Андрей, повернув голову, увидел, как они настигли-таки павиана, повалили, растянули в разные стороны за задние и передние лапы и принялись мерно раскачивать под жуткую загробную песню.

Мчались навстречу редкие фонари, черные кварталы, словно вымершие, без единого огонька, потом впереди показалась смутная желтоватая громада синагоги, и Андрей увидел Здание.

Оно стояло прочно и уверенно, будто всегда, многие десятилетия, занимало это пространство между стеной синагоги, изрисованной свастиками, и задрипанным кинотеатриком, оштрафованным на прошлой неделе за показ порнографических фильмов в ночное время, — стояло на том самом месте, где еще вчерашним днем росли чахлые деревца, билхудосочный фонтанчик в неподобающе громадной неряшливой цементной чаше, а на веревочных качелях висли и визжали разномастные ребятишки.

Оно было действительно красное, кирпичное, четырехэтажное, и окна нижнего этажа были забраны ставнями, и несколько окон на втором и третьем этажах светились желтым и розовым, а крыша была крыта оцинкованной жстью, и рядом с единственной трубой укрепленна была странная, с несколькими поперечинами антенна. К двери действительно вело крыльцо из четырех каменных ступенек, блестела медная ручка, и чем дальше Андрей смотрел на это здание, тем явственнее раздавалась у него в ушах какая-то торжественная и мрачная мелодия, и мельком он вспомнил, что многие из свидетелей показывали, будто в Здании играет музыка...

Андрей поправил козырек фуражки, чтобы не заслонял глаза, и взглянул на полицейского мотоциклиста. Угрюмый толстяк сидел нахохлившись, втянув голову в поднятый воротник, и сонно курил, держа сигарету в зубах.

— Видишь его? — спросил Андрей вполголоса.

Толстяк неловко повернул голову и отогнул воротник.

— А?

— Дом, говорю, видишь? — спросил Андрей, раздражаясь.

— Не слепой, — отозвался полицейский угрюмо.

— А раньше его видел здесь?

— Нет, — сказал полицейский. — Здесь не видел. В других местах — видел. А что? Здесь ночью и не такое увидишь...

Музыка у Андрея в ушах редела с трагической силой, так что он даже плохо слышал полицейского. Происходили какие-то огромные похороны, тысячи и тысячи людей плакали, провожая своих близких и любимых, и ревушая музыка не давала им успокоиться, забыться, отключить себя...

— Жди меня здесь, — сказал Андрей полицейскому, но полицейский не ответил, что, впрочем, было и не удивительно, ибо он со своим мотоциклом остался на той стороне

улицы, а Андрей стоял на каменном крыльце перед высокой дубовой дверью с медной ручкой.

Тогда Андрей посмотрел направо вдоль Главной улицы в туманную мглу, налево вдоль Главной улицы в туманную мглу, простился со всем этим на всякий случай и положил руку в перчатке на вычурно-резную блестящую медь.

За дверью оказалась небольшая спокойная прихожая, неярко освещенная желтоватым светом, гроздь шинелей, пальто и плащей свисали с разлапистой, как пальма, вешалки. Под ногами был потертый ковер с бледными неопределенными узорами, а прямо впереди — широкая мраморная лестница с красной мягкой дорожкой, прижатой к ступеням металлическими, хорошо начищенными прутьями. Были еще какие-то картины на стенах, и было еще что-то за дубовым барьером справа, и был кто-то рядом, кто почтительно отобрал у Андрея папку и шепнул: «Наверх, пожалуйста...» Ничего этого Андрей разобрать не мог, ему ужасно мешал козырек фуражки, который все время съезжал на самые глаза, так что Андрей мог видеть только то, что было у него под ногами. На середине лестницы он подумал, что надо было бы сдать проклятую фуражку в гардероб этому раззолоченному типу в галунах и с бакенбардами до пояса, но теперь было уже поздно, а здесь все было устроено так, что все надо было делать вовремя или не делать совсем, и каждый ход свой, каждое свое действие возвращать назад было уже нельзя. И он со вздохом облегчения шагнул через последнюю ступеньку и снял фуражку.

Как только он появился в дверях, все встали, но он ни на кого не глядел. Он видел только своего партнера, невысокого пожилого мужчину в костюме полувоенного образца, в блестящих хромовых сапожках, мучительно на кого-то похожего и в то же время совершенно незнакомого.

Все неподвижно стояли вдоль стен, белых мраморных стен, украшенных золотом и пурпуром, задрапированных яркими разноцветными знаменами... нет, не разноцветными, все было красное с золотом, только красное и только с золотом, и с бесконечно далекого потолка свисали огромные пурпурно-золотые полотнища, словно материализовавшиеся ленты какого-то невероятного северного сияния, все стояли вдоль стен с высокими полукруглыми нишами, а в нишах прятались в сумраке горделиво-скромные бюсты, мраморные, гипсовые, бронзовые, золотые, малахитовые, нержавеющей стали... холодом могил веяло из этих ниш, все мерзли, все украдкой потирали руки и ежились, но все стояли навтыжку, глядя прямо перед собой, и только пожилой человек в полувоенной форме, партнер, противник, медленно, неслышными шагами расхаживал в пустом пространстве посередине зала, слегка наклонив массивную сидящую голову, заложив руки за спину, сжимая левой рукой кисть правой. И когда Андрей вошел, и когда все встали и уже стояли некоторое время, и когда под сводами зала уже затих, запутавшись в пурпуре и золоте, едва слышный вздох как бы облегчения, человек этот еще продолжал прохаживаться, а потом вдруг, на полушаге, остановился и очень внимательно, без улыбки поглядел на Андрея, и Андрей увидел, что волосы у него на большом черепе редкие и седые, лоб низкий, пышные усы — тоже редкие и аккуратно подстриженные, а равнодушное лицо — желтоватое, с неровной, как бы изрытой кожей.

В представлениях не было нужды, и не было нужды в приветственных речах. Они сели за инкрустированный столик, у Андрея оказались черные, а у пожилого партнера — белые, не белые, собственно, а желтоватые, и человек с изрытым лицом протянул маленькую безволосую руку, взял двумя пальцами пешку и сделал первый ход. Андрей сейчас же двинул навстречу свою пешку, тихого надежного Вана, который всегда хотел только одного — чтобы его оставили в покое, — и здесь ему будет обеспечен некоторый, впрочем, весьма сомнительный и относительный, покой, здесь, в самом центре событий, которые развернутся, конечно, которые неизбежны, и Вану придется туго, но именно здесь его можно будет подпирать, прикрывать, защищать — долго, а при желании — бесконечно долго.

Две пешки стояли друг напротив друга, лоб в лоб, они могли коснуться друг друга, могли обменяться ничего не значащими словами, могли просто тихо гордиться собой, гордиться тем, что вот они, простые пешки, обозначили собою ту главную ось, вокруг которой будет теперь разворачиваться вся игра. Но они ничего не могли сделать друг другу, они были нейтральны друг к другу, они были в разных боевых измерениях — маленький желтый бесформенный Ван с головой, привычно втянутой в плечи, и плотный, по-кавалерийски кривоногий мужичок в бурке и в папахе, с чудовищными пушистыми усами, со скуластым лицом и жесткими, слегка раскосыми глазами.

Снова на доске было равновесие, и это равновесие должно было продлиться довольно долго, потому что Андрей знал, что партнер его — человек гениальной осторожности, всегда полагавшийся, что самое ценное — это люди, а значит, Вану в ближайшее время ничто не может угрожать, и Андрей отыскал в рядах Вана и чуть-чуть улыбнулся ему, но сейчас же отвел глаза, потому что встретился с внимательным и печальным взглядом Дональда.

Партнер думал, неторопливо постукивая мундштуком длинной папиросы по инкрустированной перламутром поверхности столика, и Андрей снова покосился на замершие ряды вдоль стен, но теперь он уже смотрел не на своих, а на тех, кем распоряжался его соперник. Там почти не было знакомых лиц: какие-то неожиданно интеллигентного вида люди в штатском, с бородами, в пенсне, в старомодных галстуках и жилетках, какие-то военные в непривычной форме, с многочисленными ромбами в петлицах, при орденах, привинченных на муаровые подкладки... Откуда он набрал таких, с некоторым удивлением подумал Андрей и снова посмотрел на выдвинутую вперед белую пешку. Эта пешка была ему, по крайней мере, хорошо знакома — человек легендарной некогда славы, который, как шептались взрослые, не оправдал возлагавшихся на него надежд и теперь, можно сказать, сошел со сцены. Он, видно, и сам знал это, но не особенно горевал — стоял, крепко вцепившись в паркет кривыми ногами, крутил гигантские свои усы, исподлобья поглядывал по сторонам, и от него остро несло водкой и конским потом.

Партнер поднял над доскою руку и переставил вторую пешку. Андрей закрыл глаза. Этого он никак не ожидал. Как же это так — прямо сразу? Кто это? Красивое бледное лицо, вдохновенное и в то же время отталкивающее каким-то высокомерием, голубоватое пенсне, изящная вьющаяся бородка, черная копна волос над светлым лбом — Андрей никогда раньше не видел этого человека и не мог сказать, кто он, но был он, по-видимому, важной персоной, потому что властно и кратко разговаривал с кривоногим мужичком в бурке, а тот только шевелил усами, шевелил желваками на скулах и все отводил в сторону слегка раскосые глаза, словно огромная дикая кошка перед уверенным укротителем.

Но Андрею не было дела до их отношений — решалась судьба Вана, судьба маленького, всю свою жизнь мучившегося Вана, совсем уже втянувшего голову в плечи, уже готового к самому худшему и безнадежно покорного в своей готовности, и тут могло быть только одно из трех: либо Вана, либо Ван, либо все оставить так, как есть, подвесить жизни этих двоих в неопределенности — на высоком языке стратегии это называлось бы «непринятый ферзевый гамбит» — и такое продолжение было известно Андрею, и он знал, что оно рекомендуется в учебниках, знал, что это азбука, но он не мог вынести и мысли о том, что Ван еще в течение долгих часов игры будет висеть на волоске, покрываясь холодным потом предсмертного ужаса, а давление на него будет все наращиваться и наращиваться, пока, наконец, чудовищное напряжение в этом пункте не сделается совершенно невыносимым, гигантский кровавый нарыв прорвется, и от Вана не останется и следа.

Я этого не выдержу, подумал Андрей. И в конце концов, я совсем не знаю этого человека в пенсне, какое мне до него дело, почему это я должен жалеть его, если даже мой гениальный партнер думал всего несколько минут, прежде чем решился предложить эту жертву... И Андрей снял с доски белую пешку и поставил на ее место свою, черную, и в то

же мгновение увидел, как дикая кошка в бурке вдруг впервые в жизни взглянула укротителю прямо в глаза и оскалила в плотоядной ухмылке желтые прокуренные клыки. И сейчас же какой-то смуглый, оливково-смуглый, не по-русски, не по-европейски даже выглядящий человек скользнул между рядами к голубому пенсне, взмахнул огромной ржавой лопатой, и пенсне голубой молнией брызнуло в сторону, а человек с бледным лицом великого трибуна и несостоявшегося тирана слабо ахнул, ноги его подломились, и небольшое ладное тело покатилося по выщербленным древним ступеням, раскаленным от тропического солнца, пачкаясь в белой пыли и ярко-красной липкой крови... Андрей перевел дыхание, проглотил мешающий комок в горле и снова посмотрел на доску.

А там уже две белые пешки стояли рядом, и центр был прочно захвачен стратегическим гением, и, кроме того, из глубины прямо в грудь Вану нацелился зияющий зрачок неминуемой гибели — тут нельзя было долго размышлять, тут дело было уже не только в Ване: одно-единственное промедление, и белый слон вырвется на оперативный простор — он давно уже мечтает вырваться на оперативный простор, этот высокий статный красавец, украшенный созвездиями орденов, значков, ромбов, нашивок, гордый красавец с ледяными глазами и пухлыми, как у юноши, губами, гордость молодой армии, гордость молодой страны, преуспевающий соперник таких же высокомерных, усыпанных орденами, значками, нашивками гордецов западной военной науки. Что ему Ван? Десятки таких Ванов он зарубил собственной рукой, тысячи таких Ванов, грязных, вшивых, голодных, слепо уверовавших в него, по одному его слову, яростно матерясь, в рост шли на танки и пулеметы, и те из них, которые чудом остались в живых, теперь уже холёные и отъевшиеся, готовы были идти и сейчас, готовы были повторить все сначала...

Нет, этому человеку нельзя было отдавать ни Вана, ни центра. И Андрей быстро двинул вперед пешку, стоявшую на подхвате, не глядя, кто это, и думая только об одном: прикрыть, подпереть Вана, защитить его хотя бы со спины, показать великому танкисту, что Ван, конечно, в его власти, но дальше Вана ему не пройти. И великий танкист понял это, и заблестевшие было глаза его снова сонно прикрылись красивыми тяжелыми веками, но он забыл, видимо, как точно так же забыл и вдруг каким-то страшным внутренним озарением понял Андрей, что здесь все решают не они — не пешки и слоны, и даже не ладьи и не ферзи. И чуть только маленькая безволосая рука медленно поднялась над доской, как Андрей, уже понявший, что сейчас произойдет, сипло каркнул: «Поправляю...» в соответствии с благородным кодексом игры и так поспешно, что даже пальцы свело судорогой, поменял местами Вана и того, кто его подпирал. Удача бледно улыбнулась ему: подпирал Вана, а теперь заменил Вана Валька Сойфертис, с которым Андрей шесть лет просидел за одной партией и который все равно уже умер в сорок девятом году во время операции по поводу язвы желудка.

Брови гениального партнера медленно приподнялись, коричневатые с крапинками глаза удивленно-насмешливо прищурились. Конечно, ему был смешон и непонятен такой бессмысленный как с тактической, так, тем более, и со стратегической точки зрения поступок. Продолжая движение маленькой слабой руки, он остановил ее над слоном, помедлил еще несколько секунд, размышляя, затем пальцы его уверенно сомкнулись на лакированной головке фигуры, слон устремился вперед, тихонько стукнул о черную пешку, сдвинул ее и утвердился на ее месте. Гениальный стратег еще медленно выносил битую пешку за пределы поля, а кучка людей в белых халатах, деловитых и сосредоточенных, уже окружила хирургическую каталку, на которой лежал Валька Сойфертис, — в последний раз мелькнул перед глазами Андрея темный, изглоданный болезнью профиль, и каталка исчезла в дверях операционной...

Андрей взглянул на великого танкиста и увидел в его серых прозрачных глазах тот же ужас и тягостное недоумение, которое ощущал и сам. Танкист, часто мигая, смотрел на гениального стратега и ничего не понимал. Он привык мыслить в категориях передвижений в пространстве огромных машинных и человеческих масс, он, в своей наивности и простодушии, привык считать, что все и навсегда решат его бронированные

армады, уверенно прущие через чужие земли, и многомоторные, набитые бомбами и парашютистами летающие крепости, плывущие в облаках над чужими землями, он сделал все возможное для того, чтобы эта ясная мечта могла быть реализована в любой необходимый момент... Конечно, он позволял себе иногда известные сомнения в том, что гениальный стратег так уж гениален и сумеет однозначно определить этот необходимый момент и необходимые направления бронированных ударов, и все же он ни в какую не понимал (и так и не успел понять), как можно было приносить в жертву именно его, такого талантливому, такого неутомимому и неповторимому, как можно было принести в жертву все то, что было создано такими трудами и усилиями...

Андрей быстро снял его с доски, с глаз долой, и поставил на его место Вана. Люди в голубых фуражках протиснулись между рядами, грубо схватили великого танкиста за плечи и за руки, отобрали оружие, с хрустом ударили по красивому породистому лицу и поволокли в каменный мешок, а гениальный стратег откинулся на спинку стула, сыто зажмурился и, сложив руки на животе, покрутил большими пальцами. Он был доволен. Он отдал слона за пешку и был очень доволен. И тогда Андрей вдруг понял, что в его, стратега, глазах все это выглядит совсем иначе: он ловко и неожиданно убрал мешающего ему слона да еще получил пешку в придачу — вот как это выглядело на самом деле...

Великий стратег был более чем стратегом. Стратег всегда крутится в рамках своей стратегии. Великий стратег отказался от всяких рамок. Стратегия была лишь ничтожным элементом его игры, она была для него так же случайна, как для Андрея — какой-нибудь случайный, по прихоти сделанный ход. Великий стратег стал великим именно потому, что понял (а может быть, знал от рождения): выигрывает вовсе не тот, кто умеет играть по всем правилам; выигрывает тот, кто умеет отказаться в нужный момент от всех правил, навязать игре свои правила, неизвестные противнику, а когда понадобится — отказаться и от них. Кто сказал, что свои фигуры менее опасны, чем фигуры противника? Вздор, свои фигуры гораздо более опасны, чем фигуры противника. Кто сказал, что короля надо беречь и уводить из-под шаха? Вздор, нет таких королей, которых нельзя было бы при необходимости заменить каким-нибудь конем или даже пешкой. Кто сказал, что пешка, прорвавшаяся на последнюю горизонталь, обязательно становится фигурой? Ерунда, иногда бывает гораздо полезнее оставить ее пешкой — пусть постоит на краю пропасти в назидание другим пешкам...

Проклятая фуражка все съезжала и съезжала Андрею на глаза, и ему все труднее становилось следить за тем, что происходит вокруг. Он слышал, однако, что чинная тишина в зале перестала существовать, слышался звон посуды, гомон многих голосов, звуки настраиваемого оркестра. Потянуло кухонным чадом. Кто-то пискляво объявлял на весь дом: «Жогж! Я чегтовски поголодался! Вели скогее подать мне гюмку кюгасо и а-ня-няс!..»

— Прошу прощения, — произнес кто-то над самым ухом с казенной вежливостью, протискиваясь между Андреем и доской, — мелькнули черные фалды, начищенные лаковые штиблеты, высоко вздетая белая рука с нагруженным подносом проплыла над головой. И еще какая-то белая незнакомая рука поставила у локтя Андрея бокал шампанского.

Гениальный стратег обстучал, наконец, и обмял свою папиросу до такой степени, что ее стало можно курить. И он закурил — синеватый дымок поплыл у него из волосатых ноздрей, путаясь в пышных редковатых усах.

А игра тем временем шла. Андрей судорожно защищался, отступал, маневрировал, и ему пока удавалось сделать так, что гибли только и без того уже мертвые. Вот унесли Дональда с простреленным сердцем и положили на столик рядом с бокалом его пистолет и предсмертную записку: «Приходя — не радуйся, уходя — не грусти. Пистолет отдайте Воронину. Когда-нибудь пригодится»... Вот уже брат с отцом снесли по обледенелой лестнице и сложили в штабель трупов во дворе тело бабушки, Евгении Романовны, зашитое в старые простыни... Вот и отца похоронили в братской могиле где-то на

Пискаревке, и угрюмый водитель, пряча небритое лицо от режущего ветра, прошелся асфальтовым катком взад и вперед по окоченевшим трупам, утрамбовывая их, чтобы в одну могилу поместилось побольше... А великий стратег щедро, весело и злорадно расправлялся со своими и чужими, и все его холеные люди в бородках и орденах стреляли себе в виски, выбрасывались из окон, умирали от чудовищных пыток, проходили, перешагивая друг через друга, в ферзи и оставались пешками...

И Андрей все мучительно пытался понять, что же это за игра, в которую он играет, какая цель ее, каковы правила и зачем все это происходит, и до самых глубин души продираал его вопрос: как же это он попал в противники великого стратега, он, верный солдат его армии, готовый в любую минуту умереть за него, готовый убивать за него, не знающий никаких иных целей, кроме его целей, не верящий ни в какие средства, кроме указанных им средств, не отличающий замыслов великого стратега от замыслов Вселенной. Он жадно, не ощутивши никакого вкуса, вылакал шампанское, и тогда вдруг ослепительное озарение обрушилось на него. Ну конечно же, он никакой не противник великого стратега! Ну конечно же, вот в чем дело! Он его союзник, верный его помощник, вот оно — главное правило этой игры! Играют не соперники, играют именно партнеры, союзники, игра идет в одни-единственные ворота, никто не проигрывает, все только выигрывают... кроме тех, конечно, кто не доживет до победы...

Кто-то коснулся его ноги и проговорил под столом: «Будьте любезны, передвиньте ножку...» Андрей посмотрел под ноги. Там темнела блестящая лужа, и около нее возился на карачках лысенький карлик с большой высохшей тряпкой, покрытой темными пятнами. Андрея замутило, и он снова стал смотреть на доску. Он уже пожертвовал всеми мертвыми, теперь у него оставались только живые. Великий стратег по ту сторону столика с любопытством следил за ним и даже, кажется, кивал одобрительно, обнажая в вежливой улыбке маленькие редкие зубы, и тут Андрей почувствовал, что он больше не может. Великая игра, благороднейшая из игр, игра во имя величайших целей, которые когда-либо ставило перед собой человечество, но играть в нее дальше Андрей не мог.

— Выйти... — сказал он хрипло. — На минутку.

Это получилось у него так тихо, что он сам едва расслышал себя, но все сразу посмотрели на него. Снова в зале наступила тишина, и козырек фуражки почему-то больше не мешал ему, и он мог теперь ясно, глаза в глаза, увидеть всех своих, всех, кто пока еще оставался в живых.

Мрачно глядел на него, потрескивая сигаркой, огромный дядя Юра в своей распахнутой настезь, выцветшей гимнастерочке; пьяно улыбалась Сельма, развалившаяся в кресле с ногами, задранными так, что видна была попка в кружевных розовых трусиках; серьезно и понимающе смотрел Кэнси, а рядом с ним — взлохмаченный, как всегда зверски небритый, с отсутствующим взглядом Володька Дмитриев; а на высоком старинном стуле, с которого только что поднялся и ушел в очередную свою и последнюю таинственную командировку Сева Барабанов, восседал теперь брезгливо сморщенный, со своим аристократическим горбатым носом Борька Чистяков, словно готовый спросить: «Ну что ты орешь, как большой слон?» — все были здесь, все самые близкие, самые дорогие, и все смотрели на него, и все по-разному, и в то же время было в их взглядах и что-то общее, какое-то общее их к нему отношение: сочувствие? доверие? жалость? Нет, не это, и он так и не понял, что именно, потому что вдруг увидел среди хорошо знакомых и привычных лиц какого-то совсем незнакомого человека, какого-то азиата с желтоватым лицом и раскосыми глазами, нет, не Вана, какого-то изысканного, даже элегантного азиата, и еще ему показалось, что за спиной этого незнакомца прячется кто-то совсем маленький, грязный, оборванный, наверное, беспризорный ребенок...

И он встал, резко, со скрипом отодвинув от себя стул, и отвернулся от них всех, и, сделав какой-то неопределенный жест в сторону и в адрес великого стратега, поспешно пошел вон из зала, протискиваясь между чьими-то плечами и животами, отстраняя кого-то

с дороги, и, словно чтобы успокоить его, кто-то пробубнил неподалеку: «Ну что ж, это правилами допускается, пусть подумает, поразмыслит... Нужно только остановить часы...»

Совершенно обессиленный, мокрый от пота, он выбрался на лестничную площадку и сел прямо на ковер, недалеко от жарко полыхающего камина. Фуражка снова сползла ему на глаза, так что он даже и не пытался разглядеть, что это там за камин и что за люди сидят около камина, он только чувствовал своим мокрым и словно бы избитым телом мягкий сухой жар, и видел подсохшие, но все еще липкие пятна на своих ботинках, и слышал сквозь уютное потрескивание пылающих поленьев, как кто-то неторопливо, со вкусом, прислушиваясь к собственному бархатному голосу, рассказывает:

— ...Представляете себе — красавец, в плечах косая сажень, кавалер трех орденов Славы, а полный бант этих орденов, надо вам сказать, давали не всякому, таких было меньше даже, чем Героев Советского Союза. Ну, прекрасный товарищ, учился отлично и все такое. И была у него, надо вам сказать, одна странность. Бывало, придет он на вечеринку на хате у сынка какого-нибудь генерала или маршала, но чуть все разбредутся шерочка с машерочкой, он потихоньку в прихожую, фуражечку набекрень и — привет. Думали сначала, что есть у него какая-то постоянная любовь. Так нет — то и дело встречали его ребята в публичных местах — ну, в парке Горького, в клубах там разных — с какими-то отъявленными лахудрами, да все с разными! Я вот тоже однажды повстречал. Смотрю — ну и выбрал! — ни кожи ни рожи, чулки вокруг тощих конечностей винтом, размалевана — сказать страшно... а тогда, между прочим, нынешней косметики ведь не было — чуть ли не ваксой сапожной девки брови подводили... В общем, как говорится, явный мезальянс. А он — ничего. Ведет ее нежно под ручку и что-то ей там вкручивает, как полагается. А уж она-то — прямо тает, и гордится, и стыдится — полные штаны удовольствия... И вот однажды в холостой компании мы и пристали к нему: давай выкладывай, что у тебя за извращенные вкусы, как тебе с этими б...ми ходить не тошно, когда по тебе сохнут лучшие красавицы... А надо вам сказать, что был у нас в академии педагогический факультет, привилегированная такая штучка, туда только из самых высоких семей девиц набирали... Ну, он сначала отшучивался, а потом сдался и рассказал нам такую удивительную вещь. Я, говорит, товарищи, знаю, что во мне, так сказать, все угодья: и красив, и ордена, и хвост колом. И сам, говорит, о себе это знаю, и записочек много на этот счет получал. Но был тут у меня, говорит, один случай. Увидел я вдруг несчастье женщин. Всю войну они никакого просвета не видели, жили впроголодь, вкалывали на самой мужской работе — бедные, некрасивые, понятия даже не имеющие, что это такое — быть красивой и желанной. И я, говорит, положил себе дать хоть немногим из них такое яркое впечатление, чтобы на всю жизнь им было о чем вспоминать. Я, говорит, знакомлюсь с такой вот вагоновожатой, или с работницей с «Серпа и молота», или с несчастенькой учительницей, которой и без войны-то на особое счастье рассчитывать не приходилось, а теперь, когда столько мужиков перебили, и вообще ничего в волнах не видно. Провожу я с ними два-три вечера, говорит, а потом исчезаю, прощаюсь, конечно, вру, что еду в длительную командировку или еще что-нибудь такое правдоподобное, и остаются они с этим светлым воспоминанием... Хоть какая-то, говорит, светлая искорка в их жизни. Не знаю, говорит, как это получается с точки зрения высокой морали, но есть у меня ощущение, что я таким образом хоть как-то частичку нашего общего мужского долга выполняю... Рассказал он нам все это, мы обалдели. Потом, конечно, спорить принялись, но впечатление это все на нас произвело необыкновенное. Вскоре он, впрочем, куда-то исчез. Тогда многие у нас так вот исчезали: приказ командования, а в армии не спрашивают, куда и зачем... Больше я его не видел...

И я, подумал Андрей. И я его больше не видел. Было два письма — одно маме, одно мне. И было извещение маме: «Ваш сын, Сергей Михайлович Воронин, погиб с честью при выполнении боевого задания командования». В Корее это было. Под розовым акварельным небом Кореи, где впервые великий стратег попробовал свои силы в схватке с

американским империализмом. Он вел там свою великую игру, а Сережа там остался со своим полным набором орденов Славы...

Не хочу, подумал Андрей. Не хочу я этой игры. Может быть, так все и должно быть, может, без этой игры и нельзя. Может быть. Даже наверняка. Но я не могу... Не умею. И учиться даже не хочу... Ну что же, подумал он с горечью. Значит, я просто плохой солдат. Вернее сказать, я просто солдат. Всего-навсего солдат. Тот самый, который размышлять не умеет и потому должен повиноваться слепо. И я никакой не партнер, не союзник великого стратега, а крошечный винтик в его колоссальной машине, и место мое не за столом в его непостижимой игре, а рядом с Ваном, с дядей Юрой, с Сельмой... Я маленький звездный астроном средних способностей, и если бы мне удалось доказать, что существует какая-то связь между широкими парами и потоками Схилта, это было бы для меня уже очень и очень много. А что касается великих решений и великих свершений...

И тут он вспомнил, что он уже не звездный астроном, что он — следователь прокуратуры, что ему удалось добиться немалого успеха: с помощью специально подготовленной агентуры особой сыскной методикой засечь это таинственное Красное Здание и проникнуть в него, раскрыть его зловещие тайны, создать все предпосылки для успешного уничтожения этого злокачественного явления нашей жизни...

Приподнявшись на руках, он сполз ступенькой ниже. Если я сейчас вернусь к столу, из Здания мне уже не вырваться. Оно меня поглотит. Это же ясно: оно уже многих поглотило, на то есть свидетельские показания. Но дело не только в этом. Дело в том, что я должен вернуться в свой кабинет и распутать этот клубок. Вот мой долг. Вот что я сейчас обязан сделать. Все остальное — мираж...

Он сполз еще на две ступеньки. Надо освободиться от миража и вернуться к делу. Здесь все не случайно. Здесь все отлично продумано. Это чудовищный иллюзион, сооруженный провокаторами, которые стремятся разрушить веру в конечную победу, растлить понятия морали и долга. И не случайно, что по одну сторону Здания этот грязный кинотеатрик под названием «Новый Иллюзион». Новый! В порнографии ничего нового нет, а он — новый! Все понятно! А по другую сторону что? Синагога...

Он быстро-быстро пополз по ступенькам вниз и добрался до двери, на которой было написано «Выход». Уже взявшись за дверную ручку, уже навалившись, уже преодолевая сопротивление скрипящей пружины, он вдруг понял, что общего было в выражении глаз, устремленных на него там, наверху. Упрек. Они знали, что он не вернется. Он сам еще об этом и не догадывался, а они уже знали точно...

Он вывалился на улицу, жадно хватил огромный глоток сырого туманного воздуха и с замирающим от счастья сердцем увидел, что здесь все по-прежнему: туманная мгла направо вдоль Главной улицы, туманная мгла налево вдоль Главной улицы, а напротив, на той стороне, рукой подать — мотоцикл с коляской и совсем заснувший полицейский водитель, погрузившийся в воротник с головой. «Дрыхнет жиряга, — с умилением подумал Андрей. — Умаялся». И тут голос внутри него вдруг громко произнес: «Время!», и Андрей застонал, заплакал от отчаяния, только сейчас вспомнив главное, самое страшное правило игры. Правило, придуманное специально против таких вот интеллигентных хлюпиков и чистоплюев: тот, кто прервал партию, тот сдался; тот, кто сдался, теряет все свои фигуры.

С воплем «Не надо!» Андрей повернулся и протянул руку к медной ручке. Но было уже поздно. Дом уходил. Он медленно пятился задом в непроглядную тьму мрачных задворков синагоги и «Нового Иллюзиона». Он уползал с явственным шорохом, скрежетом, скрипом, дребезжа стеклами, побряхтывая балками перекрытий. С крыши сорвалась черепица и разбилась о каменную ступеньку.

Андрей изо всех сил давил на медную ручку, но она словно срослась с деревом двери, а дом двигался все быстрее и быстрее, и Андрей уже бежал, почти волочился за ним, как за отходящим поездом, он рвал и дергал ручку и вдруг споткнулся обо что-то,

упал, скрюченные пальцы его сорвались с гладких медных завитков, он ударился обо что-то головой, очень больно, искры посыпались из глаз, и хрустнуло что-то в черепе, но он еще видел, как дом, пятясь, на ходу гася свои окна, свернул за желтую стену синагоги, исчез, снова появился, словно выглянул двумя своими последними горящими окнами, а потом и эти окна погасли, и наступила тьма.

Глава третья

Он сидел на скамейке перед дурацкой цементной чашей фонтана и прижимал влажный, уже степлившийся платок к здоровенной, страшной на ощупь гуле над правым глазом. Света белого он не видел, голову ломило так, что он опасался, не лопнул ли череп, саднили разбитые колени, ушибленный локоть онемел, но, по некоторым признакам, обещал в ближайшем будущем еще заявить о себе. Впрочем, все это, может быть, было даже и к лучшему. Все это придавало происходящему отчетливо выраженную грубую реальность. Не было никакого Здания, не было Стратега и темной липкой лужи под столом, не было шахмат, не было никакого предательства, а просто брел человек в темноте, зазевался да и загремел через низенький цементный барьер прямо в идиотскую чашу, треснувшись дурацкой своей башкой и всем прочим о сырое цементное дно...

То есть Андрей, конечно, прекрасно понимал, что на самом деле все было совсем не так просто, но приятно было думать, что, может быть, все-таки именно брел, именно зацепился и треснулся — тогда все получалось даже забавно и во всяком случае удобно. Что же мне теперь делать, думал он туманно. Ну, нашел я это Здание, ну, побывал, увидел своими глазами... А дальше? Не забивайте мне голову, больную мою голову теперь не забивайте всеми этими разглагольствованиями о слухах, мифах и прочей пропаганде. Это раз. Не забивайте... Впрочем, виноват — кажется, это я сам всем забивал голову. Надо немедленно выпустить этого... как его... с флейтой. Интересно, эта его Элла — тоже там играла в шахматы?... Сволочь, как голова болит...

Платок совсем степлился, Андрей, кряхтя, поднялся, подковылял к фонтану и, перегнувшись через край, подержал влажную тряпку в ледяной струйке. В гулю кто-то горячо и яростно толкался изнутри. Вот тебе и миф. Он же мираж... Он отжал платок, снова приложил его к больному месту и посмотрел через улицу. Толстяк по-прежнему спал. Зараза жирная, подумал Андрей с озлоблением. Службу он несет. Я тебя зачем с собой брал? Дрыхнуть я тебя сюда брал? Меня тут сто раз могли кокнуть... Конечно, а эта скотина, выспавшись, заявила бы завтра утром в прокуратуру и доложила бы как ни в чем не бывало: господин, мол, следовательно как зашли ночью в Красное Здание, так больше наружу и не вышли... Некоторое время Андрей представлял себе, как славно было бы набрать сейчас ведро ледяной воды, подобраться к толстому гаду и вылить ему все ведро за шиворот. То-то бы взвился. Это как на сборах ребята развлекались: задрыхнет кто-нибудь, а ему за шнурок привяжут к причинному месту ботинок, а потом этот огромный грязный говнодав поставят на морду. Тот спросонья озверевает и этот ботинок запускает в пространство с бешеной силой. Очень было смешно.

Андрей вернулся к скамейке и обнаружил, что у него появился сосед. Какой-то маленький тощенький человечек, весь в черном, даже рубашка черная, сидел, положивши ногу на ногу, держа на колене старомодную шляпу-котелок. Наверное, сторож при синагоге. Андрей тяжело опустился рядом с ним, осторожно прошупывая сквозь влажный платок границы гули.

— Ну хорошо, — сказал человечек ясным старческим голосом. — А что будет дальше?

— Ничего особенного, — сказал Андрей. — Всех выловим. Я этого дела так не оставлю.

— А дальше? — настаивал старик.

— Не знаю, — сказал Андрей, подумав. — Может быть, еще какая-нибудь гадость появится. Эксперимент есть Эксперимент. Это — надолго.

— Это — навечно, — заметил старик. — В согласии с любой религией это — навечно.

— Религия здесь ни при чем, — возразил Андрей.

— Вы и сейчас так думаете? — удивился старик.

— Конечно. И всегда так думал.

— Хорошо, не будем пока об этом. Эксперимент есть Эксперимент, веревка — вервие простое... здесь многие так себя утешают. Почти все. Этого, между прочим, ни одна религия не предусмотрела. Но я-то о другом. Зачем даже здесь нам оставлена свобода воли? Казалось бы, в царстве абсолютного зла, в царстве, на вратах которого начертано: «Оставь надежду...»

Андрей подождал продолжения, не дождался и сказал:

— Вы все это себе как-то странно представляете. Это не есть царство абсолютного зла. Это скорее хаос, который мы призваны упорядочить. А как мы сможем его упорядочить, если не будем обладать свободой воли?

— Интересная мысль, — произнес старик задумчиво. — Мне это никогда не приходило в голову. Значит, вы полагаете, что нам дан еще один шанс? Что-то вроде штрафного батальона — смыть кровью свои прегрешения на переднем крае извечной борьбы добра со злом...

— Да при чем здесь — «со злом»? — сказал Андрей, понемногу раздражаясь. — Зло — это нечто целенаправленное...

— Вы — манихеец! — прервал его старик.

— Я — комсомолец! — возразил Андрей, раздражаясь еще больше и чувствуя необыкновенный прилив веры и убежденности. — Зло — это всегда явление классовое. Не бывает зла вообще. А здесь все перепутано, потому что — Эксперимент. Нам дан хаос. И либо мы не справимся, вернемся к тому, что было там — к классовому расслоению и прочей дряни, — либо мы оседлаем хаос и претворим его в новые, прекрасные формы человеческих отношений, именуемые коммунизмом...

Некоторое время старик ошарашенно молчал.

— Надо же, — произнес он наконец с огромным удивлением. — Кто бы мог подумать, кто бы мог предположить... Коммунистическая пропаганда — здесь! Это даже не схизма, это... — Он помолчал. — Впрочем, ведь идеи коммунизма сродни идеям раннего христианства...

— Это ложь! — возразил Андрей сердито. — Поповская выдумка. Раннее христианство — это идеология смирения, идеология рабов. А мы — бунтари! Мы камня на камне здесь не оставим, а потом вернемся туда, обратно, к себе, и все перестроим так, как перестроили здесь!

— Вы — Люцифер, — проговорил старик с благоговейным ужасом. — Гордый дух! Неужели вы не смирились?

Андрей аккуратно перевернул платок холодной стороной и подозрительно посмотрел на старичка.

— Люцифер?.. Так. А кто вы, собственно, такой?

— Я — тля, — кратко ответил старик.

— Гм... — Спорить было трудно.

— Я — никто, — уточнил старик. — Я был никто там, и здесь я тоже никто. — Он помолчал. — Вы вселили в меня надежду, — объявил он вдруг. — Да, да, да! Вы не представляете себе, как странно, как странно... как радостно было слушать вас! Действительно, раз свобода воли нам оставлена, то почему должно быть обязательно смирение, терпеливые муки?.. Нет, эту встречу я считаю самым значительным эпизодом за все время моего пребывания здесь...

Андрей с неприязненной внимательностью оглядывал его. Издевается, старый хрен... Нет, не похоже... Сторож синагоги?.. Синагога!

— Прошу прощения, — вкрадчиво осведомился он. — Вы давно здесь сидите? Я имею в виду — на этой скамеечке?

— Нет, не очень. Сначала я сидел на табуретке вон в той подворотне, там есть табуретка... А когда Дом удалился, я перешел на скамеечку.

— Ага, — сказал Андрей. — Значит, вы видели Дом?

— Конечно! — с достоинством ответил старик. — Его трудно не видеть. Я сидел, слушал музыку и плакал.

— Плакал... — повторил Андрей, мучительно пытаюсь сообразить, что к чему. — Скажите, вы еврей?

Старик вздрогнул.

— Господи, нет! Что за вопрос? Я католик, верный и — увы! — недостойный сын римско-католической церкви... Разумеется, я ничего не имею против иудаизма, но... А почему вы об этом спросили?

— Так, — сказал Андрей уклончиво. — К синагоге, значит, вы не имеете никакого отношения?

— Пожалуй, нет, — сказал старик. — Если не считать того, что я часто сижу в этом скверике и иногда сюда приходит сторож... — Он стесненно захихикал. — Мы с ним ведем религиозные диспуты...

— А как же Красное Здание? — спросил Андрей, закрывая глаза от боли в черепе.

— Дом? Ну, когда приходит Дом, мы, естественно, здесь сидеть не можем. Тогда нам приходится подождать, пока он уйдет.

— Значит, вы видите его не в первый раз?

— Разумеется, нет. Редкую ночь он не приходит... Правда, сегодня он был здесь дольше, чем обычно...

— Погодите, — сказал Андрей. — А вы знаете, что это за дом?

— Его трудно не узнать, — тихо сказал старик. — Раньше, в той жизни, я не раз видел его изображения и описания. Он подробно описан в откровениях святого Антония. Правда, этот текст не канонизирован, но сейчас... Нам, католикам... Словом, я читал это. «И еще являлся мне дом, живой и движущийся, и совершал непристойные движения, а внутри через окна я видел в нем людей, которые ходили по комнатам его, спали и принимали пищу...» Я не ручаюсь за точность цитирования, но это очень близко к тексту... И, разумеется, Иероним Босх... Я бы назвал его святым Иеронимом Босхом, я многим обязан ему, он подготовил меня к этому... — Он широко повел рукой вокруг себя. — Его замечательные картины... Господь, несомненно, допустил его сюда. Как и Данте... Между прочим, существует рукопись, которую приписывают Данте, в ней тоже упоминается этот дом. Как это там... — Старик закрыл глаза и поднял растопыренную пятерню ко лбу. — Э-э-э... «И спутник мой, простерши руку, сухую и костлявую...» М-м-м... Нет... «Кровавых тел нагих сплетенье в покоях сумрачных...» М-м-м...

— Погодите, — сказал Андрей, облизывая сухие губы. — Что вы мне несете? При чем здесь святой Антоний и Данте? Вы к чему, собственно, клоните?

Старик удивился.

— Я ни к чему не клоню, — сказал он. — Вы ведь спросили меня про Дом, и я... Я, конечно, должен благодарить Бога за то, что Он в предвечной мудрости и бесконечной доброте своей еще в прежнем существовании моем просветил меня и дал мне подготовиться. Я очень и очень многое узнаю здесь, и у меня сжимается сердце, когда я думаю о других, кто прибыл сюда и не понимает, не в силах понять, где они оказались. Мучительное непонимание сущего и вдобавок мучительные воспоминания о грехах своих. Возможно, это тоже великая мудрость Творца: вечное сознание грехов своих без осознания возмездия за них... Вот, например, вы, молодой человек, — за что Он низвергнул вас в эту пучину?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — пробормотал Андрей угрюмо. «Религиозных фанатиков нам здесь еще только и не хватало», — подумал он.

— Да вы не стесняйтесь, — сказал старик ободряюще. — Здесь скрывать это не имеет смысла, ибо Суд уже состоялся... Я, например, грешен перед народом своим — я был предателем, доносчиком, я видел, как мучили и убивали людей, которых я выдавал слугам сатаны. Меня повесили в тысяча девятьсот сорок четвертом. — Старик помолчал. — А вы когда умерли?

— Я не умерал... — произнес Андрей, холодея.

Старик покивал с улыбкой.

— Да, многие так думают, — сказал он. — Но это заблуждение. История знает случаи, когда людей брали живыми на небо, но никто никогда не слышал, чтобы их — в наказание! — живыми ссылали в преисподнюю.

Андрей слушал, обалдело воззрившись на него.

— Вы просто забыли, — продолжал старик. — Была война, бомбы падали на улицах, вы бежали в бомбоубежище, и вдруг — удар, боль, и все исчезло. А потом — видение ангела, говорящего ласково и иносказательно, и вы — здесь... — Он снова понимающе покивал, выпятив губу. — Да-да, несомненно, именно так вот и возникает ощущение свободы воли. Теперь я понимаю: это инерция. Просто инерция, молодой человек. Вы говорили так убежденно, что несколько даже поколебали меня... Организация хаоса, новый мир... Нет-нет, это просто инерция. Это должно со временем пройти. Не забудьте, преисподняя вечна, возврата нет, а вы ведь еще только в первом круге...

— Вы... серьезно? — Голос Андрея дал маленького петуха.

— Вы же все это знаете сами, — ласково сказал старик. — Вы отлично все это знаете! Просто вы — атеист, молодой человек, и не хотите себе признаться, что ошибались всю свою — пусть даже недолгую — жизнь. Вас учили ваши бестолковые и невежественные учителя, что впереди — ничто, пустота, гниение; что ни благодарности, ни возмездия за содеянное ждать не приходится. И вы принимали эти жалкие идеи, потому что они казались вам такими простыми, такими очевидными, а главным образом потому, что вы были совсем молоды, обладали прекрасным здоровьем тела и смерть была для вас далекой абстракцией. Сотворивши зло, вы всегда надеялись уйти от наказания, потому что наказать вас могли только такие же люди, как вы. А если вам случалось сотворить добро, вы требовали от таких же, как вы, немедленной награды. Вы были смешны. Сейчас вы, конечно, понимаете это — я вижу это по вашему лицу... — Он вдруг засмеялся. — У нас в подполье был один инженер, материалист, мы часто спорили с ним о загробной жизни. Господи, как он издевался надо мною! «Папаша, — говорил он, — в рай мы с вами закончим этот бессмысленный спор...» И вы знаете, я все ищу его здесь, ищу и никак не могу найти. Может быть, в его шутке была правда, может быть, он и в самом деле пошел в рай — как мученик. Смерть его воистину была мучительна... А я — здесь.

— Ночные диспуты о жизни и смерти? — проквакал вдруг над ухом знакомый голос, и скамейка затряслась. Изя Кацман, по обыкновению растерзанный и взлохмаченный, с размаху плюхнулся по другую сторону от Андрея и, придерживая левой рукой огромную светлую папку, сейчас же принялся правой терзать свою бородавку. Как и всегда, он был в состоянии какого-то восторженного возбуждения.

Андрей сказал, стараясь, чтобы получилось по возможности небрежно:

— Вот этот пожилой господин полагает, что все мы находимся в аду.

— Пожилой господин абсолютно прав, — немедленно возразил Изя и захихикал. — Во всяком случае, если это и не ад, то нечто совершенно неотличимое по своим проявлениям. Однако согласитесь, пан Ступальский, вы ведь так и не нашли в моей прижизненной карьере ни одного проступка, за который стоило меня сюда отправить! Я даже не прелюбодействовал — до такой степени я был глуп.

— Пан Кацман, — заявил старик, — я вполне допускаю, что вы и сами не знаете ничего об этом своем роковом проступке!

— Возможно, возможно, — легко согласился Изя. — Судя по твоему виду, — обратился он к Андрею, — ты побывал в Красном Здании. Ну, и как тебе там?

И вот тут Андрей окончательно пришел в себя. Словно лопнула и растаяла эта липкая полупрозрачная пленка кошмара, утихла боль в голове, теперь он резко и ясно различал все вокруг себя, и Главная улица перестала быть мгlistой и туманной, и полицейский с мотоциклом вовсе, оказывается, не спал, а прохаживался по тротуару, светя красным огоньком сигареты и поглядывая в сторону скамейки. «Господи, — подумал Андрей почти с ужасом. — Что я здесь делаю? Я ведь следователь, время ведь уходит, а я занимаюсь здесь болтовней с этим психом, а ведь здесь Кацман... Кацман? Он-то как здесь оказался?»

— Откуда ты знаешь, где я был? — спросил он отрывисто.

— Нетрудно догадаться, — сказал Изя, хихикая. — Ты бы посмотрел на себя в зеркало...

— Я тебя серьезно спрашиваю! — сказал Андрей, повышая голос.

Старик вдруг поднялся.

— Спокойной ночи, панове, — произнес он, плавно подвигав котелком над головой. — Добрых сновидений.

Андрей не обратил на него внимания. Он смотрел на Изю. А Изя, щипля бородавку и слегка подпрыгивая на месте, смотрел вслед удаляющемуся старичку, осклабясь до ушей и уже заранее давясь и кряхтя.

— Ну? — сказал Андрей.

— Какая фигура! — с восхищением прошипел Изя. — Ах, какая фигура! Ты дурак, Воронин, ты как всегда ничего не знаешь! Ты знаешь, кто это такой? Это же знаменитый пан Ступальский, Иуда-Ступальский! Он выдал гестапо в Лодзи двести сорок восемь человек, дважды его уличали, дважды он как-то выкручивался и подставлял вместо себя кого-нибудь другого. Уже после освобождения его окончательно прищучили, судили судом скорым и правым, но он и тут вывернулся! Господа Наставники сочли полезным вынуть его из петли и переправить сюда. Для букета. Здесь он живет в сумасшедшем доме, изображает психа, а сам продолжает активно работать по своей любимой специальности... Ты думаешь, он случайно оказался здесь, на скамеечке, как раз рядом с тобой? Знаешь, на кого он теперь работает?

— Заткнись! — сказал Андрей, усилием воли раздавив в себе привычное любопытство и интерес, которые одолевали его во время Изиных рассказов. — Меня все это не интересует. Как ты здесь оказался? Откуда, черт возьми, ты знаешь, что я был в Здании?

— А я и сам там был, — спокойно сказал Изя.

— Так, — сказал Андрей. — И что же там происходило?

— Ну, это тебе видней, что там происходило. Откуда мне знать, что там происходило с твоей точки зрения?

— А что там происходило с твоей точки?

— А вот это уж тебя совершенно не касается, — сказал Изя, поправляя на коленях свою объемистую папку.

— Папку ты взял там? — спросил Андрей, протягивая руку.

— Нет, — сказал Изя. — Не там.

— Что в ней?

— Послушай, — сказал Изя. — Какое тебе дело? Что ты ко мне привязался?

Он еще не понимал, что происходит. Впрочем, Андрей и сам еще не вполне понимал, что происходит, и лихорадочно раздумывал, как действовать дальше.

— А знаешь, что в этой папке? — сказал Изя. — Я раскопал старую мэрию, это километрах в пятнадцати отсюда. Копался там весь день, солнце погасло, темнотища, как

у негра в заднице, никакого освещения там, сам понимаешь, уже лет двадцать нету... Плутал я там, плутал, еле выбрался на Главную — кругом развалины, дикие голоса какие-то орут...

— Так, — сказал Андрей. — Ты что, не знаешь, что в старых развалинах рыться запрещено?

Азартное выражение исчезло из глаз Изи. Он внимательно посмотрел на Андрея. Кажется, он начинал понимать.

— Ты что, — продолжал Андрей, — инфекцию в Город затащить хочешь?

— Что-то мне твой тон не нравится, — сказал Изя, криво улыбаясь. — Как-то ты не так со мной разговариваешь.

— А ты мне весь не нравишься! — сказал Андрей. — Ты зачем мне голову забивал, будто Красное Здание — это миф? Ты же знал, что это не миф. Ты же мне врал. Зачем?

— Это что — допрос? — спросил Изя.

— А ты как думаешь? — сказал Андрей.

— Я думаю, что ты себе голову сильно зашиб. Я думаю, тебе надо умыться холодненькой водичкой и вообще прийти в себя.

— Дай сюда папку, — сказал Андрей.

— А пошел ты на хер! — сказал Изя, вставая. Он сильно побледнел.

Андрей тоже встал.

— Поедешь со мной, — сказал он.

— И не подумаю, — сказал Изя отрывисто. — Предъяви ордер на арест.

Тогда Андрей, леденя от ненависти, не спуская с Изи глаз, медленно расстегнул кобуру и вытащил пистолет.

— Идите вперед, — приказал он.

— Идиот... — пробормотал Изя. — Совершенно свихнулся...

— Молчать! — гаркнул Андрей. — Вперед!

Он ткнул Изю стволом в бок, и Изя послушно заковылял через улицу. Видимо, у него были стертые ноги, он сильно хромял.

— От стыда же подохнешь, — сказал он через плечо. — Проспишься — от стыда сгоришь...

— Не разговаривать!

Они подошли к мотоциклу, полицейский ловко откинул полог в коляске, и Андрей показал туда стволом пистолета.

— Садитесь.

Изя молча и очень неуклюже уселся. Полицейский быстро вскочил в седло, Андрей сел позади него, сунув пистолет в кобуру. Двигатель взревел, застрелял, мотоцикл развернулся и, подскакивая на выбоинах, помчался обратно к прокуратуре, распугивая психов, утомленно и бессмысленно бродивших по сырой от выпавшей росы улице.

Андрей старался не смотреть на Изю, скорчившегося в коляске. Первый запал прошел, и он испытывал теперь что-то вроде неловкости — как-то все произошло слишком уж быстро, слишком торопливо, впопыхах, как в том анекдоте про медведя, который катал зайца в люльке без дна. У-лю-лю, у-лю-лю! У люльки же дна нет, старый дурак... Ладно, разберемся...

В предбаннике прокуратуры Андрей, не глядя на Изю, приказал полицейскому зарегистрировать задержанного и доставить его наверх к дежурному, а сам, шагая через три ступеньки, поднялся к себе в кабинет.

Было около четырех часов — самое горячее время. В коридорах стояли у стен или сидели на длинных, отполированных задами скамьях подследственные и свидетели, вид у всех был одинаково безнадежный и сонный, все почти судорожно зевали и таращились осоловело. Дежурные время от времени вопили от своих столиков на весь дом: «Не разговаривать! Не переговариваться!» Из-за обитых дерматином дверей следственных камер доносился стук пишущих машинок, бубнящие голоса, слезливые вопли. Было

душно, нечисто, сумрачно. Андрея замутило — захотелось вдруг заскочить в буфет и выпить чего-нибудь бодрящего: чашку крепкого кофе или хотя бы просто рюмку водки. И тут он увидел Вана.

Ван сидел на корточках, прислонившись к стене спиной, в позе бесконечно терпеливого ожидания. На нем была своеобразная ватная стеганка, голова втянута в плечи, так что ворот стеганки оттопыривал уши, круглое безволосое лицо спокойно. Он дремал.

— Ты что тут делаешь? — спросил Андрей удивленно.

Ван открыл глаза, легко поднялся и сказал, улыбнувшись:

— Арестован. Жду вызова.

— Как арестован? За что?

— Саботаж, — сказал Ван тихонько.

Здоровенный детина в испачканном плаще, дремавший рядом, тоже открыл глаза, вернее — один глаз, потому что другой заплыл у него фиолетовым фингалом.

— Какой саботаж?! — поразился Андрей.

— Уклонение от права на труд...

— Статья сто двенадцать, параграф шесть, — деловито пояснил детина с фингалом. — Шесть месяцев болотной терапии — и все дела.

— Помолчите, — сказал ему Андрей.

Детина посветил на него своим фингалом, ухмыльнулся (Андрей тотчас вспомнил и ясно ощутил собственную гулю на лбу) и прохрипел миролюбиво:

— Можно и помолчать. Почему не помолчать, когда все ясно без слов?

— Не разговаривать! — грозно заорал издали дежурный. — Кто там к стене прислоняется? А ну отслонись!

— Подожди, — сказал Андрей Вану. — Тебя куда вызвали? Сюда? — Он указал на дверь двадцать второй камеры, пытаясь припомнить, чей это кабинет.

— Точно, — прохрипел детина с готовностью. — В двадцать вторую нас. Полтора часа уже стенку подпираем.

— Подожди, — снова сказал Андрей Вану и толкнул дверь.

За столом восседал Генрих Румер, младший следователь и личный телохранитель Фридриха Гейгера, бывший боксер среднего веса и мюнхенский букмекер. Андрей спросил: «Можно к тебе?», но Румер не отозвался. Он был очень занят. Он что-то рисовал на большом листе ватмана, склоняя то к одному плечу, то к другому свою звероподобную физиономию с расплюснутым носом, он пытался и даже постанывал от напряжения. Андрей прикрыл за собою дверь и подошел к столу вплотную. Румер перерисовывал порнографическую открытку. Ватман и открытка были расчерчены на клеточки. Работа была в самом начале, на ватман пока наносились лишь общие контуры. Труд предстоял титанический.

— Чем это ты занимаешься на службе, скотина? — укоризненно спросил Андрей.

Румер заметно вздрогнул и поднял глаза.

— А, это ты... — проговорил он с видимым облегчением. — Чего тебе?

— Это ты так работаешь? — горестно сказал Андрей. — Тебя там люди ждут, а ты...

— Кто ждет? — встрепенулся Румер. — Где?

— Подследственные твои ждут! — сказал Андрей.

— А-а... Ну и что?

— Ничего, — сказал Андрей со злостью. Наверное, надо было как-то пристыдить этого типа, напомнить зверюге, что ведь Фриц за него ручался, честным своим именем ручался за кретина ленивого, за обормота, но Андрей почувствовал, что сейчас это выше его сил.

— Кто это тебе в лоб засветил? — с профессиональным интересом спросил Румер, разглядывая Андрееву гулю. — Красиво кто-то засветил...

— Неважно, — сказал Андрей нетерпеливо. — Я к тебе вот зачем: дело Ван Лихуна у тебя?

— Ван Лихуна? — Румер перестал разглядывать гулю и задумчиво запустил палец в правую ноздрю. — А что такое? — осторожно спросил он.

— У тебя или нет?

— А ты почему спрашиваешь?

— Потому что он сидит там перед твоей дверью и ждет, пока ты здесь свинством занимаешься!

— Почему это — свинством? — обиделся Румер. — Ты посмотри, титьки какие! М-м-мух! А?

Андрей брезгливо отстранил фотографию.

— Давай сюда дело, — потребовал он.

— Какое дело?

— Дело Ван Лихуна давай сюда!

— Да нет у меня такого дела! — сердито сказал Румер. Он выдвинул средний ящик стола и заглянул в него. Андрей тоже заглянул в ящик. В ящике действительно было пусто.

— Где вообще все твои дела? — спросил Андрей, сдерживаясь.

— Тебе-то что? — сказал Румер агрессивно. — Ты мне не начальник.

Андрей решительно сорвал телефонную трубку. В поросячьих глазках Румера мелькнула тревога.

— Постой, — сказал он, торопливо прикрывая телефонный аппарат огромной лапицей. — Ты это куда? Зачем?..

— Вот я сейчас позвоню Гейгеру, — сказал Андрей зло. — Даст он тебе по мозгам, идиоту...

— Подожди, — бормотал Румер, пытаясь отобрать у него телефонную трубку. — Что ты, в самом деле... Зачем звонить Гейгеру? Что мы — вдвоем с тобой это дело не уладим? Ты, главное, объясни толком, чего тебе надо?

— Я хочу взять себе дело Ван Лихуна.

— Это китайца, что ли? Дворника?

— Да!

— Ну, так бы и сказал с самого начала! Нет на него никакого дела. Только что доставили. Я с него первичный допрос снимать буду.

— За что его задержали?

— Профессию не хочет менять, — сказал Румер, деликатно таща к себе телефонную трубку вместе с Андреем. — Саботаж. Третий срок дворником сидит. Статью сто двенадцать знаешь?..

— Знаю, — сказал Андрей. — Но это случай особый. Вечно они что-нибудь напутают. Где сопроводилровка?

Шумно сопя, Румер отобрал наконец у него трубку, положил ее на место, снова полез в стол — в правый ящик, — покопался там, заслонив содержимое гигантскими плечами, вытянул бумажку и, обильно потев, протянул ее Андрею. Андрей пробежал бумагу глазами.

— Тут не сказано, что он направляется именно к тебе, — объявил он.

— Ну и что?

— А то, что я его забираю к себе, — сказал Андрей и сунул бумажку в карман.

Румер забеспокоился.

— Так он же на меня записан! У дежурного.

— Так вот позвони дежурному и скажи, что Ван Лихуна взял себе Воронин. Пусть переписет.

— Это уж ты сам ему позвони, — сказал Румер важно. — Чего это я ему буду звонить? Ты забираешь, ты и звони. А мне расписку давай, что забрал.

Через пять минут все формальности были закончены. Румер спрятал расписку в ящик, посмотрел на Андрея, посмотрел на фотографию.

— Титьки какие! — сказал он. — Вымя!

— Плохо ты кончишь, Румер, — пообещал ему Андрей, выходя.

В коридоре он молча взял Вана под локоть и повлек за собой. Ван покорился, ни о чем не спрашивая, и Андрею пришло в голову, что вот так же безмолвно и безропотно он шел бы и на расстрел, и на пытку, и на любое унижение. Андрей не понимал этого. Было в этом смирении что-то животное, недочеловеческое, но в то же время возвышенное, вызывающее необъяснимое почтение, потому что за смирением этим угадывалось сверхъестественное понимание какой-то очень глубокой, скрытой и вечной сущности происходящего, понимание извечной бесполезности, а значит, и недостойности противодействия. Запад есть Запад, Восток есть Восток. Строчка лживая, несправедливая, унижительная, но в данном случае она почему-то казалась уместной.

У себя в кабинете Андрей усадил Вана на стул — не на табурет для подследственных, а на стул секретаря сбоку от стола, — уселся сам и сказал:

— Ну, что там у тебя с ними произошло? Рассказывай.

И Ван сейчас же принялся рассказывать своим размеренным повествовательным голосом:

— Неделю назад ко мне в дворницкую явился районный уполномоченный по трудоустройству и напомнил мне, что я грубо нарушаю закон о праве на разнообразный труд. Он был прав, я действительно грубо нарушал этот закон. Три раза мне приходили повестки с биржи, и три раза я выбрасывал их в мусор. Уполномоченный объявил мне, что дальнейшее манкирование грозит большими для меня неприятностями. Тогда я подумал: ведь бывают же случаи, когда машина оставляет человека на прежней работе. В тот же день я отправился на биржу и вложил свою трудовую книжку в распределительную машину. Мне не повезло. Я получил назначение директором обувного комбината. Но я заранее решил, что на новую службу не пойду, и остался дворником. Сегодня вечером за мной пришли двое полицейских и привели сюда. Вот как все было.

— Поня-атно, — протянул Андрей. Ничего ему было не понятно. — Слушай, хочешь чаю? Здесь можно попросить чаю с бутербродами. Бесплатно.

— Это будет большое беспокойство, — возразил Ван. — Не стоит.

— Какое там беспокойство!.. — сердито сказал Андрей и заказал по телефону два стакана чая и бутерброды. Потом он положил трубку, посмотрел на Вана и осторожно спросил: — Я все-таки не совсем понимаю, Ван, почему ты не захотел стать директором комбината? Это уважаемая должность, ты бы получил новую профессию, принес бы много пользы, ты ведь очень исполнительный и трудолюбивый человек... А я знаю этот комбинат — вечно там воровство, целыми ящиками обувь выносят... При тебе этого бы не было. И потом, там гораздо выше зарплата, а у тебя все-таки жена, ребенок... В чем дело?

— Да, я думаю, тебе это трудно понять, — сказал Ван задумчиво.

— А чего тут понимать? — сказал Андрей нетерпеливо. — Ясно же, что лучше быть директором комбината, чем всю жизнь разгребать мусор... Или, тем более, вкалывать шесть месяцев на болотах...

Ван покачал круглой головой.

— Нет, не лучше, — сказал он. — Лучше всего быть там, откуда некуда падать. Ты этого не поймешь, Андрей.

— Почему же обязательно падать? — спросил Андрей, растерявшись.

— Не знаю — почему. Но это обязательно. Или приходится прилагать такие усилия удержаться, что лучше уж сразу упасть. Я знаю, я все это прошел.

Полицейский с заспанным лицом принес чаю, откозырял, качнувшись, и боком выдвинулся в коридор. Андрей поставил перед Ваном стакан в потемневшем подстаканнике, придвинул тарелку с бутербродами. Ван поблагодарил, отхлебнул из стакана и взял самый маленький бутерброд.

— Ты просто боишься ответственности, — сказал Андрей расстроено. — Извини, конечно, но это не совсем честно по отношению к другим.

— Я всегда стараюсь делать людям только добро, — спокойно возразил Ван. — А что касается ответственности, то на мне лежит величайшая ответственность. Моя жена и ребенок.

— Это верно, — сказал Андрей, снова несколько растерявшись. — Это, конечно, так. Но, согласись, Эксперимент требует от каждого из нас...

Ван внимательно слушал и кивал. Когда Андрей кончил, он сказал:

— Я тебя понимаю. Ты по-своему прав. Но ведь ты пришел сюда строить, а я сюда бежал. Ты ищешь борьбы и победы, а я ищу покоя. Мы очень разные, Андрей.

— Что значит — покоя? Ты же на себя клеветешь! Если бы ты искал покоя, ты нашел бы тепленькое местечко и жил бы себе припеваючи. Здесь ведь полным-полно тепленьких местечек. А ты выбрал себе самую грязную, самую непопулярную работу, и работаешь ты честно, не жалеешь ни сил, ни времени... Какой уж тут покой!

— Душевный, Андрей, душевный! — сказал Ван. — В мире с собой и со Вселенной.

Андрей побарабанил пальцами по столу.

— И что же, ты так всю жизнь и намерен пробыть дворником?

— Не обязательно дворником, — сказал Ван. — Когда я сюда попал, я был сначала грузчиком на складе. Потом машина назначила меня секретарем мэра. Я отказался, и меня отправили на болота. Я отработал шесть месяцев, вернулся и по закону, как наказанный, получил самую низкую должность. Но потом машина опять стала выталкивать меня вверх. Я пошел к директору биржи и объяснил ему все, как тебе. Директор биржи был еврей, он попал сюда из лагеря уничтожения, и он меня очень хорошо понял. Пока он оставался директором, меня не беспокоили. — Ван помолчал. — Месяца два назад он исчез. Говорят, его нашли убитым, ты, вероятно, это знаешь. И все началось сначала... Ничего, я отработаю на болотах и снова вернусь в дворники. Сейчас мне будет гораздо легче — мальчик уже большой, а на болотах мне поможет дядя Юра...

Тут Андрей поймал себя на том, что смотрит на Вана во все глаза, совершенно неприлично, как будто это не Ван сидел перед ним, а какое-то диковинное существо. Впрочем, Ван ведь и в самом деле был диковинкой. Господи, подумал Андрей. Какую же надо прожить жизнь, чтобы докатиться до такой философии? Нет, я ему должен помочь. Просто обязан. Как?..

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Как хочешь. Только на болота тебе ехать совершенно незачем. Ты не знаешь случайно, кто теперь директором биржи?

— Отто Фрижа, — сказал Ван.

— Что? Отто? Так в чем же дело?..

— Да. Я бы к нему пошел, конечно, но он ведь совсем маленький, он ничего не понимает и всего боится.

Андрей схватил телефонную книгу, нашел номер, снял трубку. Ждать пришлось долго: видимо, Отто спал, как сурок. Наконец он отозвался прерывающимся, испуганно-сердитым голосом:

— Директор Отто Фрижа слушает.

— Здравствуй, Отто, — сказал Андрей. — Это Воронин говорит, из прокуратуры.

Наступило молчание. Слышно было, как Отто несколько раз откашлялся. Потом он проговорил осторожно:

— Из прокуратуры? Слушаю вас.

— Ты что — не проснулся? — сердито сказал Андрей. — Это Эльза тебя так укатала? Андрей говорит! Воронин!

— Ах, Андрей?! — совсем другим голосом сказал Отто. — Что ты, в самом деле, среди ночи? Фу ты, сердце как колотится... Что тебе?

Андрей объяснил ситуацию. Как он и ожидал, все свершилось без сучка без задоринки. Отто был со всем и полностью согласен. Да, он всегда считал, что Ван находится на своем месте. Да, он безусловно полагал, что директор комбината из Вана все равно не получится. Он очевидно и недвусмысленно восхищен стремлением Вана

остаться на столь незавидной должности («Побольше бы нам таких людей, а то все лезут вверх, что твои горные егеря!..»), он с негодованием отвергает самую идею отправки Вана на болота, а что касается закона, то он полон священного негодования относительно идиотов и бюрократических кретинотворцев, подменяющих здоровый дух закона его мертвенной буквой. В конце концов, закон существует, чтобы ограничить поползновения разных ловкачей пролезть вверх, а людей, желающих остаться внизу, он никак касаться не должен и не касается. Директор биржи совершенно ясно понимал все это. «Да! — повторял он. — О да, конечно!»

Правда, у Андрея осталось смутное, смешное и досадное впечатление, что Отто согласился бы на любое его, Андрея Воронина, предложение — например, назначить Вана мэром или, наоборот, посадить его в карцер. Отто всегда питал к Андрею болезненно-благодарные чувства, потому, наверное, что Андрей был единственным человеком в их компании (а может быть, и во всем городе), который относился к Отто по-человечески... Впрочем, в конце концов, важнее всего было дело.

— Я распоряжусь, — в десятый раз повторял Отто. — Ты можешь быть совершенно спокоен, Андрей. Я дам указание, и Вана больше никто никогда не тронет.

На том и порешили. Андрей положил трубку и принялся писать Вану пропуск на выход.

— Ты прямо сейчас пойдешь? — спросил он, не переставая писать. — Или подождешь до солнца? Смотри, сейчас опасно на улицах...

— Благодарю вас, — пробормотал Ван. — Благодарю вас...

Андрей удивленно поднял голову. Ван стоял перед ним и мелко-мелко кланялся, сложив ладони перед грудью.

— Да брось ты эти китайские церемонии, — проворчал Андрей с досадой и неловкостью. — Что я тебе — благоденствие, что ли, оказал? — Он протянул Вану пропуск. — Я спрашиваю, ты прямо сейчас пойдешь?

Ван принял пропуск с очередным поклоном.

— Я думаю, мне лучше пойти сразу, — сказал он, как бы извиняясь. — Прямо сейчас. Мусорщики, наверное, уже приехали...

— Мусорщики... — повторил Андрей. Он посмотрел на тарелку с бутербродами. Бутерброды были большие, свежие, с отличной ветчиной. — Погоди-ка, — сказал он, вытащил из ящика старую газету и принялся заворачивать бутерброды. — Возьмешь домой, для Мэйлинь...

Ван слабо сопротивлялся, бормотал что-то о чрезмерном беспокойстве, но Андрей сунул пакет ему за пазуху, обнял за плечи и повел к двери. Он чувствовал себя страшно неловко. Все было не так. И Отто, и Ван как-то странно реагировали на его действия. Он ведь только хотел сделать все по справедливости, чтобы все было правильно и разумно, а получилось черт знает что — благотворительность какая-то, кумовство, благоденствие... Он торопливо искал какие-то слова, сухие, деловые, подчеркивающие официальность и законность ситуации... И вдруг ему показалось, что нашел. Он остановился, поднял подбородок и, глядя на Вана сверху вниз, холодно сказал:

— Господин Ван, от имени прокуратуры приношу вам глубочайшие извинения за незаконный привод. Ручаюсь, что это больше никогда не повторится.

И тут ему стало совсем неудобно. Чувствительная какая-то. Во-первых, привод не был, строго говоря, незаконным. Был он, прямо скажем, вполне законным. А во-вторых, следовательно Воронин ни за что ручаться не мог, не имел такого права... И тут он вдруг увидел глаза Вана — странный и очень знакомый своей странностью взгляд, и он вдруг все вспомнил, и его обдало жаром при этом воспоминании.

— Ван, — проговорил он, внезапно охрипнув. — Я хочу тебя спросить, Ван.

Он замолчал. Глупо было спрашивать, бессмысленно. И уже нельзя было не спросить. Ван выжидательно смотрел на него снизу вверх.

— Ван, — сказал он, откашлявшись. — Где ты был сегодня в два часа ночи?

Ван не удивился.

— Как раз в два часа за мной пришли, — сказал он. — Я мыл лестницы.

— А до этого?

— А до этого я собирал мусор, мне помогала Мэйлинь, потом она пошла спать, а я пошел мыть лестницы.

— Да, — сказал Андрей. — Так я и думал. Ладно, до свиданья, Ван. Прости, что так получилось... Или нет, подожди, я тебя провожу...

Глава четвертая

Прежде чем вызвать Изю, Андрей все продумал заново.

Во-первых, он запретил себе относиться к Изе с предубеждением. То, что Изя циник, всезнайка и болтун, то, что он готов высмеять — и высмеивает — все на свете, что он неопрятен, брызгает, когда разговаривает, мерзко хихикает, живет с вдовой как альфонс и неизвестно каким образом зарабатывает себе на жизнь, — все это в данном случае не должно было играть никакой роли.

Надлежало также выкорчевать без остатка примитивную мысль, что Кацман есть простой распространитель панических слухов о Красном Здании и о прочих мистических явлениях. Красное Здание — реальность. Загадочная, фантастическая, непонятно зачем и кому понадобившаяся, но — реальность. (Тут Андрей полез в аптечку и, глядясь в маленькое зеркальце, помазал сочащуюся гулю зеленкой.) В этом плане Кацман — прежде всего свидетель. Что он делал в Красном Здании? Как часто там бывает? Что может о нем рассказать? Какую папку он оттуда вынес? Или папка действительно не оттуда? Действительно из старой мэрии?..

Стоп, стоп! Кацман неоднократно проговаривался... нет, не проговаривался, конечно, а просто рассказывал о своих экскурсиях на север. Что он там делал? Антигород тоже где-то на севере! Нет, Кацмана я задержал правильно, хоть и впопыхах. Так ведь оно всегда и бывает: все начинается с простого любопытства, сунет человек свой любопытный нос куда не следует, а потом и пикнуть не успел, как его уже завербовали... Почему он никак не хотел отдать мне эту папку?.. Папка явно оттуда. И Красное Здание оттуда! Тут шеф явно что-то недодумал. Ну, это-то понятно — у него не было фактов. И ему не пришлось там побывать. Да, распространение слухов — это страшная штука, но Красное Здание пострашнее любого слуха. И страшно даже не то, что люди исчезают в нем навсегда, — страшно, что иногда они оттуда выходят! Выходят, возвращаются, живут среди нас. Как Кацман...

Андрей чувствовал, что ухватился сейчас за главное, но ему не доставало смелости проанализировать все до конца. Он знал только, что Андрей Воронин, который вошел в дверь с медной ручкой, был совсем не тот Андрей Воронин, который вышел из этой двери. Что-то сломалось в нем там, что-то утратилось безвозвратно... Он стиснул зубы: «Ну нет, здесь вы просчитались, господа хорошие. Не надо было вам меня выпускать. Нас так просто не сломаешь... не купишь... не разжалобишь...»

Он криво ухмыльнулся, взял чистый лист бумаги и написал на нем крупными буквами: «КРАСНОЕ ЗДАНИЕ — КАЦМАН. КРАСНОЕ ЗДАНИЕ — АНТИГОРОД. АНТИГОРОД — КАЦМАН». Вот как все это получается. Нет, шеф. Нам не распространителей слухов искать надо. Нам надо искать тех, кто вернулся из Красного Здания живым и невредимым — искать их, вылавливать, изолировать... или устанавливать тщательнейшее наблюдение... Он написал: «Побывавшие в Здании — Антигород». Так что пани Гусаковой придется-таки рассказать все, что она знает про своего Франтишека. А флейтиста, наверное, можно выпустить. Впрочем, ладно, не о них речь... Может быть, шефу позвонить? Спросить благословения на переориентировку? Рановато, пожалуй. Вот если мне удастся расколоть Кацмана... Он снял трубку.

— Дежурный? Задержанного Кацмана ко мне в тридцать шестую.

...А расколоть его не только должно, но и можно. Папка. Тут уж он не откроется... У Андрея мелькнула на мгновение мысль, что не совсем этично ему заниматься делом Кацмана, с которым неоднократно выпивалось и вообще... Но он одернул себя.

Дверь отворилась, и задержанный Кацман, ослабясь и засунув руки в лоснящиеся карманы, разболтанной походочкой вступил в камеру.

— Садитесь, — сухо сказал Андрей, показав подбородком на табурет.

— Благодарю вас, — отозвался задержанный, ослабясь еще шире. — Я вижу, вы еще не очухались...

Все ему, мерзавцу, было как с гуся вода. Он уселся, дернул бородавку на шее и с любопытством оглядел кабинет.

И тут Андрей похолодел. Папки при задержанном не было.

— Где папка? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— Какая папка? — нагло осведомился Кацман.

Андрей сорвал трубку.

— Дежурный! Где папка задержанного Кацмана?

— Какая папка? — тупо спросил дежурный. — Сейчас посмотрю... Кацман... Ага...

У задержанного Кацмана изъяты: носовых платков — два, кошелек пустой, подержанный...

— Папка там есть в описи? — гаркнул Андрей.

— Папки нет, — отозвался дежурный замирающим голосом.

— Принесите мне опись, — хрипло сказал Андрей и повесил трубку. Потом он исподлобья поглядел на Кацмана. От ненависти у него шумело в ушах. — Еврейские штучки... — сказал он, сдерживаясь. — Где ты девал папку, сволочь?

Кацман откликнулся немедленно:

— «Она схватила ему за руку и неоднократно спросила: где ты девал папку?»

— Ничего... — сказал Андрей, тяжело дыша носом. — Это тебе не поможет, шпионская морда...

На лице Изя мелькнуло изумление. Впрочем, через секунду он уже вновь ухмылялся своей отвратительно-издевательской ухмылкой.

— Ну как же, как же! — сказал он. — Председатель организации «Джойнт» Иосиф Кацман, к вашим услугам. Не бейте меня, я и так все скажу. Пулеметы спрятаны в Бердичеве, место посадки обозначим кострами...

Вошел испуганный дежурный, неся перед собой в далеко вытянутой руке листок описи.

— Нету тут папки, — пробормотал он, кладя листок перед Андреем на край стола и отступая. — Я в регистратуру звонил, там тоже...

— Хорошо, идите, — сказал Андрей сквозь зубы.

Он взял чистый бланк допроса и, не поднимая глаз, спросил:

— Имя? Фамилия? Отчество?

— Кацман Иосиф Михайлович.

— Год рождения?

— Тридцать шестой.

— Национальность?

— Да, — сказал Кацман и хихикнул.

Андрей поднял голову.

— Что — да?

— Слушай, Андрей, — сказал Изя. — Я не понимаю, что это с тобой сегодня происходит, но имей в виду, ты на мне всю свою карьеру испортишь. Предупреждаю по старой дружбе...

— Отвечайте на вопросы! — произнес Андрей сдавленным голосом. — Национальность?

— Ты лучше вспомни, как у врача Тимашук орден отобрали, — сказал Изя.

Но Андрей не знал, кто такая врач Тимашук.

— Национальность!

— Еврей, — сказал Изя с отвращением.

— Гражданство?

— СССР.

— Вероисповедание?

— Без.

— Партийная принадлежность?

— Без.

— Образование?

— Высшее. Пединститут имени Герцена. Ленинград.

— Судимости имели?

— Нет.

— Земной год отбытия?

— Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.

— Место отбытия?

— Ленинград.

— Причина отбытия?

— Любопытство.

— Стаж пребывания в Городе?

— Три года.

— Нынешняя профессия?

— Статистик управления коммунального хозяйства.

— Перечислите прежние профессии.

— Разнорабочий, старший архивариус Города, конторщик городской бойни, мусорщик, кузнец. Кажется, все.

— Семейное положение?

— Прелюбодей, — ответил Изя, ухмыляясь.

Андрей положил ручку, закурил и некоторое время рассматривал задержанного сквозь голубой дымок. Изя был ослаблен, Изя был взломачен, Изя был нагл, но Андрей хорошо знал этого человека, и он видел, что Изя нервничает. По-видимому, ему было из-за чего нервничать, хотя от папки он сумел избавиться, прямо скажем, ловко. По-видимому, он понимал теперь уже, что берутся за него по-настоящему, и поэтому глаза его нервно щурились, а уголки ослабленного рта подрагивали.

— Вот что, подследственный, — сказал Андрей с хорошо отработанной сухостью. — Я настоятельно рекомендую вам вести себя прилично перед лицом следствия, если вы не хотите ухудшить своего положения.

Изя перестал улыбаться.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я требую, чтобы мне было предъявлено обвинение и объявлена статья, по которой произведено задержание. Кроме того, я требую адвоката. С этой минуты без адвоката я не скажу ни слова.

Андрей внутренне ухмыльнулся.

— Вы задержаны по статье двенадцатой УПК о профилактическом задержании лиц, дальнейшее пребывание которых на свободе может представлять социальную опасность. Вы обвиняетесь в незаконной связи с враждебными элементами, в сокрытии или уничтожении вещественных доказательств в момент задержания... а также в нарушении постановления муниципалитета, запрещающего выход за городскую черту из санитарных соображений. Это постановление вы нарушали систематически... А что касается адвоката, то прокуратура может предоставить вам адвоката лишь по истечении трех суток с момента задержания. В соответствии с той же статьей УПК, двенадцатой... Кроме того, поясню: вы можете заявлять протесты, вносить жалобы и подавать апелляции только

после того, как удовлетворительно ответите на вопросы предварительного следствия. Все та же статья двенадцатая. Вам все понятно?

Он внимательно следил за Изиным лицом и видел, что Изе все понятно. Было совершенно ясно, что Изя будет отвечать на вопросы и ждать истечения трех суток. При упоминании об этих трех сутках Изя довольно откровенно перевел дух. Прелестно...

— Теперь, когда вы получили разъяснение, — сказал Андрей и снова взял ручку, — продолжим. Ваше семейное положение?

— Холост, — сказал Изя.

— Домашний адрес?

— Что? — спросил Изя. Он явно думал о другом.

— Ваш домашний адрес? Где проживаете?

— Вторая Левая, девятнадцать, квартира семь.

— Что вы можете сказать по существу предъявленного обвинения?

— Пожалуйста, — сказал Изя. — Насчет враждебных элементов: сумасшедший бред. Первый раз слышу, что бывают какие-то враждебные элементы, считаю это провокационной выдумкой следствия. Вещественные доказательства... Никаких вещественных доказательств при мне не было и быть не могло, потому что никаких преступлений я не совершал. Поэтому я ничего не мог ни скрыть, ни уничтожить. А что касается постановления муниципалитета, то я — старый работник городского архива, продолжаю там работать на общественных началах, имею допуск ко всем архивным материалам, а значит, и к тем, которые находятся за чертой города. Все.

— Что вы делали в Красном Здании?

— Это мое личное дело. Вы не имеете права вторгаться в мои личные дела. Докажите сначала, что они имеют отношение к составу преступления. Статья четырнадцатая УПК.

— Вы бывали в Красном Здании неоднократно?

— Да.

— Можете назвать людей, которых там встречали?

Изя ужасно осклабился.

— Могу. Только следствию это не поможет.

— Назовите этих людей.

— Пожалуйста. Из нового времени: Петэн, Квислинг, Ван Цзинвэй, Биляк...

Андрей поднял руку.

— Попрошу в первую очередь называть людей, которые являются гражданами нашего города.

— А зачем это понадобилось следствию? — агрессивно осведомился Изя.

— Я не обязан давать вам отчет. Отвечайте на вопросы.

— Я не желаю отвечать на дурацкие вопросы. Вы ни черта не понимаете. Вы воображаете, что раз я встретил там кого-то, значит он там и на самом деле был. А это не так.

— Не понимаю. Объясните, пожалуйста.

— А я и сам не понимаю, — сказал Изя. — Это что-то вроде сна. Бред взбудораженной совести.

— Так. Вроде сна. Вы были сегодня в Красном Здании?

— Ну, был.

— Где находилось Красное Здание, когда вы в него вошли?

— Сегодня? Сегодня там, у синагоги.

— Меня вы там видели?

Изя опять осклабился.

— Вас я вижу каждый раз, когда захожу туда.

— В том числе сегодня?

— В том числе.

— Чем я занимался?

— Непотребством, — сказал Изя с удовольствием.

— Конкретно?

— Вы совокуплялись, господин Воронин. Совокуплялись сразу со многими девочками и одновременно проповедовали кастратам высокие принципы. Втолковывали им, что занимаетесь этим делом не для собственного удовольствия, а для блага всего человечества.

Андрей стиснул зубы.

— А вы чем занимались? — спросил он, помолчав.

— А вот этого я вам не скажу. Имею право.

— Вы лжете, — сказал Андрей. — Вы там не видели меня. Вот ваши собственные слова: «Судя по твоему виду, ты побывал в Красном Здании...» Следовательно, там вы меня не видели. Зачем вы лжете?

— И не думаю, — легко сказал Изя. — Просто мне было стыдно за вас, и я решил дать вам понять, что вас там не видел. А теперь, конечно, другое дело. Теперь я обязан говорить правду.

Андрей откинулся и забросил руку за спинку стула.

— Вы же говорите, что это вроде сна. Тогда какая разница, видели вы меня во сне или не видели? Зачем что-то там давать понять?..

— Да нет, — сказал Изя. — Я просто постеснялся вам сказать, что именно думаю о вас иногда. И зря постеснялся.

Андрей с сомнением покачал головой.

— Ну ладно. А папку вы тоже вынесли из Красного Здания? Так сказать, из собственного сна?

Лицо Изя застыло.

— Какая папка? — сказал он нервно. — О какой папке вы все время спрашиваете? Не было у меня никакой папки.

— Бросьте, Кацман, — проговорил Андрей, томно прикрывая глаза. — Папку видел я, папку видел полицейский, папку видел этот старик... пан Ступальский. На суде вам все равно придется давать объяснения... Не отягощайте!

Изя с застывшим лицом шарил глазами по стенам. Он молчал.

— Предположим, что папка не из Красного Здания, — продолжал Андрей. — Тогда значит, вы получили ее за городской чертой? От кого? Кто вам ее дал, Кацман?

Изя молчал.

— Что было в этой папке? — Андрей встал и прошелся по кабинету, заложив руки за спину. — У человека в руках папка. Человека задерживают. На пути в прокуратуру человек избавляется от папки. Тайно. Почему? По-видимому, в папке содержатся документы, которые этого человека компрометируют... Вы следите за ходом моих рассуждений, Кацман? Папка получена за городской чертой. Какие документы, полученные за городской чертой, могут скомпрометировать жителя нашего города? Какие, скажите, Кацман?

Изя, нещадно терзая бородавку, смотрел в потолок.

— Только не пытайтесь выкручиваться, Кацман, — предупредил Андрей. — Не пытайтесь продать мне какую-нибудь очередную басню. Я вас вижу насквозь. Что было в папке? Списки? Адреса? Инструкции?

Изя вдруг ударил себя ладонью по колену.

— Слушай, идиот! — заорал он. — Что за чушь ты мелешь? Кто тебе все это внушил, простая твоя душа? Какие списки, какие адреса? Майор ты Пронин задрипанный! Ты же знаешь меня два с лишним года, знаешь, что я копаюсь в руинах, изучаю историю Города. Какого черта ты все время клеишь мне какой-то идиотский шпионаж? Кто здесь может шпионить, сам подумай? Зачем? Для кого?

— Что было в папке?! — гаркнул Андрей изо всех сил. — Перестаньте вилять и отвечайте прямо: что было в папке?

И тут Изя сорвался. Глаза его выкатились и налились кровью.

— Иди ты к ... матери со своими папками! — завизжал он фальцетом. — Не буду я тебе ничего говорить! Дурак ты, идиот, жандармская морда!..

Он визжал, брызгался, ругался матом, показывал дули, и тогда Андрей достал лист чистой бумаги, написал сверху: «Показания подследственного И. Кацмана относительно виденной у него и впоследствии бесследно пропавшей папки», дождался, пока Изя утихомирится, и сказал по-доброму:

— Вот что, Изя. Я тебе неофициально говорю. Дело твое дрянь. Я знаю, что ты вляпался в эту историю по легкомыслию и из-за дурацкого своего любопытства. Тебя уже полгода держат под прицелом, если хочешь знать. И я тебе советую: садись сюда вот и пиши все, как есть. Много я тебе обещать не могу, но все, что в моих силах, для тебя сделаю. Садись и пиши. Я вернусь через полчаса.

Стараясь не глядеть на притихшего от изнеможения Изю, противный сам себе из-за своего лицемерия, подбадривая себя, что в данном случае цель несомненно оправдывает средства, он запер ящики стола, поднялся и вышел.

В коридоре он поманил к себе помощника дежурного, поставил его у дверей, а сам направился в буфет. На душе у него было гадко, во рту — вязко и мерзко, будто дерьма наелся. Допрос получился какой-то кривобокий, неубедительный. Версию Красного Здания он прогадил целиком и полностью, не надо было сейчас с этим связываться. Папку — единственную реальную зацепку! — позорнейше упустил, за такие ляпы в шею надо гнать из прокуратуры... Фриц небось бы не упустил, Фриц бы сразу понял, где собака зарыта. Сентиментальность проклятая. Как же — вместе пили, вместе трепались, свой, советский... А какой был случай — сразу всех сгрести! Шеф тоже хорош: слухи, сплетни... Тут целая сеть под носом работает, а я должен источники слухов искать...

Андрей подошел к стойке, взял рюмку водки, выпил с гадливостью. Куда же он все-таки дел эту папку? Неужели просто выбросил на мостовую? Наверное... Не съел же он ее. Послать кого-нибудь поискать? Поздно. Психи, павианы, дворники... Нет, неправильно, неправильно у нас поставлена работа! Почему такая важная информация, как наличие Антигорода, является секретом даже от работников следствия? Да об этом в газете нужно писать каждый день, плакаты по улицам развешивать, показательные процессы нужны! Я бы этого Кацмана давным-давно бы уже раскусил... Конечно, с другой стороны, и свою голову надо на плечах иметь. Раз есть такое грандиозное мероприятие, как Эксперимент, раз в него втянуты люди самых разных классов и политических убеждений, значит, неизбежно должно возникнуть расслоение... противоречия... движущие противоречия, если угодно... антагонистическая борьба... Должны рано или поздно выявиться противники Эксперимента, люди классово несогласные с ним, а значит, и те, кого они перетягивают на свою сторону, — деклассированный элемент, морально неустойчивые, нравственно разложившиеся, вроде Кацмана... космополиты всякие... естественный процесс. Мог бы и сам сообразить, как все это должно развиваться...

Маленькая крепкая ладонь легла ему на плечо, и он обернулся. Это был репортер уголовной хроники «Городской газеты» Кэнси Убуката.

— О чем задумался, следователь? — спросил он. — Распутываешь запутанное дело? Поделись с общественностью. Общественность любит запутанные дела. А?

— Привет, Кэнси, — сказал Андрей устало. — Водки выпьешь?

— Да, если будет информация.

— Ничего тебе не будет, кроме водки.

— Хорошо, давай водку без информации.

Они выпили по рюмке и закусили вялым соленым огурцом.

— Я только что от вашего шефа, — сказал Кэнси, выплюнув хвостик. — Он у вас очень гибкий человек. Одна кривая идет вверх, другая кривая падает вниз, оборудование

одиноким камер унитазами заканчивается — и ни одного слова по интересующему меня вопросу.

— А что тебя интересует? — спросил Андрей рассеянно.

— Сейчас меня интересуют исчезновения. За последние пятнадцать дней в городе исчезли без следа одиннадцать человек. Может быть, ты что-нибудь знаешь об этом?

Андрей пожал плечами.

— Знаю, что исчезли. Знаю, что не найдены.

— А кто ведет дело?

— Вряд ли это одно дело, — сказал Андрей. — А лучше спроси у шефа.

Кэнси покачал головой.

— Что-то слишком часто последнее время господа следователи отсылают меня то к шефу, то к Гейгеру... Что-то слишком много тайн развелось в нашей маленькой демократической общине. Вы, случаем, не превратились тут между делом в тайную полицию? — Он заглянул в пустую рюмку и пожаловался. — Что толку иметь друзей среди следователей, если никогда ничего не можешь узнать?

— Дружба дружбой, а служба службой.

Они помолчали.

— Между прочим, знаешь, Вана арестовали, — сказал Кэнси. — Предупреждал же я его, не послушался, упрямец.

— Ничего, я уже все уладил, — сказал Андрей.

— Как так?

Андрей с удовольствием рассказал, как ловко и быстро он все уладил. Навел порядок. Восстановил справедливость. Приятно было рассказывать об этом единственном удачном деле за целый дурацкий невезучий день.

— Гм, — сказал Кэнси, дослушав до конца. — Любопытно... «Когда я приезжаю в чужую страну, — процитировал он, — я никогда не спрашиваю, хорошие там законы или плохие. Я спрашиваю только, исполняются ли они...»

— Что ты этим хочешь сказать? — осведомился Андрей, нахмурившись.

— Я хочу сказать, что закон о праве на разнообразный труд, насколько мне известно, не содержит никаких исключений.

— То есть ты считаешь, что Вана надо было закатать на болота?

— Если этого требует закон — да.

— Но это же глупо! — сказал Андрей, раздражаясь. — На кой черт Эксперименту плохой директор комбината вместо хорошего дворника?

— Закон о праве на разнообразный труд...

— Этот закон, — прервал его Андрей, — придуман на благо Эксперименту, а не во вред ему. Закон не может все предусмотреть. У нас, у исполнителей закона, должны быть свои головы на плечах.

— Я представляю себе исполнение закона несколько иначе, — сухо сказал Кэнси. — И уж во всяком случае эти вопросы решаешь не ты, а суд.

— Суд укатал бы его на болота, — сказал Андрей. — А у него жена и ребенок.

— *Dura lex, sed lex*, — сказал Кэнси.

— Эту поговорку придумали бюрократы.

— Эту поговорку, — сказал Кэнси веско, — придумали люди, которые стремились сохранить единые правила общежития для пестрой человеческой вольницы.

— Вот-вот, для пестрой! — подхватил Андрей. — Единого закона для всех нет и быть не может. Нет единого закона для эксплуататора и эксплуатируемого. Вот если бы Ван отказывался перейти из директоров в дворники...

— Это не твое дело — трактовать закон, — холодно сказал Кэнси. — Для этого существует суд.

— Да ведь суд не знает и знать не может Вана, как знаю я!

Кэнси, криво улыбаясь, помотал головой.

— Господи, ну и знатоки сидят у нас в прокуратуре!

— Ладно-ладно, — проворчал Андрей. — Ты еще статью напиши. Растяпа следователь освобождает преступного дворника.

— И написал бы. Вана жалко. Тебя, дурака, мне нисколько не жалко.

— Так ведь и мне Вана жалко! — сказал Андрей.

— Но ты же следователь, — возразил Кэнси. — А я — нет. Я законами не связан.

— Знаешь что, — сказал Андрей. — Отстань ты от меня Христа ради. У меня и без тебя голова кругом идет.

Кэнси поднял глаза и усмехнулся.

— Да, я вижу. Это у тебя на лбу написано. Облава была?

— Нет, — сказал Андрей. — Просто споткнулся. — Он поглядел на часы. — Еще по рюмке?

— Спасибо, хватит, — сказал Кэнси, поднимаясь. — Я не могу выпивать так много с каждым следователем. Я пью только с теми, кто дает информацию.

— Ну и черт с тобой, — сказал Андрей. — Вон Чачуа появился. Пойди спроси его насчет «Падающих Звезд». У него там бо-ольшие успехи, он сегодня хвастался... Только учти: он очень скромный, будет отнекиваться, но ты не отставай, накачай его как следует, матерьялец получишь — во!

Кэнси, раздвигая стулья, двинулся к Чачуа, уныло склонившемуся над тощей котлеткой, а Андрей, мстительно ухмыльнувшись, неторопливо пошел к выходу. Хорошо бы подождать, посмотреть, как Чачуа будет орать, подумал он. Жалко, времени нет... Н-ну-с, господин Кацман, как там у вас дела? И не дай вам бог, господин Кацман, снова вола вертеть. Я этого не потерплю, господин Кацман...

В камере тридцать шесть весь мыслимый свет был включен. Господин Кацман стоял, прислонившись плечом к раскрытому сейфу, и жадно листал какое-то дело, привычно терзая бородавку и неизвестно чему осклабясь.

— Какого черта! — проговорил Андрей, потерявшись. — Кто тебе разрешил? Что за манера, черт побери!..

Изя поднял на него бессмысленные глаза, осклабился еще больше и сказал:

— Никогда я не думал, что вы столько понаворотили вокруг Красного Здания.

Андрей вырвал у него папку, с лязгом захлопнул железную дверцу и, взяв за плечо, толкнул Изю к табурету.

— Сядьте, Кацман, — сказал он, сдерживаясь из последних сил. В глазах у него все плыло от ярости. — Вы написали?

— Слушай, — сказал Изя. — Вы здесь все просто идиоты!.. Вас тут сидит сто пятьдесят кретинов, и вы никак не можете понять...

Но Андрей уже не смотрел на него. Он смотрел на листок с надписью «Показания подследственного И. Кацмана...». Никаких показаний там не было, там красовался рисунок пером — мужской орган в натуральную величину.

— Сволочь, — сказал Андрей и задохнулся. — Скотина.

Он сорвал телефонную трубку и трясущимся пальцем набрал номер.

— Фриц? Воронин говорит... — Свободной рукой он рванул на себе ворот. — Ты мне очень нужен. Зайди ко мне сейчас же, пожалуйста.

— В чем дело? — недовольно спросил Гейгер. — Я домой собираюсь.

— Я тебя очень прошу! — Андрей повысил голос. — Зайди ко мне!

Он повесил трубку и посмотрел на Изю. Он сейчас же обнаружил, что не может на него смотреть, и стал смотреть сквозь него. Изя булькал и хихикал на своей табуретке, потирал ладони и непрерывно говорил, разглагольствовал о чем-то с отвратительной самодовольной развязностью, что-то о Красном Здании, о совести, о дураках-свидетелях, — Андрей не слушал и не слышал. Решение, которое он принял, переполняло его страхом и каким-то дьявольским весельем. Все в нем плясало от возбуждения, он ждал и все никак не мог дожидаться, что вот сейчас откроется дверь, мрачный злой Фриц шагнет в комнату,

и как изменится тогда это отвратительное самодовольное лицо, исказится ужасом, позорным страхом... Особенно если Фриц явится с Румером. Одного вида Румера будет достаточно, его зверской волосатой хари с раздавленным носом... Андрей вдруг почувствовал холодок на спине. Он весь был в испарине. В конце концов, еще можно переиграть. Еще можно сказать: «Все в порядке, Фриц, все уладилось, извини за беспокойство...»

Дверь распахнулась, и вошел хмурый и недовольный Фриц Гейгер.

— Ну, в чем дело? — осведомился он и тут же увидел Изю. — А, привет! — сказал он, заулыбавшись. — Что это вы затеяли среди ночи? Спать пора, утро скоро...

— Слушай, Фриц! — завопил Изя радостно. — Ну объясни хоть ты этому болвану! Ты же здесь большое начальство...

— Молчать, подследственный! — заорал Андрей, грохнув кулаком по столу.

Изя замолк, а Фриц мгновенно подобрался и посмотрел на Изю уже как-то по-другому.

— Эта сволочь издевается над следствием, — сказал Андрей сквозь зубы, стараясь унять дрожь во всем теле. — Эта сволочь запирается. Возьми его, Фриц, и пусть он скажет, что у него спрашивают.

Прозрачные нордические глаза Фрица широко раскрылись.

— А что у него спрашивают? — с деловитым весельем осведомился он.

— Это неважно, — сказал Андрей. — Дашь ему бумагу, он сам напишет. И пусть он скажет, что было в папке.

— Ясно, — сказал Фриц и повернулся к Изе.

Изя все еще не понимал. Или не верил. Он медленно потирал ладони и неуверенно ослаблялся.

— Ну что ж, мой еврей, пойдем? — ласково сказал Фриц. Угрюмости и хмурости его как не бывало. — Пошевеливайся, мой славный!

Изя все медлил, и тогда Фриц взял его за воротник, повернул и подтолкнул к двери. Изя потерял равновесие и схватился за косяк. Лицо его побелело. Он понял.

— Ребята, — сказал он севшим голосом. — Ребята, подождите...

— Если что, мы будем в подвале, — бархатно промурлыкал Фриц, улыбнулся Андрею и выпихнул Изю в коридор.

Все. Ощущая противный тошный холодок внутри, Андрей прошелся по кабинету, гася лишний свет. Все. Он сел за стол и некоторое время сидел, уронив голову в ладони. Он был весь в испарине, как перед обмороком. В ушах шумело, и сквозь этот шум он все время слышал беззвучный и оглушительный, тоскливый, отчаянный, севший голос Изю: «Ребята, подождите... Ребята, подождите...» И еще была торжественно ревушая музыка, топот и шарканье по паркету, звон посуды и невнятное шамканье: «...гюмку кюгасо и а-ня-ня!» Он оторвал руки от лица и бессмысленно уставился в изображение мужского органа. Потом взял листок и принялся рвать его на длинные узкие полоски, бросил бумажную лапшу в мусорную корзину и снова спрятал лицо в руки. Все. Надо было ждать. Набраться терпения и ждать. Тогда все оправдается. Пропадет дурнота, и можно будет вздохнуть с облегчением.

— Да, Андрей, иногда приходится идти и на это, — услышал он знакомый спокойный голос.

С табуретки, где несколько минут назад сидел Изя, теперь, положив ногу на ногу и сцепив тонкие белые пальцы на колене, смотрел на Андрея Наставник, грустный, с усталым лицом. Он тихонько кивал головой, уголки рта его были скорбно опущены.

— Во имя Эксперимента? — хрипло спросил Андрей.

— И во имя Эксперимента тоже, — сказал Наставник. — Но прежде всего — во имя себя самого. Дороги в обход нет. Надо было пройти и через это. Нам ведь нужны не всякие люди. Нам нужны люди особого типа.

— Какого?

— Вот этого-то мы и не знаем, — сказал Наставник с тихим сожалением. — Мы знаем только, какие люди нам не нужны.

— Такие, как Кацман?

Наставник одними глазами показал: да.

— А такие, как Румер?

Наставник усмехнулся.

— Такие, как Румер, это — не люди. Это живые орудия, Андрей. Используя таких, как Румер, во имя и на благо таких, как Ван, дядя Юра... понимаешь?

— Да. Я тоже так считаю. И ведь другого пути нет, верно?

— Верно. Пути в обход нет.

— А Красное Здание? — спросил Андрей.

— Без него тоже нельзя. Без него каждый мог бы незаметно для себя сделаться таким, как Румер. Разве ты еще не почувствовал, что Красное Здание необходимо? Разве сейчас ты такой же, какой был утром?

— Кацман сказал, что Красное Здание — это бред взбудораженной совести.

— Что ж, Кацман умен. Я надеюсь, с этим ты не будешь спорить?

— Конечно, — сказал Андрей. — Именно поэтому он и опасен.

И Наставник опять показал глазами: да.

— Господи, — проговорил Андрей с тоской. — Если бы все-таки точно знать, в чем цель Эксперимента! Так легко запутаться, так все смешалось... Я, Гейгер, Кэнси... Иногда мне кажется, я понимаю, что между нами общего, а иногда — какой-то тупик, несуразица... Ведь Гейгер — бывший фашист, он и сейчас... Он и сейчас бывает мне крайне неприятен — не как человек, а именно как тип, как... Или Кэнси. Он же что-то вроде социал-демократа, пацифист какой-то, толстовец... Нет, не понимаю.

— Эксперимент есть Эксперимент, — сказал Наставник. — Не понимание от тебя требуется, а нечто совсем иное.

— Что?!

— Если бы знать...

— Но ведь все это во имя большинства? — спросил Андрей почти с отчаянием.

— Конечно, — сказал Наставник. — Во имя темного, забитого, ни в чем не виноватого, невежественного большинства...

— Которое надо поднять, — подхватил Андрей, — просветить, сделать хозяином земли! Да-да, это я понимаю. Ради этого можно на многое пойти... — Он помолчал, собирая мучительно разбегающиеся мысли. — А тут еще этот Антигород, — сказал он нерешительно. — Ведь это же опасно, верно?

— Очень, — сказал Наставник.

— А тогда, если я даже не совсем уверен насчет Кацмана, все равно я поступил правильно. Мы не имеем права рисковать.

— Безусловно! — сказал Наставник. Он улыбался. Он был доволен Андреем, Андрей это чувствовал. — Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Не ошибки опасны — опасна пассивность, ложная чистоплотность опасна, приверженность к ветхим заповедям! Куда могут вести ветхие заповеди? Только в ветхий мир.

— Да! — взволнованно сказал Андрей. — Это я очень понимаю. Это как раз то, на чем мы все должны стоять. Что такое личность? Общественная единица! Ноль без палочки. Не о единицах речь, а об общественном благе. Во имя общественного блага мы должны принять на свою ветхозаветную совесть любые тяжести, нарушить любые писанные и неписанные законы. У нас один закон: общественное благо.

Наставник поднялся.

— Ты взрослеешь, Андрей, — сказал он почти торжественно. — Медленно, но взрослеешь!

Он приветственно поднял руку, неслышно прошел по комнате и исчез за дверью.

Некоторое время Андрей бездумно сидел, откинувшись на спинку стула, курил и смотрел, как голубой дым медленно крутится вокруг голой желтой лампы под потолком. Он поймал себя на том, что улыбается. Он больше не чувствовал усталости, исчезла сонливость, мучившая его с вечера, хотелось действовать, хотелось работать, и досада брала при мысли, что вот придется все-таки сейчас пойти и несколько часов проспать, чтобы не ходить потом вареным.

Он нетерпеливым движением придвинул телефон, снял трубку и сейчас же вспомнил, что телефона в подвале нет. Тогда он поднялся, запер сейф, проверил, заперты ли ящики стола, и вышел в коридор.

Коридор был пуст, дежурный полицейский кивал носом за своим столиком.

— Спице на посту! — укоризненно бросил ему Андрей, проходя мимо.

В здании царил гулкая тишина, как всегда в это время, за несколько минут до включения солнца. Сонная уборщица лениво возила по цементному полу сырую тряпку. Окна в коридорах были распахнуты, вонючие испарения сотен человеческих тел рассеивались и выползали в темноту, вытесняемые холодным утренним воздухом.

Грохоча каблуками по скользкой железной лестнице, Андрей спустился в подвал, небрежным взмахом руки усадил на место подскочившего было охранника и распахнул низкую железную дверь.

Фриц Гейгер, без куртки, в сорочке с закатанными рукавами, насвистывая полужнакомый маршик, стоял возле ржавого рукомоиника и обтирал волосатые мосластые руки одеколоном. Больше в комнате никого не было.

— А, это ты, — сказал Фриц. — Это хорошо. Я как раз собирался подняться к тебе... Дай сигаретку, у меня все кончились.

Андрей протянул ему пачку. Фриц извлек сигарету, размял ее, сунул в рот и с усмешкой посмотрел на Андрея.

— Ну? — не выдержал Андрей.

— Что — ну? — Фриц закурил, с наслаждением затянулся. — Пальцем в небо ты попал — ну. Никакой он не шпион — даже не пахнет.

— То есть как? — проговорил Андрей, обмирая. — А папка?

Фриц хохотнул, зажав сигарету в углу большого рта, и вылил на широкую ладонь новую порцию одеколона.

— Еврейчик наш — бабник сверхъестественный, — сказал он наставительно. — В папке у него были любовные письма. От бабы он шел — разругался и любовные письма отобрал. А он свою вдову боится до мокрых штанов и, сам понимаешь, не будь дурак, от папочки этой постарался избавиться в первый же удобный момент. Говорит, бросил ее по дороге в канализационный люк... И очень жалко! — продолжал Фриц еще более наставительно. — Папочку эту, господин следователь Воронин, надо было сразу же отобрать — компромат получился бы первостатейный, мы бы нашего еврея вот где держали бы!.. — Фриц показал, где они держали бы нашего еврея. На костяшках пальцев виднелись свежие ссадины. — Впрочем, протокольчик он нам подписал, так что шерсти клок мы все-таки получили...

Андрей нащупал стул и сел. Ноги не держали его. Он снова огляделся.

— Ты вот что... — сказал Фриц, опуская завернутые рукава и взясь с запонками. — Я вижу, у тебя шишка на лбу. Так вот, пойдй к врачу и эту шишку запротоколируй. Румеру я уже нос разбил и отправил в медкабинет. Это на всякий случай. Подследственный Кацман во время допроса напал на следователя Воронина и младшего следователя Румера и нанес им телесные поврежденья. Так что, вынужденные к обороне... и так далее. Понял?

— Понял, — пробормотал Андрей, машинально ощупывая гулю. Он еще раз огляделся. — А где... он? — спросил он с трудом.

— Да Румер, горилла этакая, опять перестарался, — с досадой сказал Фриц, застегивая куртку. — Сломал ему руку, вот здесь... Пришлось отправить в больницу.

Часть третья. Редактор

Глава первая

В городе издавна выходили четыре ежедневные газеты, но Андрей прежде всего взялся за пятую, которая начала выходить совсем недавно, недели за две до наступления «тьмы египетской». Газетка эта была маленькая, всего на двух полосах, — не газета, собственно, а листок, — и выпускала этот листок партия Радикального возрождения, выделившаяся из левого крыла партии радикалов. Листок «Под знаменем Радикального возрождения» был ядовитый, агрессивный, злобный, но люди, издававшие его, были всегда великолепно информированы и, как правило, очень хорошо знали, что происходит в Городе вообще и в правительстве в частности.

Андрей просмотрел заголовки: «Фридрих Гейгер предупреждает: вы погрузили Город во тьму, но мы не дремлем!»; «Радикальное возрождение — единственная действенная мера против коррупции»; «А все-таки, мэр, куда делось зерно с городских складов?»; «Плечом к плечу — вперед! Встреча Фридриха Гейгера с вождями крестьянской партии»; «Мнение рабочих сталелитейного: скупщиков зерна — на фонарь!»; «Так держать, Фриц! Мы с тобой! Митинг домашних хозяек-эрвисток»; «Снова павианы?». Карикатура: задастый мэр, восседая на куче зерна, — надо понимать, того самого, которое исчезло с городских складов, — раздает оружие мрачным личностям уголовного вида. Подпись: «А ну-ка, объясните им, ребятки, куда девалось зерно!»

Андрей бросил листок на стол и почесал подбородок. Откуда у Фрица столько денег на штрафы? Господи, до чего все надоело! Он встал, подошел к окну, выглянул. В жирной сырой тьме, еле подсвеченной уличными фонарями, грохотали телеги, слышался сиплый мат, надсадный прокуренный кашель, время от времени звонко ржали лошади. Второй день в окутанный мраком город съезжались фермеры.

В дверь постучались, вошла секретарша с пачкой гранок. Андрей досадливо отмахнулся:

— Убукате, Убукате отдайте...

— Господин Убуката у цензора, — робко возразила секретарша.

— Не будет же он там ночевать, — раздраженно сказал Андрей. — Вернется, тогда и отдадите...

— Но метранпаж...

— Все! — грубо сказал Андрей. — Ступайте.

Секретарша ретировалась. Андрей зевнул, сморщился от боли в затылке, вернулся к столу, закурил. Голова трещала, во рту было мерзко. И вообще все было мерзко, темно, слякотно. Тьма египетская. Откуда-то издали донеслись выстрелы — слабое потрескивание, словно ломали сухие сучья. Андрей снова поморщился и взял «Эксперимент» — правительственную газету на шестнадцать полосах.

МЭР ПРЕДУПРЕЖДАЕТ ЭРВИСТОВ: ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ СПИТ, ПРАВИТЕЛЬСТВО ВИДИТ ВСЕ!

ЭКСПЕРИМЕНТ ЕСТЬ ЭКСПЕРИМЕНТ. Мнение нашего научного обозревателя по поводу солнечных явлений.

ТЕМНЫЕ УЛИЦЫ И ТЕМНЫЕ ЛИЧНОСТИ. Комментарий политического консультанта муниципалитета к последней речи Фридриха Гейгера.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ПРИГОВОР. Алоиз Тендер приговорен к расстрелу за ношение оружия.

«У НИХ ТАМ ЧТО-ТО ИСПОРТИЛОСЬ. НИЧЕГО, ПОЧИНЯТ», — говорит мастер-электрик Теодор У. Питерс.

БЕРЕГИТЕ ПАВИАНОВ, ОНИ — ВАШИ ДОБРЫЕ ДРУЗЬЯ! Резолюция последнего собрания Общества покровительства животным.

ФЕРМЕРЫ — НАДЕЖНЫЙ КОСТЯК НАШЕГО ОБЩЕСТВА. Встреча мэра с вождями крестьянской партии.

ВОЛШЕБНИК ИЗ ЛАБОРАТОРИИ НАД ОБРЫВОМ. Сообщения о последних работах по бесцветному выращиванию растений.

СНОВА «ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ»?

У НАС ЕСТЬ БРОНЕВИКИ. Интервью с полицией-президентом.

ХЛОРЕЛЛА НЕ ПАЛЛИАТИВ, А ПАНАЦЕЯ.

АРОН ВЕБСТЕР СМЕЕТСЯ, АРОН ВЕБСТЕР ПОЕТ! Пятнадцатый благотворительный концерт знаменитого комика...

Андрей сгреб всю эту кучу бумаги, скатал в ком и зашвырнул в угол. Все это казалось нереальным. Реальной была тьма, двенадцатый день стоявшая над Городом, реальностью были очереди перед хлебными магазинами, реальностью был этот зловещий стук расхлябанных колес под окнами, вспыхивающие в темноте красные огоньки сигарок, глухое металлическое позвякивание под брезентом в деревенских колымагах. Реальностью была стрельба, хотя до сих пор никто толком не знал, кто стреляет и в кого... И самой скверной реальностью было тупое похмельное гудение в бедной голове и огромный шершавый язык, который не помещался во рту и который хотелось выплюнуть. Портвейн с сырцом — с ума сошли, и больше ничего! Ей-то что, валяется себе под одеялом, отсыпается, а ты тут пропадай... Скорее бы все это разваливалось уже к чертовой матери, что ли... Надоело небо коптить, и шли бы они в глубокую задницу со своими экспериментами, наставниками, эрвистами, мэрами, фермерами, зерном этим вонючим... Тоже мне, экспериментаторы великие — солнечного света обеспечить не могут. А сегодня еще в тюрьму идти, тащить Изе передачу... Сколько ему еще сидеть осталось? Четыре месяца... Нет, шесть. Сука Фриц, его бы энергию да на мирные цели! Вот ведь не унывает человек. Все ему в жилу. Из прокуратуры выперли — партию создал, планы какие-то строит, борьба с коррупцией, да здравствует возрождение, с мэром вот сцепился... А хорошо бы сейчас пойти в мэрию, взять господина мэра за седой благородный загривок, ахнуть мордой об стол: «Где хлеб, зараза? Почему солнце не горит?» и под жопу — ногой, ногой...

Дверь распахнулась, ахнув о стену, и вошел Кэнси, маленький, стремительный, и сразу видно, что в ярости — глаза щелками, мелкие зубы оскалены, смоляная шевелюра дыбом. Андрей мысленно застонал. Опять сейчас потащит с кем-нибудь воевать, подумал он с тоской.

Кэнси подошел и шваркнул об стол перед Андреем пачку гранок, исполосованных красным карандашом.

— Я этого печатать не буду! — объявил он. — Это саботаж!

— Ну, что у тебя опять? — спросил Андрей уныло. — С цензором поцапался, что ли? — Он взял гранки и уставился в них, ничего не понимая, да и не видя ничего, кроме красных линий и загогулин.

— Подборка писем — из одного письма! — яростно сказал Кэнси. — Передовицу нельзя — слишком острая. Комментарий к выступлению мэра нельзя — слишком вызывающ. Интервью с фермерами нельзя — большой вопрос, несвоевременно... Я так работать не могу, Андрей, воля твоя. Ты должен что-то сделать. Они убивают газету, эти сволочи!

— Ну подожди... — морщась, сказал Андрей. — Подожди, дай разобраться...

Большой ржавый болт ввинтился ему вдруг в затылок, в ямку у основания черепа. Он закрыл глаза и тихонько застонал.

— Стонами тут не поможешь! — сказал Кэнси, падая в кресло для посетителей и нервно закуривая. — Ты стонешь, я стенаю, а стонать должна эта сволочь, а не мы с тобой...

Дверь снова распахнулась. Цензор — жирный, потный, весь в красных пятнах, — загнанно дыша, ввалился в комнату и уже с порога пронзительно закричал:

— Я отказываюсь работать в таких условиях! Я, господин главный редактор, не мальчишка! Я — государственный служащий! Я здесь не для собственного удовольствия сижу! Я похабную ругань от ваших подчиненных выслушивать не намерен! И чтобы обзывались!..

— Да вас душить надо, а не обзывать! — прошипел из своего кресла Кэнси, сверкая глазами, как змея. — Вы саботажник, а не государственный служащий!

Цензор окаменел, переводя налитые глазки с него на Андрея и обратно. Потом он вдруг сказал очень спокойно и даже торжественно:

— Господин главный редактор! Я объявляю формальный протест!

Тут Андрей сделал наконец над собой чудовищное усилие, хлопнул ладонью по столу и сказал:

— Я попрошу всех замолчать. Всех! Сядьте, пожалуйста, господин Паприкаки.

Господин Паприкаки сел напротив Кэнси и, теперь уже ни на кого не глядя, вытащил из кармана большой клетчатый носовой платок и принялся вытирать потную шею, щеки, затылок, кадык.

— Значит, так... — сказал Андрей, перебирая гранки. — Мы подготовили подборку из десяти писем...

— Это тенденциозная подборка! — немедленно объявил господин Паприкаки.

Кэнси сейчас же взвился.

— У нас за вчерашний день девятьсот писем насчет хлеба! — заорал он. — И все — вот такого содержания, если не хлеще!..

— Минуточку! — сказал Андрей, повысив голос, и снова хлопнул ладонью по столу. — Дайте говорить мне! А если вам неудобно, выйдите оба в коридор и препирайтесь там... Так вот, господин Паприкаки, наша подборка основана на тщательном анализе поступивших в редакцию писем. Господин Убуката совершенно прав: мы располагаем корреспонденцией, гораздо более резкой и невыдержанной. Но в подборку мы включили как раз самые спокойные и сдержанные письма. Письма людей не просто голодных или напуганных, а понимающих сложность положения. Более того, мы даже включили в подборку одно письмо, прямо поддерживающее правительство, хотя это — единственное такое из семи тысяч, которые мы...

— Против этого письма я ничего не имею, — прервал его цензор.

— Еще бы, — сказал Кэнси. — Вы же сами его и написали.

— Это ложь! — взвизгнул цензор так, что ржавый винт снова вонзился Андрею в затылок.

— Ну, не вы, так кто-нибудь другой из вашей шайки, — сказал Кэнси.

— Сами вы шантажист! — выкрикнул цензор, снова покрываясь пятнами. Это был странный возглас, и на некоторое время воцарилось молчание.

Андрей перебрал гранки.

— До сих пор мы неплохо с вами срабатывались, господин Паприкаки, — сказал он примирительно. — Я уверен, что и сейчас нам следует найти некоторый компромисс...

Цензор замотал щеками.

— Господин Воронин! — сказал он проникновенно. — При чем здесь я? Господин Убуката — человек невыдержанный, ему только бы сорвать злость, а на ком — ему безразлично. Но вы-то понимаете, что я действую строго в соответствии с полученными инструкциями. В городе назревает бунт. Фермеры в любую минуту готовы начать резню. Полиция ненадежна. Вы что же, хотите крови? Пожаров? У меня дети, я ничего этого не хочу. Да и вы этого не хотите! В такие дни пресса должна способствовать смягчению ситуации, а не обострению ее. Такова установка, и, должен сказать, я с нею совершенно согласен. А если бы даже и был не согласен, все равно обязан, это моя обязанность... Вот вчера арестовали цензора «Экспресса» за попустительство, за пособничество подрывным элементам...

— Я вас прекрасно понимаю, господин Паприкаки, — сказал Андрей с наивозможнейшей сердечностью. — Но вы же видите, в конце концов, что подборка вполне умеренная. Поймите, именно потому, что времена тяжелые, мы не можем поддакивать правительству. Именно потому, что грозит выступление деклассированных элементов и фермеров, мы должны сделать все, чтобы правительство взялось за ум. Мы исполняем свой долг, господин Паприкаки!

— Подборку я не подпишу, — тихо сказал Паприкаки.

Кэнси шепотом выматерился.

— Мы будем вынуждены выпустить газету без вашей санкции, — сказал Андрей.

— Очень хорошо, — сказал Паприкаки с тоской. — Очень мило. Просто очаровательно. На газету наложат штраф, а меня арестуют. И тираж арестуют. И вас тоже арестуют.

Андрей взял листок «Под знаменем Радикального возрождения» и помахал им перед носом цензора.

— А почему не арестовывают Фрица Гейгера? — спросил он. — Сколько цензоров этой газетки арестовано?

— Не знаю, — сказал Паприкаки с тихим отчаянием. — Какое мне до этого дело? И Гейгера когда-нибудь арестуют, допрыгается...

— Кэнси, — сказал Андрей. — Сколько у нас в кассе? На штраф хватит?

— Соберем между сотрудниками, — деловито сказал Кэнси и поднялся. — Я даю метранпажу команду начать тираж. Выкрутимся как-нибудь...

Он пошел к двери, цензор тоскливо смотрел ему вслед, вздыхал и сморкался.

— Сердца у вас нет... — бормотал он. — И ума нет. Молокососы...

На пороге Кэнси остановился.

— Андрей, — сказал он. — На твоём месте я бы все-таки сходил в мэрию и нажал там на все рычаги, какие только можно.

— Какие там рычаги... — мрачно проговорил Андрей.

Кэнси сейчас же вернулся к столу.

— Пойди к заместителю политконсультанта. В конце концов, он тоже русский. Ты же с ним водку пил.

— Я ему и морду бил, — сказал Андрей угрюмо.

— Ничего, он не обидчивый, — сказал Кэнси. — И потом, я точно знаю, что он берет.

— Кто в мэрии не берет? — сказал Андрей. — Разве в этом дело? — Он вздохнул. — Ладно, схожу. Может, узнаю что-нибудь... А с Паприкаки что будем делать? Он же сейчас звонить побежит... Побежите ведь, а?

— Побегу, — согласился Паприкаки без всякого энтузиазма.

— А я его сейчас свяжу и завалю за шкаф! — сказал Кэнси, сверкнув всеми зубами от удовольствия.

— Ну, зачем... — сказал Андрей. — Зачем это сразу: свяжу, завалю... Запри его в архиве, там телефона нет.

— Это будет насилие, — заметил Паприкаки с достоинством.

— А если вас арестуют, это не будет насилие?

— Так я же не возражаю! — сказал Паприкаки. — Я просто так... отметил...

— Иди, иди, Андрей, — сказал Кэнси нетерпеливо. — Я тут без тебя все сделаю, не беспокойся.

Андрей с криканием поднялся, волоча ноги, побрел к вешалке, взял плащ. Берет куда-то запропастился, он поискал внизу, среди каких-то галош, забытых посетителями в старые добрые времена, не нашел, матюкнулся и вышел в приемную. Худосочная секретарша вскинула на него испуганные серенькие глазки. Шлюшка задрипанная. Как ее звать-то?..

— Я в мэрию, — мрачно сказал он.

В редакции все шло вроде бы как обычно. Орал кто-то по телефону, писал кто-то, примостившись с краю стола, кто-то рассматривал мокрые фотографии, кто-то пил кофе, метались мальчишки-курьеры с папками и бумагами, было накурено, намусорено, заведующий литературным отделом, феноменальный осел в золотом пенсне, бывший чертежник из какого-то квазигосударства наподобие Андорры, высокопарно вещал тоскующему автору: «Вы здесь где-то переусердствовали, где-то не хватило у вас чувства меры, материал оказался крепче вас и лабильнее...» «Ногой, ногой, ногой», — думал Андрей, проходя. Ему вдруг вспомнилось, как все это было мило его сердцу, как ново, увлекательно, — совсем недавно! — казалось таким перспективным, нужным, важным... «Шеф, одну минутку», — крикнул ему Денни Ли, заведующий писем, и устремился было следом, но Андрей, не оборачиваясь, только отмахнулся назад. «Ногой, ногой, ногой...»

Выйдя из подъезда, он остановился и поднял воротник плаща. По улице по-прежнему грохотали телеги — и все в одну сторону, к центру города, к мэрии. Андрей засунул руки поглубже в карманы и, ссутулившись, двинулся в том же направлении. Минуты через две он заметил, что идет рядом с чудовищной колымагой с колесами в человеческий рост. Колымагу влекли два гигантских битюга, притомившихся, видно, с дальней дороги. Поклажи в колымаге видно не было за высокими дощатыми бортами, зато хорошо был виден возница на передке — даже не столько сам возница, сколько его колоссальный брезентовый плащ с треугольным капюшоном. От самого возницы усматривалась только борода, торчащая вперед, и сквозь скрип колес и перестук копыт слышались издаваемые им непонятные звуки: то ли он лошадей своих ободрял, то ли лишние газы выпускал по деревенскому простодушию.

И этот в город, думал Андрей. Зачем? Что им тут всем нужно? Хлеба они здесь не достанут, да и не нужен им хлеб, есть у них хлеб. И вообще все у них есть, не то что у нас, у горожан. Даже оружие есть. Неужели действительно хотят устроить резню, махновщину? Может быть. Только какая им от этого польза? По квартирам шарпать?.. Ничего не понятно.

Он вспомнил интервью с фермерами, и как Кэнси был этим интервью разочарован, хотя сам же его и брал — опросил чуть ли не полсотни мужиков на площади перед мэрией. «А как народ, так и мы»; «Надоело, понимаешь, на болотах сидеть, дай, думаю, съезжу...»; «И не говорите, господин хороший, чего народ прет, куда прет, зачем? Сами удивляемся...»; «Ну, вижу я — все в город. И я — в город. Что я — рыжий, что ли?»; «...Автомат-то? А как же нам без автомата? У нас без автомата шагу ступить нельзя...»; «...Вышел это я утром коров доить, гляжу — едут. Семка Костылин едет, Жак-Француз едет, этот, как его... ах, ядрит твою, все время я его забываю, за Вшивым Бугром живет... тоже едет! Я спрашиваю, ребята, мол, куда? Да вот, говорят, солнца седьмой день нету, надо бы в город съездить...»; «А вы у начальства спросите. Начальство — оно все знает...»; «Так говорили же, что трактора автоматические давать будут! Чтобы самому дома сидеть, поясницу чесать, а он бы за тебя чтобы работал... Третий год обещают...».

Уклончиво, смутно, неясно. Зловеще. То ли они просто хитрят, то ли сбивает их в кучу какой-то инстинкт, а может быть, и организация какая-нибудь тайная, хорошо замаскированная... Тогда что же — Жакерия? Антоновщина?.. В чем-то их понять можно: солнца нет двенадцатый день, урожай гибнет, что будет — неясно. Вот их и сорвало с насыженных мест...

Андрей миновал небольшую тихую очередь в мясной магазин, потом другую — в хлебный. Стояли в основном женщины, у многих на рукавах были почему-то белые повязки. Андрей, конечно, сразу вспомнил про Варфоломеевскую ночь и тут же подумал, что на самом деле сейчас не ночь, а день, час дня, а лавки до сих пор закрыты. На углу, под неоновой вывеской ночного кафе «Квисисана», кучкой стояли трое полицейских. Вид у них был какой-то странный — неуверенный, что ли? Андрей замедлил шаг, прислушиваясь.

— Что ж нам теперь, в драку лезть прикажете? Так их больше раза в два...

— А пойдём и так и доложим: не пройти туда, и все тут.

— А он скажет: «Как это не пройти? Вы — полиция».

— Ну полиция, ну и что? Мы полиция, а они — милиция...

Милиция еще какая-то, подумал Андрей, проходя. Не знаю я никакой милиции... Он миновал еще одну очередь, свернул на Главную. Впереди уже виднелись яркие ртутные фонари Центральной площади, обширное пространство которой все было занято чем-то серым, шевелящимся, окутанным не то паром, не то дымом, но тут его остановили.

Рослый молодой человек, собственно, юнец даже, переросток, в плоской кепке с козырьком, надвинутым на самые глаза, заступил дорогу и спросил негромко:

— Вы куда, сударь?

Руки он держал под бока, на обоих рукавах у него были белые повязки, а у стены позади него стояло еще несколько человек самого разнообразного вида, и все тоже с белыми повязками на рукавах.

Краем глаза Андрей заметил, что дядёк в брезентовом плаще проследовал дальше со своей колымагой беспрепятственно.

— Я в мэрию, — сказал Андрей, вынужденный остановиться. — А в чем дело?

— В мэрию? — громко повторил юнец и оглянулся через плечо на своих. Еще двое отделились от стены и подошли к Андрею.

— А позвольте спросить, зачем вам в мэрию? — осведомился коренастый, небритый, в промасленном комбинезоне и в каскетке с буквами «джи» и «эм». У него было энергичное мускулистое лицо и недобрые шарящие глаза.

— Кто вы такие? — спросил Андрей, нащупывая в кармане медный пестик, который вот уже четвертый день таскал с собой по причине беспокойного времени.

— Мы — добровольная милиция, — ответил коренастый. — Что вам понадобилось в мэрии? Кто вы такой?

— Я — главный редактор «Городской газеты», — сердито сказал Андрей, стискивая пестик. Ему очень не нравилось, что за разговором юнец зашел к нему слева, а третий добровольный милиционер, тоже парень, по всему видно, крепкий, сопел над ухом справа. — Иду в мэрию с протестом против действий цензуры.

— А, — сказал коренастый с неопределенным выражением. — Понятно. Только зачем вам в мэрию? Арестовали бы цензора и выпускали бы свою газету на здоровье.

Андрей решил пока держаться нагло.

— А вы меня не учите, — сказал он. — Цензора мы и без ваших советов арестовали. И вообще, позвольте мне пройти.

— Представитель прессы... — проворчал тот, что сопел над правым ухом.

— А чего? Пусть идет, — снисходительно разрешил юнец слева.

— Пусть, — сказал коренастый. — Пусть идет. Только пусть потом на нас не пеняет... Оружие у вас есть?

— Нет, — сказал Андрей.

— Зря, — сказал коренастый, отступая в сторону. — Проходите...

Андрей прошел. За спиной его коренастый сказал петушиным голосом: «Жасмин — хорошенький цветочек! Он пахнет очень хорошо...», и милиционеры засмеялись. Андрей знал этот стишок, и ему захотелось сердито обернуться, но он только ускорил шаг.

На Главной оказалось довольно много народу. Держались они в основном вдоль стен, кучками стояли в подворотнях, все были с белыми повязками. Некоторые торчали прямо посередине мостовой — подходили к проезжающим фермерам, что-то говорили им, и фермеры ехали дальше. Магазины все были закрыты, но очередей возле них здесь уже не было. Около булочной пожилой милиционер с узловатой тростью втолковывал какой-то одинокой старушенции: «Я вам совершенно наверняка говорю, мадам. Магазины сегодня не откроются. Я сам владелец бакалеи, мадам, я знаю, что говорю...» Старушенция визгливо отвечала в том смысле, что умрет здесь, на этих ступеньках, но очереди своей не бросит...

Старательно подавляя в себе нарастающее чувство тревоги и какой-то ирреальности окружающего — все было как в кино, — Андрей добрался до площади. Горловина Главной, выходящая на площадь, была плотно забита телегами, повозками, арбами, колымагами, возами. Здесь воняло конским потом, свежим навозом, мотали головами разномастные лошади, зычно перекликались сыны болот, вспыхивали сигарки. Несло дымом — где-то недалеко палили костер. Из-под арки вышел, застегиваясь на ходу, толстый усач в тexasской шляпе — едва не налетел на Андрея, чертыхнулся благодушно и пошел пробираться между телегами, рывкающим голосом выкликая какого-то Сидора: «Сюда давай, Сидор! Во двор давай, там можно! Под ноги только смотри, не вляпайся!..»

Андрей покусал губу и пошел дальше. У самого входа на площадь телеги стояли уже на тротуаре. Многие были распряжены, стреноженные кони вприскок бродили кругом, уныло обнюхивая асфальт. В телегах спали, курили, ели, слышалось аппетитное бульканье и причмокивание. Андрей взобрался на какое-то крыльцо и посмотрел вверх становища. До мэрии было шагов пятьсот, но это был лабиринт. Трещали и дымились костры, сизые от ртутных фонарей дымы тянулись вверх фургонов и колымаг и, как в гигантский дымоход, втягивались в Главную улицу. Какая-то сволочь с жужжанием уселась Андрею на щеку и впилась, словно булавку вонзила. Андрей с омерзением прилепнул что-то крупное, колючее, сочно хрустнувшее под ладонью. Понатащили с болот, сердито подумал он. Из приоткрытой парадной отчетливо тянуло аммиаком. Андрей соскочил на тротуар и решительно двинулся в лошадино-тележный лабиринт, на первых же шагах угодив в мягкое и рассыпчатое.

Тяжелое округлое здание мэрии возвышалось над площадью как пятиэтажный бастион. Почти все окна были темны, только в некоторых горел свет, и еще тускло и желтовато светились выведенные наружу колодцы лифтов. Лагерь фермеров окружал здание кольцом, между телегами и мэрией пролегалo пустое пространство, освещенное яркими фонарями на фигурных чугунных столбах. Под фонарями толклись фермеры, почти все с оружием, а напротив них, у входа в мэрию, стояла шеренга полицейских — судя по знакам различия, преимущественно сержантов и офицеров.

Андрей уже проталкивался через вооруженную толпу, когда его окликнули. Он остановился и завертел головой.

— Да здесь я, вот он я! — гаркнул знакомый голос, и Андрей увидел наконец дядю Юру.

Дядя Юра вперевалячку приближался к нему, заранее отводя ладонь для рукопожатия — все в той же гимнастерочке, в пилотке набекрень, и известный Андрею пулемет висел у него на широком ремне через плечо.

— Здорово, Андрюха, городская твоя душа! — провозгласил он, с треском ударяя своей жесткой ладонью в ладонь Андрея. — А я тут все тебя ищу, буча идет, нет, думаю, не может быть, чтобы нашего Андрюхи тут не было! Он — парень заводной, думаю, обязательно где-нибудь тут же крутится...

Дядя Юра был основательно на взводе. Он стащил пулемет с плеча, оперся на ствол подмышкой, как на костыль, и продолжал с той же горячностью:

— Я туда, я сюда — нет Андрюхи. Ах ты, ядрит твою, думаю, что же это такое? Фриц твой белобрысый — этот здесь. Толкается среди мужиков, речи произносит... А тебя нет как нет!

— Подожди, дядя Юра, — сказал Андрей. — Ты-то чего сюда приперся?

— Права качать! — ухмыльнулся дядя Юра. Борода его раздвинулась венником. — Исключительно для этой цели сюда прибыл, но ничего у нас тут, видно, не получится. — Он сплюнул и растер огромным сапожищем. — Народ — вша. Сами не знают, чего пришли. То ли просить пришли, то ли требовать пришли, а может, не то и не другое, а просто по городской жизни соскучились — постоим здесь, засрем ваш город, да и назад, по домам. Говно народ. Вот... — Он обернулся и помахал кому-то рукой. — Вот, к примеру, возьми Стася Ковальского, дружка моего... Стась! Стась, т-твою... Иди сюда!

Стась подошел — худой сутулый мужик с унылыми вислыми усами и редкой шевелюрой. От него так и шибало самогоном. На ногах он держался исключительно инстинктивно, однако то и дело воинственно вскидывал голову, хватался за странный автомат-коротышку, висящий у него на шее, и, с огромным трудом приподнимая веки, угрожающе оглядывался по сторонам.

— Вот — Стась... — продолжал дядя Юра. — Ведь воевал же, Стась, воевал, ну скажи! Нет, ты скажи: воевал? — требовал дядя Юра, горячо обхватив Стася за плечи и качаясь вместе с ним.

— Хэ! Хо!.. — откликнулся Стась, всем своим видом стараясь показать, что воевал, что еще как воевал, слов нет выразить, как воевал.

— Он пьяный сейчас, — объяснил дядя Юра. — Он не может, когда солнца нет... О чем это я? Да! Ты спроси его, дурака, чего он здесь топчется? Оружие есть. Ребята боевые есть. Ну, чего еще, спрашивается?

— Подожди, — сказал Андрей. — Чего вы хотите?

— Так я же тебе и говорю! — проникновенно сказал дядя Юра, выпуская Стася, которого сразу же по длинной дуге унесло в сторону. — Я тебе втолковываю! Один раз давануть на гадов — и все! У них же пулеметов нет! Сапогами затопчем, шапками закидаем... — Он вдруг замолчал, снова вскинул на спину пулемет. — Пошли.

— Куда?

— Выпьем. Надо допивать все к чертовой матери и ехать отсюда по домам. Чего, в самом деле, время тратить? У меня там картошка гниет... Пошли.

— Нет, дядя Юра, — сказал Андрей извиняющимся голосом. — Не могу сейчас. Мне в мэрию надо.

— В мэрию? Пошли! Стась! Стась, т-твою...

— Да подожди, дядя Юра! Ты же... того... не пустят тебя.

— М-меня? — взревел дядя Юра, сверкнув глазами. — А ну, пошли! Посмотрим, кто там меня не пустит. Стась!..

Он обхватил Андрея за плечи и поволок через пустое, ярко освещенное пространство прямо на шеренгу полицейских.

— Ты пойми, — горячо бормотал он прямо в ухо упирающемуся Андрею. — Страшно, понял? Никому не говорил, тебе скажу. Жутко! А если оно теперь вовсе не загорится больше, а? Затащили нас сюда и бросили... Нет, пусть объяснят, пусть правду скажут, суки, а так жить нельзя. Я спать перестал, понял? Такого со мной и на фронте не бывало... Ты думаешь, я пьяный? Ни хрена я не пьяный — это страх, страх во мне ходит!..

У Андрея озноб пошел по спине от этого горячечного бормотания. Он остановился шагах в пяти от шеренги (ему казалось, что на площади все стихло и все смотрят на него — и полицейские, и фермеры) и, стараясь говорить внушительно, произнес:

— Ты вот что, дядя Юра. Я сейчас схожу, улажу один вопрос насчет моей газеты, а ты меня здесь подожди. Потом пойдем ко мне и обо всем как следует поговорим.

Дядя Юра изо всех сил замотал бородой.

— Нет, я с тобой. Мне тоже надо один вопрос уладить...

— Да не пустят тебя! И меня из-за тебя не пустят!

— Пойдем, пойдем... — приговаривал дядя Юра. — Как так — не пустят? Почему? Мы — тихо, благородно...

Они были уже совсем рядом с шеренгой, дородный капитан полиции в щегольской форме, с расстегнутой кобурой слева на поясе шагнул им навстречу и холодно осведомился:

— Вам куда, господа?

— Я главный редактор «Городской газеты», — сказал Андрей, тихонько отпихивая дядю Юру, чтобы не обнимался. — Я должен встретиться с господином политическим консультантом.

— Попрошу документы, — обтянутая лайкой ладонь протянулась к Андрею.

Андрей достал удостоверение, отдал капитану и покосился на дядю Юру. К его удивлению, дядя Юра стоял теперь спокойно, пошмыгивал носом и то и дело поправлял ремень своего пулемета, хотя никакой надобности в этом не было. Глаза его, вроде бы и не пьяные совсем, неторопливо шарили по шеренге.

— Можете пройти, — вежливо сказал капитан, возвращая удостоверение. — Хотя должен вам сказать... — Он не окончил и обратился к дяде Юре: — А вы?

— Это со мной, — поспешно сказал Андрей. — В некотором роде представитель... э-э... части фермеров.

— Документы!

— Какие у мужика могут быть документы? — сказал дядя Юра с горечью.

— Без документов не могу.

— Почему же это нельзя без документов? — совсем огорчился дядя Юра. — Без какой-то бумажки паршивой я, значит, уже и не человек?

Кто-то жарко задышал Андрею в затылок. Это Стась Ковальский, все еще воинственно взбрыкивая и пошатываясь, подпирал теперь тыл. По освещенному пространству вяло, словно бы нехотя, подтягивались еще какие-то люди.

— Господа, господа, не скапливаться! — нервно сказал капитан. — Да проходите же, сударь! — зло прикрикнул он на Андрея. — Господа, назад! Скапливаться запрещено!..

— То есть если у меня бумажки какой-то исчириканной нет, — сокрушался дядя Юра, — то уже мне, значит, ни проходу, ни проезду...

— Дай ему в рыло! — неожиданно ясным голосом предложил сзади Стась.

Капитан схватил Андрея за рукав плаща и резко рванул на себя, так что Андрей сразу же очутился за спинами шеренги. Шеренга быстро сомкнулась, заслоняя от него фермеров, столпившихся перед капитаном, и он, не дожидаясь дальнейшего развития событий, быстро зашагал к сумрачному, слабо освещенному порталу. За спиной гудели:

— Хлеб им давай, мясо им давай, а как пройти куда-нибудь...

— Па-апрашу не скапливаться! Имею приказ арестовывать...

— Почему представителя не пропускаешь, а?

— Солнце! Солнце, сволочи, когда обратно зажжете?

— Господа, господа! Ну при чем тут я?

По беломраморной лестнице навстречу Андрею, звеня подковками, сыпались новые полицейские. Эти были вооружены винтовками с примкнутыми штыками. Сдавленный голос скомандовал: «Баллоны приготовить!» Андрей дошел до верха лестницы и оглянулся. Освещенное пространство было теперь усеяно людьми. Фермеры, кто медленно, а кто и бегом, двигались от своего стойбища к большой черной куче образовавшегося толковища.

Андрей с усилием оттянул на себя дверь — тяжелую, высокую, обитую медью — и вошел в вестибюль. Здесь тоже было полутемно, и стоял резкий явственный запах казармы. В роскошных креслах, на диванах и прямо на полу спали вповалку полицейские, укрывшись шинелями. На слабо освещенной галерее, тянувшейся под потолком вдоль трех стен вестибюля, маячили какие-то фигуры. Андрей не разобрал, было ли у них оружие.

По мягкой ковровой дорожке он взбежал на второй этаж, где располагался отдел прессы, и двинулся по широкому коридору. Его вдруг охватило сомнение. Что-то слишком тихо было сегодня в этом огромном здании. Обычно здесь толкалась масса народу, стрекотали пишущие машинки, гремели телефонные звонки, гул стоял от разговоров и начальственных окриков, а сейчас ничего этого не было. Некоторые кабинеты были распахнуты настежь, там стояла тьма, да и в самом коридоре горела только каждая четвертая лампа.

Предчувствие его не обмануло: кабинет политконсультанта оказался заперт, а в кабинете заместителя сидели два каких-то незнакомых человека в одинаковых серых пальто, застегнутых до подбородка, в одинаковых котелках, надвинутых на глаза.

— Прошу прощения, — сердито сказал Андрей. — Где я могу найти господина политконсультанта или его заместителя?

Головы в котелках неторопливо повернулись к нему.

— А зачем вам? — спросил тот, что был поменьше ростом.

Лицо этого человека показалось вдруг Андрею не таким уж незнакомым, да и голос тоже. И почему-то стало неприятно и странно от того, что этот человек находится здесь. Нечего ему здесь было делать... Андрей насупился и, стараясь говорить отрывисто и решительно, объяснил, кто он и что ему нужно.

— Да вы заходите, — произнес полужнакомый человек. — Что это вы стоите там в дверях?

Андрей вошел и огляделся, но он ничего не видел: перед глазами все время маячило только это гладко выбритое скопческое лицо. Где же я его видел? Неприятная какая-то личность... и опасная... Зря я сюда зашел, только время теряю.

Маленький человек в котелке тоже пристально его рассматривал. Было тихо. Высокие окна затянуты были тяжелыми портьерами, и шум снаружи едва доносился сюда. Маленький человек в котелке вдруг легко вскочил и подошел к Андрею вплотную. Серые глазки его, почти без ресниц, не мигали, а от верхней пуговицы пальто подскочил к самому подбородку и снова ушел вниз могучий хрящеватый кадык.

— Главный редактор?.. — проговорил маленький человек, и тут Андрей наконец узнал его и в обессиливающем томлении, теряя ощущение ног под собою, понял, что узнал сам.

Скопческое лицо ощерилось, показывая редкие дурные зубы, маленький человек присел, и Андрей ощутил жестокую боль в животе, словно у него лопнули внутренности, и сквозь тошную муть в глазах увидел вдруг навощенный пол... Бежать, бежать... Целый фейерверк вспыхнул у него в мозгу, и над ним закачался, медленно поворачиваясь, далекий темный потолок, испещренный трещинами... из наваливающейся душевной тьмы выскакивали раскаленные добела пики и втыкались в ребра... убьет... убьет же!.. Голова вдруг распухла и, обдирая уши, полезла в какую-то узкую вонючую щель, а громовой голос неторопливо говорил: «Спокойнее, Копчик, спокойнее, не все сразу...» Андрей закричал изо всех сил, теплая густая каша наполнила его рот, он захлебнулся, и его вырвало.

В комнате никого не было. Огромная портьера была отдернута, окно распахнуто, тянуло сырым холодным воздухом, и слышался какой-то отдаленный рев. Андрей с трудом поднялся на четвереньки и пополз вдоль стены. К двери. Прочь отсюда...

В коридоре его снова вырвало. Он полежал немного в блаженном изнеможении, затем попробовал подняться на ноги. Плохо мне, подумал он. Ох, как мне плохо. Он сел и ощупал лицо. Лицо было влажное и липкое, и тут он обнаружил, что смотрит только одним глазом. Болели ребра, трудно было дышать. Болели челюсти, и ужасной, невыносимой болью сводило низ живота. Сволочь Копчик. Изуродовал меня... Андрей заплакал. Он сидел на полу в пустом коридоре, прислонившись спиной к золоченым завитушкам, и плакал. Ничего не мог с собой сделать. Плача, он с трудом задрал полу плаща и полез рукой под брючный ремень. Болело ужасно, но не там, а выше. Весь живот болел. Трусы были мокрые.

Кто-то, тяжело бухая сапогами, прибежал из глубины коридора и остановился над ним. Какой-то полицейский — красный, распаренный, без фуражки, с растерянными глазами. Постоял несколько секунд словно бы в нерешительности и вдруг опрометью бросился бежать дальше, а из глубины коридора уже бежал второй, на ходу сдирая с себя китель.

Тут до Андрея дошло, что там, откуда они бежали, стоит ревущий многоголосый гомон. Тогда он с усилием поднялся и, придерживаясь за стену, поплелся на этот гомон, все еще всхлипывая, со страхом ощупывая лицо и то и дело останавливаясь, чтобы постоять, согнувшись и держась за живот.

Он добрался до лестницы и ухватился за скользкие мраморные перила. Внизу в огромном вестибюле ворочалась густая человеческая каша. Совершенно непонятно было, что там делается. Прожекторные лампы, установленные вдоль галереи, озарили холодным слепящим светом это месиво, в котором мелькали разномастные бороды, форменные фуражки, золотые шнуры витых полицейских аксельбантов, примкнутые штыки, растопыренные пятерни, бледные лысины, и от всего этого поднимался к потолку теплый влажный смрад.

Андрей закрыл глаза, чтобы не видеть всего этого, и ощупью, перебирая руками по перилам, кое-как, задом, боком, стал спускаться, сам не понимая, зачем он это делает. Несколько раз он останавливался, чтобы отдышаться и постонать, открывал глаза, глядел вниз, ему снова становилось невмоготу от этого зрелища, он опять зажмурился и опять принимался перебирать руками по перилам. Уже внизу руки его ослабели окончательно, он сорвался и прокатился по последним ступенькам до мраморной лестничной площадки, украшенной гигантскими бронзовыми плевательницами. Сквозь муть и гомон он услышал вдруг надсадный хриплый рев: «Гляди, да это же Андрюха!.. Ребята, там наших насмерть убивают!..» Открыв глаза, он увидел совсем рядом дядю Юру, всклокоченного, в растерзанной гимнастерке, глаза дикие, выкаченные, борода растопырена, и он увидел, как дядя Юра поднял на вытянутых руках свой пулемет и, не переставая реветь быком, ударил длинной очередью по галерее, по прожекторам, по стеклам двусветного зала...

Потом были какие-то отрывочные впечатления, потому что сознание приливалось и отливало вместе с приливами и отливами боли и дурноты. Сначала он обнаружил себя в центре вестибюля. Он, оказывается, упрямо полз на карачках к далекой распахнутой двери, перебираясь через неподвижные тела, оскользаясь руками в мокром и холодном. Кто-то однообразно стонал совсем рядом, приговаривая: «О господи, о господи, о господи...» На ковре было полно осколков стекла, стреляных гильз, обломков штукатурки. В распахнутую дверь ворвались с ревом и бежали прямо на него какие-то страшные люди с горящими факелами в руках...

Потом он очутился снаружи, в портале. Он сидел, расставив ноги, упираясь ладонями в холодный камень, и на коленях у него лежала винтовка без затвора. Пахло свежим дымом, где-то на краю сознания грохотал пулемет, дико визжали лошади, а он монотонно твердил вслух, втолковывая самому себе: «Тут меня растопчут, тут меня обязательно растопчут...»

Но его не растоптали. Он очнулся уже на мостовой, в стороне от лестницы. Он прижимался щекой к шершавому граниту, над ним светила ртутная лампа, винтовки не было и тела, кажется, тоже не было, он словно бы висел в пустоте со щекой, прижатой к граниту, а на площади перед ним, как на сцене, разыгрывалась некая диковинная трагедия.

Он увидел, как вдоль цепи фонарей, окаймлявших площадь, вдоль кольца сцепившихся телег и повозок со звоном и лязгом мчится броневый автомобиль, его пулеметная башня ходит из стороны в сторону, обильно плюясь огнем, светящиеся трассы мечутся по всей площади, а перед броневиком, задрав голову, галопом скачет лошадь, волоча оборванные построжки... И вдруг из гущи телег, наперерез броневнику, выкатился фургон, крытый брезентом, лошадь бешено рванулась в сторону и разбилась о фонарный столб, а броневик резко затормозил, его занесло, и тут на открытое пространство выбежал длинный человек в черном, взмахнул рукой и плашмя упал на асфальт. Под броневиком вспыхнуло пламя, раскатился гулкий удар, и железная махина грузно осела назад. Человек в черном уже снова бежал. Он обогнул броневик, сунул что-то в смотровую амбразуру водителя и отскочил в сторону, и тогда Андрей увидел, что это Фриц Гейгер, а амбразура

озарилась изнутри, в броневике грохнуло, и из амбразуры вылетел длинный коптящий язык пламени. Фриц, пригнувшись, на полусогнутых ногах и растопырив длинные, до земли, руки, боком, как краб, двигался вокруг машины, и тут бронированная дверца распахнулась, на асфальт вывалился охваченный пламенем лохматый тюк и с пронзительным воем стал кататься, рассыпая искры...

Потом снова был обморок, словно занавес опустился, и какие-то свирепые голоса, и нечеловеческие визги, и топот множества ног. От горящего броневика несло воню раскаленного железа и бензина. Фриц Гейгер в окружении толпы людей с белыми повязками на руках, возвышаясь над ними на целую голову, выкрикивал команды, резко взмахивал, показывая в разные стороны, длинными руками, лицо и белобрысые растрепанные волосы были у него покрыты копотью. Другие люди с белыми повязками облепили фонари перед входом в мэрию, лезли зачем-то наверх и спускали оттуда, сверху, длинные, мотающиеся под ветром веревки. Кого-то волокли по лестнице, отбивающегося, дрыгающего ногами, кто-то все визжал высоким бабьим голосом так, что закладывало уши, и вдруг лестница вся покрылась народом, замелькали черные бородатые лица, залязгало оружие. Визг прекратился, темное тело поползло вверх вдоль фонарного столба, судорожно дергаясь и извиваясь. Из толпы ударили выстрелы, дергающиеся ноги обмякли, вытянулись, и темное тело начало медленно крутиться в воздухе.

А потом Андрей очнулся уже от ужасной тряски. Голова его моталась на жестких пахучих узлах, он куда-то ехал, везли его куда-то, и знакомый остервенелый голос выкрикивал: «Н-но! Н-но, лярва, т-твою!.. Пошла!» А прямо перед ним на фоне черного неба горела мэрия. Жаркие языки вырывались из окон, сыпали искры в черноту, и видно было, как слегка покачиваются, свешиваясь с фонарных столбов, длинные вытянутые тела.

Глава вторая

Вымытый и переодетый, с повязкой через правый глаз, Андрей полулежал в кресле и угрюмо смотрел, как дядя Юра и Стась Ковальский, у которого голова была тоже обмотана бинтом, жадно хлебуют прямо из кастрюли какое-то дымящееся варево. Заплаканная Сельма сидела рядом с ним, судорожно вздыхала и все пыталась взять его за руку. Волосы ее были растрепаны, краска с ресниц измазала щеки, лицо было опухшее и все горело красными пятнами. И дико выглядел на ней легкомысленный прозрачный халатик, спереди весь мокрый от мыльной воды.

— ...Это он забить тебя хотел, — объяснял Стась, не переставая хлебать. — Нарочно тебя так, понимаешь, аккуратно обрабатывал, чтобы надольше хватило. Я эту штуку знаю, меня голубые гусары тоже вот так же обрабатывали. Только я весь курс, понимаешь, прошел — уже меня ногами топтать стали, да тут, слава божьей матери, оказалось, что я не тот, другого им надо было...

— Нос сломали — это ерунда, — подтверждал дядя Юра. — Нос не это самое... и сломанный сойдет... А ребро... — Он махнул рукой с ложкой. — Я их сколько себе ломал, ребер этих. Главное — кишки целы, печенки-селезенки...

Сельма судорожно вздохнула и снова попыталась взять Андрея за руку. Он посмотрел на нее и сказал:

— Хватит реветь. Поди переоденься, и вообще...

Она послушно встала и вышла в другую комнату. Андрей пошарил во рту языком, нащупал еще что-то твердое и вытолкнул на палец.

— Плombу выбил, — проговорил он.

— Ну да? — удивился дядя Юра.

Андрей показал. Дядя Юра присмотрелся и покачал головой. Стась тоже покачал головой и сказал:

— Редкий случай. А только я, когда отлеживался, — три месяца, знаешь ли, отлеживался, — так я все больше зубы сплевывал. Баба мне ребра парила каждый день. Умерла потом, а я вот видишь — жив. И хоть бы хрен.

— Три месяца! — сказал дядя Юра с презрением. — Мне когда задницу оторвало под Ельней, я полгода по госпиталям мотался. Это же жуткая вещь, браток, когда ягодицу оторвет. Там, понимаешь, в ягодице, все главные сосуды сплетаются. А мне по касательной как шваркнет болванкой!.. Ребята, спрашиваю, что же это такое, где же задница-то? А мне, веришь, штаны содрало начисто по самые голенища, как не было штанов... в голенищах еще что-то осталось, а сверху — ну ничего!.. — Он облизал ложку. — Федьке Чепареву тогда голову оторвало, — сообщил он. — Той же болванкой и оторвало...

Стась тоже облизал ложку, и некоторое время они сидели молча и глядели в кастрюлю. Потом Стась деликатно кашлянул и снова запустил ложку в пар. Дядя Юра последовал его примеру.

Вернулась Сельма. Андрей взглянул на нее и отвел глаза. Вырядилась, дура. Серьги свои гигантские нацепила, декольте, намазалась опять, как шлюха... Шлюха и есть... Не мог он на нее смотреть, ну ее к черту совсем. Сначала этот срам в прихожей, а потом срам в ванной, когда она, рыдая в голос, стягивала с него обмоченные трусы, а он глядел на сине-черные пятна у себя на животе и боках и опять плакал — от жалости к себе и от бессилия... И конечно же пьяна, опять пьяна, каждый божий день она пьяна, и сейчас, пока переодевалась, обязательно хлебнула из горлышка...

— Врач этот... — сказал дядя Юра задумчиво. — Ну, лысый этот, который сейчас приходил, — где это я его видел?

— Очень может быть, у нас и видели, — сказала Сельма, улыбаясь обольстительно. — Он в соседнем подъезде живет. Кем он сейчас работает, Андрей?

— Кровельщиком, — мрачно сказал Андрей.

Она напропалую спала с этим лысым доктором, весь дом знал. Он и не скрывался особенно. Да и никто не скрывался, впрочем.

— Как так — кровельщиком? — поразился Стась, не донеся ложку до усов.

— А вот так, — сказал Андрей. — Крыши кроет, баб кроет... — Он с кряхтением поднялся, полез в комод и вытащил сигареты. Опять двух пачек не хватало.

— Баб-то ладно... — ошарашенно бормотал Стась, потряхивая ложкой над кастрюлей. — Крыши-то как? А ежели он сорвется? Врач ведь...

— А они вечно что-нибудь в Городе придумают, — ядовито сказал дядя Юра. Он сунул было ложку за голенище, но спохватился и положил ее на стол. — Это как у нас в Тимофеевке, сразу после войны, прислали в один колхоз председателем грузина, политрука бывшего...

Зазвенел телефон. Сельма взяла трубку.

— Да, — сказала она. — Д-да... Нет, он болен, не может подойти...

— Дай сюда трубку, — сказал Андрей.

— Это из газеты, — сказала Сельма шепотом, прикрывши микрофон ладонью.

Андрей протянул руку.

— Дай трубку! — повторил он, повысив голос. — И не имей привычки за других расписываться!

Сельма отдала ему трубку и схватила пачку сигарет. Руки у нее тряслись, губы — тоже.

— Воронин слушает, — сказал Андрей.

— Андрей? — Это был Кэнси. — Куда ты провалился? Я тебя всюду ищу. Что делать? В городе фашистский переворот.

— Почему — фашистский? — ошеломленно спросил Андрей.

— Ты придешь в редакцию? Или ты правда болен?

— Приду, конечно, приду, — сказал Андрей. — Ты объясни...

— У нас списки, — торопливо проговорил Кэнси. — Спецкоры и все такое прочее... Архивы...

— Понял, — сказал Андрей. — Только почему ты думаешь, что фашистский?

— Я не думаю, я знаю, — нетерпеливо сказал Кэнси.

Андрей стиснул зубы, закричал.

— Подожди, — сказал он с раздражением. — Не пори горячку... — Он лихорадочно соображал. — Ладно, ты все подготовь, а я сейчас выхожу.

— Давай, — сказал Кэнси. — Только осторожнее на улицах.

Андрей бросил трубку и повернулся к фермерам.

— Ребята, — сказал он, — ехать надо. Подвезете до редакции?

— Отчего же, подвезем... — отозвался дядя Юра. Он уже поднимался из-за стола, на ходу заклеивая козью ножку. — Давай-ка, Стась, вставай, нечего тут рассиживаться. Мы тут с тобой рассиживаемся, а они там, понимаешь, власть берут.

— Да, — сокрушенно согласился Стась, тоже поднимаясь. — Ерунда какая-то получается. Всю головку вроде бы сняли, всех попереवेशали, а солнца все равно ни хрена нет... Еж твою двадцать, куда это я машинку свою сунул?..

Он шарил по всем углам, отыскивая свой уродец-автомат, дядя Юра, попыхивая козьей ножкой, неторопливо натягивал поверх гимнастерки рваный ватник, и Андрей тоже было поднялся одеваться, но натолкнулся на Сельму. Сельма стояла, загораживая ему дорогу, очень бледная и очень решительная.

— Я с тобой! — заявила она тем самым особенным наглым высоким голосом, которым обычно затевала свару.

— Пусти, — сказал Андрей, пытаюсь отстранить ее здоровой рукой.

— Я тебя никуда не пущу, — сказала Сельма. — Или ты берешь меня с собой, или ты остаешься дома!

— Уйди с дороги! — заорал Андрей, срываясь. — Тебя только там не хватало, дура!

— Не пу-щу! — сказала Сельма с ненавистью.

Тогда Андрей, не разворачиваясь, но очень сильно ударил ее ладонью по щеке. Наступила тишина. Сельма не шевельнулась, только белое лицо ее с вытянутыми в ниточку губами снова пошло красными пятнами. Андрей опомнился.

— Извини, — сказал он сквозь зубы.

— Не пущу... — повторила Сельма совсем тихо.

Дядя Юра пару раз кашлянул и сказал как бы в сторону:

— Вообще-то в такое время женщине одной в квартире... нехорошо, пожалуй...

— Это точно, — подхватил Стась. — Нехорошо сейчас одной, а с нами никто не тронет, мы — фермеры...

А Андрей все стоял перед Сельмой и смотрел на нее. Он пытался хоть сейчас и хоть что-нибудь понять в этой женщине и, как всегда, ничего не понимал. Она была шлюха, шлюха природная, шлюха божьей милостью — это он понимал. Это он понял давно. Она любила его, полюбила с первого же дня — это он тоже знал, и знал, что это несколько ей не мешает. И одной в квартире остаться сейчас ей было все равно что плюнуть, она вообще никогда ничего не боялась. Это тоже ему было прекрасно известно. Все в отдельности о себе и о ней он знал и понимал, а вот все вместе...

— Ладно, — сказал он. — Одевайся.

— Ребра-то болят? — осведомился дядя Юра, стремясь увести разговор куда-нибудь подальше в сторону.

— Ничего, — буркнул Андрей. — Терпеть можно. Перетопчемся.

Стараясь ни с кем не встречаться глазами, он сунул в карман сигареты, спички и остановился перед буфетом, где в самом дальнем углу под грудой салфеток и полотенец лежал у него пистолет Дональда. Брат или не брат? Он представил себе разные сцены и обстоятельства, в которых пистолет мог бы пригодиться, и решил не брать. Ну его к черту, обойдусь как-нибудь. Воевать я, во всяком случае, ни с кем не собираюсь...

— Ну, пошли, что ли? — сказал Стась.

Он уже стоял у двери и осторожно продевал перебинтованную голову в ремень автомата. Сельма стояла рядом с ним в длинном своем грубом свитере, который она натянула прямо поверх декольте. На руке у нее был плащ.

— Пошли, — скомандовал дядя Юра, громыхнув об пол прикладом пулемета.

— Серьги снимите, — буркнул Андрей Сельме и вышел на лестницу.

Они стали спускаться. На лестничных площадках шушукались в темноте жильцы, испуганно замолкали и сторонились, различив вооруженных людей. Кто-то сказал: «Это Воронин...» — и сейчас же окликнул:

— Господин редактор, вы не скажете, что в городе происходит?

Андрей не успел ничего ответить, потому что на спрашивающего зашикали со всех сторон, а кто-то зловещим шепотом проговорил: «Не видишь, дурак, повели человека!..» Сельма истерически хихикнула.

Они вышли во двор, погрузились в телегу, и Сельма накинула на плечи Андрея плащ. Дядя Юра вдруг сказал: «Тихо!» — и все стали прислушиваться.

— Палят где-то, — негромко сказал Стась.

— Длинными очередями, — добавил дядя Юра. — Не жалеют боеприпаса... И где они его берут? Десяток патронов — пол-литра самогонки, а он — во как чешет... Н-но! — заорал он. — Застоялась!

Телега с грохотом вкатилась под арку. На ступенях дворницкой стоял с метлой и совком маленький Ван.

— Гляди-ка — Ваня! — воскликнул дядя Юра. — Тпр-р-р! Здорово, Ваня! Ты что здесь, а?

— Подметаю, — отозвался Ван, улыбаясь. — Здравствуйте.

— Брось, брось подметать! — сказал дядя Юра. — Что ты, в самом деле! Поехали с нами, мы тебя министром, понимаешь, сделаем, в чесуче ходить будешь, на «Победу» раскатывать!

Ван вежливо засмеялся.

— Ладно, дядя Юра, — нетерпеливо сказал Андрей. — Поехали, поехали!..

У него сильно болел бок, в телеге сидеть было неудобно, и он уже жалел, что не пошел пешком. Незаметно для себя он привалился к Сельме.

— Ну ладно, Ваня, не хочешь — не надо, — решил дядя Юра. — Но насчет министра — приготовься! Причешись, понимаешь, шею помой... — Он взмахнул вожжами. — Н-но!

С грохотом выкатились на Главную.

— А чья это телега, не знаешь? — спросил вдруг Стась.

— Хрен его знает, — отозвался дядя Юра, не оборачиваясь. — Лошадь вроде бы этого крохобора... ну, по-над самым обрывом живет, рыжий такой, конопатый... канадец, что ли...

— Ну? — сказал Стась. — Во матерится, наверное.

— Нет, — сказал дядя Юра. — Убили его.

— Ну? — сказал Стась и замолчал.

Главная улица была пуста и затянута тяжелым ночным туманом, хотя по часам было пять пополудни. Впереди туман имел красноватый оттенок и беспокойно мерцал. Время от времени там ярко вспыхивали пятна белого света — то ли прожектора, то ли мощные фары, — и оттуда, глухо сквозь туман, перекрывая иногда грохот колес и перестук копыт, доносилась пальба. Что-то там происходило.

В домах по сторонам улицы многие окна были освещены, однако большей частью только в верхних этажах, выше второго. Очередей возле запертых магазинов и лавок не было, но Андрей заметил, что в некоторых подворотнях и подъездах стоит народ — осторожно выглядывают, снова прячутся, а самые отчаянные выходят на тротуар и смотрят туда, где мерцает и трещит в тумане. Кое-где на мостовой неподвижно лежали

какие-то словно бы темные мешки. Андрей не сразу понял, что это, и только через некоторое время с удивлением убедился, что это мертвые павианы. В скверике возле темной школы паслась одинокая лошадь.

Телега грохотала и тряслась, все молчали. Сельма тихонько нащупала руку Андрея, и он, отдавшись боли и усталости, совсем привалился к ее теплому свитеру и закрыл глаза. Плохо мне, думал он. Ох и плохо... Что это Кэнси там горячку порет, какой там еще фашистский переворот?.. Просто остервенели все от страха, от злости, от безнадежности... Эксперимент есть Эксперимент...

Тут вдруг телегу дернуло, и сквозь грохот колес послышался такой дикий и пронзительный визг, что Андрей тут же очнулся, мгновенно весь покрывшись потом, выпрямился и очумело завертел головой.

Дядя Юра ожесточенно матерился, изо всех сил натягивая вожжи, чтобы удержать лошадь, рвущуюся куда-то вбок, а слева по тротуару, испуская нечеловеческие и в то же время совсем человеческие, полные боли и ужаса визги, несло что-то горящее, какой-то комок пламени, оставляя за собой брызги огня, и прежде, чем Андрей успел опомниться, понять, Стась ловко соскочил с телеги и от живота, в две коротких очереди срезал из автомата этот живой факел — только стекла зазвенели в какой-то витрине. Огненный комок, кувыркаясь, прокатился по тротуару, жалобно пискнул в последний раз и замер.

— Отмучился, бедняга, — сказал Стась хрипло, и Андрей наконец понял, что это был павиан, горящий павиан. Чуть ли не вся улица теперь он лежал, свесившись с тротуара, продолжая медленно гореть, и тяжелый смрад распространялся от него по улице.

Дядя Юра снова тронул лошадь, телега покатила, и Стась пошел рядом, положив руку на дощатый борт. Андрей, вытягивая шею, смотрел вперед, в мерцающий, сделавшийся очень светлым и розовым туман. Да, что-то там происходило, что-то совершенно непонятное — какой-то вой доносился оттуда, стрельба, рокот моторов, и время от времени яркие малиновые вспышки возникали там и сейчас же гасли.

— Слышь, Стась, — сказал вдруг дядя Юра, не оборачиваясь. — Сбегай-ка, браток, вперед, глянь, что там делается. А я за тобой потихонечку-полегонечку...

— Ладно, — сказал Стась и, взяв свой чудо-автомат под мышку, трусцой побежал вперед, держась стены дома. Очень скоро его не стало видно в мерцающем тумане, а дядя Юра все придерживал и придерживал лошадь, пока она совсем не остановилась.

— Сядь поудобнее, — шепнула Сельма.

Андрей дернул плечом.

— Да ничего такого не было, — продолжала шептать Сельма. — Это же управляющий был, он по всем квартирам ходил, спрашивал, не прячет ли кто оружие...

— Замолчи, — сказал Андрей сквозь зубы.

— Честное слово, — шептала Сельма. — Он же только на одну минутку зашел, он уже уходит собирался...

— Так без штанов и собирался? — холодно осведомился Андрей, отчаянно пытаясь отогнать отвратительное воспоминание: он, обессиленно висая на дяде Юре и Стасе, смотрит в прихожей собственной квартиры на какого-то белоглазого коротышку, воровато запахивающего халат, из-под которого виднеются фланелевые кальсоны. И отвратительно невинное, пьяное лицо Сельмы из-за плеча коротышки. И как выражение невинности сменяется на этом лице испугом, а потом — отчаянием.

— Но он же так и ходил по квартирам — в халате! — шептала Сельма.

— Слушай, заткнись, — сказал Андрей. — Заткнись, ради бога. Я тебе не муж, ты мне не жена, какое мне до всего этого дело?..

— Но я же тебя люблю, хороший мой! — шептала Сельма с отчаянием. — Только одного тебя...

Дядя Юра гулко закашлялся.

— Едет кто-то, — произнес он.

В тумане впереди возник огромный темный силуэт, надвинулся, приближаясь, вспыхнули фары — это был грузовик, мощный самосвал. Клопоча мотором, он остановился шагах в двадцати от телеги. Послышался крикливый голос, подающий команды, какие-то люди полезли через борта и понуро разбрелись по мостовой. Хлопнула дверца, еще одна темная фигура отделилась от грузовика, постояла немного, а потом неторопливо направилась прямо к телеге.

— Сюда идет, — сообщил дядя Юра. — Ты, это, Андрей... ты в разговоры не ввязывайся. Я говорить буду.

Человек подошел к телеге. Это был, видимо, так называемый милиционер в кургузом пальтишке с белыми повязками на рукавах. На плече у него, дулом вниз, висела винтовка.

— А, фермеры, — сказал милиционер. — Здорово, ребята.

— Здорово, если не шутишь, — откликнулся дядя Юра, помолчав.

Милиционер помялся, покрутил головой, как бы в нерешительности, потом сказал стеснительно:

— Хлебца на продажу нету?

— Хлебца тебе, — сказал дядя Юра.

— Ну, может, мясо есть, картошечка...

— Картошки тебе, — сказал дядя Юра.

Милиционер совсем застеснялся, шмыгнул носом, вздохнул, посмотрел в сторону своего грузовика и вдруг с каким-то облегчением заорал: «Да вон, вон еще валяется! Задницы слепые! Вон горелое лежит!», после чего сорвался с места и, шумно топя плоскостопными ногами, убежал по мостовой. Видно было, как он размахивает руками и распоряжается, а понурые люди, слабо и невнятно огрызаясь, волокут что-то темное, с натугой раскачивают и швыряют в ковш самосвала.

— Картошки ему, — ворчал дядя Юра. — Мясца!..

Грузовик тронулся и проехал мимо, совсем рядом. От него ужасно понесло паленой шерстью и горелым мясом. Ковш был загружен доверху, жуткие скрюченные силуэты проплыли на фоне слабо освещенной стены дома, и вдруг Андрей почувствовал, что у него мороз пошел по коже: из этой жуткой груды, явственно белея, торчала человеческая рука с растопыренными пальцами. Понурые люди в ковше, хватаясь друг за друга и за борта, толпились возле кабины. Их было человек пять-шесть, какие-то приличного вида люди в шляпах.

— Похоронная команда, — сказал дядя Юра. — Это правильно. Сейчас их на свалку, и — вася-кот... Эге, а вон и Стась нам машет! Н-но!

В освещенном тумане впереди виднелась длинная нескладная фигура Стася. Когда телега поравнялась с ним, дядя Юра вдруг наклонился с передка, вглядываясь, и почти с испугом спросил:

— Ты что это, браток? Что это с тобой?

Стась, не отвечая, попытался вспрыгнуть на телегу боком, сорвался, громко скрипнул зубами, потом взялся обеими руками за борт и принялся что-то бормотать сдавленным голосом.

— Что он? — спросила Сельма шепотом.

Телега медленно катилась туда, где все громче рокотали моторы и хлопали выстрелы, а Стась, держась руками за телегу, шел рядом, словно не в силах взобраться, пока дядя Юра, наклонившись, не втащил его на передок.

— Да ты что? — в голос, громко спросил дядя Юра. — Ехать-то можно? Да говори ты толком, что ты болбочешь?

— Матерь божья, — сказал Стась ясным голосом. — Да зачем же они это делают? Это кто же такое приказал?

— Тпр-р-р! — сказал дядя Юра на весь город.

— Нет, ты ехай, ехай, — сказал Стась. — Ехать можно. Смотреть только не надо... Пани, — он повернулся к Сельме, — вам смотреть совсем не надо, отвернитесь, вон туда смотрите... а лучше вообще не смотрите.

У Андрея перехватило горло, он поглядел на Сельму и увидел ее расширенные, на все лицо глаза.

— Давай, Юра, давай... — бормотал Стась. — Да гони ты ее, стерву, что ты плетешься! Быстро ехай! — заорал он. — Вскачь! Вскачь!..

Лошадь помчалась вскачь, дома слева кончились, туман вдруг отступил, рассеялся, и открылся Павианий бульвар — источник шума, несомненно, находился здесь. Шеренга грузовиков с двигателями, работающими вхолостую, охватывала бульвар полукольцом. В грузовиках и между грузовиками стояли люди с белыми повязками, а по бульвару среди горящих деревьев и кустов бегали с воплями и визгами люди в полосатых пижамах и совершенно обезумевшие павианы. Все они спотыкались, падали, карабкались на деревья, срывались с ветвей, пытались спрятаться в кустах, а люди с белыми повязками стреляли, не переставая, из винтовок и пулеметов. Множество неподвижных тел усеивало бульвар, некоторые дымились и тлели. С одного из грузовиков с длинным шипением излилась огненная струя, клубящаяся черным дымом, и еще одно дерево, облепленное черными гроздьями обезьян, вспыхнуло огромным факелом. И кто-то завопил нестерпимо высоким фальцетом, перекрывая все шумы: «Я здоровый! Это ошибка! Я нормальный! Это ошибка!..»

Все это, трясясь и подпрыгивая, отдаваясь острой болью в ребрах, опалив жаром и обдав вонью, оглушив и ударив по глазам, пронеслось мимо и через минуту осталось позади, мерцающий туман вновь сомкнулся, но дядя Юра еще долго гнал лошадь, отчаянно гикая и размахивая вожжами. Это черт знает что, тупо твердил про себя Андрей, обессиленно привалившись к Сельме. Это же черт знает что такое! Они же сумасшедшие, они ополоумели от крови... Безумцы овладели Городом, кровавые безумцы овладели, теперь всему конец, они же не остановятся, они же потом возьмутся за нас...

Телега вдруг остановилась.

— Ну нет, — сказал дядя Юра, поворачиваясь всем телом. — Это дело надо того... — Он пошарил в телеге среди мешков, достал большую бутылку, зубами вытащил пробку, сплюнул и принялся глотать прямо из горлышка. Потом он передал бутылку Стасю, вытер рот и сказал: — Истребляете, значит... Эксперимент... Ладно. — Он достал из нагрудного кармана свернутую газету, аккуратно оторвал угол и полез за табаком. — Круто берете. Ох, круто! Крутенько!..

Стась протянул бутылку Андрею, Андрей помотал головой. Сельма взяла бутылку, отхлебнула два раза и вернула Стасю. Все молчали. Дядя Юра дымил и трещал сигаркой, бурчал горлом, как огромный пес, потом вдруг повернулся и разобрал вожжи.

До поворота на Стульчаковый оставался всего один квартал, когда туман впереди снова озарился светом и послышался нестройный шум многих голосов. На перекрестке, прямо посередине улицы, освещенная прожекторными лампами, кишела, гудела и колыхалась огромная толпа. Перекресток был забит, проехать было невозможно.

— Митинг какой-то, — сказал дядя Юра, обернувшись.

— Это уж как водится, — уныло согласился Стась. — Если уж взялись расстреливать, значит, тут же и митинги... Объехать никак нельзя?

— погоди, браток, а зачем нам объезжать? — сказал дядя Юра. — Надо послушать, что людям говорят. Может, насчет солнца чего скажут... Гляди, здесь наших полно.

Гул затих, и над толпой, усиленный микрофонами, раздался надсадный яростный голос:

— ...И еще раз повторяю: беспощадно! Мы очистим Город!.. от грязи!.. от нечисти!.. от всех и всяческих тунеядцев!.. Воров — на фонарь!..

— А-а-а! — проревела толпа.

— Взятчиков — на фонарь!..

— А-а-а!

— Кто выступает против народа, будет висеть на фонаре!

— А-а-а!

Теперь Андрей разглядел говорившего. В самом центре толпы возвышался клепаный борт какой-то военной машины, а над бортом, вцепившись в него обеими руками, озаренный голубым светом прожектора, качался взад-вперед всем своим длинным, затянутым в черное туловищем и разевал в крике запекшийся рот бывший унтер-офицер вермахта, а ныне руководитель партии Радикального возрождения Фридрих Гейгер.

— И это будет только начало! Мы установим в Городе наш, истинно народный, истинно человеческий порядок! Нам нет дела до всяких там Экспериментов! Мы не морские свинки! Мы не кролики! Мы — люди! Наше оружие — разум и совесть! Мы никому не позволим! Распоряжаться нашей судьбой! Мы сами распорядимся нашей судьбой! Судьба народа — в руках народа! Судьба людей — в руках людей! Народ доверил свою судьбу мне! Свои права! Свое будущее! И я клянусь! Я оправдаю это доверие!..

— А-а-а!

— Я буду беспощаден! Во имя народа! Я буду жесток! Во имя народа! Я не допущу никакой розни! Хватит борьбы между людьми! Никаких коммунистов! Никаких социалистов! Никаких капиталистов! Никаких фашистов! Хватит бороться друг с другом! Будем бороться друг ЗА друга!..

— А-а-а!

— Никаких партий! Никаких национальностей! Никаких классов! Каждого, кто проповедует рознь, — на фонарь!

— А-а-а!

— Если бедные будут продолжать драться против богатых! Если коммунисты будут продолжать драться против капиталистов! Если черные будут продолжать драться против белых! Нас растопчут! Нас уничтожат!.. Но если мы! Встанем плечом к плечу! Сжимая в руках оружие! Или отбойный молоток! Или рукоятки плуга! Тогда не найдется такой силы, которая могла бы нас сокрушить! Наше оружие — единство! Наше оружие — правда! Какой бы тяжелой она ни была! Да, нас заманили в ловушку! Но, клянусь богом, зверь слишком велик для этой ловушки!..

— А! — рывкнула было толпа и ошеломленно смолкла. Вспыхнуло солнце.

Впервые за двенадцать дней вспыхнуло солнце, запылало золотым диском на своем обычном месте, ослепило, обожгло серые выцветшие лица, нестерпимо засверкало в стеклах окон, оживило и зажгло миллионы красок — и черные дымы над дальними крышами, и пожухлую зелень деревьев, и красный кирпич под обвалившейся штукатуркой...

Толпа дико взревела, и Андрей завопил вместе со всеми. Творилось что-то невообразимое. Летели в воздух шапки, люди обнимались, плакали, кто-то принялся палить в воздух, кто-то в диком восторге швырял кирпичами в прожектора, а Фриц Гейгер, возвышаясь над всем этим, как Господь Бог, сказавший «да будет свет», длинной черной рукой указывал на солнце, выкатив глаза и гордо задрал подбородок. Потом голос его снова возник над толпой.

— Вы видите?! Они уже испугались! Они дрожат перед вами! Перед нами! Поздно, господа! Поздно! Вы снова хотите захлопнуть ловушку? Но люди уже вырвались из нее! Никакой пощады врагам человечества! Спекулянтам! Тунеядцам! Расхитителям народного добра! Солнце снова с нами! Мы вырвали его из черных лап! Врагов человечества! И мы больше никогда! Не отдадим его! Никогда! И никому!..

— А-а-а!

Андрей опомнился. Стася в телеге не было. Дядя Юра, широко расставив ноги, стоял на передке, потрясал пулеметом и, судя по налившемуся кровью затылку, тоже ревел нечленораздельное. Сельма плакала, колотя Андрея кулачками по спине.

Ловко, холодно подумал Андрей. Тем хуже для нас. Чего я тут сижу? Мне бежать надо, а я сижу... Преодолевая боль в боку, он поднялся и выпрыгнул из телеги. Вокруг ревели и шевелились толпа. Андрей полез напролом. Первое время он еще берегся, пытался защититься локтями, да разве в такой каше уберешься!.. Покрытый потом от боли и подступающей тошноты, он лез, толкался, наступал на ноги, даже бодался и наконец выбрался-таки в Стульчаковый переулок. И все это время вдогонку ему гремел голос Гейгера:

— Ненависть! Ненависть поведет нас! Хватит фальшивой любви! Хватит иудиних поцелуев! Предателей человечества! Я сам подаю пример святой ненависти! Я взорвал броневик кровавых жандармов! У вас на глазах! Я приказал повесить воров и гангстеров! У вас на глазах! Я железной метлой выметаю нечисть и нелюдей из нашего Города! У вас на глазах! Я не жалел себя! И я получил священное право не жалеть других!..

Андрей ткнулся в подъезд редакции. Дверь была заперта. Он злобно ударил в нее ногой, задребезжали стекла. Он принялся стучать изо всех сил, шепча ужасные ругательства. Дверь отворилась. На пороге стоял Наставник.

— Входи, — сказал он, посторонившись.

Андрей вошел. Наставник запер за ним дверь на засов и повернулся. Лицо у него было мучнисто-бледное, с темными кругами под глазами, и он то и дело облизывал губы. У Андрея сжалось сердце — никогда раньше он не видел Наставника в таком подавленном состоянии.

— Неужели все так плохо? — спросил Андрей упавшим голосом.

— Да уж... — Наставник бледно улыбнулся. — Уж чего тут хорошего.

— А солнце? — сказал Андрей. — Зачем вы его выключали?

Наставник стиснул руки и прошелся взад-вперед по вестибюлю.

— Да не выключали мы его! — проговорил он с тоской. — Авария. Вне всякого плана. Никто не ожидал.

— Никто не ожидал... — повторил Андрей с горечью. Он стянул плащ и бросил его на пыльный диван. — Если б не выключилось солнце, ничего бы этого не было...

— Эксперимент вышел из-под контроля, — пробормотал Наставник, отвернувшись.

— Вышел из-под контроля... — снова повторил Андрей. — Вот уж никогда не думал, что Эксперимент может выйти из-под контроля.

Наставник посмотрел на него исподлобья.

— Н-ну... В известном смысле ты прав... Можно смотреть на это и таким образом... Вышедший из-под контроля Эксперимент — это тоже Эксперимент. Возможно, кое-что придется несколько изменить... заново откорректировать. Так что ретроспективно — ретроспективно! — эта тьма египетская будет рассматриваться уже как неотъемлемая, запрограммированная часть Эксперимента.

— Ретроспективно... — еще раз повторил Андрей. Глухая злоба охватила его. — А что вы теперь прикажете делать нам? Спасаться?

— Да. Спасаться. И спасти.

— Кого спасти?

— Всех, кого можно спасти. Все, что еще можно спасти. Ведь не может же быть, чтобы некого и нечего было спасти!

— Мы будем спасаться, а Фриц Гейгер будет проводить Эксперимент?

— Эксперимент остался Экспериментом, — возразил Наставник.

— Ну да, — сказал Андрей. — От павианов до Фрица Гейгера.

— Да. До Фрица Гейгера, и через Фрица Гейгера, и невзирая на Фрица Гейгера. Не пускать же из-за Фрица Гейгера пулю в лоб! Эксперимент должен продолжаться... Жизнь ведь продолжается, несмотря ни на какого Фрица Гейгера. Если ты разочаровался в Эксперименте, то подумай о борьбе за жизнь...

— О борьбе за существование, — криво усмехнувшись, проговорил Андрей. — Какая уж теперь жизнь!

— Это будет зависеть от вас.

— А от вас?

— От нас мало что зависит. Вас много, вы все здесь решаете, а не мы.

— Раньше вы говорили по-другому, — сказал Андрей.

— Раньше и ты был другой! — возразил Наставник. — И тоже говорил по-другому!

— Боюсь, что я свалял дурака, — медленно проговорил Андрей. — Боюсь, что я был просто глуп.

— Боишься ты не только этого, — с каким-то лукавством заметил Наставник.

У Андрея замерло сердце, как это бывает, когда падаешь во сне. И он грубо сказал:

— Да, боюсь. Всего боюсь. Пуганая ворона. Вас когда-нибудь били сапогом в промежность?.. — Новая мысль пришла ему в голову. — Да вы ведь и сами побаиваетесь? А?

— Конечно! Я же говорю тебе, что Эксперимент вышел из-под контроля...

— Э, бросьте! Эксперимент, Эксперимент... Не в Эксперименте дело. Сначала павианов, потом — нас, а потом и вас, так ведь?..

Наставник ничего не ответил. Самое ужасное заключалось в том, что Наставник не сказал на это ни слова. Андрей все ждал, но Наставник только молча бродил по вестибюлю, бессмысленно передвигал с места на место кресла, стирал рукавом пыль со столиков и даже не глядел на Андрея.

В дверь постучали — сначала кулаком, а потом сразу стали бить ногой. Андрей отодвинул засов — перед ним стояла Сельма.

— Ты меня бросил! — сказала она возмущенно. — Я еле пробилась!

Андрей стесненно оглянулся. Наставник исчез.

— Извини, — проговорил Андрей. — Мне было не до тебя.

Ему было трудно говорить. Он старался подавить в себе ужас от одиночества и ощущения незащитности. Он с дребезгом захлопнул дверь и торопливо задвинул засов.

Глава третья

Редакция была пуста. Видимо, сотрудники разбежались, когда началась пальба около мэрии. Андрей проходил по комнатам, равнодушно оглядывая разбросанные бумаги, опрокинутые стулья, неопрятную посуду с остатками бутербродов и чашки с остатками кофе. Из глубины редакции доносилась громкая бравурная музыка, это было странно. Сельма тащила следом, держа его за рукав. Она все говорила что-то, что-то сварливое, но Андрей ее не слушал. Зачем я сюда приперся, думал он. Все же удрали, дружно, как один, и правильно сделали, сидел бы сейчас дома, лежал бы в постели, гладил бы свой несчастный бок и дремал, и наплевать на все...

Он вошел в отдел городской хроники и увидел Изю.

Сначала он не понял, что это Изя. За дальним, в углу, столом, согнувшись над раскрытой подшивкой, стоял, упираясь широко расставленными руками, неряшливо, ступеньками остриженный посторонний человек в подозрительной серой хламиде без пуговиц, и только через мгновение, когда человек этот вдруг знакомо осклабился и принялся знакомым жестом щипать себя за бородавку на шее, Андрей понял, что перед ним Изя.

Некоторое время Андрей стоял в дверях и смотрел на него. Изя не слышал, как он вошел. Изя вообще ничего не слышал и не замечал — во-первых, он читал, а во-вторых, прямо у него над головой висел репродуктор, и оттуда неслись громовые бряцания победного марша. Потом Сельма ужасно завопила: «Да ведь это же Изя!» — и ринулась вперед, оттолкнув Андрея.

Изя быстро поднял голову и, ослабившись еще шире, распахнул руки.

— Ага! — заорал он радостно. — Явились!..

Пока он обнимался с Сельмой, пока звучно и с аппетитом чмокал ее в щеки и в губы, пока Сельма вопила что-то неразборчивое и восторженное и ерошила его уродливые волосы, Андрей приблизился к ним, стараясь побороть в себе острую мучительную неловкость. Режущее чувство вины и предательства, которое едва не свалило его с ног в то утро в подвале, за последний год притупилось и почти забылось, но сейчас снова пронзило его, и он, приблизившись, несколько секунд колебался, прежде чем рискнул протянуть руку. Он нашел бы совершенно естественным, если бы Изя не заметил этой его руки или даже сказал бы что-нибудь презрительное и уничтожающее — сам он наверняка поступил бы именно так. Но Изя, освободившись от объятий Сельмы, с жаром схватил его руку, пожал и с огромным интересом спросил:

— Где это тебя так разукрасили?

— Побили, — кратко ответил Андрей. Изя поразил его. Хотелось очень много ему сказать, но он спросил только: — А ты откуда здесь взялся?

Вместо ответа Изя перебрал несколько страниц подшивки и, преувеличенно жестикулируя, прочел с пафосом:

— «...Никакими доводами разума невозможно объяснить ту ярость, с которой правительственная пресса нападает на партию Радикального возрождения. Но если мы вспомним, что именно эрвисты — эта крошечная молодая организация — наиболее бескомпромиссно выступают против каждого случая коррупции...»

— Брось, — сморщившись сказал Андрей, но Изя только повысил голос:

— «...беззакония, административной глупости и беспомощности; если мы вспомним, что именно эрвисты подняли «дело вдовы Баттон»; если мы вспомним, что эрвисты первыми предупредили правительство о бесперспективности болотного налога...» Белинский! Писарев! Плеханов! Ты сам это сочинил или твои идиотики?

— Ладно, ладно... — сказал Андрей, уже раздражаясь, и попытался отобрать у Изя подшивку.

— Нет, погоди! — кричал Изя, грозя пальцем и таща подшивку к себе. — Вот тут еще один перл!.. Где это? Вот. «Наш Город богат честными людьми, как и всякий город, населенный тружениками. Однако если говорить о политических группировках, то разве что лишь Фридрих Гейгер может сейчас претендовать на высокое звание...»

— Хватит! — заорал Андрей, но Изя вырвал у него подшивку, забежал за ликующую Сельму и, шипя и брызгаясь, продолжал оттуда:

— «...Не будем говорить о речах, будем говорить о делах! Фридрих Гейгер отказался от поста министра информации; Фридрих Гейгер голосовал против закона, предусматривающего крупные льготы для заслуженных деятелей прокуратуры; Фридрих Гейгер был единственным видным деятелем, возражавшим против создания регулярной армии, в которой ему предлагалась высокая должность...» — Изя зашвырнул подшивку под стол и принялся потирать руки. — Ты всегда был потрясающим ослом в политике! Но за эти последние месяцы ты поглупел просто катастрофически. Поделом тебе начистили чайник! Глаз-то хоть цел?

— Глаз цел, — медленно сказал Андрей. Он только сейчас заметил, что Изя как-то неловко двигает левой рукой и три пальца на этой руке у него не сгибаются вовсе.

— Да выключи ты его к чертовой матери! — заорал Кэнси, появляясь в дверях. — А, Андрей, ты уже здесь... Это хорошо. Здравствуй, Сельма! — Он стремительно пересек комнату и вырвал вилку репродуктора из розетки.

— Зачем? — закричал Изя. — Я хочу слышать речи моих вождей! Пусть гремят боевые марши!..

Кэнси только бешено глянул на него.

— Андрей, пойдём, я тебе расскажу, что мы сделали, — сказал он. — И нужно подумать, что делать дальше.

Лицо и руки его были покрыты копотью. Он устремился вглубь редакции, и Андрей пошел за ним. Только сейчас он почувствовал, что в помещениях основательно попахивает горелой бумагой. Изя с Сельмой шли позади.

— Всеобщая амнистия! — шипя и булькая, повествовал Изя. — Великий вождь открыл двери узилищ! Ему понадобилось место для других заключенных... — Он заухал и застонал. — Всех уголовников выпустили до единого, а я ведь, как известно, уголовник! Даже бессрочников выпустили...

— Худой стал, — говорила Сельма с жалостью. — Все на тебе висит, облезлый ты сделался какой-то...

— Так ведь последние дни — три дня — ни жрать не давали, ни умываться...

— Так ты, наверное, есть хочешь?

— Да нет, ни черта, я тут нажрался...

Они вошли в кабинет Андрея. Здесь стояла ужасающая жара. Солнце било прямо в стекла, и жарко пылал камин. Перед камином сидела на корточках шлюшка-секретарша, тоже чумазая, как и Кэнси, и старательно ворочала кочергой в грудке горящей бумаги. Все в кабинете было покрыто копотью и черными ключьями бумажного пепла.

Увидев Андрея, секретарша вскочила и улыбнулась ему испуганно и заискивающе. Вот уж не ожидал, что она останется, подумал Андрей. Он сел за свой стол и виновато, через силу, покивал ей и улыбнулся в ответ.

— ...Списки всех спецкоров, списки и адреса членов редколлегии, — деловито перечислял Кэнси. — Оригиналы всех политических статей, оригиналы еженедельных обзоров...

— Статьи Дюпена надо сжечь, — сказал Андрей. — Он у нас был главный антиэрвист, по-моему...

— Уже сжег, — нетерпеливо сказал Кэнси. — И Дюпена, и на всякий случай Филимонова...

— Что вы суетитесь? — сказал Изя весело. — Да ведь вас на руках носить будут!

— Это как сказать, — мрачно проговорил Андрей.

— Да чего там «как сказать»? Хочешь пари? На сто шелбанов!

— Да подожди, Изя! — сказал Кэнси. — Заткнись ты, ради бога, хоть на десять минут!.. Всю переписку с мэрией я уничтожил, а переписку с Гейгером пока оставил...

— Протоколы редколлегии! — спохватился Андрей. — За прошлый месяц...

Он торопливо полез в нижний ящик стола, достал папку и протянул ее Кэнси. Тот, скривившись, перебрал несколько листков.

— Да-а-а... — сказал он, качая головой. — Это я забыл... Вот как раз выступление Дюпена... — Он шагнул к камину и швырнул папку в огонь. — Перемешивайте, перемешивайте! — раздраженно приказал он секретарше, которая слушала начальство, приоткрывши рот.

В дверях появился заведующий отделом писем, потный и очень возбужденный. На руках перед собой он тащил кипу каких-то папок, прижимая их сверху подбородком.

— Вот... — пропыхтел он, с грохотом сваливая кипу возле камина. — Тут какие-то социологические опросы, я даже разбираться не стал... Вижу — фамилии, адреса... Господи, шеф, что с вами?

— Привет, Денни, — сказал Андрей. — Спасибо, что вы остались.

— Глаз цел? — спросил Денни, вытирая со лба пот.

— Цел, цел... — успокоил его Изя. — Вы все не то уничтожаете, — объявил он. — Вас ведь никто не тронет: вы — желтоватая оппозиционная либеральная газетка. Вы просто перестанете быть оппозиционными и либеральными...

— Изя, — сказал Кэнси. — Я тебя в последний раз прошу: перестань трепаться, иначе я тебя выкину вон.

— Да не треплюсь я! — сказал Изя с досадой. — Дай кончить! Вы письма, письма уничтожайте! Вам же писали, наверное, умные люди...

Кэнси воззрился на него.

— Ч-черт! — прошипел он и выскочил из кабинета. Денни устремился следом, продолжая на ходу вытирать лицо и шею.

— Ничего не понимаете! — сказал Изя. — Вы же тут все — кретины. А опасность грозит только умным людям.

— Что кретины — то кретины... — сказал Андрей. — Это ты прав.

— Ага! Умнеешь! — воскликнул Изя, размахивая искалеченной рукой. — Зря. Это опасно! Вот в этом-то и заключается вся трагедия. Сейчас очень много людей поумнеет, но поумнеет недостаточно. Они не успеют понять, что сейчас надо как раз притворяться дурачком...

Андрей посмотрел на Сельму. Сельма глядела на Изю с восторгом. И секретарша тоже глядела на Изю с восторгом. А Изя стоял, расставив ноги в тюремных башмаках, небритый, грязный, расхлюстанный, рубашка из штанов вылезла, на ширинке не хватало пуговиц, — стоял во всей своей красе, такой же, как всегда, нисколечко не изменившийся, — и разглагольствовал, и поучал. Андрей вылез из-за стола, подошел к камину, присел рядом с секретаршей и, отобрав у нее кочергу, принялся ворошить и перекапывать неохотно горящую бумагу.

— ...А поэтому, — поучал Изя, — уничтожать надо вовсе не просто те бумаги, где ругают нашего вождя. Ругать тоже можно по-разному. Уничтожать же надо бумаги, написанные умными людьми!..

В кабинет просунулся Кэнси и крикнул:

— Слушайте, помог бы кто-нибудь... Девочки, что вы здесь зря околачиваетесь, а ну идите за мной!

Секретарша сейчас же вскочила и, на ходу поправляя перекрутившуюся юбочку, выбежала вон. Сельма постояла, словно ожидая, что ее остановят, потом вдавила окурков в пепельницу и тоже вышла.

— ...А вас никто не тронет! — продолжал разглагольствовать Изя, ничего не видя и не слыша, как глухарь на току. — Вас еще поблагодарят, подбросят вам бумаги, чтобы вы повысили тираж, повысят вам оклады и расширят штат... И только потом, если вам вздумается вдруг брыкаться, только тогда вас возьмут за штаны и уж тут несомненно припомнят вам все — и вашего Дюпена, и вашего Филимонова, и все ваши либерально-оппозиционные бредни... Но только зачем вам брыкаться? Вы и не подумаете брыкаться, наоборот!..

— Изя, — сказал Андрей, глядя в огонь. — Почему ты тогда не сказал мне, что у тебя было в папке?

— Что?.. В какой папке?.. Ах, в той...

Изя вдруг как-то сразу притих, подошел к камину и присел рядом с Андреем на корточки. Некоторое время они молчали. Потом Андрей сказал:

— Конечно, я был тогда ослом. Полнейшим болваном. Но ведь сплетником-то и трепачом я уж никак не был. Это уж ты должен был тогда понять...

— Во-первых, ты не был болваном, — сказал Изя. — Ты был хуже. Ты был оболваненный. С тобой ведь по-человечески разговаривать было нельзя. Я знаю, я ведь и сам долгое время был таким... А потом — при чем тут сплетни? Такие вещи, согласишься, простым гражданам знать ни к чему. Этак все, к чертовой матери, вразнос может пойти...

— Что? — сказал Андрей растерянно. — Из-за твоих любовных записочек?..

— Каких любовных записочек?

Некоторое время они изумленно глядели друг другу в глаза. Потом Изя ослабил:

— Господи, ну конечно же... С чего это я взял, что он тебе все это расскажет? Зачем это ему — рассказывать? Он же у нас орел, вождь! Кто владеет информацией, тот владеет миром, — это он хорошо у меня усвоил!..

— Ничего не понимаю, — пробормотал Андрей почти с отчаянием. Он чувствовал, что сейчас узнает еще что-то мерзкое об этом и без того мерзком деле. — О чем ты говоришь? Кто — он? Гейгер?

— Гейгер, Гейгер, — покивал Изя. — Наш великий Фриц... Значит, любовные записочки были у меня в папке? Или, может быть, компрометирующие фотографии? Ревнивая вдова и бабник Кацман... Правильно, такой протокол я тоже им подписал...

Изя, крихтя, поднялся и принялся ходить по кабинету, потирая руки и хихикая.

— Да, — сказал Андрей. — Так он мне и сказал. Ревнивая вдова. Значит, это было вранье?

— Ну конечно, а ты как думал?

— Я поверил, — сказал Андрей коротко. Он стиснул зубы и с остервенением заворочал кочергой в камине. — А что там было на самом деле? — спросил он.

Изя молчал. Андрей оглянулся. Изя стоял, медленно потирая руки, и с застывшей улыбкой глядел на него остекленевшими глазами.

— Интересно получается... — проговорил он неуверенно. — Может, он просто забыл? То есть не то чтобы забыл... — Он вдруг сорвался с места и снова присел на корточки рядом с Андреем. — Слушай, я тебе ничего не скажу, понял? И если тебя спросят, то так и отвечай: ничего не сказал, отказался. Сказал только, что дело касается одной большой тайны Эксперимента, сказал, что опасно эту тайну знать. И еще показал несколько запечатанных конвертов и, подмигивая, объяснил, что конверты эти раздаст верным людям и что конверты эти будут вскрыты в случае его, Кацмана, ареста или, скажем, неожиданной кончины. Понимаешь? Имен верных людей не назвал. Вот так и скажешь, если спросят.

— Хорошо, — медленно сказал Андрей, глядя в огонь.

— Это будет правильно... — проговорил Изя, тоже глядя в огонь. — Только вот если тебя бить будут... Румер — это, знаешь, сволочь какая... — Его передернуло. — А может, и не спросит никто. Не знаю. Это все надо обдумать. Так, сразу, и не сообразишь.

Он замолчал. Андрей все размешивал жаркую, переливающуюся красными огоньками кучу, и через некоторое время Изя снова принялся подбрасывать в камин пачки бумаг.

— Сами папки не бросай, — сказал Андрей. — Видишь, плохо горят... А ты не боишься, что ту папку найдут?

— А чего мне бояться? — сказал Изя. — Это Гейгер пусть боится... Да и не найдут ее теперь, если сразу не нашли. Я ее в люк бросил, а потом все гадал: попал или промахнулся... А за что тебе вломили? Ты же, по-моему, с Фрицем в прекрасных отношениях...

— Это не Фриц, — сказал Андрей неохотно. — Просто не повезло.

В комнату с шумом ввалились женщины и Кэнси — они тащили на растянутом плаще целую грудку писем. За ними, по-прежнему вытираясь, шел Денни.

— Ну, теперь, кажется, все, — сказал он. — Или вы еще тут что-нибудь придумали?

— Ну-ка, подвиньтесь! — потребовал Кэнси.

Плащ был положен у камина, и все принялись кидать письма в огонь. В камине сразу загудело. Изя запустил здоровую руку в недра этой кучи разноцветной исписанной бумаги, извлек какое-то письмо и, заранее осклабясь, принялся жадно читать.

— Кто это сказал, что рукописи не горят? — отдуваясь, проговорил Денни. Он уселся за стол и закурил сигарету. — Прекрасно горят, по-моему... Ну и жара. Окна открыть, что ли?

Секретарша вдруг пискнула, вскочила и выбежала вон, приговаривая: «Забыла, совсем забыла!..»

— Как ее зовут? — торопливо спросил Андрей у Кэнси.

— Амалия! — буркнул Кэнси. — Сто раз тебе говорил... Слушай, я сейчас Дюпену позвонил...

— Ну?

Вернулась секретарша с охапкой блокнотов.

— Это всё — ваши распоряжения, шеф, — пропищала она. — Я совсем про них забыла. Тоже, наверное, надо сжечь?

— Конечно, Амалия, — сказал Андрей. — Спасибо, что вспомнили. Сжигайте, Амалия, сжигайте... Так что Дюпен?

— Я хотел его предупредить, — сказал Кэнси, — что все в порядке, все следы уничтожены. А он страшно удивился — какие следы? Разве он что-нибудь такое писал? Он только что закончил подробную корреспонденцию о героическом штурме мэрии, а сейчас работает над обзором: «Фридрих Гейгер и народ».

— Сука, — сказал Андрей вяло. — Впрочем, все мы суки...

— Говори за себя, когда говоришь такие вещи! — огрызнулся Кэнси.

— Ну, извини, — вяло сказал Андрей. — Ну, не все суки. Большинство.

Изя вдруг захихикал.

— Вот пожалуйста — умный человек! — провозгласил он, потрясая листочком. — «Совершенно очевидно, — процитировал он, — что люди, подобные Фридриху Гейгеру, ждут только какой-нибудь большой беды, пусть даже кратковременного, но чувствительного нарушения равновесия, чтобы развязать страсти и на волне смуты выскочить на поверхность...» Кто это пишет? — Он посмотрел на обороте. — А, ну еще бы!.. В огонь, в огонь! — Он скомкал листок и швырнул в камин.

— Слушай, Андрей, — сказал Кэнси. — Не пора ли подумать о будущем?

— А чего о нем думать, — проворчал Андрей, орудуя кочергой. — Проживем как-нибудь, перетопчемся...

— Я не о нашем будущем говорю! — сказал Кэнси. — Я говорю о будущем газеты, о будущем Эксперимента!..

Андрей посмотрел на него с удивлением. Кэнси был такой же, как всегда. Словно ничего не произошло. Словно ничего вообще не происходило за последние тошнотные месяцы. Он даже казался еще более готовым к драке, чем обычно. Хоть сейчас в драку — во имя законности и идеалов. Как взведенный курок. А может быть, с ним действительно ничего не происходило?..

— Ты говорил со своим Наставником? — спросил Андрей.

— Говорил, — ответил Кэнси с вызовом.

— Ну и что? — спросил Андрей, преодолевая обычную неловкость, как всегда при разговоре о Наставниках.

— Это никого не касается и не имеет никакого значения. При чем здесь Наставники? У Гейгера тоже есть Наставник. У каждого бандита в Городе есть Наставник. Это не мешает каждому думать собственной головой.

Андрей вытащил из пачки сигарету, размял и, щурясь от жара, прикурил от раскаленной кочерги.

— Надоело мне все, — сказал он тихо.

— Что тебе надоело?

— Да все... По-моему, бежать нам надо отсюда, Кэнси. Ну их всех к черту.

— Как это — бежать? Ты что это?

— Надо сниматься, пока не поздно, и мотать на болота, к дяде Юре, подальше от всего этого кабака. Эксперимент вышел из-под контроля, мы с тобой вернуть его под контроль не можем, а значит, нечего и рыпаться. На болотах у нас, по крайней мере, будет оружие, у нас будет сила...

— Ни на какие болота я не поеду! — объявила вдруг Сельма.

— А тебе никто и не предлагает, — сказал Андрей, не оборачиваясь.

— Андрей, — сказал Кэнси. — Это же дезертирство.

— По-твоему — дезертирство, а по-моему — разумный маневр. И вообще как хочешь. Ты меня спросил, что я думаю о будущем, я тебе отвечаю: здесь мне делать

нечего. Редакцию все равно разгонят, а нас пошлют дохлых павианов убирать. Под конвоем. И это еще в лучшем случае...

— А вот еще один умный человек! — провозгласил Изя с восхищением. — Слушайте: «Я — старый подписчик вашей газеты, и я, в общем и целом, одобряю ее курс. Но почему вы постоянно выступаете в защиту Ф. Гейгера? Может быть, вы недостаточно информированы? Я совершенно точно знаю, что Гейгер имеет досье на всех скольконибудь заметных лиц в Городе. Его люди пронизывают весь муниципальный аппарат. Вероятно, они есть и в вашей газете. Уверю вас, эрвистов совсем не так мало, как вы думаете. Мне известно, что у них есть и оружие...» — Изя посмотрел на оборот письма. — Ах, вот это кто... «Имени моего прошу не публиковать...» В огонь, в огонь!

— Можно подумать, что ты знаешь в Городе всех умных людей, — сказал Андрей.

— Между прочим, их не так уж и много, — возразил Изя, снова запуская руку в бумажную кучу. — Я уж не говорю о том, что умные люди редко пишут в газеты.

Наступило молчание. Денни, накурившись всласть, тоже подобрался к камину и принялся бросать бумагу в огонь большими охапками.

— Ворочайте, ворочайте, шеф! — сказал он. — Больше жизни! Дайте-ка мне кочергу...

— По-моему, это просто трусость — удирать сейчас из города, — сказала Сельма с вызовом.

— Сейчас каждый честный человек на счету, — подхватил Кэнси. — Если мы уйдем, кто же останется? Дюпенам прикажешь отдать газету?

— Ты останешься, — сказал Андрей устало. — Сельму вот можешь взять в газету... или Изю...

— Ты же хорошо знаком с Гейгером, — прервал его Кэнси. — Ты мог бы использовать свое влияние...

— Нет у меня на него никакого влияния, — сказал Андрей. — А если и есть, то не хочу я его использовать. Я таких вещей не умею и не терплю.

И снова все замолчали, только гудело пламя в каминной трубе.

— Хоть бы они ехали скорее, что ли, — проворчал Денни, бросая в огонь последнюю кипу писем. — Выпить хочется — сил нет, а выпить нечего...

— Они так сразу не приедут, — немедленно возразил Изя. — Они сначала позвонят! — Он швырнул в камин письмо, которое читал, и прошелся по кабинету. — Вы этого, Денни, не знаете и не понимаете. Это ритуал! Процедура, отработанная в трех странах, отработанная до тонкости, проверенная... Девочки, а нет ли здесь чего-нибудь пожрать? — спросил он вдруг.

Тощая Амалия немедленно вскочила и с писком: «Сейчас, сейчас!..» исчезла в приемной.

— Кстати, — ни с того ни с сего вспомнил Андрей. — А где цензор?

— Он очень хотел остаться, — сказал Денни. — Но господин Убуката выпихнул его вон. Он ужасно кричал, этот цензор. «Куда я пойду? — кричал он. — Вы меня убиваете!» Пришлось даже дверь запереть на засов, чтобы не пускать его. Сначала он бился всем телом, а потом отчаялся и ушел... Слушайте, я все-таки открою окно. Сил моих нет, как жарко...

Вернулась секретарша и, застенчиво улыбаясь бледными, без косметики, губами, вручила Изе бумажный промасленный пакет с какими-то пирожками.

— М-м! — вскричал Изя и сейчас же принялся чавкать.

— Ребра болят? — тихонько спросила Сельма, наклонившись к уху Андрея.

— Нет, — сказал Андрей коротко, поднялся и, отстранив ее, подошел к столу. И в этот момент зазвонил телефон. Все повернули головы и уставились на белый аппарат. Телефон звонил.

— Ну, Андрей! — нетерпеливо сказал Кэнси.

Андрей поднял трубку.

— Да.

— Редакция «Городской газеты»? — осведомился деловой голос.

— Да, — сказал Андрей.

— Господина Воронина попрошу.

— Я.

В трубку подышали, затем раздались гудки отбоя. С сильно бьющимся сердцем Андрей осторожно положил трубку.

— Это они, — сказал он.

Изя прочавкал что-то неразборчивое, ожесточенно кивая головой. Андрей сел. Все смотрели на него — напряженно улыбающийся Денни, насупленный и взъерошенный Кэнси, жалко-испуганная Амалия и бледная подобрывшаяся Сельма. И Изя смотрел на него, жуя и ослабляясь, вытирая замасленные пальцы о полы куртки.

— Ну, чего вы уставились? — раздраженно сказал Андрей. — А ну, мотайте все отсюда.

Никто не двинулся с места.

— Чего ты волнуешься? — сказал Изя, рассматривая последний пирожок. — Все будет тихо-мирно, как говорит дядя Юра. Тихо-мирно, честно-благородно... Только не надо делать резких движений. Это как с кобрами...

За окном послышалось тарахтение автомобильного двигателя, скрип тормозов, пронзительный голос скомандовал: «Кайзер, Величенко, за мной! Мирович, оставайтесь здесь!...» — и сейчас же в дверь внизу ударили кулаком.

— Я пойду открою, — сказал Денни, а Кэнси подскочил к камину и принялся изо всех сил ворошить груды дымящейся золы. Пепел полетел по всей комнате.

— Резких движений не делайте! — крикнул Изя вслед Денни.

Дверь внизу содрогалась и жалобно дребезжала стеклами. Андрей поднялся, заложил руки за спину и, стиснув их изо всех сил, встал посередине комнаты. Давешнее ощущение дурного томления и слабости в ногах снова охватило его. Стук и грохот внизу прекратились, послышались недовольные голоса, а затем множество ног затопотало в пустых помещениях. Словно их там целый батальон, мелькнуло в голове у Андрея. Он попятился и оперся задом о стол. Колени у него отвратительно дрожали. Бить не позволю, подумал он с отчаянием. Пусть лучше убивают. Пистолет я не взял... Зря не взял... А может, правильно, что не взял?..

В дверь прямо напротив него решительно шагнул полный невысокий человек в хорошем пальто с белыми повязками на рукавах и в огромном берете с каким-то значком. На ногах у него были великолепно начищенные сапоги, а пальто было слабо и очень некрасиво стянуто широким ремнем, на котором слева тяжело отвисала новенькая желтая кобура. За ним ввалились еще какие-то люди, но Андрей их не видел. Он как зачарованный смотрел в одутловатое бледное лицо с расплывчатыми чертами и с маленькими закисшими глазками. Конъюнктивит у него, что ли, подумалось где-то на самом краю сознания. И выбрит так, что вроде бы даже блестит, как лакированный...

Человек в берете быстро оглядел комнату и уставился прямо на Андрея.

— Господин Воронин? — с вопросительной интонацией провозгласил он высоким пронзительным голосом.

— Я, — с трудом выдавил из себя Андрей, обеими руками вцепившись в край стола.

— Главный редактор «Городской газеты»?

— Да.

Человек в берете умело, но небрежно отковырял двумя пальцами.

— Имею честь, господин Воронин, — высокопарно произнес он, — вручить вам личное послание президента Фридриха Гейгера!

Очевидно, он намеревался ловким движением выхватить личное послание из-за пазухи, но что-то там за что-то зацепилось, и ему пришлось довольно долго копать в недрах своего пальто, слегка перекосившись на правый бок с таким видом, словно его

одолевали насекомые. Андрей смотрел на него обреченно и ничего не понимал — все было как-то не так. Не этого он ожидал. А может быть, пронесет, мелькнуло у него в голове, но он сейчас же суеверно отогнал эту мысль.

Наконец послание было извлечено, и человек в берете протянул его Андрею с недовольным и несколько обиженным видом. Андрей взял хрустнувший запечатанный конверт. Это был обыкновенный почтовый конверт, длинный, голубоватого цвета, со стилизованным изображением сердца, украшенного птичьими крыльшками. Знакомым крупным почерком на конверте было написано: «Главному редактору «Городской газеты» Андрею Воронину лично, конфиденциально. Ф. Гейгер, президент». Андрей надорвал конверт и вытащил обыкновенный листок почтовой бумаги с синим обрезом.

«Милый Андрей! Прежде всего позволь от всего сердца поблагодарить тебя за ту помощь и поддержку, которые я непрерывно чувствовал со стороны твоей газеты на протяжении последних решающих месяцев. Теперь, как видишь, ситуация в корне переменилась. Уверен, что новая терминология и некоторые неизбежные эксцессы не смутят тебя: слова и средства переменились, но цели остались прежними. Бери газету в свои руки — ты назначен ее бессменным и полномочным главным редактором и издателем. Набирай себе сотрудников по собственному выбору, расширяй штат, требуй новые типографские мощности — даю тебе полный карт-бланш. Податель сего письма — младший адъютант Раймонд Цвирик — назначен в твою газету политическим представителем моего управления информации. Мужик он, как ты сам убедишься, невеликого ума, но дело свое знает хорошо и, особенно на первых порах, поможет тебе войти в курс общей политики. В случае возможных конфликтов обращайся, разумеется, непосредственно ко мне. Желаю успеха. Покажем этим слюнтявым либералам, как надо работать. Дружески, твой Фриц».

Андрей прочитал личное и конфиденциальное послание дважды, потом опустил руку с письмом и огляделся. Опять все смотрели на него — бледные, решительные, напряженные. Только Изя сиял, как начищенный самовар, и тайком от окружающих отпуская в пространство воображаемые щелбаны. Младший адъютант (что бы это могло значить, черт побери, слово какое-то знакомое... адъютант, коадъютант... что-то из истории... или из «Трех мушкетеров»), младший адъютант Раймонд Цвирик тоже смотрел на него — смотрел строго, но покровительственно. А у дверей переминались с ноги на ногу и опять же смотрели на него какие-то непонятные типы с карабинами и белыми повязками на рукавах.

— Так... — проговорил Андрей, складывая письмо и пряча его в конверт. Он не знал, с чего начать.

Тогда начал младший адъютант.

— Это ваши сотрудники, господин Воронин? — деловито осведомился он, слегка поведя рукой из стороны в сторону.

— Да, — сказал Андрей.

— Гм... — с сомнением произнес господин Раймонд Цвирик, глядя в упор на Изю, но тут Кэнси вдруг резко спросил его:

— А кто вы, собственно, такой?

Господин Раймонд Цвирик взглянул на него, а затем изумленно повернулся к Андрею. Андрей прокашлялся.

— Господа, — проговорил он. — Позвольте вам представить: господин Цвирик, младший коадъютант...

— Адъютант! — с негодованием поправил Цвирик.

— Что?.. Ах да, адъютант. Не коадъютант, а просто адъютант... (Сельма вдруг ни с того ни с сего прыснула и зажала себе рот ладонью.) Младший адъютант, политический представитель в нашей газете. Отныне.

— Представитель чего? — непримиримо спросил Кэнси.

Андрей полез было снова в конверт, но Цвирик еще более негодующим тоном объявил:

— Политический представитель управления информации!

— Ваши документы! — резко сказал Кэнси.

— Что?! — Закившие глазки господина Цвирика возмущенно замигали.

— Документы, полномочия — есть у вас что-нибудь, кроме вашей дурацкой кобуры?

— Кто это?! — пронзительно вскричал господин Цвирик, снова поворачиваясь к Андрею. — Кто этот человек?!

— Это господин Кэнси Убуката, — торопливо сказал Андрей. — Заместитель главного редактора... Кэнси, не надо никаких полномочий. Он же передал мне письмо от Фрица...

— Какого еще Фрица? — сказал Кэнси брезгливо. — При чем здесь какой-то Фриц?

— Резких движений! — воззвал Изя. — Умоляю вас, не делайте резких движений!

Цвирик вертел головой между Изей и Кэнси. Лицо его уже больше не лоснилось, оно медленно заливалось багровым.

— Я вижу, господин Воронин, — произнес он наконец, — ваши сотрудники не очень хорошо представляют себе, что именно произошло сегодня!.. Или наоборот! — Он все возвышал голос. — Представляют, но в каком-то странном, извращенном свете! Я вижу здесь горелую бумагу, я вижу угрюмые лица, и я не вижу никакой готовности приступить к работе. В час, когда весь Город, весь наш народ...

— А это кто? — перебил его Кэнси, указывая на типов с карабинами. — Это что, новые сотрудники?

— Представьте себе — да! Господин БЫВШИЙ заместитель главного редактора! Это новые сотрудники. Я не могу вам обещать, что они...

— Это мы еще посмотрим, — незнакомым скрипучим голосом произнес Кэнси и шагнул к Цвирику. — На каком основании...

— Кэнси! — сказал Андрей беспомощно.

— На каком основании вы здесь испаряетесь? — продолжал Кэнси, не обращая на Андрея никакого внимания. — Кто вы такой? Как вы смеете так себя вести? Почему вы не предъявляете документы? Вы просто вооруженные бандиты, которые проникли сюда с целью ограбления!..

— Заткнись, желтожопый! — дико завопил вдруг Цвирик, хватаясь за кобуру.

Андрей качнулся вперед, чтобы стать между ними, но тут его сильно толкнули в плечо, и перед Цвириком оказалась Сельма.

— Как ты смеешь выражаться при женщинах, сволочь! — заорала она. — Зараза ты толстожопая! Бандюга!

Андрей совсем потерялся. Разом ужасно закричали и Цвирик, и Кэнси, и Сельма. Мельком Андрей заметил, что типы в дверях, неуверенно переглядываясь, стали брать карабины наизготовку, а возле них вдруг оказался Денни Ли, держа за ножку тяжелый редакторский табурет с железным сиденьем, но страшнее и невероятнее всех была шлюшка Амалия, которая, как-то хищно сгорбившись и выставив длинные белые зубы, очень жуткие на осунувшемся, как у мертвой, лице, крадучись подбиралась к Цвирику, заноса над своим правым плечом, словно клюшку для гольфа, дымящуюся кочергу... «Я тебя, сук-киного сына, запомнил! — неистово кричал Кэнси. — Ты деньги для школ разворовывал, стервец, а теперь в коадьюторы вылез?!» — «Я вас всех с дерьмом смешаю! Дерьмо у меня будете жрать! Враги человечества!..» — «Молчи, б...ская харя! Молчи, пока цел!..» — «Резких движений! Умоляю!..» Андрей, как зачарованный, не в силах пошевелиться, следил за вздымающейся кочергой. Он чувствовал, он знал, что сейчас произойдет ужасное и непоправимое, и это ужасное уже не остановить.

— На фонарь вас! — налившись кровью, дико вопил младший адьютор, размахивая огромным автоматическим пистолетом. За всем этим гамом и шумом он успел как-то

вытащить свой пистолет и теперь бестолково им размахивал и беспрерывно пронзительно орал, и тут Кэнси подскочил к нему, схватил за отвороты пальто, а он стал отпихиваться обеими руками, и вдруг грянул выстрел и сразу же другой и третий. Бесшумно мелькнула в воздухе кочерга, и все замерли.

Цвирик один стоял посредине кабинета, лицо его из багрового быстро делалось серым. Одной рукой он потирал ушибленное кочергой плечо, другая, трясущаяся, все еще была вытянута вперед. Пистолет валялся на полу. Типы в дверях, одинаково разинув рты, стояли с опущенными карабинами.

— Я не хотел... — дребезжащим голосом произнес Цвирик.

Громко ударился об пол выпавший из руки Денни табурет, и только тогда Андрей понял, куда все смотрят. Все смотрели на Кэнси, который как-то странно, медленно-медленно, закидывался назад, прижимая обе ладони к нижней части груди.

— Я не хотел... — повторял Цвирик плачущим голосом. — Видит бог, я не хотел!..

Ноги у Кэнси подломились, и он мягко, почти беззвучно повалился около камина в кучу пепла и золы и, издавши невнятный мучительный звук, с трудом подтянул колени к животу.

И тогда Сельма, страшно вскрикнув, впилась ногтями в толстое, лоснящееся, грязно-белое лицо Цвирика, а все остальные с топотом кинулись к лежащему, заслонили его, сгрудились над ним, а потом Изя выпрямился, повернул к Андрею неестественно перекошенное, с удивленно задранными бровями лицо и пробормотал:

— Мертвый... Убит...

Грянул телефонный звонок. Ничего не соображая, Андрей, как во сне, протянул руку и взял трубку.

— Андрей? Андрей! — Это был Отто Фрижа. — Ты жив-здоров? Слава богу, я так за тебя беспокоился! Ну, теперь все будет хорошо. Теперь Фриц, если что, нас в обиду не даст...

Он говорил еще что-то — про колбасу, про масло, — Андрей больше его не слушал.

Сельма, сидя на корточках и обхватив голову руками, плакала навзрыд, а младший адъютант Раймонд Цвирик, размазывая по серым щекам кровь из сочащихся глубоких царапин, все повторял и повторял, как испорченный механизм:

— Я не хотел... Клянусь богом, я не хотел...

Часть четвертая. Господин советник

Глава первая

Вода лилась тепловатая и гнусная на вкус. Воронка душа была расположена неестественно высоко, рукой не достать, и вялые струи поливали все что угодно, только не то, что нужно. Сток, по обыкновению, забило, и под ногами поверх решетки хлопало. И вообще было отвратительно, что приходится ждать. Андрей прислушался: в раздевалке все еще бубнили и галдели. Кажется, поминалось его имя. Андрей скривился и принялся двигать спиной, стараясь поймать струю на хребет, — поскользнулся, схватился за шершавую бетонную стенку, выругался вполголоса. Черт бы их всех драл, могли бы все-таки догадаться — устроить отдельную душевую для правительственных сотрудников. Торчи тут теперь, как корень...

На двери перед самым носом было нацарапано: «Посмотри направо». Андрей машинально посмотрел направо. Там было нацарапано: «Посмотри назад». Андрей спохватился. Знаем, знаем, в школе еще учили, сами писали... Он выключил воду. В раздевалке было тихо. Тогда он осторожно приоткрыл дверь и выглянул. Слава богу, ушли...

Он вышел, ковыляя по грязноватому кафелю и брезгливо поджимая пальцы, и направился к своей одежде. Краем глаза он уловил какое-то движение в углу, покосился и обнаружил чьи-то заросшие черным волосом тощие ягодицы. Так и есть, обычная картина: стоит голый коленками на скамейке и глазеет в щель, где женская раздевалка. Аж заоченел весь от внимательности.

Андрей взял полотенце и стал вытираться. Полотенце было дешевенькое, казенное, пропахшее карболкой, воду оно не то чтобы впитывало, а как бы размазывало по коже.

Голый все глазел. Поза у него была неестественная, как у висельника, — дыру в стене провертел, видимо, подросток, низко и неудобно. Потом ему там смотреть стало, вероятно, не на что. Он шумно перевел дух, сел, спустив ноги, и увидел Андрея.

— Оделась, — сообщил он. — Красивая женщина.

Андрей промолчал. Он натянул брюки и принялся обуваться.

— Опять мозоль сорвал — пожалуйста... — снова сообщил голый, рассматривая свою ладонь. — Который раз уже. — Он развернул полотенце и с сомнением оглядел его с обеих сторон. — Я вот чего не понимаю, — продолжал он, вытирая голову. — Неужели нельзя сюда экскаватор пригнать? Ведь всех нас можно одним-единственным экскаватором заменить. Ковыряемся лопатами, как эти...

Андрей пожал плечами и проворчал что-то, самому себе непонятное.

— А? — спросил голый, выставя ухо из полотенца.

— Я говорю, экскаваторов всего два в Городе, — сказал Андрей раздраженно. На правом ботинке лопнул шнурок, и уйти от разговора было теперь невозможно.

— Вот я и говорю — пригнали бы один сюда! — возразил голый, энергично растирая свою цыплячью волосатую грудку. — А то — лопатами... Лопатой, если угодно, надо уметь работать, а откуда, спрашиваю я, нам уметь, если мы из горплана?

— Экскаваторы нужны в другом месте, — проворчал Андрей. Проклятый шнурок никак не завязывался.

— В каком же это другом? — немедленно прицепился голый из горплана. — У нас же здесь, как я понимаю, Великая Стройка. А где же тогда экскаваторы? На Величайшей, что ли? Не слыхал про такую.

На черта ты мне сдался с тобой спорить, подумал Андрей злобно. И чего я, в самом деле, с ним спорю? Соглашаться с ним надо, а не спорить. Поддакнул бы ему пару раз, он бы и отвязался... Нет, не отвязался бы он все равно, о голых бабах бы принялся рассуждать — как ему полезно на них любоваться. Недотыкомка.

— Что вы ноете, в самом деле? — сказал он, выпрямляясь. — Всего-то час в сутки просят вас поработать, а вы уже разнылись, будто вам карандаш в задний проход завинчивают... Мозоль он, видите ли, сорвал! Травма производственная...

Голый человек из горплана ошеломленно смотрел на него, приоткрыв рот. Тощий, волосатый, с подагрическими коленками, с косым брюшком...

— Ведь для себя же! — продолжал Андрей, с ожесточением затягивая галстук. — Ведь не на дядю — на себя самого просят поработать! Нет, опять они недовольны, опять им все неладно. До Поворота, небось, дерьмо возил, а теперь в горплане служит, а все-таки ноет...

Он надел пиджак и принялся скатывать комбинезон. И тут человек из горплана подал наконец голос.

— Позвольте, сударь! — вскричал он обиженно. — Да я же совсем не в том смысле! Я только имел в виду рациональность, эффективность... Странно даже! Я, если угодно, сам мэрию брал!.. Я и говорю вам, что если это Великая Стройка, то все самое лучшее и должно быть сюда... И вы на меня не извольте кричать!..

— А-а, разговаривать тут с вами... — сказал Андрей и, на ходу заворачивая комбинезон в газету, пошел из раздевалки.

Сельма уже ждала его, сидя на скамеечке поодаль. Она задумчиво курила, глядя в сторону котлована, привычно положив ногу на ногу, — свежая и розовая после душа.

Андрея неприятно кольнуло, что этот волосатый недоносок, очень может быть, пускал слюни и глазел в щель именно на нее. Он подошел, остановился рядом и положил ладонь ей на прохладную шею.

— Пойдем?

Она подняла на него глаза, улыбнулась и потерлась щекой о его руку.

— Давай докурим, — предложила она.

— Давай, — согласился он, сел и тоже закурил.

В котловане копошились сотни людей, летела земля с лопат, вспыхивало солнце на отточенном железе. Грузенные грунтом подводы вереницей тянулись по противоположному склону, у штабелей бетонных плит скапливалась очередная смена. Ветер крутил красноватую пыль, доносил обрывки маршей из репродукторов, установленных на цементных столбах, раскачивал огромные фанерные щиты с выцветшими лозунгами: «Гейгер сказал: надо! Город ответил: сделаем!», «Великая Стройка — удар по нелюдям!», «Эксперимент — над экспериментаторами!».

— Отто обещал — сегодня ковры будут, — сказала Сельма.

— Это хорошо, — обрадовался Андрей. — Бери самый большой. Положим в гостиной на полу.

— Я хотела тебе в кабинет. На стену. Помнишь, я еще в прошлом году говорила, как только мы въехали?..

— В кабинет? — задумчиво произнес Андрей. Он представил себе свой кабинет, ковер и оружие. Это выглядело. — Правильно, — сказал он. — Оч хор. Давай в кабинет.

— Только Румеру обязательно позвони, — сказала Сельма. — Пусть даст человека.

— Сама позвони, — сказал Андрей. — Мне некогда будет... А впрочем, ладно, позвоню. Куда тебе его прислать? Домой?

— Нет, прямо на базу. Ты к обеду будешь?

— Буду, наверное. Между прочим, Изя давно напрашивается зайти.

— Ну и очень хорошо! Сегодня же на вечер и зови. Сто лет мы уже не собирались. И Вана надо позвать, вместе с Мэйлинь...

— Умгу, — сказал Андрей. Насчет Вана он как-то не подумал. — А кроме Изи ты из наших кого-нибудь собираешься позвать? — спросил он осторожно.

— Из наших? Полковника можно позвать... — нерешительно проговорила Сельма. — Он славный... Вообще, если кого-нибудь и звать сегодня из наших, то в первую очередь Дольфюсов. Мы у них уже два раза были, неудобно.

— Если бы без жены... — сказал Андрей.

— Без жены невозможно.

— Знаешь что, — сказал Андрей, — ты им пока не звони, а вечером посмотрим. — Ему было совершенно ясно, что Ван и Дольфюсы никак не сочетаются. — Может, лучше Чачуа позовем?

— Гениально! — сказала Сельма. — Мы его на Дольфюсиху напустим. Всем будет хорошо. — Она бросила окурок. — Пошли?

Из котлована, направляясь к душевой, потянулась, пыля, очередная толпа Великих Строителей — потных, громогласных, регочущих работяг с Литейного.

— Пошли, — сказал Андрей.

По заплеванной песчаной аллейке между двумя рядами жиденьких свежесаживаемых липок они вышли на автобусную остановку, где еще стояли два битком набитых облупленных автобуса. Андрей поглядел на часы: до отправления автобусов оставалось семь минут. Из переднего автобуса раскрасневшиеся бабы выпихивали какого-то пьяного. Пьяный хрипло орал, и бабы тоже орали высокими истеричными голосами.

— С хамами поедем или пешком? — спросил Андрей.

— А у тебя время есть?

— Есть. Пошли, над обрывом пройдемся. Там попрохладней.

Сельма взяла его под руку, они свернули налево, в тень старого пятиэтажного дома, обстроенного лесами, и по мощенной булыжником улочке направились к обрыву.

Район был здесь глухой, заброшенный. Пустые ободранные домишки стояли вкривь и вкось, мостовые проросли травой. До Поворота и сразу после в этих местах было небезопасно появляться не только ночью, но и днем — кругом здесь были притоны, малины, хавиры, селились здесь самогонщики, скупщики краденого, профессиональные охотники за золотом, проститутки-наводчицы и прочая сволочь. Потом за них взяли: одних выловили и отправили в поселения на болотах — батрачить у фермеров, других — мелкую шпану — просто разогнали кого куда, кое-кого в суматохе поставили к стенке, а все, что нашлось здесь ценного, реквизируют в пользу города. Кварталы опустели. Попервоначально еще ходили здесь патрули, потом их сняли за ненадобностью, а в самое последнее время было всенародно объявлено, что трущобы эти подлежат сносу, а на их месте, вдоль всего обрыва в пределах городской черты, будет разбита парковая полоса — развлекательно-прогулочный комплекс.

Сельма и Андрей обогнули последнюю развалюху и пошли вдоль обрыва по колено в высокой сочной траве. Здесь было прохладно — из пропасти накатывал волнами влажный холодный воздух. Сельма чихнула, и Андрей обнял ее за плечи. Гранитный парапет еще не дотянули до этих мест, и Андрей инстинктивно старался держаться подальше от края обрыва — шагах в пяти-шести.

Над обрывом каждый человек чувствовал себя странно. Причем у всех, по-видимому, возникало здесь одинаковое ощущение, будто мир, если глядеть на него отсюда, явственно делится на две равные половины. К западу — неоглядная сине-зеленая пустота — не море, не небо даже — именно пустота синевато-зеленоватого цвета. Сине-зеленое Ничто. К востоку — неоглядная, вертикально вздымающаяся желтая твердь с узкой полоской уступа, по которому тянулся Город. Желтая Стена. Желтая абсолютная Твердь.

Бесконечная Пустота к западу и бесконечная Твердь к востоку. Понять эти две бесконечности не представлялось никакой возможности. Можно было только привыкнуть. Те, кто привыкнуть не мог или не умел, на обрыв старались не ходить, а поэтому здесь редко кого можно было встретить. Сейчас сюда выходили разве что влюбленные парочки, да и то, главным образом, по ночам. По ночам в пропасти что-то светилось слабым зеленоватым светом, будто там, в бездне, что-то тихо гнило из века в век. На фоне этого свечения черный лохматый край обрыва виден был прекрасно, а трава здесь всюду была на удивление высокая и мягкая...

— А вот когда мы построим дирижабли, — сказала вдруг Сельма, — мы тогда как — подниматься будем вверх или опускаться в этот обрыв?

— Какие дирижабли? — рассеянно спросил Андрей.

— Как — какие? — удивилась Сельма, и Андрей спохватился.

— А, аэростаты! — сказал он. — Вниз. Вниз, конечно. В обрыв.

Среди большинства горожан, ежедневно отрабатывающих свой час на Великой Стройке, было распространено мнение, будто строится гигантский завод дирижаблей. Гейгер полагал, что такое мнение следует пока всячески поддерживать, ничего при этом, однако, прямо не утверждая.

— А почему вниз? — спросила Сельма.

— Ну, видишь ли... Мы пробовали поднимать воздушные шары — без людей, конечно. Что-то там с ними наверху происходит — они взрываются по непонятной причине. Выше километра еще ни один не поднялся.

— А что там, внизу, может быть? Как ты думаешь?

Андрей пожал плечами.

— Представления не имею.

— Эх ты, ученый! Господин советник.

Сельма подобрала в траве обломок какой-то старой доски с кривым ржавым гвоздем и швырнула в пропасть.

— По кумполу там кому-нибудь, — сказала она.

— Не хулигань, — сказал Андрей миролюбиво.

— А я такая, — сказала Сельма. — Забыл?

Андрей посмотрел на нее сверху вниз.

— Нет, не забыл, — сказал он. — Хочешь, в траву завалю сейчас?

— Хочу, — сказала Сельма.

Андрей огляделся. На крыше ближайшей развалюхи, свесив ноги, курили двое каких-то в кепках. Тут же рядом, покосившись на груде мусора, стояла грубо сколоченная тренога с чугунной бабой на корявой цепи.

— Глазуют, — сказал он. — Жаль. Я бы тебе показал, госпожа советница.

— Давай вали ее, чего время теряешь! — пронзительно крикнули с крыши. — Лопух молодой!..

Андрей притворился, что не слышит.

— Ты сейчас прямо домой? — спросил он.

Сельма посмотрела на часы.

— В парикмахерскую надо зайти, — сказала она.

У Андрея вдруг появилось незнакомое будоражащее ощущение. Он вдруг как-то очень явственно осознал, что вот он — советник, ответственный работник личной канцелярии президента, уважаемый человек, что у него есть жена, красивая женщина, и дом — богатый, полная чаша, — и что вот жена его идет сейчас в парикмахерскую, потому что вечером они будут принимать гостей, не пьянствовать беспорядочно, а держать солидный прием, и гости будут не кто-нибудь, а люди все солидные, значительные, нужные, самые нужные в Городе. Это было ощущение неожиданно осознанной зрелости, собственной значимости, ответственности, что ли. Он был взрослым человеком, вполне определившимся, самостоятельным, семейным. Он был зрелый мужчина, твердо стоящий на собственных ногах. Не хватало только детей — все остальное у него было как у настоящих взрослых...

— Здравия желаю, господин советник! — произнес почтительный голос.

Оказывается, они уже вышли из заброшенного квартала. Слева потянулся гранитный парапет, под ноги легли узорные бетонные плиты, справа и впереди поднялась белесая громада Стекланного Дома, а на пути стоял, вытянувшись и приложив два пальца к козырьку форменной фуражки, молодой опрятный негр-полицейский в голубоватой форме внешней охраны.

Андрей рассеянно кивнул ему и сказал Сельме:

— Извини, ты что-то говорила, я задумался...

— Я говорю: не забудь позвонить Румеру. Мне ведь теперь человек понадобится не только для ковра. Вина надо принести, водки... Полковник любит виски, а Дольфюс — пиво... Я возьму, пожалуй, сразу ящик...

— Да! Пусть в сортире плафон сменяют! — сказал Андрей. — А ты сделай мясо по-бургундски. Амалию тебе прислать?..

Они расстались у поперечной дорожки, ведущей к Стекланному Дому. Сельма пошла дальше, а Андрей, проводив ее (с удовольствием) глазами, свернул и направился к западному подъезду.

Обширная, выложенная бетонными плитами площадь вокруг здания была пуста, лишь кое-где виднелись голубые мундиры охраны. Под густыми деревьями, окаймлявшими площадь, торчали, как всегда, зеваки из новичков — жадно ели глазами местилище власти, — а пенсионеры с тросточками давали им пояснения.

У подъезда стоял уже драндулет Дольфюса, капот был, как всегда, поднят, из двигателя выпячивалась затянута в сверкающий хром нижняя часть шофера. И тут же смердел грязный, прямо с болот, грузовик фермерского вида — над бортами неопратно

торчали красно-синие конечности какой-то ободранной говядины. Над говядиной вились мухи. Хозяин грузовика, фермер, ругался в дверях с охраной. Ругались они, видимо, довольно давно: уже дежурный начальник охраны был здесь и трое полицейских, и еще двое неторопливо приближались, поднимаясь по широким ступеням с площади.

Фермер показался Андрею знакомым — длинный, как жердь, тощий мужик с обвисшими усами. От него пахло потом, бензином и перегаром. Андрей показал свой пропуск и прошел в вестибюль, успевши уловить, однако, что мужик требовал лично президента Гейгера, а охрана внушала ему, что здесь служебный вход и что ему, мужику, надлежит обогнуть здание и попытаться счастья в бюро приемной. Голоса спорящих постепенно возвышались.

Андрей поднялся в лифте на пятый этаж и вступил в дверь, на которой красовалась черно-золотая надпись: «Личная канцелярия президента по вопросам науки и техники». Сидевшие у входа курьеры встали, когда он вошел, и одинаковым движением спрятали за спины дымящиеся окурки. Больше в белом широком коридоре никого не было видно, однако из-за дверей, совсем как когда-то в редакции, доносились телефонные звонки, деловые диктующие голоса, треск пишущих машинок. Канцелярия работала на полном ходу. Андрей распахнул дверь с табличкой «Советник А. Воронин» и вступил в свою приемную.

Здесь тоже поднялись ему навстречу: толстый, вечно потеющий начальник геодезического сектора Кехада; апатичный, скорбный видом, белоглазый заведующий отделом кадров Варейкис; вертлявая стареющая тетка из финансового управления и какой-то незнакомый мальчишка спортивного вида — надо думать, новичок, ожидающий представления. А из-за своего столика с машинкой у окна проворно поднялась, улыбаясь ему, его личный секретарь Амалия.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа, — громко сказал Андрей, изображая самую благодушную улыбку. — Прошу прощения! Проклятые автобусы набиты битком, пришлось пешкодралить от самой стройки...

Он принялся пожимать руки: потную лапищу Кехады, вялый плавник Варейкиса, горсть сухих костей финансовой тетки (Какого черта она ко мне приперлась? Что ей тут могло понадобиться?) и чугунную лопату насупившегося новичка.

— Я думаю, даму мы пропустим вперед... — говорил он. — Мадам, прошу вас... — Это финансовой тетке. — Что-нибудь срочное есть? — Это вполголоса Амалии. — Благодарю вас... — Он взял протянутую телефонограмму и распахнул дверь в кабинет. — Прошу, мадам, прошу...

На ходу разворачивая телефонограмму, он прошел к столу, глядя в бумагу, показал тетке рукой на кресло, потом сел сам и положил телефонограмму перед собой.

— Слушаю вас.

Тетка затарахтела. Андрей, улыбаясь уголками губ, внимательно ее слушал, постукивая карандашиком по телефонограмме. Все было ему ясно с первых же слов.

— Простите, — прервал он ее через полторы минуты. — Я вас понял. Собственно, у нас не принято принимать людей по протекции. Однако в вашем случае мы, несомненно, имеем дело с неким исключением. Если ваша дочь действительно настолько интересуется космографией, что занималась ею самостоятельно, еще в школе... Позвоните, прошу вас, моему заведующему кадрами. Я поговорю с ним. — Он встал. — Несомненно, такие амбиции у молодежи надлежит всячески приветствовать и поощрять... — Он проводил ее до двери. — Это вполне в духе нового времени... Не благодарите меня, мадам, я просто выполнил свой долг. Всего наилучшего...

Он вернулся к столу и перечитал телефонограмму: «Президент приглашает г-на советника Воронина в свой кабинет к 14.00». Все. По какому делу? Зачем? Что с собой иметь? Странно... Скорее всего, Фриц просто соскучился и хочет потрепаться. Четырнадцать ноль-ноль — это время обеденного перерыва. Значит, обедаем у президента... Он снял трубку внутреннего телефона.

— Амалия, давайте Кехаду.

Дверь отворилась, и вошел Кехада, ведя за собой за рукав спортивного юнца.

— Хочу представить вам, господин советник, — начал он прямо с порога, — вот этого молодого человека... Дуглас Кетчер... Он — новичок, прибыл всего месяц назад, и ему скучно сидеть на одном месте.

— Ну, — сказал Андрей, засмеявшись, — нам всем скучно сидеть на одном месте. Очень рад, Кетчер. Откуда вы родом? Из какого времени?

— Даллас, штат Техас, — неожиданно глубоким басом проговорил юнец, стеснительно улыбаясь. — Шестьдесят третий год.

— Что-нибудь кончали?

— Нормальный колледж. Потом много ходил с геологами. Разведка нефти.

— Отлично, — сказал Андрей. — Это то, что нам нужно. — Он поиграл карандашом. — Вы, возможно, не знаете этого, Кетчер, но у нас здесь принято спрашивать: почему? Вы бежали? Или вы искали приключений? Или вас заинтересовал Эксперимент?..

Дуглас Кетчер насупился, взял в кулак правой руки большой палец левой, посмотрел в окно.

— Можно сказать, что я бежал, — пробубнил он.

— У них там президента застрелили, — пояснил Кехада, утирая лицо платком. — Прямо у него в городе...

— Ах, вот как! — сказал Андрей понимающе. — Вы каким-то образом попали под подозрение?

Юнец замотал головой, а Кехада сказал:

— Нет, не в этом дело. Это длинная история. Они возлагали на этого президента большие надежды, он был у них кумиром... словом — психология.

— Проклятая страна, — изрек юнец. — Ничто им не поможет.

— Так-так, — сказал Андрей, сочувственно кивая. — Но вы знаете, что Эксперимент мы больше не признаем?

Юнец пожал могучими плечами.

— Мне это все равно. Мне здесь нравится. Только я не люблю сидеть на одном месте. В городе мне скучновато. А мистер Кехада предложил мне пойти в экспедицию...

— Я хочу послать его для начала в группу Сона, — сказал Кехада. — Парень он крепкий, кое-какой опыт у него есть, а найти людей для работы в джунглях вы знаете, как трудно.

— Ну что ж, — сказал Андрей. — Я очень рад, Кетчер. Вы мне нравитесь. Надеюсь, так будет и впредь.

Кетчер неловко кивнул и поднялся. Кехада тоже встал, отдуваясь.

— Еще одно, — сказал Андрей, поднимая палец. — Хочу предупредить вас, Кетчер, Город и Стекланный Дом заинтересованы в том, чтобы вы учились. Нам не нужны простые исполнители, их у нас хватает. Мы нуждаемся в подготовленных кадрах. Уверен, что из вас может получиться отличный инженер-нефтяник... Как у него с индексом, Кехада?

— Восемьдесят семь, — сказал Кехада, ухмыляясь.

— Ну вот видите... У меня есть все основания быть уверенным в вас.

— Постараюсь, — буркнул Дуглас Кетчер и посмотрел на Кехаду.

— У нас все, — сказал Кехада.

— У меня тоже все, — сказал Андрей. — Всего наилучшего... И запустите ко мне Варейкиса.

Как обычно, Варейкис не вошел, а вдвинулся в кабинет по частям, то и дело оглядываясь в щель приоткрытой двери. Потом он плотно закрыл дверь, неслышно подковылял к столу и сел. Скорбь на его лице обозначилась яснее, углы губ совсем опустились.

— Чтобы не забыть, — сказал Андрей. — Тут была эта баба из финансового управления...

— Знаю, — тихо сказал Варейкис. — Дочка.

— Да. Так вот, я не возражаю.

— К Кехаде, — не то спросил, не то приговорил Варейкис.

— Нет, думаю, лучше к расчетчикам.

— Хорошо, — сказал Варейкис и вытащил из внутреннего кармана пиджака блокнот. — Инструкция ноль-семнадцать, — сказал он совсем тихо.

— Да?

— Закончен очередной конкурс, — так же тихо сказал Варейкис. — Выявлено восемь сотрудников с индексом интеллигентности ниже положенных семидесяти пяти.

— Почему семидесяти пяти? По инструкции предельный индекс шестьдесят семь.

— Согласно разъяснению личной канцелярии президента по кадрам, — губы Варейкиса едва шевелились, — предельный индекс интеллигентности для сотрудников личной канцелярии президента по науке и технике составляет шестьдесят пять.

— Ах, вот как... — Андрей почесал темя. — Гм... Ну что ж, это логично.

— Кроме того, — продолжал Варейкис, — пятеро из этих восьми не дотягивают и до шестидесяти семи. Вот список.

Андрей взял список, просмотрел. Полузнакомые имена и фамилии, двое мужчин и шестеро женщин...

— Позвольте, — сказал он, нахмурившись. — Амалия Торн... Это же моя Амалия! Что еще за фокусы?

— Пятьдесят восемь, — сказал Варейкис.

— А в прошлый раз?

— В прошлый раз меня здесь еще не было.

— Она же секретарь! — сказал Андрей. — Мой. Мой личный секретарь!

Варейкис уныло молчал. Андрей еще раз проглядел список. Рашидов... Это, кажется, геодезист... Кто-то его хвалил. Или ругал?.. Татьяна Постник. Оператор. А, это такая с кудряшками, милая такая мордашка, что-то у нее с Кехадой было... хотя нет, это другая...

— Ладно, — сказал он. — С этим я разберусь, и мы еще поговорим. Хорошо, если бы вы по своей линии запросили разъяснений по поводу таких должностей, как секретарша, оператор... по поводу вспомогательного персонала. Не можем же мы предъявлять к ним такие же требования, как к научным сотрудникам. В конце концов, у нас и курьеры числятся...

— Слушаю, — сказал Варейкис.

— Что-нибудь еще? — спросил Андрей.

— Да. Инструкция ноль-ноль-три.

Андрей сморщился.

— Не помню.

— Пропаганда Эксперимента.

— А, — сказал Андрей. — Ну?

— Имеют место систематические сигналы по поводу следующих лиц.

Варейкис положил перед Андреем еще один листок бумаги. В списке было всего три фамилии. Все мужчины. Все трое — начальники секторов. Основных. Космографии, социальной психологии и геодезии. Салливен, Бутц и Кехада. Андрей побарабанил пальцами по списку. Экая напасть, подумал он. Опять двадцать пять за рыбу деньги. Впрочем, спокойствие. Не будем зарываться. Эту дубину все равно ничем не прошибешь, а мне с ним еще работать и работать...

— Неприятно, — произнес он. — Очень неприятно. Полагаю, информация проверена? Ошибок нет?

— Перекрестная и неоднократно подтвердившаяся информация, — бесцветным голосом сказал Варейкис. — Салливен утверждает, что Эксперимент над Городом

продолжается. По его словам, Стекланный Дом, пусть даже помимо своей воли, продолжает осуществлять линию Эксперимента. Утверждает, что Поворот есть всего лишь один из этапов Эксперимента...

Святые слова, подумал Андрей. Изя то же самое говорит, и Фрицу это очень не нравится. Только Изе разрешается, а Саллиvenu, бедняге, нельзя.

— Кехада, — продолжал Варейкис. — При подчиненных восхищается научно-технической мощью гипотетических экспериментаторов. Принижает ценность деятельности президента и президентского совета. Дважды уподоблял эту деятельность мышшиной возне в картонной коробке из-под обуви...

Андрей слушал, опустив глаза. Лицо он держал каменным.

— Наконец, Бутц. Неприязненно отзывается лично о президенте. В нетрезвом виде назвал существующее политическое устройство диктатурой посредственностей над кретинами.

Андрей не удержался — крикнул. Черт их за язык тянет, с раздражением подумал он, отталкивая от себя листок. Элита называется — сами себе на голову гадят...

— И все-то вы знаете, — сказал он Варейкису. — И все-то вам известно...

Не надо было этого говорить. Глупо. Варейкис, не мигая, скорбно глядел ему в лицо.

— Прекрасно работаете, Варейкис, — сказал Андрей. — Я за вами как за каменной стеной... Полагаю, эта информация, — он постучал ногтем по листку, — уже переправлена по обычным каналам?

— Будет переправлена сегодня, — сказал Варейкис. — Я был обязан предварительно поставить в известность вас.

— Прекрасно, — бодро сказал Андрей. — Переправляйте. — Он сколол булавкой оба листочка и положил их в синий бьювар с надписью «На доклад президенту». — Посмотрим, что решит по этому поводу наш Румер...

— Поскольку информация такого рода поступает не впервые, — сказал Варейкис, — я полагаю, что господин Румер будет рекомендовать снять этих людей с ведущих постов.

Андрей посмотрел на Варейкиса, стараясь сфокусировать глаза где-то подальше за его спиной.

— Вчера я был на просмотре новой картины, — сказал он. — «Голые и боссы». Мы ее одобрили, так что скоро она пойдет широким экраном. Очень, очень советую вам ее посмотреть. Там, знаете ли, так...

Он принялся неторопливо и подробно излагать Варейкису содержание этой чудовищной пошлятины, которая, впрочем, действительно очень понравилась Фрицу, да и не ему одному. Варейкис молча слушал, время от времени кивая в самых неожиданных местах — как бы спохватываясь. Лицо его по-прежнему не выражало ничего, кроме уныния и скорби. Видно было, что он уже давно потерял нить и ничегошеньки не понимает. В самый кульминационный момент, когда до Варейкиса явно дошло, что ему придется выслушать все до самого конца, Андрей прервал себя, откровенно зевнул и сказал благодушно:

— Ну и так далее, в том же духе. Обязательно посмотрите... Кстати, какое впечатление произвел на вас молодой Кетчер?

Варейкис заметно встрепнулся.

— Кетчер? Пока у меня такое впечатление, что с ним все в порядке.

— У меня тоже, — сказал Андрей. Он взялся за телефонную трубку. — У вас есть еще что-нибудь ко мне, Варейкис?

Варейкис поднялся.

— Нет, — сказал он. — Больше ничего. Разрешите идти?

Андрей благосклонно покивал ему и сказал в трубку:

— Амалия, кто там еще?

— Эллизауэр, господин советник.

— Какой еще Эллизауэр? — спросил Андрей, наблюдая, как Варейкис осторожно, по частям выдвигается из кабинета.

— Заместитель начальника транспортного отдела. По поводу темы «Аквамарин».

— Пусть подождет. Принесите почту.

Амалия появилась на пороге через минуту, и всю эту минуту Андрей, побряхтывая, растирал себе бицепсы и шевелил поясницей, все приятно ныло после часа усердной работы с лопатой в руках, и он, как всегда, рассеянно думал, какая это, в сущности, хорошая зарядка для человека, ведущего по преимуществу сидячий образ жизни.

Амалия плотно прикрыла за собой дверь и, простучав по паркету высокими каблуками, остановилась рядом с ним, положив на стол папку с корреспонденцией. Он привычно обнял ее узкие твердые бедра, обтянутые прохладным шелком, похлопал по ляжке, а другой рукой открыл папку.

— Ну-с, что тут у нас? — бодро сказал он.

Амалия так и таяла у него под ладонью, она даже дышать перестала. Смешная девка и верная, как пес. И дело знает. Он посмотрел на нее снизу вверх. Как всегда в минуты ласки, лицо у нее сделалось бледное и испуганное, и когда глаза их встретились, она нерешительно положила узкую горячую ладонь ему на шею под ухом. Пальцы у нее дрожали.

— Ну что, малышка? — сказал он ласково. — Есть в этом хламе что-нибудь важное? Или мы с тобой сейчас запрем дверь и переменим позу?

Это у них было такое кодовое обозначение для развлечений в кресле и на ковре. Про Амалию он никогда не мог бы рассказать, какова она в постели. В постели он с ней ни разу не был.

— Тут проект финансовой сметы... — слабым голосом произнесла Амалия. — Потом всякие заявления... Ну, и личные письма, я их не вскрывала.

— И правильно сделала, — сказал Андрей. — Вдруг там от какой-нибудь красотки...

Он отпустил ее, и она слабо вздохнула.

— Посиди, — сказал он. — Не уходи, я быстро.

Он взял первое попавшееся письмо, разорвал конверт, пробежал, сморщился. Оператор Евсеенко сообщал про своего непосредственного шефа Кехаду, что тот «допускает высказывания в адрес руководства и лично господина советника». Андрей знал этого Евсеенко хорошо. Станный на редкость был человек и на редкость неvezучий — несчастный во всех своих начинаниях. В свое время он поразил воображение Андрея, когда хвалил военное время сорок второго года под Ленинградом. «Хорошо тогда было, — говорил он с какой-то даже мечтательностью в голосе. — Живешь, ни о чем не думаешь, а если чего надо — скажешь солдатам, они достанут...» Отвоевался он капитаном и за всю войну убил одного-единственного человека — собственного политрука. Они тогда выходили из окружения, Евсеенко увидел, что политрука взяли немцы и обшаривают ему карманы. Тогда он выпалил в них из-за кустов, убил политрука и убежал. Очень он себя за этот поступок хвалил: они бы его запытали. Ну что с ним, дураком, делать? Шестой донос уже пишет. И ведь не Румеру пишет, не Варейкису, а мне. Забавнейший психологический выверт. Если написать Варейкису или Румеру, Кехаду привлекут. А я Кехаду не трону, все про него знаю, но не трону, потому что ценю и прощаю, это всем известно. Вот и получается, что и гражданский долг вроде бы выполнен, и человека не загубили... Экий урод все-таки, прости господи!..

Андрей смял письмо, выбросил в корзину и взял следующее. Почерк на конверте показался ему знакомым, очень характерный почерк. Обратного адреса не было. Внутри конверта оказался листок бумаги, текст был напечатан на машинке — копия, и не первая, — а внизу была приписка от руки. Андрей прочитал, ничего не понял, перечитал еще раз, похолодел и взглянул на часы. Потом сорвал трубку с белого телефона и набрал номер.

— Советника Румера, срочно! — гаркнул он не своим голосом.

— Советник Румер занят.

— Говорит советник Воронин! Я сказал — срочно!

— Простите, господин советник. Советник Румер у президента...

Андрей швырнул трубку и, отпихнув оторопевшую Амалию, бросился к двери. Уже схватившись за пластмассовую ручку, он понял, что поздно, все равно уже не успеть. Если все это правда, конечно. Если это не идиотский розыгрыш...

Он медленно подошел к окну, взялся за обшитый бархатом поручень и стал смотреть на площадь. Там было пусто, как всегда. Маячили голубые мундиры, в тени под деревьями торчали зеваки, старушка проковыляла, толкая перед собой детскую коляску. Проехал автомобиль. Андрей ждал, вцепившись в поручень.

Амалия подошла к нему сзади, тихонько коснулась плеча.

— Что случилось? — спросила она шепотом.

— Отойди, — сказал он, не оборачиваясь. — Сядь в кресло.

Амалия исчезла. Андрей снова поглядел на часы. На его часах уже прошла лишняя минута. Конечно, подумал он. Не может быть. Идиотский розыгрыш. Или шантаж... И в этот момент из-под деревьев появился и неторопливо двинулся через площадь какой-то человек. Он казался совсем маленьким с этой высоты и с этого расстояния, и Андрей не узнавал его. Он помнил, что тот был худощавый и стройный, а этот выглядел грузным, разбухшим, и только в самую последнюю минуту до Андрея дошло — почему. Он зажмурился и попятился от окна.

На площади грохнуло — гулко и коротко. Дрогнули и задребезжали рамы, и сейчас же где-то внизу с раздражающим дребезгом посыпались стекла. Задавленно вскрикнула Амалия, а на площади внизу завопили истошными голосами...

Отстраняя одной рукой рвущуюся не то к нему, не то к окну Амалию, Андрей заставил себя открыть глаза и смотреть. Там, где был человек, стоял желтоватый столб дыма, и за дымом ничего не было видно. Со всех сторон к этому месту бежали голубые мундиры, а поодаль, под деревьями, быстро росла толпа. Все было кончено.

Андрей, не чувствуя ног, вернулся к столу, сел и снова взял письмо.

«Всем сильным ублюдочного мира сего!

Я ненавижу ложь, но правда ваша еще хуже лжи. Вы превратили Город в благоустроенный хлев, а граждан Города — в сытых свиней. Я не хочу быть сытой свиньей, но я не хочу быть и свинопасом, а третьего в вашем чавкающем мире не дано. В своей правоте вы самодовольны и бездарны, хотя когда-то многие из вас были настоящими людьми. Есть среди вас и мои бывшие друзья, к ним я обращаюсь в первую очередь. Слова не действуют на вас, и я подкрепляю их своей смертью. Может быть, вам станет стыдно, может быть — страшно, а может быть — просто неудобно в вашем хлеву. Это все, на что мне осталось надеяться. Господь да покарает вашу скуку! Это не мои слова, но я под ними с восторгом подписываюсь — Денни Ли».

Все это было напечатано на машинке, под копирку, третья или даже четвертая копия. А ниже шла приписка от руки:

«Милый Воронин, прощай! Я взорвусь сегодня в тринадцать ноль-ноль на площади перед Стеклянным Домом. Если письмо не опоздает, можешь посмотреть, как это произойдет, но не надо мне мешать — будут только лишние жертвы. Твой бывший друг и заведующий отделом писем твоей бывшей газеты — Денни».

Андрей поднял глаза и увидел Амалию.

— Помнишь Денни? — сказал он. — Денни Ли, записками...

Амалия молча кивнула, потом лицо ее вдруг словно скомкало ужасом.

— Не может быть! — сказала она хрипло. — Неправда...

— Взорвался... — сказал Андрей, с трудом шевеля губами. — Динамитом, наверное, обвязался. Под пиджаком.

— Зачем? — сказала Амалия. Она закусил губу, глаза ее налились слезами, слезы побежали по маленькому белому лицу, повисли на подбородке.

— Не понимаю, — сказал Андрей беспомощно. — Ничего не понимаю... — Он бессмысленно уставился в письмо. — Виделись же недавно... Ну, ругались, ну, спорили... — Он снова посмотрел на Амалию. — Может, он приходил ко мне на прием? Может, я его не принял?

Амалия, закрыв лицо руками, трясла головой.

И вдруг Андрей почувствовал злость. Даже не злость, а бешеное раздражение, какое испытал сегодня в раздевалке после душа. Какого дьявола! Какого еще им рожна?! Чего им не хватает, этой швали?.. Идиот! Что он этим доказал? Свиньей он не хочет быть, свинопасом он не хочет быть... Скучно ему! Ну и катись к такой матери со своей скукой!..

— Перестань реветь! — заорал он на Амалию. — Вытри сопли и ступай к себе.

Он отшвырнул от себя бумаги, вскочил и снова подошел к окну.

На площади чернела огромная толпа. В центре этой толпы было пустое серое пространство, оцепленное голубыми мундирами, и там копошились люди в белых халатах. Карета «скорой помощи» надрывно завывала сиреной, пытаясь расчистить себе дорогу...

...Ну и что же ты все-таки доказал? Что не хочешь с нами жить? А зачем это было доказывать и кому? Что ненавидишь нас? Зря. Мы делаем все, что нужно. Мы не виноваты, что они свиньи. Они были свиньями и до нас, и после нас они останутся свиньями. Мы можем только накормить их и одеть, и избавить от животных страданий, а духовных страданий у них сроду не было и быть не может. Что мы — мало сделали для них? Посмотри, каким стал Город. Чистота, порядок, прошлого бардака и в помине нет, жратвы — вволю, тряпок — вволю, скоро и зрелищ будет вволю, дай только срок, — а что им еще нужно?.. А ты, ты что сделал? Вот отскребут сейчас санитары кишки твои от асфальта — вот и все твои дела... А нам работать и работать, целую махину ворочать, потому что все, чего мы пока добились, это только начало, это все еще нужно сохранить, милый мой, а сохранивши — приумножить... Потому что на Земле, может быть, и нет над людьми ни Бога, ни дьявола, а здесь — есть... Демократ ты вонючий, народник-угодник, брат моих братьев...

Но перед глазами у него все стоял Денни, каким он был в последнюю их встречу, месяц или два назад, — усохший весь какой-то, замученный, словно больной, и тайный какой-то ужас прятался в его потухших печальных глазах, — и как он сказал в самом конце беспорядочного и бестолкового спора, уже поднявшись и бросив на серебряное блюдечко смятые бумажки: «Господи, ну чего ты расхвастался передо мной? Живот он кладет на алтарь... Для чего? Людей накормить от пуза! Да разве же это задача? В задрипанной Дании это уже умеют делать много лет. Ладно, пусть я не имею права, как ты выражаешься, распинаться от имени всех. Пусть не все, но мы-то с тобой точно знаем, что людям не это надо, что по-настоящему нового мира так не построишь!..» — «А как же, мать твою туда и сюда, его строить? Как?!» — заорал тогда Андрей, но Денни только махнул рукой и не стал больше разговаривать.

Зазвонил белый телефон. Андрей нехотя вернулся к столу и взял трубку.

— Андрей? Это Гейгер говорит.

— Здравствуй, Фриц.

— Ты его знал?

— Да.

— И что ты об этом думаешь?

— Истерик, — сказал Андрей сквозь зубы. — Слякоть.

Гейгер помолчал.

— Письмо ты получил от него?

— Да.

— Странный человек, — сказал Гейгер. — Ну ладно. Жду тебя к двум.

Андрей положил трубку, и телефон зазвонил снова. На этот раз звонила Сельма. Она была очень встревожена. Слух о взрыве уже докатился до Белого Двора, по дороге, разумеется, исказился до неузнаваемости, и теперь на Белом Дворе царил тихая паника.

— Да цело, цело все, — сказал Андрей. — И я цел, и Гейгер цел, и Стекланный Дом цел... Ты Румеру звонила?

— Какой, к черту, Румер? — возмутилась Сельма. — Я без памяти из салона прибежала — Дольфюсиха туда ворвалась, вся белая, штукатурка сыплется, и вопит, что на Гейгера было покушение и полдома снесло...

— Ну ладно, — сказал Андрей нетерпеливо. — Мне некогда.

— Ты можешь мне сказать, что произошло?

— Один маньяк... — Андрей остановился, спохватившись. — Болван какой-то тащил взрывчатку через площадь и уронил, наверное.

— Это точно не покушение? — настойчиво спросила Сельма.

— Да не знаю я! Румер этим занимается, а я ничего не знаю!

Сельма подышала в трубку.

— Врешь ты все, наверное, господин советник, — сказала она и дала отбой.

Андрей обогнул стол и вернулся к окну. Толпа уже почти рассосалась. Санитаров не было, «скорой помощи» — тоже. Несколько полицейских поливали из брандспойтов пространство вокруг неглубокой выщерблины в бетоне. И ковыляла в обратном направлении старуха, толкая перед собой коляску с младенцем. И все.

Он подошел к двери и выглянул в приемную. Амалия была на своем месте — строгая, с поджатыми губами, совершенно неприступная — пальцы с обычной бешеной скоростью порхают по клавишам, на лице — никаких следов слез, соплей и прочих эмоций. Андрей смотрел на нее с нежностью. Молодец баба, подумал он. Хрен тебе, сказал он Варейкису с огромным злорадством. Я скорее уж тебя отсюда вышибу к чертовой матери... Амалию вдруг заслонили. Андрей поднял глаза. На нечеловеческой высоте над ним искательно маячила сплюснутая с боков физиономия Эллизауэра из транспортного отдела.

— А, — сказал Андрей. — Эллизауэр... Извините, я вас сегодня не приму. Завтра с утра, пожалуйста.

Не говоря ни слова, Эллизауэр переломился пополам в поклоне и исчез. Амалия уже стояла с блокнотом и карандашом наготове.

— Господин советник?

— Зайдите на минутку, — сказал Андрей.

Он вернулся к столу, и сейчас же снова зазвонил белый телефон.

— Воронин? — проговорил гнусавый прокуренный голос. — Румер тебя беспокоит. Ну, как ты там?

— Прекрасно, — сказал Андрей, показывая Амалии рукой: не уходи, мол, я сейчас.

— Жена как?

— Все хорошо, привет тебе передавала. Кстати, пошли к ней сегодня двоих из отдела обслуживания, там по хозяйству надо...

— Двоих? Ладно. Куда?

— Пусть ей позвонят, она скажет. Пусть сейчас прямо и позвонят.

— Ладно, — сказал Румер. — Сделаю. Не сразу, может быть, но сделаю... Я тут, понимаешь, совсем с этим барахлом зашился. Официальную версию знаешь?

— Откуда? — сердито сказал Андрей.

— В общем, так. Несчастный случай со взрывчаткой. При переносе взрывчатых веществ. Во время транспортировки. Подробности выясняются.

— Понял.

— Шел, значит, какой-то работяга-взрывник, ну и нес эту взрывчатку... Или, скажем, ее вез куда-то там... Пьяный.

— Да понял, понял я, — сказал Андрей. — Правильно. Молодец.

— Ага, — сказал Румер. — Ну там, споткнулся он или... В общем, подробности выясняются. Виновные будут наказаны. Информашку сейчас размножат и тебе принесут. Ты только вот что. Письмо ты ведь получил? Кто его у тебя там читал?

— Никто.

— А секретарь?

— Я тебе говорю: никто. Личные письма я всегда вскрываю сам.

— Правильно, — сказал Румер с одобрением. — Это у тебя правильно поставлено. А то у некоторых, понимаешь, такой кабак развели с письмами... Кто попало читает... Значит, у тебя никто не читал. Это хорошо. Ты его спрячь хорошенько, это письмо, — по форме два нуля. Там к тебе сейчас зайдет один мой холуек, так ты ему отдай, ладно?

— Это зачем? — спросил Андрей.

Румер затруднился.

— Да ведь как сказать... — промямлил он. — Может, и пригодится... Ты его вроде бы знал?..

— Кого?

— Ну, этого... — Румер хихикнул. — Работягу этого... со взрывчаткой...

— Знал.

— Ну, по телефону мы с тобой не будем, а этот холуек мой, он задаст тебе пару вопросов, ты уж ему ответь.

— Некогда мне с ним, — сказал Андрей сердито. — Меня Фриц к себе вызвал.

— Да ну, пять минут, — занял Румер, — ну чего тебе стоит, ей-богу... На два вопроса ответить уже не можешь...

— Ну ладно, ладно, — нетерпеливо сказал Андрей. — У тебя все?

— Я ведь его к тебе уже направил, через минуту у тебя будет. Цвирик его фамилия.

Старший адъютант...

— Ну хорошо, хорошо, договорились.

— Два вопроса всего. Не задержит он тебя...

— У тебя все? — снова спросил Андрей.

— Все. Мне тут еще других советников обзвонить надо.

— Ты вот людей к Сельме не забудь направить.

— Да не забуду. Я тут у себя записал. Пока.

Андрей повесил трубку и сказал Амалии:

— Имей в виду, ты ничего не видела и не слышала.

Амалия испуганно взглянула на него и молча ткнула пальцем в сторону окна.

— Вот именно, — сказал Андрей. — Не знаешь никаких имен и не знаешь, что вообще произошло...

Дверь приотворилась, и в кабинет просунулась смутно знакомая бледная физиономия с кислыми глазками.

— Подождите! — резко сказал Андрей. — Я вас вызову.

Физиономия исчезла.

— Поняла? — сказал Андрей. — За окном грохнуло, и больше ты ничего не знаешь. Официальная версия такая: шел пьяный работяга, нес взрывчатку со склада, виновные выясняются. — Он помолчал, раздумывая. — Где я эту харю видел? И фамилия знакомая... Цвирик... Цвирик...

— Зачем же он это сделал? — тихо спросила Амалия. Глаза у нее снова подозрительно увлажнились.

Андрей нахмурился.

— Давай-ка сейчас не будем об этом. Потом. Иди позови сюда этого холуя.

Глава вторая

Когда они уселись за стол, Гейгер сказал Изе:

— Угощайся, мой еврей. Угощайся, мой славный.

— Я не твой еврей, — возразил Изя, наваливая себе на тарелку салат. — Я тебе сто раз уже говорил, что я — свой собственный еврей. Вот твой еврей. — Он ткнул вилкой в сторону Андрея.

— А томатного сока нет? — спросил брюзгливо Андрей, оглядывая стол.

— Хочешь томатного? — спросил Гейгер. — Паркер! Томатный сок господину советнику!

В дверях столовой возник рослый румяный молодец — личный адъютант президента, — малиново позванивая шпорами, приблизился к столу и с легким поклоном поставил перед Андреем запотевший графинчик с томатным соком.

— Спасибо, Паркер, — сказал Андрей. — Ничего, я сам налью.

Гейгер кивнул, и Паркера не стало.

— Дрессировочка! — прошамкал Изя набитым ртом.

— Славный парнишка, — сказал Андрей.

— А вот у Манджуро за обедом водку подают, — сказал Изя.

— Стукач! — сказал ему Гейгер с упреком.

— Почему это? — удивился Изя.

— Если Манджуро в рабочее время жрет водку, я должен его наказать.

— Всех не перестреляешь, — сказал Изя.

— Смертная казнь отменена, — сказал Гейгер. — Впрочем, точно не помню. Надо у Чачуа спросить...

— А что случилось с предшественником Чачуа? — невинно осведомился Изя.

— Это была чистая случайность, — сказал Гейгер. — Перестрелка.

— Между прочим, отличный был работник, — заметил Андрей. — Чачуа свое дело знает, но шеф!.. Это был феноменальный человек.

— Н-да, наломали мы тогда дров... — сказал Гейгер задумчиво. — Молодо-зелено...

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Андрей.

— Еще ничего не кончилось! — возразил Изя. — Откуда вы взяли, что все уже кончилось?

— Ну, пальба-то, во всяком случае, кончилась, — проворчал Андрей.

— Настоящая пальба еще и не начиналась, — объявил Изя. — Слушай, Фриц, на тебя были покушения?

Гейгер нахмурился.

— Что за идиотская мысль? Конечно, нет.

— Будут, — пообещал Изя.

— Спасибо, — сказал Гейгер холодно.

— Будут покушения, — продолжал Изя, — будет взрыв наркомании. Будут сытые бунты. Хиппи уже появились, я о них и не говорю. Будут самоубийства протеста, самосожжения, самовзрывания... Впрочем, они уже есть.

Гейгер и Андрей переглянулись.

— Пожалуйста, — сказал Андрей с досадой. — Уже знает.

— Интересно, откуда? — проговорил Гейгер, рассматривая Изю прищуренными глазами.

— Что я знаю? — спросил Изя быстро. Он положил вилку. — Погодите-ка!.. А! Так, значит, это было самоубийство протеста? То-то я думаю — что за бред собачий? Взрывники какие-то пьяные с динамитом шлятся... Вот оно что! А я, честно говоря, вообразил, что это — попытка покушения... Понятно... А кто это был на самом деле?

— Некто Денни Ли, — сказал Гейгер, помолчав. — Андрей его знал.

— Ли... — задумчиво проговорил Изя, рассеянно растирая по лацкану пиджака брызги майонеза. — Денни Ли... Подожди, он такой тощий... Журналист?

— Ты его тоже знал, — сказал Андрей. — Помнишь, у меня в газете...

— Да-да-да! — воскликнул Изя. — Правильно! Вспомнил.

— Только ради бога, держи язык за зубами, — сказал Гейгер.

Изя с обычной своей окаменевшей улыбкой взялся за бородавку на шее.

— Вот это, значит, кто... — бормотал он. — Понятно... Понятно... Обложился, значит, взрывчаткой и вышел на площадь... Письма, наверное, разослал по всем газетам, чудак... Так-так-так... И что ты теперь намерен предпринять? — обратился он к Гейгеру.

— Я уже предпринял, — сказал Гейгер.

— Ну да, ну да! — нетерпеливо сказал Изя. — Все засекретил, дал официальное вранье, Румера спустил с цепи, — я не об этом. Что ты вообще об этом думаешь? Или ты полагаешь, что это случайность?

— Н-нет. Я не полагаю, что это случайность, — медленно сказал Гейгер.

— Слава богу! — воскликнул Изя.

— А ты что думаешь? — спросил его Андрей.

Изя быстро повернулся к нему.

— А ты?

— Я думаю, что во всяком порядочном обществе должны существовать свои маньяки. Денни был маньяк, это совершенно точно. У него был явный сдвиг на почве философии. И в Городе он, конечно, не один такой...

— А что он говорил? — жадно спросил Изя.

— Он говорил, что ему скучно. Он говорил, что мы не нашли настоящую цель. Он говорил, что вся наша работа по повышению уровня жизни — чепуха и ничего не решает. Он много чего говорил, а сам ничего путного предложить не мог. Маньяк. Истерик.

— А чего бы он все-таки хотел? — спросил Гейгер.

Андрей махнул рукой.

— Обычная народническая чушь. «Вынесет все — и широкую, ясную...»

— Не понимаю, — сказал Гейгер.

— Ну, он полагал, что задача просвещенных людей — поднимать народ до своего просвещенного уровня. Но как за это взяться, он, конечно, не знал.

— И поэтому убил себя?.. — с сомнением сказал Гейгер.

— Я же тебе говорю — маньяк.

— А твое мнение? — спросил Гейгер Изю.

Изя не задумался ни на секунду.

— Если маньяком, — сказал он, — называть человека, который бьется над неразрешимой проблемой, — тогда да, он был маньяк. И ты, — Изя ткнул пальцем в Гейгера, — его не поймешь. Ты относишься к людям, которые берутся только за разрешимые проблемы.

— Положим, — сказал Андрей, — Денни был совершенно уверен, что его проблема разрешима.

Изя отмахнулся от него.

— Вы оба ни черта не понимаете, — объявил он. — Вот вы полагаете себя технократами и элитой. Демократ у вас — слово ругательное. Всяк сверчок да познает приличествующий ему шесток. Вы ужасно презираете широкую массу и ужасно гордитесь этим своим презрением. А на самом деле вы — настоящие, стопроцентные рабы этой массы! Все, что вы ни делаете, вы делаете для массы. Все, над чем вы ломаете голову, все это нужно в первую очередь именно массе. Вы живете для массы. Если бы масса исчезла, вы потеряли бы смысл жизни. Вы жалкие, убогие прикладники. И именно поэтому из вас никогда не получится маньяков. Ведь все, что нужно широкой массе, раздобыть сравнительно нетрудно. Поэтому все ваши задачи — это задачи, заведомо разрешимые. Вы никогда не поймете людей, которые кончают с собой в знак протеста...

— Почему это мы не пойдем? — с раздражением возразил Андрей. — Что тут, собственно, понимать? Конечно, мы делаем то, чего хочет подавляющее большинство. И мы этому большинству даем или стараемся дать все, кроме птичьего молока, которое, кстати, этому большинству и не требуется. Но всегда есть ничтожное меньшинство, которому нужно именно птичье молоко. Идея-фикс, понимаете ли, у них. Идея-бзик. Подавай им именно птичье молоко! Просто потому, что именно птичьего молока достать нельзя. Вот так и появляются социальные маньяки. Чего тут не понять? Или ты действительно считаешь, что все это быдло можно поднять до элитарного уровня?

— Не обо мне речь, — сказал Изя, ослабляясь. — Я-то себя рабом большинства, сиречь слугой народа, не считаю. Я никогда на него не работал и не считаю себя ему обязанным...

— Хорошо, хорошо, — сказал Гейгер. — Всем известно, что ты сам по себе. Вернемся к нашим самоубийствам. Ты полагаешь, значит, самоубийства будут, какую бы политику мы ни проводили?

— Они будут именно потому, что вы проводите вполне определенную политику! — сказал Изя. — И чем дальше, тем больше, потому что вы отнимаете у людей заботу о хлебе насущном и ничего не даете им взамен. Людям становится тошно и скучно. Поэтому будут самоубийства, наркомания, сексуальные революции, дурацкие бунты из-за выеденного яйца...

— Да что ты несешь! — сказал Андрей с сердцем. — Ты подумай, что ты несешь, экспериментатор ты вшивый! «Перчику ему в жизнь, перчику!» Так, что ли? Искусственные недостатки предлагаешь создавать? Ты подумай, что у тебя получается!..

— Это не у меня получается, — сказал Изя, протягивая через весь стол искалеченную руку, чтобы взять кастрюльку с соусом. — Это у тебя получается. А вот то, что вы взамен ничего не сможете дать, это факт. Великие стройки ваши — чушь. Эксперимент над экспериментаторами — бред, всем на это наплевать... И перестаньте на меня бросаться, я же не в осуждение вам говорю. Просто таково положение вещей. Такова судьба любого народника — рядится ли он в тогу технократа-благодетеля или он тщится утвердить в народе некие идеалы, без которых, по его мнению, народ жить не может... Две стороны одного медяка — орел или решка. В итоге — либо голодный бунт, либо сытый бунт — выбирайте по вкусу. Вы выбрали сытый бунт — и благо вам, чего же на меня-то набрасываться?

— Соус на скатерть не лей, — сердито сказал Гейгер.

— Пardon... — Изя рассеянно растер лужу по скатерти салфеткой. — Это же арифметически ясно, — сказал он. — Пусть недовольные составляют только один процент. Если в городе миллион человек — значит, десять тысяч недовольных. Пусть даже десятая процента — тысяча недовольных. Как начнет эта тысяча шуметь под окнами!.. А потом, заметьте, вполне довольных ведь не бывает. Это только вполне недовольные бывают. А так ведь каждому чего-нибудь да не хватает. Всем он, понимаешь, доволен, а вот автомобиля у него нет. Почему? Он, понимаешь, на Земле привык к автомобилю, а здесь у него нет и, главное, не предвидится... Представляете, сколько таких в Городе?

Изя прервал себя и принялся жадно поедать макароны, обильно заливая их соусом.

— Вкусная у вас жратва, — сказал он. — При моих достоинствах только в Стеклянном Доме и пожрешь по-настоящему...

Андрей посмотрел, как он жрет, фыркнул и налил себе томатного сока. Выпил, закурил сигарету. Вечно у него апокалипсис получается... Семь чаш гнева и семь последних язв...

Быдло есть быдло. Конечно, оно будет бунтовать, на то мы Румера и держим. Правда, бунт сытых — это что-то новенькое, что-то вроде парадокса. На Земле такого, пожалуй, еще не бывало. По крайней мере — при мне. И у классиков ничего об этом не

говорится... А, бунт есть бунт... Эксперимент есть Эксперимент, футбол есть футбол... Тьфу!

Он посмотрел на Гейгера. Фриц, откинувшись в кресле, рассеянно и в то же время старательно ковырял пальцем в зубах, и Андрея вдруг ошеломила простая и страшная в своей простоте мысль: ведь это всего-навсего унтер-офицер вермахта, солдафон, недоучка, десяти порядочных книжек за всю свою жизнь не прочитал, а ведь ему — решать!.. Мне, между прочим, тоже решать, подумал он.

— В нашей ситуации, — сказал он Изе, — у порядочного человека просто нет выбора. Люди голодали, люди были замордованы, испытывали страх и физические мучения — дети, старики, женщины... Это же был наш долг — создать приличные условия существования...

— Ну, правильно, правильно, — сказал Изя. — Я все понимаю. Вами двигали жалость, милосердие и тэ-дэ, и тэ-пэ. Я же не об этом. Жалеть женщин и детей, плачущих от голода, — это нетрудно, это всякий умеет. А вот сумеете вы пожалеть здорового сытого мужика с таким вот, — Изя показал, — половым органом? Изнывающего от скуки мужика? Денни Ли, по-видимому, умел, а вы сумеете? Или сразу его — в нагайки?..

Он замолчал, потому что в столовую вошел румяный Паркер в сопровождении двух хорошеньких девушек в белых передничках. Со стола убрали и подали кофе и сбитые сливки. Изя сейчас же этими сливками вымазался и принялся облизываться, как кот, до ушей.

— И вообще, знаете, что мне кажется? — задумчиво проговорил он. — Как только общество решит какую-нибудь свою проблему, сейчас же перед ним встает новая проблема таких же масштабов... нет, еще больших масштабов. — Он оживился. — Отсюда, между прочим, следует одна интересная штука. В конце концов перед обществом встанут проблемы такой сложности, что разрешить их будет уже не в силах человеческих. И тогда так называемый прогресс остановится.

— Ерунда, — сказал Андрей. — Человечество не ставит перед собой проблем, которые оно не способно решить.

— А я и не говорю о проблемах, которые человечество перед собой ставит, — возразил Изя. — Я говорю о проблемах, которые перед человечеством встают. Сами встают. Проблему голода человечество перед собой не ставило. Оно просто голодало...

— Ну, поехали! — сказал Гейгер. — Хватит. Повело блудословить. Можно подумать, у нас никаких дел нет, только языком трепать.

— А какие у нас дела? — удивился Изя. — У меня, например, сейчас обеденный перерыв...

— Как хочешь, — сказал Гейгер. — Я хотел поговорить о твоей экспедиции. Но можно, конечно, и отложить.

Изя замер с кофейником в руке.

— Позволь, — сказал он строго. — Зачем же откладывать? Откладывать не надо, сколько раз уже откладывали...

— Ну, а чего вы треплетесь? — сказал Гейгер. — Уши вянут вас слушать.

— Это какая экспедиция? — спросил Андрей. — За архивами, что ли?

— Великая экспедиция на Север! — провозгласил Изя, но Гейгер остановил его, подняв большую белую ладонь.

— Это предварительный разговор, — сказал он. — Но решение об экспедиции я уже принял, средства выделены. Транспорт будет готов месяца через три-четыре. А сейчас надо наметить самые общие цели и программу.

— То есть экспедиция будет комплексная? — спросил Андрей.

— Да. Изя получит свои архивы, а ты получишь свои наблюдения солнца и что там еще тебе нужно...

— Слава богу! — сказал Андрей. — Наконец-то.

— Но у вас будет, по крайней мере, еще одна цель, — сказал Гейгер. — Дальняя разведка. Экспедиция должна проникнуть на север очень глубоко. Как можно глубже. Насколько хватит горючего и воды. Поэтому людей в группу надо подобрать специальным образом, с большим пристрастием. Только добровольцев и только самых лучших из добровольцев. Никто толком не знает, что там может быть — на севере. Вполне возможно, что вам придется не только искать бумажки и глядеть в ваши трубы, но и стрелять, садиться в осаду, прорываться и так далее. Поэтому в группе будут военные. Кто и сколько — это мы еще уточним...

— Ох, как можно меньше! — сказал Андрей, морщась. — Знаю я твоих военных, работать же будет невыносимо... — Он с досадой отодвинул чашку. — И вообще я не понимаю. Не понимаю, зачем военные. Не понимаю, какая там может быть перестрелка... Там же пустыня, развалины — откуда перестрелка?

— Там, братец, все может быть, — сказал Изя весело.

— Что значит — все? Может быть, там бесы кишмя кишат, так что же нам — попов прикажешь с собой брать?

— Может быть, мне все-таки дадут высказаться до конца? — спросил Гейгер.

— Высказывайся, — проговорил Андрей расстроено.

Всегда вот так, думал он. Как с обезьяньей лапкой. Уж если и исполнится желание, так с таким привеском, что лучше бы уж и не исполнялось совсем. Ну нет, черта с два. Я эту экспедицию господам офицерам не отдам. Глава экспедиции — Кехада. Глава научной части и всей группы. А иначе идите к чертовой матери, не будет вам никакой космографии, и пусть ваши фельдфебели одним Изей командуют. Экспедиция — научная, значит, во главе — ученый... Тут он вспомнил, что Кехада неблагонадежен, и это воспоминание так его разозлило, что он пропустил часть того, что говорил Гейгер.

— Что-что? — спросил он, встрепенувшись.

— Я тебя спрашиваю: на каком расстоянии от Города может быть конец мира?

— Точнее — начало, — вставил Изя.

Андрей сердито пожал плечами.

— Ты мои докладные, вообще, читаешь? — спросил он у Гейгера.

— Читаю, — сказал Гейгер. — Там у тебя говорится, что при удалении на север солнце будет склоняться к горизонту. Очевидно, что где-то далеко на севере оно сядет на горизонт и вообще скроется из виду. Так вот я тебя и спрашиваю: как далеко до этого места, — ты можешь сказать?

— Не читаешь ты моих докладных, — сказал Андрей. — Если бы ты их читал, ты бы понял, что я всю эту экспедицию затеваю именно для того, чтобы выяснить, где это самое начало мира.

— Это я понял, — терпеливо сказал Гейгер. — Я тебя спрашиваю: приближенно. Хотя бы приближенно можешь ты мне назвать это расстояние? Сколько это — тысяча километров? Сто тысяч? Миллион?.. Мы устанавливаем цель экспедиции, понимаешь? Если эта цель на расстоянии миллион километров, то это уже и не цель. А если...

— Ясно, ясно, — сказал Андрей. — Так бы и говорил. Значит, так... Тут вся трудность в том, что мы не знаем ни кривизны мира, ни расстояния до солнца. Если бы у нас было много наблюдений вдоль всей линии Города — понимаешь? — не нынешнего Города, а от начала до конца, — тогда мы могли бы определить эти величины. Большая дуга нужна, понимаешь? По крайней мере — несколько сотен километров. А у нас весь материал на дуге в пятьдесят километров. Поэтому и точность ничтожная.

— Дай мне самый минимум и самый максимум, — сказал Гейгер.

— Максимум — бесконечность, — сказал Андрей. — Это если мир плоский. А минимум — порядка тысячи километров.

— Дармоеды вы, — сказал Гейгер с отвращением. — Сколько я в вас денег всадил, а толку от вас...

— Ты это брось, — сказал Андрей. — Я у тебя два года добиваюсь экспедиции. Хочешь знать, в каком мире ты живешь, — деньги давай, транспорт давай, людей... Иначе ничего не будет. Нам и всего-то нужна дуга километров в пятьсот. Промерим гравитацию, изменение яркости, изменение по высоте...

— Хорошо, — прервал его Гейгер. — Не будем сейчас об этом говорить. Это детали. Вы только уясните себе, что одна из целей экспедиции — добраться до начала мира. Уяснили?

— Уяснили, — сказал Андрей. — Но зачем это тебе надо — непонятно.

— Я хочу знать, что там есть, — сказал Гейгер. — А там есть что-то. Что-то такое, от чего многое может зависеть.

— Например? — спросил Андрей.

— Например, Антигород.

Андрей фыркнул.

— Антигород... Ты что, до сих пор в него веришь?

Гейгер поднялся и, заложив руки за спину, прошелся по столовой.

— Веришь, не веришь... — сказал он. — Я должен знать точно: существует он или не существует.

— Лично мне, — сказал Андрей, — давным-давно уже стало ясно, что Антигород — это просто выдумка старого руководства...

— Вроде Красного Здания, — тихонько сказал Изя, хихикнув.

Андрей нахмурился.

— Красное Здание здесь ни при чем. Гейгер и сам утверждал, что старое руководство готовило военную диктатуру, ему нужна была угроза извне — вот вам и Антигород.

Гейгер остановился перед ним.

— А почему ты, собственно, так протестуешь против похода до самого конца? Неужели тебе самому несколько не любопытно, что там может быть? Вот дал мне господь советничков!

— Да ничего там нет! — сказал Андрей, несколько, впрочем, потерявшись. — Холодина там, вечная ночь, ледяная пустыня... Обратная сторона Луны, понимаешь?

— Я располагаю другими сведениями, — сказал Гейгер. — Антигород существует. Никакой там ледяной пустыни нет, а если она и есть, то ее можно пройти. Там город, такой же, как у нас, но что там происходит, мы не знаем, и чего они там хотят — мы тоже не знаем. А вот рассказывают, например, что у них там все наоборот. Когда у нас хорошо — у них там плохо... — Он оборвал себя и снова заходил по столовой.

— Господи, — сказал Андрей. — Что за бред?..

Он взглянул на Изю и осекся. Изя сидел, закинув руку за спинку кресла, галстук у него съехал под ухо, а сам он масляно сиял и победно глядел на Андрея.

— Понятно, — сказал Андрей. — Можно узнать, из каких источников у тебя эти сведения? — спросил он Изю.

— Все из тех же, душа моя, — сказал Изя. — История — великая наука. А в нашем городе она умеет особенно много гитик. Ведь чем, кроме всего прочего, хорош наш город? Архивы в нем почему-то не уничтожаются! Войн нет, нашествий нет, что написано пером, не вырубают топором...

— Архивы твои... — сказал Андрей с досадой.

— Не скажи! Вот Фриц не даст соврать — кто уголь нашел? Триста тысяч тонн угля в подземном хранилище! Геологи твои нашли? Нет-с, Кацман нашел. Не выходя из своего кабинетика, заметь...

— Короче говоря, — сказал Гейгер, снова усаживаясь в свое кресло, — наука наукой, архивы архивами, а я хочу знать следующее. Первое. Что у нас в тылу? Можно ли там жить? Что полезного можно оттуда извлечь? Второе. Кто там живет? На всем протяжении: от этого места, — он постучал ногтем в стол, — и до самого конца мира, или

начала, или докуда вы там дойдете... Что это за люди? Люди ли? Почему они там? Как туда попали? Чем живут?.. И третье. Все, что вам удастся выяснить об Антигороде. Это ПОЛИТИЧЕСКАЯ цель, которую я перед вами ставлю. И это — истинная цель экспедиции, Андрей, вот что ты должен понять. Ты поведешь эту экспедицию, выяснишь все, что я сказал, и доложишь результаты мне, здесь, в этой вот комнате.

— Что-что? — сказал Андрей.

— Доложишь. Здесь. Лично.

— Ты хочешь послать туда меня?

— Естественно! А ты как думал?

— Позволь... — Андрей растерялся. — С какой это стати?.. Я вовсе никуда не собирался... У меня дел по горло, на кого я все это брошу?.. Да и не хочу я никуда идти!

— То есть как это — не хочешь? Что же ты мне голову морочил? Если не тебя, кого же я пошлю?

— Господи, — сказал Андрей. — Да кого угодно! Поставь начальником Кехаду... опытнейший разведчик... Или Бутца, например...

Под пристальным взглядом Гейгера он замолчал.

— Давай лучше не будем говорить ни о Кехаде, ни о Бутце, — негромко сказал Гейгер.

Андрей не нашелся что ответить, и наступила неловкая тишина. Потом Гейгер налил себе остывшего кофе.

— В этом городе, — сказал он по-прежнему негромко, — я доверяю буквально двум-трем человекам, не более. Из них возглавить экспедицию можешь только ты. Потому что я уверен: если я попрошу тебя дойти до конца, ты дойдешь до конца. Не повернешь с полдороги и никому не разрешишь повернуть с полдороги. И когда ты потом представишь отчет, я смогу верить этому отчету. Изиному отчету, например, я бы тоже мог поверить, но Изя — ни к черту не годный администратор и совершенно никудышный политик. Понимаешь меня? Поэтому решай. Либо ты возглавляешь эту экспедицию, либо экспедиция вообще не состоится.

Снова наступило молчание. Изя с неловкостью сказал:

— О-хо-хо-хо-хо... Может, мне выйти, администраторы?

— Сиди, — приказал Гейгер, не поворачиваясь к нему. — Вон — жри пирожные.

Андрей лихорадочно соображал. Все бросить. Сельму. Дом. Налаженную спокойную жизнь... На кой черт мне это случилось? Амалию. Тащиться куда-то. Жара. Грязь. Дрянная жратва... Постарел я, что ли? Пару лет назад такое предложение привело бы меня в восторг. А сейчас не хочу. Ну вот совсем не хочу... Изя каждый день — в гомерических порциях. Военные. Солдатня. И ведь пешком же, наверное, всю тысячу километров — пешком, да еще с мешком на плечах, и не с пустым, мать его, мешком... И оружие. Мать честная, там ведь стрелять, может быть, придется!.. На фига мне это случилось — под пулями торчать? На фига козе баян? На хрена волку жилетка — по кустам ее трепать?.. Надо будет дядю Юру взять обязательно — я этим военным ни хрена не верю... Жара, и мозоли, и вонь... А на самом краю — холодина, наверное, проклятушая... Хорошо хоть солнце будет все время в затылок... И Кехаду надо взять, не пойду без Кехады и все — мало ли что ты ему не доверяешь, зато с Кехадой я за научную часть буду спокоен... И столько времени без бабы — это же с ума сойти, я уже так отвык. Но ты мне за это заплатишь. Ты мне штатных единиц, во-первых, в канцелярию подбросишь — в отдел социальной психологии... и в геодезию не мешает... Во-вторых, Варейкису по рукам. И вообще все эти идеологические ограничения — чтобы духу их не было у меня в науке. В других отделах — пожалуйста, это меня не касается... Ведь там же воды нет, елки-палки! Ведь Город почему все время на юг ползет — на севере источники иссякают. Что же, прикажете воду с собой тащить? На тысячу километров?..

— Что же — я воду на горбу с собой потащу? — раздраженно спросил он.

Гейгер изумленно задрал брови.

— Какую воду?

Андрей спохватился.

— В общем ладно, — сказал он. — Только военных я сам подберу, раз уж ты так на них настаиваешь. А то насыешь мне разных болванов... И чтобы единоначалие! — грозно сказал он, подняв палец. — Главный — я!

— Ты, ты, — успокаивающе сказал Гейгер. Он улыбался, откинувшись в кресле. — Ты вообще будешь подбирать всех. Единственного человека я тебе навязываю — Изю. Остальные — твои. О хороших механиках позаботься, врача подбери...

— Кстати, транспорт какой-нибудь будет у меня?

— Будет, — сказал Гейгер. — И транспорт будет настоящий. Такого еще у нас не было. На себе переть ничего не придется, разве что — оружие... Ты не отвлекайся, это все мелочи. Это мы все еще специально обсудим, когда ты подберешь начальников подразделений... Я вот на что хочу обратить ваше внимание. Секретность! Это вы мне, ребята, обеспечьте. Конечно, совсем скрыть такую затею невозможно, значит, придется пустить дезу — за нефтью отправились, например. На двести сороковой километр. Но политические цели экспедиции должны быть известны только вам. Договорились?

— Договорились, — отозвался Андрей озабоченно.

— Изя, это особенно к тебе относится. Слышишь?

— Угу, — сказал Изя с набитым ртом.

— А почему, собственно, такая уж секретность? — спросил Андрей. — Что мы такое собираемся делать, чтобы вокруг этого секретность разводить?

— Не понимаешь? — спросил Гейгер, скривившись.

— Не понимаю, — сказал Андрей. — Совершенно не вижу, что тут такого... угрожающего системе.

— Да не системе, балда! — сказал Гейгер. — Тебе! Тебе это угрожает! Неужели непонятно, что они так же боятся нас, как и мы их?

— Кто — они? Антигорожане твои, что ли?

— Ну естественно! Если мы сообразили послать наконец разведку, почему не предположить, что они сделали это давным-давно? Что в Городе полным-полно их шпионов? Не улыбайся, не улыбайся, дурачок! Это тебе не шутки! Налетишь на засаду — вырежут вас всех, как цыплят...

— Ладно, — сказал Андрей. — Убедил. Молчу.

Некоторое время Гейгер с сомнением его рассматривал, потом сказал:

— Ну хорошо. Значит, цели вы поняли. Насчет секретности — тоже. Значит, собственно, все. Сегодня подпишу приказ о твоём назначении руководителем операции... н-ну, скажем... м-м...

— «Мрак и туман», — подсказал Изя, невинно тараща глаза.

— Что? Нет... Слишком длинно. Скажем... «Зигзаг». Операция «Зигзаг». Хорошо звучит, правда? — Гейгер вытянул из нагрудного кармана блокнотик и что-то записал. — Ты, Андрей, можешь приступить к подготовке. Я имею в виду пока чисто научную часть. Подбирай людей, уточняй свои задачи... оборудование заказывай, снаряжение... Твоим приказам я обеспечу зеленую улицу. Кто у тебя заместитель?

— По канцелярии? Бутц.

Гейгер поморщился.

— Ну ладно, — сказал он. — Пусть будет Бутц. Взваливай на него всю канцелярию, а сам полностью переключайся на операцию «Зигзаг»... И предупреди своего Бутца, чтобы поменьше трепал языком! — гаркнул он вдруг.

— Вот что, — сказал Андрей. — Давай с тобой договоримся...

— К черту, к черту! — сказал Гейгер. — Не желаю я сейчас на эти темы разговаривать. Знаю я, что ты мне хочешь сказать! Но рыба гниет с головы, господин советник, а ты развел у себя в канцелярии... ч-черт!..

— Якобинцев, — подсказал Изя.

— А ты, еврей, молчи! — заорал Гейгер. — Черт бы вас всех подрал, болтунов!.. Сбили меня совсем... О чем я говорил?

— Что ты не желаешь на эти темы разговаривать, — сказал Изя.

Гейгер непонимающе уставился на него, и тогда Андрей сказал нарочито спокойно:

— Я очень прошу тебя, Фриц, оградить моих сотрудников от всяческих идеологических благоглупостей. Я этих людей сам подбирал, и я им верю, и если ты действительно хочешь иметь в Городе науку — оставь их в покое.

— Ну хорошо, хорошо, — проворчал Гейгер. — Не будем сегодня об этом...

— Нет, будем, — кротко сказал Андрей, умиляясь самому себе. — Ты ведь меня знаешь — я целиком за тебя. Пойми, пожалуйста: эти люди не могут не брюзжать. Так уж они устроены. Кто не брюзжит, тот ни черта и не стоит. Пусть брюзжат! За идеологической нравственностью у себя в канцелярии я уж как-нибудь и сам прослежу. Можешь быть спокоен. И скажи, пожалуйста, нашему дорогому Румеру, чтобы он зарубил на своем павианьем носу...

— А можно без ультиматумов? — высокомерно осведомился Фриц.

— Можно, — сказал Андрей совсем уже кротко. — Все можно. Без ультиматумов можно, без науки можно, без экспедиции можно...

Гейгер, шумно дыша через раздутые ноздри, смотрел на него в упор.

— Я не хочу сейчас говорить на эту тему! — сказал он.

И Андрей понял, что на сегодня хватит. Тем более что и в самом деле на такие темы лучше говорить с глазу на глаз.

— Не хочешь, и не надо, — сказал он примирительно. — Просто к слову пришлось. Варейкис меня сегодня достал, понимаешь... Слушай, тут у меня вот какой вопрос. Общее количество груза, который я смогу с собой взять. Хотя бы ориентировочно.

Гейгер еще несколько раз с силой выдохнул воздух через ноздри, потом покосился на Изю и снова откинулся в кресле.

— Рассчитывай тонн на пять, на шесть... может быть, и больше, — сказал он. — Свяжись с Манджуро... Только учти, он хоть и четвертое лицо в государстве, но о настоящих целях экспедиции он не знает ничего. За транспорт отвечает он. Через него узнаешь все подробности.

Андрей кивнул.

— Хорошо. А из военных, ты знаешь, кого я хочу взять? Полковника.

Гейгер встрепенулся.

— Полковника? У тебя губа не дура! А с кем я здесь останусь? На полковнике весь генштаб держится...

— Вот и прекрасно, — сказал Андрей. — Значит, полковник одновременно произведет глубокую рекогносцировку. Лично изучит, так сказать, возможный театр. И отношения у меня с ним налажены... Между прочим, ребята, я сегодня устраиваю небольшую вечеринку. Мясо по-бургундски. Вы как?

На лице Гейгера немедленно появилось выражение озабоченности.

— Гм... Сегодня? Не знаю, дружище, не могу сказать точно... Просто не знаю. Возможно, заскочу на минутку.

Андрей вздохнул.

— Ладно уж. Только если сам не придешь, не присылай, пожалуйста, Румера вместо себя, как в прошлый раз. Я, понимаешь, к себе не президента приглашаю, а Фрица Гейгера. В официальных заместителях не нуждаюсь.

— Ну, посмотрим, посмотрим... — сказал Гейгер. — Еще по чашечке? Время есть. Паркер!

Румяный Паркер возник на пороге, выслушал, наклонив голову с идеальным пробормом, приказ о кофе и сказал деликатным голосом:

— Господина президента ждет у телефона советник Румер.

— Легок на помине... — проворчал Гейгер, поднимаясь. — Простите, ребята, я сейчас.

Он вышел, и тотчас же явились девочки в белых передничках. Они быстро и бесшумно организовали второй круг кофе и исчезли вместе с Паркером.

— Ну а ты-то придешь? — спросил Андрей Изю.

— С удовольствием, — сказал Изя, хлебая кофе с присвистом и причмокиванием. — А кто будет?

— Полковник будет. Дольфюсы будут, Чачуа, может быть... А кто тебе, собственно, нужен?

— Дольфюсика мне, честно говоря, не особенно нужна.

— Ничего, мы на нее Чачуа напустим...

Изя покивал, а потом вдруг сказал:

— А ведь давненько мы не собирались, а?

— Да, брат, дела...

— Врешь, врешь, какие там у тебя дела... Сидишь, коллекцию свою перетираешь... Смотри, не застрелись там случайно... Да! Я тебе, между прочим, пистолетик раздобыл. Настоящий смит-и-вессон, из прерий...

— Честно?!

— Только он ржавый, заржавел весь...

— Не вздумай чистить! — закричал Андрей, подскакивая. — Неси как есть, а то испортишь все, — руки-крюки!.. И не пистолетик это тебе, а револьвер. Где нашел?

— Где надо, там и нашел, — сказал Изя. — Погоди, в экспедиции мы столько найдем — домой не дотащишь...

Андрей поставил чашечку с кофе. Этот аспект экспедиции в голову ему еще не приходил, и он моментально ощутил необычайный подъем, представив себе уникальный набор колец, браунингов, маузеров, наганов, парабеллумов, зауэров, вальтеров... и дальше, в глубь времен: дуэльных лефосе и лепажей... огромных абордажных пистолетов со штыком... великолепных самоделок с Дальнего Запада... всех этих неопишуемых драгоценностей, о которых он и мечтать не решался, читая и перечитывая каталог частного собрания миллионера Бруннера, каким-то чудом занесенный в Город. Футляры, ящики, склады оружия... Может быть, «чешску збройовку» повезет найти, с шалльдампфером... или «астрю-девятьсот»... а может быть, черт побери, и «девятку» — «маузер ноль-восемь», редкость, мечта... Да-а...

— А противотанковые мины ты не собираешь? — спросил Изя. — Или, скажем, кулеврины?

— Нет, — сказал Андрей, радостно улыбаясь. — Я только личное стрелковое оружие...

— А то вот предлагают по случаю базуку, — сказал Изя. — Недорого просят — всего двести тугриков.

— Насчет базуки, братец, иди ты к Румеру, — сказал Андрей.

— Спасибо. У Румера я уже бывал, — сказал Изя, и улыбка его застыла.

А, ч-черт, подумал Андрей с неловкостью, но тут, к счастью, вернулся Гейгер. Он был доволен.

— А ну-ка, налейте чашечку президенту, — сказал он. — О чем вы здесь?..

— О литературе и искусстве, — сказал Изя.

— О литературе? — Гейгер отхлебнул кофе. — Ну-ка, ну-ка! Что именно мои советники говорят о литературе?

— Да треплется он, — сказал Андрей. — О моей коллекции мы говорили, а не о литературе.

— А что это вдруг тебя заинтересовала литература? — спросил Изя, с любопытством глядя на Гейгера. — Такой был всегда практичный президент...

— Потому и заинтересовала, что практичный, — сказал Гейгер. — Считайте, — предложил он и принялся загибать пальцы. — В Городе выходят: два литературных журнала, четыре литературных приложения к газетам, по крайней мере десяток серийных выпусков приключенческой белиберды... вот и все, кажется. И еще полтора десятка названий книг в год. И при этом — ничего сколько-нибудь приличного. Я говорил со сведущими людьми. Ни до Поворота, ни после в Городе не появилось ни одного сколько-нибудь значительного литературного произведения. Одна макулатура. В чем дело?

Андрей и Изя переглянулись. Да, Гейгер всегда умел удивить, ничего не скажешь.

— Что-то я тебя все-таки не понимаю, — сказал Изя Гейгеру. — Какое, собственно, тебе до этого дело? Ищешь писателя, чтобы поручить ему свое жизнеописание?

— А если без шуточек? — терпеливо сказал Гейгер. — В Городе миллион человек. Больше тысячи числятся литераторами. И все бездари. То есть сам я, конечно, не читаю...

— Бездари, бездари, — кивнул Изя. — Правильно тебя информировали. Ни Толстых, ни Достоевских не видно. Ни Львов, ни даже Алексеев...

— А в самом деле, почему? — спросил Андрей.

— Писателей выдающихся — нет, — продолжал Гейгер. — Художников — нет. Композиторов — нет. Этим... скульпторов тоже нет.

— Архитекторов нет, — подхватил Андрей. — Киношников нет...

— Ничего такого нет, — сказал Гейгер. — Миллион человек! Меня это сначала просто удивило, а потом, честно говоря, встревожило.

— Почему? — сейчас же спросил Изя.

Гейгер в нерешительности пожевал губами.

— Трудно объяснить, — признался он. — Сам я, лично, не знаю, зачем все это нужно, но я слышал, что в каждом порядочном обществе все это есть. А раз у нас этого нет, значит, что-то не в порядке... Я рассуждаю так. Ну, хорошо: до Поворота жизнь в Городе была тяжелая, стоял кабак, и было, предположим, не до изящных искусств. Но вот жизнь в общем налаживается...

— Нет, — перебил его Андрей задумчиво. — Это здесь ни при чем. Насколько я знаю, лучшие мастера мира работали как раз в обстановке ужасных кабаков. Тут нет никакой закономерности. Мастер мог быть нищим, сумасшедшим, пьяницей, а мог быть и вполне обеспеченным, даже богатым человеком, как Тургенев, например... Не знаю.

— Во всяком случае, — сказал Изя Гейгеру, — если ты собираешься, например, резко повысить уровень жизни своих литераторов...

— Да! Например! — Гейгер снова отхлебнул кофе и, облизывая губы, стал смотреть на Изю прищуренными глазами.

— Ничего из этого не выйдет, — сказал Изя с каким-то удовлетворением. — И не надейся!

— Погодите, — сказал Андрей. — А может быть, талантливые творческие люди просто не попадают в Город? Не соглашаются сюда идти?

— Или, скажем, им не предлагают, — сказал Изя.

— Бросьте, — сказал Гейгер. — Пятьдесят процентов населения Города — молодежь. На Земле они были никто. Как можно было определить, творческие они или нет?

— А может быть, как раз и можно определить, — сказал Изя.

— Пусть так, — сказал Гейгер. — В Городе несколько десятков тысяч человек, которые родились и выросли здесь. Как с ними? Или талант — это обязательно наследственное?

— Вообще-то, действительно, странно, — сказал Андрей. — Инженеры в Городе есть прекрасные. Ученые — очень неплохие. Может быть, не Менделеевы, но на крепком мировом уровне. Взять того же Бутца... Талантливых людей пропасть — изобретатели, администраторы, ремесленники... вообще всякие прикладники...

— То-то и оно, — сказал Гейгер. — Это-то меня и удивляет.

— Слушай, Фриц, — сказал Изя. — Ну зачем тебе лишние хлопоты? Ну, появятся у тебя талантливые писатели, ну, начнут они тебя костерить в своих гениальных произведениях — и тебя, и твои порядки, и твоих советников... И пойдут у тебя самые неприятные неприятности. Сначала ты будешь их уговаривать, потом начнешь грозить, потом придется тебе их сажать...

— Да почему это они будут меня обязательно костерить? — возмутился Гейгер. — А может быть, наоборот, — воспевать?

— Нет, — сказал Изя. — Воспевать они не станут. Тебе же Андрей сегодня объяснил насчет ученых. Так вот, великие писатели тоже всегда брюзжат. Это их нормальное состояние, потому что они — это больная совесть общества, о которой само общество, может быть, даже и не подозревает. А поскольку символом общества являешься в данном случае ты, тебе в первую очередь и накидают банок... — Изя хихикнул. — Воображаю, как они расправятся с твоим Румером!

Гейгер пожал плечом.

— Конечно, если у Румера есть недостатки, настоящий писатель обязан их изобразить. На то он и писатель, чтобы врачевать язвы...

— Сроду писатели не врачевали никаких язв, — возразил Изя. — Больная совесть просто болит, и все...

— В конце концов, не в этом дело, — прервал его Гейгер. — Ты мне прямо ответь: нынешнее положение ты считаешь нормальным или нет?

— А что считать за норму? — спросил Изя. — Можно считать нормальным положение на Земле?

— Понес, понес! — сказал Андрей, сморщившись. — Тебя же просто спрашивают: может существовать общество без творческих талантов? Правильно я понял, Фриц?

— Я даже спрошу точнее, — сказал Гейгер. — Нормально ли, чтобы миллион человек — все равно, здесь или на Земле — за десятки лет не дал ни одного творческого таланта?

Изя молчал, рассеянно теребя свою бородавку, а Андрей сказал:

— Если судить, скажем, по Древней Греции, то очень ненормально.

— Тогда в чем же дело? — спросил Гейгер.

— Эксперимент есть Эксперимент, — сказал Изя. — Но если судить, например, по монголам, то у нас все в порядке.

— Что ты хочешь этим сказать? — подозрительно спросил Гейгер.

— Ничего особенного, — удивился Изя. — Просто их тоже миллион, а может быть, даже и больше. Можно привести в пример еще, скажем, корейцев... почти любую арабскую страну...

— Ты еще возьми цыган, — сказал Гейгер недовольно.

Андрей оживился.

— А кстати, ребята, — сказал он. — А цыгане в Городе есть?

— Провалиться вам! — сердито сказал Гейгер. — Совершенно невозможно с вами серьезно разговаривать...

Он хотел добавить еще что-то, но тут на пороге возник румяный Паркер, и Гейгер сейчас же посмотрел на часы.

— Ну, все, — сказал он, поднимаясь. — Понеслась!.. — Он вздохнул и принялся застегивать френч. — По местам! По местам, советники! — сказал он.

Глава третья

Отто Фрижа не соврал: ковер был действительно роскошный. Он был черно-багровый, глубоких благородных оттенков, он занял всю левую стену в кабинете, напротив окон, и кабинет с ним приобрел совершенно особенный вид. Это было дьявольски красиво, это было элегантно, это было значительно.

В полном восторге Андрей чмокнул Сельму в щеку, и она снова ушла на кухню командовать прислугой, а Андрей походил по кабинету, рассматривая ковер со всех точек зрения, приглядываясь к нему то впрямую, то искоса, боковым зрением, потом раскрыл заветный шкаф и извлек оттуда здоровенный маузер — десятизарядное чудовище, рожденное в спецотделе Маузерверке, излюбленное, прославившееся в гражданскую войну оружие комиссаров в пыльных шлемах, а также японских императорских офицеров в шинелях с воротниками собачьего меха.

Маузер был чистый, воронено отсвечивающий, на вид совершенно готовый к бою, но, к сожалению, со сточенным бойком. Андрей подержал его двумя руками, покачивая на весу, потом взялся за округлую рифленую рукоять, опустил, а затем поднял на уровень глаз и прицелился в ствол яблони за окном, как Гейгер на стрельбище.

Потом он повернулся к коврику и некоторое время выбирал место. Место скоро нашлось. Андрей сбросил туфли, залез с ногами на кушетку и приложил к месту маузер. Прижимая его к коврику одной рукой, он откинулся как можно дальше назад и полюбовался. Это было прекрасно. Он соскочил на пол, в одних носках опрометью побежал в прихожую, вытащил из стенного шкафа ящик с инструментом и вернулся обратно к коврику.

Он повесил маузер, потом люгер с оптическим прицелом (из этого люгера Копчик застрелил насмерть двух милиционеров в последний день Поворота) и возился с браунингом модели девятьсот шестого года — маленьким, почти квадратным, — когда знакомый голос за спиной произнес:

— Правее, Андрей, чуть правее. И на сантиметр ниже.

— Так? — спросил Андрей, не оборачиваясь.

— Так.

Андрей закрепил браунинг, задом спрыгнул с кушетки и попятился к самому столу, озирая дело рук своих.

— Красиво, — похвалил Наставник.

— Красиво, но мало, — сказал Андрей со вздохом.

Наставник, неслышно ступая, подошел к шкафу, присел на корточки, покопался и достал армейский наган.

— А это? — спросил он.

— Деревяшек на рукоятке нет, — сказал Андрей с сожалением. — Все время собираюсь заказать и каждый раз забываю... — Он надел туфли, присел на подоконник рядом со столом и закурил. — Сверху у меня будет дуэльный арсенал. Первая половина девятнадцатого века. Красивейшие экземпляры попадают, с серебряной насечкой, и формы самые удивительные — от таких вот маленьких до огромных, длинноствольных...

— Лепажки, — сказал Наставник.

— Нет, лепажки как раз маленькие... А внизу, над самой кушеткой, я развешу боевое оружие семнадцатого-восемнадцатого века...

Он замолчал, представляя себе, как это будет прекрасно. Наставник, сидя на корточках, копался в шкафу. За окном неподалеку стрекотала машинка для стрижки газонов. Чирикали и посвистывали птицы.

— Хорошая идея — повесить здесь ковер, верно? — сказал Андрей.

— Прекрасная, — сказал Наставник, поднимаясь. Он вытащил из кармана носовой платок и вытер руки. — Только торшер я бы поставил в тот угол, рядом с телефоном. И телефон нужно белый.

— Белый мне не полагается, — сказал Андрей со вздохом.

— Ничего, — сказал Наставник. — Вернешься из экспедиции — будет у тебя и белый.

— Значит, это правильно, что я согласился идти?

— А у тебя были сомнения?

— Да, — сказал Андрей и погасил окурок в пепельнице. — Во-первых, мне не хотелось. Просто не хотелось. Дома хорошо, жизнь наладилась, много работы. Во-вторых, если говорить честно, — страшновато.

— Ну-ну-ну, — сказал Наставник.

— Нет, в самом деле. Вот вы — вы можете мне сказать, с чем я там встречусь? Вот видите! Полная неизвестность... Десяток страшных Изиных легенд и полная неизвестность... Ну и плюс все прелести походной жизни. Знаю я эти экспедиции! И в археологических я бывал, и во всяких прочих...

И тут, как он и ожидал, Наставник спросил с интересом:

— А что в этих экспедициях... как бы это выразиться... что в них самое страшное, что ли, самое неприятное?

Андрей очень любил этот вопрос. Ответ на него он придумал очень давно и даже записал в книжечку, и впоследствии неоднократно использовал его в разговорах с разными девицами.

— Самое страшное? — повторил он для разгону. — Самое страшное — это вот что. Представьте себе: палатка, ночь, пустыня вокруг, безлюдье, волки воют, град, буря... — Он сделал паузу и посмотрел на Наставника, который весь подался вперед, слушая. — Град, понимаете? С голубиное яйцо величиной... И надо идти по нужде.

Напряженное ожидание на лице Наставника сменилось несколько растерянной улыбкой, потом он расхохотался.

— Смешно, — сказал он. — Сам придумал?

— Сам, — гордо сказал Андрей.

— Молодец, смешно... — Наставник опять засмеялся, крутя головой. Потом он сел в кресло и стал смотреть в сад. — А хорошо здесь у вас, на Белом Дворе, — сказал он.

Андрей обернулся и тоже посмотрел в сад. Залитая солнцем зелень, бабочки над цветами, неподвижные яблони, а метрах в двухстах, за кустами сирени — белые стены и красная крыша соседнего коттеджа... И Ван в длинной белой рубашке неторопливо, покойно шагает за стрекочущей машинкой, а его младшенький семенит рядом, ухватившись за его штанину...

— Да, Ван обрел покой, — сказал Наставник. — Может быть, это и есть самый счастливый человек в Городе.

— Очень может быть, — согласился Андрей. — Во всяком случае, про других своих знакомых я бы этого не сказал.

— Ну, такой уж у тебя сейчас круг знакомых, — возразил Наставник. — Ван среди них — исключение. Я бы даже просто сказал, что он вообще человек другого круга. Не твоего.

— Да-а, — задумчиво протянул Андрей. — А ведь когда-то вместе грузили мусор, за одним столом сидели, из одной кружки пили...

Наставник пожал плечами.

— Каждый получает то, чего он заслуживает.

— То, чего он добивается, — пробормотал Андрей.

— Можно и так сказать. Если угодно, это одно и то же. Вану ведь всегда хотелось быть в самом низу. Восток есть Восток. Нам этого не понять. Вот и разошлись ваши дорожки.

— Самое забавное, — сказал Андрей, — что ведь мне с ним по-прежнему хорошо. У нас всегда есть о чем поговорить, есть что вспомнить... Когда я с ним, я никогда не испытываю неловкости.

— А он?

Андрей подумал.

— Не знаю. Но скорее да, чем нет. Иногда мне вдруг кажется, что он изо всех сил старается держаться от меня подальше.

Наставник потянулся, хрустнув пальцами.

— Да разве в этом дело? — сказал он. — Когда Ван сидит с тобой за бутылкой водки и вы вспоминаете, как оно все было, Ван отдыхает, согласись. А когда ты сидишь с полковником за бутылкой шотландского, разве кто-нибудь из вас отдыхает?

— Какой уж тут отдых, — пробормотал Андрей. — Чего там... Полковник мне просто нужен. А я — ему.

— А когда ты обедаешь с Гейгером? А когда пьешь пиво с Дольфюсом? А когда Чачуа рассказывает тебе по телефону новые анекдоты?..

— Да, — сказал Андрей. — Все это так. Да.

— У тебя разве что с одним Изей сохранились прежние отношения, да и то...

— Вот именно, — сказал Андрей. — Да и то.

— Не-ет, и речи быть не может! — сказал Наставник решительно. — Ты только представь себе: вот здесь сидит полковник, заместитель начальника штаба вашей армии, старый английский аристократ знаменитого рода. Вот здесь сидит Дольфюс, советник по строительству, знаменитый некогда в Вене инженер. И жена его — баронесса, прусская юнкерша. А напротив — Ван. Дворник.

— Н-да, — сказал Андрей. Он почесал в затылке и засмеялся. — Бестактно как-то получается...

— Нет-нет! Ты забудь про деловую бестактность, бог с ней. Ты представь себе, что Ван будет при этом чувствовать, каково будет ему?..

— Понимаю, понимаю... — сказал Андрей. — Понимаю... Да ну, все это вздор! Позову его завтра, сядем вдвоем, посидим, Мэйлинь с Сельмой чифань нам какой-нибудь смастерят, а мальчишке я «бульдог» подарю — есть у меня, без курка...

— Выпьете! — подхватил Наставник. — Расскажите друг другу что-нибудь из жизни, и ему есть тебе о чем рассказать, и ты тоже хороший рассказчик, а он ведь ничего не знает ни про Пенджикент, ни про Харбаз... Прекрасно будет! Я даже немножко завидую.

— А вы приходите, — сказал Андрей и засмеялся.

Наставник тоже засмеялся.

— Буду мысленно с вами, — сказал он.

В это время в парадной позвонили. Андрей посмотрел на часы — было ровно восемь.

— Это наверняка полковник, — сказал он и вскочил. — Я пойду?

— Ну разумеется! — сказал Наставник. — И прошу тебя, впредь никогда не забывай, что Ванов в Городе — сотни тысяч, а советников — всего двадцать...

Это действительно был полковник. Он всегда являлся в точно назначенный срок, а следовательно — первым. Андрей встретил его в прихожей, пожал ему руку и пригласил в кабинет. Полковник был в штатском. Светло-серый костюм сидел на нем, как на манекене, седые редкие волосы были аккуратно зачесаны, туфли сияли, гладко выбритые щеки сияли тоже. Был он небольшого роста, сухой, с хорошей выправкой, но в то же время чуть расслабленный, без этой деревянности, столь характерной для немецких офицеров, которых в армии было полным-полно.

Войдя в кабинет, он остановился перед ковром и, заложив за спину сухие белые руки, некоторое время молча обозревал багрово-черное великолепие вообще и развешенное на этом фоне оружие в частности. Потом он сказал: «О!» и посмотрел на Андрея с одобрением.

— Садитесь, полковник, — сказал Андрей. — Сигару? Виски?

— Благодарю, — сказал полковник, усаживаясь. — Капля возбуждающего не помешает. — Он извлек из кармана трубку. — Сегодня был бешеный день, — объявил он. — Что там произошло у вас на площади? Мне приказали поднять казармы по тревоге.

— Какой-то болван, — сказал Андрей, роясь в баре, — получил на складе динамит и не нашел лучшего места споткнуться, как у меня под окнами.

— А, значит, никакого покушения не было?

— Господь с вами, полковник! — сказал Андрей, наливая виски. — Здесь у нас все-таки не Палестина.

Полковник усмехнулся и принял от Андрея бокал.

— Вы правы. В Палестине инциденты такого рода никого не удивляли. Впрочем, и в Йемене тоже...

— А вас, значит, подняли по тревоге? — спросил Андрей, усаживаясь со своим бокалом напротив.

— Представьте себе. — Полковник отхлебнул из бокала, подумал, задравши брови, потом осторожно поставил бокал на телефонный столик рядом с собой и принялся набивать трубку. Руки у него были старческие, с серебристым пушком, но не дрожали.

— И какова же оказалась боевая готовность войск? — осведомился Андрей, тоже отхлебывая из бокала.

Полковник снова усмехнулся, и Андрей ощутил мгновенную зависть — ему очень хотелось бы уметь усмехаться так же.

— Это военная тайна, — сказал полковник. — Но вам я скажу. Это было ужасно! Такого я не видывал даже в Йемене. Да что там Йемен! Такого я не видывал, даже когда дрессировал этих чернозадых в Уганде!.. Половины солдат в казармах не оказалось вовсе. Половина другой половины явилась по тревоге без оружия. Те, кто явился с оружием, не имели боеприпасов, потому что начальник склада боепитания вместе с ключами отработывал свой час на Великой Стройке...

— Вы, я надеюсь, шутите, — сказал Андрей.

Полковник раскурил трубку и, разгоняя дым ладонью, посмотрел на Андрея бесцветными старческими глазами. Вокруг глаз у него была масса морщинок, и казалось, что он смеется.

— Может быть, я немного и преувеличил, — сказал он, — однако посудите сами, советник. Наша армия создана без всякой определенной цели, только потому, что некое известное нам обоим лицо не мыслит государственной организации без армии. Очевидно, что никакая армия не способна нормально функционировать, если отсутствует реальный противник. Пусть даже только потенциальный... От начальника генерального штаба и до последнего кашевара вся наша армия сейчас проникнута убеждением, что эта затея есть просто игра в оловянные солдатики.

— А если предположить, что потенциальный противник все же существует?

Полковник снова окутался медвяным дымом.

— Тогда назовите его нам, господа политики!

Андрей снова отхлебнул из бокала, подумал и спросил:

— А скажите, полковник, у генштаба есть какие-нибудь оперативные планы на случай вторжения извне?

— Ну-у... я бы не назвал это собственно оперативными планами. Представьте себе хотя бы ваш русский генштаб на Земле. Существуют у него оперативные планы на случай вторжения, скажем, с Марса?

— Что ж, — сказал Андрей. — Я вполне допускаю, что что-нибудь вроде и существует...

— «Что-нибудь вроде» существует и у нас, — сказал полковник. — Мы не ждем вторжения ни сверху, ни снизу. Мы не допускаем возможности серьезной угрозы с юга... исключая, разумеется, возможность успешного бунта уголовников, работающих на поселениях, но к этому мы готовы... Остается север. Мы знаем, что во время Поворота и после него на север бежало довольно много сторонников прежнего режима. Мы допускаем — теоретически, — что они могут организовать и предпринять какую-нибудь диверсию или даже попытку реставрации... — Он затянулся, сипя трубкой. — Однако при чем здесь армия? Очевидно, что на случай всех этих угроз вполне достаточно специальной полиции господина советника Румера, а в тактическом отношении — самой вульгарной кордонной тактики...

Андрей подождал немного и спросил:

— Надо ли понимать вас так, полковник, что генеральный штаб не готов к серьезному вторжению с севера?

— Вы имеете в виду вторжение марсиан? — сказал полковник задумчиво. — Нет, не готов. Я понимаю, что вы хотите сказать. Но у нас нет разведки. Возможность такого вторжения никто и никогда серьезно не рассматривал. У нас попросту нет для этого никаких данных. Мы не знаем, что творится уже на пятидесятом километре от Стеклянного Дома. У нас нет даже карт северных окрестностей... — Он засмеялся, выставив длинные желтоватые зубы. — Городской архивариус господин Кацман предоставил в распоряжение генштаба что-то вроде карты этих районов... Как я понимаю, он составил ее сам. Этот замечательный документ хранится у меня в сейфе. Он оставляет вполне определенное впечатление, что господин Кацман исполнял эту схему за едой и неоднократно ронял на нее свои бутерброды и проливал кофе...

— Однако же, полковник, — сказал Андрей с упреком, — моя канцелярия представила вам, по-моему, совсем неплохие карты!

— Несомненно, несомненно, советник. Но это, главным образом, карты обитаемого Города и южных окрестностей. Согласно основной установке, армия должна находиться в боевой готовности на случай беспорядков, а беспорядки могут иметь место именно в упомянутых районах. Таким образом, проделанная вами работа совершенно необходима, и, благодаря вам, к беспорядкам мы готовы. Однако что касается вторжения... — Полковник покачал головой.

— Насколько я помню, — сказал Андрей значительно, — моя канцелярия не получала от генштаба никаких заявок на картографирование северных районов.

Некоторое время полковник смотрел на него, трубка его погасла.

— Надо сказать, — медленно проговорил он, — что с такими заявками мы обращались лично к президенту. Ответы были, признаться, совершенно неопределенные... — Он снова помолчал. — Так вы полагаете, советник, что для пользы дела с такими заявками надо обращаться к вам?

Андрей кивнул.

— Сегодня я обедал у президента, — сказал он. — Мы много говорили на эту тему. Вопрос о картографировании северных районов в принципе решен. Однако необходимо посильное участие военных специалистов. Опытный оперативный работник... ну, вы, несомненно, понимаете.

— Понимаю, — сказал полковник. — Кстати, где вы раздобыли такой маузер, советник? В последний раз, если не ошибаюсь, я видел подобные чудовища в Батуми, году в восемнадцатом...

Андрей принялся рассказывать ему, где и как он достал этот маузер, но тут в передней раздался новый звонок. Андрей извинился и пошел встречать.

Он надеялся, что это будет Кацман, однако, противу всяких ожиданий, это оказался Отто Фрижа, которого Андрей, собственно, и не приглашал вовсе. Как-то из головы вылетело. Отто Фрижа постоянно вылетал у него из головы, хотя как начальник АХЧ Стеклянного Дома он был человеком в высшей степени полезным и даже незаменимым. Впрочем, Сельма этого обстоятельства не забывала никогда. Вот и сейчас она принимала от Отто аккуратную корзинку, заботливо прикрытую тончайшей батистовой салфеточкой, и маленький букетик цветов. Отто был милостиво допущен к руке. Он щелкал каблуками, краснел ушами и был очевидно счастлив.

— А, дружище, — сказал ему Андрей. — Вот и ты!

Отто был все такой же. Андрей вдруг почему-то подумал, что из всех старичков Отто изменился меньше всех. Собственно, совсем не изменился. Все та же цыплячья шея, огромные оттопыренные уши, выражение постоянной неуверенности на веснушчатой физиономии. И щелкающие каблуки. Он был в голубой форме спецполиции и при квадратной медальке «За заслуги».

— Большущее тебе спасибо за ковер, — говорил Андрей, обняв его за плечи и ведя к себе в кабинет. — Сейчас я тебе покажу, как он у меня выглядит... Пальчики оближешь, от зависти помрешь...

Однако, попавши в кабинет, Отто Фрижа не стал ни облизывать себе пальцы, ни, тем более, помирать от зависти. Он увидел полковника.

Ефрейтор фолькштурма Отто Фрижа испытывал к полковнику Сент-Джеймсу чувства, граничащие с благоговением. В присутствии полковника он вовсе терял дар речи, стальными болтами закреплял на своей физиономии заискивающую улыбку и готов был стучать каблук о каблук в любой момент, непрерывно и со все возрастающей силой.

Повернувшись к знаменитому ковру спиной, он стал по стойке «смирно», выпятил грудь, прижал ладони к бедрам, растопырил локти и столь резко мотнул головой в поклоне, что у него на весь кабинет хрустнули шейные позвонки. Лениво улыбаясь, полковник поднялся ему навстречу и протянул руку. В другой руке у него был бокал.

— Очень рад вас видеть... — произнес он. — Приветствую вас, господин... ум-м...

— Ефрейтор Отто Фрижа, господин полковник! — с восторгом взвизгнул Отто, согнулся пополам и шепотно потрогал пальцы полковника. — Честь имею явиться!..

— Отто, Отто! — укоризненно сказал Андрей. — Мы здесь без чинов!

Отто жалобно хихикнул, вынул платок и вытер было лоб, но тут же испугался и принялся запихивать платок обратно, не попадая в карман.

— Помнится, под Эль-Аламейном, — сказал полковник добродушно, — мои ребята привели ко мне немецкого фельдфебеля...

В передней снова раздался звонок, и Андрей, вновь извинившись, вышел, оставив несчастного Отто на съедение британскому льву.

Явился Изя. Пока он целовал Сельму в обе щеки, пока он чистил по ее требованию ботинки и подвергался обработке платяной щеткой, ввалились разом Чачуа и Дольфюс с Дольфюсихой. Чачуа волочил Дольфюсиху под руку, на ходу одолевая ее анекдотами, а Дольфюс с бледной улыбкой тащился сзади. На фоне темпераментного начальника юридической канцелярии он казался особенно серым, бесцветным и незначительным. На каждой руке у него было по теплому плащу на случай ночного похолодания.

— К столу, к столу! — нежным колокольчиком зазвенела Сельма, хлопая в ладоши.

— Дорогая! — запротестовала басом Дольфюсиха. — Но мне же нужно привести себя в порядок!..

— Зачем?! — поразился Чачуа, вращая налитыми белками. — Такую красоту — и еще приводить в какой-то порядок? В соответствии со статьей двести восемнадцатой уголовно-процессуального кодекса закон имеет воспрепятствовать...

Поднялся обычный гвалт. Андрей не успевал улыбаться. Над левым его ухом клокотал и булькал Изя, излагая что-то по поводу дикого кабака в казармах во время сегодняшней боевой тревоги, а над правым — Дольфюс с места в карьер бубнил о сортирах и о главной канализационной магистрали, близкой к засорению... Потом все повалили в столовую.

Андрей, приглашая, рассаживая, напропалую отпуская остроты и комплименты, увидел краем глаза, как отворилась дверь кабинета и оттуда, засовывая трубку в боковой карман, вышел улыбающийся полковник. Один. Сердце у Андрея упало, но тут появился и ефрейтор Отто Фрижа — по-видимому, он просто выдерживал предписываемую строевым уставом дистанцию в пять метров позади старшего по званию. Началось трескучее щелканье каблуками.

— Пить будем, гулять будем!.. — гортанно ревел Чачуа.

Зазвенели ножи и вилки. Не без труда водворив Отто между Сельмой и Дольфюсихой, Андрей сел на свое место и оглядел стол. Все было хорошо.

— И представьте, дорогая, в ковре оказалась вот такая дыра! Это в ваш огород, господин Фрижа, гадкий мальчишка!..

— Говорят, вы там расстреляли кого-то перед строем, полковник?

— И запомните мои слова: канализация, именно канализация когда-нибудь загубит наш город!..

— С такой красотой и такую маленькую рюмку?!.

— Отто, миленький, да оставь ты эту кость... Вот хороший кусочек!..

— Нет, Кацман, это военная тайна. Хватит с меня тех неприятностей, которые я претерпел от евреев в Палестине...

— Водки, советник?

— Благодарю вас, советник!

И щелкали под столом каблуки.

Андрей выпил подряд две рюмки водки — для разгону, — с удовольствием закусил и стал вместе со всеми слушать бесконечно длинный и фантастически неприличный тост, провозглашаемый Чачуа. Когда, наконец, выяснилось, что советник юстиции поднимает этот маленький-маленький бокал с большим-большим чувством не для того, чтобы агитировать присутствующих за все перечисленные половые извращения, а всего лишь «за самых злых и беспощадных моих врагов, с которыми я всю жизнь сражаюсь и от которых всю жизнь терплю поражения, а именно — за прекрасных женщин!..», Андрей облегченно расхохотался вместе со всеми и хлопнул третью рюмку. Дольфюсиха в совершенном изнеможении гукала и рыдала, прикрываясь салфеткой.

Все как-то очень быстро надрались. «Да! О да!» — знакомо доносилось с дальнего конца стола. Чачуа, нависнув шевелиющимся носом над ослепительным декольте Дольфюсихи, говорил, не умолкая ни на секунду. Дольфюсиха изнеможенно гукала, игриво отшатываясь от него и широченной своею спиною наваливалась на Отто. Отто уже два раза уронил вилку. Под боком у Андрея Дольфюс, оставив наконец в покое канализацию, не к месту и не ко времени впал в служебный энтузиазм и напропалую выдавал государственные тайны. «Автономия! — угрожающе бубнил он. — Ключ к ан... авн... автономии — хлорелла!.. Великая Стройка?.. Не смешите меня. Какие, к дьяволу, дирижабли? Хлорелла!» — «Советник, советник, — урезонивал его Андрей. — Ради бога! Это совершенно необязательно знать всем. Расскажите мне лучше, как обстоят дела с лабораторным корпусом...» Прислуга уносила грязные тарелки и приносила чистые. Закуски уже смели, было подано мясо по-бургундски.

— Я поднимаю этот маленький-маленький бокал!..

— Да, о да!

— Гадкий мальчишка! Да как же можно вас не любить?

— Изя, отстань от полковника! Полковник, хотите я сяду рядом с вами?

— Четырнадцать кубометров хлореллы — это ноль... Автономия!

— Виски, советник?

— Бл'рю вас, советник!

В разгар веселья в столовой вдруг обнаружился румяный Паркер. «Господин президент просит извинить, — доложил он. — Срочное совещание. Он передает горячий привет госпоже и господину Ворониным, а равно и всем их гостям...» Паркера заставили выпить водки — для этого понадобился всесокрушающий Чачуа. Был произнесен тост за президента и за успех всех его начинаний. Стало немного тише, уже был подан кофе с мороженым и с ликерами. Отто Фрижа слезливо жаловался на любовные неудачи. Дольфюсиха рассказывала Чачуа про милый Кенигсберг, на что Чачуа кивал носом и страстно приговаривал: «А как же! Помню... Генерал Черняховский... Пять суток пушками ломали...» Паркер исчез, за окнами было уже темно. Дольфюс жадно пил кофе и развивал перед Андреем фантазмагорические проекты реконструкции северных кварталов. Полковник рассказывал Изе: «...ему дали десять суток за хулиганство и десять лет каторжных работ за разглашение государственной и военной тайны». Изя брызгал, булькал и отвечал: «Да это же старье, Сент-Джеймс! У нас это еще про Хрущева рассказывали!..» — «Опять политика!» — обиженно кричала Сельма. Она все-таки втиснулась между Изей и полковником, и старый воин по-отечески гладил ее коленку.

Андрею вдруг стало грустно. Он извинился в пустоту, встал и на онемевших ногах прошел в свой кабинет. Там он уселся на подоконнике, закурил и стал смотреть в сад.

В саду было черным-черно, сквозь черную листву сиреневых кустов ярко светились окна соседнего коттеджа. Ночь была теплая, в траве шевелились светлячки. А завтра что? — подумал Андрей. Ну, схожу я в эту экспедицию, ну, разведу... оружия притащу оттуда кучу, разберу, повешу... а дальше что?

В столовой галдели. «А вы знаете, полковник? — орал Изя. — Союзное командование предлагает за голову Чапаева двадцать тысяч!..» И Андрей сразу вспомнил продолжение: «Союзное командование, ваше превосходительство, могло бы дать и больше. Ведь за нами Гурьев, а в Гурьеве — нефть. Хе-хе-хе». — «...Чапаев? — спрашивал полковник. — А, это ваш кавалерист. Но его же, кажется, расстреляли?..»

Сельма вдруг затянула высоким голосом: «А наутро Катю... будила ё ма-а-ать... Ставай, ставай, Катя. Корабли стоять...» Но ее тут же перебил бархатный рев Чачуа: «Я принес тебе цветы... Ах, какие чудные цветы!.. У меня ты те цветы не взяла... Почему не взяла?..»

Андрей закрыл глаза и вдруг с необычайно острой тоской вспомнил про дядю Юру. И Вана нет за столом, и дяди Юры нет... Ну на кой ляд, спрашивается, мне этот Дольфус?.. Призраки окружили его.

На кушетке сидел Дональд в своей потрепанной тexasской шляпе. Он положил ногу на ногу и обхватил острое колено крепко сцепленными пальцами. Уходя не грусти, приходя не радуйся... А за стол уселся Кэнси в старой полицейской форме — упер локоть в стол и положил подбородок на кулак. Он смотрел на Андрея без осуждения, но и теплоты не было в этом взгляде. А дядя Юра похлопывал Вана по спине и приговаривал: «Ничего, Ваня, не горюй, мы тебя министром сделаем, в «Победе» ездить будешь...» И знакомо, нестерпимо щемяще запахло махоркой, здоровым потом и самогоном. Андрей с трудом перевел дух, потер онемевшие щеки и снова стал глядеть в сад.

В саду стояло Здание.

Оно стояло прочно и естественно среди деревьев, словно оно было здесь давно, всегда, и намерено простоять до скончания веков — красное, кирпичное, четырехэтажное, — и, как тогда, окна нижнего этажа были забраны ставнями, а крыша была крыта оцинкованной жстью, к двери вело крыльцо из четырех каменных ступенек, а рядом с единственной трубой торчала странная крестовидная антенна. Но теперь все окна его были темны, и ставен на нижнем этаже кое-где не хватало, а стекла были грязные, с потеками, с трещинами, кое-где заменены фанерными покоробленными щитами, а кое-где заклеены крест-накрест полосками бумаги. И не было больше торжественной и мрачной музыки — от Здания невидимым туманом ползла тяжелая ватная тишина.

Не размышляя ни секунды, Андрей перекинул ноги через подоконник и спрыгнул в сад, в мягкую густую траву. Он пошел к Зданию, распугивая светлячков, все глубже зарываясь в мертвую тишину, не спуская глаз со знакомой медной ручки на высокой дубовой двери, только теперь эта ручка была тусклая и покрыта зеленоватыми пятнами.

Он поднялся на крыльцо и оглянулся. В ярко освещенных окнах столовой весело прыгали, ломаясь причудливо, человеческие тени, слабо доносилась плясовая музыка и почему-то опять звон ножей и вилок. Он махнул на все это рукой, отвернулся и взялся за влажную резную медь.

В прихожей было теперь полутемно, сыро и затхло, разлапистая вешалка торчала в углу, голая, как мертвое высохшее дерево. На мраморной лестнице не было ковра и не было металлических прутьев — остались только прозеленевшие кольца, старые пожелтевшие окурки да какой-то неопределенный мусор на ступенях. Тяжело ступая и ничего не слыша, кроме своих шагов и своего дыхания, Андрей медленно поднялся на верхнюю площадку.

Из давно погасшего камина несло застарелой гарью и аммиаком, что-то едва слышно копошилось там, шуршало и топотало. В огромном зале было все так же холодно, дуло по

ногам, черные пыльные тряпки свисали с невидимого потолка, мраморные стены темнели неопрятными подозрительными пятнами и блестели потеками сырости, золото и пурпур с них осыпались, а горделиво-скромные бюсты — гипсовые, мраморные, бронзовые, золотые — слепо и скорбно глядели из ниш сквозь ключья пыльной паутины. Паркет под ногами трещал и подавался при каждом шаге, на замусоренном полу лежали лунные квадраты, а впереди уходила вглубь и вдаль какая-то галерея, в которой Андрей никогда раньше не бывал. И вдруг целая стая крыс выскочила у него из-под ног, с писком и топотаньем пронеслась по галерее и исчезла в темноте.

Где же все они? — беспорядочно думал Андрей, бредя по галерее. Что с ними случилось? — думал он, спускаясь в затхлые недра по гремящим железным лестницам. Как же все это произошло? — думал он, переходя из комнаты в комнату, а под ногами его хрустела осыпавшаяся штукатурка, скрипело битое стекло, чавкала заросшая пушистыми холмиками плесени грязь... и сладковато пахло разложением, и где-то тикала, падая капля за каплей, вода, и на ободранных стенах чернели огромные, в мощных рамах картины, на которых ничего нельзя было разобрать...

Теперь здесь всегда так будет, думал Андрей. Что-то я сделал такое, что-то мы все сделали такое, что теперь здесь так будет всегда. Оно больше не сдвинется с места, оно навсегда останется здесь, оно будет гнить и разрушаться, как обыкновенный дряхлый дом, и в конце концов его разобьют чугунными бабами, мусор сожгут, а горелые кирпичи вывезут на свалку... Ведь ни одного же голоса! И вообще ни одного звука, только крысы в отчаянии пищат по углам...

Он увидел огромный шведский шкаф со шторной дверью и вдруг вспомнил, что точно такой же шкаф стоит у него в маленькой комнатушке — шесть квадратных метров, единственное окно во двор-колодец, рядом — кухня. На шкафу полно старых газет, свернутых в рулоны плакатов, которые до войны коллекционировал отец, и еще какого-то лежалого бумажного хлама... и когда огромной крысе мышеловкой раздробило морду, она как-то ухитрилась забраться на этот шкаф и долго там шуршала и копошилась, и каждую ночь Андрей боялся, что она свалится ему на голову, а однажды взял бинокль и издали, с подоконника, посмотрел, что там делается, среди бумаги. Он увидел — или ему показалось, что он увидел? — торчащие уши, серую голову и страшный, блестящий, словно лакированный, пузырь вместо морды. Это было так жутко, что он выскочил из своей комнаты и некоторое время сидел в коридоре на сундуке, чувствуя слабость и тошноту внутри. Он был один в квартире, ему некого было стесняться, но ему было стыдно за свой страх, и в конце концов он поднялся, пошел в большую комнату и там завел на патефоне «Рио-риту»... А еще через несколько дней в его комнатушке появился сладковатый тошнотный запах, такой же, как здесь...

В глубоком, как колодец, сводчатом помещении странно и неожиданно отсвечивал рядами свинцовых труб огромный орган, давно уже мертвый, остывший, немой, как заброшенное кладбище музыки. А около органа, рядом с креслом органиста, лежал, скрючившись, человек, закутанный в драный ковер, и в головах у него поблескивала пустая бутылка из-под водки. Андрей понял, что все действительно кончено, и торопливо пошел к выходу.

Спустившись с крыльца в свой сад, он увидел Изю. Изя был непривычно пьяный и весь какой-то особенно растерзанный и взлохмаченный. Он стоял, покачиваясь, держась одной рукой за ствол яблони, и смотрел на Здание. В сумраке блестели его зубы, обнаженные застывшей улыбкой.

— Все, — сказал ему Андрей. — Конец.

— Бред взбудораженной совести! — произнес Изя невнятно.

— Одни крысы бегают, — сказал Андрей. — Гниль.

— Бред взбудораженной совести... — повторил Изя и хихикнул.

Часть пятая. Разрыв непрерывности

Глава первая

Преодолев спазм, Андрей проглотил последнюю ложку размазни, с отвращением оттолкнул манерку и потянулся за кружкой. Чай был еще горячий. Андрей взял кружку в ладони и принялся отхлебывать маленькими глотками, уставясь в шипящий огонек бензиновой лампы. Чай был необычайно крепкий, перестоявшийся, от него разлило веником, и был у него еще какой-то привкус — то ли от этой гнусной воды, которую они набрали на восемьсот двадцатом километре, то ли Кехада опять подсыпал всему командному составу своей дряни от поноса. А может быть, просто кружку плохо отмыли — была она сегодня какая-то особенно соляная и липкая.

За окном внизу побрякивали котелками солдаты. Остряк Тевосян отмочил что-то насчет Мымры, солдаты заржали было, но тут сержант Фогель заорал вдруг прусским голосом: «Вы на пост мне идете или к бабе под одеяло, вы, земноводное! Почему босиком? Где ваша обувь, троглодит?» Угрюмый голос отозвался в том смысле, что ноги, мол, стертые до мяса, а местами и до костей. «Закройте пасть, корова крытая! Немедленно обуться — и на пост! Живо!..»

Андрей с наслаждением пошевелил под столом пальцами босых ног. Ноги уже слегка отдышались на прохладном паркете. Холодной бы воды полный таз... Ноги бы туда... Он заглянул в кружку. Чаю оставалось еще до половины, и Андрей, мысленно пославши все к чертовой матери, неожиданно для самого себя вылакал остаток в три огромных сладострастных глотка. В животе сразу же заурчало. Некоторое время Андрей опасно прислушивался к тому, что там происходит, потом отставил кружку, вытер рот тыльной стороной ладони и посмотрел на железный ящик с документами. Рапорты надо бы вчерашние достать. Неохота. Успею. Сейчас бы лечь, вытянуться во всю длину, курткой прикрыться и завести глаза минуток этак на шестьсот...

За окном внезапно и неистово затрещал двигатель трактора. Задрезжали остатки стекол в окнах, рядом с лампой упал с потолка кусок штукатурки. Пустая кружка, мелко подрагивая, поползла к краю стола. Андрей, весь сморщившись, поднялся, прошлепал босыми ногами к окну и выглянул.

В лицо пахло жаром не успевшей остыть улицы, едкой гарью выхлопов, тошнотной вонью разогретого масла. В пыльном свете подвижной фары бородатые люди, рассевшись прямо на мостовой, лениво ковырялись ложками в манерках и котелках. Все они были босы, и почти все разделись до пояса. Потные белые тела лоснились, а лица казались черными, и кисти рук были черные, словно все они были в перчатках. Андрей вдруг обнаружил, что никого из них не узнает. Стадо незнакомых голых обезьян... В круг света вступил сержант Фогель с громадным алюминиевым чайником в руке, и обезьяны сейчас же зашевелились, заволновались, заерзали и потянули к чайнику свои кружки. Отталкивая кружки свободной рукой, сержант принялся орать, но за треском двигателя его было почти не слышно.

Андрей вернулся за стол, рывком откинул крышку ящика и извлек журнал и вчерашние рапорты. На стол с потолка упал еще один кусок штукатурки. Андрей посмотрел вверх. Комната была высоченная — метра четыре, а то и все пять. Лепной потолок местами осыпался, и видна была дранка, наводящая на сладостные воспоминания о домашних пирогах с повидлом, которые подавались к огромному количеству прекрасно заваренного, прозрачного, в прозрачных тонкостенных стаканах чая. С лимоном. Или можно было просто взять пустой стакан и набрать на кухне сколько угодно чистой холодной воды...

Андрей мотнул головой, снова поднялся и наискосок через всю комнату прошел к огромному книжному шкафу. Стекол в дверцах не было, и книг тоже не было — были

пустые пыльные полки. Андрей уже знал это, но все-таки еще раз осмотрел их и даже пошарил рукой в темных углах.

Комната, надо сказать, сохранилась неплохо. Были в ней два вполне приличных кресла и еще одно с продраным сиденьем — когда-то роскошное, обитое тисненой кожей. У стены напротив окна выстроились рядом несколько стульев, и стоял посередине комнаты столик на коротких ножках, и на столике — хрустальная вазочка с какой-то черной засохшей дрянью внутри. Обои отстали от стен, а местами и совсем отвалились, паркет рассохся и вспучился, но все-таки комната была в очень приличном состоянии — совсем недавно здесь еще жили, лет десять тому назад, не больше.

Впервые после пятисотого километра Андрей видел настолько хорошо сохранившийся дом. После многих километров выгоревших дотла кварталов, превратившихся в черную обугленную пустыню; после многих километров сплошных руин, поросших бурой колючкой, среди которых нелепо возвышались дрожащие от ветхости пустые многоэтажные коробки с давно уже обрушившимися перекрытиями; после многих и многих километров пустырей, усаженных сгнившими срубами без крыш, где весь уступ просматривался с дороги от Желтой Стены на востоке и до края обрыва на западе, — после всего этого здесь снова начинались почти целые кварталы, выложенная булыжником дорога, и может быть, где-то здесь были люди — во всяком случае, полковник приказал удвоить караулы.

Интересно, как там полковник. Старик что-то сдал за последнее время. Впрочем, за последнее время все сдали. Очень кстати, что именно сейчас, впервые за двенадцать суток, ночевка будет под крышей, а не под голым небом. Воду бы здесь найти — можно было бы сделать большой привал. Только воды здесь, кажется, снова не будет. Во всяком случае, Изя говорит, что на воду здесь рассчитывать не стоит. Во всем этом стаде только от Изи да от полковника и есть толк...

В дверь постучали, еле слышно за треском двигателя. Андрей поспешно вернулся на место, накинул куртку и, раскрывая журнал, гаркнул:

— Да!

Это был всего лишь Даган — сухой, старый, под стать своему полковнику, гладко выбритый, опрятный, застегнутый на все пуговицы.

— Разрешите прибрать, сэр? — прокричал он.

Андрей кивнул. Господи, подумал он. Это же сколько сил надо потратить, чтобы так соблюдать себя в этом кабаке... А ведь он не офицер, он даже не сержант — всего-навсего денщик. Холуй.

— Как там полковник? — спросил он.

— Виноват, сэр? — Даган с грязной посудой в руках замер, повернув к Андрею длинное хрящеватое ухо.

— Как себя чувствует полковник?! — заорал Андрей, и в ту же самую секунду двигатель за окном замолчал.

— Полковник пьет чай! — заорал Даган в наступившей тишине и сейчас же сконфуженно добавил, понизив голос: — Виноват, сэр. Полковник чувствует себя удовлетворительно. Поужинал и теперь пьет чай.

Андрей рассеянно кивнул и перебросил несколько страниц журнала.

— Будут какие-нибудь приказания, сэр? — осведомился Даган.

— Нет, спасибо, — сказал Андрей.

Когда Даган вышел, Андрей взялся, наконец, за вчерашние рапорты. Вчера он так ничего и не записал. Его так несло, что он едва досидел до конца вечернего рапорта, а потом маялся полночи — торчал на корточках посреди дороги голым гузном в сторону лагеря, напряженно вглядываясь и вслушиваясь в ночной мрак, с пистолетом в одной руке и с фонариком в другой.

«День 28-й», — вывел он на чистой странице и подчеркнул написанное двумя жирными линиями. Затем он взял рапорт Кехады.

«Пройдено 28 км, — записал он. — Высота солнца 63°51'13".2 (979-й км). Средняя температура: в тени +23°C, на солнце +31°C. Ветер 2,5 м/сек. Влажность 0,42. Гравитация 0,998. Проводилось бурение — 979-й, 981-й, 986-й км. Воды нет. Расход топлива...»

Он взял рапорт Эллизауэра, захватанный испачканными смазкой пальцами, и долго разбирал куриный почерк.

«Расход топлива 1,32 нормы. Остаток на конец 28-го дня — 3200 кг. Состояние двигателей: № 1 — удовлетворительное; № 2 — изношены пальцы и что-то с цилиндрами...»

Что именно случилось с цилиндрами, Андрей так и не разобрал, хотя подносил листок к самому огню лампы.

«Состояние личного состава: физическое состояние — почти у всех потертости ног, не прекращается поголовный понос, у Пермяка и Палотти усиливается сыпь на плечах. Раненых нет, травм нет. Особых происшествий не произошло. Дважды показывались акульки волки, отогнаны выстрелами. Расход боепитания 12 патронов. Расход воды 40 л. Остаток на конец 28-го дня 1100 кг. Расход продовольствия 20 норм. Остаток на конец 28-го дня 730 норм...»

За окном пронзительно заверещала Мымра, густо заржали прокуренные глотки. Андрей поднял голову, прислушиваясь. А черт его знает, подумал он. Может, это и неплохо, что она с нами увязалась. Все-таки какое ни есть, а для ребят развлечение... Драться вот только из-за нее что-то стали последнее время.

В дверь опять постучали.

— Войдите, — сказал Андрей недовольно.

Вошел сержант Фогель — громадный, красномордый, с широкими черными пятнами пота, расплывшимися из-под мышек френча.

— Сержант Фогель просит разрешения обратиться к господину советнику! — гаркнул он, прижав ладони к бедрам и растопырив локти.

— Слушаю вас, сержант, — сказал Андрей.

Сержант покосился на окно.

— Прошу разрешения говорить конфиденциально, — сказал он, понизив голос.

Это что-то новенькое, подумал Андрей с неприятным ощущением.

— Проходите, садитесь, — сказал он.

Сержант на цыпочках приблизился к столу, присел на краешек кресла и нагнулся к Андрею.

— Люди не хотят идти дальше, — произнес он вполголоса.

Андрей откинулся на спинку стула. Так. Вот, значит, до чего дожили... Прелестно... Поздравляю, господин советник...

— Что значит — не хотят? — сказал он. — Кто их спрашивает?

— Измотаны, господин советник, — сказал Фогель доверительно. — Курево кончается, поносы замучили. А главное — боятся. Страшно, господин советник.

Андрей молча смотрел на него. Надо было что-то делать. Срочно. Немедленно. Но он не знал, что именно.

— Одиннадцать дней идем по безлюдью, господин советник, — продолжал Фогель почти шепотом. — Господин советник помнит, как нас предупреждали, что будет тринадцать дней безлюдья, а потом — всем конец. Два дня всего осталось, господин советник...

Андрей облизал губы.

— Сержант, — сказал он. — Стыдно. Старый вояка, а верите бабьим слухам. Не ожидал!

Фогель криво ухмыльнулся, двинув огромной нижней челюстью.

— Никак нет, господин советник. Меня не испугаешь. Будь у меня там, — он ткнул большим корявым пальцем за окно, — будь у меня там одни немцы или хотя бы япошки,

такого разговора у нас бы не было, господин советник. Но у меня там сброд. Итальяшки, армяне какие-то...

— Отставить, сержант! — возвысив голос, сказал Андрей. — Стыдно. Устава не знаете! Почему обращаетесь не по команде? Что за распушенность, сержант? Встать!

Фогель тяжело поднялся и принял стойку «смирно».

— Сядьте, — сказал Андрей, выдержав паузу.

Фогель так же тяжело сел, и некоторое время они молчали.

— Почему обратились ко мне, а не к полковнику?

— Виноват, господин советник. Я обращался к господину полковнику. Вчера.

— Ну и что?

Фогель замялся и отвел глаза.

— Господину полковнику было не угодно принять мое донесение к сведению, господин советник.

Андрей усмехнулся.

— Вот именно! Какой же вы, к чертовой матери, сержант, если не умеете держать своих людей в порядке? Страшно им, видите ли! Дети малые... Они вас должны бояться, сержант! — заорал он. — Вас! А не тринадцатого дня!

— Если бы это были немцы... — снова начал Фогель угрюмо.

— Это что же такое? — вкрадчиво сказал Андрей. — Я, начальник экспедиции, должен учить вас, как распоследнего сопляка, что надо делать, когда подчиненные бунтуют? Стыдно, Фогель! Если не знаете, почитайте устав. Насколько мне известно, там все это предусмотрено.

Фогель опять ухмыльнулся, двинув нижней челюстью. По-видимому, в уставе такие случаи все-таки не предусматривались.

— Я был о вас лучшего мнения, Фогель, — резко сказал Андрей. — Гораздо лучшего! Зарубите себе на носу: хотят ваши люди идти или не хотят — никого здесь не интересует. Все мы хотели бы сейчас сидеть дома, а не шляться по этому пеклу. Всем хочется пить, и все измотаны. И тем не менее, все выполняют свой долг, Фогель. Ясно?

— Слушаюсь, господин советник, — проворчал Фогель. — Разрешите идти?

— Ступайте.

Сержант удалился, беспощадно попирая сапогами разохшийся паркет.

Андрей сбросил куртку и снова подошел к окну. Публика вроде бы утомилась. В круге света возвышался невыносимо длинный Эллизауэр и, наклонившись, рассматривал какую-то бумагу, кажется, карту, которую держал перед ним широкий грузный Кехада. Вынырнув из темноты, мимо них прошел и скрылся в доме какой-то солдат — босой, полуголый, встрепанный, держа автомат за ремень. Там, откуда он шел, чей-то голос воззвал в темноте:

— Носатый! Эй, Тевосян!

— Чего тебе? — откликнулись с невидимой волокуши, где красными светляками разгорались и гасли огоньки сигарет.

— Фару поверни! Не видно здесь ни хрена...

— Да зачем тебе? В темноте не можешь?

— Загадили тут уже все... не знаю, куда ступить...

— Часовому не положено, — вмешался новый голос с волокуши. — Вали, где стоишь!

— Да посветите, мать вашу в душу! Задницу трудно вам поднять, что ли?

Длинный Эллизауэр распрямился, в два шага оказался около трактора и повернул прожектор вдоль улицы. Андрей увидел часового. Придерживая спущенные штаны, часовой неуверенно топтался на полусогнутых ногах возле той здоровенной железной статуи, которую какие-то чудаки умудрились возвести прямо на тротуаре у ближайшего перекрестка. Статуя изображала коренастого типа в чем-то вроде тоги, наголо обритого, с неприятной жабьей физиономией. В свете прожектора статуя казалась черной. Левая рука

показывала в небеса, а правая с растопыренными пальцами простиралась над землей. Сейчас на этой руке висел автомат.

— Порядок, спасибочки вам! — обрадованно заорал часовой и прочно утвердился на корточках. — Можно гасить!

— Давай, давай, работай! — поощрили его с волокуши. — Мы тебя огнем прикроем в случае чего.

— Да свет-то уберите, ребята! — взмолился капризный часовой.

— Не убирайте, господин инженер, — посоветовали с волокуши. — Это он шутит. И по уставу не положено...

Но Эллизауэр все-таки убрал свет. Слышно было, как на волокуше берутся и похохатывают. Потом там засвистели дуэтом какой-то марш.

Все как всегда, подумал Андрей. Даже, пожалуй, они сегодня повеселее, чем обычно. Ни вчера, ни позавчера я этих шуточек не слышал. Жилые дома, может быть?.. Да, очень может быть. Все пустыня, пустыня, а теперь все-таки дома. Можно хоть спокойно выспаться, волки не потревожат... Да только Фогель — не паникер. Не-ет, он не из таких... Андрей вдруг представил себе, как завтра он отдает приказ выступать, а они сбиваются в кучу, ощетиываются автоматами и говорят: «Не пойдем!» Может быть, они потому и веселые сейчас — обо всем договорились между собой, порешили завтра повернуть назад («...а что он нам сделает, мозгляк, чиновник задрипаный?..»), и теперь им хоть трава не расти, сам черт им не брат, и все на свете они видели в гробу... И Кехада, сволочь, с ними. Он уже сколько дней ноет, что дальше идти бессмысленно... волком на меня смотрит на вечерних рапортах... ему же одно удовольствие будет, если я вернусь к Гейгеру ни с чем, как мокрая курица...

Андрей зябко передернул плечами. Сам виноват, слюняй, распустил вожжи, демократ вшивый, народолюбец... Надо было тогда этого рыжего Хнойпека поставить к стенке, мерзавца, разом всю эту банду взять за глотку — они бы у меня сейчас по струночке ходили! Главное, случай-то какой был! Групповое изнасилование, причем зверское, причем туземки, причем несовершеннолетней туземки... И как этот Хнойпек нагло ухмылялся — нагло, сыто, отвратно, — когда я орал на них... и как они все позеленели, когда я вытащил пистолет... Ах, полковник, полковник! Либерал вы, а не боевой офицер! «Ну, зачем же сразу расстреливать, советник? Существуют же и иные методы воздействия!..» Не-ет, полковник, на этих Хнойпеконными методами, как видно, не воздействуешь... А после этого все пошло сикось-накось. Девчонка увязалась за отрядом, я это обстоятельство позорно проморгал (от удивления, что ли?), а потом начались из-за нее драки и свары... И опять же, надо было к первой же драке привязаться, поставить кого-нибудь к стенке, а девку выпороть и вышвырнуть из лагеря вон... А только — куда ее вышвырнешь? Начались горелые кварталы, безводье, появились волки...

Внизу вдруг яростно зарычали, заматерились, что-то упало и покатилося с грохотом, и в круг света из подъезда, спиной вперед, вылетела совершенно голая обезьяна, шлепнулась на задницу, поднявши клуб пыли, и еще не успела подобрать ноги, как на нее из того же подъезда тигром сиганула вторая обезьяна, тоже голая, и они сцепились, покатались по булыжной мостовой, завывая и рыча, хрипя и плюясь, изо всех сил метеля друг друга.

Андрей, вцепившись одной рукой в подоконник, другой бестолково шарил у пояса, забыв, что кобура валяется в кресле, но тут из темноты вынырнул сержант Фогель, налетел, как черная потная туча, гонимая ураганом, навис над мерзавцами, и вот уже ухватил одного за волосы, другого за бороду, оторвал от земли, с сухим треском ударил друг о друга и отшвырнул от себя в разные стороны, как щенков.

— Очень хорошо, сержант! — раздался слабый, но твердый голос полковника. — Привязать негодяев на ночь к койкам, а завтра — на весь день в авангард вне очереди.

— Слушаюсь, господин полковник, — тяжело дыша отозвался сержант. Он глянул направо, где копошилась на булыжнике, силясь подняться, голая обезьяна, и неуверенно добавил: — Осмелюсь доложить, господин полковник, один — не наш. Картограф Рулье.

Андрей замотал головой, освобождая место в глотке, и не своим голосом проревел:

— Картографа Рулье в авангард на три дня, с полной солдатской выкладкой! При повторении драки расстрелять обоих на месте! — В горле у него что-то болезненно сорвалось. — Расстреливать на месте всех мерзавцев, которые осмелятся драться! — просипел он.

Он пришел в себя уже за столом. Поздно, пожалуй, думал он, тупо разглядывая свои грязные подрагивающие пальцы. Поздно. Надо было раньше... Но вы у меня пойдете! Вы у меня будете делать, что вам приказывают! Половину я велю перестрелять... сам перестреляю... но другая половина у меня пойдет по струночке. Хватит... Хватит! А Хнойпеку — первая пуля при любых обстоятельствах. Первая!..

Он пошарил за спиной, вытянул кобурю с ремнем и достал пистолет. Ствол был забит грязью. Он потянул затвор. Затвор пошел туго, оттянулся до половины и застрял в таком положении. Ч-черт, все завязло, все в грязи... За окном было тихо, только позвякивали в отдалении подковки часовых по булыжнику, да еще кто-то сморкался в нижнем этаже и громко шипел сквозь зубы.

Андрей подошел к двери и выглянул в коридор.

— Даган! — позвал он вполголоса.

В углу что-то шевельнулось. Вздвогнув, Андрей присмотрелся: это был Немой. Он сидел в своей обычной позе, скрестив и каким-то очень сложным образом переплетя ноги. Глаза его влажно поблескивали в полутьме.

— Даган! — позвал Андрей громче.

— Иду, сэр! — откликнулись из глубины дома. Послышались шаги.

— Чего ты здесь сидишь? — сказал Андрей Немому. — Зайди в комнату.

Немой, не шевелясь, смотрел на него, подняв широкое лицо.

Андрей вернулся к столу и, когда Даган, постучав, заглянул в комнату, сказал ему:

— Приведите в порядок мой пистолет, пожалуйста.

— Слушаюсь, сэр, — почтительно сказал Даган, взял пистолет и у дверей посторонился, пропуская в комнату Изю.

— Ага, лампа! — сказал Изя, устремляясь прямо к столу. — Слушай, Андрей, а больше у нас нет такой лампы? Надоело мне с фонариком, глаза уже болят...

За последние дни Изя здорово похудел. Все на нем висело, и все на нем было рваное. И разило от него, как от старого козла. Впрочем, и от всех так разило. Кроме полковника.

Андрей смотрел, как Изя, ни на что не обращая внимания, подхватил стул, уселся и придвинул к себе лампу. Потом он принялся доставать из-за пазухи пачки каких-то мятых старых бумаг и раскладывать их перед собой. При этом он по обыкновению слегка подпрыгивал на стуле, шарил по бумагам глазами, словно бы пытаясь прочесть все их сразу, и время от времени пощипывал бородавку. До этой бородавки ему теперь было трудненько добираться по причине густейшей курчавой волосни, покрывавшей щеки, шею и даже, кажется, уши.

— Слушай, ты бы побрился все-таки, — сказал Андрей.

— Зачем это? — рассеянно осведомился Изя.

— Весь командный состав бреется, — сказал Андрей сердито. — Один ты ходишь как чучело.

Изя поднял голову и некоторое время смотрел на Андрея, обнажив среди волосни желтоватые, давно не чищенные зубы.

— Да? — сказал он. — А ты знаешь, я — человек непрестижный. Смотри, какая на мне курточка.

Андрей посмотрел.

— Тоже, между прочим, мог бы заштопать. Сам не умеешь — Дагану отдай.

— По-моему, у Дагана и без меня дел хватает... Кстати, в кого это ты намереваешься стрелять?

— В кого надо, — сказал Андрей мрачно.

— Ну-ну, — сказал Изя и погрузился в чтение.

Андрей глянул на часы. Было уже без десяти. Андрей со вздохом полез под стол, нашарил там башмаки, вынул из них уже затвердевшие носки, понюхал украдкой, потом задрал правую ногу к свету и осмотрел стертую пятку. Ссадина немножко подзатянулась, но было еще больно. Заранее сморщившись, он осторожно натянул задубевший носок и подвигал ступней. Совсем сморщился и потянулся за ботинком. Обувшись, он опоясался ремнем с пустой кобурой, оправил и застегнул куртку.

— На, — сказал Изя и толкнул ему через стол пачку исписанных бумаг.

— Это что? — без всякого интереса спросил Андрей.

— Бумага.

— А-а... — Андрей собрал листки и спрятал в карман куртки. — Спасибо.

Изя уже снова читал. Быстро, как машина.

Андрей вспомнил, как ему не хотелось брать Изю в эту экспедицию — с его нелепым видом огородного чучела, с его вызывающе еврейской физиономией, с его наглым хихиканьем, с его самоочевидной непригодностью к тяжелым физическим нагрузкам. Было совершенно ясно, что Изя будет доставлять массу хлопот, а толку от архивариуса в походных условиях, приближенных к боевым, будет чуть. И все оказалось не так.

То есть ТАК тоже оказалось. Изя первый стер ноги. Сразу обе. Изя был невыносим на вечерних рапортах со своими idiotскими неуместными шуточками и непрошеной фамильярностью. На третий день пути он ухитрился провалиться в какой-то погреб, и его пришлось вытаскивать всей командой. На пятый день он потерялся и задержал выступление на несколько часов. Во время стычки на триста сороковом километре он вел себя как последний кретин и только чудом остался жив. Солдаты издевались над ним, а Кехада с ним постоянно ссорился. Эллизауэр оказался принципиальным юдофобом, и пришлось делать ему по поводу Изи специальное внушение... Было. Все было.

И при всем при том довольно скоро получилось так, что Изя сделался самой популярной в экспедиции фигурой, не считая, может быть, полковника. А в известном смысле и более популярной. Во-первых, он находил воду. Геологи много и тщетно искали источники, сверлили скалы, потели, совершали изнурительные походы во время общих привалов. Изя просто сидел в волокуше под уродливым самодельным зонтиком и копался в старых бумагах, которых у него набралось уже несколько ящиков. И он четыре раза предсказал, где искать подземные цистерны. Правда, одна цистерна оказалась пересохшей, а в другой вода порядочно протухла, но дважды экспедиция получила прекрасную воду благодаря Изе и только Изе.

Во-вторых, он нашел склад солярки, после чего антисемитизм Эллизауэра сделался в значительной степени абстрактным. «Я ненавижу жидов, — объяснялся он своему главному мотористу. — Нет ничего на свете хуже жида. Однако я никогда ничего не имел против евреев! Возьми, скажем, Кацмана...»

Далее, Изя всех снабжал бумагой. Запасы пипифакса кончились после первого же взрыва желудочных заболеваний, и вот тут популярность Изи — единственного обладателя и хранителя бумажных богатств в стране, где не то что лопуха, пучка травы не отыщешь, — тут уж популярность Изи достигла наивозможнейшего предела.

Не прошло и двух недель, как Андрей с некоторой даже ревностью обнаружил, что Изю любят. Все. Даже солдаты, что было совершенно уже невероятно. Во время привалов они толклись около него и, раскрывши рты, слушали его трепотню. Они по собственному почину и с удовольствием перетаскивали с места на место его железные ящики с документацией. Они жаловались ему и выпендривались перед ним, как школьники перед любимым учителем. Фогеля они ненавидели, полковника — трепетали, с учеными

дрались, а с Изей — смеялись. Не над ним уже — с ним!.. «Вы знаете, Кацман, — сказал однажды полковник. — Я никогда не понимал, зачем в армии нужны комиссары. У меня никогда не было комиссара, но вас бы я, пожалуй, на такую должность взял...»

Изя кончил разбирать одну пачку бумаг и извлек из-за пазухи вторую.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Андрей. Спросил не потому, что ему было на самом деле любопытно, а просто захотелось как-то выразить нежность, которую он вдруг испытал к этому неуклюжему, нелепому, даже неприятному на вид человеку.

Изя не успел ответить — успел только головой помотать. Дверь распахнулась, и в комнату шагнул полковник Сент-Джеймс.

— Разрешите, советник? — произнес он.

— Прошу вас, полковник, — сказал Андрей, поднимаясь. — Добрый вечер.

Изя вскочил и пододвинул полковнику кресло.

— Вы очень любезны, комиссар, — сказал полковник и медленно, в два разделения, уселся. Выглядел он как обычно — подтянутый, свежий, пахнувший одеколоном и хорошим табаком, — только вот щеки у него последнее время малость ввалились и необычайно глубоко запали глаза. И ходил он теперь уже не со своеобразным стеком, а с длинной черной тростью, на которую заметно опирался, когда приходилось стоять.

— Эта безобразная драка под окнами... — сказал полковник. — Я приношу вам свои извинения, советник, за моего солдата.

— Будем надеяться, что это была последняя драка, — сказал Андрей угрюмо. — Я больше не намерен этого терпеть.

Полковник рассеянно покивал.

— Солдаты всегда дерутся, — заметил он небрежно. — В британской армии это, собственно, поощряется. Боевой дух, здоровая агрессивность и так далее... Но вы, разумеется, правы. В таких тяжелых походных условиях это нетерпимо. — Он откинулся в кресле, достал и принялся набивать трубку. — А ведь потенциального противника все не видно, советник! — сказал он юмористически. — Я предвижу в связи с этим большие осложнения для моего бедного генерального штаба. Да и для господ политиков — тоже, если быть откровенным...

— Наоборот! — воскликнул Изя. — Вот теперь-то для всех нас и начнутся самые горячие денечки! Поскольку настоящего противника не существует, необходимо его придумать. А как показывает мировой опыт, самый страшный противник — это противник придуманный. Уверяю вас, это будет невероятно жуткое чудовище. Армию придется удвоить.

— Вот как? — сказал полковник по-прежнему юмористически. — Интересно, кто же будет его придумывать? Уж не вы ли, мой комиссар?

— Вы! — сказал Изя торжественно. — Вы в первую очередь. — Он принялся загибать пальцы. — Во-первых, вам придется создать при генеральном штабе отдел политической пропаганды...

В дверь постучали, и прежде чем Андрей успел ответить, вошли Кехада и Эллизауэр. Кехада был мрачен, Эллизауэр неопределенно улыбался откуда-то из-под самого потолка.

— Прошу садиться, господа, — холодно предложил им Андрей. Он постучал по столу костяшками пальцев и сказал Изе: — Кацман, мы начинаем.

Изя оборвал себя на полуслове и с готовностью повернулся лицом к Андрею, перекинув руку через спинку кресла. Полковник снова выпрямился и сложил ладони на набалдашнике трости.

— Ваше слово, Кехада, — сказал Андрей.

Начальник научной части сидел прямо перед ним, широко расставив толстые, как у штангиста, ноги, чтобы не мокло в шаг, а Эллизауэр, как всегда, устроился у него за спиной, сильно там ссутулившись, чтобы не слишком торчать.

— По геологии ничего нового, — мрачно сказал Кехада. — По-прежнему глина, песок. Никаких следов воды. Здешний водопровод давно пересох. Может быть, именно

поэтому они и ушли отсюда, не знаю... Данные по солнцу, ветру и так далее... — Он достал из нагрудного кармана листок бумаги, перебрал Андрей. — У меня пока все.

Андрею очень не понравилось это «пока», но он только кивнул и стал смотреть на Эллизауэра.

— Транспортная часть?

Эллизауэр распрямился и заговорил поверх головы Кехады:

— Пройдено сегодня тридцать восемь километров. Двигатель трактора номер второй надо ставить на капитальный ремонт. Очень сожалею, господин советник, но — увы...

— Так, — сказал Андрей. — Что это значит — капитальный ремонт?

— Два-три дня, — сказал Эллизауэр. — Часть узлов придется заменить, а другие привести в порядок. Может быть, даже четыре дня. Или пять.

— Или десять, — сказал Андрей. — Дайте рапорт.

— Или десять, — согласился Эллизауэр, все так же неопределенно улыбаясь. Не вставая, он протянул через плечо Кехады свой рапорт.

— Вы это в шутку? — стараясь говорить спокойно, произнес Андрей.

— Что именно, господин советник? — Эллизауэр испугался. Или только сделал вид, что испугался.

— Три дня или десять дней, господин специалист?!

— Я очень сожалею, господин советник... — забормотал Эллизауэр. — Я боюсь сказать точно... Мы не в гараже, и потом мой Пермьяк... У него какая-то сыпь, и весь день его рвало... Он у меня главный моторист, господин советник...

— А вы? — сказал Андрей.

— Я сделаю все, что смогу... Другое дело, что в наших условиях... я имею в виду — в полевых условиях...

Некоторое время он еще продолжал бормотать что-то насчет мотористов, насчет крана, которого не захватили, а ведь он предупреждал... насчет сверлильного станка, которого здесь нет и быть, к сожалению, не может, снова насчет моториста и еще что-то там про поршни и пальцы... С каждой минутой он говорил все тише, все невнятней и наконец замолчал совсем, а Андрей все это время, не отрываясь, смотрел ему в глаза, и было совершенно ясно, что этот длинный трусливый пройдоха совсем заврался, и сам уже понимает это, и видит, что все это понимают, и пытается как-то вывернуться, но не умеет, и все-таки намерен твердо стоять на своем вранье до победного конца.

Потом Андрей опустил глаза и уставился в его рапорт, в неряшливые строчки, нацарапанные куриным почерком, но ничего при этом не видел и не понимал. Сговорились, гады, думал он с тихим отчаянием. Эти — тоже сговорились. Ну, как мне теперь с ними?.. Пистолета нет, жалко... Шлепнуть Эллизауэра... или запугать так, чтобы обосрался... Нет — Кехада, Кехада, вот кто у них главный. На меня все хочет свалить... Всю эту протухшую, провонявшую затею хочет свалить на меня одного... подонок, толстый боров... Ему хотелось заорать и изо всех сил ахнуть кулаком по столу.

Молчание становилось нестерпимым. Изя вдруг нервно заерзал на стуле и принялся бормотать:

— В чем, собственно, дело? В конце концов, торопиться нам особенно некуда. Сделаем остановку... В зданиях могут быть архивы... Воды здесь, правда, нет, но за водой можно послать вперед отдельную группу...

И тут его оборвал Кехада.

— Ерунда, — сказал он резко. — Хватит болтать, господа. Давайте ставить точки над «и». Экспедиция провалилась. Воды мы не нашли. Нефти — тоже. И не могли найти при такой организации георазведки. Несемся как сумасшедшие, людей измотали, транспорт измочалили. Дисциплина в отряде ни к черту — девок приبلудных подкармливаем, тащим с собой каких-то распространителей слухов... Перспектива давным-давно утеряна, всем на все наплевать. Люди идти дальше не хотят, они не видят, зачем нужно идти, и нам нечего им сказать. Космографические данные оказались просто

ни к черту не годными: готовились к полярным холодам, а заехали в раскаленную пустыню. Личный состав экспедиции подобран плохо, с бору по сосенке. Медицинское обеспечение отвратительное. Вот в результате мы и получаем то, что должны были получить: падение морального духа, развал дисциплины, скрытое неповиновение и не сегодня-завтра — бунт. Все.

Кехада замолчал, вытащил портсигар и закурил.

— Что вы, собственно, предлагаете, господин Кехада? — проговорил Андрей спертым голосом. Ненавистное лицо с толстыми усами плавало перед ним в паутине каких-то неопределенных линий. Очень хотелось вцепиться. Лампой. Прямо по усам...

— По-моему, это тривиально, — произнес Кехада с пренебрежением. — Надо поворачивать оглобли. И немедленно. Пока целы.

Спокойствие, убеждал себя Андрей. Сейчас — только спокойствие. Как можно меньше слов. Не спорить ни в коем случае. Спокойно слушать и молчать. Ах, до чего же хочется вцепиться!..

— Действительно, — подал голос Эллизауэр. — До каких же пор можно идти? Мои люди меня спрашивают: что же это получается, господин инженер? Договорились идти, пока солнце не сядет на горизонт. Так оно — наоборот, поднимается. Потом договорились, что пока оно не поднимется в зенит... Опять же — не поднимается, до зенита не доходит, а скачет то вверх, то вниз...

Только не спорить, твердил про себя Андрей. Пусть болтают. Это даже интересно, что они там еще придумают сказать... Полковник не выдаст. Армия все решает. Армия!.. Неужели это они Фогеля подговорили, гады?..

— Ну, а вы-то что? — спросил Изя Эллизауэра. — Вы?

— А что — я?

— Они вас спрашивают, понятно... А что вы им отвечаете?

Эллизауэр принялся пожимать плечами и двигать реденькими бровями.

— Даже странно... — бормотал он при этом. — А что я могу им ответить, спрашивается? Вот я и хотел бы узнать, что я должен им отвечать? Откуда мне это знать?..

— То есть вы им ничего не отвечаете?

— А что я могу ответить? Что?! Отвечаю, что начальству видней...

— Ну и ответ! — сказал Изя, ужасно тараща глаза. — Да такими ответами целую армию разложить можно, не то что несчастных водителей... Я, мол, ребяташки, хоть сейчас готов назад, да вот зверь-начальник не пускает... Вы сами-то понимаете, зачем мы идем? Ведь вы же доброволец, вас никто не принуждал!

— Слушайте, Кацман... — попытался прервать его Кехада. — Давайте говорить о деле!

Изя даже не взглянул на него.

— Вы знали, что будет трудно, Эллизауэр? Знали. Знали, что не за пряниками идем? Знали... Знали, что Городу нужна эта экспедиция? Знали — вы образованный человек, инженер... Знали приказ: идти, пока хватает горючего и воды? Прекрасно знали, Эллизауэр!

— Да я ведь не возражаю! — торопливо заговорил вконец перепуганный Эллизауэр. — Я ведь только вам объясняю, что мои объяснения... то есть что мне не ясно, как им надо отвечать, потому что меня ведь спрашивают...

— Да перестаньте вы вилять, Эллизауэр! — решительно сказал Изя. — Все предельно ясно: дальше идти боитесь, ведете моральный саботаж, разложили собственных подчиненных, а теперь прибежали сюда жаловаться... А вам, между прочим, даже пешком ходить не приходится. Все время едете...

Давай, Изя, давай, голубчик, думал Андрей с умилением. Врежь ему, паскудине, врежь!.. Он уже обгадился, сейчас в сортир попросится...

— И вообще я не понимаю, из-за чего вся эта паника, — продолжал Изя все так же решительно. — Геология нас подвела? Да господь с ней, с геологией, обойдемся и без

геологии. Без космографии тем более обойдемся... Неужели не ясно, что главное наше дело — разведка, сбор информации. Я лично утверждаю, что экспедиция уже сегодня сделала очень много, а может сделать еще больше. Трактор поломался? Не страшно. Пусть его здесь ремонтируют, два дня или десять, я не знаю — оставим здесь самых усталых и больных, а на втором тракторе двинемся потихонечку дальше. Воду найдем — остановимся, подождем оставшихся. Ведь все очень просто, ничего особенного...

— Да, конечно, все очень просто, Кацман, — желчно сказал Кехада. — А пулю в спину не хотите, Кацман? Или в лоб? Вы слишком увлеклись своими архивами, ничего вокруг не замечаете... Солдаты дальше не пойдут. Я это знаю, я слышал, как они договаривались...

Эллизауэр вдруг воздвигся у него за спиной и, бормоча невнятные извинения, демонстративно держась за живот, кинулся вон из комнаты. Крыса, со злорадством подумал Андрей. Сволочь трусливая. Дристуун...

Кехада будто ничего не заметил.

— Из своих геологов я могу положиться только на одного человека, — продолжал он. — На солдат и на водителей нельзя полагаться вообще. Конечно, вы можете расстрелять одного или двоих для острастки... может быть, это поможет. Не знаю. Сомневаюсь. И я не уверен, что вы имеете моральное право так поступать. Они не хотят идти, потому что чувствуют себя обманутыми. Потому что они ничего не получили от этого похода и теперь уже не надеются получить. Эта прекрасная легенда, которую так находчиво придумал господин Кацман, — легенда насчет Хрустального Дворца — действовать перестала. Преобладают, знаете ли, Кацман, другие легенды...

— Какого черта? — сказал Изя, заикаясь от негодования. — Я ничего не придумывал!..

Кехада отмахнулся от него почти добродушно.

— Ладно, ладно, теперь это уже не имеет никакого значения. Теперь уже ясно, что дворца не будет, так что и говорить здесь не о чем... Вы же прекрасно знаете, господа, что три четверти ваших добровольцев шли в этот поход за добычей и только за добычей. И что они получили вместо добычи? Кровавый понос да вшивую идиотку для ночных развлечений... Но дело даже не в этом. Мало того, что они разочарованы, — они еще и напуганы. Скажем спасибо господину Кацману. Скажем спасибо господину Паку, которому мы так любезно предложили стол и дом в экспедиции. Стараниями этих господ люди чрезмерно много узнали о том, что нам предстоит, если мы двинемся дальше. Люди боятся тринадцатого дня. Люди боятся говорящих волков... Мало нам было акульих волков — нам пообещали говорящих!.. Люди боятся железноголовых. А в сочетании с тем, что они уже повидали — все эти немые с вырезанными языками, заброшенные концлагеря, одичавшие кретины, которые молятся источникам, и хорошо вооруженные кретины, которые ни с того ни с сего стреляют из-за угла... В сочетании с тем, что они увидели за сегодняшний день, здесь, в этих домах — эти кости в забаррикадированных квартирах... Прелестное и внушительное получается сочетание! И если вчера солдат больше всего на свете боялся сержанта Фогеля, то сегодня ему на Фогеля уже наплевать — у него есть страхи пострашнее...

Кехада наконец замолк и, переводя дух, вытер пот, обильно выступивший на его толстом лице. И тут полковник, иронически подняв одну бровь, произнес:

— У меня создается впечатление, что вы и сами основательно напуганы, господин Кехада. Или я ошибаюсь?

Кехада скосил на него красный глаз.

— За меня не беспокойтесь, полковник, — проворчал он. — Если я чего-нибудь и боюсь, так это — пули между лопаток. Ни за что ни про что. От людей, которым я, между прочим, сочувствую.

— Вот как? — заметил полковник. — Ну что ж... Я не берусь судить о важности настоящей экспедиции и не берусь указывать начальнику экспедиции, как ему надлежит

поступать. Мое дело — выполнять приказания. Считаю, однако, необходимым сказать, что все эти рассуждения насчет бунта и неповиновения представляются мне праздной болтовней. Предоставьте моих солдат мне, господин Кехада! Если угодно, можете предоставить мне и тех ваших геологов, которым вы не доверяете. Я с удовольствием ими займусь... Должен обратить ваше внимание, советник, — все с той же убийственной вежливостью продолжал он, поворачиваясь к Андрею, — что сегодня здесь слишком много говорят о солдатах, причем почему-то как раз те лица, которые к солдатам никакого официального отношения не имеют...

— О солдатах говорят лица, — зло прервал его Кехада, — которые круглосуточно работают, едят и спят рядом с ними...

В возникшей тишине послышался легкий скрип кожаного кресла: полковник сел очень прямо. Некоторое время он молчал. Тихонько приоткрылась дверь, Эллизауэр с постной улыбкой, слегка кланяясь на ходу, прокрался к своему месту.

Ну, торопил Андрей, во все глаза глядя на полковника. Ну! Врежь ему! По усам! По роже ему, по роже!..

Полковник наконец заговорил:

— Должен также обратить ваше внимание, советник, что среди некоторой части командного состава обнаружилось сегодня явное сочувствие и, более того, потворство вполне понятным, обычным, но совершенно нежелательным настроениям среди нижних чинов армии. Как старший офицер я имею заявить следующее. В том случае, если упомянутые потворство и сочувствие примут какие-либо практические формы, я буду поступать с потворствующими и сочувствующими, как полагается поступать с таковыми в полевых условиях. В остальном, господин советник, имею честь заверить вас, что армия и впредь готова выполнять любые ваши распоряжения.

Андрей потихоньку перевел дух и с удовольствием посмотрел на Кехаду. Кехада, криво улыбаясь, прикуривал новую сигарету от окурка старой. Эллизауэра не было видно вовсе.

— А как, собственно, поступают с потворствующими и сочувствующими в полевых условиях? — с огромным любопытством осведомился Изя, который тоже был очень доволен.

— Их вешают, — сухо ответил полковник.

Снова наступила тишина. Вот так-то, думал Андрей. Вам, надеюсь, все ясно, господин Кехада? Или, может быть, у вас есть какие-нибудь вопросы? Нет у вас никаких вопросов, куда там!.. Армия! Армия все решает, голубчики мои... И все равно я ничего не понимаю, думал он. Откуда у него такая уверенность? Или, может быть, это только маска, полковник? Я ведь тоже выгляжу сейчас очень уверенным. Во всяком случае, должен бы выглядеть... Обязан.

Он исподлобья посмотрел на полковника. Тот по-прежнему сидел очень прямо, стиснув в зубах погасшую трубку. И он был очень бледен. Может быть, просто от злости. Будем надеяться, что всего лишь от злости... К черту, к черту, панически подумал Андрей. Большой привал! Немедленно! И пусть Кацман достанет мне воду. Много воды. Для полковника. Для одного полковника. И прямо с сегодняшней ночи полковнику — двойную порцию воды!..

Эллизауэр, весь перекошенный, высунулся из-за толстого плеча Кехады и жалобно проскрипел:

— Разрешите... Мне необходимо... Опять...

— Сядьте, — сказал ему Андрей. — Сейчас заканчиваем. — Он откинулся в кресле и взялся за подлокотники. — Приказ на завтра. Объявляется большой привал. Эллизауэр! Все силы на неисправный трактор. Даю вам три дня сроку, извольте управиться. Кехада. Завтра весь день занимайтесь больными. Послезавтра будьте готовы выступить со мной в глубокую разведку. Кацман, вы поедете с нами... Воду! — Он постучал пальцем по столу.

— Воду мне, Кацман!.. Господин полковник! Завтра приказываю вам отдыхать. Послезавтра примете командование лагерем. Все, господа. Свободны.

Глава вторая

Светя себе под ноги фонариком, Андрей торопливо поднялся на следующий этаж — кажется, уже на пятый. Ч-черт, не добегу ведь... Он приостановился и весь напрягся, пережидая острый позыв. В животе что-то с глухим ворчанием провернулось, стало чуть полегче. Дьяволы, все этажи засрали, ступить некуда. Он добрался до площадки и толкнулся в первую же дверь. Дверь со скрипом приоткрылась. Андрей протиснулся внутрь и принялся. Вроде бы ничего... Он посветил фонариком. На разохшемся паркете, тут же у дверей, белели кости среди заскорузлых лохмотьев, скалил зубы череп, облепленный пучками волос. Ну ясно: заглянули, но испугались... Неестественно передвигая ногами, Андрей почти побежал по коридору. Гостиная... Ч-черт, что-то вроде спальни... Где здесь у них сортир? А, вот он...

Потом, уже спокойный, хотя резь в животе так и не утихла до конца, весь покрытый холодным липким потом, он снова вышел в коридор, застегнулся во тьме и снова вытащил из кармана фонарик. Немой был тут как тут — стоял, прислонившись плечом к какому-то полированному, бесконечной высоты шкафу, засунув большие белые ладони под широкий ремень.

— Сторожишь? — рассеянно-добродушно сказал ему Андрей. — Сторожи, сторожи, а то вот саданут меня чем-нибудь тяжелым из-за угла — что тогда будешь делать?..

Он поймал себя на том, что взял привычку разговаривать с этим странным человеком, как с огромной собакой, и ему стало неловко. Он дружески похлопал Немого по голому прохладному плечу и теперь уже не торопясь пошел по квартире, светя фонариком направо и налево. Позади, не приближаясь и не отставая, слышались мягкие шаги Немого.

Эта квартира была еще роскошнее. Множество комнат, набитых тяжелой старинной мебелью, мощные люстры, огромные почерневшие картины — в музейных рамах. Но мебель почти вся была поломана — ручки у кресел оторваны, стулья валялись без ножек и без спинок, у шкафов были оторваны дверцы. Топили они здесь мебелью, что ли, подумал Андрей. При такой-то жаре? Странно...

Дом был вообще, прямо скажем, странноватый, — солдат вполне можно было понять. Некоторые квартиры стояли нараспашку, там было просто пусто, совсем ничего, голые стены. Другие квартиры были заперты изнутри, иногда даже забаррикадированы мебелью, и если удавалось вломиться внутрь, оказывалось, что там валяются на полу человеческие кости. То же самое было и в домах по соседству, и можно было предполагать, что то же обнаружится и в остальных домах этого квартала.

Все это было ни с чем не сообразно, и даже Изя Кацман пока не сумел придумать никакого вразумительного объяснения, почему одни жильцы этих домов бежали, захватив с собою все, что могли унести, даже книги, а другие — забаррикадировались в своих жилищах, чтобы там умереть, по-видимому, от голода и жажды. А может быть, и от холода — в некоторых квартирах обнаружили жалкие подобию железных печурок, а в других огонь разводили, видимо, прямо на полу или на листах ржавого железа, сорванных, скорее всего, с крыши.

— Ты понимаешь, что здесь произошло? — спросил Андрей Немого.

Тот медленно покачал головой.

— Ты был здесь когда-нибудь раньше?

Немой кивнул.

— Тогда здесь жили?

«Нет», — показал Немой.

— Понятно... — пробормотал Андрей, пытаюсь разобрать, что изображено на почерневшей картине. Кажется, что-то вроде портрета. Кажется, женщина какая-то...

— Это опасное место? — спросил он.

Немой глядел на него остановившимися глазами.

— Понимаешь вопрос?

Да.

— Можешь ответить?

Нет.

— И на том спасибо, — сказал Андрей задумчиво. — Значит, может, и ничего. Ладно, пошли домой.

Они вернулись на второй этаж. Немой остался в своем углу, а Андрей прошел к себе. Кореец Пак уже ждал его — беседовал о чем-то с Изей. Увидев Андрея, он замолчал и поднялся ему навстречу.

— Садитесь, господин Пак, — сказал Андрей и сел сам.

Пак, чуточку помедлив, осторожно опустился на сиденье стула и положил руки на колени. Желтоватое лицо его было спокойно, сонные глаза влажно поблескивали сквозь щелочки между припухшими веками. Андрею он всегда нравился — чем-то неуловимо напоминал Кэнси, а может быть, просто потому, что был всегда опрятен, благожелателен, со всеми дружелюбен, но без всякой фамильярности, немногословен, но вежлив и приветлив — всегда немного сам по себе, всегда на некотором неуловимом расстоянии... А может быть, потому, что именно он, Пак, прекратил эту нелепую стычку на триста сороковом километре — в самый разгар пальбы вышел из развалин и, подняв руку с раскрытой ладонью, неторопливо двинулся навстречу выстрелам...

— Вас не разбудили, господин Пак? — спросил Андрей.

— Нет, господин советник. Я еще не ложился.

— Желудок мучает?

— Не больше, чем других.

— Но, вероятно, и не меньше... — заметил Андрей. — А как у вас с ногами?

— Лучше, чем у других.

— Это хорошо, — сказал Андрей. — А как вообще самочувствие? Очень сильно устали?

— У меня все в порядке, благодарю вас, господин советник.

— Это хорошо, — повторил Андрей. — Я вот почему побеспокоил вас, господин Пак. Завтра объявлен большой привал. Но уже послезавтра я намерен с особой группой совершить небольшую рекогносцировку. Километров на пятьдесят-семьдесят вперед. Нам надо найти воду, господин Пак. Идти будем, вероятно, налегке, но быстро.

— Понимаю вас, господин советник, — сказал Пак. — Прошу разрешения присоединиться.

— Благодарю. Хотел просить вас об этом. Итак, выходим послезавтра, прямо в шесть утра. Сухой паек и воду получите у сержанта. Договорились? Теперь вот что... Как вы полагаете, сумеем мы найти здесь воду?

— Думаю, да, — сказал Пак. — Я слышал кое-что об этих районах. Где-то здесь должен быть источник. Когда-то, по слухам, это был очень обильный источник. Теперь он, вероятно, оскудел. Но на наш отряд, возможно, и хватит. Надо посмотреть.

— А может быть, он вообще пересох?

Пак покачал головой.

— Возможно, но весьма маловероятно. Я никогда не слышал об источниках, которые пересыхают совсем. Выход воды может уменьшиться, даже сильно уменьшиться, но совсем источники, видимо, не пересыхают.

— В документах я пока не нашел ничего полезного, — сказал Изя. — Вода в город подавалась по акведуку, а теперь этот акведук сух, как... как я не знаю что.

Пак промолчал.

— А что вы еще слышали об этих кварталах? — спросил его Андрей.

— Разные более или менее страшные вещи, — сказал Пак. — Часть — явная выдумка. Что касается остального... — Он пожал плечами.

— Ну, например? — сказал Андрей благодушно.

— Собственно, все это я уже рассказывал вам раньше, господин советник. Например, по слухам, где-то неподалеку отсюда находится так называемый Город Железноголовых. Однако кто такие эти железноголовые, я понять так и не сумел... Кровавый водопад — но это еще, по-видимому, далеко. Вероятно, речь идет о потоке, который размывает какую-нибудь горную породу красного цвета. Воды там, во всяком случае, будет много... Существуют легенды о говорящих животных — это уже на грани вероятного. А о том, что находится за этой гранью, говорить, видимо, не имеет смысла... Впрочем, Эксперимент есть Эксперимент.

— Вам, наверное, очень надоели эти расспросы, — сказал Андрей, улыбаясь. — Воображаю, как вам надоело повторять всем одно и то же в двадцатый раз. Но вы уж нас извините, господин Пак. Ведь среди нас вы — самый осведомленный.

Пак снова пожал плечами.

— К сожалению, цена моей осведомленности невелика, — сказал он сухо. — Большинство слухов не подтверждается. И наоборот — встречается много такого, о чем я никогда ничего не слышал... А что касается расспросов, то не кажется ли вам, господин советник, что рядовые члены группы слишком осведомлены, когда речь идет о слухах? Лично я отвечаю на расспросы только тогда, когда разговариваю с кем-нибудь из командного состава. Я считаю неправильным, господин советник, что солдаты и прочие рядовые работники экспедиции в курсе всех этих слухов. Вредно для морали.

— Вполне согласен с вами, — сказал Андрей, стараясь не отводить глаз. — И во всяком случае, я бы предпочел, чтобы было побольше слухов насчет молочных рек с кисельными берегами.

— Да, — сказал Пак. — Поэтому, когда меня спрашивают солдаты, я стараюсь уклониться от неприятных тем и муссирую, главным образом, легенду о Хрустальном Дворце... Правда, в последнее время они больше не желают слушать об этом. Все очень боятся и хотят домой.

— И вы тоже? — спросил Андрей сочувственно.

— У меня нет дома, — сказал Пак спокойно. Лицо у него было непроницаемое, глаза сделались совсем сонные.

— Н-да... — Андрей побарабанил пальцами по столу. — Ну что же, господин Пак. Еще раз — спасибо. Прошу вас отдохнуть. Спокойной ночи.

Он проводил глазами спину, обтянутую выцветшей голубой саржей, подождал, пока закроется дверь, и сказал:

— Хотел бы я все-таки понять, зачем он увязался с нами?

— То есть как это — зачем? — встрепенулся Изя. — Сами они разведку организовать не могли, вот и попросились к тебе...

— А зачем им, собственно, разведка?

— Ну, дорогой мой, не всем царство Гейгера по вкусу, как тебе! Раньше они не хотели жить под господином мэром — это тебя не удивляет? А теперь они не хотят жить под господином президентом. Они хотят жить сами по себе, понимаешь?

— Понимаю, — сказал Андрей. — Только, по-моему, никто не собирается мешать им жить самим по себе.

— Это — по-твоему, — сказал Изя. — Ты ведь не президент.

Андрей залез в железный ящик, достал плоскую флягу со спиртом и принялся свинчивать колпачок.

— Неужели ты воображаешь, — сказал Изя, — что Гейгер потерпит у себя под боком хорошо вооруженную, крепкую колонию? Две сотни закаленных, битых-перебитых

мужиков всего в трехстах километрах от Стеклянного Дома... Конечно, он им жить не даст. Значит, им надо уходить дальше на север. Куда?

Андрей побрызгал спиртом на руки и изо всех сил потер ладонь о ладонь.

— До чего же осточертела эта грязь... — пробормотал он с отвращением. — Ты представить себе не можешь...

— Да-а, грязь... — сказал Изя рассеянно. — Грязь — это тебе не сахар... Ты мне скажи, что ты все время пристаешь к Паку? Чем он тебе не потрафил? Я его знаю давно, чуть ли не с первого дня. Это честнейший, культурнейший человек. Что ты к нему пристал? Только твоей зоологической ненавистью к интеллигенции можно объяснить эти бесконечные иезуитские допросы. Если тебе так уж позарез надо узнать, кто распространяет слухи, осведомителей своих допрашивай, а Пак здесь ни при чем...

— У меня нет осведомителей, — холодно сказал Андрей.

Они помолчали. Потом Андрей неожиданно для себя сказал:

— Хочешь — честно?

— Ну? — жадно сказал Изя.

— Так вот, мой милый. У меня в последнее время появилось ощущение, что кто-то очень хочет нашу экспедицию прекратить. Совсем прекратить, понимаешь? Не просто чтобы мы повернули оглобли и пошли домой, а прикончить нас. Уничтожить. Чтобы мы пропали без вести, понимаешь?

— Н-ну, брат!.. — сказал Изя. Пальцы его со скрипом копались в бороде, отыскивая бородавку.

— Да-да! И я все пытаюсь понять, кому это может быть выгодно. И получается, что это выгодно твоему Паку. Молчи! Дай мне договорить! Если мы пропадем без вести, Гейгер не узнает ничего — ни о колонии, ни о чем... И вторую такую экспедицию он не скоро решится организовать. И тогда не надо им будет уходить на север, покидать насиженное место. Вот так вот у меня получается, понимаешь?

— По-моему, ты с ума сошел, — сказал Изя. — Откуда у тебя эти ощущения? Если насчет повернуть оглобли — тут никаких ощущений не надо. Все хотят повернуть... Но откуда ты взял, что нас хотят уничтожить?

— Не знаю! — сказал Андрей. — Я тебе говорю: ощущение... — Он помолчал. — Во всяком случае, я правильно решил взять Пака с собой послезавтра. Нечего ему тут без меня в лагере делать...

— Да он-то здесь при чем?! — гаркнул Изя. — Ну подумай ты головой своей дурацкой! Ну, уничтожит он нас, а потом что? Восемьсот километров пешком? По безводью?!

— Откуда я знаю? — огрызнулся Андрей. — Может, он трактор умеет водить.

— Ты еще Мымру заподозри, — сказал Изя. — Как это... Как в сказке о царе Додоне... Шамаханская царица.

— Н-да... Мымра... — задумчиво сказал Андрей. — Тоже штучка та еще... И этот Немой... Кто он? Откуда? Почему ходит везде за мной, как собака? Даже в сортир... Между прочим, ты знаешь, он уже, оказывается, в этих местах побывал.

— Открытие сделал! — сказал Изя пренебрежительно. — Это я давным-давно понял. Эти безъязыкие пришли с севера...

— Может быть, им здесь и вырезали языки? — сказал Андрей негромко.

Изя посмотрел на него.

— Слушай, давай выпьем, — сказал он.

— Разбавлять нечем.

— Ну, тогда хочешь, я тебе Мымру приведу?

— Иди ты к дьяволу... — Андрей поднялся, морщась, подвигал стертой ногой в ботинке. — Ладно, я пойду погляжу, как и что. — Он похлопал себя по пустой кобуре. — У тебя пистолет есть?

— Есть где-то. А что?

— Ладно, так пойду, — сказал Андрей.

Вытаскивая на ходу фонарик, он вышел в коридор. Немой поднялся ему навстречу. Справа, в глубине квартиры, из-за приоткрытой двери слышались негромкие голоса. Андрей приостановился.

— ...В Каире, Даган, в Каире! — внушительно вещал полковник. — Теперь я вижу, что вы все забыли, Даган. Двадцать первый полк Йоркширских стрелков, и командовал им тогда старина Билл, пятый баронет Стрэтфорд.

— Я прошу извинения, господин полковник, — почтительно возражал Даган. — Мы можем прибегнуть к дневникам господина полковника...

— Не надо, не надо никаких дневников, Даган! Занимайтесь своим пистолетом. Вы мне еще обещали почитать на ночь...

Андрей вышел на лестничную площадку и, как на телеграфный столб, налетел на Эллизауэра. Эллизауэр курил, ссутулившись, прислонясь задом к железным перилам.

— Последняя перед сном? — спросил Андрей.

— Так точно, господин советник. Сейчас ложусь.

— Ложитесь, ложитесь, — сказал Андрей, проходя. — Знаете: больше спишь — меньше грешешь.

Эллизауэр почтительно хихикнул ему вслед. Верста коломенская, подумал Андрей. Попробуй мне только в три дня не управиться — самого в волокушу запрягу...

Нижние чины располагались на нижнем этаже (хотя гадить они наладились на верхних). Разговоров здесь слышно не было — все или почти все, видимо, уже спали. Сквозь распахнутые — для сквозняка — двери квартир, выходящих в вестибюль, доносился разноголосый храп, сонное чмокание, бормотание, хриплый прокуренный кашель.

Андрей заглянул сначала в квартиру налево. Здесь устроились армейцы. Из маленькой комнатки без окон виднелся свет. Сержант Фогель в одних трусах и в фуражке, сдвинутой на затылок, сидел за столиком и прилежно заполнял какую-то ведомость. В армии был порядок: дверь комнатки была настежь, так что никто не мог бы войти или выйти незамеченным. На звук шагов сержант быстро поднял голову и всмотрелся, прикрывая лицо от света лампы.

— Это я, Фогель, — сказал Андрей негромко и вошел.

Сержант мигом поставил ему стул. Андрей сел и огляделся. Так, в армии порядок. Все три бидона с расходной водой здесь. Ящики с консервами и галетами для завтрашнего завтрака тоже уже здесь. И ящик с сигаретами. Прекрасно вычищенный пистолет сержанта лежал на столе. Дух в комнатке стоял тяжелый, мужской, походно-полевой. Андрей положил руку на спинку стула.

— Что на завтрак, сержант? — спросил он.

— Как обычно, господин советник, — сказал Фогель, удивившись.

— Давайте-ка придумайте что-нибудь не как обычно, — сказал Андрей. — Кашу, что ли, рисовую с сахаром... Консервированные фрукты остались?

— Можно рисовую кашу с черносливом, — предложил сержант.

— Давайте с черносливом... Воды выдайте утром двойную порцию. И по полплитки шоколаду... Шоколад остался?

— Есть еще немного, — сказал сержант неохотно.

— Вот и выдайте... Сигареты что — последний ящик?

— Точно так.

— Ну, ничего не поделаешь. Завтра — как обычно, а с послезавтрашнего дня сокращайте норму... Да, и вот еще что. Полковнику с сегодняшнего дня и впредь — двойную порцию воды.

— Осмелюсь доложить... — начал было сержант.

— Знаю, — прервал его Андрей. — Скажете, что это мой приказ.

— Слушаюсь... Угодно господину советнику... Анастасис! Куда?

Андрей обернулся. В коридоре, покачиваясь на нетвердых ногах и придерживаясь рукой за стену, стоял совершенно раскисший со сна солдат — тоже в одних трусах и в ботинках.

— Виноват, господин сержант... — промямлил он. Видно было, что он ничего не сообщает. Потом руки его опустились по швам. — Разрешите отлучиться в уборную, господин сержант!

— Бумага нужна?

Солдат почмокал губами, пошевелил лицом.

— Никак нет. Имеется... — Он показал зажатый в кулаке клочок бумаги, видимо, из Изиных архивов. — Разрешите идти?

— Ступай... Прошу прощения, господин советник. Всю ночь бегают. А случается, что и просто так... под себя... Раньше хоть марганцовка помогала, а теперь вот ничего уже не помогает... Угодно будет, господин советник, проверить караулы?

— Нет, — сказал Андрей, поднимаясь.

— Прикажете сопровождать?

— Нет. Оставайтесь.

Андрей снова вышел в вестибюль. Здесь было так же жарко, но воняло все-таки поменьше. Рядом бесшумно вырос Немой. Слышно было, как на лестнице, этажом выше, оступается и шипит сквозь зубы рядовой Анастасис. Не дойдет ведь до сортира, на пол навалит, подумал Андрей с гадливым сочувствием.

— Ну что, — сказал он вполголоса Немому. — Посмотрим, как гражданские устроились?

Он пересек вестибюль и вошел в дверь квартиры напротив. Походно-полевой дух стоял и здесь, но армейского порядка уже не было. Пригашенная лампа в коридоре тускло освещала сваленные кое-как приборы в брезентовых чехлах вперемежку с оружием, грязный рюкзак с развороченными внутренностями, брошенные у стены манерки и кружки. Взяв лампу, Андрей шагнул в ближайшую комнату, и сейчас же ему под ноги попался чей-то ботинок.

Здесь спали водители — голые, потные, распростерты на мятом брезенте. Даже простыни не постелили... Впрочем, простыни были, надо думать, грязнее всякого брезента. Один из водителей вдруг поднялся, сел, не раскрывая глаз, зверски поскреб плечи и проговорил невнятно: «На охоту идем, а не в баню... На охоту, понял? Вода желтая... под снегом желтая, понял?» Еще не договорив, он снова обмяк и повалился на бок.

Андрей убедился, что все четверо на месте, и прошел к следующей комнате. Здесь уже обитала интеллигенция. Спали на раскладушках, застелив их серыми простынями, спали тоже беспокойно, с нездоровым храпом, — постанывали, скрипели зубами. Двое картографов в одной комнате, двое геологов — в соседней. В комнате геологов Андрей уловил незнакомый сладковатый запах, и ему сразу же вспомнилось, что ходит слух, будто геологи покуривают гашиш. Позавчера сержант Фогель отобрал сигарету с анашой у рядового Тевосяна, начистил ему зубы и пригрозил сгноить в авангарде. И хотя полковник отнесся к этому случаю скорее юмористически, Андрею все это очень не понравилось.

Остальные комнаты в огромной квартире были пусты, только на кухне, закутавшись с головой в какое-то тряпье, спала Мымра — измотали ее, видно, за этот вечер. Из-под гнусного тряпья торчали тощие голые ноги, все в ссадинах и каких-то пятнах. Вот еще беда на нашу голову, подумал Андрей. Шамаханская царица. Черт бы ее побрал, проклятую сучку. Шлюха грязная... Откуда? Кто такая? Бормочет невразумительное на непонятном языке... Почему в Городе — непонятный язык? Как это может быть? Изя услышал — обалдел... Мымра. Это ведь Изя ее так назвал. Правильно назвал. Очень похоже. Мымра.

Андрей вернулся к комнате водителей, поднял лампу над головой и показал Немому на Пермяка. Немой, бесшумно скользнув между спящими, нагнулся над Пермяком и взял его обеими ладонями за уши. Потом он выпрямился. Пермяк уже сидел, упираясь одной рукой в пол, а другой — отирая с губ набежавшую во сне слюнку.

Поймав его взгляд, Андрей мотнул головой в сторону коридора, и Пермяк сразу же поднялся на ноги — легко и беззвучно. Они прошли в пустую комнату в глубине квартиры, Немой плотно закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Андрей посмотрел, где сесть. Комната была пуста, и он сел прямо на пол. Пермяк опустил перед ним на корточки. В свете лампы конопатое лицо его казалось нечистым, спутанные волосы падали на лоб, и сквозь них чернела корявая татуировка «раб Хрущева».

— Пить хочешь? — спросил Андрей вполголоса.

Пермяк кивнул. На лице его появилась знакомая блудливая улыбочка. Андрей извлек из заднего кармана плоскую флягу, где на доньшке плескалась вода, и протянул ему. Он смотрел, как Пермяк пьет — маленькими скупыми глотками, шумно дыша через нос, двигая щетинистым кадыком. Вода сразу же испариной выступала у него на теле.

— Тепленькая... — сипло сказал Пермяк, возвращая пустую фляжку. — Холодной бы... из-под крана... Эх!

— Что там у вас с двигателем? — спросил Андрей, засовывая фляжку обратно в карман.

Пермяк растопыренной ладонью собрал пот с лица.

— Говно — двигатель, — сказал он. — Его у нас вторым делали, не поспевали к сроку... Чудо еще, что до сего дня продержался.

— Починить можно?

— Починить можно. Денька два-три потыркаемся — починим. Только это ненадолго. Еще километров двести прочапаем, снова будем загорать. Говно — двигатель.

— Понятно, — сказал Андрей. — А ты не заметил, кореец Пак около солдат не вертится?

Пермяк досадливо отмахнулся от этого вопроса. Он придвинулся к Андрею и проговорил ему в самое ухо:

— Нынче на обеденном привале солдаты сговорились дальше не идти.

— Это я уже знаю, — сказал Андрей, стискивая зубы. — Ты мне скажи, кто у них верховодит?

— Не могу никак разобрать, начальник, — свистящим шепотом ответил Пермяк. — Болтает больше всех Тевосян, но ведь он трепло, а потом, он последнее время что ни утро — торчит...

— Что?

— Торчит... Ну — под балдой, накурившись... Его никто не слушает. А вот кто настоящий заводила — не пойму.

— Хнойпек?

— А хрен его знает. Может, и он. Человек в авторитете... Водители вроде бы тоже за, то есть чтобы дальше не идти. От господина Эллизауэра толку никакого нет — он только хихикает, как падло, да всем старается угодить... боится, значит. А я что могу? Я только их подзуживаю, что на солдат полагаться нельзя, что они нашего брата-водителя ненавидят. Мы, мол, едем — они идут. Им паек солдатский, а нам — как господам ученым... За что, мол, им нас любить? Раньше действовало, а теперь что-то плохо действует. Главное что? Тринадцатый день послезавтра...

— А ученые как? — прервал его Андрей.

— А хрен их знает. Ругаются страшными словами, а вот за кого они — не могу понять. Каждый божий день у них с солдатами из-за Мымры грызня... А господин Кехада, знаете, что говорил? Что полковник, мол, долго не протянет.

— Кому говорил?

— Я так думаю, что это он всем говорит. А сам я слышал, как он это своим геологам объяснял, чтобы они с оружием не расставались. На этот случай. Сигаретки нет, Андрей Михайлович?

— Нет, — сказал Андрей. — А как сержант?

— К сержанту не подступишься. С ним — где залезешь, там и слезешь. Камешек. Убьют они его первого. Очень ненавидят.

— Ладно, — сказал Андрей. — А как все-таки насчет корейца? Агитирует он солдат или нет?

— Не видел. Он всегда особняком держится. Ежели хотите, я, конечно, за ним специально присмотрю, но, по-моему, это пустой номер...

— Ну, вот что, — сказал Андрей. — С завтрашнего дня — большой привал. Работы, в общем, никакой. Только на тракторе. А солдаты будут вообще только валяться да болтать. Ты вот что, Пермяк. Ты мне выясни, кто у них главный. Это у тебя будет дело номер один. Придумай что-нибудь, тебе там видней, как это сделать... — Он поднялся, и Пермяк тоже вскочил. — Тебя сегодня правда рвало?

— Да, скрутило чего-то... Сейчас вроде полегче.

— Надо что-нибудь?

— Да нет, лучше не стоит. Курева бы...

— Ладно. Трактор почините — премию выдам. Иди.

Пермяк выскользнул за дверь мимо посторонившегося Немого, а Андрей подошел к окну и оперся на подоконник, выжидая положенные пять минут. В отсветах подвижной фары грузно чернели остовы волокуш и второго трактора, блестели остатки стекол в черных окнах дома напротив. Справа невидимый в темноте часовой, позвякивая подковками, бродил взад-вперед поперек улицы и тихонько насвистывал что-то унылое.

Ничего, подумал Андрей. Выкарабкаемся. Заводилу бы найти... Он представил себе снова, как по его приказу сержант выстраивает солдат без оружия в одну шеренгу и как он, Андрей, начальник экспедиции, с пистолетом в опущенной руке медленно идет вдоль этой шеренги, вглядываясь в окаменевшие заросшие лица, как он останавливается перед отвратной рыжей харей Хнойпека и стреляет ему в живот — раз и второй раз... Без суда и следствия. Так будет с каждым мерзавцем и трусом, который осмелится...

А господин Пак, по-видимому, и на самом деле ни при чем, подумал он. И на том спасибо. Ладно. Завтра еще ничего не случится. Еще дня три ничего не случится, а за три дня можно много чего придумать... Можно, например, хороший источник найти, километрах в ста впереди. К воде небось поскачут, как лошади... Ну и духотища же все-таки здесь. Всего-то один вечер здесь стоим, а уже дерьмом везде воняет... И вообще время всегда работает на начальство против бунтовщиков. Везде так было и всегда так было... Откуда я это взял? Изя? Да нет, пожалуй, это я сам придумал. Хорошо придумал, правильно. Молодец... Вот они сегодня сговорились, что завтра дальше не пойдут. Утром поднимутся оскаленные, а мы им — большой привал. Идти-то, ребята, оказывается, никуда и не надо, зря оскалились... А тут еще тебе и каша с черносливом, чаю вторая кружка, шоколад... Вот так-то, господин Хнойпек! А до тебя я все-таки доберусь, дай только срок... Ч-черт, спать охота. Пить охота... Ну, про питье ты, положим, забудь, господин советник, а вот спать надо. Завтра — чуть свет... Провалился бы ты, Фриц, со своей экспансией. Тоже мне — император всея говна...

— Пойдем, — сказал он Немому.

За столом Изя все еще листал свои бумажки. Теперь он взял себе новую дурную привычку — бороду кусать. Завернет волосню свою на горсть, сунет в зубы и грызет. Экое чучело, право... Андрей подошел к раскладушке и принялся застилать простыню. Простыня липла к рукам, как клеенка.

Изя вдруг сказал, повернувшись к нему всем телом:

— Так вот. Жили они здесь под управлением Самого Любимого и Простого. Все с большой буквы, заметь. Жили хорошо, всего было вдоволь. Потом стал меняться климат,

наступило резкое похолодание. А потом еще что-то произошло, и они все погибли. Я тут нашел дневник. Хозяин забаррикадировался в квартире и помер от голода. Вернее, он не помер, а повесился, но повесился от голода — сошел с ума... Началось с того, что на улице появилась какая-то рябь...

— Что появилось? — спросил Андрей, переставая стаскивать ботинок.

— Какая-то рябь появилась. Рябь! Тот, кто попадал в эту рябь, исчезал. Иногда успевал еще заорать, а иногда и того не успевал — просто растворялся в воздухе, и все.

— Бред какой-то... — проворчал Андрей. — Ну?

— Те, кто вышел из дому, все погибли в этой ряби. А те, кто испугался или сообразил, что дело дрянь, те поначалу выжили. Первое время по телефону переговаривались, потом стали понемножку вымирать. Жрать ведь нечего, на улице — мороз, дров не запасли, отопление не работает...

— А рябь куда делась?

— Ничего по этому поводу не пишет. Я тебе говорю, он к концу с ума сошел. Последняя запись у него такая... — Изя пошелестел бумагами. — Вот, слушай: «Не могу больше. Да и зачем? Пора. Сегодня утром Любимый и Простой прошел по улице и заглянул ко мне в окно. Это улыбка. Пора». И все. Квартира у него, заметь, на пятом этаже. Он, бедняга, петельку к люстре приладил... Петелька, между прочим, так до сих пор и висит.

— Да, похоже, на самом деле с ума сошел, — сказал Андрей, забираясь в постель. — Это от голода, точно. Слушай, а насчет воды как, ничего?

— Пока ничего. Я полагаю, нам завтра надо дойти до конца акведука... Ты что, уже спать?

— Да. И тебе советую, — сказал Андрей. — Прикрути лампу и выметайся.

— Слушай, — сказал Изя жалобно. — Я хотел еще немножко почитать. У тебя лампа хорошая.

— А твоя где? У тебя такая же.

— Понимаешь, она у меня разбилась. В волокуше... Я на нее ящик поставил. Нечаянно...

— Кр-ретин, — сказал Андрей. — Ладно. Забирай лампу и уходи.

Изя торопливо зашуршал бумагой, двинул стулом, потом сказал:

— Да! Тут тебе Даган пистолет твой принес. И от полковника что-то передавал, но я забыл...

— Ладно, дай сюда пистолет, — сказал Андрей.

Он сунул пистолет под подушку и повернулся на бок, спиной к Изе.

— А хочешь, я тебе одно письмо почитаю? — вкрадчиво сказал Изя. — У них тут, понимаешь, было что-то вроде полигамии...

— Пошел вон, — спокойно сказал Андрей.

Изя хихикнул. Андрей с закрытыми глазами слушал, как он возится, шуршит, скрипит разошедшимся паркетом. Потом скрипнула дверь, и когда Андрей открыл глаза, было уже темно.

Рябь какая-то... Н-да. Ну, тут уж как повезет. Сие от нас не зависит. Думать надо только о том, что от нас зависит... Вот в Ленинграде никакой ряби не было, был холод, жуткий, свирепый, и замерзающие кричали в обледенелых подъездах — все тише и тише, долго, по многу часов... Он засыпал, слушая, как кто-то кричит, просыпался все под этот же безнадежный крик, и нельзя сказать, что это было страшно, скорее тошно, и когда утром, закутанный до глаз, он спускался за водой по лестнице, залитой замерзшим дерьмом, держа за руку мать, которая волочила санки с привязанным ведром, этот, который кричал, лежал внизу возле клетки лифта, наверное, там же, где упал вчера, наверняка там же — сам он встать не мог, ползти тоже, а выйти к нему так никто и не вышел... И никакой ряби не понадобилось. Мы выжили только потому, что мать имела обыкновение покупать дрова не летом, а ранней весной. Дрова нас спасли. И кошки.

Двенадцать взрослых кошек и маленький котенок, который был так голоден, что, когда я хотел его погладить, он бросился на мою руку и жадно грыз и кусал пальцы... Вас бы туда, сволочей, подумал Андрей про солдат с неожиданной злобой. Это вам не Эксперимент... И тот город был пострашнее этого. Я бы там обязательно сошел с ума. Меня спасло, что я был маленький. Маленькие просто умирали...

А город, между прочим, так и не сдали, подумал он. Те, кто остался, понемножку вымидали. Складывали их штабелями в дровяных сараях, живых пытались вывезти — власть все равно функционировала, и жизнь шла своим чередом — странная, бредовая жизнь. Кто-то просто тихо умирал; кто-то совершал героические поступки, потом тоже умирал; кто-то до последнего вкалывал на заводе, а когда приходило время, тоже умирал... Кто-то на всем этом жирел, за кусочки хлеба скупал драгоценности, золото, жемчуг, серьги, потом тоже умирал — сводили его вниз к Неве и стреляли, а потом поднимались, ни на кого не глядя, закидывая винтовочки за плоские спины... Кто-то охотился с топором в переулках, ел человечину, пытался даже торговать человечинкой, но тоже все равно умирал... Не было в этом городе ничего более обыкновенного, чем смерть. А власть оставалась, и пока оставалась власть, город стоял.

Интересно все-таки, было им нас жалко? Или они о нас просто не думали? Просто выполняли приказ, а в приказе было про город и ничего не было про нас. То есть про нас, конечно, тоже было, но только в пункте «ж»... На Финляндском вокзале под ясным, белым от холода небом стояли эшелоны дачных вагонов. В нашем вагоне было полно детишек, таких же, как я, лет двенадцати — какой-то детский дом. Ничего почти не помню. Помню солнце в окнах и пар дыхания, и детский голос, который все повторял и повторял одну и ту же фразу, с одной и той же бессильно-злой визгливой интонацией: «Иди на х... отседова!», и снова: «Иди на х... отседова!», и снова...

Подожди, я не об этом. Приказ и жалость — вот я о чем. Вот мне, например, солдат жалко. Я их прекрасно понимаю и даже им сочувствую. Отбирали ведь добровольцев, и вызвались, конечно, в первую голову авантюристы, сарынь-на-кичку, которым в благоустроенном нашем городе скушно и томно, которые не прочь посмотреть совсем новые места, автоматиком поиграть при случае, пошарить по развалинам, а вернувшись — набить карманы наградными, нацепить свеженькие лычки, гоголем походить среди девок... И вот вместо всего этого — понос, кровавые мозоли, чертовщина жуткая какая-то... Тут забунтуешь!

А мне? Мне что — легче? Я что — тоже за поносом сюда шел? Мне тоже неохота дальше идти, я тоже впереди ничего хорошего уже не вижу, у меня, черт вас побери, тоже были кое-какие надежды — свой, понимаете ли, хрустальный дворец за горизонтом! Я, может быть, сейчас рад-радехонек скомандовать: все, ребята, поворачивай оглобли!.. Мне ведь тоже осточертела эта грязь, я тоже разочарован, я тоже, черт побери, боюсь — какой-нибудь там ряби паршивой или людей с железными головами. У меня, может быть, все внутри оборвалось, когда я этих безъязыких увидел: вот оно, предупреждение тебе — не ходи, дурак, возвращайся... А волки? Когда я один в арьергарде шел, потому что вы все со страху обдристались, думаете, мне сладко было? Выскочит из пыли, отхватит ползадницы, и нет его... Вот так-то, голубчики, сволочи мои дорогие, не вам одним тяжело, у меня тоже от жажды внутри все потрескалось...

Ну хорошо, сказал он себе. А на кой ляд ты тогда идешь? Вот прямо завтра и дай команду — птичкой полетим, через месяц будем дома, бросишь Гейгеру под ноги свои высокие полномочия и скажешь: ну тебя, брат, на хер, сам иди, если тебе так приспичило экспансию разводить, если у тебя, понимаешь, в одном месте свербеж... Да нет, собственно, почему обязательно со скандалом? Как-никак, а прошли девятьсот километров, карту сделали, архивов раздобыли десять ящиков — мало, что ли? Ну нет там ничего дальше! Сколько же можно еще ноги мозолить? Это ведь не Земля, не шар... Ну нет здесь нефти, и воды нет, и крупных поселений... И Антигорода никакого, конечно,

нет, это совершенно теперь ясно — никто здесь о нем и слыхом не слыхивал... В общем, оправдания найдутся. Оправдания... То-то и оно, что оправдания!

Тут ведь вопрос как стоит? Договорились идти до конца, и приказано было тебе идти до конца. Так? Так. Теперь: дальше идти можешь? Могу. Жратва есть, горючее есть, оружие в порядке... Люди, конечно, измотались, но все целы-невредимы... Да и не так уж измотались, в конце концов, коли Мымру по вечерам валяют... Нет, брат, не сходятся у тебя концы с концами. Дерьмовый ты начальник, скажет тебе Гейгер, ошибся я в тебе! А тут еще ему Кехада — в одно ухо, Пермьяк — в другое, а там уже и Эллизауэр на подхвате...

Эту последнюю мысль Андрей постарался поскорее отогнать, но было уже поздно. С ужасом он обнаружил, что для него, оказывается, отнюдь не маловажную роль играет его положение господина советника и что ему крайне не нравится думать о том, что положение это может вдруг измениться.

Ну и пусть изменится, думал он, защищаясь. Что я — с голоду подохну без этого положения? Пожалуйста! Пусть господин Кехада садится на мое место, а я сяду — на его. Дело от этого пострадает, что ли?.. Господи, подумал он вдруг. Да какое, собственно, дело-то? Что ты несешь, милый? Ты ведь уже теперь не маленький — о судьбах мира заботиться... Судьбы мира, знаешь ли, и без тебя обойдутся, и без Гейгера... Каждый должен делать свое дело на своем посту? Пожалуйста, не возражаю. Готов делать свое дело на своем посту. На своем. На этом самом. На посту власть имущего. Вот так-то, господин советник!.. А какого черта? Почему бывший унтер-офицер битой армии имеет право властвовать над миллионным городом, а я — без пяти минут кандидат наук, человек с высшим образованием, комсомолец — не имею права властвовать над отделом науки? Что же это — у меня хуже выходит, чем у него? В чем дело?..

Ерунда все это — «имею право, не имею права»... Право на власть имеет тот, кто имеет власть. А еще точнее, если угодно, — право на власть имеет тот, кто эту власть осуществляет. Умеешь подчинять — имеешь право на власть. Не умеешь — извини!..

И вы у меня пойдете, мерзавцы! — сказал он спящей экспедиции. Не потому вы у меня пойдете, что я сам рвусь, как этот павиан бородатый, в неизведанные дали, а потому вы у меня пойдете, что я вам прикажу идти. А прикажу я вам идти, сукины вы дети, разгильдяи, ландскнехты дрисливые, не из чувства долга перед Городом или, упаси бог, перед Гейгером, а потому, что у меня есть власть, и эту власть я должен постоянно подтверждать — и перед вами, паскудниками, подтверждать, и перед собой. И перед Гейгером... Перед вами — потому что иначе вы меня сожрете. Перед Гейгером — потому что иначе он меня выгонит вон и будет прав. А перед собой... Это, знаете ли, королям и всяким там монархам была в свое время лафа. Власть у них была от Бога, лично, без власти ни они сами себя не представляли, ни ихние подданные. Да и то, между прочим, зевать им не приходилось. А мы, маленькие люди, в Бога не верим. Нас на трон миром не мазали. Мы должны сами о себе позаботиться... У нас, знаете ли, так: кто смел, тот и съел. Самозванцев нам не надо — командовать буду я. Не ты, не он, не они и не оне. Я. Армия меня поддержит...

Во наколбасил, подумал он с некоторой даже неловкостью. Он перевернулся на другой бок, а руку для удобства засунул под подушку, где было попрохладней. Пальцы его наткнулись на пистолет.

...Это как же вы намереваетесь всю эту свою программу осуществлять, господин советник? Это же — стрелять придется! Не в воображении своем стрелять («Рядовой Хнойпек, выйти из строя!..»), не онанизмом умственным заниматься, а вот так — взять и выпалить живому человеку, может быть, безоружному, может быть, даже ничего не подозревающему, может быть, и не виноватому, в конце концов... да плевать на все это! — ЖИВОМУ человеку — в живот, в мягкое, в кишки... Нет, этого я не умею. Этого я никогда не делал и, ей-богу, не представляю... На триста сороковом километре я, конечно,

тоже палил, как и все, со страху просто, ничего же не понимал... Но там я никого не видел, и там в меня, черт побери, тоже стреляли!..

Ладно, подумал он. Ну, хорошо — гуманизм там, отсутствие привычки опять же... А если они все-таки не пойдут? Я им прикажу, а они мне ответят: шел бы ты на хер, братец, сам иди, если у тебя в одном месте свербеж...

А ведь это идея! — подумал он. Выдать разгильдяям немного воды, часть жратвы выделить на обратную дорогу, поломанный трактор пусть чинят... Идите, мол, без вас обойдемся. Как бы это было роскошно — разом освободиться от дерьма!.. Впрочем, он сразу же представил себе лицо полковника при таком предложении. М-да, полковник этого не поймет. Не та порода. Он как раз из этих... из монархов. Ему мысль о возможном неподчинении просто в голову не приходит. И уж во всяком случае, мучиться над всеми этими проблемами он не станет... Военно-аристократическая косточка. Ему хорошо — у него и отец был полковник, и дед был полковник, и прадед был полковник — вон какую империю отгрохали, то-то небось народу перебили... Вот он пусть и расстреливает, в случае чего. В конце концов, это его люди. Я в его дела вмешиваться не намерен... Ч-черт, надоело мне это все! Интеллигентщина распротухлая, развел гнидник под черепашкой!.. Должны идти — и все! Я выполняю приказ, и вы извольте выполнять. Меня не приласкают, если нарушу, и вам тоже, черт вас дери, не поздоровится! И все. И к черту. Лучше о бабах думать, чем об этой ерунде. Тоже мне — философия власти...

Он снова перевернулся, скручивая под собою простыню, и с натугой представил себе Сельму. В этом ее сиреневом пеньюаре — как она наклоняется перед постелью и ставит на столик поднос с кофе... Он подробно представил себе, как все это было бы с Сельмой, а потом вдруг — уже без всякой натуги — очутился на службе в своем кабинете, где обнаружил в большом кресле Амалию с юбчонкой, закатанной до подмышек... Тогда он понял, что дело зашло слишком далеко.

Он отбросил простыню, сел нарочито неудобно, чтобы край раскладушки врезался в задницу, и некоторое время сидел, таращась в слабо освещенный рассеянным светом прямоугольник окна. Потом он посмотрел на часы. Было уже больше двенадцати. А вот встану сейчас, подумал он. Спустишь на первый этаж... Где она там дрыхнет — на кухне, что ли? Раньше эта мысль всегда вызывала у него здоровое отвращение. Сейчас этого не получалось. Он представил себе голые грязные ноги Мымры, но не задержался на них, а пошел выше... Ему вдруг стало интересно, а какая она голая. В конце концов, баба есть баба...

— Господи! — сказал он громко.

Дверь сейчас же скрипнула, и на пороге появился Немой. Черная тень во тьме. Только белки поблескивают.

— Ну чего пришел? — сказал ему Андрей с тоскою. — Иди спи.

Немой исчез. Андрей нервно зевнул и повалился боком на койку.

Проснулся он от ужаса, весь мокрый.

— ...Стой, кто идет? — снова завопил под окном часовой. Голос у него был пронзительный, отчаянный, словно он звал на помощь.

И сейчас же Андрей услышал тяжелые хрусткие удары, как будто кто-то огромный мерно ударял огромной кувалдой по крошащемуся камню.

— Стрелять буду! — пронзительно завизжал часовой совсем уже нечеловеческим голосом и принялся стрелять.

Андрей не запомнил, как оказался у окна. В темноте справа судорожно билось оранжевое пламя выстрелов. В огненных отсветах выше по улице чернело что-то громоздкое, неподвижное, непонятных очертаний, и из него вылетали и рассыпались снопы зеленоватых искр. Андрей ничего не успел понять. Обойма у часового кончилась, на мгновение наступила тишина, потом он там в темноте снова дико завизжал — совсем как лошадь, — забухал ботинками и вдруг оказался в круге света под самым окном — влетел, завертелся на одном месте, размахивая пустым автоматом, затем, не переставая

визжать, бросился к трактору, забился в черную тень под гусеницу и все дергал, дергал из-за пояса запасную обойму, и никак не мог выдернуть... И тогда снова слышались хрусткие удары кувалды о камень: бумм-бумм-бумм...

Когда Андрей в одной куртке, без штанов, в башмаках с болтающимися шнурками выскочил с пистолетом в руке на улицу, там уже было полно народу. Сержант Фогель ревел быком:

— Тевосян, Хнойпек! Направо! Приготовиться вести огонь! Анастасис! На трактор, за кабину! Наблюдать, приготовиться вести огонь!.. Живее! Дохлые свиньи!.. Василенко! Налево! Залечь, вести... Налево, раздолбай славянский! Залечь, вести наблюдение!.. Палотти! Куда, макаронник!..

Он схватил бегущего без памяти итальянца за шиворот, со страшной силой ударил его башмаком в зад и швырнул к трактору.

— За кабину, животное!.. Анастасис, дайте свет вдоль улицы!..

Андрея толкали в спину, в бока. Стиснув зубы, он пытался удержаться на ногах, абсолютно ничего не соображая, борясь с нестерпимым желанием заорать что-то бессмысленное. Он прижался к стене и, выставив перед собой пистолет, затравленно озирался. Почему они все бегут туда? А вдруг те нападут сзади? Или с крыши? Или из дома напротив?..

— Водители! — ревел Фогель. — Водители, на трактора!.. Кто там стреляет, ублюдки?! Прекратить огонь!..

Понемногу в голове у Андрея прояснилось. Дело, оказывается, было совсем не так уж и плохо. Солдаты залегли, где было приказано, суэта прекратилась, и наконец кто-то на тракторе повернул прожектор и осветил улицу.

— Вон он! — крикнул придушенный голос.

Коротко ударили и сейчас же смолкли автоматы. Андрей успел заметить только что-то огромное, чуть ли не выше домов, уродливое, с торчащими в разные стороны обрубками и шипами. Оно отбросило вдоль улицы бесконечную тень и сразу же свернуло за угол в двух кварталах выше по улице. Исчезло из виду, а тяжелые удары кувалды по хрустящему камню сделались тише, потом еще тише, а вскоре затихли совсем.

— Что там произошло, сержант? — произнес спокойный голос полковника над головой Андрея.

Полковник, застегнутый на все пуговицы, упершись руками в подоконник и слегка наклонившись вперед, стоял у окна.

— Часовой поднял тревогу, господин полковник, — отозвался сержант Фогель. — Рядовой Терман.

— Рядовой Терман, ко мне, — сказал полковник.

Солдаты завертели головами.

— Рядовой Терман! — рявкнул сержант. — К полковнику!

В рассеянном свете прожектора было видно, как рядовой Терман лихорадочно выкарабкивается из-под гусеницы. Снова у него, у бедняги, что-то там зацепилось. Он рванулся изо всех сил, встал на ноги и закричал петушиным голосом:

— Рядовой Терман по приказанию господина полковника явился!

— Ну и чучело! — сказал полковник брезгливо. — Застегнитесь.

И в этот момент включилось солнце. Это было так неожиданно, что над лагерем пронеслось многоголосое сдавленное мычание. Многие закрыли глаза ладонями. Андрей зажмурился.

— Почему подняли тревогу, рядовой Терман? — осведомился полковник.

— Посторонний, господин полковник! — с отчаянием в голосе выпалил Терман. — Не отзывался. Шел прямо на меня. Земля дрожала!.. Согласно уставу окликнул два раза, потом открыл огонь...

— Ну что ж, — сказал полковник. — Хвалю.

В ярком свете все казалось совсем не таким, как пять минут назад. Лагерь теперь был как лагерь — осточертевшие волокуши, грязные железные бочки с горючим, покрытые пылью трактора... На этом обычном, уже обрыдлом фоне полураздетые вооруженные люди, лежавшие и сидевшие на корточках со своими пулеметами и автоматами, всклокоченные, с помятыми лицами и растрепанными бородами, казались нелепыми и смешными. Андрей вспомнил, что он и сам без штанов и что ботиночные шнурки у него болтаются, ему стало неловко. Он осторожно попятился к дверям, но там толпой стояли водители, картографы и геологи.

— Осмелюсь доложить, — говорил тем временем приободрившийся Терман. — Это был не человек, господин полковник.

— А что же это было?

Рядовой Терман затруднился.

— Похоже скорее на слона, господин полковник, — авторитетно сказал Фогель. — Или же на допотопное чудовище.

— На стегозавра больше всего похоже, — подал голос Тевосян.

Полковник тут же обратил на него взгляд и несколько секунд с любопытством его рассматривал.

— Сержант, — сказал он наконец. — Почему ваши люди раскрывают рот без разрешения?

Кто-то злорадно хихикнул.

— Р-р-разговорчики! — страшным шепотом произнес сержант. — Разрешите наказать, господин полковник?

— Полагаю... — начал было полковник, и тут его прервали.

— В-ва-ва-ва-в-в... — тихонько, а потом все громче завыл кто-то, и Андрей заметался взглядом по лагерю, ища, кто это воеет и почему.

Все испуганно зашевелились, все завертели головами, а потом Андрей увидел: Анастасис, стоя позади тракторной кабины, тычет рукой куда-то вперед, весь белый, даже зеленый, и не может выговорить ни одного связного слова. Андрей, заранее напрягаясь, готовый ко всему, поглядел, куда он тычет, но ничего там не увидел. Улица была пуста, в дальнем конце ее уже дрожало жаркое марево. Потом сержант вдруг гулко прочистил горло и надвинул фуражку на лоб, кто-то тихо, с отчаянием, выругался, а Андрей все еще не понимал, и только когда незнакомый голос у него над ухом прохрипел: «Господи, твоя воля!..», Андрей, наконец, понял. У него волосы зашевелились на затылке, и ослабели ноги.

Статуи на углу не было. Огромный железный человек с жабьим лицом и пафосно растопыренными руками исчез. Остался на перекрестке только засохший кал, который вчера навалили вокруг статуи солдаты.

Глава третья

— Так я пошел, полковник, — сказал Андрей, поднимаясь.

Полковник тоже поднялся и тотчас же тяжело оперся на трость. Сегодня он был еще бледнее, лицо обтянуло, и он казался совершенным стариком. Даже от выправки его, можно сказать, ничего не осталось.

— Счастливого пути, господин советник, — проговорил он. Выцветшие глазки его глядели почти виновато. — Черт возьми, в сущности, командирская рекогносцировка — это ведь мое дело...

Андрей взял со стола автомат и закинул ремень на плечо.

— Не знаю, не знаю... — сказал он. — У меня, например, такое ощущение, будто я удираю, бросивши все на вас... А вы больны, полковник.

— Да, представьте себе, сегодня я... — Полковник оборвал себя. — Я полагаю, вы вернетесь до темноты?

— Я вернусь значительно раньше, — сказал Андрей. — Эту вылазку я не рассматриваю даже как рекогносцировку. Я просто хочу показать этим трусливым ублюдкам, что ничего страшного впереди нет. Ходячие статуи, видите ли!.. — Он спохватился. — Я не имел в виду упрекнуть ваших солдат, полковник...

— Пустяки... — Полковник слабо отмахнулся тощей рукой. — Вы совершенно правы. Солдаты всегда трусливы. Я ни разу в жизни не видел храбрых солдат. Да и с какой стати им быть храбрыми?

— Ну, — улыбнулся Андрей, — если бы впереди нас ожидали всего-навсего танки противника...

— Танки! — сказал полковник. — Танки — другое дело. Но вот я прекрасно помню случай, когда рота парашютистов отказалась вступить в деревню, где жил известный на всю округу колдун.

Андрей засмеялся и протянул полковнику руку.

— До встречи, — сказал он.

— Минуточку, — остановил его полковник. — Даган!

В комнате возник Даган с флягой, оплетенной серебряной сеткой, в руке. На столе появился серебряный подносик, а на подносике — серебряные же стопочки.

— Прошу вас, — сказал полковник.

Они выпили и обменялись рукопожатием.

— До встречи, — повторил Андрей.

Он спустился по вонючей лестнице в вестибюль, холодно кивнул Кехаде, который прямо на полу возился с каким-то прибором вроде теодолита, и вышел на пышущую жаром улицу. Короткая тень его легла на пыльные потрескавшиеся плиты тротуара, и сейчас же рядом появилась вторая тень, и тогда Андрей вспомнил про Немого. Он оглянулся. Немой стоял в своей обычной позе, засунув ладони за широкий пояс, с которого свисал устрашающего вида тесак. Густые черные волосы его стояли дыбом, босые ноги были расставлены, а коричневая кожа лоснилась, словно смазанная жиром.

— Может, автомат возьмешь все-таки? — спросил Андрей.

«Нет».

— Ну, как хочешь...

Андрей огляделся. Изя и Пак сидели в тени волокуши и, развернув карту, рассматривали схему города. Двое солдат, вытянув шеи, заглядывали им через головы. Один из них поймал взгляд Андрея, поспешно отвел глаза и толкнул другого в бок. Оба сейчас же отошли и скрылись за волокушей.

У второго трактора копошились водители во главе с Эллизауэром. Водители были кто в чем, а на маленьком черепе Эллизауэра красовалась гигантская широкополая шляпа. Тут же торчали еще два солдата — подавали советы, часто сплевывая в сторону.

Андрей посмотрел вверх — вдоль улицы. Пусто. Раскаленный воздух дрожит над булыжником. Марево. За сто метров уже ничего не разобрать — как в воде.

— Изя! — позвал он.

Изя и Пак оглянулись и встали. Кореец подобрал с мостовой и взял под мышку свой маленький самодельный автомат.

— Что, уже? — бодро спросил Изя.

Андрей кивнул и пошел вперед.

Все смотрели на него: прищурившийся от солнца Пермяк, придурковатый Унгерн, испуганно округливший свой вечно полураскрытый рот, угрюмый Горилла-Джексон, медленно вытиравший руки куском пакли... Эллизауэр, очень похожий на грязный, ободраный грибок с детской площадки, приложил два пальца к полям шляпы с самым торжественным и сочувствующим видом, а поплевавшие солдаты перестали поплевывать, обменялись неслышными замечаниями сквозь зубы и дружно запылили прочь. Трусите, гниды, мстительно подумал Андрей. Окликнуть вас сейчас для смеха — в штаны ведь навалите...

Они прошли мимо часового, который поспешно сделал «на караул», и зашагали по булыжнику — впереди Андрей с автоматом за плечом, следом по пятам — Немой с рюкзаком, в котором лежали четыре банки консервов, пачка галет и две фляги воды, сзади, отстав шагов на десять, шлепал разбитыми башмаками Изя — за спиной у него был пустой рюкзак, в одной руке он держал схему, а другой судорожно обхлопывал карманы, как бы ища, не забыл ли чего-нибудь. Последним, чуть вразвалочку, походкой человека, привыкшего к дальним переходам, легко шагал кореец Пак с короткоствольным автоматом под мышкой.

Улица была раскалена. Солнце свирепо жарило лопатки и плечи. От стен домов медленными волнами накатывал жар. Ветра сегодня не было совсем.

Позади, в лагере, завели многострадальный двигатель — Андрей не обернулся. Чувство освобождения вдруг овладело им. На несколько славных часов из его жизни исчезали вонючие солдаты с их простой до непонятности психологией; исчезал интриган Кехада, который был виден весь насквозь и от этого особенно осточертел; исчезали все эти омерзительные заботы о чужих стертых ногах, о чужих скандалах и драках, о том, что кого-то рвет — не отравление ли? — а кого-то особенно интенсивно и с кровью несет — не дизентерия ли?.. Провалиться бы вам всем, твердил Андрей с каким-то даже упоением. Век бы я вас не видел. До чего же без вас хорошо!..

Правда, он тут же вспомнил о сомнительном корейце Паке, и на секунду ему показалось, что светлая радость освобождения замутится сейчас новыми заботами и подозрениями, но он тут же легкомысленно махнул на это рукой. Кореец как кореец. Спокойный человек, никогда ни на что не жалуется. Дальневосточный вариант Иосифа Кацмана, вот и все... Он вдруг вспомнил, как брат рассказывал ему когда-то, что на Дальнем Востоке все народы, а особенно японцы, относятся к корейцам в точности так же, как в Европе все народы, а особенно русские и немцы, относятся к евреям. Это показалось ему сейчас забавным, и почему-то вдруг вспомнился Кэнси... Да, Кэнси бы сюда, дядю Юру, Дональда... Э-хе-хе... Если бы удалось дядю Юру уговорить в эту экспедицию, сейчас бы все было по-другому...

Он вспомнил, как за неделю до выхода он специально выкроил несколько часов, взял у Гейгера лимузин с пуленепробиваемыми стеклами и смотался к дяде Юре. Как они пили в большой двухэтажной хате, где было чисто, светло, вкусно пахло мятой, домашним дымком, свежепеченым хлебом. Пили самогон, закусывали заливным поросенком, хрустящими малосольными огурчиками, каких Андрей не едал бог знает сколько лет, обглаживали бараньи ребрышки, макали куски мяса в соус, пропитанный чесночными запахами, а потом дебелия голландка Марта, супруга дяди Юры, беременная уже по третьему разу, внесла свистящий самовар, за который дядя Юра в свое время отдал воз хлеба да воз картошки, и они долго, основательно, фундаментально пили чай, заедая каким-то невиданным вареньем, — потели, отдувались, обтирали мокрые лица свежими полотенцами с вышивкой, а дядя Юра все бубнил: «Ничего, ребята, жить теперь вполне можно... Пригоняют мне каждый день пяток тунеядцев из лагеря, воспитываю их трудом, сил, понимаешь, не жалею... ежели что — сразу по зубам, но зато жрут они у меня здесь от пуза, что сам ем, то и им даю, я тебе не эксплуататор какой-нибудь...» А при прощании, когда Андрей уже садился в машину, дядя Юра, сжимая его ладонь своими лапищами, превратившимися, казалось, в сплошную мозоль, проговорил, ища глазами его взгляд: «Ты меня простишь, Андрюха, я знаю... Все бы бросил, и бабу бы свою бросил... Вот этих бросить не могу, не позволяю себе...» — и указал большим пальцем через плечо в сторону двух белоголовых мальчуганов-погодков, которые тихо, чтобы не услышали, тузили друг друга за крыльцом...

Андрей обернулся. Лагеря видно уже не было, марево закрыло его. Тарахтенье двигателя едва доносилось — как из ваты. Изя шел теперь рядом с Паком, махал у него перед носом схемой и кричал что-то про масштаб. Пак, собственно, не спорил. Он только улыбался и, когда Изя порывался остановиться, чтобы развернуть схему и показать все

наглядно, деликатно брал его за локоть и увлекал вперед. Серьезный человек, несомненно. На такого при прочих равных условиях вполне можно было бы положиться. Интересно, чего они не поделили с Гейгером?.. Люди они совершенно разные, это ясно...

Пак учился в Кембридже и имел степень доктора философии. Вернувшись в Южную Корею, он принял участие в каких-то студенческих беспорядках против режима, и Ли Сын Ман засадил его в кутузку. Из кутузки его в пятидесятом году освободила северокорейская армия, о нем написали в газетах как о настоящем сыне корейского народа, который ненавидит клику Ли Сын Мана и американских империалистов, он сделался заместителем ректора, а через месяц его снова посадили в кутузку, где без предъявления обвинения продержали до самого десанта в Чемульпо, когда кутузка попала под огонь частей Первой кавалерийской дивизии, стремительно рвавшейся на северо-восток. В Сеуле стоял ад кромешный, Пак уже не рассчитывал остаться в живых, и тут ему предложили участие в Эксперименте.

В Город он попал задолго до Андрея, переменял двадцать специальностей, сцепился, конечно, с господином мэром и вошел в подпольную организацию интеллигентов, поддерживавшую тогда движение Гейгера. Что-то у них там с Гейгером произошло. Так или иначе, большая группа подпольщиков еще за два года до Поворота тайно покинула Город и ушла на север. Им повезло: на триста пятидесятом километре они нашли в развалинах «снаряд времени» — здоровенную металлическую цистерну, битком набитую самыми разнообразными предметами культуры и образцами технологии. Место было хорошее — вода, плодородная почва у самой Стены, много уцелевших зданий, — там они и осели.

Они ничего не знали о том, что произошло в Городе, и когда появились обшитые броней трактора экспедиции, решили, что это — за ними. К счастью, в короткой яростной и нелепой схватке погиб всего один человек. Пак узнал Изю, своего старинного приятеля, и понял, что происходит ошибка... А потом он попросился к Андрею. Он сказал, что им движет любопытство, что он давно уже планировал поход на север, но у эмигрантов не было на это средств. Андрей не очень ему поверил, но с собой взял. Ему показалось, что Пак будет полезен своими знаниями, и Пак действительно оказался полезен. Он делал для экспедиции все, что мог, с Андреем всегда был дружелюбен и предупредителен, с Изей — тем более, но вызвать его на откровенность оказалось невозможно. Ни Андрей, ни даже Изя так и не узнали, откуда у него столько сведений мифического и реального характера относительно предстоящего пути, для чего он все-таки увязался с экспедицией и что он вообще думал — о Гейгере, о Городе, об Эксперименте... Пак никогда не поддерживал разговоров на отвлеченные темы.

Андрей приостановился и, дождавшись своего арьергарда, спросил:

— Ну, вы договорились, что именно вас интересует?

— Что именно? — Изя наконец развернул свою схему. — Смотри... — Он стал показывать траурным ногтем. — Мы сейчас вот здесь. Значит, раз, два... через шесть кварталов должна быть площадь. Вот здесь какое-то большое здание, наверное, правительственное. Сюда нам надо обязательно попасть. Ну, а если по дороге попадет что-нибудь интересное... Да! Вот сюда бы еще интересно добраться. Далековато немного, но масштаб тут ни к черту, так что неизвестно, может быть, это все рядом... Видишь, написано: «Пантеон». Я люблю пантеоны.

— Ну что ж... — Андрей поправил автомат. — Можно и так, конечно... А воду, значит, мы сегодня искать не будем?

— До воды далеко, — негромко сказал Пак.

— Да, брат... — подхватил Изя. — До воды, брат... Видишь, у них здесь указано — водонапорная башня... Это здесь? — спросил он Пака.

Пак пожал плечами.

— Я не знаю. Но если в этих кварталах вода вообще осталась, то только здесь.

— Да-а-а... — протянул Изя. — Далековато. Километров тридцать, за день не обернуться... Правда, масштаб... Слушай, а зачем тебе воду именно сейчас? За водой пойдем завтра, как и договаривались... вернее, поедем.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Пошли.

Теперь они шли рядом, и некоторое время все молчали. Изя непрерывно крутил головой и как бы принюхивался, но ни справа, ни слева ничего интересного не обнаруживалось. Трех- и четырехэтажные дома, иногда довольно красивые. Выбитые стекла. Некоторые окна заколочены покоровившейся фанерой. На балконах — полуразвалившиеся цветочные ящики, многие дома заплетены жестким пыльным плющом. Большой магазин — огромные, запыленные до непрозрачности витрины, почему-то уцелевшие, а двери — выломаны... Изя сорвался, трусцой сбегал, заглянул, снова вернулся.

— Пусто, — сообщил он. — Полный разгром.

Какое-то общественное здание — не то театр, не то концертный зал, не то кино. Потом опять магазин — витрина расколота, — и еще магазин на другой стороне... Изя вдруг остановился, шумно потянул носом и поднял грязноватый палец.

— О! — сказал он. — Здесь где-то!

— Что? — спросил Андрей, озираясь.

— Бумага, — коротко отозвался Изя.

Ни на кого не глядя, он уверенно устремился к зданию на правой стороне улицы. Здание это было как здание, ничем особенным от соседних не отличалось, разве что подъезд был пороскошнее да в общем облике его чувствовался некий готический акцент. Изя исчез в подъезде, и они не успели еще пересечь улицы, как он снова высунулся и азартно позвал:

— Давайте сюда, Пак! Библиотека!..

Андрей только головой покрутил от восхищения. Ай да Изя!

— Библиотека? — сказал Пак, ускоряя шаги. — Не может быть!..

В вестибюле было прохладно и полутемно после полыхающей желтым жаром улицы. Высокие готические окна, выходившие, по-видимому, во внутренний двор, были украшены цветными витражами. Пол, выложенный узорной плиткой. Белого камня лестницы, уходящие вправо и влево... По левой уже взбегал Изя, Пак легко нагнал его, и они, шагая через три ступеньки, скрылись из виду.

— А нам-то на кой черт туда тащиться? — сказал Андрей Немому.

Тот был согласен. Андрей поискал, где присесть, и присел на прохладные белые ступени. Автомат он снял и положил рядом. Немой уже сидел на корточках у стены, закрыв глаза и охватив колени длинными мощными руками. Было тихо, только бубнили наверху неразборчивые голоса.

Надоело, подумал Андрей с раздражением. Мертвые кварталы надоели. Раскаленное это безмолвие. Загадки эти... Людей бы найти, пожить бы с ними, порасспросить их... и чтобы угостили чем-нибудь... все равно чем, только бы не овсянкой этой обрыдлой... и холодного вина! Много, сколько хочешь... или пива. В животе у него заурчало, и он испуганно напрягся, прислушиваясь. Нет, ничего. Сегодня — тьфу-тьфу — ни разу еще не бегал, и на том спасибо. И пятка вроде бы зажила...

Наверху что-то повалилось с тяжелым рассыпчатым грохотом. Изя разборчиво проорал: «Ну куда вы лезете, ей-богу!..» Раздался смех, и голоса забубнили снова.

Копайтесь, копайтесь, подумал Андрей. Только на вас и надежда. Только от вас и можно ждать хоть какого-нибудь толку... И останется от всей этой бездарной затеи мой отчет да двадцать четыре Изиных ящика с бумагами!..

Он вытянул ноги и сам вытянулся на ступеньках, опираясь на локти. Немой вдруг чихнул, звонко откликнулось эхо. Андрей откинул голову и стал глядеть в далекий сводчатый потолок. Хорошо строили, красиво, лучше, чем у нас. И вообще жили, как видно, не худо. И все равно сгнули... Очень это все Фрицу не понравится — он бы,

конечно, потенциального противника предпочел. А то что такое получается: жили-жили, строили-строили, прославляли какого-то своего Гейгера... любимого и простого... А в результате — пожалуйте: пустота. Как и не было никого. Одни кости, да и тех что-то маловато для такого поселения... Вот так-то, господин президент! Человек предполагает, а Господь рябь какую-нибудь напустит и — конец всему...

Он тоже чихнул и потянул носом. Прохладно здесь как-то... А Кехаду хорошо бы под суд отдать, когда вернемся... Мысли его легко свернули в привычное русло: как загнать Кехаду в угол, чтобы он и пикнуть не смел, чтобы вся документация была как на ладони и чтобы Гейгеру все сразу стало ясно... Он отмахнулся от этих мыслей — они были не к месту и не ко времени. Сейчас надо было думать только о завтрашнем дне. Да и о сегодняшнем не помешало бы. Например, куда все-таки девалась статуя? Пришел кто-то рогатый, стегозавр какой-то... взял ее под мышку и уволок. Зачем? И потом, в ней, между прочим, тонн пятьдесят весу. Такая зверюга захочет — трактор под мышкой унесет... Уходить отсюда нам надо, вот что. Если б не полковник, сегодня же ноги бы нашей здесь не было... Он стал думать о полковнике и вдруг поймал себя на том, что прислушивается.

Какой-то отдаленный неясный звук появился — не голоса, голоса наверху бубнили по-прежнему, — нет, там, на улице, за высокими приотворенными дверями подъезда. Явственно зазвенели разноцветные стекла в витраже, и явственно завибрировали каменные ступеньки под локтями и задом, словно где-то неподалеку была железная дорога и по ней шел сейчас поезд — тяжелый грузовой состав. Немой вдруг широко раскрыл глаза и повернул голову, настороженно прислушиваясь.

Андрей осторожно подтянул под себя ноги и встал, держа автомат за ремень. Немой сейчас же тоже встал, кося на него одним глазом и все продолжая прислушиваться.

Взявши автомат наизготовку, Андрей бесшумно перебежал к дверям и осторожно выглянул. Жаркий пыльный воздух обжег ему лицо. Улица была желта, раскалена и пуста по-прежнему. Только ватной тишины больше не было. Огромный далекий молот с унылой равномерностью бил в мостовую, и удары эти заметно приближались — тяжелые, хрусткие удары, дробящие в щебень булыжник мостовой.

В доме напротив со звоном осыпалась расколотая витрина. От неожиданности Андрей отпрянул, но тут же взял себя в руки и, закусив губу, оттянул затвор автомата. Черт меня сюда понес, подумал он краем сознания.

Молот все приближался, и совершенно непонятно было — откуда, но удары были все тяжелее, все звонче, и была в них какая-то несокрушимая и неотвратимая победительность. Шаги судьбы, мелькнуло в голове у Андрея. Он растерянно оглянулся на Немого.

Он испытал шок. Немой стоял, прислонившись плечом к стене, и сосредоточенно орудовал своим тесаком, обрезая ноготь на мизинце левой руки. Вид у него при этом был совершенно равнодушный и даже скучающий.

— Что?! — хрипло спросил Андрей. — Ты что это?..

Немой посмотрел на него, кивнул и снова занялся своим ногтем. Бумм, бумм, бумм — раздавалось совсем близко, земля под ногами содрогалась. И вдруг наступила тишина. Андрей сейчас же снова выглянул. Он увидел: на ближнем перекрестке, доставая головой до третьего этажа, возвышается темная фигура. Статуя. Старинная металлическая статуя. Тот самый давешний тип с жабьей мордой — только теперь он стоял, напряженно вытянувшись, задрав объемистый подбородок, одна рука заложена за спину, другая — то ли грозя, то ли указуя в небеса — поднята, и выставлен указательный палец...

Андрей, обмирая, как в дурном сне, смотрел на это бредовое чудовище. Но он знал, что это не бред. Статуй был как статуй — дурацкое бездарное сооружение из металла, покрытое не то окалиной, не то черной окисью, нелепо и не на месте установленное... В горячем воздухе, поднимавшемся от мостовой, очертания его дрожали и колебались точно так же, как очертания домов вдоль улицы.

Андрей почувствовал руку на своем плече и оглянулся — Немой улыбался и успокаивающе кивал ему. Бумм, бумм, бумм — снова раздалось на улице. Немой все держал его за плечо — трепал, гладил, мям мускулы ласковыми пальцами. Андрей резко отстранился и снова выглянул наружу. Статуи не было больше. И снова была тишина.

Тогда Андрей оттолкнул Немого и на ватных ногах побежал по лестнице наверх, где по-прежнему, как ни в чем не бывало, бубнили голоса.

— Хватит! — рявкнул он, врываясь в библиотечный зал. — Пошли отсюда!

Голос у него совсем сел, и они его не услышали, а может быть, и услышали, но не обратили внимания — они были заняты. Помещение было огромное, уходило в глубину черт-те знает куда, стеллажи, набитые книгами, глушили звуки. Один из стеллажей был повален, книги лежали горой, и в этой горе копались Изя и Пак — оба очень довольные, разгоряченные, потные, азартные... Андрей, шагая прямо по книгам, подошел к ним, взял за воротники, поднял.

— Пошли отсюда, — сказал он. — Хватит. Пошли.

Изя глянул на него затуманенными глазами, рванулся, вырвался и сразу же пришел в себя. Глаза его быстро обшарили Андрея с головы до ног.

— Что с тобой? — спросил он. — Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, — зло сказал Андрей. — Хватит здесь копать. Куда вам надо? В пантеон? Вот и пошли в пантеон.

Пак, которого он все еще держал за шиворот, деликатно подвигал плечами и кашлянул. Андрей отпустил его.

— Ты знаешь, что мы здесь нашли?.. — с азартом начал Изя и сразу же оборвал себя. — Слушай, да что стряслось?

Андрей уже взял себя в руки. Все, что было там, внизу, казалось совершенно нелепым и невозможным здесь — в этом строгом душном зале, под испытующим взглядом Изи, рядом с невозмутимо корректным Паком.

— Мы не можем тратить столько времени на каждый объект, — сказал он хмурясь. — У нас всего одни сутки. Пойдемте.

— Библиотека — это не каждый объект! — немедленно возразил Изя. — Это первая библиотека за весь маршрут... Слушай, на тебе лица нет. Что случилось, в конце концов?!

Андрей все никак не мог решиться рассказать. Не знал — как.

— Пошли, — буркнул он, повернулся и зашагал по книгам к выходу.

Изя догнал его и, взяв под руку, пошел рядом. Немой в дверях посторонился, пропуская их. Андрей все не знал, как начать. Все начала и все слова были дурацкими. Потом он вспомнил про дневник.

— Ты мне вчера дневник читал... — проговорил он. Они уже спускались по лестнице. — Ну, этого... который повесился...

— Да?

— Вот тебе и да!

Изя остановился.

— Рябь?

— Неужели вы ничего не слышали? — сказал Андрей с отчаянием.

Изя замотал бородой, а Пак ответил негромко:

— Вероятно, мы увлеклись. Мы спорили.

— Маньяки... — сказал Андрей. Он судорожно перевел дух, оглянулся на Немого и выговорил наконец: — Статуя. Пришла и ушла... Шляются, понимаешь, по городу, как живые...

Он замолчал.

— Ну? — нетерпеливо сказал Изя.

— Что — ну? Все!

Напряженное лицо Изи изобразило огромное разочарование.

— Ну и что? — сказал он. — Ну, статуя... Ночью тоже шлялась одна, ну и что?

Андрей открыл и снова закрыл рот.

— Железноголовые, — подал голос Пак. — По-видимому, эта легенда возникла именно здесь...

Андрей, не в силах произнести ни слова, переводил взгляд с Изи на Пака и обратно. Изя сочувственно — дошло до него, наконец-то! — тянул губы дудкой и все порывался потрепать Андрея по руке, а Пак, полагая, очевидно, что все необходимые разъяснения даны, украдкой поглядывал через плечо на дверь в библиотеку.

— Т-так... — выдавил наконец Андрей. — Очень мило. Значит, вы сразу в это поверили?..

— Слушай, ты успокойся, — сказал Изя, ухватив его все-таки за рукав. — Конечно, поверили, а почему не поверить? Эксперимент, он все-таки и есть Эксперимент. За всеми этими нашими поносами и склоками мы о нем забыли, но на самом-то деле... Елки-палки, да что тут такого? Ну, статуи, ну, ходят... А здесь у нас библиотека! И знаешь, какая любопытная картина выясняется: люди, которые здесь жили, — наши современники, двадцатый век...

— Понятно, — сказал Андрей. — Пусти рукав.

Ему уже было совершенно ясно, что он свалил дурака. Впрочем, эта парочка еще не видела статуй по-настоящему. Посмотрим, как они запоют, когда увидят. Правда, Немой тоже как-то странно...

— Нечего меня уговаривать, — сказал он. — Сейчас на эту библиотеку времени у нас нет. Будем проходить мимо тракторами — навалите хоть целую волокушу. А сейчас пошли. Я обещал вернуться к отбою.

— Ну, хорошо, — успокаивающе сказал Изя. — Ну, пошли. Пошли.

Н-да, думал Андрей, торопливо сбегаю по лестнице. Как же это я, с неловкостью думал он, распахивая двери подъезда и выходя на улицу первым, чтобы никто не мог видеть его лица. И ведь не солдат, не шоферюга какой-нибудь, думал он, шагая по раскаленному булыжнику. Это все Фриц, думал он со злостью. Объявил, понимаешь, что нет больше никакого Эксперимента, а я и поверил... то есть не поверил, конечно, а просто принял новую идеологию — из лояльности и по долгу службы... Нет, ребята, все эти новые идеологии — это для дураков, для массы... Но ведь и то сказать: четыре годика жили — ни о каком Эксперименте и не вспоминали, других дел было по горло... Карьерку делали, ядовито подумал он. Ковры доставали, экспонатники для личных коллекций...

На перекрестке он приостановился, искоса глянул в переулок. Статуя была там — грозила полуметровым черным пальцем, неприятно ухмылялась жабьей пастью. Я, мол, вас, сук-киных котов!..

— Эта, что ли? — спросил Изя небрежно.

Андрей кивнул и пошел дальше.

Они шли и шли, постепенно дурея от жары и слепящего света, наступая на собственные короткие уродливые тени, пот соляной коркой застывал на лбу и на висках, и даже Изя перестал уже трепаться о крушении каких-то там своих стройных гипотез, и даже неутомимый Пак уже приволакивал ногу — подошва оторвалась, а Немой время от времени широко разевал черный рот и, высунув страшный обрубок языка, принимался часто-часто, как собака, дышать... И ничего больше не происходило, только один раз Андрей, не успев совладать с собой, вздрогнул, когда, подняв случайно глаза, увидел в распахнутом окне четвертого этажа огромное позеленевшее лицо, уставившееся на него слепыми выпученными глазами. Что ж, зрелище и в самом деле было жуткое — четвертый этаж и пятнистая зеленая харя во все окно.

Потом они вышли на площадь.

Таких площадей они еще не встречали. Она была похожа на вырубленный диковинный лес. Как пни, были понатыканы на ней постаменты — круглые, кубические, шестигранные, звездообразные, в виде каких-то абстрактных ежей, артиллерийских башен, мифических зверей — каменные, чугунные, из песчаника, из мрамора, из

нержавеющей стали, даже, кажется, из золота... И все эти постаменты были пусты, только в полусотне метров впереди голову крылатого льва попирала обломанная выше колена голая нога в человеческий рост, босая, с необычайно мускулистой икрой.

Площадь была огромная, противоположного конца ее видно не было за мутным маревом, а справа, под самой Желтой Стеной, виднелись искаженные потоками горячего воздуха очертания длинного приземистого строения с фасадом из тесно поставленных колонн.

— Ну и ну! — произвольно вырвалось у Андрея.

А Изя проговорил непонятно:

— То он в бронзе, а то он в мраморе, то он с трубкой, а то без трубки... — и спросил: — А куда они, собственно, все подевались?

Никто ему не ответил. Все смотрели и не могли насмотреться, даже, кажется, Немой. Потом Пак сказал:

— Нам, по-видимому, надо вон туда...

— Это и есть ваш Пантеон? — спросил Андрей, чтобы что-нибудь сказать, а Изя произнес с каким-то возмущением:

— Я не понимаю! Что же это они — все по городу шляются? Почему же мы их тогда почти не видели? Их же здесь должны быть тысячи, тысячи!..

— Город Тысячи Статуй, — сказал Пак.

Изя живо повернулся к нему.

— Что, и такая легенда существует?

— Нет. Но я так бы его назвал.

— Трам-тарарам! — сказал Андрей, которого осенила неожиданная мысль. — Как же мы здесь пройдем с нашими тягачами? Тут же никакой взрывчатки не хватит — эти надолбы подрывать...

— Я думаю, должна быть дорога вокруг площади, — сказал Пак. — Над обрывом.

— Пошли? — сказал Изя. Ему уже не терпелось.

И они двинулись напрямик к пантеону, шагая между постаментами, по булыжнику, который был здесь разбит и искрошен в мелкий щебень, в белую пыль, ярко мерцающую на солнце. Время от времени они приостанавливались и то пригибались, то поднимались на цыпочки, чтобы прочесть надписи на постаментах, и надписи эти были странными до того, что от них брала оторопь.

НА ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ОТ УЛЫБКИ. — БЛАГОСЛОВЕНИЕ МУСКУЛЮС ГЛЮТЕУС ТВОЕГО СПАСЛО МАЛЫХ СИХ. — ВЗВИЛОСЯ СОЛНЦЕ, И ПОГАСЛА ЗАРЯ ЛЮБВИ, НО. И даже просто: КОГДА! Изя хохотал и гукал, бил кулаком в ладонь, Пак улыбался, качая головой, а Андрею было неловко, он чувствовал неуместность этого веселья, даже неприличие какое-то, но ощущения его были неуловимы, и он только нетерпеливо торопил: «Ну, хватит, хватит, — повторял он. — Пошли. Ну, какого черта? Опаздываем же, неудобно...»

Зло брало глядеть на этих идиотов — нашли, понимаете, место и время развлекаться. А они все задерживались и задерживались, водили грязными своими пальцами по выбитым строчкам, зубоскалили, ерничали, и он махнул на них рукой и почувствовал большое облегчение, когда обнаружил, что голоса их остались далеко позади и слов разобрать нельзя.

Так оно и лучше, подумал он с удовольствием. Без этой дурацкой свиты. В конце концов, я что-то не помню, а приглашали ли их? Что-то там было сказано про них, но вот что именно? То ли просили быть в парадной форме, то ли просили, наоборот, не быть вообще... Ах, какое это теперь имеет значение? Ну, в крайнем случае, посидят внизу. Пак еще туда-сюда, а Изя вдруг начнет придирается к слогу, не дай бог, еще сам полезет говорить... Нет-нет, без них лучше, правда, Немой? Ты держись у меня за спиной, вот здесь, справа, да поглядывай хорошенько! Тут, брат, хлопать ушами не приходится. Не забывай: мы здесь в стане настоящих оппонентов, это тебе не Кехада и не Хнойпек, на

вот, возьми автомат, мне нужна свобода движений, и вообще лезть с автоматом на кафедру — я ведь, слава богу, не Гейгер... Позволь, а где же мои тезисы? Вот тебе и на! Как же я без тезисов?..

Пантеон высился перед ним и над ним всеми своими колоннами, разбитыми выщербленными ступенями, оскалившимися ржавой арматурой, из-за колонн несло ледяным холодом, там было темно, оттуда пахло ожиданием и тленом, а гигантские золоченые створки были уже отворены, и оставалось только войти. Он зашагал со ступеньки на ступеньку, внимательно следя за собой, чтобы — упаси бог! — не споткнуться, не растянуться здесь, на глазах у всех, он все ощупывал свои карманы, но тезисов нигде не было, потому что они, конечно, остались в железном ящике... нет, в новом костюме, я ведь хотел надеть новый костюм, а потом решил, что так будет эффективнее...

...Черт побери, как же я буду без тезисов? — подумал он, вступая в темный вестибюль. Что же там у меня было, в моих тезисах? — думал он, осторожно ступая по скользкому полу черного мрамора. Кажется, во-первых, про величие, весь напрягаясь, вспоминал он, чувствуя, как ледяной холод заползает ему под рубашку. Здесь было очень холодно, в этом вестибюле, могли бы предупредить, все-таки не лето на дворе, песком могли бы, между прочим, посыпать, руки бы не отвалились, а то того и гляди затылком здесь навернешься...

...Ну, куда у вас тут? Вправо, влево? Ах да, пардон... Значит, так. Во-первых, о величии, думал он, устремляясь в совсем уже темный коридор. Вот это другое дело — ковер. Догадались! А факельщиков, конечно, поставить не сообразили. Всегда у них здесь так: либо поставят факельщиков или даже юпитера, но тогда уже непременно не будет ковра. Либо — вот как сейчас... Таким образом: величие.

...Говоря о величии, мы вспоминаем так называемые великие имена. Архимед. Очень хорошо! Сиракузы, эврика, бани... в смысле, ванны. Голый. Дальше. Аттила! Дождь венецианский. То есть я прошу прощения: это Отелло — дождь венецианский. Аттила — гуннов царь. Едет. Нем и мрачен, как могила... Да чего там далеко ходить за примерами? Петр! Величие. Великий. Петр Великий. Первый. Петр Второй и Петр Третий не были великими. Очень может быть потому, что не были первыми. Великий и первый чрезвычайно часто выступают как синонимы. Хотя-а-а... Екатерина Вторая, Великая. Вторая, но, тем не менее, великая. Это исключение важно отметить. Мы часто будем иметь дело с исключениями такого рода, которые, так сказать, только подтверждают правило...

Он крепко сцепил руки за спиной, упер подбородок в грудь и, втянув нижнюю губу, несколько раз прошелся взад и вперед, каждый раз изящно огибая свой табурет. Потом он отодвинул табурет ногой, уперся напряженными пальцами в стол и, сдвинув брови, поглядел поверх слушателей.

Стол был совершенно пустой, обитый серым цинком, и тянулся перед ним, как шоссе. Дальнего конца его не было видно, в желтоватом тумане мигали там колеблемые сквозняком огоньки свечей, и Андрей с мимолетной досадой подумал, что это, черт возьми, непорядочно, что уж кто-кто, а он-то должен был бы иметь возможность видеть, кто там — на том конце стола. Видеть его было гораздо более важно, чем этих... Впрочем, это не моя забота...

Рассеянно и снисходительно он оглядел ряды этих. Они смиренно восседали по обе стороны стола, повернув к нему внимательные лица — каменные, чугунные, медные, золотые, бронзовые, гипсовые, яшмовые... и какие там еще бывают у них лица. Например, серебряные. Или, скажем, нефритовые... Слепые глаза их были неприятны, да и вообще, что там могло быть приятного в этих громоздких тушах, колени которых торчали на метр, а то и на два выше поверхности стола. Хорошо было уже то, что они молчали и не шевелились. Всякое движение сейчас было бы невыносимым. Андрей с наслаждением,

даже с каким-то сладострастием прислушивался, как истекают последние капли превосходно задуманной паузы.

— Но каково правило? В чем оно состоит? В чем его субстанциональная сущность, имманентная только ему и никакому другому предикату?.. И здесь мне, боюсь, придется говорить вещи, не совсем привычные и далеко не приятные для вашего слуха... Величие! Ах, как много о нем сказано, нарисовано, сплясано и спето! Что был бы человеческий род без категории величия? Банда голых обезьян, по сравнению с которыми даже рядовой Хнойпек показался бы нам венцом высокой цивилизации. Не правда ли?.. Ведь каждый отдельный Хнойпек не имеет меры вещей. От природы он научен только пицеварить и размножаться. Всякое иное действие упомянутого Хнойпека не может быть оценено им самостоятельно ни как хорошее, ни как плохое, ни как полезное, ни как напрасное или вредное, — и именно вследствие такого вот положения вещей каждый отдельный Хнойпек при прочих равных условиях рано или поздно, но с неизбежностью попадает под военно-полевой суд, каковой суд уже и решает, как с ним поступить... Таким образом, отсутствие суда внутреннего закономерно и, я бы сказал, фатально восполняется наличием суда внешнего, например, военно-полевого... Однако, господа, общество, состоящее из Хнойпеков и, без всякого сомнения, из Мыр, просто не способно уделять такого огромного внимания суду внешнему — неважно, военно ли это полевой суд или суд присяжных, тайный суд инквизиции или суд Линча, суд Фемы или суд так называемой чести. Я не говорю уже о товарищеских и прочих судах... Надлежало найти такую форму организации хаоса, состоящего из половых и пицеварительных органов как Хнойпеков, так и Мыр, такую форму этого вселенского кабака, чтобы хоть часть функций упомянутых внешних судов была бы передана суду внутреннему. Вот, вот когда понадобилась и пригодилась категория величия! А дело в том, господа, что в огромной и совершенно аморфной толпе Хнойпеков, в огромной и еще более аморфной толпе Мыр время от времени появляются личности, для которых смысл жизни отнюдь не сводится к пицеварению и половым отправлениям по преимуществу. Если угодно — третья потребность! Ему, понимаете, мало чего-нибудь там переварить и попользоваться чьими-нибудь прелестями. Ему, понимаете, хочется еще сотворить что-нибудь такое-этакое, чего раньше, до него, не было. Например, инстанционную или, скажем, иерархическую структуру. Козерога какого-нибудь на стене. С яйцами. Или сочинить миф про Афродиту... На кой хрен ему это все случилось — он и сам толком не знает. И на самом деле, ну зачем Хнойпеку Афродита Пеннорожденная или тот же самый козерог на стене. С яйцами. Есть, конечно, гипотезы, есть, и не одна! Козерог ведь, как-никак, — это очень много мяса. Об Афродите я уже и не говорю... Впрочем, если уж быть до конца честным и откровенным, происхождение этой третьей потребности для нашей материалистической науки остается пока загадкой. Но в настоящий момент это и не должно нас интересовать. В настоящий момент нам важно, друзья мои, что? Что в общей серой толпе вдруг появляется личность, которая не удовлетворяется, пакость такая, овсяной кашей или грязной Мыррой, каковая имеет все ноги в цыпках, не удовлетворяется, значит, широко доступным реализмом, а начинает идеализировать, абстрагироваться, зараза, начинает — мысленно обращает овсяную кашу в сочного козерога под чесночным соусом, а Мыру — в роскошную особу с бедрами и хорошо помытую — из океана она у него. Из воды... Да мать же моя мамочка! Да ведь такому человеку цены нет! Такого человека надо поставить на высокое место и водить к нему Хнойпеков и Мыр побатальонно, чтобы учились они, паразиты, понимать свое место. Вот вы, задрипы, умеете так, как он? Вот ты, ты, рыжий, шивый, умеешь котлету нарисовать, да такую, чтобы сразу же жрать захотелось? Или анекдотец хотя бы сочинить? Не умеешь? Так куда же ты, говно, лезешь с ним ровняться? Пахать иди, пахать! Рыбу удить, ракушки промышлять!..

Андрей оттолкнулся от стола и, восторженно потирая руки, снова прошелся взад и вперед. Очень здорово все получалось. Великолепно! И без никаких там тезисов. И все эти долдоны слушали затаив дыхание. Хоть бы один пошевелился... Да уж, я — такой.

Я, разумеется, не Кацман, я больше помалкиваю, но уж если меня доведут, если меня, черт побери, спросят... Правда, на том, невидимом конце стола тоже, кажется, принялся кто-то говорить. Еврей какой-то. Может быть, Кацман пробрался? Ну, это мы еще посмотрим — кто кого.

— Итак, величие — как категория — возникло из творчества, ибо велик лишь тот, кто творит, то бишь создает новое, небывалое. Но спросим себя, государи мои, кто же тогда будет их мордой в дерьмо тыкать? Кто им скажет: куда, тварюга, лезешь, куда прешь? Кто сделается, так сказать, жрецом творца — я не боюсь этого слова? А сделается им тот, сударики мои, кто рисовать упомянутую котлету или, скажем, Афродиту не умеет, но и ракушки промышлять тоже ни в какую не хочет — творец-организатор, творец-выстраиватель-в-колонны, творец, дары вымогающий и оные же и распределяющий!.. И вот тут мы вплотную подходим к вопросу о роли Бога и дьявола в истории. К вопросу, прямо скажем, запутанному, архисложному, к вопросу, в котором, на наш взгляд, все завралось... Ведь даже неверующему младенцу ясно, что Бог — это хороший человек, а дьявол, наоборот, плохой. Но ведь это же, господа, козлийный бред! Что мы про них на самом деле знаем? Что Бог взял хаос в свои руки и организовал его, в то время как дьявол, наоборот, ежедневно и ежечасно норовит эту организацию, эту структуру разрушить, вернуть к хаосу. Верно ведь? Но, с другой стороны, вся история учит нас, что человек как отдельная личность стремится именно к хаосу. Он хочет быть сам по себе. Он хочет делать только то, что ему делать хочется. Он постоянно галдит, что от природы свободен. И зачем далеко за примерами ходить — возьмите все того же пресловутого Хнойпека!.. Вы понимаете, надеюсь, к чему я клоню? Ведь чем, спрошу я вас, занимались на протяжении всей истории самые лютые тираны? Они же как раз стремились указанный хаос, присущий человеку, эту самую хаотическую аморфную хнойпекомырненность надлежащим образом упорядочить, организовать, оформить, выстроить — желательно в одну колонну, — нацелить в одну точку и вообще уконтропупить. Или, говоря проще, упупить. И, между прочим, это им, как правило, удавалось! Хотя, правда, лишь на небольшое время и лишь ценой большой крови... Так теперь я вас спрашиваю: кто же на самом деле хороший человек? Тот, кто стремится реализовать хаос — он же свобода, равенство и братство, — или тот, кто стремится эту хнойпекомырненность (читай: социальную энтропию!) понизить до минимума? Кто? Вот то-то и оно!

Прекрасный получился период. Сухой, точный и в то же время не лишенный страстности... Ну что это он там бубнит — на том конце? Надо же, хамло какое! И работать мешает, и вообще...

С очень неприятным чувством Андрей вдруг обнаружил в ровных рядах внимательных слушателей несколько повернутых к нему затылков. Он присмотрелся. Сомнений не было — затылки. Раз, два... шесть затылков! Он изо всех сил откашлялся и строго постучал костяшками пальцев по оцинкованной поверхности. Это не помогло. Ну, погодите, подумал он с угрозой. Я вас сейчас! Как это будет по-латыни?..

— Куос эго! — рявкнул он. — Вы, кажется, вообразили себе, будто вы что-то там значите? Мы, мол, большие, а вы-де все копошитесь там внизу? Мы, мол, каменные, а вы — плоть гниющая? Мы, дескать, во веки веков, а вы — прах, однодневки? Вот вам! — Он показал им дулю. — Да кто вас помнит-то? Понавозводили вас каким-то давно забытым охламонам... Архимед — подумаешь! Ну, был такой, знаю, голый по улицам бегал без всякого стыда... Ну и что? При надлежащем уровне цивилизации ему бы яйца за это дело оторвали. Чтоб не бегал. Эврика ему, понимаешь... Или тот же Петр Великий. Ну ладно, царь там, император всея Руси... Видали мы таких. А вот как была его фамилия? А? Не знаете? А памятников-то поставили! Сочинений понаписали! А студента на экзамене спроси — дай бог, если один из десяти сообразит, какая у него была фамилия. Вот тебе и великий!.. И ведь со всеми с вами так! Либо никто вас вообще не помнит, только глаза лупят, либо, скажем, имя помнят, а фамилию — нет. И наоборот: фамилию помнят — например, премия Калинин, — а имя... да что там имя! Кто он такой был-то? То ли

писатель он был, то ли вообще спекулянт шерстью... Да и кому это надо, сами вы посудите? Ведь если всех вас запоминать, так забудешь, сколько водка стоит.

Теперь он видел перед собой больше десяти затылков. Это было обидно. А Кацман на том конце стола бубнил все громче, все напористей, но все так же неразборчиво.

— Приманка! — заорал Андрей изо всех сил. — Вот что такое ваше хваленое величие! Приманка! Глядит на вас Хнойпек и думает: это надо же, какие люди бывали! Вот я теперь пить брошу, курить брошу, Мымру свою по кустам валять перестану, в библиотеку пойду запишусь и тоже всего этого достигну... То есть это предполагается, что он так должен думать! Но думает-то он, на вас глядячи, совсем не то. И ежели караула вокруг вас не выставить, в загородку вас не взять, так он понавалит вокруг, мелом слова напишет да и пойдет обратно к своей Мымре, очень довольный. Вот вам и воспитательная функция! Вот вам и память человечества!.. Да на кой хрен, в самом деле, Хнойпеку память? На кой хрен ему вас помнить, скажите вы мне на милость? То есть, конечно, были такие времена, когда помнить вас всех считалось хорошим тоном. Деваться было некуда, запоминали. Александр, мол, Македонский, родился тогда-то, помер тогда-то. Завоеватель. Буцефал. «Графиня, ваш Буцефал притомился, а кстати, не хотите ли вы со мной переспать?» Культурно, образно, по-светски... Теперь, конечно, в школах тоже приходится зубрить. Родился тогда-то, помер тогда-то, представитель олигархической верхушки. Эксплуататор. Здесь уж совсем непонятно, кому это нужно. Экзамены, бывало, сдашь — и с плеч долой. «Александр Македонский тоже был великий полководец, но зачем же табуретки ломать?» Фильм был такой, «Чапаев». Смотрели? «Брат умирает — Митька, ухи просит...» Вот и все применения вашему Александру Македонскому...

Андрей замолчал. Все эти разговоры были ни к чему. Никто его не слушал. Перед ним были только затылки — чугунные, каменные, железные, нефритовые... бритые, лысые, курчавые, с косицей, с выщерблинами, а то и вовсе скрытые за кольчугами, шлемами, треуголками... Не нравится, горько подумал он. Правда глаза колет. К песнопениям привыкли, к одам. Экзэги монументум... А что я такого вам сказал? Ну, не врал, конечно, не подличал перед вами — что думал, то и сказал. Я ведь не против величия. Пушкин, Ленин, Эйнштейн... Я идолопоклонства не люблю. Делаю надо поклоняться, а не статуям. А может быть, даже и делам поклоняться не надо. Потому что каждый делает, что в его силах. Один — революцию, другой — свистульку. У меня, может, сил только на одну свистульку и хватает, так что же я — говно теперь?..

А голос за желтым туманом знай бубнил свое, и уже были слышны отдельные слова: «...невиданное и необычайное... из катастрофического положения... только вы... заслужило вечной благодарности и вечной славы...» Вот этого я особенно не терплю, подумал Андрей. Особенно я ненавижу, когда вечностями швыряются. Братья навек. Вечная дружба. Навеки вместе. Вечная слава... Откуда они все это берут? Что они видят вечного?

— Хватит врать! — крикнул он через стол. — Совесть надо иметь!

Никто не обратил на него внимания. Он повернулся и побрел обратно, чувствуя, как сквозняк пробирает его до костей, вонючий сквозняк, пропитанный испарениями склепа, ржавчины, окислившейся меди... А ведь это не Изя там болтал, вяло подумал он. Изя таких слов сроду не произносил. Зря я на него... Зря я сюда пришел. Зачем меня, собственно, сюда принесло? Наверное, мне показалось, будто я что-то понял. Все-таки мне уже за тридцать, пора разбираться, что к чему. Что за дикая идея — убеждать памятники, что они никому не нужны? Это же все равно, что убеждать людей, что они никому не нужны... Оно, может быть, так и есть, да кто в это поверит?..

Что-то со мной сделалось за последние годы, подумал он. Что-то я утратил... Цель я утратил, вот что. Каких-нибудь пять лет назад я точно знал, зачем нужны те или иные мои действия. А теперь вот — не знаю. Знаю, что Хнойпека следует поставить к стенке. А зачем это — непонятно. То есть понятно, что тогда мне станет гораздо легче работать, но зачем это нужно — чтобы мне было легче работать? Это ведь только мне одному и нужно. Для себя. Сколько лет я уже живу для себя... Это, наверное, правильно: за меня для

меня никто жить не станет, самому приходится позаботиться. Но ведь скучно это, тоскливо, сил нет... И выбора нет, подумал он. Вот что я понял. Ничего человек не может и не умеет. Одно он может и умеет — жить для себя. Он даже зубами скрипнул от безнадежной ясности и определенности этой мысли.

Он вышел из склепа в тень колонн и зажмурился. Желтая раскаленная площадь, утыканная пустыми постаментами, лежала перед ним. Оттуда волнами накатывал жар, как из печи. Жар, жажда, изнурение... Это был мир, в котором надлежало жить и, следовательно, действовать.

Изя спал, уткнувшись лбом в раскрытый томик, вытянувшись на каменных плитах в тени. На штанах сзади у него зияла прореха, ноги в стоптанных башмаках были неестественно вывернуты. Потом от него разило за версту. Немой был тут же — сидел на корточках с закрытыми глазами, привалившись спиной к колонне, на коленях у него лежал автомат.

— Подъем, — сказал Андрей устало.

Немой раскрыл глаза и встал. Изя приподнял голову и поглядел на Андрея сквозь заплывшие веки.

— Где Пак? — спросил Андрей, озираясь.

Изя сел, вцепился скрюченными пальцами в пыльную шевелюру и принялся ожесточенно чесаться.

— Ч-черт... — пробормотал он невнятно. — Слушай, жрать же хочется невыносимо... Сколько можно?

— Сейчас пойдем, — сказал ему Андрей. Он все озираясь. — Где Пак?

— Поше-ауэтеку, — ответил Изя, неистово зевая. — Ф-фу, разморило совершенно к чертям...

— Куда пошел?

— В библиотеку пошел. — Изя вскочил, подобрал свой томик и принялся запикивать его в мешок. — Мы решили, что он пока отберет книги... Сколько это сейчас времени? У меня вроде остановились...

Андрей взглянул на часы.

— Три, — сказал он. — Пошли.

— Может, пожрем сначала? — предложил Изя нерешительно.

— На ходу, — сказал Андрей.

Он испытывал какое-то смутное беспокойство. Что-то ему не нравилось. Что-то было не так. Он взял у Немого автомат и, заранее щурясь, шагнул на раскаленные ступеньки.

— Ну вот... — ворчал позади Изя. — Теперь — жрать на ходу... Я его как честный человек дождался, а он толком пожрать не дает... Немой, дай-ка сюда мешок...

Андрей, не оглядываясь, быстро шел между постаментами. Ему тоже хотелось есть, внутри так и сосало, но что-то толкало его идти, и идти быстро. Он поудобнее пристроил ремень автомата на плече и снова мельком посмотрел на часы. Было все те же три часа без одной минуты. Он поднес запястье к уху. Часы стояли.

— Эй, господин советник! — позвал его Изя. — Держи.

Андрей приостановился и принял у него две галеты, проложенные жирной консервированной свининой. Изя уже смачно хрумкал и причмокивал. Рассматривая на ходу сэндвич — откуда половчее кусать, — Андрей спросил:

— Когда Пак ушел?

— Да почти сразу же и ушел, — сказал Изя с набитым ртом. — Мы с ним осмотрели этот пантеон, ничего интересного не обнаружили, вот он и отправился.

— Зря, — сказал Андрей. Он понял, что его беспокоило.

— Что — зря?

Андрей не ответил.

Глава четвертая

Никакого Пака в библиотеке не оказалось. Он, конечно, сюда и не думал заходить. Книжки валялись грудой, как и раньше.

— Странно, — сказал Изя, растерянно вертя головой. — Он же сказал, что отберет все по социологии...

— «Он сказал, он сказал...» — сквозь зубы проговорил Андрей. Он пнул носком башмака подвернувшийся под ноги пухлый том, повернулся и сбежал по лестнице. Обвел все-таки в конце концов. Обвел косоглазый. Еврей дальневосточный... Он сам толком не понимал, в чем заключается хитрость дальневосточного еврея, но всеми фибрами души чувствовал: обвел!

Теперь они шли, прижимаясь к стенам, — Андрей по правой стороне улицы, Немой, который тоже понял, что дело дрянь, — по левой. Изя полез было на середину, но Андрей так на него гаркнул, что архивариус опрометью вернулся к нему и пошел след в след, возмущенно сопя и презрительно фыркая. Видимость была — метров пятьдесят, а дальше улица представлялась словно бы в аквариуме — все там мутно дрожало, отсвечивало, поблескивало, и даже вроде бы какие-то водоросли струились над мостовой.

Когда они поравнялись с кинотеатром, Немой вдруг остановился. Андрей, следивший за ним краем глаза, остановился тоже. Немой стоял неподвижно, он словно к чему-то прислушивался, держа обнаженный тесак в опущенной руке.

— Гарью несет... — тихонько проговорил сзади Изя.

И Андрей сейчас же почувствовал запах гари. Вот оно, подумал он, стискивая зубы.

Немой поднял руку с тесаком, махнул вдоль улицы и двинулся дальше. Они прошли еще метров двести со всей возможной осторожностью. Запах гари усиливался. Запах горячего металла, тлеющего тряпья, солярки и еще какие-то сладковатые, почти вкусные запахи. Что же там произошло? — думал Андрей, стискивая зубы до хруста в висках. Что он там учинил? — твердил он в тоске. Что там горит? Это же там горит, несомненно... И тут он увидел Пака.

Он сразу подумал, что это Пак, потому что на трупе была знакомая куртка из выцветшей голубой саржи. Ни у кого в лагере больше не было такой куртки. Кореец лежал на углу, разбросав ноги, уронивши голову на самодельный короткоствольный автомат. Ствол автомата был направлен вдоль улицы в сторону лагеря. Пак был какой-то непривычно толстый, словно раздутый, и кисти рук у него были черно-синие и лоснились.

Андрей еще не успел как следует понять, что же он на самом деле видит, как Изя с каким-то карканьем оттолкнул его, бросился, отдавив ему ногу, через перекресток и упал рядом с трупом на колени. Андрей сглотнул и посмотрел в сторону Немого. Немой энергично кивал и показывал тесаком куда-то вперед, и Андрей разглядел там, на самой границе видимости, еще одно тело. Кто-то там лежал еще — посередине улицы, — тоже толстый и черный, а сквозь марево видно было теперь, как поднимается над крышами искаженный рефракцией столб серого дыма.

Опустив автомат, Андрей пересек перекресток. Изя уже поднялся с колен, и, подойдя, Андрей сразу понял — почему: от трупа в голубой сарже невыносимо тянуло сладким и тошным.

— Боже мой... — проговорил Изя, поворачивая к Андрею залитое потом помертвевшее лицо. — Они же его убили, подонки... Они же все вместе его одного не стоят...

Андрей мельком взглянул под ноги, на страшную раздутую куклу с черной язвой вместо затылка. Солнце тускло отсвечивало на россыпи медных гильз. Андрей обошел Изю и, больше уже не прячась, не пригибаясь, зашагал наискосок через улицу к следующей раздутой кукле, над которой уже сидел на корточках Немой.

Этот лежал на спине, и хотя лицо у него было чудовищно вспухшее и черное, Андрей узнал его: это был один из геологов, заместитель Кехады по съемке — Тэд

Камински. Особенно страшно было, что он в одних трусах и почему-то в ватнике, какие носили водители. Видимо, ему попало в спину, и очередь прошла его насквозь — на груди телогрейка была вся в дырах, и из дыр торчали клочья серой ваты. Шагах в пяти валялся автомат без рожка.

Немой тронул Андрея за плечо и указал вперед. Там, приткнувшись к стене на правой стороне улицы, скорчился еще один труп. Оказалось, это был Пермьяк. Его убило, видимо, на середине улицы, там еще оставалось на булыжнике высохшее черное пятно, но он, мучаясь, пополз к стене, оставляя за собой густой черный след, и там, у стены, мучаясь, умер, подвернув голову и изо всех сил обхватив руками разорванный пулями живот.

Они здесь убивали друг друга в приступе неистовой ярости, как взбесившиеся хищники, как остервеневшие тарантулы, как обезумевшие от голода крысы. Как люди.

Поперек ближайшего к лагерю немощеного переулка на засохших нечистотах валялся Тевосян. Он гнался за трактором, который свернул в этот переулок и уходил к обрыву, коверкая спекшуюся землю торопливыми гусеницами. Тевосян гнался за ним от самого лагеря, стреляя на ходу, а с трактора стреляли по нему и здесь, на перекрестке, где в ту ночь стояла статуя с жабьей харей, в него попали, и он остался лежать, оскалив желтые зубы, в своем испачканном пылью, нечистотами и кровью солдатском мундирчике. Но перед смертью, а может быть, и после смерти, он попал тоже: на полпути к обрыву, вцепившись скрюченными пальцами в раскрошенную гусеницами землю, вздутой горой громоздился сержант Фогель, и дальше трактор шел уже без него — до самого обрыва и вниз, в пропасть.

В лагере лениво догорала волокуша. По исковерканным простреленным бочкам, иссиня-черным от жара, еще бегали чадные язычки оранжевого пламени, и медленно поднимались в тусклое небо клубы жирного дыма. Из черной спекшейся кучи на волокуше торчали чьи-то горелые ноги, и тянуло тем самым вкусным запахом, от которого теперь тошнило.

Из окна комнаты картографов свисал голый труп Рулье — длинные волосатые руки его почти касались тротуара, а на тротуаре валялся автомат. Вокруг окна вся стена была избита и исковеркана пулями, а на противоположной стороне улицы лежали друг на друге скошенные одной очередью Василенко и Палотти. Оружия возле них не было, а на усохшем лице Василенко сохранилось выражение безмерного изумления и испуга.

Второго геолога, второго картографа и зампотеха Эллизауэра расстреляли, поставив к той же стене. Так они и лежали рядом под пробитой пулями дверью — Эллизауэр в кальсонах, остальные — голые.

А в самом центре этой смердящей гекатомбы, прямо посередине улицы, на длинном столе с алюминиевыми ножками, покрытый британским флагом, спокойно лежал, сложивши руки на груди, полковник Сент-Джеймс, в парадном мундире, при всех орденах, все такой же сухой, невозмутимый и даже иронически улыбающийся. Рядом, привалившись к ножке стола, уткнувшись седой головой в мостовую, лежал Даган — тоже в парадном мундире, — и в руке у него была зажата сломанная трость полковника.

И это было все. Шестеро солдат, в том числе и Хнойпек, инженер Кехада, приبلудная девка Мымра и второй трактор со второй волокушей — исчезли. Остались трупы, осталось сваленное горой геологическое оборудование, осталось несколько автоматов в пирамиде. И смрад. И жирная копоть. И удушающая вонь жареного мяса от догорающей волокуши.

Андрей ввалился в свою комнату, упал в кресло и со стоном уронил голову на руки. Все было кончено. Навсегда. И не было спасения от боли, и не было спасения от стыда, и не было спасения от смерти.

...Я привел их сюда. Я. Я их бросил здесь одних, трус, подонок. Отдохнуть захотелось. От рыл ихних отдохнуть захотелось вонючке, чистоплюю, слизняку... Полковник, ах, полковник! Нельзя было умирать, нельзя!.. Если бы я не ушел, он бы не

умер. Если бы он не умер, никто бы здесь и пикнуть не посмел. Звери, звери... Гиены! Стрелять надо было, стрелять!..

Он снова протяжно застонал и заерзал мокрой щекой по рукаву. В библиотеках прохлаждался... речи статуям произносил... раздолбай, трепло, все прогадил, все растерял... Ну и подыхай теперь, сволочь! Никто не заплачет. На кой хрен ты такой кому нужен?.. Но страшно ведь, страшно... Гонялись друг за другом, стреляли — в лежащих стреляли, в мертвых стреляли, к стенке ставили с руганью, с мордобоем... До чего же вы дошли, ребята, а? До чего я вас довел?.. И зачем? Зачем?!

Он ударил по столешнице стиснутыми кулаками, выпрямился, обтер лицо ладонью. Было слышно, как за окном невнятно и страшно вскрикивает Изя и Немой успокаивающе курлыкает, словно голубь. Не хочу жить, подумал Андрей. Не хочу. К черту все это... Он поднялся из-за стола — туда, к Изе, к людям — и вдруг увидел перед собой раскрытый журнал экспедиции. Он с отвращением оттолкнул его от себя, но тут же заметил, что последняя страница исписана не его рукой. Он снова сел и стал читать.

Кехада писал:

«День 31-й. Вчера, утром 30-го дня экспедиции, советник Воронин с архивариусом Кацманом и эмигрантом Паком отправились на рекогносцировку с расчетом возвратиться в лагерь к отбою, но не возвратились. Сегодня в 14 часов 30 минут скоростно, от сердечного приступа, скончался временно исполняющий обязанности начальника экспедиции полковник Сент-Джеймс. Поскольку советник Воронин до сих пор из рекогносцировки не возвратился, принимаю командование экспедицией на себя. Подпись: заместитель начальника экспедиции по науке Д. Кехада. 31-й день экспедиции, 15 часов 45 мин.»

Далее следовала обычная муть о расходе продовольствия и воды, о температуре, о ветре, а также приказ о назначении сержанта Фогеля начальником по военной части, выговор зампотеху Эллизауэру за медлительность и приказ ему же — максимально форсировать ремонт второго трактора. Дальше Кехада писал:

«Я намерен завтра провести торжественные похороны безвременно усопшего полковника Сент-Джеймса и сразу же после церемонии выслать хорошо вооруженный отряд на поиски рекогносцировочной группы советника Воронина. Буде исчезнувшая группа не обнаружится, я намерен отдать приказ о возвращении, поскольку считаю дальнейшее продвижение вперед еще более бессмысленным, нежели раньше».

«День 32-й. Рекогносцировочная группа не вернулась. За безобразную драку, учиненную минувшей ночью, картографа Рулье и рядовых Хнойпека и Тевосяна предупреждаю в последний раз и лишаю на день водного пайка...»

Дальше на бумаге шел чернильный зигзаг с брызгами, и записи на этом кончались. Видимо, на улице поднялась стрельба, Кехада выскочил и больше уже не возвращался.

Андрей перечитал записи дважды. Да, Кехада, ты этого хотел. Чего хотел, то и получил. А я все на Пака грешил, царство ему небесное... Он, прикусив губу, зажмурился, когда перед глазами его снова встала раздутая кукла в синей выцветшей куртке, и вдруг до него дошло: тридцать второй день. Как — тридцать второй? Тридцатый! Вчера я записывал за двадцать восьмой... Он торопливо перебрал страницу. Да. Двадцать восьмой... И трупы эти раздутые — они же лежат уже несколько суток... Господи, да что же это?.. Один, два... Какое же сегодня число? Ведь мы же сегодня утром ушли!

И он вспомнил жаркую, уставленную пустыми постаментами площадь, и ледяную тьму пантеона, и слепые статуи за бесконечно длинным столом... Это было давно. Это было очень давно. Да-а... Закрутила, значит, завертела гадская сила, заморочила, одурманила меня... Я же мог в тот же день вернуться, полковника живого бы застал, не допустил бы...

Дверь распахнулась, и в комнату шагнул не похожий на себя Изя — весь словно высохший, с вытянутым костистым лицом, угрюмый, озлобленный, точно и не он только

что, как женщина, вскрикивал под окнами. Он швырнул в угол полупустой мешок, сел в кресло напротив Андрея и сказал:

— Трупы лежат не меньше трех дней. Что происходит, ты понимаешь?

Андрей молча толкнул ему через стол журнал. Изя жадно схватил, разом проглотил записи, поднял на Андрея красные глаза.

Андрей сказал, криво усмехаясь:

— Эксперимент есть Эксперимент.

— Дрянь корявая, паршивая... — сказал Изя с ненавистью и отвращением. Он еще раз проглядел записи и бросил журнал на стол. — С-суки!

— По-моему, это нас на площади скрутило, — сказал Андрей. — Где постаменты...

Изя кивнул, откинулся в кресле и, задрвав бороду, закрыл глаза.

— Ну, что будем делать, советник? — спросил он.

Андрей молчал.

— Ты мне только стреляться не вздумай! — сказал Изя. — Знаю я тебя... комсомольца... орленка.

Андрей снова криво усмехнулся и потянул себя за воротник.

— Слушай, — проговорил он. — Пойдем отсюда куда-нибудь...

Изя открыл глаза и уставился на него.

— Смрад из окна... — сказал Андрей с трудом. — Не могу...

— Пошли ко мне, — сказал Изя.

В коридоре Немой поднялся им навстречу. Андрей взял его за голую мускулистую руку и потянул за собой. Все вместе они вошли в Изину комнату. Окна здесь глядели на другую улицу. За окнами, над низкими крышами уходила ввысь Желтая Стена. Здесь совсем не было смрада, и было почему-то даже прохладно, только вот сесть было негде — весь пол и все сплошняком было завалено бумагой и книгами.

— На пол, на пол садись, — сказал Изя, а сам повалился на свою развороченную грязную постель. — Давай думать, — сказал он. — Я подышать не собираюсь. У меня здесь еще куча дел.

— А чего думать? — сказал Андрей угрюмо. — Все равно... Воды нет, увезли, а жратва вся сгорела. Дороги назад нет — через пустыню нам не пройти... Даже если мы этих гадов догоним... Да нет — где нам их догнать, несколько дней прошло... — Он помолчал. — Если бы воду найти... Далеко до этой твоей водокачки?

— Километров двадцать, — сказал Изя. — Или тридцать.

— Если ночью идти, по холодку...

— Ночью идти нельзя, — сказал Изя. — Темно. И волки.

— Здесь нет волков, — возразил Андрей.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, тогда давай стреляться к чертовой матери, — сказал Андрей.

Он уже знал, что не будет стреляться. Он хотел жить. Никогда раньше он не знал, что можно так сильно хотеть жить.

— Ну ладно, — сказал Изя. — А если серьезно?

— А если серьезно, то я хочу жить. И я выживу. Мне теперь на все наплевать. Мы теперь с тобой вдвоем, понял? Мы теперь с тобой должны выжить, и все. И провались они все к чертовой матери. Просто найдем воду и будем около нее жить.

— Правильно, — сказал Изя. Он сел на кровати, запустил руку под рубаху и принялся скрестись. — Днем будем пить воду, а по ночам я буду тебя поя...ть.

Андрей посмотрел на него, не понимая.

— Ты можешь еще что-нибудь предложить? — спросил он.

— Пока нет. Все правильно — сначала надо найти воду. Без воды нам карачун. А что дальше — там посмотрим... Я вот что сейчас думаю. По всему видно, что они драпали отсюда опрометью, сразу после бойни. Страшно стало. Повалились на волокушу и — газу! Надо в доме пошарить — наверняка здесь и вода, и жратва найдется...

Он хотел еще что-то сказать, но остановился с разинутым ртом. Глаза его выкатились.

— Гляди, гляди! — сказал он испуганным шепотом.

Андрей стремительно повернулся к окну.

Сначала он ничего особенного не заметил, он только услышал — какое-то отдаленное гроыхание, словно обвал, словно где-то камни сыпались... Потом глаза его уловили некое движение на желтом вертикальном склоне над крышами.

Сверху, из голубоватой белесой мглы, куда уходил мир, быстро катилось острием вниз странное треугольное облако. Оно двигалось с невероятной высоты и было еще очень далеко от подножия стены, но уже можно было различить, что на острие бешено крутится, налетая на невидимые выступы и подскакивая, какое-то тяжелое тело мучительно знакомых очертаний. При каждом ударе от этого тела отлетали куски и продолжали падать рядом, веером летело каменное крошево, и вспухали клубы светлой пыли, втягиваясь в облако, образуя его, расходясь углом, как бурун за кормой быстроходного катера, а отдаленный гроыхающий гул стал громче и распался на отдельные удары, дробный треск обломков о монолит, грозное шуршание гигантского оползня...

— Трактор! — перехваченным голосом произнес Изя.

Андрей понял его только в самую последнюю секунду, когда изувеченная, истерзанная машина стремительно нырнула за крыши, пол под ногами дрогнул от страшного удара, столбом взвилась кирпичная пыль, взлетели на воздух обломки, ключья жести — через мгновение все это скрылось под лавиной желтого обвала.

Они еще долго молчали, прислушиваясь, как там гремит, трещит, хрустит, перекачивается, и пол под ногами все вздрагивал, а над крышами уже ничего не было видно за неподвижным желтым облаком.

— Ничего себе! — сказал Изя. — Как их туда занесло?

— Кого? — тупо спросил Андрей.

— Это же наш трактор, балда!

— Какой наш трактор? Который удрал?

Изя помолчал, изо всех сил сандаля нос грязными пальцами.

— Не знаю, — сказал он. — Не понимаю ничего... А ты понимаешь? — спросил он вдруг, повернувшись к Немому.

Тот равнодушно кивнул. Изя с досадой ударил себя по коленям, но тут Немой сделал странный жест: протянул перед собой указательный палец, круто опустил его к полу, а затем поднял выше головы, описавши в воздухе вытянутое кольцо.

— Ну? — жадно сказал Изя. — Ну?

Немой пожал плечами и повторил тот же жест. И Андрей вдруг вспомнил — вспомнил и сразу все понял.

— «Падающие Звезды»! — сказал он. — Это ж надо же!.. — Он горько рассмеялся. — Надо же, когда я это понял!..

— Что ты понял? — заорал Изя. — Какие звезды?

Андрей, все еще смеясь, махнул рукой.

— Плевать, — сказал он. — Плевать, плевать и плевать! Какое нам теперь до этого дело? Хватит болтать, Кацман! Нам выжить надо, понимаешь ты? Выжить! В этом гнусном неправдоподобном мире! Нам вода нужна, Кацман!..

— Подожди, подожди... — пробормотал Изя.

— Я ничего больше не хочу! — заорал Андрей, трясая сжатыми кулаками. — Я не желаю больше ничего понимать! Не желаю ничего узнавать!.. Ведь там трупы валяются, Кацман! Трупы!.. Они ведь тоже жить хотели, Кацман! А теперь просто вздулись и гниют!

Изя, выпятив бороду, слез с кровати, схватил Андрея за куртку и с силой посадил на пол.

— Тихо! — сказал он, страшно сопя. — По морде тебе дать? Сейчас дам. Баба!

Андрей скрипнул зубами и замолчал. Изя отдуваясь вернулся на койку и снова принялся скрестись.

— Трупов он не видал... — ворчал он. — Мира этого он не видал... Баба.

Андрей, уткнувшись лицом в ладони, давил и затаптывал в себе бессмысленный отвратительный вой. Но краем сознания он уже понимал, что с ним сейчас происходит, и это помогало. Очень страшно было: быть здесь, среди мертвецов, еще вроде бы живым, но на самом-то деле уже мертвым... Изя говорил что-то, но он не слышал. Потом его отпустило.

— Что ты говоришь? — спросил он, отнимая руки от лица.

— Я говорю, что пойду пошарю у солдатни, а ты пошарь у интеллигенции. И в комнате у Кехады пошарь — у него там где-то геологический НЗ должен храниться... Не дрейфь, перезимуем...

В этот момент погасло солнце.

— М-мать! Вот некстати! — сказал Изя. — Теперь фонарь надо искать... Подожди-ка, ведь твой фонарь у меня должен быть...

— Часы, — сказал Андрей с трудом. — Часы надо поставить...

Он поднес запястье к глазам, разглядел фосфоресцирующие стрелки и поставил их на десять ноль-ноль. Изя, ругаясь сквозь зубы, возился в темноте, двигал зачем-то койку, шуршал бумагой. Потом чиркнула и разгорелась спичка. Изя стоял посередине комнаты на карачках и водил спичкой из стороны в сторону.

— Ну чего вы расселись, мать вашу!.. — заорал он. — Фонарь ищите! Живее, а то у меня спичек всего три штуки!..

Андрей нехотя поднялся, но Немой уже нашел фонарь, поднял стекло и передал Изе. Стало светлее. Изя, сосредоточенно шевеля бородой, регулировал горелку. Руки у него были крюки, горелка не желала регулироваться. Немой, весь лоснящийся от пота, вернулся в угол, сел на корточки и оттуда жалобно и преданно глядел на Андрея распахнутыми глазами ребенка. Война. Огрызки битой армии...

— Дай сюда фонарь, — сказал Андрей.

Он отобрал у Изя фонарь, наладил горелку и приказал:

— Пошли.

Он толкнул дверь в комнату полковника. Окна здесь были плотно закрыты, стекла целы, и поэтому смрада совсем не чувствовалось. Пахло табаком и одеколоном. Полковником.

Все было аккуратно прибрано, два упакованных чемодана отсвечивали добротной кожей, походная раскладная койка застелена была без единой морщинки, в головах на гвозде висела португеза с кобурой и фуражка с громадным козырьком. На громоздком комод в углу стоял на войлочном кружке газовый фонарь, рядом — коробок спичек, стопка книг, футляр с биноклем...

Андрей поставил свой фонарь на стол и еще раз огляделся. Поднос с флягой и перевернутыми стаканчиками оказался на полке пустого стеллажа.

— Поддай, — сказал он Немому.

Немой кинулся, схватил и поставил поднос на стол, рядом с фонарем. Андрей разлил коньяк по стаканчикам. Стаканчиков было всего два, и для себя он наполнил колпачок фляжки.

— Берите, — сказал он. — За жизнь.

Изя одобрительно посмотрел на него, взял стаканчик, понюхал с видом знатока.

— Это вещь! — сказал он. — За жизнь, значит?.. Да разве это жизнь? — Он хихикнул, чокнулся с Немым и выпил. Глаза его увлажнились. — Хорошо-о... — слегка осипшим голосом проговорил он.

Немой тоже выпил — как воду, без всякого интереса. А Андрей все еще стоял с полным колпачком и пить не торопился. Что-то ему еще хотелось сказать, он и сам не знал толком — что. Какой-то очередной большой этап заканчивался, и начинался новый.

И хотя ничего хорошего от завтрашнего дня ожидать не приходилось, завтрашний день все-таки был реальностью — особенно ощутимой потому, что это будет, может быть, один из очень и очень немногих оставшихся дней. Это было совсем незнакомое Андрею и очень острое ощущение.

Но он так и не придумал, что еще сказать, — только повторил: «За жизнь» — и выпил.

Потом он зажег газовый фонарь полковника и вручил его Изе, пообещав:

— Если и этот раскокаешь, борода безрукая, надаю по шее...

Изя, оскорбленно ворча, удалился, а Андрей все медлил уходить, рассеянно оглядывая комнату. Следовало бы, конечно, пошарить здесь — наверняка у Дагана хранилась для полковника какая-нибудь записка, — но шарить именно здесь почему-то казалось... стыдным, что ли?

— Не стесняйтесь, Андрей, не стесняйтесь, — услышал он вдруг знакомый голос. — Мертвым ничего не нужно.

Немой сидел на краю стола, болтая ногой, и это уже был не Немой, точнее — не совсем Немой. Он по-прежнему был в одних штанах и с тесаком на широком поясе, но кожа его стала теперь сухой и матовой, лицо округлилось, на щеках проступил здоровый персиковый румянец. Это был Наставник — собственной персоной, — и Андрей впервые при виде него не ощутил ни радости, ни надежды, ни подъема. Он ощутил досаду и неловкость.

— Опять вы... — проворчал он, поворачиваясь к Наставнику спиной. — Давненько не видались...

Он подошел к окну и, прижавшись лбом к теплому стеклу, стал смотреть во тьму, слабо озаряемую огоньками догорающей волокуши.

— А мы тут, как видите, помирать собрались...

— Зачем же помирать? — бодро произнес Наставник. — Надо жить! Умереть, знаете ли, никогда не поздно и всегда рано, не так ли?

— А если мы не найдем воды?

— Вы ее найдете. Всегда находили и теперь найдете.

— Хорошо. Найдем. Жить около нее всю жизнь? Зачем же тогда жить?

— А зачем вообще жить?

— Вот и я все думаю: а зачем жить? Глупую я прожил жизнь, Наставник. Дурацкую какую-то... Болтался все время как дерьмо в проруби — ни вверх, ни вниз. Сначала за идеи какие-то сражался, потом — за дефицитные ковры, а потом совсем уже ополоумел... людей вот погубил...

— Ну-ну-ну, это несерьезно, — сказал Наставник. — Люди всегда гибнут. При чем же тут вы?.. Вы начинаете новый этап, Андрей, и на мой взгляд — решающий этап. В известном смысле даже хорошо, что все получилось именно так. Рано или поздно все это с неизбежностью должно было произойти. Ведь экспедиция была обречена. Но вы могли бы погибнуть, так и не перейдя этого важного рубежа...

— Что же это за рубеж, интересно? — произнес Андрей, усмехаясь. Он повернулся к Наставнику лицом. — Идеи уже были — всякая там возня вокруг общественного блага и прочая муть для молокососов... Карьеру я уже делал, хватит, спасибо, посидел в начальниках... Так что же еще может со мной случиться?

— Понимание! — сказал Наставник, чуть повысив голос.

— Что — понимание? Понимание чего?

— Понимание, — повторил Наставник. — Вот чего у вас еще никогда не было — понимания!

— Понимания этого вашего у меня теперь вот сколько! — Андрей постукал себя ребром ладони по кадыку. — Все на свете я теперь понимаю. Тридцать лет до этого понимания доходил и вот теперь дошел. Никому я не нужен, и никто никому не нужен. Есть я, нет меня, сражаюсь я, лежу на диване — никакой разницы. Ничего нельзя

изменить, ничего нельзя исправить. Можно только устроиться — лучше или хуже. Все идет само по себе, а я здесь ни при чем. Вот оно — ваше понимание, и больше понимать мне нечего... Вы мне лучше скажите, что я с этим пониманием должен делать? На зиму его засолить или сейчас кушать?..

Наставник кивал.

— Именно, — сказал он. — Это и есть последний рубеж: что делать с пониманием? Как с ним жить? Жить-то ведь все равно надо!

— Жить надо, когда понимания нет! — с тихой яростью сказал Андрей. — А с пониманием надо умирать! И если бы я не был таким трусом... если бы не вопила так во мне проклятая протоплазма, я бы знал, что делать. Я бы веревку выбрал — покрепче...

Он замолчал.

Наставник взял флягу, осторожно наполнил один стаканчик, другой и задумчиво завинтил колпачок.

— Ну, начнем с того, что вы не трус, — сказал он. — И веревкой вы не воспользовались вовсе не потому, что вам страшно... Где-то в подсознании, и не так уж глубоко, уверяю вас, сидит в вас надежда — более того, уверенность, — что можно жить и с пониманием тоже. И неплохо жить. Интересно. — Он ногтем стал двигать к Андрею по столу один из стаканчиков. — Вспомните-ка, как отец заставлял вас прочесть «Войну миров», как вы не хотели, как вы злились, как вы засовывали проклятую книжку под диван, чтобы вернуться к иллюстрированному «Барону Мюнхгаузену»... Вам было скучно от Уэллса, вам было от него тошно, вы не знали, на кой ляд он вам сдался, вы хотели без него... А потом вы прочли эту книжку двенадцать раз, выучили наизусть, рисовали к ней иллюстрации и пытались даже писать продолжение...

— Ну и что? — угрюмо сказал Андрей.

— И такое было с вами не однажды! — сказал Наставник. — И будет еще не раз. В вас только что вбили понимание, и вам от него тошно, вы не знаете, на кой оно вам ляд, вы хотите без него... — Он взял свой стаканчик. — За продолжение! — сказал он.

И Андрей шагнул к столу, и взял свою рюмку, и поднес ее к губам, с привычным облегчением чувствуя, как снова рассеиваются все угрюмые сомнения и уже брезжит что-то впереди, в непроницаемой, казалось бы, тьме, и сейчас надо выпить, и бодро стукнуть пустой рюмкой по столу, и сказать что-нибудь энергичное, бодрое, и взяться за дело, но в этот момент кто-то третий, кто до сих пор всегда молчал, все тридцать лет молчал — то ли спал, то ли пьяный лежал, то ли наплевать ему было, — вдруг хихикнул и произнес одно бессмысленное слово: «Ти-ли-ли, ти-ли-ли!..»

Андрей выплеснул коньяк на пол, бросил стаканчик на поднос и сказал, засунув руки в карманы:

— А ведь я еще кое-что понял, Наставник... Пейте, пейте на здоровье, мне не хочется. — Не мог он больше смотреть на это румяное лицо. Он повернулся к нему спиной и снова отошел к окну. — Поддакиваете много, господин Наставник. Слишком уж вы беспардонно поддакиваете мне, господин Воронин-второй, совесть моя желтая, резиновая, польвованный ты презерватив... Все тебе, Воронин, ладно, все тебе, родимый, хорошо. Главное, чтобы все мы были здоровы, а они нехай все подохнут. Жратвы вот не хватает — Кацмана пристрелю, а? Милое дело!..

Дверь у него за спиной скрипнула. Он обернулся. Комната была пуста. И стаканчики были пусты, и фляга была пуста, и в груди было как-то пусто, словно вырезали оттуда что-то большое и привычное. То ли опухоль. То ли сердце...

И уже привыкая к этому новому ощущению, Андрей подошел к койке полковника и снял с гвоздя ремень с пистолетом, изо всех сил запрясался и передвинул кобуру на живот.

— На память, — громко сказал он белоснежной подушке.

Часть шестая. Исход

Солнце было в зените. Медный от пыли диск висел в центре белесого, нечистого неба, ублюбочная тень корчилась и топорила под самыми подошвами, то серая и размытая, то вдруг словно оживающая, обретающая резкость очертаний, наливающаяся чернотой и тогда особенно уродливая. Никакой дороги здесь и в помине не было — была бугристая серо-желтая сухая глина, растрескавшаяся, убитая, твердая, как камень, и до того голая, что совершенно непонятно было, откуда здесь берется такая масса пыли.

Ветер, слава богу, дул в спину. Где-то далеко позади он засасывал в себя неисчислимые тонны гнусной раскаленной пороши и с тупым упорством волочил ее вдоль выжженного солнцем выступа, зажатого между пропастью и Желтой Стеной, то выбрасывая ее крутящимся протуберанцем до самого неба, то скручивая туго в гибкие, почти кокетливые, лебединые шеи смерчей, то просто катил клубящимся валом, а потом, вдруг остервенев, швырял колючую муку в спины, в волосы, хлестал, зверея, по мокрому от пота затылку, стегал по рукам, по ушам, набивал карманы, сыпал за шиворот...

Ничего здесь не было, давно уже ничего не было. А может быть, и никогда. Солнце, глина, ветер. Только иногда пронесется, крутясь и подпрыгивая кривляющимся скоморохом, колючий скелет куста, выдранный с корнем бог знает где позади. Ни капли воды, никаких признаков жизни. И только пыль, пыль, пыль, пыль...

Время от времени глина под ногами куда-то пропадала, и начиналось сплошное каменное крошево. Здесь все было раскалено, как в аду. То справа, то слева начинали выглядывать из клубов несущейся пыли гигантские обломки скал — седые, словно мукой припорошенные. Ветер и жара придавали им самые странные и неожиданные очертания, и было страшно, что они вот так — то появляются, то вновь исчезают, как призраки, словно играют в свои каменные прятки. А щебень под ногами становился все крупнее, и вдруг россыпь кончалась, и снова под ногами звенела глина.

Камни вели себя очень плохо. Они выворачивались из-под ноги, они норовили поглубже вонзиться в подошву, проткнуть ее, добраться до живого тела. Глина вела себя поприличнее. Но и она делала все, что могла. Она вдруг вспучивалась плешивыми холмами, она устраивала ни с того ни с сего дурацкие косогоры, она расступалась в глубокие крутые овраги, где на дне невозможно было дышать от застоявшейся тысячелетней жары... Она тоже играла в свою игру, в свое глиняное «замри-отомри», учиняла метаморфозы в меру своей скудной глиняной фантазии. Все здесь играло в свои игры. И все — в одни ворота...

— Эй, Андрей! — сипло позвал Изя. — Андрюха-а!..

— Чего тебе? — через плечо спросил Андрей и остановился.

Тележка, вихляясь на разболтанных колесиках, по инерции накатила на него и ударила под колени.

— Смотри!..

Изя стоял шагах в десяти позади и показывал что-то в протянутой руке.

— Что это? — спросил Андрей без особого интереса.

Изя налег на постромки и, не опуская руки, подкатил свою тележку к Андрею. Андрей смотрел, как он идет, — страшный, в бороде по грудь, со вставшей дыбом, серой от пыли шевелюрой, в невероятно драной куртке, сквозь дыры которой проглядывало волосатое мокрое тело. Бахрома его порток едва прикрывала колени, а правый башмак вопиал о каше, выставя на свет грязные пальцы со сломанными черными ногтями... Корифей духа. Жрец и апостол вечного храма культуры...

— Расческа! — торжественно провозгласил Изя, приблизившись.

Расческа была из самых дешевых — пластмассовая, со сломанными зубьями, — не расческа даже, а обломок расчески, и у места облома можно было еще разобрать какой-то ГОСТ, но пластмасса была выбелена многими десятилетиями солнечного жара и жестоко изъедена пылевой коростой.

— Ну вот, — сказал Андрей. — А ты все галдишь: никто до нас, никто до нас.

— И совсем я не так галдю, — сказал Изя миролюбиво. — Давай посидим, а?

— Ну, посидим, — согласился Андрей без всякого энтузиазма, и Изя тут же, не снимая постромок, плюхнулся задом прямо на землю и принялся засовывать обломок расчески в нагрудный карман.

Андрей поставил свою тележку поперек ветра, сбросил постромки и уселся, прислонившись спиной и затылком к горячим канистрам. Ветра сразу же стало заметно меньше, но зато теперь голая глина немилосердно жгла ягодицы сквозь ветхую ткань.

— Где же твой резервуар? — сказал он с презрением. — Трепло.

— Иш-шы, иш-шы! — откликнулся Изя. — Должен быть!

— Это еще что такое?

— А это такой анекдот, про купца, — объяснил Изя с охотой. — Пошел один купец в публичный дом...

— Ну, поехали! — сказал Андрей. — Все об ей? Угомона на тебя нет, Кацман, ей-богу!..

— Я угомона себе позволить не могу, — объявил Изя. — Я должен быть готов при первой же возможности.

— Сдохнем мы тут с тобой, — сказал Андрей.

— Ни боже мой! И не думай, и не мысли!

— Да я и не думаю, — сказал Андрей.

Это была правда. Мысль о неизбежной, конечно, смерти очень редко теперь приходила ему в голову. Черт его знает, в чем тут было дело. То ли острота этого ощущения обреченности уже совсем притупилась, то ли плоть уже настолько высохла и изнемогла, что перестала орать и вопить и только еле-еле сипела где-то на пороге слышимости... А может быть, количество перешло, наконец, в качество, и начало действовать постоянное присутствие Изи с его почти неестественным равнодушием к смерти, которая все ходила около них кругами, то приближаясь почти вплотную, то вдруг снова удаляясь, но никогда не упуская их из виду... Так или иначе, но вот уже много дней Андрей если и заговаривал о неизбежном конце, то только для того, чтобы снова и снова убедиться в своем растущем равнодушии к нему.

— Что ты говоришь? — переспросил он.

— Я говорю: ты, главное, не бойся здесь подохнуть...

— Да ты мне это уже сто раз говорил. Я уже давным-давно не боюсь, а ты все знай долдонишь свое...

— Ну и хорошо, — мирно сказал Изя. Он вытянул ноги. — Чем бы это мне подошву подвязать? — осведомился он глубокомысленно. — Отвалится ведь в ближайший же кол времени...

— А вон конец от постромок отрежь и подвяжи... Дать тебе ножик?

Некоторое время Изя молча созерцал торчащие пальцы.

— Ладно, — сказал он наконец. — Совсем отвалится — тогда... Может, хлебом по глотку?

— Ручки зябнуть, ножки зябнуть? — сказал Андрей и сразу вспомнил дядю Юру. Дядя Юра вспоминался теперь с трудом. Он был из другой жизни.

— Не пора ли нам дерябнуть? — с живостью подхватил Изя, искательно заглядывая Андрею в глаза.

— Фигу тебе! — сказал Андрей с удовольствием. — Знаешь, какой водицы хлебни? Которую ты где-то там вычитал. Наврал ведь мне про резервуар, да?

Как он и ожидал, Изя немедленно взбеленился.

— Иди ты на хер! Что я тебе — гувернантка?

— Ну, значит, рукопись твоя наврала...

— Дурак, — сказал Изя с презрением. — Рукописи не врут. Это тебе не книги. Надо только уметь их читать...

— Ну, значит, читать ты не умеешь...

Изя только посмотрел на него и сейчас же завозился, поднимаясь.

— Всякое говно здесь будет... — бормотал он. — А ну вставай! Резервуар хочешь? Тогда нечего расслаживаться... Вставай, говорю!

Ветер, ликуя, хлестнул колючками по ушам и радостно, как веселый пес, запыллил кругами над плешивой глиной, а глина с натугой двинулась навстречу и некоторое время вела себя смирно, словно собиралась с силами, а потом начала опрокидываться косогором...

Понять бы все-таки до конца, куда меня несет черт, подумал Андрей. Всю жизнь меня куда-то несет — не сидится мне на месте, дураку... Главное, ведь смысла никакого уже нет. Раньше все-таки всегда бывал какой-то смысл. Ну, пусть даже самый мизерный, пусть даже завиральный, но все-таки, когда меня били, скажем, по морде, я всегда мог сказать себе: это ничего, это — во имя, это — борьба...

...Всему на свете цена — дерьмо, сказал Изя. (Это было в Хрустальном Дворце, они только что поели курятины, жаренной под давлением, и теперь лежали на ярких синтетических матрасиках на краю бассейна с прозрачной подсвеченной водой.) Всему на свете цена — дерьмо, сказал Изя, ковыряя в зубах хорошо отмытым пальцем. Всем этим вашим пахарям, всем этим токарям, всем вашим блюмингам, крекингам, ветвистым пшеницам, лазерам и мазерам. Все это — дерьмо, удобрения. Все это проходит. Либо просто проходит без следа и навсегда, либо проходит потому, что превращается. Все это кажется важным только потому, что большинство считает это важным. А большинство считает это важным потому, что стремится набить брюхо и усладить свою плоть ценой наименьших усилий. Но если подумать, кому какое дело до большинства? Я лично против него ничего не имею, я сам в известном смысле большинство. Но меня большинство не интересует. История большинства имеет начало и конец. Вначале большинство жрет то, что ему дают. А в конце оно всю свою жизнь занимается проблемой выбора: что бы такое выбрать пожрать этакое? Еще не жратое?.. Ну, до этого пока еще далековато, сказал Андрей. Не так далеко, как ты воображаешь, возразил Изя. А если даже и далеко, то не в этом дело. Важно, что есть начало и есть конец... Все, что имеет начало, имеет и конец, сказал Андрей. Правильно, правильно, сказал Изя нетерпеливо. Но я ведь говорю о масштабах истории, а не о масштабах Вселенной. История большинства имеет конец, а вот история меньшинства закончится только вместе со Вселенной... Элитарист ты паршивый, лениво сказал ему Андрей, поднялся со своего коврика и бухнулся в бассейн. Он долго плавал, фыркал в прохладной воде и, ныряя на самое дно, где вода была ледяная, жадно глотал ее там, как рыба...

...Нет, конечно, не глотал. Это я бы сейчас глотал. Господи, как бы я глотал! Я бы весь бассейн выглохтал, Изе бы не оставил — пусть резервуар ищет...

Справа, из-за серо-желтых клубов, выглянули какие-то руины — полуобвалившаяся глухая стена, щетинистая от пыльных растений, остатки неуклюжей четверугольной башни.

— Ну вот, пожалуйста, — сказал Андрей, останавливаясь. — А ты говоришь: никто до нас...

— Да не говорил я этого никогда, балда стоеросовая! — просипел Изя. — Я говорил...

— Слушай, а может, резервуар — здесь?

— Очень может быть, — сказал Изя.

— Пойдем посмотрим.

Они сбросили постромки и побрели к развалинам.

— Хе! — сказал Изя. — Норманнская крепость! Девятый век...

— Воду, воду ищи, — сказал Андрей.

— Иди ты со своей водой! — сказал Изя с сердцем. Глаза его округлились, выкатились, давно забытым жестом он полез под бороду искать свою бородавку. — Норманны... — бормотал он. — Надо же... Интересно, чем их сюда заманили?

Цепляясь лохмотьями за колючки, они преодолели пролом в стене и оказались в затишье. На четырехугольной гладкой площади возвышалось низкое строение с рухнувшей крышей.

— Союз меча и гнева... — бормотал Изя, торопливо устремляясь к дверному проему. — То-то же я ни хрена не понимал, что это за союз... откуда здесь меч какой-то... Так развеобразишь такое?..

В доме было полное запустение, полное и древнее. Вековое. Провалившиеся стропила перемешались с обломками сгнивших досок — остатков длинного, во всю длину дома, стола. Все было пыльное, трухлявое, истлевшее, а вдоль стены слева тянулись такие же пыльные трухлявые скамьи. Не переставая бормотать, Изя полез копать в этой гряде тлена, а Андрей выбрался наружу и пошел вокруг дома.

Очень скоро он наткнулся на то, что было когда-то резервуаром — огромная круглая яма, выложенная каменными плитами. Сейчас камни эти были сухие, как сама пустыня, но когда-то вода здесь, без сомнения, была: глина на краю ямы, твердая, как цемент, сохранила глубокие отпечатки обутых ног и собачьих лап. Худо дело, подумал Андрей. Былой ужас взял его за сердце и сейчас же отпустил: на противоположном конце ямы звездой распластались по глине широкие лохматые листья «женьшеня». Андрей трусцой побежал к ним вокруг ямы, на бегу нашаривая в кармане нож.

Несколько минут, пыхтя, обливаясь потом, он неистово ковырял ножом и ногтями окаменелую глину, отгребал крошки и снова ковырял, а потом, ухватившись обеими руками за толстое основание корня — холодное, сырое, мощное, — потянул сильно, но осторожно, так, чтобы, упаси бог, не обломилось бы где-нибудь посередине.

Корень был из больших — сантиметров семьдесят длиной, а толщиной в кулак, — белый, чистый, лоснящийся. Прижав его к щеке обеими руками, Андрей пошел к Изе, но по дороге не удержался — вгрызся в сочную хрусткую плоть, с наслаждением принялся жевать, стараясь не торопиться, стараясь разжевывать как можно тщательнее, чтобы не потерять зря ни единой капли этой восхитительной мятной горечи, от которой во рту и во всем теле становится свежо и прохладно, как в утреннем лесу, а голова делается ясной, и больше ничего не страшно, и можно сдвинуть горы...

Потом они сидели на пороге дома и радостно вгрызались, и хрустели, и чавкали, весело подмигивая друг другу с набитыми ртами, а ветер разочарованно выл у них над головами и не мог достать до них. Снова они его обманули — не дали поиграть костями на плешивой глине. Теперь снова можно было помериться силами.

Они выпили по два глотка из горячей канистры, впряглись в свои тележки и зашагали дальше. И идти теперь было легко, Изя не отставал больше, а вышагивал рядом, шлепая полуоторванной подметкой.

— Я там, между прочим, еще один кустик приметил, — сказал Андрей. — Маленький. На обратном пути...

— Зря, — сказал Изя. — Надо было сожрать.

— Мало тебе?

— А чего добру пропадать?

— Не пропадет, — сказал Андрей. — На обратном пути пригодится.

— Да не будет никакого обратного пути!

— Этого, брат, никто не знает, — сказал Андрей. — Ты мне лучше вот что скажи: вода еще будет?

Изя задрал голову и посмотрел на солнце.

— В зените, — сообщил он. — Или почти в зените. Ты как полагаешь, господин астроном?

— Похоже.

— Скоро начнется самое интересное, — сказал Изя.

— Да что тут такого интересного может быть? Ну, перевалим мы через нулевую точку. Ну, пойдем к Антигороду...

— Откуда ты знаешь?

— Об Антигороде?

— Нет. Почему ты думаешь, что мы вот так просто перевалим и пойдем?

— Да ни хрена я об этом не думаю, — сказал Андрей. — Я о воде думаю.

— Господи, твоя воля! В нулевой точке — начало мира, ты понимаешь? А он — о воде!..

Андрей не ответил. Начался подъем на очередной бугор, идти стало трудно, постромки врезались в плечи. Хорошая штука «женьшень», подумал Андрей. Откуда мы о нем знаем?.. Пак рассказывал? Кажется... А, нет! Мымра как-то притащила в лагерь несколько корней и принялась поедать, а солдаты отобрали у нее и сами попробовали. Да. Все они потом ходили гоголем, а Мымру валяли всю ночь до утра... А Пак уже потом рассказывал, что этот «женьшень», как и настоящий женьшень, попадает очень редко. Он растет в тех местах, где когда-то была вода, и очень хорош при упадке сил. Только вот хранить его нельзя, есть надо немедленно, потому что через час или даже меньше корень вянет и становится чуть ли не ядовитым... Около Павильона было много этого «женьшеня», целый огород... Вот там мы его наелись от пуза, и все язвы у Изя прошли за одну ночь. Хорошо было у Павильона. А Изя все разглагольствовал там насчет здания культуры...

...Все прочее — это только строительные леса у стен храма, говорил он. Все лучшее, что придумало человечество за сто тысяч лет, все главное, что оно поняло и до чего додумалось, идет на этот храм. Через тысячелетия своей истории, воюя, голодая, впадая в рабство и восставая, жря и совокупляясь, несет человечество, само об этом не подозревая, этот храм на мутном гребне своей волны. Случается, оно вдруг замечает на себе этот храм, спохватывается и тогда либо принимается разносить этот храм по кирпичикам, либо судорожно поклоняться ему, либо строить другой храм, по соседству и в поношение, но никогда оно толком не понимает, с чем имеет дело, и, отчаявшись как-то применить храм тем или иным манером, очень скоро отвлекается на свои так называемые насущные нужды: начинает что-нибудь уже тридцать три раза деленное делить заново, кого-нибудь распинать, кого-нибудь превозносить — а храм знай себе все растет и растет из века в век, из тысячелетия в тысячелетие, и ни разрушить его, ни окончательно унизить невозможно... Самое забавное, говорил Изя, что каждый кирпичик этого храма, каждая вечная книга, каждая вечная мелодия, каждый неповторимый архитектурный силуэт несет в себе спрессованный опыт этого самого человечества, мысли его и мысли о нем, идеи о целях и противоречиях его существования; что каким бы он ни казался отдельным от всех сиюминутных интересов этого стада самоедных свиней, он, в то же время и всегда, неотделим от этого стада и немыслим без него... И еще забавно, говорил Изя, что храм этот никто, собственно, не строит сознательно. Его нельзя спланировать заранее на бумаге или в некоем гениальном мозгу, он растет сам собою, безошибочно вбирая в себя все лучшее, что порождает человеческая история... Ты, может быть, думаешь (спрашивал Изя язвительно), что сами непосредственные строители этого храма — не свиньи? Господи, да еще какие свиньи иногда! Вор и подлец Бенвенуто Челлини, беспробудный пьяница Хемингуэй, педераст Чайковский, шизофреник и черносотенец Достоевский, домушник и висельник Франсуа Вийон... Господи, да порядочные люди среди них скорее редкость! Но они, как коралловые полипы, не ведают, что творят. И все человечество — так же. Поколение за поколением жрут, наслаждаются, хищничают, убивают,дохнут — ан, глядишь, — целый коралловый атолл вырос, да какой прекрасный! Да какой прочный!.. Ну ладно, сказал ему Андрей. Ну — храм. Единственная непреходящая ценность. Ладно. А мы все тогда при чем? Я-то тогда здесь при чем?..

— Стой! — Изя схватил его за постромку. — Подожди. Камни.

Действительно, камни здесь были удобные — округлые, плоские, словно затвердевшие коровьи лепешки.

— Очередной храм возводить? — проговорил Андрей, ухмыляясь.

Он отбросил постромки, шагнул в сторону и подхватил ближайший камень. Камень был именно такой, какой требовался для фундамента, — снизу буграстый, колючий, сверху — гладкий, обточенный пылью и ветром. Андрей уложил его на сравнительно ровную россыпь мелкого щебня, втер его, двигая плечами, поглубже и попрочнее и пошел за следующим.

Выкладывая фундамент, он испытывал что-то вроде удовлетворения: как-никак, это была все-таки работа, не бессмысленные движения ногами, а дело, совершаемое с определенной целью. Можно было оспаривать эту цель, можно было оплевывать мировоззрение, порождающее эту цель, можно было объявить Изю психопатом и маньяком (каковым он, конечно, и был)... А можно было вот так, камень за камнем, выкладывать по возможности ровную площадку для фундамента.

Изя рядом пыхтел и кряхтел, ворочая самые большие камни, спотыкался, совсем отодрал подошву, а когда фундамент был готов, поскакал к своей тележке и извлек из-под тряпья очередной экземпляр своего «Путеводителя».

Когда в Хрустальном Дворце они окончательно поняли и почти поверили, что больше никогда и никого не встретят по пути на север, Изя засел за пишмашинку и со сверхъестественной быстротой написал «Путеводитель по бредовому миру». Потом он сам размножил этот «Путеводитель» на диковинном копировальном автомате (в Хрустальном Дворце было до черта самых разнообразных и удивительных автоматов), сам запалял все пятьдесят экземпляров в конверты из странного прозрачного и очень прочного материала под названием «полиэтиленовая пленка» и доверху загрузил свою тележку, едва оставив место для мешка с сухарями... А теперь вот этих конвертов осталось у него всего штук десять, а может быть, и меньше.

— Сколько их у тебя еще осталось? — спросил Андрей.

Изя, пристраивая конверт в центре фундамента, рассеянно ответил:

— А хрен его знает... Мало. Давай камни.

И они снова принялись таскать камни, и скоро над конвертом выросла пирамида метра в полтора высотой. Выглядела она в этой безлюдной пустыне довольно странно, но чтобы она выглядела еще более странно, Изя полил камни ядовито-красной краской из огромного тюбика, который нашел на складе под Башней. Потом он отошел к тележке, уселся и принялся приматывать оторвавшуюся подошву обрывком веревки. При этом он то и дело поглядывал на свою пирамиду, и на лице его сомнение и неуверенность сменялись постепенно удовлетворением и все нарастающей гордостью.

— А?! — сказал он Андрею, совершенно уже раздувшись и напыжась. — Даже полный дурак мимо не пройдет — сообразит, что это не зря...

— Ага, — сказал Андрей, присаживаясь рядом на корточки. — То-то тебе будет много пользы, что дурак эту пирамиду раскопает.

— Ничего, ничего, — проворчал Изя. — Дурак — тоже существо разумное. Сам не поймет — другим расскажет... — Он вдруг оживился. — Возьми, например, мифы! Как известно, дураков — подавляющее большинство, а это значит, что всякому интересному событию свидетелем был, как правило, именно дурак. Эрго: миф есть описание действительного события в восприятии дурака и в обработке поэта. А?!

Андрей не ответил. Он смотрел на пирамиду. Ветер осторожно подбирался к ней, неуверенно пылил вокруг, слабо посвистывал в щелях между камнями, и Андрей вдруг очень ясно представил себе бесконечные километры, оставшиеся позади, и протянувшийся по этим километрам реденький пунктир таких вот пирамид, отданных ветру и времени... И еще он представил себе, как к этой вот пирамиде подползает на карачках иссушенный, словно мумия, путник, подыхающий от голода и жажды... как он неистово, из последних сил, обламывая ногти, ворочает и расталкивает эти камни, а

воспаленное воображение уже рисует ему там, под камнями, тайник с едой и водой... У Андрея вырвался истерический смешок. Вот уж тут бы я обязательно застрелился. Невозможно такое перенести...

— Ты чего? — подозрительно спросил Изя.

— Ничего, ничего, все в порядке, — сказал Андрей и поднялся.

Изя тоже встал и некоторое время критически смотрел на пирамиду.

— Ничего смешного здесь нет! — объявил он. Он потопал ногой, обмотанной лохматой веревкой. — На первое время сойдет, — сообщил он. — Пошли?

— Пошли.

Андрей впрягся в тележку, а Изя все-таки не удержался и еще раз обошел вокруг своей пирамиды. Он явно тоже что-то представлял себе сейчас, какие-то картины, и картины эти льстили его натуре, он украдкой улыбался, потирал руки и шумно пыхтел в усы.

— Ну и вид у тебя! — сказал Андрей, не удержавшись. — Ну прямо как у жабы. Навалил икры и теперь от гордости опомниться не можешь. Или как у кеты.

— Но-но! — сказал Изя, продевая руки в постромки. — Кета после этого дела подыхает...

— Вот именно, — сказал Андрей.

— Но-но! — грозно сказал Изя, и они двинулись дальше.

Потом Изя вдруг спросил:

— А ты кету едал?

— Навалом, — сказал Андрей. — Под водку знаешь как идет? Или бутерброды к чаю... А что?

— Так... — сказал Изя. — А вот мои дочери ее уже не пробовали.

— Дочки? — удивился Андрей. — У тебя есть дочери?

— Целых три, — сказал Изя. — И ни одна не знает, что такое кета. Я им объяснил, что кета и осетрина — это такие вымершие рыбы. Наподобие ихтиозавров. А они будут то же самое рассказывать своим детям про селедку...

Он говорил еще что-то, но Андрей, пораженный, его не слушал. Вот тебе и на! Три дочери! У Изи! Шесть лет я его знаю, и мне даже в голову не приходило ничего подобного. Как же он тогда решился — сюда? Ай да Изя... Черт знает, какие люди на свете бывают... Нет, ребята, подумал он. Все правильно и все верно: никакой нормальный человек до этой пирамиды не доберется. Нормальный человек как до Хрустального Дворца дойдет, так там на всю жизнь и останется. Видел я их там — нормальных людей... Хари от задницы не отличишь... Нет, ребята, если сюда кто и доберется, так только какой-нибудь Изя-номер-два... И как он раскопает эту пирамиду, как разорвет конверт, так сразу про все и забудет — так и умрет здесь, читаючи... Хотя, с другой стороны, меня ведь сюда занесло?.. Чего для? На Башне было хорошо. В Павильоне — и того лучше. А уж в Хрустальном Дворце... Как в Хрустальном Дворце, я никогда еще не жил и жить больше не буду... Ну хорошо — Изя. У него шило в жопе, ему на одном месте не сидится. А если бы не было со мной Изи — ушел бы я оттуда или остался? Вопрос!..

...Почему мы должны идти вперед? — спрашивал Изя на Плантации, а черномазые девчонки, гладкие, титястые, сидели рядом и смиренно слушали нас. Почему мы все-таки и несмотря ни на что должны идти вперед? — разглагольствовал Изя, рассеянно поглаживая ближайшую по атласному колену. А потому, что позади у нас — либо смерть, либо скука, которая тоже есть смерть. Неужели тебе мало этого простого рассуждения? Ведь мы же первые, понимаешь ты это? Ведь ни один человек еще не прошел этого мира из конца в конец: от джунглей и болот — до самого нуля... А может быть, вообще вся эта затея только для того и затеяна, чтобы нашелся такой человек?.. Чтобы прошел он от и до?.. Зачем? — угрюмо спрашивал Андрей. Откуда я знаю — зачем? — возмущался Изя. А зачем строится храм? Ясно, что храм — это единственная видимая цель, а зачем — это некорректный вопрос. У человека должна быть цель, он без цели не умеет, на то ему и

разум дан. Если цели у него нет, он ее придумывает... Вот и ты придумал, сказал Андрей, непременно тебе нужно пройти от и до. Подумаешь — цель!.. Я ее не придумывал, сказал Изя, она у меня одна-единственная. Мне выбирать не из чего. Либо цель, либо бесцельность — вот как у нас с тобой дела обстоят... А чего же ты мне голову забиваешь своим храмом, сказал Андрей, храм-то твой здесь при чем?.. Очень даже при чем, с удовольствием, словно только того и ждал, парировал Изя, храм, дорогой ты мой Андриюшечка, это не только вечные книги, не только вечная музыка. Этак у нас получится, что храм начали строить только после Гутенберга или, как вас учили, после Ивана Федорова. Нет, голубчик, храм строится еще и из поступков. Если угодно, храм поступками цементируется, держится ими, стоит на них. С поступков все началось. Сначала поступок, потом — легенда, а уже только потом — все остальное. Натурально, имеется в виду поступок необыкновенный, не лезущий в рамки, необъяснимый, если угодно. Вот ведь с чего храм-то начинался — с нетривиального поступка!.. С героического, короче говоря, заметил Андрей, презрительно усмехаясь. Ну, пусть так, пусть с героического, снисходительно согласился Изя. То есть ты у нас получаешься герой, сказал Андрей, в герои, значит, рвешься. Синдбад-Мореход и могучий Улисс... А ты дурачок, сказал Изя. Ласково сказал, без всякого намерения оскорбить. Уверю тебя, дружок, что Улисс не рвался в герои. Он просто БЫЛ героем — натура у него была такая, не мог он иначе. Ты вот не можешь говно есть — тошнит, а ему тошно было сидеть царьком в занюханной своей Итаке. Я ведь вижу, ты меня жалеешь — маньяк, мол, психованный... Вижу, вижу. А тебе жалеть меня не надо. Тебе завидовать мне надо. Потому что я знаю совершенно точно: что храм строится, что ничего серьезного, кроме этого, в истории не происходит, что в жизни у меня только одна задача — храм этот оберегать и богатства его приумножать. Я, конечно, не Гомер и не Пушкин — кирпич в стену мне не заложить. Но я — Кацман! И храм этот — во мне, а значит, и я — часть храма, значит, с моим осознанием себя храм увеличился еще на одну человеческую душу. И это уже прекрасно. Пусть я даже ни крошки не вложу в стену... Хотя я, конечно, постараюсь вложить, уж будь уверен. Это будет наверняка очень маленькая крупинка, хуже того — крупинка эта со временем, может быть, просто отвалится, не пригодится для храма, но в любом случае я знаю: храм во мне был и был крепок и мною тоже... Ничего я этого не понимаю, сказал Андрей. Путано излагаешь. Религия какая-то: храм, дух... Ну еще бы, сказал Изя, раз это не бутылка водки и не полуторный матрас, значит, это обязательно религия. Что ты ерепенишься? Ты же сам мне все уши прогундел, что потерял вот почву под ногами, что висишь в безвоздушном пространстве... Правильно, висишь. Так и должно было с тобой случиться. Со всяким мало-мальски мыслящим человеком это в конце концов случается... Так вот я и даю тебе почву. Самую твердую, какая только может быть. Хочешь — становись обеими ногами, не хочешь — иди к херам! Но уж тогда не гунди!.. Ты мне не почву подсовываешь, сказал Андрей, ты мне облако какое-то бесформенное подсовываешь! Ну ладно. Ну, пусть я все понял про твой храм. Только мне-то что от этого? В строители твоего храма я не гожусь — тоже, прямо скажем, не Гомер... Но у тебя-то храм хоть в душе есть, ты без него не можешь — я же вижу, как ты по миру бегаешь, что твой молодой щенок, ко всему жадно принимаешься, что ни попадется — облизываешь или пробуешь на зуб! Я вот вижу, как ты читаешь. Ты можешь двадцать четыре часа в сутки читать... и, между прочим, все при этом запоминаешь... А я ничего этого не могу. Читать — люблю, но в меру все-таки. Музыка слушать — пожалуйста. Очень люблю слушать музыку. Но тоже не двадцать же четыре часа! И память у меня самая обыкновенная — не могу я ее обогатить всеми сокровищами, которые накопило человечество... Даже если бы я только этим и занимался — все равно не могу. В одно ухо у меня залетает, из другого выскакивает. Так что мне теперь от твоего храма?.. Ну правильно, ну верно, сказал Изя. Я же не спорю. Храм — это же не всякому дано... Я же не спорю, что это достояние меньшинства, дело природы человеческой... Но ты послушай. Я тебе сейчас расскажу, как мне это представляется. У храма есть (Изя

принялся загибать пальцы) строители. Это те, кто его возводит. Затем, скажем, м-м-м... тьфу, черт, слово не подберу, лезет все религиозная терминология... Ну ладно, пускай — жрецы. Это те, кто носит его в себе. Те, через души которых он растет и в душах которых существует... И есть потребители — те, кто, так сказать, вкушает от него... Так вот Пушкин — это строитель. Я — это жрец. А ты — потребитель... И не кривись, дурак! Это же очень здорово! Ведь храм без потребителя был бы вообще лишен человеческого смысла. Ты, балда, подумай, как тебе повезло! Ведь это же нужны годы и годы специальной обработки, промывания мозгов, хитроумнейшие системы обмана, чтобы подвигнуть тебя, потребителя, на разрушение храма... А уж такого, каким ты стал теперь, и вообще нельзя на такое дело толкнуть, разве что под угрозой смерти!.. Ты подумай, сундук ты с клопами, ведь такие, как ты, — это же тоже малейшее меньшинство! Большинству ведь только мигни, разреши только — с гиком пойдут крушить ломами, факелами пойдут жечь... было уже такое, неоднократно было! И будет, наверное, еще не раз... А ты жалуешься! Да ведь если вообще можно ставить вопрос: для чего храм? — ответ будет один-единственный: для тебя!..

— Андрюх! — позвал Изя знакомым противным тоном. — А может, хватанем?

Они были на самой верхушке здорового бугра. Слева, где обрыв, все было затянуто сплошной мутной пеленой бешено несущейся пыли, а справа почему-то прояснело, и видна была Желтая Стена — не ровная и гладкая, как в пределах Города, а вся в могучих складках и морщинах, словно кора чудовищного дерева. Внизу впереди начиналось ровное, как стол, белое каменное поле — не щебенка, а цельный камень, сплошной монолит, — и тянулось это поле, на сколько хватал глаз, и покачивались над ним в полукилometре от бугра два тощих смерча — один желтый, другой черный...

— Это что-то новенькое, — сказал Андрей, прищурившись. — Смотри-ка — сплошной камень...

— А? Да, пожалуй... Слушай, давай по стаканчику — четыре часа уже...

— Давай, — согласился Андрей. — Только спустимся сначала.

Они спустились с бугра, освободились от постромок, и Андрей потащил из своей коляски раскаленную канистру. Канистра зацепилась за ремень автомата, потом за мешок с остатками сахарной крошки, но Андрей все-таки выволок ее и, зажав между колен, откупорил. Изя приплясывал рядом, держа наготове две пластмассовые кружки.

— Соль достань, — сказал Андрей.

Изя сразу перестал плясать.

— Да брось ты... — заныл он. — Зачем? Давай так дернем...

— Без соли не получишь, — сказал Андрей утомленно.

— Тогда давай так, — сказал Изя, осененный новой мыслью. Он уже поставил кружки на камень и рылся в своей коляске. — Тогда давай я свою соль просто так съем, а потом водой запью.

— Господи, — сказал пораженный Андрей. — Ну, ладно, давай так.

Он разлил по половине кружки горячей, пахнувшей железом воды, принял у Изи пакетик с солью и сказал:

— Давай язык.

Он высыпал щепотку соли на толстый обложенный Изин язык и смотрел, как Изя морщится, давится, жадно протягивая руку к кружке, а потом подсолит свою воду и стал ее пить маленькими скупыми глотками, не испытывая никакого удовольствия, как лекарство.

— Хорошо! — сказал Изя, крикнув. — Только мало. А?

Андрей кивнул. Выпитая вода сразу же выступила потом, и во рту осталось все, как было, без малейшего облегчения. Он приподнял канистру, прикидывая. На пару дней, наверное, еще хватит, а потом... А потом еще что-нибудь найдется, сказал он себе со злостью. Эксперимент есть Эксперимент. Жить не дадут, но и подохнуть — тоже... Он бросил взгляд на белое, пышущее жаром плато, расстилавшееся впереди, покусал сухую

губу и принялся устанавливать канистру обратно в коляску. Изя, присев, опять перебинтовывал свою подошву.

— А ты знаешь, — пропыхтел он, — и в самом деле какое-то странное место... Что-то я такого даже и не припомню... — Он поглядел на солнце, прикрывшись ладонью. — В зените, — сказал он. — Ей-богу, в зените. Что-то будет... Да выброси ты к черту эту железяку, что ты с ней возишься?!

Андрей аккуратно пристраивал автомат около канистры.

— Без этой железяки мы бы за Павильоном костей бы с тобой не собрали, — напомнил он.

— Так то — за Павильоном! — возразил Изя. — С тех пор мы с тобой уже пятую неделю идем, и даже мух не видно...

— Ладно, — сказал Андрей. — Не тебе тащить... Пошли.

Каменное плато оказалось на удивление гладким. Коляски катились по нему как по асфальту — только колесики повизгивали. Но жара стала еще страшнее. Белый камень швырял солнце обратно, и глазам теперь не было никакого спасения. Пятки жгло, будто башмаков не было вовсе, а вот пыли, как это ни странно, нисколько не уменьшилось. Если уж мы здесь не загнемся, думал Андрей, тогда — жить нам вечно... Он шел сильно сощурившись, а потом закрыл глаза совсем. Стало немного легче. Так вот я и пойду, подумал он. А глаза буду открывать через каждые, скажем, двадцать шагов. Или через тридцать... Гляну — и дальше...

Из очень похожего белого камня был выложен подвал Башни. Только там было прохладно и полутемно, а вдоль стен стояли во множестве ящики толстого картона, набитые почему-то разным скобяным товаром. Здесь были гвозди, шурупы, болты любых размеров, банки с клеями и красками, бутылки с разноцветными лаками, столярный и слесарный инструмент, завернутые в промасленную бумагу шарикоподшипники... Съестного не нашлось ничего, но в углу из обрезка ржавой трубы, торчащего в стене, текла и уходила под землю тонкая струйка холодной и невероятно вкусной воды...

...Все в твоей системе хорошо, — сказал Андрей, в двадцатый раз подставляя кружку под струю. — Одно мне не нравится. Не люблю я, когда людей делят на важных и неважных. Неправильно это. Гнусно. Стоит храм, а вокруг него быдло бессмысленное кишит. «Человек есть душонка, обремененная трупом!» Пусть даже оно на самом деле так и есть. Все равно это неправильно. Менять это надо к чертовой матери...

...А я разве говорю, что не надо? — вскинулся Изя. — Конечно, хорошо бы было этот порядочек переменить. Только как? До сих пор все попытки изменить это положение, сделать человеческое поле ровным, всех поставить на один уровень, чтобы было все правильно и справедливо, все эти попытки кончались уничтожением храма, чтобы не возвышался, да отрубанием торчащих над общим уровнем голов. И все. И над выровненным полем быстро-быстро, как раковая опухоль, начинала расти зловонная пирамида новой политической элиты, еще более омерзительной, чем старая... А других путей, знаешь ли, пока не придумано. Конечно, все эти эксцессы хода истории не меняли и храма полностью уничтожить не могли, но светлых голов было порублено предостаточно.

...Знаю, — сказал Андрей. — Все равно. Все равно мерзко. Всякая элита — это гнусно...

...Ну, извини! — возразил Изя. — Вот если бы ты сказал: «всякая элита, владеющая судьбами и жизнями других людей, — это гнусно», — вот тут я бы с тобой согласился. А элита в себе, элита для себя самой — кому она мешает? Она раздражает — до бешенства, до неистовства! — это другое дело, но ведь раздражать — это одна из ее функций... А полное равенство — это же болото, застой. Спасибо надо сказать матушке-природе, что такого быть не может — полного равенства... Ты меня пойми, Андрей, я ведь не предлагаю систему переустройства мира. Я такой системы не знаю, да и не верю, что она существует. Слишком много всяких систем было перепробовано, а все осталось в

общем по-прежнему... Я предлагаю всего только цель существования... тьфу, да и не предлагаю даже, запутал ты меня. Я открыл в себе и для себя эту цель — цель моего существования, понимаешь? Моего и мне подобных... Я ведь и говорю-то об этом только с тобой и только теперь, потому что мне жалко стало тебя — вижу, что созрел человек, сжег все, чему поклонялся, а чему теперь поклоняться — не знает. А ты ведь без поклонения не можешь, ты это с молоком матери всосал — необходимость поклонения чему-нибудь или кому-нибудь. Тебе же навсегда вдолбили в голову, что ежели нет идеи, за которую стоит умереть, то тогда и жить не стоит вовсе. А ведь такие как ты, добравшись до окончательного понимания, на страшные вещи способны. Либо он пустит себе пулю в лоб, либо подлецом сверхъестественным заделается — убежденным подлецом, принципиальным, бескорыстным подлецом, понимаешь?.. Либо и того хуже: начнет мстить миру за то, что мир таков, каков он есть в действительности, а не согласуется с каким-нибудь там предначертанным идеалом... А идея храма, между прочим, хороша еще и тем, что умирать за нее просто-таки противопоказано. За нее жить надо. Каждый день жить, изо всех сил и на всю катушку...

...Да, наверное, — сказал Андрей. — Наверное, все это так и есть. И все-таки эта идея еще не моя!..

Андрей остановился и крепко взял Изю за рукав. Изя тотчас же открыл глаза и спросил испуганно:

— Что? Что такое?

— Помолчи, — сказал Андрей сквозь зубы.

Что-то там было впереди. Что-то двигалось — не крутилось столбом, не стелилось над самым камнем, а двигалось сквозь все это. Навстречу.

— Люди, — сказал Изя с восторгом. — Слушай, Андрюха, люди!

— Тихо, скотина, — шепотом сказал Андрей.

Он и сам уже понял, что это люди. Или человек... Нет, кажется, двое. Стоят. Наверное, тоже заметили... Опять ни черта не видно за проклятой пылью.

— Ну вот! — сказал Изя торжествующим шепотом. — А ты все стонал — подохнем, подохнем...

Андрей осторожно сбросил ляжки и попятился к своей коляске, не сводя глаз с неразборчивых теней впереди. Ч-черт, сколько их там все-таки? И сколько до них отсюда? Метров сто, что ли? Или меньше?.. Он ощупью нашарил в коляске автомат, оттянул затвор и сказал Изе:

— Сдвинь тележки, ложись за них. Прикроешь меня, если что...

Он сунул Изе автомат и, не оборачиваясь, медленно пошел вперед, положив руку на кобуру. Видно было отвратительно. Пристрелит он меня, подумал он об Изе. Прямо в затылок засадит...

Теперь можно было различить, что один из тех тоже идет навстречу — смутный долговязый силуэт в крутящейся пыли. Есть у него оружие или нет? Вот тебе и Антигород. Кто бы мог подумать?.. Ох, не нравится мне, как он руку свою держит!.. Андрей осторожно расстегнул кобуру и взялся за рубчатую рукоятку. Большой палец сам лег на предохранитель. Ничего, все обойдется. Должно обойтись. Главное — не делать резких движений...

Он потянул пистолет из кобуры. Пистолет зацепился. Стало страшно. Он дернул сильнее, потом еще сильнее, потом изо всех сил. Он ясно увидел резкое движение того, что шел ему навстречу (рослый, ободранный, изможденный, до глаз заросший нечистой бородой)... Глупо, подумал он, нажимая спусковой крючок. Был выстрел, была вспышка встречного выстрела, был — кажется — крик Изя... И был удар в грудь, от которого разом погасло солнце...

— Ну, вот, Андрей, — произнес с некоторой торжественностью голос Наставника. — Первый круг вами пройден.

Лампа под зеленым стеклянным абажуром была включена, и на столе в круге света лежала свежая «Ленинградская правда» с большой передовой под названием: «Любовь ленинградцев к товарищу Сталину безгранична». Гудел и бормотал приемник на этажерке за спиной. Мама на кухне побрякивала посудой и разговаривала с соседкой. Пахло жареной рыбой. Во дворе-колодце за окном вопили и галдели ребятишки, шла игра в прятки. Через раскрытую форточку тянуло влажным оттепельным воздухом. Еще минуту назад все это было совсем не таким, как сейчас, — гораздо более обыденным и привычным. Оно было без будущего. Вернее — отдельно от будущего...

Андрей бесцельно разгладил газету и сказал:

— Первый? А почему — первый?

— Потому что их еще много впереди, — произнес голос Наставника.

Тогда Андрей, стараясь не смотреть в ту сторону, откуда доносился голос, поднялся и прислонился плечом к шкафу у окна. Черный колодец двора, слабо освещенный желтыми прямоугольниками окон, был под ним и над ним, а где-то далеко наверху, в совсем уже потемневшем небе горела Вега. Совершенно невозможно было покинуть все это снова, и совершенно — еще более! — невозможно было остаться среди всего этого. Теперь. После всего.

— Изя! Изя! — пронзительно прокричал женский голос в колодце. — Изя, иди уже ужинать!.. Дети, вы не видели Изю?

И детские голоса внизу закричали:

— Иська! Кацман! Иди, тебя matka зовет!..

Андрей, весь напрягшись, сунулся лицом к самому стеклу, всматриваясь в темноту. Но он увидел только неразборчивые тени, шныряющие по мокрому черному дну колодца между громоздящимися поленицами дров.

Варианты рукописей и изданий

«Град обреченный»

Этот роман писался Стругацкими — по сравнению с другими их произведениями — необычайно долго, а затем пролежал в столе без всяких перспектив публикации пятнадцать лет. О существовании рукописи знали лишь немногие ближайšie друзья и знакомые. Хотя смутные слухи о существовании давно написанного, но неопубликованного текста порой до читателей доходили, подтвердить или опровергнуть это не было возможности, а в самиздатовских списках «Град обреченный», в отличие от «Сказки о Тройке» или «Гадких лебедей», никогда не циркулировал. Когда же роман вышел в свет в конце восьмидесятых, он отнюдь не выглядел замшелым реликтом, а, напротив, оказался чрезвычайно востребованным. Более того, нисколько не утратило значимости это произведение и сейчас. Проходят годы, а странный мир Города и драматические судьбы его обитателей все так же привлекают читателей, заставляют обращаться к книге вновь и вновь — каждый раз с новым жизненным опытом и на новом уровне осмысления.

Высоко ценили роман и сами Авторы. В офлайн-интервью (12.04.1999) БНС писал: «Во всяком случае, и «Град», и «Улитка», и «Миллиард лет» входили в пятерку любимейших произведений АБС. Интересно, что места в пятерке у АН и БН эти повести могли занимать разные, но в пятерку входили и у АН, и у БН». А в другой части офлайн-интервью (14.07.1999) говорилось: «Для нас не существовало понятия «главное произведение». Но были — «любимые». Между прочим, одинаковые у обоих: «Улитка», «Второе нашествие...», «Отягощенные злом», «Хромая судьба». И, разумеется, «Град»».

История написания ГО далее будет изложена подробно, а в очень сжатом виде некоторые существенные моменты можно изложить словами БНС из офлайн-интервью (20.08.1998) следующим образом: «Роман «Град обреченный» (так называется замечательная картина Рериха) задуман был в конце 60-х, а закончен — в 1975 году. Мы были уверены, что никогда не увидим эту книгу опубликованной. Окончив, размножили ее в 3 экземплярах и раздали верным людям на сохранение, потому что боялись, что могут прийти с обыском и тогда роман погибнет (как едва не погиб за 10 лет до того замечательный роман Гроссмана — лишь чудом, говорят, сохранилась копия, оставшаяся у машинистки). Впрочем, все обошлось».

Казалось бы, у Авторов было вдоволь времени, чтобы тщательно и без спешки довести текст до идеального состояния, да и в конце восьмидесятых годов им уже не требовалось корезить роман в угоду цензуре или слишком бдительным редакторам. Можно априори предположить, что в публикационной судьбе «Града обреченного» не должно быть ничего особо интересного, — и глубоко ошибиться. В текстологическом плане ГО являет собой один из самых сложных случаев во всем творчестве АБС. Только написанных в разное время полных чистовых редакций удается насчитать не менее трех, а абсолютное совпадение текста в разных изданиях до определенного момента было скорее исключением, нежели правилом. Уточнения варианта, уже вроде бы признанного окончательным, предпринимались неоднократно, в том числе и при подготовке настоящего Собрания. Кроме того, некоторые важные обстоятельства, связанные с подготовкой рукописей и публикаций «Града», в переписке Авторов и их дневниках вообще не отражены. Что-то удалось, тем не менее, выяснить точно, что-то домыслить с высокой степенью вероятности, а в чем-то разобраться до конца так и не удалось...

В «Комментариях к пройденному» БНС писал: «Впервые идея «Града» возникла у нас еще в марте 1967 года, когда всю шла работа над «Сказкой о Тройке». Это было в Доме творчества в Голицыне, там мы регулярно по вечерам прогуливались перед сном по поселку, лениво обсуждая дела текущие, а равно и грядущие, и во время одной такой прогулки наткнулись на сюжет, который назвали тогда «Новый Апокалипсис» (о чем существует соответствующая запись в рабочем дневнике). Очень трудно и даже, пожалуй, невозможно восстановить сейчас тот облик «Града», который нарисовали мы себе тогда, в те отдаленные времена. Подозреваю, это было нечто весьма непохожее на окончательный мир Эксперимента. Достаточно сказать, что в наших письмах конца 60-х встречается и другое черновое название того же романа — «Мой брат и я». Видимо, роман этот задумывался изначально в значительной степени как автобиографический».

Слова «НОВЫЙ АПОКАЛИПСИС» действительно внесены в рабочий дневник 15 марта 1967 года и даже обведены рамочкой. Но других дневниковых записей, имеющих более или менее явное отношение к будущему ГО, обнаруживается в этом и в следующем году мало. Например, 25 марта 1968 года БНС записывает в дневник: «Дом на окраине, который охотится за людьми. Дом, идущий по горам и улицам. Присоединяется к другим домам и незаметно переходит в него; он тебя проглатывает». А 22 апреля в рабочий дневник вносится следующий список.

- 1). «Дом».
- 2). «Следователь» — убивает преступника, убедившись, что его не осудят.
- 3). «Апокалипсис».
- 4). «Мой брат и я».

7 мая 1968 года АНС пишет брату: «Пришли в голову несколько сыроватых идей, думаю, можно будет использовать для «Апокалипсиса» («Мой брат и я» тож). Идейки записал. Пусть лежат». Записи этих «идеек» обнаружить не удалось, однако 4 июня того же года в рабочем дневнике появляется такой текст.

«Мой брат и я, или Новый апокалипсис».

- a). Худ<ожественная> линия.
- b). Биографич<еская> линия.
- c). Размышления о судьбах мира.
- d). Притчи (напр<имер> про «Дом») про страну, управляемую мертвецами.

Еще несколько записей сделано в октябре 1968 года.

В Апокалипсис: город, которым управляют мертвые, заставляя жить живых по законам мертвых.

<...>

Новелла: шахматы, когда фигуры — люди.

Следователь.

Параллельно с этим замыслом возникает и развивается другой — «Люди и боги». Эта идея в исходном виде имеет к ГО довольно косвенное отношение, однако фрагмент письма АНС брату от 4 января 1969 года с изложением нового сюжета завершается так.

И еще о сюжете: пусть это будет зачарованный город. Помнишь, кажется, у Рериха — картины — вокруг города обкрутился гигантский змей, «Град обреченный». Так вот, здесь тоже что-то вроде этого, только в конце концов выясняется, что источником обреченности и зачарованности является не змий, а сами жители. Но больше всего хочется писать вот об этом нашем герое, как он бродит, ничего не понимает, ищет, а потом его убивают.

Видимо, это первое явное упоминание нового заглавия. В том же году БНС через некоторое время после завершения чистовика «Дела об убийстве» оставляет в рабочем дневнике заметки, еще ссылающиеся на «Новый Апокалипсис».

Эпиграфы к НА:

«Как живете, караси?

Хорошо живем, мерси!»

О совести: что это? Человек, который резонно и логически оправдывает ВСЁ. Ведь всё можно оправдать (новелла о шахматах).

Они моделируют культ личн<ости>. Город отборных (несчастных, кому нечего терять). Обещание — счастье всей земле (исп<олнение> желаний?). Собrania. Митинги. Ажиотаж. Связь кровью (уничтожение предыдущ<его> поколения). Потом он постепенно прозревает. Понимает, что — враги. Что делать? Совесть. Ужас перед окружающими — продадут. Конец — уничтожение. Все время сменяются бессмысленные работы, и каждый раз говорит: эту сделаем — и всё будет хорошо. Сам герой одно время — следователь, борется за успех эксперимента. Придумать угрозу. Процесс раскрытия глаз: вера; сомнение; уверенность, что враги; что делать?

В последующих дневниковых записях, часть которых далее приведена, новый роман уже постоянно фигурирует как «Град обреченный».

Внешние обстоятельства, вызвавшие к жизни это произведение, упоминались Авторами не раз. Вот, например, высказывание БНС из его офлайн-интервью (14.11.2000): «Это случилось в 1968 году, после «чешских событий», когда мы утратили последние остатки веры в возможность реализации коммунистической идеологии, как МЫ ее понимали (а не так, как понимал ее товарищ Суслов). При этом мы отнюдь не идеализировали идеологию буржуазную, понимая все ее убожество. Так мы оказались в идеологическом вакууме, без какой-либо опоры под ногами». Следует заметить, что намеки на указанные события ощущаются в романе достаточно явственно, особенно в новейших версиях, где восстанавливалось то, что когда-то было предусмотрительно убрано даже из чистовых рукописей, но все-таки уцелело в черновиках.

В двадцатых числах июня 1969 года в Москве в рабочий дневник вносятся подготовительные записи к роману. Имена большинства главных героев найдены практически сразу же (пока нет только Кацмана), но их прежние профессии совпадают с текстом романа не всегда, особенно это заметно у Гейгера, который вдобавок гораздо старше своего романного аналога.

Возможные замыслы эксперимента:

- 1) подготовка колонизации (изучение психологии будущих рабов);
- 2) бескорыстное исследование возможностей человека как вида — разумен ли человек;
- 3) отбор оптимальных (максимальных) представителей для контакта. Кто останется, найдя выход, тот и годен;
- 4) попытка помочь человечеству, отбирая выживших, как будущих преобразователей.

Дональд считает, что Эксперимент уже провалился, что Наставники, или кто они там, полностью обанкротились и сами не знают, что делать.

Следом нарисована «структура Города» (см. с. 10 вклейки). Это узкая полоска, которую ограничивают «пропасть» и «обрыв наверх (склон крутой горы)». Слева указаны «пустыня», «современный город» и «развалины старых городов», а справа — «современный город № 2». В центре мира на большом удалении от городов изображено некое «начало».

Населяют завербованные энтузиасты: от отчаяния и от возвышенных мыслей.

Живут многие годы. Выполняют бессмысленные работы.

Кладбища, дети. Продуктами и одеждой снабжают боги — за деньги, полученные за работу.

Время от времени — стихийные бедствия: крысы, чума, сели, голод.

Угроза войны. Ни одного авиатора и ни одного взрывника.

Герои:

Андрей Михайлович Воронин, 27 лет, астроном, неудачливый аспирант, инженер-эксплуатационник (СССР).

Юрий Константинович Давыдов, 50 лет, ветеран войны, десантник, комбайнер, надоел бардак, противник войны (СССР).

Сельма Нагель, 20 лет, без определенных занятий, бывшая фокстейлер, в поисках положителем идеала (Швеция).

Фридрих Гейгер, 50 лет, ветеран войны, связист, разорившийся миллионер, противник войны (ФРГ).

Кэнсиро (Кэнси) Убуката, 30 лет, переводчик с английского, издательство «Хаякава», во-первых — поинтересовался, во-вторых — идеалист с авантюрной жилкой, агрессивен и неосторожен (Япония).

Ван Лихун, 27 лет, учитель из Пекина, удрал куда глаза глядят (КНР).

Дональд Купер, 35 лет, социолог, выпускник Гарвардского университета, идеалист (США).

В результате находят выход, выводят все население на Землю, но сами остаются — исследовать исследователей.

Прыжок в пропасть на парашюте.

Записываются еще некоторые идеи. Кое-что из них в таком виде реализовано не было («Шайка гангстеров, объявивших себя богами, пришельцами, издают законы, требуют подчинения»), кое-что использовано лишь отчасти («По ночам выходить не рекомендуется, потому что ночами выпускают сумасшедших. Одни сумасшедшие местные, другие — привозные. Одного привозного — сделать здоровым, на Земле посажен за политику или по наследственным делам, а здесь стал искать контакты со здоровыми» или «Газета: все время новые редакторы, меняется от номера к номеру»). Приводится список притч, в большинстве своем не востребованный (из него к окончательному тексту ГО имеют отношение, пожалуй, только «Дом» и «Шахматы»). Есть здесь и набросок соответствий между событиями в Городе и «казнями египетскими».

Далее дается хронологический список мест работы главного героя, совпадающий с романом лишь приблизительно. Часть пунктов менялась местами. Если перенумеровать список с учетом перестановок, получится такая последовательность.

1. Мусорщик.
2. Следователь — отыскивать людей, потерявших энтузиазм. В эту главу: расовая драка негров и белых.
3. «Нарком просвещения»: всех обучают всем языкам. Справедливость: никакому языку преимущества.
4. Продавец в продуктовой лавке.
5. Редактор газеты.
6. Шпион.
7. «Нарком обороны».

Расписываются возможные причины вербовки в Город.

1. Коммунистический альтруизм.
 2. Идеалистический альтруизм.
 3. Отчаяние личное (простодушие).
 4. Богоискательство (прямое служение богу).
 5. Научное любопытство.
 6. Авантюризм.
 7. Отчаяние социальное (на социологической основе: человечество бессильно).
- Человек, который построил радиотелескоп и сигнализировал SOS в Космос, убежден, что все сделано по его просьбе.

Завершает эти разработки запись: «Вариант концовки: владыки признаются, что замкнули в Эксперименте пространство и сами не знают, как отсюда выйти».

Вскоре после этого БНС записывает в дневнике: «Одна из главных технических задач: показать все глазами героя; психология читателя должна меняться вместе с психологией героя». А 23 июля 1969 года он пишет брату: «Сейчас перечитываю ГЛ. Отличная повесть! Но ГО должна быть еще лучше».

Не ранее конца августа 1969 года в рабочий дневник добавляется отдельный листок с записями АНС, в значительной степени повторяющими заметки для ГО из его дневника за июль-август.

Для ГО:

1. Герой попадает в тюрьму (см<отреть> основы исправ<ительно>-труд<ового> законодательства).
2. Попробовать все писать от 1-го лица (вроде исповеди?).
3. Рассказ о викинге-офицере, который осчастливил некрасивых девушек.
4. Рассказ о г...чистах: отец в яме, облитый г..., кричит сыну: «Хрен безрукий! Так всю жизнь наверху и проторчишь!»
5. «Лотерейное общество»: раз в неделю между жителями разыгрывается лотерея, кому кем быть на следующей неделе — от дворника до губернатора.

Выражения:

1. Мне начинает быть смешно.
2. Вглядывался в зеркало, словно старался опознать труп.

Дефиниция:

«Кризис — это ситуация, при которой терпимый прежде круг обстоятельств становится вдруг, из-за появления нового фактора, совершенно нетерпимым». Люис Борнхэйм.

К осени 1969 года в фабуле и сюжете романа намечается новый поворот: усмотрев в исходных посылках ГО нежелательное сходство с недавно вышедшим романом А. и С. Абрамовых «Рай без памяти», Авторы решают отказаться от первоначальной идеи, однозначно объясняющей события в Городе экспериментом пришельцев. БНС пишет брату 23 октября: «Нам, по-видимому, придется пересмотреть сцену, на которой развивается действие ГО. Эксперимент пришельцев не годится. <...> У меня тут появилась мысль подключить к ГО «Седьмое небо» (помнишь?). Герой наш попадает в ад. Есть Ад (он же ГО), есть чистилище, где живут боги (самые разные боги — всех времен и народов). А рая нет. То есть он где-то есть, но путь в него закрыт, и весь ад под руководством (достаточно диким) чистилища работает над проблемой: как прорваться в рай. Возможна даже эффектная концовка: герой прорывается-таки после массы приключений в рай и оказывается в собственной комнате. Мне кажется, что в такой схеме удастся сохранить всё, что мы успели напридумывать по ГО, плюс забавно-жутенькие происшествия с богами (на базе модернизированной мифологии). Простор, сам понимаешь, открывается. В рай хотят попасть только грешники — богам и в чистилище неплохо. Достоин ли ты попасть в рай? Это не зависит от твоих грехов, это зависит от твоего поведения. Что будут делать боги, когда дверь в рай откроется? А не имеет ли им смысл притормаживать штурм рая?» АНС отвечает 26 октября 1969 года: «О сюжете ГО еще потолкуем. То, что ты предлагаешь, мне в общем нравится, но надо посмотреть, как это уложится в двойной сюжет. (Помнишь? С биографией героя)». В итоге, впрочем, столь радикальная переделка исходного замысла не потребовалась, а гипотеза пришельцев стала не более чем одной из многих попыток персонажей романа как-то объяснить происхождение Наставников и цель Эксперимента.

28 декабря БНС отправляет брату письмо с материалами по ГО, сделанными на основе прежних набросков. Есть тут и кое-что новое, например: «Где-то далеко за развалинами прежних поселений Град Второй — антагонист, угроза». У главных героев указываются теперь точные годы рождения, к их списку добавлено еще несколько персонажей, из которых двое останутся не востребуемыми (если, конечно, не считать пана Ступальского реализацией идеи «человека, сосланного в ад»), а третий — будущий Изя: «Еврей, непрерывно хихикающий и потирающий потные руки, первый, кто понял, с чем имеет дело и чем все кончится, учитель и главный объект первоначальной ненависти нашего героя. Прообраз — Миша Х<ейфец>».

Можно отметить в этой связи несколько любопытных фактов. На ранней стадии работы над ГО, когда фамилия нового персонажа еще точно не определилась, он именуется Хейфицем, отличаясь от прототипа всего на одну букву. Имя Михаил использовано в романе для отчества Кацмана. А несколько позже, когда с фамилией персонажа все уже стало ясно, БНС порой упоминает реального М. Хейфеца в письмах брату под псевдонимом «Изя Кацман».

Подготовка к работе над будущим романом продолжается и в начале 1970 года. БНС пишет брату незадолго до встречи: «О ГО думаю, конечно. Совершенно теперь убедился, что придется отказаться от двухсюжетной концепции. Пусть будут лирические отступления, а сюжетная линия одна. И вообще, главное — начать».

19 января АНС приезжает в Ленинград. В тот же день, еще до отъезда в Комарово, в рабочий дневник вносятся некоторые предварительные записи.

Гл. 1. «Мусорщик» («Энтузиаст»).

Крысы — павианы.

Грузовик, контейнеры с мусором, отвозит на свалку.

Полиц<ейский> намекает на готовящийся указ о конце ночных дежурств.

Разговоры гл<авным> обр<азом> об эксперименте.

Сумасшедших выпускают по ночам с целью сокращения полицейских сил.

Мусорщики: Андрей Воронин, Дональд Купер, Сёма Хейфиц (30 л).

Полицейский: Кэнси Убуката.

Дворники: Фридрих Гейгер и еще к<то>-л<ибо>.

2 знакомства: Сельма Нагель (новоприбывшая), Юрий Константинович Давыдов (рабочий-строитель, новые дома).

Схватка с павианами на свалке, Купер стреляет: откуда оружие? Купер — гангстер!

Пара: Андрей и Фридрих, оба югенды, оба из рабочих, оба спасают мир. Оба фюрерофилы. Считают себя лютыми врагами друг друга, но в каждом конкретном вопросе оказываются на одной стороне: оба ненавидят Сёму, оба презирают Купера, оба считают, что пора наконец навести порядок.

Непонимание по поводу простейшего: очередь, обслуживание и пр<очее>. Очередь мусорщиков. Купер негодует: почему я должен стоять в очереди?

Диалог с Сёмой: как представить себе будущее человечества?

Приехав 20 февраля в Комарово, Авторы взялись за рукопись не сразу, несколько дней посвятив подготовке подробного плана. В начальных частях он довольно близок к окончательному сюжету, но чем дальше, тем больше обнаруживает с ним различий, хотя и совпадающих деталей остается очень много. Этот важный материал далее приводится с незначительными купюрами. Сделанная по ходу составления плана правка либо внесена в текст, либо описана в пояснениях к тому или иному фрагменту.

День: 6.00–22.00.

Ч. 1 «Мусорщик».

3.00. Погрузка мусора: «Кем ты был на том свете?» Появление Сельмы; ля пистон; полк<овник> Маки и женщины мира.

4.00. Едет до свалки.

5.00. Сгружает, беседует. Появление павианов.

6.00. Включается солнце, битва, пистолет и пр<очее>. Бегство под градом камней в необитаемой части города. В обитаемой — всем включить сигналы, обходить дома и помогать жителям удирать.

7.00. Возвращение, идет к Вербовщику: «Нам все уже известно, меры принимаются. Отдохните, вы хорошо поработали».

8.00. Помогает эвакуации населения. Павианы хулиганят.

12.00. Пулеметный огонь по павианам. Полиция бросает павианов и кидается ловить пулеметчиков. Герой удивлен, но тут же бросается помогать полиции. По официальной точке зрения гангстеры бывают:

- 1) бандиты и хулиганы;
- 2) внутренние заговорщики, пытающиеся помешать эксперименту и походу за счастьем;
- 3) диверсанты из Антигорода.

(Пункты про гангстеров позже отмечены к переносу во вторую часть, между «вызов к начальнику» и «втык за Дом».)

Столкновение с колхозником, купившим пулемет на черном рынке для защиты своей фермы на переднем крае.

13.00. С полицией удастся столкнуться, пулемет остается у фермеров. Андрей дает адресок: заходи, когда хочешь. Пошел приводить себя в порядок.

(Здесь же зачеркнуто: «По дороге сцена с издыхающим павианом. Глаза павиана». А сбоку от текста сделана запись: «Где-то застрелился Дональд Купер».)

14.00. У себя в квартире. Горячей воды опять нет. Огромная квартира в пыли. Ложится спать.

16.00. Его будят. Приходят:

Сельма — со страха и за выпивкой (сегодня к 15–00 идти на биржу);

Мужик — с самогоном, начинается разговор;

Хейфиц — с разговорами.

Сельма пьяна в доску, сидит у всех на коленях. В разгар герой сбегал в продлавку.

Тем временем явился немец. По возвращении немец ругается с мужиком: дрались на одном фронте. Охота на павиана, пристрелили, издыхал пронзенный, «O mein Gott!».

Сбоку от текста записано: «Ненавижу интеллигенцию. Герой прибыл в 52-м, немец — в 45-м, мужик — в 47-м, Хейфиц — позже (69-й). Такие глаза были у Купера, когда я сказал ему: “Лично я тебе верю. Но...”»

Все время орут павианы.

22.00. Всех разгоняет по комнатам, ложится с Сельмой (пьяна в стельку).

Мысль о том, что павианы — люди? Дональд ночью застрелился.

Слухи о городе. В городе ровно 1 млн чел<овек>. Природа такова, что ни на человека больше, ни меньше. Рождение ребенка — чья-то смерть. Новичок — значит, освобод<илась> вакансия.

Слухи распротр<аняет> Хейфиц: в свободное время он роется в старых домах, ищет документы и книги.

Хейфиц вкупе с полиц<ейским> Кэнси тайком создают радиоприемник.

энтузиазм	мусорщик	гибель Дональда
тупая вера	следователь	арест Хейфица
сомнение → равнодушие	редактор газеты	гибель Кэнси
ужас → внутр<енняя> эмиграция или самоубийство	мин<истерство> просвещения	гибель мужика (с парашютом)
ненависть → террор		гибель Сельмы (стреляет в вербовщика)
холодное исследование		

<...>

Последняя часть: единственная дорога — назад, к нулевой точке. Он увлекает за собой всех: Хейфица, немца, китайца. По дороге все гибнут. У нулевой точки он убивает своего двойника и оказывается в своей комнате перед зеркалом. Сидит вербовщик: «Первая часть Эксперимента закончена. Согласны вы на вторую часть?»

Заслуживает внимания фраза про убийство двойника. Вроде бы она не противоречит тексту ГО, но дело в том, что в черновую рукопись позже было внесено совсем другое описание событий у нулевой точки, перешедшее и в ранний чистовик. Этот важный сюжетобразующий момент будет далее рассмотрен особо.

Ван Лихун — человек, который ни во что не вмешивается. Пассивность.

Ч. 2. Следователь. Гангстер, ночью сумасшедшие, арест Хейфица.

Здесь сделана вставка: «1) Чел<овек>, который считает, что попал в ад. 2) См. 25.06.69. 3) Чел<овек>, посылавший сигналы в космос».

20.00 — допрос гангстера, действия Фридриха.

Фриц холодно доказывает, что по времени не хватит, если форсаж не применять. Звонит к Сельме, мужской голос, только вешает трубку —

21.00 — вызов к начальнику, втык за Дом, разговор о Хейфице. Возвращается к себе, посылает машину по адресам свидетелей, а пока листает дело. Записи в деле.

22.00–2.00 допрос свидетелей. 4-й свидетель показывает, что только что видел дом.

2.30 прибывает к дому (после поисков). Во время поисков арест сумасшедшего (1).

2.30–4.30 игра в шахматы. Хейфиц наблюдатель, выпихивает его из дома.

5.00 — прибывают в прокуратуру. Сумасшедш<ий> (3) явился с повинной. Тоже арест. Времени нет объяснять. Мысль о петиции, чтобы сумасшедших перестали выпускать, ибо это ведет к подрыву.

5.30–8.30 допрос Хейфица (подозрительная деятельность в старых р<айо>нах города), обращение за помощью к Фрицу.

Игра в шахматы производится в служебном порядке: играющие и играемые получают назначение на бирже труда (в Машине). Один из игроков — Ван Лихун.

Павианы прижились, им дают подаяние.

<...>

Вербовщик — отражение его фазового эмоционального настроения. Появляется перед ним всякий раз, когда настрой достигает апогея.

Ч. 3. Редактор газеты.

10-й день погасшего солнца — тьмы египетской.

0.00. Подборка писем, обвиняющих мэрию в скупке и захвате зерна. В город прибывают разъяренные фермеры. Разговор с цензором, запрещающим подборку.

1.00. Идет в мэрию. По дороге разговор с мужиком. В мэрии с ним разговаривают плохо, а при выходе избивают. Тот самый гангстер.

2.00. Толпа разгромила тюрьму. Хейфиц вышел, дожидается в редакции. Спор Андрея, Кэнси и Хейфица насчет передовой и подборки. Кэнси — горячий честный человек.

3.00. Выход газеты. Андрей плетется домой, разговоры с Сельмой, она в ужасе от его вида.

5.00. В городе бунт, разгром продскладов, мэрии, вешают членов мэрии, гаснет свет, останавливается водопровод, газ и все остальное.

7.00. На улицах появляются броневики с прожекторами и отряды политзаговорщиков. Андрей видит митинг, где выступает Фриц. Он — во главе переворота. Чисто фашистская речь. Андрей решает бежать, торопит Сельму, мчится в редакцию, чтобы уничтожить письма и списки спецкоров, Сельма с ним. Кэнси уже занимается этим.

8.00. Является штурмфюрер с кодлой. Пытаются спрятать Хейфица, но понимают, что это бесполезно. [Вставлено: «Чиновник кислоглазый».] Штурмфюрер вручает Андрею пакет от Вождя. Записка: Спасибо за помощь. Излагается суть дела. Не обращай внимания на терминологию, будем работать вместе. Утверждаю тебя редактором на будущее, подбирай сотрудников сам и т. д. Податель сего — мой постоянный политпредставитель в газете. Это ваши сотрудники? Да. Гм...

Кэнси объявляет, что он ничего общего с этим иметь не желает. Мордобой, Кэнси убивают. Конец.

Суть этого фашизма — человек *versus*¹ Вселенная. За единство. Против всех, кто выступает против единства: марксистов, фашистов, элитаристов и т. д.

Ч. 4. Тоскливые будни.

1. В редакции. Кислоглазый чиновник. По дороге встречает Вербовщика

2. Дома. Исторические аналогии Хейфица, который нашел в развалинах 150-летней давности прокламации того же типа, только от имени Монарха. В общем народ доволен существующим положением.

3. Приезд Фрица и гибель Сельмы.

(Справа от текста сделана вставка: «Час на строительстве башни. Лекция по космографии. Т<ак> называемые экспериментаторы подобрали население города таким образом, что нет определенных специальностей. Нам приходится учиться на ходу».)

¹ Против (*лат.*).

Действия новых властей:

а) Запрет предпринимателям выгонять лентяев.

б) Горожане — основное население, фермерство — колония (идеология: горожане живут вместе в больших домах, а фермеры разбросаны, след<овательно,> объединения быть не может).

в) Теоретики — обосновывают, почему плох Эксперимент и как с ним бороться.

г) Гигантский контроль и учет, количество чиновников, ревизоров, комиссий, контролеров. Об этом с горечью рассказывает мужик.

д) Бывш<ая> машина распределения на работу теперь ставит оценки за благонадежность. Полиции и дворникам вменено в обязанность следить за ссорами и драками. Участники получают минус, что сказывается на снабжении.

е) Строительство башни «Дорога к свободе», добраться до колпака и продрать его. Каждый после работы должен отработать час на строительстве. Все предприятия, кроме самых необходимых, работают на строительство башни. Фриц сам отработывает по часу в день на башне.

Ч. 5. Исход.

1. 5-й день — перед поворотом назад. Разговоры о путях исхода. История эксперимента с парашютом. Ругают башню. Политико грозится. Ночью его кончают — он исчезает бесследно, остались продукты, вода, оружие.

2. Ван остается у хорошего места, ждет жену. Хейфиц впервые теряет равновесие, закликает его идти. Все сплошь интеллигенты. Нашли гигантское противоатомное убежище.

3. Столкновение с предыдущей разведгруппой, подорван бронетранспортер, перестрелка, один убит, один ранен. Ван ночью проводит жену через линию. Не бомбоубежище, а снаряд времени. Хейфицу хочется остаться.

4. Люди с вырезанными языками. Кто — непонятно. С Андреем уходит единственный неинтеллигентный человек.

5. Тракторист остается на последнем перевале. «Матка кашу сварила, иди исть». См<отри> обложку.

Где-то Хейфиц, разоткровенничав, объявил, что целью цивилизации является создание духовных ценностей. Все остальное — земля, станок, лаборатория — только леса для этого здания.

Под обложкой имеется в виду, очевидно, форзац дневника. Там дана схема событий во время экспедиции, в которой d означает «день».

0-пункт

(2 d)

умер Хейфиц

(7 d)

остался Давыдов

(7 d)

город с планерами

гибель Скотта и икса

(4 d)

город статуй

уходит игрек

(2 d)

город со столпом

(3 d)

дом с озером,
остается Ван

(2 d)

гибель транспортера,
бомба времени
предыд<ущий> отряд
убит Зет

(2 d)

конец Politico

(5 d)

конец жилого города

Далее следует короткий список действующих лиц, которые, по тогдашним представлениям Авторов, имели прямое отношение к экспедиции.

Андрей

Тракторист Давыдов

Хейфиц

Ван

Полковник Скотт

икс-ординарец

игрек

Politico

зет

24 февраля Авторы начинают работу над черновиком, за неделю удается написать первые 36 страниц.

В апреле работа возобновляется: в это время завершена первая часть и начата вторая. В рабочем дневнике появляются новые наброски.

1. Об Эксперименте.

2. Кто кем надеется стать при следующей бирже.

3. Кто какого конца Эксперимента ждет. (Что такое счастье.) (Изя со своими раскопками обезнадеживает всех.)

Изя издевается над Андреем («мне работа мусорщика — мусоргщика, — что любая другая») — это сладострастное унижение, мазохизм. Ты такой способный, но ради большого дела готов выполнять самую унизит<ельную> работу.

Фриц с Андреем очень схожи, в спорах держатся одной линии.

<...>

Андрей спросит, что такое Падающие Звезды. Название знакомое, но что такое — забыл.

<...>

По приезду в прокуратуру у Изи не оказывается папки. «Еврейские штучки». У люльки дна нет.

В следующие месяцы 1970 года Авторы активно работают над «Малышом» и возвращаются к «Граду» только в декабре: дописывается вторая часть, затем полностью пишется третья. К этому времени относятся наброски в рабочем дневнике, реализованные в рукописи лишь частично, причем последний из них касается, собственно, уже событий следующей части.

1) Разговор с Наставником.

2) Сумасшедший: пришел каяться, что это из-за него Город, ибо он искал связи с космосом.

3) Допрос Изи, отдает Изю Гейгеру. Выброшенная папка — еврейские штучки.

4) Вана доставляют за неявку на новую работу. Андрей звонит Отто, кот<орый> работает на биржевой машине, чтобы выручить Вана. Бывший нач<альник> машины — «падающие звезды».

5) Письмо от дяди Юры (дома, в самом конце).

6) Кэнси — репортер уголовной хроники. О законности. О праве правого нарушать закон.

Фрижа — телохранитель Фрица.

<...>

Кэнси звонит Дюпену, тот уже продан.

Кислоглазый узнал Кэнси — проворовавшийся чиновник по снабжению.

Чел<ове>к подорвал себя динамитом, предварит<ельно> разославши письма.

В 1971 году внимания Авторов требовала работа над другими произведениями (в первую очередь над «Пикником на обочине»), поэтому к ГО они вернулись лишь через год, в декабре. В рабочем дневнике этого периода содержатся среди прочего набросок предсмертного письма Денни Ли и прибаутки, предназначенные для дяди Юры. Есть там и некоторые сюжетные разработки, приведенные далее. Упоминание Гитлера связано с более ранней записью БНС: «Для ГО — один из действ<ующих> лиц — Гитлер (Борман) — обыкновеннейший человек, скука».

1. Общий облик города под Гейгером. Мещанский рай, кибуц.

2. В научно-технической канцелярии Президента. Беседа с Гейгером. Гейгер об экспедиции на север, о творцах.

Одновременно Изя — директор гор<одского> архива.

3. Сельма зовет домой — дядя Юра приехал.

4. Вечеринка. Сосед Гитлер.

Идея элитизма, ее крах. Народ без собственных источников света.

Кибуцная жизнь: дети в отрядах, тупой энтузиазм, равенство — каждому по потребностям, за прихоти — голову долой.

27 февраля 1972 года АНС пишет брату: «ГО писать, честно говоря, хочется, но странную хотенью. Просто чтобы заняться делом и убежать всей этой липы, которой я сейчас занимаюсь». Судя по всему, на тот момент еще не была достигнута «критическая масса» представлений о том, чем должна завершиться история. Во всяком случае, все еще предполагалось, что пятая часть станет последней. БНС в этой связи замечает 5 апреля: «А вот последнюю часть ГО представляю себе неважно, кроме одной главы — «Ночь в Городе Статуй». Это может получиться страшно».

И снова Комарово: апрель 1972 года, пятый заход... Решено, что оставшееся повествование надо будет разнести на две части.

1) Город статуй, ужас, попытки бунта, катапульты с планерами, гибель полковника. Солдаты уходят, Андрей остается с Изей. Злоба к устройству мира.

2) Последние мили. Изю тащит на спине. Встреча с двойником.

За десять дней черновик пятой части доводится до сцены, в которой Андрей, Изя и кореец (пока еще Ни, а не Пак) обнаруживают при рекогносцировке библиотеку.

В рабочем дневнике в это время сделано множество записей, основная часть которых далее приведена. Прежде всего, дана некая оставшаяся за рамками повествования предыстория.

До начала 1-й главы:

7 d<ay>	350 км	а) Предыдущий разведотряд Гейгера (до переворота посланный), решивший остаться там навсегда. Столкновение, перестрелка.
15 d	750 км	б) Люди с вырезанными языками. Непонятно — кто.
11 d	550 км	в) Концлагерь, столы. г) Поле боя.
9 d	450 км	д) Хилая община, сгрудившаяся вокруг источника. е) Дворец Изобилия.
19 d	950 км	ж) Ракетодром, обгорелые стартовые площадки, ржавые ракеты.

(К пункту таблицы про разведотряд сделана приписка: «эмигранты».)

Третий спутник — человек без языка.

«А я человек непрестижный. Посмотри, какие у меня ботинки».

«Грибины». «Рыба-фиш». «Ауф айн припечек брент а файерл».

Далее составляется список членов экспедиции: в котором заметны кое-какие отличия от романа (например, нет пока Мымры). Фамилия сержанта «Гордон» перечеркнута.

Состав экспедиции:

нач<альни>к Андрей,

зам<еститель> по воен<ным делам> — Сент-Джеймс, полковник,

зам<еститель> по науке — Изя,

зам<еститель> по геологии — Кехада,

зам<еститель> по технике — инж<енер->тран<спортник> Эллизауэр,

денщик полковника Даган,

сержант Гордон,

солдаты — 4 чел.,

картографы — 2 чел., один из них фельдшер,

водители — 4 чел.

Присоединившиеся:

Немой,

из старого разведотряда — кореец Ни, бывш<ий> враг Гейгера, хочет удрать или выслужиться.

50 км/сутки.

Начало событий — через 30 d, от Города — 1000 км (за счет больших привалов).

Уточнены некоторые важные для описания экспедиции подробности.

На волокушу:

3 т солярки (из расчета 100 кг на 100 км),

1 т питьевой воды (1,5 л на человека на 60 дней),

1,5 т жратвы,

боеприпасы, приборы, образцы.

[Итого:] Ок<оло> 6,5 т на волокушу.

Угнетающие факторы:

1) однообразная еда, скверная вода,

2) болезни: понос, нарывы и сыпь,

3) усталость,

4) однообразие: тащатся по мертвому городу; тишина, тлен, сгоревшие кварталы,

5) разочарование: разжиться не удалось — воды нет, ископаемых нет, наблюдения солнца мало что дают: скачки,

6) животные: насекомые, змеи, волки — наглые,

7) страх — вырезанные языки, легенды, рассказанные одиночками, встреченными по дороге. Доволен только Изя — он купается в документации. Он делает почти все ценные находки,

8) раздражает дисциплина.

М<ожет> б<ыть>: множество свидетельств «рай где-то впереди». А<ндрей> становится противен себе в желании вернуться к нагретому месту.

А вот любопытный расчет размеров Города и того, сколько человек он мог бы вместить.

200 чел<овек> в доме
 1 000 000 чел<овек>
 5000 домов
 5 рядов
 1000 домов в ряд
 дл<ина> дома
 длина города 10–12 км

Несколько позже в повествование вводится Мымра. Дается подробный план начальных глав пятой части, затем более схематично обозначаются последующие события, включая гибель экспедиции. О Мымре говорится: «Впоследствии увяжется за Андреем, Изей и Немым и погибнет во Дворце Изобилия». Из неиспользованных деталей приведем такую: «Когда выходят из здания, страшно хочется жрать. Андрей ругает Изю, что тот еврей, а не знает про грибины и рыбу-фиш».

Имеются также наброски, уточняющие психологию Воронина как начальника экспедиции.

После ругани с Кехадой:

1. Плюнуть на всё и разделить экспедицию.
2. А почему, собственно? Почему кому-то должно быть легче, чем мне?
3. Долг перед Гейгером, долг перед собственным чином.
4. А если и когда перестанут подчиняться? Страх перед неподчинением.
5. Происхождение моей власти, мое право на власть.
6. Происхождение и право на власть Гейгера. Бойтся ли Гейгер неподчинения?
7. Вообще: разница между Гитлером и Николаем II.

Самозванцев нам не надо, командовать буду я!

Вперед — из-за раздутого самолюбия и из стремления доказать свое право на свой чин. Если я честный перед собой человек, то я должен от своего чина и от власти отказаться. В беседе с Наставником.

21 мая Авторы собираются в Комарово для работы над ГО в шестой раз. Через неделю рукопись закончена: написаны концовка пятой части и завершающая повествование шестая часть, совсем короткая и даже не разбитая на главы.

Для сцены гибели экспедиции был сделан рисунок, показывающий расположение трупов, а отчасти и крупных предметов. (В настоящем томе он приведен на с. 14 вклейки.) Эскиз этот — своего рода «перевертыш». Четыре трупа, которые Андрей и Изя обнаружили по ходу движения сразу (Ни, геолог, Пермьяк, Тевосян), обозначены так, что север остается внизу, а все остальные (Фогель, Кехада, неопознанный труп на волокуше, полковник, Даган, Эллизауэр, геолог, оба картографа, итальянец, русский) отмечены на перевернутом листке, где север сверху. Любопытно наличие на этой картинке в очень странном месте, рядом со Стеной, трупа Кехады, про которого в романе сказано только, что он исчез. Однако рядом изображен объект, возле которого написано «тягач». Имеется в виду, конечно, свалившийся в пропасть трактор, падение которого со Стены помогло Андрею понять загадку «Падающих Звезд». Таким образом, судьба Кехады становится понятной. На рисунке, судя по всему, первоначально был обозначен и второй тягач (предполагалось, видимо, что он врезался в стену дома), но потом эта деталь зачеркнута...

В последние дни работы были сделаны еще некоторые заметки (в частности, про дочку Изи и кету). 27 мая записано, что черновик закончен на 353-й странице. Поскольку рукопись была весьма обширна, Авторы добавили к черновику страницу с оглавлением, а в рабочий дневник внесли хронологическую привязку всех этапов работы.

23.06.69–28.06.69 МСК, план.
 19.02.70–3.03.70 К<омарово>, начали писать.
 7.04.70–23.04.70 <Комарово>.
 15.12.70–27.12.70 <Комарово>.
 2.12.71–13.12.71 <Комарово>.
 12.04.72–23.04.72 <Комарово>.
 21.05.72–27.05.72 <Комарово>.

На первой странице черновика стоит дата «Начат 24.02.70», на последней — «27 мая 1972 года». В машинописи присутствует небольшая рукописная правка, касающаяся вставки, удаления или замены одного-двух слов. Когда предполагалось делать более обширные изменения, на полях черновика делались пометки для чистовика. Далее показано, как эти пометки были позже реализованы в готовом чистовике.

К сцене, где дядя Юра во время пьянки рассуждает, что «русский человек должен во что-то верить», сделана пометка: «— Отнять веру в доброго царя... — Евреи — это дело другое...» В чистовике разговор получает продолжение: «Ну да, ну да! — откликнулся Изя. — Если у еврея отнять веру в бога, а у русского — веру в доброго царя, они становятся способны черт знает на что...» и так далее.

Когда Фриц приступал к допросу Копчика, то сразу переходил к психологической обработке: «Мое нынешнее начальство ты знаешь. А вот кто был моим начальником раньше?» В черновике здесь сделаны дописки, и реплика Гейгера стала более развернутой: «Можешь жаловаться — мое нынешнее начальство ты знаешь... А вот кто был моим начальником раньше, тебе известно?» (Кстати, чуть дальше Гиммлер сначала неточно назывался рейхсминистром, но это слово было еще в машинописи исправлено на «рейхсфюрера».)

Размышления Воронина о причинах слухов вокруг Красного Здания в черновике выглядели так: «Действительно, по-видимому, в Городе вполне могли существовать люди, для которых распространение жутких легенд и панических слухов, создание обстановки террора и ужаса могло бы оказаться полезным. Таких людей, действительно, надлежало выловить и подробнее выяснить их конечные цели, а также — кому они служат». На полях сделана заметка: «Несообразности в показаниях — искажение слухов при передаче». Текст в окончательном виде выглядит так: «Если в городе действительно есть люди, которые поставили перед собою (или получили от кого-то) задачу создать среди населения атмосферу паники и террора, то очень многое в деле о Здании становилось понятным. Несообразности в показаниях так называемых свидетелей легко объясняются в этом случае искажением слухов при передаче. Исчезновения людей превращаются в обыкновенные убийства с целью уплотнения атмосферы террора. В хаосе болтовни, опасных шепотов и вранья надлежало теперь искать постоянно действующие источники, центры распространения зловещего тумана...»

В разговоре Андрея с дежурным полицейским о повестках первоначально отсутствовало и было дописано в черновик важное слово «немедленно»: Воронин велел срочно доставить повестки, а не вызванных по ним...

Пан Ступальский, пытаясь внушить Андрею, что тот на самом деле умер, говорил: «Теперь я понимаю: это инерция. Это должно пройти». В черновике сделана пометка: «Вы говорили так убежденно, что я поддался. Нет-нет, это инерция». В чистовике фрагмент стал несколько полнее: «Теперь я понимаю: это инерция. Просто инерция, молодой человек. Вы говорили так убежденно, что несколько даже поколебали меня... Организация хаоса, новый мир... Нет-нет, это просто инерция, это должно со временем пройти».

Когда к разговору Воронина со Ступальским присоединился Кацман, в черновике о наличии при нем папки сразу не упоминалось. Позже сделана пометка: «Огромная папка», а в чистовике добавились слова «придерживая левой рукой огромную светлую папку».

А когда Воронин позже возвратился в прокуратуру и увидел Вана, в их разговор влез детина с фингалом под глазом. Перед ответом на реплику Андрея «Помолчите» он в черновике просто «приставил палец к ноздре и шумно высморкался». На полях сделана заметка: «У Андрея у самого подбит лоб, поэтому он так сух». В чистовике появляется уточнение: «Детина посветил на него своим фингалом, ухмыльнулся (Андрей тотчас вспомнил и ясно ощутил собственную гулю на лбу)...» Про ту же гулю на лбу в черновике сделана пометка и к сцене с Румером, который на внешний вид Андрея внимания в этом варианте не обращал. В чистовой версии он оказывается более наблюдательным («Кто это тебе в лоб засветил?» и так далее).

В черновике сначала указывалось, что Кацман родился в тридцать третьем году, но этот год был заменен на тридцать шестой еще в машинописи. Точно так же обстоит дело со временем прибытия Изи в Город: сначала в черновике — 1967-й, затем исправлено на 1968-й, а в чистовике та же дата записана словами. (Некоторые последствия указанной правки будут рассмотрены особо.)

Четвертая часть сначала называлась «Будни», затем в черновике название изменено на «Господин советник». А для пятой части сразу было принято в качестве названия понятие «разрыв непрерывности», ранее использованное в «Понедельнике...» для объяснения контрамоции.

Кехада в черновике сначала называется начальником геодезической партии, но такая должность более уместна в экспедиции, чем в канцелярии, поэтому в рукопись внесено уточнение: «начальник геодезического сектора».

Когда Гейгер за обедом велит подать Воронину томатного соку, в черновой машинописи Паркер «бесшумно ступая, приблизился к столу». Личный адъютант президента прекрасно

вышколаен, но он все-таки не лакей, а военный, так что на полях помечено: «позвякивая шпорами». А в чистовике стало даже еще эффектнее: «малиново позванивая шпорами».

Во время того же обеда в дискуссии о том, чего хотят большинство и меньшинство, формулировка Воронина сначала была проще: «Но всегда есть ничтожное меньшинство, которому нужно именно птичье молоко. Это птичье молоко становится для них идеей фикс — именно потому, что его ни за что не достать». На полях делается пометка «идея-бзик», и в чистовике Андрей излагает эту мысль более непринужденно: «Но всегда есть ничтожное меньшинство, которому нужно именно птичье молоко. Идея-фикс, понимаете ли, у них. Идея-бзик. Подавай им именно птичье молоко! Просто потому, что именно птичьего молока достать нельзя».

Несколько позже, когда Андрей вступает за своих ученых перед Гейгером, на полях черновика записано: «Надо разрешить им брюзжать. Кто не брюзжит, тот ни черта не стоит». В чистовике появляется фрагмент: «Пойми, пожалуйста: эти люди не могут не брюзжать. Так уж они устроены. Кто не брюзжит, тот ни черта не стоит. Пусть брюзжат».

Когда Наставник говорит с Андреем о том, что Ван не вписывается в его новый круг знакомств, приводятся примеры общения, которое никак нельзя назвать отдыхом. Среди прочего в черновике сначала было: «А когда пьешь аперитивы с Дольфюсом?» Но аперитив пьется перед застольем, а не сам по себе, поэтому заменяется на пиво.

Есть некоторые дописки для будущей правки и в части, описывающей поход на север. Там, где речь идет о роли Изи Кацмана в экспедиции, появляется пометка: «Его любили. Фогеля боялись, Полк<овника> — дрожали». В чистовике появился дополнительный фрагмент о том, что все любят Изю, в том числе и слова о солдатах: «Фогеля они ненавидели, полковника — трепетали, с учеными дрались, а с Изей — смеялись. Не над ним уже — с ним!..»

В сцене ночного разговора Кацмана с Ворониным, когда речь заходит о Немом, на полях сделана пометка: «Про особиста для Андрея» — и тут наблюдается редкое исключение, когда никакой правки в чистовике не последовало.

Третья глава пятой части сперва начиналась с пробуждения Андрея и ночной тревоги, после которой выяснялось, что исчезла статуя с перекрестка, однако затем новая глава стала начинаться сразу после этого исчезновения.

В сцене, где Андрей и Иза возвращаются после гибели экспедиции, из окна комнаты картографов свисал голый труп Бигаса, далее фамилия рукописно исправлена на Рулье, который в черновике несколько раз до этого уже фигурировал.

В сцене, где Андрей вспоминает о том, как они с Изей пили воду в подвале башни, есть пометка: «Человек — есть душонка...», и в чистовике здесь добавлена цитата из Эпиктета: «Человек есть душонка, обремененная трупом!», зафиксированная БНС в рабочем дневнике не позже осени 1972 года.

В самом конце романа Андрей слышит во дворе слова: «Иська! Кацман! Иди, тебя мама зовет!..» В черновике «мама» рукописно заменено на просторечное «матка».

А начало самого последнего абзаца было первоначально таким: «Андрей, весь напрягшись, перегнулся через подоконник, всматриваясь в темноту». Рядом на полях имеется краткая помета: «Зима!» Дело в том, что в рабочем дневнике следом за упомянутой выше цитатой из Эпиктета БНС записал: «“Любовь ленинградцев...” Л<енинградская> П<равда>, 19.01.51, пятница». Понятно, что свежая газета за указанное число с характерным заголовком про товарища Сталина могла оказаться на столе Воронина только в январе 1951 года. Следовательно, окна в комнате плотно закрыты (если вообще не заклеены), просто так их не распахнешь. Поэтому в чистовике текст уточнен: не «перегнулся через подоконник», а «сунулся лицом к самому стеклу».

В обычных условиях через какое-то не слишком продолжительное время АБС превратили бы черновой вариант произведения в чистовой, чтобы затем предлагать его редакциям. Но в случае с «Градом» полное отсутствие издательских перспектив не вызывало сомнений. Более того, серьезнейшие неприятности могло навлечь на Авторы и распространение романа в Самиздате. История со «Сказкой о Тройке» и «Гадкими лебедями» многому их научила, так что были приняты меры, исключающие возможность свободного доступа к роману посторонних людей. Дело усугублялось тем, что при всей идеологической «сомнительности» прежних произведений им сложно было инкриминировать явную «антисоветчину», а ГО давал для таких обвинений более весомые поводы...

В «Комментариях к пройденному» БНС рассказывает об этом так: «Уже в конце 60-х, а тем более в начале 70-х, ясно стало, что роман этот опубликовать не удастся — скорее всего, никогда. И уж во всяком случае — при нашей жизни. Однако в самом начале мы еще представляли себе развитие будущих событий достаточно оптимистично. Мы представляли себе, как, закончив рукопись, перепечатаем ее начисто и понесем (с самым невинным видом) по редакциям. По многим и по разным. Во всех этих редакциях нам, разумеется, откажут, но предварительно — обязательно прочтут. <...> И снимут копии, как это обыкновенно бывает. И дадут почитать

знакомым. И тогда роман начнет существовать. <...> Это будет нелегальное, бесшумное и тайное, почти призрачное, но все-таки существование — взаимодействие литературного произведения с читателем, то самое взаимодействие, без которого не бывает ни литературного произведения, ни литературы вообще...

Но к середине 1972-го даже этот скромный план выглядел уже совершенно нереализуемым и даже небезопасным. <...> Наступило время, когда рукопись из дома выносить не рекомендовалось вообще. Ее даже знакомым давать сделалось опасно. И лучше всего было, пожалуй, вообще помалкивать о ее существовании — от греха подальше. Поэтому черновик мы прочли (вслух, у себя дома) только самым близким друзьям, а все прочие интересующиеся еще много лет оставались в уверенности, что «Стругацкие, да, пишут новый роман, давно уже пишут, но все никак не соберутся его закончить».

Торопиться с доработкой рукописи было некуда, и Авторы предпочли заняться другими делами, дающими хоть какую-то надежду на заработок. Черновик был оставлен лежать до лучших времен, хотя различные идеи, предназначенные для будущей чистовой правки, неспешно обдумывались и иногда записывались. Впрочем, мысли о том, что поступать следовало все-таки иначе, возникали. Вот характерное письмо БНС от 24 июля 1973 года: «Читаю ребятам ГО. Еще не кончил, так что обсуждения не было пока, но вроде бы нравится. Эх, всё мы неправильно делаем! Нам надо сейчас вообще исчезнуть, перейти на псевдоним, зарабатывать деньги таким образом и писать потихоньку ГО».

Однако ни в этом, ни в следующем году основательно поработать с рукописью ГО так и не удалось. Впрочем, высокий уровень даже существующего в черновом виде произведения Авторы вполне осознавали. Любопытно, что когда в апреле 1973 года решалось, какой сюжет далее следует брать в разработку из записанных в рабочих дневниках, за своего рода эталон по ряду позиций принимался именно «Град обреченный».

Что касается публикации ГО, надеяться можно было разве что на возможность куда-то пристроить некий идеологически приемлемый и в то же время внутренне завершённый отрывок. И хотя даже отыскать такой фрагмент в романе было непросто, какие-то обсуждения по этому поводу иногда велись. Например, сообщая брату 29 ноября 1973 года о В. Дмитриевском, просившем что-нибудь для очередного ленинградского сборника фантастики (речь шла, надо полагать, про будущее «Кольцо обратного времени»), БНС писал: «Я предложил ему главу (3 а<вторских> л<иста>) из неоконченного фантомана, который мы пишем вот уже два года, написали 4.5 главы, а кончить всё не можем, так как приходится все время зарабатывать деньги. Третья глава под названием, скажем, «Переворот» — коротенькая врезка, объясняющая в общих чертах ситуацию, то, се... В общем, он был очень доволен. А как твое мнение?» АНС отнесся к идее с изрядным скептицизмом, ответив 7 декабря: «Главу из ГО Дмитриевскому дать можно, только вряд ли он ее возьмет. Судя по его словам, он представляет нечто вроде штурма Зимнего дворца. Знамена, лозунги и проч. Ну что ж, попытка — не пытка. Попробуем двинуть». Разумеется, в итоге ничто никуда не двинулось...

Откладывалась работа над ГО и в 1974 году, когда Авторы увлеклись работой над повестью «За миллиард лет до конца света». БНС писал 15 марта: «Давай за этот год напишем ЗМЛДКС, а? Ведь, ей-богу, может получиться ВЕШЩЬ! С ГО можно и подождать, он ведь фактически уже написан. ВЕШЩЬ надо нам выдать сейчас. Для поддержания духа. А там, вдруг, и опубликуют. Давай, а?» А немного позже, в письме от 27 марта он уточнял свою позицию: «У меня лично такой план на ближайшее время: а) халтура — сценарий про пришельцев для Душанбе; б) работа — ЗМЛДКС. Можно, конечно, и ГО, но ЗМЛДКС было бы, по-моему, своевременнее. Душа горит».

Вскоре, однако, события приняли такой оборот, что откладывать работу над чистовиком ГО стало нельзя. БНС продолжал свой рассказ в «Комментариях»: «А после лета 1974-го, после «дела Хейфеца–Эткинда», после того, как хищный взор компетентных органов перестал блуждать по ближним окрестностям и уперся напрямиком в одного из соавторов, положение сделалось еще более угрожающим. В Питере явно шилось очередное «ленинградское дело», так что теоретически теперь к любому из «засвеченных» в любой момент могли ПРИЙТИ, и это означало бы (помимо всего прочего) конец роману, ибо пребывал он в одном-единственном экземпляре и лежал в шкафу, что называется, на самом виду». В «Комментариях» сказано далее, что черновик был превращен в чистовик (с размещением двух экземпляров у надежных людей) в конце 1974 года. Последняя дата — оговорка, в других публикациях БНС верно называл 1975 год, и это подтверждается датировкой чистовой рукописи и хронологией событий, предшествовавших завершению работы над чистовиком.

Хотя Авторы понимали, что доработкой рукописи ГО надо заняться без лишних проволочек, во второй половине 1974 года такой возможности не нашлось. Слишком много накопилось другой, не менее срочной работы — и не только «для души» (вроде подготовки черновой, а затем и чистовой рукописи ЗМЛДКС), но и во исполнение прежних обязательств и для решения сиюминутных финансовых проблем. Последнее особенно касалось АНС: статьи, переводы,

проекты сценариев и пьес... Постоянная напряженная работа в течение многих месяцев начала заметно сказываться на его здоровье. Когда в январе 1975 года Стругацкие собрались-таки совместно править ГО, их встреча в Ленинграде оказалась не особо результативной: АНС был переутомлен, чувствовал себя неважно, так что удалось переписать десяток начальных страниц романа и, видимо, обсудить какие-то планы последующей правки.

Далее АНС вынужден был практически устраниваться от работы над чистовиком. 6 февраля он записывает в дневник по итогам медицинского консилиума: «Никакой работы, никакого чтения, вылежаться, месяц в санатории». Видимо, в это время было решено, что доработку романа возьмет на себя БНС. Но прежде ему следовало выполнить еще одну связанную с ГО работу.

30 января в рабочем дневнике Авторов появилась запись.

Андрей — Анджей Галчинский.

Изя — Изяслав Шереметьев — интеллигент с длинным лицом.

Ни — Пак.

Эти изменения потребовались в связи с очередной попыткой предложить в какое-то издание отрывок из романа. На сей раз речь шла о журнале «Нева», куда решено было представить пятую часть романа, переименованную для этого случая в «Экспедицию на Север» и, разумеется, несколько переработанную для видимости большей самостоятельности и повышения шансов на публикацию. БНС сообщал брату 25 февраля 1975 года: «Каждый день печатаю по несколько страниц главы из ГО для «Невы». Должен сказать тебе, что работа скорее приятная, чем тяжелая. Уж больно хорош исходный материал. Жалко только некоторых абзацев, кои приходится выбрасывать. Звонил Саша <Лурье>, дабы меня подтолкнуть. Между прочим сказал, что главу из незаконченного романа они, оказывается, публиковать не могут. Надо это подать как самостоятельную повесть из цикла повестей о. По сути, это, конечно, без разницы, но возникают некоторые чисто практические проблемы. Все-таки повесть это повесть, а глава это глава. В общем, я чувствую, что в конце мне придется попотеть, чтобы все это повествование как-то закруглить (завязка, кульминация, развязка)».

Впрочем, проблемы были решены довольно успешно. Что касается развязки, то оказалось достаточным убрать сцену с Наставником. С представлением отрывка как отдельной повести тоже удалось справиться, снабдив его специальным предисловием, основная часть которого представляет собой краткое описание того, что собой представляет Город, как в него попадают и как там живут. Никаких подробностей о предыдущих событиях не сообщается. Завершающая часть предисловия, непосредственно увязывающая общую фабулу с событиями пятой части (а в представленном виде — повести), выглядит так.

Очень быстро каждый горожанин обнаруживает фантастичность и необычайность окружающего мира. В Городе время от времени происходят очень странные вещи, иногда даже кажется, что все привычные законы природы отменяются некоей неведомой силой. А про Север, про сотни километров кварталов, покинутых века и века назад, ходят слухи еще более фантастические и невероятные... Проходят годы, а Эксперименту не видно конца, и перед людьми встают во весь рост фундаментальные вопросы. Что же все-таки с ними происходит? Зачем они здесь? Где они?..

Последнее время мы работаем над циклом повестей об этом Городе и о людях, его населяющих. Одну из этих повестей мы предлагаем вниманию читателя. Речь в ней идет об экспедиции на Север — за водой, нефтью и информацией.

Снабженная этим предисловием рукопись была представлена в «Неву»... и через некоторое время возвращена без всяких публикационных последствий. Она сохранилась в архиве Авторов. А много позже, уже в «перестроечные» времена, когда возможностей печатать тексты Стругацких стало гораздо больше, но цензура еще не сдала всех своих позиций, БНС предложил тот же текст с тем же предисловием в эстонский журнал «Радуга», который напечатал «Экспедицию на Север» в 1987 году — за полтора года до начала полной журнальной публикации в «Неве».

Далее этот отрывок из романа воспроизводится с минимальной корректорской правкой. Оснований для его целостного представления несколько. Прежде всего, это своего рода памятник эпохи — наглядный пример попытки в середине семидесятых извлечь из абсолютно неподцензурного произведения нечто приемлемое для печати. Это также возможность увидеть многие фрагменты текста — пусть и в пределах лишь одной части — в первоизданном виде, ибо отрывок готовился для «Невы» по черновику. И, наконец, здесь имеются любопытные примеры стилистической правки, сделанной именно для публикации в «Неве», хотя результаты этой работы

оказались почти не востребованы при дальнейшей переработке романа. (Впрочем, некоторые исключения все же есть: например, именно из этого варианта в окончательный текст романа пришел — на смену прежнему Ни — кореец Пак, а вместо Хнеупека появился Хнойпек.)

ЭКСПЕДИЦИЯ НА СЕВЕР

I

Анджей, преодолев спазм, проглотил последнюю ложку размазни, с отвращением оттолкнул манерку и потянулся за кружкой. Чай был еще горячий. Анджей взял кружку в ладони и принялся отхлебывать маленькими глотками, уставясь на огонек шипящей бензиновой лампы. Чай был необычайно крепкий, перестоявшийся, от него разило веником, и был у него еще какой-то привкус — то ли от этой злосчастной воды, которую они набрали на восемьсот двадцатом километре, то ли Кехада опять подсыпал всему командному составу какой-то дряни от поноса... А может быть, просто кружку плохо отмыли — была она, как всегда, соляная и липкая.

За окном внизу побрякивали котелками солдаты. Сержант Фогель вдруг заорал прусским голосом: «Вы на пост мне идете или к бабе в соседнюю комнату, вы, земноводное! Почему босиком? Где ваша обувь, троглодит?» Угрюмый голос отозвался в том смысле, что ноги, мол, стерты до мяса, а местами и до костей... «Закройте пасть! Немедленно обуться и на пост! Живо!...»

Анджей с наслаждением пошевелил под столом пальцами босых ног. Ноги уже слегка отдышались на прохладном паркете. Холодной бы воды полный таз... ноги бы туда... Он заглянул в кружку. Чаю оставалось еще до половины, и Анджей, мысленно послав все к черту, неожиданно для себя вылакал остаток в три огромных сладострастных глотка. В животе сразу же заурчало. Некоторое время Анджей опасно прислушивался к тому, что там происходит, потом отставил кружку, вытер рот тыльной стороной ладони и посмотрел на железный ящик с документами. Рапорты надо бы вчерашние достать... Неохота. Успею. Лечь бы сейчас, вытянуться во всю длину, курткой прикрыться и завести глаза минуток этак на шестьсот...

За окном внезапно и неистово затрещал двигатель трактора, задребезжали остатки стекла в окнах, на стол рядом с лампой упал с потолка кусок штукатурки, пустая кружка, мелко подрагивая, поползла по столешнице. Анджей, весь сморщившись, поднялся, прошлепал к окну, выглянул. В лицо пахнуло жаром не успевшей остыть улицы, едкой гарью выхлопов, тошнотной вонью разогретого масла. В пыльном свете подвижной фары бородатые люди, рассевшись прямо на мостовой, лениво ковырялись в манерках и котелках. Все были босы, и почти все разделены до пояса. Потные белые тела лоснились, а лица казались черными, и кисти рук были черными, словно все они надели перчатки. Анджей вдруг обнаружил, что никого из них не узнаёт. Стадо незнакомых голых обезьян... В круг света вступил сержант Фогель с громадным алюминиевым чайником в руке, и «обезьяны» сейчас же зашевелились, заволновались, потянули к чайнику кружки. Отталкивая эти кружки свободной рукой, сержант принялся орать, но за треском двигателя его не было слышно.

Анджей вернулся за стол, рывком откинул крышку ящика и извлек журналы и вчерашние рапорты. На стол с потолка упал еще один кусок штукатурки. Анджей посмотрел наверх. Комната была высоченная — метра четыре, а то и все пять. Лепной потолок местами осыпался, и видна была дранка, наводящая на сладостные воспоминания о домашних пирогах с повидлом, которые подавали к огромному количеству прекрасно заваренного прозрачного, в прозрачных тонкостенных стаканах, чая. С лимоном. Или можно было просто взять пустой стакан и набрать на кухне сколько угодно чистой холодной воды...

Анджей мотнул головой, снова поднялся и наискосок через всю комнату прошел к огромному книжному шкафу. Стекол в дверцах не было, и книг тоже не было — были пустые пыльные полки.

Комната, надо сказать, сохранилась неплохо. Были в ней два вполне приличных кресла и одно с продраным сиденьем — когда-то роскошное, обитое тисненой кожей. У стены напротив окна выстроились рядом несколько стульев, посередине комнаты стоял столик на коротких ножках, на столике — хрустальная вазочка с какой-то черной засохшей дрянью внутри. Обои отстали от стен, а местами и совсем отвалились, паркет рассохся и вспучился, но все-таки комната была не в самом плохом состоянии — совсем недавно здесь еще жили, лет десять тому назад, не больше.

Впервые за пятисотым километром Анджей видел так хорошо сохранившийся дом. После многих километров выгоревших дотла кварталов, превратившихся в черную обугленную пустыню; после многих километров сплошных руин, поросших бурой колючкой, среди которых нелепо возвышались дрожащие от ветхости пустые многоэтажные коробки с давно уже обрушившимися перекрытиями; после многих и многих километров пустырей, усаженных сгнившими срубами без крыш, где весь уступ просматривался с дороги от Желтой стены на востоке и до края обрыва на западе, — после всего этого здесь снова начинались почти целые кварталы, выложенная булыжником дорога, и, может быть, где-то здесь были люди — во всяком случае, полковник приказал удвоить караулы.

Интересно, как там полковник. Старик что-то сдал за последнее время. Впрочем, за последнее время все сдали, и то, что именно сейчас, впервые за двенадцать суток, ночевка будет под крышей, а не под голым небом, очень хорошо. Воду бы здесь найти, можно было бы сделать большой привал. Только воды здесь, кажется, снова нет. Во всяком случае, Изя говорит, что воды здесь нет и не предвидится. Только от Изя да от полковника и есть толк...

В дверь постучали. Анджей поспешно вернулся на место, накинул куртку и, раскрывая журнал, гаркнул:

— Да!

Это был всего лишь Даган — сухой, старый, под стать своему полковнику — гладко выбритый, опрятный, застегнутый на все пуговицы.

— Разрешите прибрать, сэр? — прокричал он сквозь треск двигателя.

Анджей кивнул. Господи, подумал он. Это же сколько сил надо потратить, чтобы так соблюдать себя в этом кабаке! А ведь он не офицер, он даже не сержант — всего-навсего денщик.

— Как там полковник? — спросил он.

— Виноват, сэр? — Даган с грязной посудой в руках замер, повернув к Анджею длинное хрящеватое ухо.

— Как себя чувствует полковник? — заорал Анджей, и в ту же секунду двигатель за окном замолчал.

— Полковник пьет чай! — заорал Даган в наступившей тишине и сейчас же добавил сконфуженно, понизив голос: — Виноват, сэр. Полковник чувствует себя удовлетворительно. Поужинал и теперь пьет чай.

Анджей рассеянно кивнул и перебрал несколько страниц журнала.

— Будут какие-нибудь приказания, сэр? — осведомился Даган.

— Нет, спасибо, — сказал Анджей.

Когда Даган вышел, Анджей наконец взялся за вчерашние рапорта.

«День 28-й», — вывел он на чистой странице и подчеркнул написанное двумя жирными линиями. Затем взял рапорт Кехады. «Пройдено 48 км, — записал он. — Высота солнца 63°51'13" (979-й км). Средняя температура в тени 23°C, на солнце — 31°C. Ветер 2,5 м/сек. Влажность 0.42. Гравитация 0.998. Проводилось бурение (981-й км), воды нет. Расход топлива...» Он взял рапорт Эллизауэра, захватанный испачканными смазкой

пальцами, и долго разбирал куриный почерк. «Расход топлива 1.32 нормы. Остаток на конец 28-го дня 3200 кг. Состояние двигателя № 1 удовлетворительное; № 2 — изношены пальцы и что-то с цилиндрами...» Что именно случилось с цилиндрами, Анджей не разобрал, хотя подносил листок к самому огню лампы. «Состояние личного состава: физическое состояние — почти у всех потертости ног, не прекращается поголовный понос, у Пермяка и Палотти усиливается сыпь на плечах. Раненых нет, травм нет. Особых происшествий не произошло. Дважды показывались акулы волки, отогнаны выстрелами. Расход боепитания 12 патронов. Расход воды 20 л. Остаток на конец 28-го дня 1100 кг. Расход продовольствия 20 норм. Остаток на конец 28-го дня 730 норм...»

В дверь опять постучали.

— Войдите, — сказал Анджей недовольно.

Вошел сержант Фогель — громадный, красномордый, с широкими черными пятнами пота, расплывшимися из-под мышек френча.

— Сержант Фогель просит разрешения обратиться к господину советнику! — гаркнул он, прижав ладони к бедрам и растопырив локти.

— Слушаю вас, сержант, — сказал Анджей.

Сержант покосился на окно.

— Прошу разрешения говорить конфиденциально, — проговорил он.

Это что-то новенькое, с неприятным ощущением подумал Анджей.

— Проходите, садитесь, — сказал он.

Сержант на цыпочках приблизился к столу, присел на краешек кресла и нагнулся к Анджею.

— Люди не хотят идти дальше, — произнес он вполголоса.

Анджей откинулся на спинку стула.

— Что значит — не хотят? — сказал он, помолчав. — Кто их спрашивает?

— Измотаны, господин советник, — проговорил Фогель доверительно. — Курево кончается, поносы замучили. А главное — боятся. Страшно, господин советник.

Анджей молча смотрел на него. Надо было что-то делать. Срочно. Немедленно. Но он не знал, что именно.

— Одиннадцать дней идем по безлюдью, господин советник, — продолжал Фогель почти шепотом. — Господин советник помнит, как нас предупреждали, что будет тринадцать дней безлюдья, а потом всем конец. Два дня осталось, господин советник...

Анджей облизал губы.

— Стыдно, сержант, — сказал он. — Старый вояка, а верите бабьим слухам. Не ожидал.

Фогель криво ухмыльнулся, двинув огромной нижней челюстью.

— Никак нет, господин советник. Меня не испугаешь.

— Отставить, сержант! — возвысив голос, сказал Анджей. — Стыдно! Устава не знаете! Почему обращаетесь не по команде? Что за распушенность? Встать!

Фогель тяжело поднялся.

— Сядьте, — сказал Анджей, выдержав паузу.

Фогель сел, и некоторое время они молчали.

— Почему вы обратились ко мне, а не к полковнику?

— Виноват, господин советник. Я обращался к господину полковнику. Вчера.

— Ну и что?

Фогель замялся и отвел глаза.

— Господину полковнику было неудобно принять мое донесение к сведению, господин советник.

Анджей усмехнулся.

— Вот именно. Какой же вы, к чертовой матери, сержант, если не умеете держать своих людей в порядке? Страшно им, видите ли... Дети малые... Они вас должны бояться, сержант! — заорал он. — Вас! А не тринадцатого дня!

— Если бы это были... — снова начал Фогель угрюмо.

— Это что же такое? — вкрадчиво сказал Анджей. — Я, начальник экспедиции, должен учить вас, как последнего сопляка, что надо делать, когда подчиненные паникуют? Стыдно, Фогель! Почитайте устав. Насколько я помню, там все это предусмотрено.

Фогель опять ухмыльнулся, двинув нижней челюстью. По-видимому, такие случаи уставами не предусматривались.

— Я был о вас лучшего мнения, — резко сказал Анджей. — И зарубите себе на носу, сержант: хотят люди идти или не хотят — никого здесь не интересует. Все мы хотим сидеть дома, а не шляться по этому пеклу. Всем хочется пить, и все измотаны. И тем не менее все выполняют свой долг, Фогель! Ясно?

— Слушаюсь, господин советник, — проворчал Фогель. — Разрешите идти?

— Ступайте.

Сержант удалился, беспощадно попирая сапогами разошедшийся паркет. Анджей поднялся и подошел к окну. Публика вроде бы утомилась. В круге света возвышался невыносимо длинный Эллизауэр — наклонившись, рассматривал какую-то бумагу, кажется, карту, которую держал перед ним грузный Кехада. Вынырнув из темноты, мимо них прошел и скрылся в доме какой-то солдат — босой, полуголый, встрепанный, держа автомат за ремень. Там, откуда он вышел, чей-то голос воззвал в темноте:

— Носатый! Эй! Тевосян!

— Чего тебе? — откликнулись с невидимой волокуши.

— Фару поверни! Не видно...

Длинный Эллизауэр распрямился, в два шага оказался возле трактора и повернул прожектор вдоль улицы. Анджей увидел часового. Придерживая спущенные штаны, часовой неуверенно топтался на полусогнутых ногах возле той здоровенной железной статуи, которую какие-то чудаки умудрились возвести прямо на тротуаре у ближайшего перекрестка. Статуя изображала коренастого типа в чем-то вроде тоги, наголо обритого, с неприятной жабьей физиономией. Сейчас, в свете прожектора, она казалась черной. Левая рука статуи показывала в небеса, а правая с растопыренными пальцами простиралась над землей. Сейчас на этой руке висел автомат.

— Да свет-то уберите, ребята! — взмолился часовой.

— Не убирайте, господин инженер, — посоветовали с волокуши. — Это он шутит... И по уставу не положено...

Но Эллизауэр все-таки убрал свет. Анджей вдруг подумал: а настроены они повеселее, чем вчера... Жилые дома, вот что. Там — пустыня, гарь, а здесь все-таки дома. Можно выпастись спокойно, волки не потревожат... А если?.. Фогель-то не из паникеров и зря языком болтать не станет. Анджей вдруг представил себе, как завтра он отдает приказ выступать, а они сбиваются в кучу, ошестиниваются автоматами и говорят: «Не пойдем!» Потому они и веселые сейчас: обо всем договорились между собой, порешили завтра повернуть назад («...а что он сделает, мозгляк, интеллигент вонючий?..»), и теперь им хоть трава не расти, сам черт им не брат, и все на свете они видели в гробу... И Кехада с ними... и этот длинный — Эллизауэр... Им ведь одно удовольствие будет, если я вернусь к Гейгеру ни с чем, как мокрая курица...

Анджей судорожно передернул плечами. Сам, сам виноват, слюняй, распустил вожжи, демократ вшивый! Надо было этого рыжего Хнойпека еще тогда поставить к стенке, мерзавца, при первом же удобном случае, сразу всю банду взять за глотку — они бы у меня сейчас по струночке ходили...

Внизу вдруг яростно зарычали, заматерились, что-то упало и покатилося с металлическим лязгом, и вдруг в круг света из подъезда спиной вперед вылетела совершенно голая обезьяна, шлепнулась на задницу, подняв клуб пыли, и еще не успела подобрать ноги, как на нее из того же подъезда тигром сиганула вторая обезьяна, тоже голая, и они сцепились, покатались по булыжной мостовой, завывая и рыча, хрипя и

плюясь, изо всех сил метеля друг друга. Анджей, одной рукой вцепившись в подоконник, другой бестолково шарил у пояса, забыв, что кобура валяется в кресле, но тут из темноты вынырнул сержант Фогель, налетел, как черная потная туча, гонимая ураганом, навис над мерзавцами, и вот уже ухватил одного за волосы, другого за бороду, оторвал от земли, с сухим треском ударил друг о друга и, как щенков, отшвырнул от себя в разные стороны.

— Очень хорошо, сержант! — раздался слабый, но твердый голос полковника. — Привязать негодяев на ночь к койкам, а завтра на весь день в авангард вне очереди.

— Слушаю, господин полковник, — тяжело дыша, отозвался сержант. Он глянул направо, где копошилась, силясь подняться, голая обезьяна, и неуверенно добавил: — Осмелюсь доложить, господин полковник, один — не наш. Картограф Рулье.

Анджей замотал головой и не своим голосом проревел:

— Картографа Рулье в авангард на три дня, с полной солдатской выкладкой! При повторении драки расстрелять обоих! — В горле у него что-то болезненно сорвалось. — Расстреливать на месте негодяев, которые осмелятся драться! — просипел он.

Он пришел в себя уже за столом. Поздно, думал он, тупо разглядывая свои грязные подрагивающие пальцы. Поздно. Надо было раньше. Но вы у меня пойдете! Вы у меня будете делать, что вам приказывают. Половину я велю перестрелять... сам перестреляю... но другая половина у меня пойдет по струночке. А Хнойпеку — первая пуля при любых обстоятельствах. Первая!..

Он пошарил за спиной, вытянул кобуру и достал пистолет. Ствол был забит грязью. Он потянул затвор, затвор пошел туго, оттянулся до половины и застрял в том же положении. Ч-черт, все завязло, все в грязи... За окном было тихо, только позвякивали в отдалении подковки часовых по булыжнику, да еще кто-то сморкался в нижнем этаже и громко шипел сквозь зубы.

Анджей подошел к двери и выглянул в коридор.

— Даган! — позвал он негромко.

В углу что-то шевельнулось. Вздвогнув, Анджей присмотрелся: это был Немой. Он сидел в обычной позе, скрестив и каким-то очень сложным образом переплетя ноги. Глаза его влажно поблескивали в полутьме.

— Даган! — позвал Анджей громче.

— Иду, сэр! — откликнулись из глубины дома. Послышались шаги.

— Чего ты здесь сидишь? — сказал Анджей Немому. — Зайди в комнату.

Немой, не шевелясь, смотрел на него, подняв темное лицо.

Анджей вернулся к столу и, когда Даган, постучав, заглянул в комнату, сказал ему:

— Приведите в порядок мой пистолет, пожалуйста.

— Слушаюсь, сэр, — почтительно сказал Даган, взял пистолет и у дверей посторонился, пропуская в комнату Изю.

— Ага, лампа! — сказал Изю, устремляясь к столу. — Слушай, Анджей, а больше у нас нет такой лампы? Надоело с фонариком, глаза уже болят...

Изю здорово похудел за последние дни. Все на нем висело, и все на нем было рваное. И разило от него, как от старого козла. Впрочем, от всех так разило. Кроме полковника.

Анджей смотрел, как Изю, ни на что не обращая внимания, подхватил стул, уселся и придвинул к себе лампу. Потом он принялся доставать из-за пазухи пачки каких-то рваных пожелтевших бумаг и раскладывать их перед собой. При этом он по обыкновению слегка подпрыгивал на стуле, шарил по бумагам глазами, словно бы стремился прочесть их все сразу, и время от времени пощипывал бородавку. До бородавки ему теперь было трудненько добираться по причине густейшей курчавой волосни, покрывшей щеки, шею и даже, кажется, уши.

— Слушай, ты бы побрился все-таки, — сказал Анджей.

— Зачем? — рассеянно осведомился Изю.

— Командный состав весь бреется, — сказал Анджей сердито. — Один ты ходишь как чучело.

Изя поднял голову и некоторое время смотрел на Анджея, обнажив среди волосни желтоватые, давно не чищенные зубы.

— Да! — сказал он. — А ты знаешь, я человек не престижный. Смотри, какая на мне курточка!

Анджей посмотрел.

— Тоже, между прочим, мог бы заштопать. Сам не умеешь — Дагану отдай.

— По-моему, Даган и без того занят. В кого это ты намереваешься стрелять?

— В кого надо, — мрачно сказал Анджей.

— Ну-ну, — сказал Изя и погрузился в чтение.

Анджей глянул на часы. Было уже без десяти. Он со вздохом полез под стол, нашарил там башмаки и вынул из них уже затвердевшие носки. Потом задрал правую ногу повыше и осмотрел стертую пятку. Ссадина немного подтянулась, но было еще больно. Заранее сморщившись, он осторожно натянул задубевший носок и подвигал ступней. Совсем сморщился и потянулся за ботинком. Обувшись, он опоясался ремнем с пустой кобурой, оправил и застегнул куртку.

— На, — сказал Изя.

Он толкнул Анджею через стол пачку исписанных бумаг.

— Что это? — без всякого интереса спросил Анджей.

— Бумага.

— А... — Анджей собрал листки и спрятал в карман куртки. — Спасибо.

Изя уже снова читал. Быстро, как машина. Ай да Изя! Анджей вспомнил, до чего ему не хотелось брать Изю в экспедицию. С этим его нелепым видом огородного чучела, с этими его бородавками, наглым хихиканьем, самоочевидной непригодностью к тяжелым физическим нагрузкам — было совершенно ясно, что Изя будет доставлять массу хлопот, а толку от архивариуса в походных условиях, приближенных к боевым, будет чуть. И все оказалось не так.

То есть ТАК тоже оказалось. Изя первым стер ноги. Сразу обе. Изя был невыносим на вечерних рапортах со своими idiotскими неуместными шуточками и непрошеной фамильярностью. На третий день он ухитрился провалиться в какой-то погреб, и его пришлось вытаскивать. На пятый день он потерялся и задержал выступление на несколько часов. Во время стычки на триста сороковом километре он вел себя как последний кретин. Солдаты издевались над ним, а Кехада с ним постоянно ссорился. Было. Все было.

И при всем при том довольно скоро получилось так, что Изя сделался самой популярной в экспедиции фигурой, не считая, может быть, полковника. А в известном смысле и более популярной. Во-первых, он находил воду. Геологи много и тщетно искали источники, сверлили скалы, потели, совершали изнурительные переходы во время привалов. Изя просто сидел в волокуше под уродливым самодельным зонтиком и копался в старых бумагах, которых у него набралось уже несколько ящиков. И он четыре раза предсказывал, где искать подземные цистерны. Правда, одна цистерна оказалась пересохшей, а в другой вода порядочно протухла, но дважды экспедиция получила прекрасную воду, благодаря Изе и только Изе. Во-вторых, он нашел склад солянки. И наконец, Изя всех снабжал бумагой. Запасы пипифакса кончились после первого же взрыва желудочных расстройств, и вот тут популярность Изи, единственного хранителя и обладателя бумажных богатств в местах, где не то что лопуха — пучка травы не отыщешь, тут уж популярность Изи достигла наивозможнейшего предела...

Изя кончил разбирать одну пачку бумаг и извлек из-за пазухи вторую.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Анджей. Не потому спросил, что ему действительно было любопытно, а просто захотелось как-то выразить нежность, которую он вдруг испытал сейчас к этому неуклюжему, нелепому, даже неприятному на вид человеку.

Изя не успел ответить — успел только помотать головой. Дверь распахнулась, и в комнату шагнул полковник Сент-Джеймс.

— Разрешите, советник? — произнес он.

— Прошу вас, полковник, — сказал Анджей, поднимаясь. — Добрый вечер.

Изя вскочил и пододвинул полковнику кресло.

— Вы очень любезны, комиссар, — сказал полковник, медленно, в два разделения усаживаясь. Выглядел он, как обычно, — подтянутый, свежий, пахнувший одеколоном и трубочным табаком — только вот щеки его за последнее время совсем ввалились, и необычайно глубоко запали глаза. И ходил он теперь не со своим обычным стеком, а с длинной черной тростью, на которую заметно опирался, когда приходилось стоять.

— Эта безобразная драка под окнами... — сказал полковник. — Я приношу вам извинения, советник, за моего солдата.

— Будем надеяться, что это была последняя драка, — угрюмо сказал Анджей. — Во всяком случае, я больше не намерен этого терпеть.

Полковник рассеянно покивал.

— Солдаты всегда дерутся, — произнес он. — В британской армии это даже поощряется. Боевой дух, здоровая агрессивность и так далее... Но вы, конечно, правы. В таких тяжелых походных условиях это нетерпимо... — Он откинулся в кресле, достал и принялся набивать трубку. — А ведь потенциального противника все не видно, советник, — сказал он юмористически. — Я предвижу в связи с этим большие осложнения для моего бедного генерального штаба. И для господ политиков тоже, если быть откровенным.

— Наоборот! — немедленно вмешался Изя. — Вот теперь-то и начнутся самые славные деньки. Раз нет настоящего противника, значит нужно его придумать! А как показывает мировой опыт, самый страшный противник — это противник придуманный. Уверю вас, это будет жуткое чудовище. Армию придется удвоить.

— Да? — сказал полковник по-прежнему юмористически. — Интересно, кто же его будет придумывать? Уж не вы ли, мой комиссар?

— Нет, — сказал Изя. — Вы. Вы в первую очередь. — Он принялся загибать пальцы. — Во-первых, вам придется...

В дверь стукнули, и, прежде чем Анджей успел ответить, вошли Кехада и Эллизауэр. Кехада был мрачен, Эллизауэр неопределенно улыбался откуда-то из-под самого потолка.

— Прошу садиться, — холодно сказал Анджей. Он постучал костяшками пальцев по столу и сказал Изе: — Изяслав, мы начинаем.

Изя умолкнул на полуслове и повернулся к Анджею лицом, перекинув руку через спинку кресла. Полковник выпрямился и положил ладони на набалдашник трости.

— Ваше слово, Кехада, — сказал Анджей.

Начальник научной части сидел прямо перед ним, широко расставив толстые ноги, а Эллизауэр, как всегда, устроился у Кехады за спиной и сильно ссутулился, чтобы не слишком торчать.

— По геологии ничего нового, — мрачно проговорил Кехада. — По-прежнему глина, песок. Никаких следов воды. Здешний водопровод давно пересох. Может быть, оттого они и покинули эти кварталы... Не знаю. Данные по солнцу, температуре и так далее. — Он достал из нагрудного кармана листок бумаги и перебросил Анджею. — У меня пока все.

Анджей кивнул.

— Транспортная часть? — сказал он.

Эллизауэр сел прямо и стал говорить поверх головы Кехады.

— Сегодня прошли тридцать восемь километров. Двигатель трактора номер второй надо ставить на капитальный ремонт. Очень сожалею, господин советник.

— Так, — сказал Анджей. — Что это значит — капитальный ремонт?

— Два-три дня, — сказал Эллизауэр. — Часть узлов надобно сменить, а другую привести в порядок... Может быть, даже четыре дня. Или пять.

— Или десять, — сказал Анджей. — Дайте рапорт.

— Или десять, — согласился Эллизауэр, все так же неопределенно улыбаясь. Не вставая, он протянул через плечо Кехады свой рапорт.

— Вы это в шутку? — стараясь говорить очень спокойно, спросил Анджей.

— Что именно, господин советник? — Эллизауэр испугался. Или сделал вид, что испугался.

— Три дня или десять дней, господин специалист?!

— Я очень сожалею, господин советник... Я боюсь сказать точно... Мы не в гараже... и потом, мой Пермяк... у него какая-то сыпь, весь день его рвало... А он у меня главный моторист.

— А вы?

— Я сделаю все, что смогу. Другое дело, что в наших условиях... я имею в виду, в полевых условиях...

Некоторое время он еще продолжал бормотать что-то насчет моториста, насчет крана, который не захватили, а ведь он предупреждал... насчет сверлильного станка, которого здесь нет и быть не может, снова насчет моториста и еще что-то там про поршни и пальцы... И с каждой минутой он говорил все тише, все невнятней и наконец замолчал совсем. А Анджей все это время смотрел ему в глаза, и было совершенно ясно, что этот длинный трусливый пройдоха совсем заврался и сам уже понимает это, и понимает, что все это понимают, и пытается вывернуться, но не умеет это сделать, но все равно намерен твердо стоять на своем вранье. Потом Анджей опустил глаза и уставился в его рапорт, в неряшливые строчки, нацарапанные куриным почерком, но ничего не видел и не понимал. Сговорились, гады, думал он с тихим отчаянием. Эти тоже сговорились. Как мне теперь с ними?... Пистолета нет, жалко... Шлепнуть Эллизауэра... или запугать, чтобы обгадился... Кехада — вот кто у них главный... на меня все хочет свалить, всю эту протухшую, провонявшую затею свалить на меня... подонок, толстый боров... Ему хотелось заорать и ударом кулака проломить столешницу.

Молчание становилось нестерпимым. Изя вдруг нервно заерзал и принялся бормотать:

— В чем, собственно, дело? В конце концов, торопиться нам особенно некуда... Сделаем остановку... В зданиях могут быть архивы... Воды здесь, правда, нет, но за водой можно послать вперед группу...

И тут его оборвал Кехада.

— Ерунда, — сказал он резко. — Хватит болтать, господа. Давайте ставить точки над «и». Экспедиция провалилась. Воды мы не нашли. Нефти — тоже. И не могли найти при такой организации георазведки. Несемься как сумасшедшие, людей измотали, транспорт измочалили. Дисциплина в отряде ни к черту... Перспектива давным-давно утеряна, всем на все наплевать. Люди идти дальше не хотят, они не знают, зачем нужно идти, и нам нечего им сказать. Космографические исходные данные оказались никуда не годными: готовились к полярным холодам, а заехали в Сахару. Личный состав экспедиции подобран плохо, с бору по сосенке. Медицинское обеспечение отвратительное. В результате мы получили то, что и должны были получить: падение морального духа, развал дисциплины, скрытое неповиновение — и не сегодня-завтра будет бунт. Все.

Кехада замолчал, вытащил портсигар и закурил.

— Что вы, собственно, предлагаете, господин Кехада? — проговорил Анджей спертым голосом. Ненавистное лицо с толстыми усами плавало перед ним в паутине каких-то неопределенных нитей. Очень хотелось влечь. Лампой.

— По-моему, это тривиально, — произнес Кехада с пренебрежением. — Надо поворачивать оглобли. И немедленно. Пока целы.

Спокойствие, твердил про себя Анджей. Сейчас — только спокойствие. Как можно меньше слов. Не спорить ни в коем случае. Ах, до чего же хочется влечь!..

— Действительно, — подал голос Эллизауэр. — До каких же пор можно идти? Мои люди меня спрашивают: что же это получается, господин инженер? Договорились идти,

пока солнце не сядет на горизонт. Так оно наоборот — поднимается. Тогда договорились, что пока оно не поднимется в зенит. Опять же — не поднимается, до зенита не доходит, а скачет вверх и вниз...

— Ну, а вы что? — спросил вдруг Изя Эллизауэра.

— Что — я?

— Они вас спрашивают, так? А что вы им отвечаете?

Эллизауэр пожал плечами и подвигал реденькими бровями.

— Даже странно... — пробормотал он. — А что я могу им ответить?.. Вот я и хотел бы знать, что я должен им отвечать?.. А так, откуда мне знать...

— Значит, вы им ничего не отвечаете?

— Да что я могу ответить? Что? Отвечаю, что начальству виднее...

— Ну и ответ! — сказал Изя, тараща глаза. — Такими ответами целую армию разложить можно, не то что несчастных водителей... Вы сами-то понимаете, зачем мы идем? Вы же доброволец, вас никто не принуждал!

— Слушайте, Шереметьев... — попытался прервать его Кехада. — Давайте говорить о деле!

Изя даже не взглянул на него.

— Вы знали, что будет трудно? Знали. Знали, что не за пряниками идем? Знали. Знали, что Городу нужна экспедиция? Знали — вы образованный человек, инженер. Знали приказ: идти, пока хватит горючего и воды? Прекрасно знали!

— Да я ведь не возражаю... — торопливо заговорил вконец перепуганный Эллизауэр. — Я же только вам объясняю, что мои объяснения... то есть что мне не ясно, как им отвечать, потому что меня ведь спрашивают...

— Да перестаньте вы вилять, Эллизауэр! — сказал Изя решительно. — Все предельно ясно: дальше идти боитесь, ведете моральный саботаж, разложили подчиненных, а теперь прибежали сюда жаловаться...

— И вообще я не понимаю, из-за чего паника, — продолжал Изя. — Геология подвела? Да господь с ней, с геологией, обойдемся и без геологии. Без космографии тем более обойдемся. Наше дело — разведка, сбор информации. Я лично считаю, что экспедиция уже сейчас сделала многое, а может сделать еще больше. Трактор поломался? Не страшно. Пусть его здесь ремонтируют, два дня или десять, я не знаю, оставим здесь самых усталых и больных, а на втором тракторе потихонечку двинемся дальше. Воду найдем — остановимся, подождем оставшихся. Все очень просто.

— Да, конечно, куда уж проще, — желчно сказал Кехада. — А пулю в спину не хотите, Шереметьев? Или в лоб? Вы слишком увлеклись своими архивами. Солдаты дальше не пойдут, я это знаю, я слышал, как они договаривались...

Эллизауэр вдруг воздвигся у него за спиной и, бормоча невнятные извинения, держась за живот, кинулся вон из комнаты.

Кехада будто ничего не заметил.

— Из своих геологов я могу положиться только на одного человека, — продолжал он. — На солдат и водителей вообще полагаться нельзя. Они не хотят идти, потому что чувствуют себя обманутыми. Потому что они ничего не получили от этого похода и уже не надеются получить. Эта прекрасная легенда насчет Хрустального дворца, которую так находчиво придумал господин Шереметьев, действовать перестала.

— Я ничего не придумывал! — сказал Изя с негодованием. — Какого черта!

Кехада отмахнулся от него.

— Ладно, ладно, теперь это уже не имеет значения. Теперь уже всем ясно, что никакого дворца не будет, так что и говорить здесь не о чем. Вы же прекрасно знаете, господа, что три четверти людей шли в этот поход за добычей. И попрошу учесть, что солдаты не только разочарованы. Они еще и напуганы. Скажем спасибо господину Шереметьеву. Скажем спасибо господину Паку, которому мы так любезно предложили стол и дом в экспедиции. Стараниями этих господ люди чрезмерно много узнали о том,

что нам предстоит, если мы двинемся дальше. Люди боятся тринадцатого дня. Люди боятся говорящих волков... Мало нам было акульих волков, нам пообещали говорящих... Люди боятся железноголовых... В сочетании с тем, что они уже повидали — все эти немые с вырезанными языками, заброшенные концлагеря, одичавшие кретины, которые молятся источникам, и хорошо вооруженные кретины, которые ни с того ни с сего стреляют из-за угла... В сочетании с тем, что они увидели за сегодняшний день здесь, в этих домах... Очень прелестное и внушительное получается сочетание. И если вчера солдат боялся сержанта Фогеля больше, чем всей этой нечисти, то сегодня ему на Фогеля уже наплевать...

Кехада замолк, отдуваясь, и вытер пот.

— У меня создается впечатление, — сказал вдруг полковник, иронически подняв одну бровь, — что вы и сами основательно напуганы, господин Кехада.

Кехада скосил на него красный глаз.

— За меня не беспокойтесь, полковник, — проворчал он. — Если я чего и боюсь, так это пули между лопаток. Ни за что ни про что. От людей, которым я, между прочим, сочувствую.

— Вот как? — заметил полковник. — Ну что ж... Я не берусь судить о важности настоящей экспедиции и не берусь указывать начальнику экспедиции, как ему следует поступать. Мое дело — выполнять приказания. Могу только сказать, что все эти рассуждения насчет бунта и неповиновения представляются мне праздной болтовней. Предоставьте моих солдат мне, господин Кехада. Если угодно, можете предоставить мне и тех ваших геологов, которым вы не доверяете. Я ими с удовольствием займусь... Должен обратить ваше внимание, советник, — продолжал он, поворачиваясь к Анджею, — что сегодня здесь слишком много говорят о солдатах, причем говорят почему-то как раз те лица, которые к солдатам никакого официального отношения не имеют...

— О солдатах говорят лица, — зло прервал его Кехада, — которые круглосуточно работают, едят и спят рядом с ними.

В возникшей тишине послышался легкий скрип кожаного кресла: полковник сел очень прямо. Некоторое время он молчал. Тихонько приоткрылась дверь, Эллизауэр с постной улыбкой, слегка кланяясь на ходу, прокрался к своему месту.

Ну, торопил Анджей, во все глаза глядя на полковника. Ну! Врежь ему! По усам! По роже ему, по роже!..

Полковник наконец заговорил:

— Должен также обратить ваше внимание, советник, что среди некоторой части командного состава обнаружилось сегодня явное сочувствие и, похоже, потворство вполне понятным, обычным, но совершенно нежелательным настроениям среди нижних чинов армии. Как старший офицер, я имею заявить следующее. В том случае, если упомянутые потворство и сочувствие примут какие-либо практические формы, я буду поступать с потворствующими и сочувствующими, как полагается поступать с таковыми в полевых условиях. В остальном, господин советник, имею честь заверить вас, что армия будет продолжать выполнять любые ваши распоряжения.

Анджей тихонько перевел дух и с удовольствием посмотрел на Кехаду. Кехада, криво улыбаясь, прикуривал новую сигарету от окурка старой.

— А как, собственно, поступают с потворствующими в полевых условиях? — с огромным любопытством осведомился Изя, который тоже был очень доволен.

— Их вешают, — ответил полковник.

Снова наступила тишина. Вот так-то, подумал Анджей. Вам все ясно, господин Кехада? Или, может быть, у вас есть какие-нибудь вопросы? Нет у вас никаких вопросов. Куда там. И все равно я ничего не понимаю, подумал он. Откуда у него такая уверенность? Может быть, это только маска, полковник? Я ведь тоже выгляжу сейчас очень уверенно. Во всяком случае, должен бы выглядеть...

Он посмотрел на полковника. Тот сидел по-прежнему очень прямо, сжав в зубах погасшую трубку, и был очень бледен. Может быть, от злости. Будем надеяться, что всего лишь от злости... К черту, к черту, панически подумал Анджей. Большой привал. Немедленно. И пусть Изя достанет мне воду. Много воды. Для полковника. Для одного полковника. И прямо с сегодняшней же ночи полковнику двойную порцию воды...

Эллизауэр вынырнул из-за толстого плеча Кехады и жалобно проскрипел:

— Разрешите... Мне необходимо...

— Сядьте, — сказал ему Анджей. — Сейчас заканчиваем. Приказ на завтра. Объявляется большой привал. Эллизауэр. Все силы на неисправный трактор. Даю вам три дня срока. Кехада, завтра весь день занимайтесь больными. Будьте готовы послезавтра выступить со мной в глубокую разведку. Шереметьев, вы поедете с нами. Воду мне, воду, Шереметьев! — Он постучал пальцем по столу. — Полковник, завтра приказываю вам отдыхать. Послезавтра примете командование лагерем. Все, господа. Свободны.

II

Анджей посветил под ноги. На разошедшемся паркете среди заскорузлых лохмотьев белели кости, скалился череп, облепленный пучками волос. Ну ясно, заглянули, но испугались. Он пошел по коридору. Гостиная. Что-то вроде спальни... Картины. Он огляделся.

Немой был тут как тут — стоял, прислонясь плечом к какому-то полированному бесконечной высоты шкафу, засунув большие белые ладони под широкий ремень.

— Сторожишь? — рассеянно-добродушно сказал ему Анджей. — Сторожи, сторожи, а то вот саданут меня чем-нибудь из-за угла, что будешь делать?..

Он поймал себя на том, что взял привычку разговаривать с этим странным человеком, как с огромной собакой, и замолчал. Похлопал Немого по голому плечу и пошел дальше по квартире, светя фонариком направо и налево, а позади, не приближаясь и не отставая, слышались мягкие шаги Немого.

Эта квартира была еще роскошнее. Множество комнат, набитых мебелью, люстры, почерневшие картины в музейных рамах. Но мебель была вся поломана — ручки у кресел отодраны, стулья валялись без ножек и без спинок, у шкафов были оторваны дверцы. Топили они мебелью, что ли... При такой-то жаре... Странно.

Дом вообще был, прямо скажем, странноватый. Солдат можно было понять. Некоторые квартиры стояли нараспашку, там было просто пусто, совсем ничего, голые стены. А некоторые — были заперты изнутри, иногда даже забаррикадированы мебелью, и когда удавалось вломиться внутрь, то оказывалось, что там валяются на полу человеческие кости. То же самое было и в домах по соседству, и можно было предполагать, что то же обнаружится и в остальных домах этого квартала.

Все это было ни с чем не сообразно, и даже Изя Шереметьев не сумел придумать вразумительного объяснения, почему одни жильцы этих домов бежали, захватив с собой все, что можно было унести, а другие забаррикадировались в своих жилищах, чтобы умереть, по-видимому, от голода и жажды, а может быть, и от холода — в некоторых квартирах обнаружили жалкие подобию железных печурок, а кое-кто разводил огонь и прямо на полу или на листах ржавого железа, оторванных, скорее всего, с крыши.

— Ты понимаешь, что здесь произошло? — спросил Анджей Немого.

Тот медленно покачал головой.

— Ты был здесь когда-нибудь раньше?

Немой кивнул.

— Тогда здесь жили?

«Нет», — покачал головой Немой.

— Понятно... — пробормотал Анджей, пытаясь разобрать, что изображено на почерневшей картине. Кажется, что-то вроде портрета. Женщина какая-то.

— Это опасное место? — спросил он.

Немой глядел на него неподвижными глазами.

— Понимаешь вопрос?

«Да».

— Можешь ответить?

«Нет».

— И на том спасибо, — сказал Анджей задумчиво. — Ладно, пошли.

Они вернулись на второй этаж. Немой остался в своем углу, а Анджей прошел к себе. Кореец Пак уже ждал его — беседовал о чем-то с Изей. Когда Анджей вошел, он замолчал и поднялся.

— Садитесь, Пак, — сказал Анджей и сел сам.

Пак, чуточку помедлив, неторопливо опустился на сиденье стула и положил руки на колени. Желтоватое лицо его было спокойно, сонные глаза влажно поблескивали сквозь щелочки между припухшими веками. Анджею он всегда нравился — чем-то напоминал Канэко, а может быть, просто потому, что был всегда опрятен, благожелателен, со всеми дружелюбен, но без фамильярности, немногословен, но вежлив и приветлив — всегда немного сам по себе, всегда на некотором неуловимом расстоянии. А может быть, потому, что именно Пак прекратил эту нелепую стычку на триста сороковом километре, когда в самый разгар пальбы вышел из развалин и, подняв руку раскрытой ладонью, спокойно двинулся навстречу выстрелам.

— Вас не разбудили, Пак? — спросил Анджей.

— Нет, я еще не ложился, господин советник.

— Желудок мучает?

— Не больше, чем других.

— Вероятно, и не меньше, — сказал Анджей. — А как у вас с ногами?

— Лучше, чем у других.

— Это хорошо, — сказал Анджей. — А как вообще самочувствие? Сильно устали?

— У меня все в порядке, благодарю вас, господин советник.

— Это хорошо, — повторил Анджей. — У меня к вам вот какое дело, Пак. Завтра объявлен большой привал. Но уже послезавтра я намерен с особой группой совершить небольшую рекогносцировку. Километров на семьдесят вперед. Нам надо найти воду, Пак. Идти будем налегке, но быстро.

— Понимаю, — сказал Пак. — Прошу разрешения присоединиться.

— Спасибо, Пак. Выходим послезавтра, прямо в шесть утра. Сухой паек и воду получите у сержанта. Договорились? Теперь вот что... Как вы полагаете, сумеем мы найти здесь воду?

— Думаю, да, — сказал Пак. — Я слышал кое-что об этих кварталах. Где-то здесь должен быть источник. Когда-то это был очень обильный источник. Потом он, вероятно, оскудел. Но на наш отряд, возможно, хватит...

— А может быть, он вообще пересох?

Пак покачал головой.

— Я никогда не слыхал об источниках, которые пересыхают совсем. Выход воды может уменьшиться, сильно уменьшиться, но совсем источники, видимо, не пересыхают.

— В документах я пока не нашел ничего, — сказал Изя. — Вода в город подавалась по акведуку, а теперь этот акведук сух, как я не знаю что...

Пак промолчал.

— А что вы еще слыхали об этих кварталах? — спросил Анджей.

— Разные страшные вещи, — сказал Пак. — Часть — явная выдумка. Что касается остального... — Он снова замолчал.

— Ну, например? — сказал Анджей благодушно.

— Собственно, многое я уже рассказывал вам раньше, господин советник. Где-то неподалеку находится, по слухам, город железноголовых, но кто такие эти

железноголовые, я не сумел понять. Кровавый водопад... но это еще очень далеко. Вероятно, речь идет о потоке, размывающем какую-то породу красного цвета. Воды, во всяком случае, там будет много... Есть слухи о говорящих животных — это уже на грани вероятного. А о том, что за этой гранью, не имеет, видимо, смысла говорить. Впрочем, Эксперимент есть Эксперимент...

— Вам, наверное, очень надоели эти расспросы, — сказал Анджей, улыбаясь. — Воображаю, как вам надоело повторять всем одно и то же... Но вы уж нас извините. Среди нас — вы самый осведомленный.

Пак снова покачал головой.

— К сожалению, цена моей осведомленности невелика, — сказал он. — Большинство слухов не подтверждается. И наоборот, встречается много такого, о чем я никогда ничего не слышал... Я отвечаю на вопросы только тогда, когда разговариваю с кем-нибудь из командного состава. Я считаю неправильным, что солдаты и прочие рядовые работники экспедиции в курсе всех этих слухов. Скверно для морали.

— Согласен с вами, — сказал Анджей. — Я, во всяком случае, предпочел бы, чтобы было побольше слухов насчет винных рек с берегами из жаркого.

— Да, — сказал Пак. — Поэтому, когда меня спрашивают солдаты, я стараюсь уклониться от неприятных тем и муссирую главным образом легенду о Хрустальном дворце. Правда, в последнее время они больше не желают слушать об этом. Все очень боятся и хотят домой.

— И вы? — спросил Анджей.

— У меня нет дома, — спокойно ответил Пак. Лицо у него было непроницаемое, глаза сделались совсем сонные.

— Н-да... — Анджей побарабанил пальцами по столу. — Ну что же, спасибо, Пак. Идите отдыхайте. Спокойной ночи.

Он проводил глазами спину, обтянутую выцветшей голубой саржей, подождал, пока дверь закроется, и сказал:

— Хотел бы я все-таки понять, зачем он увязался с нами?

— То есть как — зачем? — встрепенулся Изя. — Сами они разведку организовать не могли, вот и попросились к тебе...

— А зачем им, собственно, разведка?

— Ну, дорогой, не всем царство Гейгера по вкусу, как тебе. Раньше они не хотели жить под господином мэром — помнишь господина мэра? А теперь они не хотят жить под господином президентом. Они хотят жить сами по себе, понимаешь?

— Понимаю, — сказал Анджей. — Но, по-моему, никто не собирается мешать им жить самим по себе.

— Это по-твоему, — сказал Изя. — Ты ведь не президент.

Анджей залез в железный ящик, достал плоскую флягу со спиртом, побрызгал на руки и потер ладонь о ладонь.

— До чего же осточертела грязь, — произнес он с отвращением, — ты представить себе не можешь.

— Да, грязь — это не сахар... — сказал Изя рассеянно. — Не тетка родная... Слушай, почему ты снова и снова возвращаешься к этому? Чем тебе не нравится Пак? Я его знаю давно, чуть ли не с первого моего дня здесь. Он честнейший, культурнейший человек. Что ты к нему все время пристаешь? Только твоей зоологической ненавистью к интеллигенции можно объяснить эти бесконечные иезуитские допросы. Если тебе так уж позарез надо узнать, кто распространяет слухи, осведомителей своих допрашивай, а Пак здесь ни при чем...

— У меня нет осведомителей, — холодно сказал Анджей.

Они помолчали. Потом Анджей сказал:

— Хочешь — честно?

— Ну? — жадно сказал Изя.

— Так вот, мой милый. У меня в последнее время появилось ощущение, что кто-то очень хочет нашу экспедицию прикрыть. Совсем, понимаешь? Не то, чтобы мы повернули оглобли и пошли домой, а прикончить нас. Уничтожить. Чтобы мы пропали без вести, понимаешь?

— Н-ну, брат... — сказал Изя. Пальцы его со скрипом копались в бороде, отыскивая бородавку.

— Да-да! И я все пытаюсь понять, кому это может быть выгодно, и никак не могу понять.

— Погоди... Ты сначала скажи, откуда у тебя это ощущение? Потому что, если насчет повернуть домой, так тут никаких ощущений не надо. Это просто факт. Все хотят повернуть домой. Кроме тебя, меня, Пака, ну и еще полковника, которому наплевать... Но откуда ты взял, что нас хотят уничтожить?

— Не знаю, — сказал Анджей. — Ощущение... — Он помолчал. — Во всяком случае, я правильно решил взять Пака с собой. Нечего ему тут без меня в лагере делать...

— Да он-то здесь при чем? — гаркнул Изя. — Ну, уничтожит он нас, а потом что? Пешком семьсот километров?

— Откуда я знаю? — сказал Анджей. — Может, он умеет водить трактор... Я, знаешь ли, уже совсем ничего не понимаю. Кто этот Немой? Почему он ходит за мной, как собака? Даже в сортир... — Он оживился. — Кстати, оказывается, он уже бывал в этих кварталах!

— Ха! — сказал Изя. — Открытие сделал! Они, эти безъязыкие, все через эти районы прошли. Это я давно понял. Да что толку?

— Может, им здесь и вырезали языки? — сказал Анджей.

Изя посмотрел на него.

— Слушай, давай выпьем, — сказал он.

— Разбавлять нечем, — сказал Анджей и поднялся. — Ладно, я пойду погляжу, как и что. — Он похлопал себя по пустой кобуре. — У тебя пистолет есть?

— Есть где-то, — сказал Изя. — А что?

— Ладно, так пойду, — сказал Анджей.

Вытаскивая на ходу фонарик, он вышел в коридор. Немой поднялся ему навстречу. Справа, в глубине коридора за приоткрытой дверью слышались негромкие голоса. Анджей приостановился.

— ...В Каире, Даган, в Каире! — внушительно вещал полковник. — Теперь я вижу, что вы все забыли, Даган. Двадцать первый полк йоркширских стрелков, и командовал им тогда старина Билл, пятый баронет Стрэтфорд.

— Я прошу извинения, господин полковник, — возражал Даган почтительно, — но мы можем прибегнуть к дневникам господина полковника...

— Не надо никаких дневников, Даган. Занимайтесь своим пистолетом. Вы мне еще обещали почитать на ночь...

Анджей вышел на лестничную площадку и, как на телеграфный столб, налетел на Эллизауэра. Эллизауэр курил, прислонясь задом к железным перилам.

— Последняя перед сном? — сказал Анджей.

— Да, господин советник, сейчас лягу.

— Ложитесь, ложитесь, — сказал Анджей, проходя. — Больше спишь — меньше грешешь.

Эллизауэр почтительно хихикнул ему вслед. Верста коломенская, подумал Анджей. Попробуй мне только в три дня не управиться — самого в волокушу запрягу...

Нижние чины располагались на нижнем этаже. Разговоров здесь слышно не было — все или почти все, видимо, уже спали. Сквозь распахнутые — для сквозняка — двери квартир, выходящих в вестибюль, доносился разноголосый храп, сонное чмоканье, бормотание, хриплый прокуренный кашель. Анджей заглянул в квартиру налево. Здесь расположились армейцы, из маленькой комнатухи без окон виднелся свет. Сержант

Фогель в одних трусах и фуражке, сдвинутой на затылок, сидел за столиком и прилежно заполнял какую-то ведомость. В армии был порядок: дверь комнатухи была настежь, так что никто не мог бы войти или выйти незамеченным. На звук шагов сержант поднял голову и всмотрелся, прикрывая лицо от света лампы.

— Это я, сержант, — сказал Анджей негромко и вошел.

Сержант мигом поставил ему стул. Анджей сел и огляделся. Так, в армии порядок. Все три бидона с расходной водой здесь. Ящик с консервами и галетами для завтрака тоже уже здесь. И ящик с сигаретами. Прекрасно вычищенный пистолет сержанта лежал на столе. Дух в комнатухе стоял тяжелый, мужской, походно-полевой. Анджей заложил руку за спинку стула.

— Что на завтрак, сержант? — спросил он.

— Как обычно, господин советник, — сказал сержант, удивившись.

— Давайте придумаем что-нибудь не как обычно, — сказал Анджей. — Кашу, что ли, рисовую с сахаром... Консервированные фрукты остались?

— Можно рисовую кашу с черносливом, — предложил сержант.

— Давайте с черносливом... Воды выдадите утром двойную порцию. И по полплитки шоколаду. Шоколад остался?

— Есть еще немного, — сказал сержант неохотно.

— Вот и выдайте. Сигареты что — последний ящик?

— Точно так.

— Ну, ничего не поделаешь. Завтра как обычно, а с послезавтрашнего дня сокращайте норму. Да, и вот еще что. Полковнику с сегодняшнего дня и впредь — двойную порцию воды.

— Осмелюсь доложить... — начал было сержант.

— Знаю, — прервал его Анджей. — Скажете, что это мой приказ.

— Слушаюсь. Угодно господину советнику проверить караулы?

— Нет, — сказал Анджей, поднимаясь.

— Прикажете сопровождать?

— Нет. Останьтесь.

Анджей снова вышел в вестибюль. Здесь было так же жарко, но воняло поменьше. Рядом бесшумно вырос Немой.

— Ну что, — сказал ему Анджей негромко. — Посмотрим, как гражданские устроились?

Он пересек вестибюль и вошел в дверь квартиры напротив. Походно-полевой дух стоял и здесь, но армейского порядка уже не было. В коридоре пригашенная лампа тускло освещала сваленные кое-как приборы в брезентовых чехлах вперемежку с оружием, чей-то рюкзак с развороченными внутренностями, брошенные у стены манерки и кружки. Взяв лампу, Анджей шагнул в ближайшую комнату, и сейчас же ему под ноги попался чей-то ботинок.

Здесь спали водители — голые, потные, расprostертые на мятом брезенте. Даже простыни не расстелили... Впрочем, простыни были, вероятно, грязнее всякого брезента. Один из водителей вдруг сел, зверски поскреб плечи, произнес невнятно: «На охоту идем, а не в баню, на охоту, понял? Вода желтая... под снегом, понял?» — и снова повалился на бок. Анджей убедился, что все четверо на месте, и прошел к следующей комнате.

Здесь уже обитала интеллигенция. Спали на раскладушках, застелив их серыми простынями, спали тоже беспокойно, с нездоровым храпом, постанывали, скрипели зубами. Двое картографов в одной комнате, двое геологов — в соседней.

Анджей вернулся в комнату водителей, поднял лампу над головой и показал Немому на Пермяка. Немой, бесшумно скользнув между телами, нагнулся над Пермяком и взял его обеими ладонями за уши. Потом он выпрямился. Пермяк уже сидел, упираясь одной рукой в пол, а другой отирая набежавшую во сне слюнку. Поймав его взгляд, Анджей мотнул головой в сторону коридора, и Пермяк сразу поднялся. Они прошли в пустую

комнату в глубине квартиры, Немой закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Анджей посмотрел, где сесть, и сел прямо на пол. Пермяк опустился перед ним на корточки.

— Пить хочешь? — спросил Анджей вполголоса.

Пермяк кивнул. На лице его появилась знакомая блудливая улыбочка. Анджей извлек из заднего кармана плоскую флягу, где на донышке плескалась вода, и протянул ему. Он смотрел, как Пермяк пьет — маленькими скупыми глотками, шумно дыша через нос, двигая щетинистым кадыком. Вода сразу же испариной выступала у него на теле.

— Тепленькая... — сипло сказал Пермяк, возвращая фляжку. — Холодной бы... из-под... Эх!

— Что там у вас с двигателем? — спросил Анджей, засовывая флягу в карман.

Пермяк снова вытер рот тыльной стороной ладони.

— Дерьмо двигатель, — сказал он. — Его вторым у нас делали, не поспедали к сроку... Чудо еще, что до сего дня продержался.

— Но починить можно?

— Можно. Денька два-три потыркаемся — починим. Только ненадолго. Еще километров двести, и опять все сначала. Дерьмо двигатель.

— Понятно, — сказал Анджей. — Ты не заметил, кореец Пак около солдат не вертится?

Пермяк досадливо отмахнулся от этого вопроса. Он сел рядом с Анджеем и проговорил ему в самое ухо:

— Нынче на обеденном привале солдаты договорились дальше не идти.

— Это я знаю, — сказал Анджей, стиснув зубы. — Кто у них верховодит?

— Не могу разобрать, начальник, — свистящим шепотом ответил Пермяк. — Болтает больше всех Тевосян, но ведь он трепло, его никто бы не послушал... А кто настоящий заводила — не пойму.

— Хнойпек?

— А хрен его знает. Может, и он. Человек в авторитете... Водители, вроде бы, тоже за, то есть чтобы дальше не идти. От Эллизауэра толку никакого, он только хихикает да всем старается угодить... боится, значит. А я что могу? Я только подзуживаю, что на солдат полагаться нельзя, что они нашего брата-водителя ненавидят. Мы едем — они идут. Им паек солдатский — а нам, как господам ученым... За что им, мол, нас любить? Раньше действовало, а теперь плохо действует. Главное, что Тринадцатый день послезавтра...

— А ученые? — прервал его Анджей.

— Не могу сказать. Ругаются страшными словами. А вот за кого они — не понять. А Кехада, знаете, что говорил? Что полковник долго не протянет.

— Кому говорил?

— Я так полагаю, что он это всем говорит. Но сам я слышал, как он это своим геологам объяснял — чтобы они с оружием не расставались. На этот случай. Сигаретки нет, начальник?

— Нет, — сказал Анджей. — А как сержант держится?

— К сержанту не подступишься. С ним — где залезешь, там и слезешь. Камешек. Убьют они его первого. Очень ненавидят.

— Ладно, — сказал Анджей. — А как все-таки насчет корейца? Агитирует он солдат или нет?

— Не видел. Он всегда особняком держится. Ежели хотите, я, конечно, за ним специально присмотрю, но, по-моему, это пустой номер.

— Ну, вот что, — сказал Анджей. — С завтрашнего дня большой привал. Работы, в общем, никакой. Только на тракторе. Солдаты же вообще будут просто валяться и болтать. Ты вот что, Пермяк. Ты мне выясни, кто у них главный. Это у тебя будет дело номер один. Придумай что-нибудь, тебе виднее, как это сделать...

Он поднялся. Пермяк тоже вскочил.

— Надо что-нибудь?

— Да нет, лучше не стоит. Курева бы...

— Ладно. Трактор почините — премию выдам. Иди.

Пермяк выскользнул за дверь мимо посторонившегося Немого, а Анджей подошел к окну и оперся на подоконник, выжидая обычные пять минут. В отсветах подвижной фары грузно чернели остовы волокуш и другого трактора, блестели остатки стекол в черных окнах дома напротив. Справа невидимый во тьме часовой, позвякивая подковками, бродил взад-вперед поперек улицы и тихонько насвистывал унылое. Ничего, подумал Анджей. Выкарабкаемся. Заводилу бы найти... Он представил себе снова, как по его приказу сержант выстраивает солдат без оружия в одну шеренгу и как он, Анджей, начальник экспедиции, с пистолетом в опущенной руке, медленно идет вдоль этой шеренги, вглядываясь в окаменевшие заросшие лица, как он останавливается перед отвратной рыжей харей Хнойпека и стреляет ему в живот — раз и второй раз... Без суда и следствия. Так будет с каждым мерзавцем и трусом, который... А кореец Пак, видимо, действительно ни при чем, подумал он. И на том спасибо. Ладно. Завтра еще ничего не случится. Еще дня три ничего не случится, а за три дня можно много чего придумать... Можно, например, хороший источник найти, километрах в ста впереди. К воде, небось, поскочут, как лошади... Ну и духотища же все-таки здесь... Вообще время всегда работает на начальство против бунтовщиков. Вот они вчера сговорились, что завтра дальше не пойдут. А мы им — большой привал. Идти завтра, оказывается, никуда и не надо. А тут еще каша с черносливом, чаю вторая кружка... Вот так-то, господин Хнойпек. А до тебя я все-таки доберусь... Спать охота. Пить охота. Ну, про питье ты, положим, забудь, а вот спать надо. Завтра чуть свет... Провалился бы ты, Фриц Гейгер, со всей экспансией. Тоже мне, император всея дерьма...

— Пойдем, — сказал он Немому.

Изя все еще листал свои бумажки. Теперь он взял себе новую дурную привычку — кусать бороду. Завернет волосню на горсть, сунет в зубы и грызет. Экое чучело, право... Анджей подошел к своей раскладушке и принялся застилать простыню. Простыня липла к рукам, как клеенка. Изя сказал вдруг, повернувшись к нему всем телом:

— Так вот. Жили они здесь под управлением Самого Доброго и Простого. Все с большой буквы, заметь. Жили хорошо, всего было вдоволь. Потом стал меняться климат, наступило резкое похолодание. А потом еще что-то произошло, и они все погибли. Я тут нашел дневник. Хозяин помер от голода, забаррикадировавшись в квартире. Вернее, он повесился, но повесился от голода — сошел с ума... Началось с того, что на улице появилась какая-то рябь...

— Что появилось? — спросил Анджей, переставая стаскивать ботинок.

— Какая-то рябь появилась. Рябь! Тот, кто попадал в эту рябь, исчезал. Иногда успевал заорать, иногда даже не успевал — растворялся в воздухе, и все.

— Бред какой-то, — проворчал Анджей. — Ну?

— Кто выходил из квартир, те погибали. А кто испугался или догадался, что дело дрянь, те выжили. Первое время по телефону переговаривались, потом стали понемножку вымирать. Жрать-то нечего, на улице мороз, дров не запасли, отопление не работает...

— А рябь куда делась? — спросил Анджей.

— Ничего не пишет. Он, по-моему, к концу с ума сошел. Последняя запись у него такая... — Изя пошелестел бумагами. — Вот, слушай. «Не могу больше. Сегодня утром Добрый и Простой прошел по улице и заглянул ко мне в окно. Эта улыбка. Я больше не могу». И все. А квартира у него, заметь, на пятом этаже. Он, бедняга, петельку к люстре приладил и кончился... А петелька, между прочим, до сих пор висит.

— Да, похоже, он с ума сошел, — сказал Анджей, забираясь в постель. — Это от голода. Слушай, а насчет воды — ничего?

— У меня ничего. Я считаю, нам надо дойти до конца акведука... Ты что — уже спать?

— Да, — сказал Анджей. — Прикрути лампу и выметайся.

— Слушай, — сказал Изя жалобно. — Я хотел еще немножко почитать. У тебя лампа хорошая.

— А твоя где? У тебя такая же.

— Понимаешь, она у меня разбилась. В волокуше. Я на нее ящик поставил. Случайно...

— Кр-ретин, — сказал Анджей. — Ладно. Забирай лампу и уходи.

Изя торопливо зашелестел бумагами, двинул стулом, потом сказал:

— Да, тут тебе Даган пистолет принес. И от полковника что-то передал. На словах. Я забыл.

— Ладно, дай сюда пистолет, — сказал Анджей.

Он сунул пистолет под подушку и повернулся на бок, спиной к Изе.

— А хочешь, я тебе одно письмо почитаю? — вкрадчиво сказал Изя. — У них тут, понимаешь, было что-то вроде полигамии...

— Пошел вон, — спокойно сказал Анджей.

Изя хихикнул. Анджей с закрытыми глазами слушал, как он шуршит, возится, скрипит разохшимся паркетом. Потом скрипнула дверь, и, когда Анджей открыл глаза, было темно.

Рябь какая-то... Да. Ну, тут уж как повезет. Сие от нас не зависит. Думать надо о том, что от нас зависит. Вообще-то, если честно, то мне солдат жалко. Я их прекрасно понимаю. Отправились на веселую прогулку... ну, не на веселую, конечно, знали, что не к теще на блины — предупреждали их, да и сами они не маленькие. Отбирали добровольцев, вызвались авантюристы, сорви-головы, которым скучно в благополучном городе, которые не прочь посмотреть новые места, автоматиком поиграть при случае... надеялись пошарить по развалинам, а вернувшись, набить карманы наградами, нацепить свеженькие лычки, гоголем среди девок походить... А вместо всего этого — понос, однообразие, жуткая чертовщина какая-то. Тут забунтуешь.

А мне? Мне что — легче? Я что — тоже за поносом сюда шел? Мне тоже неохота дальше идти, я тоже впереди ничего хорошего уже не вижу, у меня, черт вас побери, тоже были кое-какие надежды, свой, знаете ли, Хрустальный дворец за горизонтом. Я тоже, может быть, рад бы скомандовать: все, ребята, поворачивай оглобли! Мне тоже надоела грязь, я тоже разочарован, я тоже, черт побери, боюсь... какой-нибудь там ряби вонючей или людей с железными головами. У меня, может быть, тоже все внутри оборвалось, когда я этих безъязыких увидел: вот оно, предупреждение тебе, не ходи, дурак, возвращайся... А волки? Когда я в арьергарде шел, потому что вы все со страху обгадились, думаете, мне сладко было? Выскочит из пыли, отхватит ползадницы, и нет его... Да уж, голубчики, сволочи мои дорогие, не вам одним трудно, у меня тоже от жажды все внутри потрескалось...

Ну хорошо, сказал он себе. А на кой ляд ты тогда идешь? Вот прямо завтра и дай команду... птичкой полетим... через месяц — дома... брошу Гейгеру под ноги все свои полномочия и скажу: ну тебя, брат, к ляду, сам иди, если тебе так приспичило экспансию разводить, если у тебя, понимаешь, в одном месте свербит... Да нет, можно, в конце концов, и без драматических сцен: прошли все-таки больше тысячи километров, карту сделали, архивов добыли десять ящиков — мало, что ли? Ну нет там ничего дальше! Сколько можно идти? Это ведь не Земля, не шар... Ну, нет здесь нефти, и воды нет, и крупных поселений... И Антигорода никакого нет, это же совершенно ясно — никто здесь о нем и слыхом не слыхивал... В общем, оправданий наберется. Оправданий... То-то и оно, что оправданий. Вопрос ведь как стоит? Приказано тебе было идти до конца? До конца. Дальше идти можешь? Могу. Жратва есть, горючее есть, оружие в порядке... люди, конечно, измотались, но все целы, потерь нет... Нет, брат, не сходятся у тебя концы с концами.

Дерьмовый ты начальник, скажет Гейгер. Ошибся я в тебе. А тут ему еще Кехада — в одно ухо, Пермяк — в другое, и Эллизауэр на подхвате. Эту последнюю мысль Анджей постарался поскорее отогнать как недостойную, но было уже поздно. С ужасом он обнаружил, что для него, оказывается, отнюдь не маловажную роль играет его положение господина советника, и что ему крайне неприятно думать о том, что положение это может вдруг измениться... Ну и пусть меняется, подумал он, защищаясь. Что я — с голоду помру без этого положения? Пожалуйста! Пусть господин Кехада садится на мое место, а я сяду на его. Дело от этого пострадает, что ли?.. Господи, подумал он вдруг. Да какое, собственно, дело? Что ты несешь, милый? Ты ведь уже не маленький, чтобы о судьбах мира заботиться. Судьбы мира, знаешь ли, и без тебя обойдутся, и без Гейгера... Каждый должен делать дело на своем посту. На своем. На этом самом. Вот так, господин советник. А какого черта? Почему Гейгер имеет право властвовать над миллионным городом, а я не имею права руководить отделом науки? Что у меня — хуже выходит, чем у него, что ли?..

Ерунда все это — право, право... Право на власть имеет тот, кто имеет власть... кто власть осуществляет. Умеешь подчинять — имеешь право на власть. Не умеешь — извини... И вы у меня пойдете, голубчики! — сказал он спящей экспедиции. Не потому пойдете, что я сам рвусь, как этот павиан бородатый, в неизведанные дали, а потому вы у меня пойдете, что я вам прикажу идти. А прикажу я вам идти, сукины вы дети, разгильдяи, ландскнехты балованные, не из чувства долга перед Городом или, упаси бог, перед Гейгером, а потому что у меня есть власть, и эту власть я должен все время подтверждать, если не хочу оказаться вялым дерьмом и трепачом, — и перед вами, паскудники, подтверждать, и перед собой. И перед Гейгером. Перед вами — потому что иначе вы меня сожжете. Перед Гейгером — потому что иначе он меня выгонит в три шеи и будет прав. А перед собой... Это, знаете ли, королям и всяким там монархам была лафа: власть у них была от бога, без власти ни они себя не представляли, ни их подданные. Да и то зевать не приходилось. А мы — люди маленькие, в бога не верим. Мы должны сами о себе позаботиться. У нас, знаете ли, так: кто смел, тот и съел. Самозванцев нам не надо — командовать буду я. Не ты, не он, не они и не она. Я. Армия меня поддержит...

Во, наколбасил, подумал он с некоторой неловкостью. Он перевернулся на другой бок, а руку для удобства сунул под подушку, где было попрохладнее. Пальцы его наткнулись на пистолет. Это как же вы собираетесь все это осуществлять, господин советник? Это же — стрелять придется. Не в воображении своем стрелять («Рядовой Хнойпек, выйти из строя!..»), а вот так — взять и выпалить живому человеку, может быть, безоружному, может быть, даже ничего не подозревавшему, может быть, и не виноватому в конце концов... да плевать на все это! — ЖИВОМУ человеку — в живот, в мягкое, в кишки... Нет, этого я не умею. Этого я никогда не делал и, ей-богу, не знаю... На триста сороковом километре я, конечно, тоже палил, как и все, со страху, ничего не понимал... но там я никого не видел, и там в меня, черт побери, тоже стреляли... Ладно, подумал он. Ну хорошо — гуманизм там... отсутствие привычки опять же... А если они все-таки не пойдут? Я им прикажу, а они мне ответят: а ну тебя, братец, к ляду, сам иди, если тебе неважно...

А ведь это идея, подумал он. Дать этим разгильдяям немного воды, часть жратвы на обратную дорогу, поломанный трактор пусть чинят. Идите — и без вас обойдемся... Впрочем, он сразу же представил себе лицо полковника при таком предложении. М-да, полковник этого не поймет. Не та порода. Он из этих... из монархов. Ему мысль о неподчинении, по-моему, просто в голову не приходит. И, уж во всяком случае, мучиться этими проблемами он не станет... Военно-аристократическая косточка. Ему хорошо — у него и отец был полковник, и дед был полковник, и прадед был полковник... Вон какую империю отгрохали, то-то народу перебили при этом... Вот он пусть и расстреливает, если что. В конце концов, это его люди, я в его дела вмешиваться не намерен... Ч-черт, надоело мне все это! Интеллигентщина вонючая, развел гнидник под черепушкой. Должны идти — и все! Я выполняю приказ, и вы извольте выполнять. Меня не приласкают, если

нарушу, и вам тоже не поздоровится. И все. Анджей нервно зевнул и повалился боком на койку.

Проснулся он от ужаса, весь мокрый.

— Стой, кто идет? — снова проорал под окном часовой. Голос у него был пронзительный, отчаянный, словно он звал на помощь.

И сейчас же Анджей услышал тяжелые хрусткие удары, как будто мерно ударяли огромной кувалдой по крошащемуся камню.

— Стрелять буду! — завизжал часовой совсем уже нечеловеческим голосом и принялся стрелять.

Анджей не помнил, как оказался у окна. В темноте справа судорожно билось оранжевое пламя выстрелов, в огненных отсветах выше по улице чернело что-то громоздкое, неподвижное, непонятных очертаний, и от него вылетали и рассыпались снопы зеленоватых искр. Анджей ничего не успел понять. Обойма у часового кончилась, на мгновение наступила тишина, потом он там снова дико завизжал, забухал ботинками, как лошадь, и вдруг оказался в круге света под самым окном — влетел, завертелся на месте, размахивая пустым автоматом, затем, не переставая визжать, бросился к трактору, забился в черную тень под гусеницу и все дергал, дергал из-за пояса запасную обойму и никак не мог выдернуть. И тогда снова послышались хрусткие удары кувалды о камень — бумм-бумм-бумм...

Когда Анджей в одной куртке, без штанов, в башмаках с болтающимися шнурками выскочил с пистолетом в руке на улицу, там уже было полно народу. Сержант Фогель ревел быком:

— Тевосян, Хнойпек! Направо! Приготовиться вести огонь! Анастасис! На трактор, за кабину! Наблюдать, приготовиться вести огонь! Живее! Дохлые свиньи! Десильва! Налево! Залечь, вести... Налево, сундук косомордый! Залечь, вести наблюдение! Палотти! Куда, макаронник?!

Он схватил бегущего куда-то без памяти итальянца за шиворот, со страшной силой ударил его сапогом по ногам и швырнул к трактору.

— За кабину, животное! Анастасис! Дайте свет вдоль улицы!

Анджея толкали в спину, в бока. Стиснув зубы, он пытался удержаться на ногах, абсолютно ничего не соображая, борясь с желанием заорать что-то бессмысленное. Он прижался к стене и, выставив перед собой пистолет, затравленно озирался. Почему они все бегут туда? А вдруг те нападут сзади? Или с крыши? Или из дома напротив?..

— Водители! — ревел Фогель. — Водители, на трактора! Кто там стреляет, ублюдки! Прекратить огонь!..

Понемногу в голове у Анджея прояснилось. Дело, оказывается, было вовсе не так плохо. Солдаты залегли, где было приказано, суэта прекратилась, и наконец кто-то на тракторе повернул прожектор и осветил улицу.

— Вон он! — крикнул придушенный голос.

Коротко ударили и сразу же смолкли автоматы. Анджей успел заметить что-то огромное, чуть ли не выше домов, уродливое, с торчащими в разные стороны обрубками и шипами, отбрасывающее вдоль улицы бесконечную тень. Оно свернуло за угол в двух кварталах выше по улице и исчезло. Тяжелые удары кувалды по камням становились все тише и вскоре затихли совсем.

— Что там произошло, сержант? — произнес спокойный голос полковника над головой у Анджея.

Полковник, застегнутый на все пуговицы, упершись руками в подоконник и слегка наклонившись, стоял у окна.

— Часовой поднял тревогу, господин полковник, — отозвался сержант Фогель. — Рядовой Терман.

— Рядовой Терман, ко мне, — сказал полковник.

Солдаты завертели головами.

— Рядовой Терман! — рявкнул сержант. — К полковнику!

В рассеянном свете прожектора было видно, как рядовой Терман лихорадочно выкарабкивается из-под гусеницы. Снова у него, у бедняги, что-то там зацепилось. Он рванулся, встал на ноги и закричал петушиным голосом:

— Рядовой Терман по приказанию господина полковника явился!

— Ну и чучело, — сказал полковник брезгливо. — Застегнитесь.

И в этот момент включилось солнце. Это было так неожиданно, что над лагерем пронеслось многоголосое сдавленное мычание. Многие закрыли глаза ладонями. Анджей зажмурился.

— Почему подняли тревогу, рядовой Терман? — осведомился полковник.

— Посторонний, господин полковник! — выпалил Терман. — Не отзывался. Шел прямо на меня. Земля дрожала. Согласно уставу, окликнул два раза, потом открыл огонь...

— Ну что ж, — сказал полковник. — Хвалю.

В ярком свете все казалось совсем не таким, как пять минут назад. Лагерь был как лагерь — осточертевшие волокуши, грязные бочки с горючим, покрытые пылью трактора. На этом обычном, уже обрыдлом фоне полураздетые вооруженные люди, лежавшие и сидевшие на корточках со своими пулеметами и автоматами, всклокоченные, с помятыми лицами и растрепанными бородами, казались нелепыми и смешными. Анджей вспомнил, что у него тоже болтаются шнурки и что сам он тоже без штанов, и осторожно попятился к дверям, но в дверях толпились водители, картографы и геологи.

— Осмелюсь доложить, — говорил приободрившийся Терман. — Это был не человек...

— А что же это было?

Терман медлил с ответом.

— Похоже на слона, господин полковник, — авторитетно сказал Фогель. — Или же — на допотопное чудовище.

— На стегозавра, — подал голос Тевосян.

Полковник обратил на него взгляд и несколько секунд с любопытством его рассматривал.

— Сержант, — сказал он. — Почему ваши люди раскрывают рот без разрешения?

Кто-то злорадно хихикнул.

— Р-разговорчики! — страшным шепотом произнес сержант. — Разрешите наказать, господин полковник?

— Полагаю... — начал полковник, и тут его прервали.

— Ва-ва-ва-ва... — тихонько, а потом все громче завыл кто-то, и Анджей заметался взглядом по лагерю, ища, кто это воет и почему.

Все завертели головами, а потом Анджей увидел: Анастасис, стоя позади кабины трактора, тычет рукой куда-то вперед и не может выговорить ни слова. Анджей поглядел туда и ничего не увидел. Улица была пуста, в дальнем конце ее уже дрожало жаркое море. Потом сержант вдруг гулко прочистил горло и надвинул фуражку на лоб, кто-то тихо, с отчаянием, выругался, а Анджей все еще не понимал, и только когда незнакомый голос у него над ухом прохрипел: «Господи, твоя воля!..» — Анджей наконец понял. У него волосы зашевелились на затылке и ослабели ноги.

Статуи на углу не было. Огромный железный человек с жабым лицом и пафосно растопыренными руками исчез.

III

— Так я пошел, полковник, — сказал Анджей, поднимаясь.

Полковник тоже поднялся и тяжело оперся на трость. Сегодня он был еще бледнее и казался совершенным стариком. Даже от выправки его, можно сказать, ничего не осталось.

— Счастливого пути, советник, — проговорил он. Выцветшие глазки его глядели почти виновато. — Черт возьми, в сущности, командирская рекогносцировка — это ведь мое дело...

Анджей взял со стола автомат и закинул ремень на плечо.

— Не знаю, не знаю... — сказал он. — У меня, например, такое ощущение, будто я удираю, бросивши все на вас... А вы больны, полковник.

— Да, представьте себе, сегодня... — полковник оборвал себя. — Я рассчитываю, что вы вернетесь до ночи.

— Я вернусь раньше, — сказал Анджей. — Эту вылазку я рассматриваю не как рекогносцировку. Я хочу показать этим трусливым свиньям, что ничего страшного впереди нет. Подумаешь, ходячие статуи... — Он спохватился. — Я не имел в виду упрекнуть ваших солдат, полковник...

— Пустяки. — Полковник слабо махнул тощей рукой. — Вы совершенно правы. Солдаты всегда трусливы. Я ни разу в жизни не видел храбрых солдат. Да и с какой стати им быть храбрыми?

— Ну, — улыбнулся Анджей, — если бы впереди нас ожидали всего-навсего танки противника...

— Танки! — сказал полковник. — Танки — другое дело. Но вот я помню случай, когда рота парашютистов отказалась вступить в деревню, где жил известный всей округе колдун.

Анджей засмеялся и протянул полковнику руку.

— До встречи, — сказал он.

— Минуточку, — сказал полковник. — Даган!

В комнате возник Даган с флягой, оплетенной серебряной сеткой. На столе появился серебряный подносик, а на подносике — серебряные же стопочки.

— Прошу вас, — сказал полковник.

Они выпили и обменялись рукопожатием.

— До встречи, — повторил Анджей.

Он спустился по вонючей лестнице в вестибюль, холодно кивнул Кехаде, который прямо на полу возился с каким-то прибором, и вышел на дышащую жаром улицу. Короткая тень его легла на пыльные потрескавшиеся плиты тротуара, и сейчас же рядом появилась вторая тень, и тогда Анджей вспомнил про Немого. Анджей глянул через плечо. Немой стоял в своей обычной позе, засунув ладони за широкий пояс, с которого свисал устрашающего вида тесак. Густые черные волосы его стояли дыбом, босые ступни были расставлены.

— Может, автомат возьмешь? — спросил Анджей.

«Нет».

— Ну как хочешь.

Анджей огляделся. Изя и Пак сидели в тени волокуши и рассматривали схему города. Двое солдат, вытянув шеи, заглядывали им через головы. Один из них поймал взгляд Анджея, поспешно отвел глаза и толкнул другого в бок. Оба сейчас же отошли.

У второго трактора копошились водители во главе с Эллизауэром. Водители были кто в чем, а на маленьком черепе Эллизауэра красовалась гигантская широкополая шляпа. Тут же торчали еще два солдата — подавали советы, часто сплевывая в сторону.

Анджей посмотрел вдоль улицы. Пусто. Раскаленный воздух дрожит над булыжником. Марев. На сто метров уже ничего не разобрать, как в воде.

— Изяслав! — позвал он.

Изя и Пак оглянулись и встали. Кореец подобрал с мостовой и взял под мышку свой маленький самодельный автомат.

— Что, уже? — бодро спросил Изя.

Анджей кивнул и пошел вперед. Все смотрели на него — прищурившийся от солнца Пермяк, придурковатый Унгерн, испуганно округливший свой вечно открытый рот,

угрюмый Горилла-Джексон, медленно вытиравший руки куском пакли... Эллизауэр приложил два пальца к полям шляпы с самым торжественным и сочувствующим видом, а поплеывавшие солдаты перестали поплевывать, обменялись неслышными замечаниями сквозь зубы и дружно запылили прочь. Трусите, гниды, мстительно подумал Анджей. Окликнуть вас сейчас для смеха — в штаны навалите...

Они прошли мимо часового, который поспешно сделал «на караул», и зашагали по булыжнику — впереди Анджей с автоматом за плечом, за ним по пятам Немой с рюкзаком, в котором лежали четыре банки консервов, пачка галет и две фляги воды, сзади, отстав шагов на десять, шлепал разбитыми башмаками Изя — за спиной у него был пустой рюкзак, в одной руке он держал схему, а другой судорожно обхлопывал карманы, как бы вспоминая, не забыл ли он чего-нибудь. Последним, чуть вразвалочку, походкой человека, привыкшего к дальним переходам, легко шагал кореец.

Улица была раскалена. Солнце свирепо жарило лопатки и плечи. От стен домов медленными волнами накатывал жар. Ветра сегодня не было совсем. Позади, в лагере, завели многотрадаальный двигатель — Анджей не обернулся. Чувство освобождения вдруг овладело им. На несколько славных часов из его жизни исчезали вонючие солдаты с их простой до непонятности психологией; интриган Кехада, который был виден весь насквозь и от этого особенно осточертел; исчезали все эти заботы о чужих стертых ногах, о чужих скандалах и драках... Провалиться бы вам всем, твердил Анджей с каким-то даже упоением. Век бы вас не видел. До чего же без вас хорошо. Правда, он тут же вспомнил о корейце Паке, и на секунду ему показалось, что светлая радость освобождения сейчас замутится новыми заботами и подозрениями, но он тут же легкомысленно махнул на это рукой. Кореец как кореец. Спокойный человек, ни на что не жалуется. Дальневосточный вариант Изя Шереметьева, только и всего... Почему-то опять вспомнился Канэко. Да, Канэко бы сюда, дядю Юру, Дональда... Дурак, подумал он. Надо было дядю Юру уговорить в экспедицию — все было бы сейчас по-другому. Он вспомнил, как за день до выхода он специально выкроил два часа, взял у Гейгера лимузин с пуленепроницаемыми стеклами и смотался к дяде Юре...

...Они сидели в большой двухэтажной хате, где было чисто, светло, вкусно пахло мятой, домашним дымком, свежеспеченным хлебом. Пили, закусывали заливным поросенком, хрустящими малосольными огурчиками, каких Анджей не едал бог знает сколько лет, обгладывали бараньи кости, макали куски мяса в соус, пропитанный чесночными запахами, а потом дебелая голландка Марта, супруга дяди Юры, беременная уже по третьему разу, внесла свистящий самовар, за который дядя Юра в свое время отдал воз хлеба, и они долго, основательно пили чай, заедая каким-то невиданным вареньем, потели, отдувались, обтирали потные лица свежими полотенцами с вышивкой, а дядя Юра все бубнил: «Ничего, ничего, ребята, теперь все в порядочке, теперь жить стало вполне можно...» А при прощании, когда Анджей уже садился в машину, дядя Юра, сжимая его ладонь своими лапищами, превратившимися, казалось, в сплошную мозоль, проговорил, ища глазами его взгляд: «Ты меня простишь, Андрюха, я знаю... Все бы бросил, и бабу бы бросил... Вот этих бросить не могу», — и указал большим пальцем через плечо на двух белоголовых мальчуганов, которые тихо, чтобы не услышали, тузили друг друга за крыльцом.

Анджей обернулся. Лагеря видно уже не было, его закрыло марево. Тарахтенье двигателя едва доносилось — как из ваты. Изя шел теперь рядом с Паком, махал у него перед носом схемой и кричал что-то про масштаб. Пак, собственно, не спорил. Он только улыбался и, когда Изя пытался остановиться, чтобы развернуть схему и показать все наглядно, деликатно брал его за локоть и увлекал вперед. Да, на этого человека можно было положиться. Интересно, что он не поделил с Гейгером? Люди они совершенно разные, это несомненно. Пак учился в Кембридже и имел звание доктора философии. Вернувшись в Южную Корею, он стал заместителем ректора, потом принимал участие в каких-то беспорядках против режима, и Ли Сын Ман засадил его в кутузку. В кутузке он

просидел до самого американского десанта в Чемульпо, когда кутузка попала под огонь частей Первой кавалерийской дивизии, стремительно рвавшейся на северо-восток. В Сеуле стоял ад крошечный, Пак уже не рассчитывал остаться в живых, и тут ему предложили участие в Эксперименте. В Город он попал задолго до Анджея, переменял несколько специальностей, сцепился, конечно, с господином мэром и вступил в подпольную организацию интеллигентов, поддерживавшую тогда движение Гейгера. И что-то у них там с Гейгером произошло. Так или иначе, большая группа подпольщиков еще за два года до переворота тайно покинула Город и ушла на север. Им повезло: на трехсот семидесятом километре они нашли в развалинах «снаряд времени» — здоровенную металлическую цистерну, битком набитую самыми разнообразными предметами культуры и образцами технологии. Место было хорошее — вода, плодородная почва у самой Стены, много хорошо сохранившихся зданий — там они и осели. Они ничего не знали о том, что произошло в Городе, и, когда появились обшитые броней трактора экспедиции, решили, что — за ними. К счастью, в этой нелепой схватке погиб только один человек. Пак узнал Изю, своего старинного приятеля, и понял, что происходит ошибка... А потом он попросился к Анджею. Он сказал, что им движет любопытство, что он давно уже планировал поход на Север, но у эмигрантов не было на это средств, Анджей ему не очень поверил, но с собой взял. Ему показалось, что Пак будет полезен своими знаниями, и Пак действительно оказался полезен. Он делал для экспедиции все, что мог, с Анджеем был всегда дружелюбен, с Изей — тем более, но вызвать его на откровенность оказалось невозможно. Ни Анджей, ни даже Изя так и не узнали, откуда у него столько сведений мифического и реального характера относительно предстоящего пути, для чего он все-таки связался с экспедицией и что он вообще думал — о Гейгере, об Анджее, об Изе, об Эксперименте... Пак никогда не поддерживал разговоров на отвлеченные темы.

Анджей приостановился и, дождавшись своего арьергарда, спросил:

— Какие у вас, собственно, планы? Конкретно.

— Конкретно? — Изя наконец развернул схему. — Смотри... — Он стал показывать траурным ногтем. — Мы сейчас вот здесь. Значит, раз... два... через четыре квартала должна быть площадь. Вот здесь какое-то большое здание. Наверное, правительственное. Сюда нам надо обязательно попасть. Ну, а если по дороге попадет что-нибудь интересное... Да! Вот сюда бы еще неплохо добраться. Далековато немного, но масштаб тут ни к черту, так что... Видишь, написано: «Пантеон». Я люблю пантеоны.

— Ну что ж... — Анджей поправил автомат. — Можно и так... А воду мы искать не будем?

— До воды далеко, — негромко сказал Пак.

— Да, брат, до воды... Видишь, у них здесь указано — водонапорная башня. Это здесь? — спросил Изя у Пака.

— Если в этих кварталах вода вообще осталась, то только здесь.

— Да-а... — протянул Изя. — Далековато. Километров тридцать, за день не обернемся. А зачем тебе воду сейчас? За водой пойдем завтра, договаривались ведь... вернее, поедем.

— Хорошо, — сказал Анджей. — Пошли.

Теперь они пошли рядом, и некоторое время все молчали. Изя все время крутил головой и как бы принюхивался, но ни справа, ни слева ничего интересного не обнаруживалось. Трех- и четырехэтажные дома, иногда довольно красивые. Выбитые стекла. Некоторые окна забиты покоробившейся фанерой. На балконах — полуразвалившиеся цветочные ящики. Стены кое-где оплетены плющом. Большой магазин — огромные, запыленные до непрозрачности витрины, почему-то уцелевшие, а двери выломаны... Изя сорвался, трусой сбегал, заглянул, снова вернулся.

— Пусто, — сообщил он. — Полный разгром.

Какое-то общественное здание — не то театр, не то концертный зал, не то кино. Потом опять магазин — витрина расколота, — и еще магазин на другой стороне... Изя вдруг остановился, шумно потянул носом и поднял грязноватый палец.

— О! — сказал он. — Здесь!

— Что? — спросил Анджей.

— Бумага, — коротко отозвался Изя.

Ни на кого не глядя, он уверенно устремился к зданию на правой стороне улицы. Здание было как здание, ничем особенным от соседних не отличалось, разве что подъезд был пороскошнее, да в общем облике его чувствовался некий готический акцент. Изя исчез в подъезде, и они не успели еще пересечь улицу, как он снова высунулся и азартно позвал:

— Давайте сюда, Пак! Библиотека!..

Анджей только головой покрутил от восхищения. Ай да Изя!

— Библиотека? — сказал Пак. — Не может быть... — и ускорил шаги.

В подъезде было прохладно и полутемно после полыхающей желтым жаром улицы. Высокие готические окна, выходящие, видимо, во внутренний двор, были украшены цветными витражами. Пол, выложенный узорной плиткой. Белого камня лестницы, уходящие вправо и влево. По левой уже взбегал Изя, Пак нагнал его, и они, шагая через три ступеньки, скрылись из виду.

— А нам-то на кой черт туда тащиться? — сказал Анджей Немому.

Тот был согласен. Анджей поискал, где присесть, и присел на белые прохладные ступени. Автомат он снял и положил рядом. Немой уже сидел на корточках у стены, закрыв глаза и обхватив колени длинными мощными руками. Было тихо, только бубнили наверху неразборчивые голоса.

Надоело, подумал Анджей с раздражением. Мертвые кварталы надоели. Раскаленное это безмолвие. Загадки эти... Людей бы найти, пожить с ними, порасспросить... Наверху что-то повалилось с тяжелым рассыпчатым грохотом. Изя разборчиво проорал: «Ну куда вы лезете!..» Раздался смех, и голоса забубнили снова.

Копайтесь, копайтесь, подумал Анджей. Только на вас и надежда. И останется от всей этой бездарной затеи только двадцать четыре Изиных ящика с бумагами!.. Он вытянул ноги и сам вытянулся на ступеньках, опираясь на локти. Немой вдруг чихнул. Звонко откликнулось эхо. Анджей поднял голову и стал глядеть в далекий сводчатый потолок. Хорошо строили, красиво, лучше, чем у нас. И вообще, как видно, жили не худо. А все равно сгнули... Очень это Гейгеру не понравится — он бы, конечно, потенциального противника предпочел. А то что такое получается: жили-жили, строили-строили, прославляли какого-то своего Гейгера... как его — Доброго и Простого... А в результате — пожалуйста: пустота. Как и не было никого. Одни кости, да и тех что-то маловато для такого города. Вот так-то, господин президент. Человек предполагает, а господь рябь какую-то напустит — и конец всему...

Он тоже чихнул и потянул носом. Прохладно здесь что-то... А Кехаду я под суд отдам, когда вернемся... Мысли его легко свернули в привычное русло: как загнать Кехаду в угол, чтобы он и пикнуть не смог, чтобы вся документация была против него, чтобы Гейгеру все стало ясно... Он отмахнулся от этих мыслей — они были не к месту и не ко времени. Сейчас надо было думать только о завтрашнем дне. Да и о сегодняшнем не помешало бы. Например, куда все-таки девалась статуя? Разумеется, Эксперимент есть Эксперимент, с этим никто не спорит — всякое бывало, всякого навидались. Но свою голову на плечах тоже иметь желательно. Пришел какой-то рогатый... стегозавр... и статую уволок. Зачем? И потом, в ней, между прочим, тонн пятьдесят весу. Такая зверюга захочет — трактор уволочет... Уходить надо из этих мест, вот что. И поскорее. Если бы не полковник — ноги бы нашей здесь не было уже сегодня. Он стал думать о полковнике и вдруг поймал себя на том, что прислушивается.

Какой-то отдаленный неясный звук появился — не голоса, голоса наверху бубнили по-прежнему, нет, там, на улице, за высокими приотворенными дверями. Явственно зазвенели разноцветные стекла в витраже и явственно завибрировали каменные ступеньки под локтями и задом, словно где-то далеко была железная дорога и по ней шел сейчас поезд — тяжелый грузовой состав. Немой вдруг широко раскрыл глаза и повернул голову, настороженно прислушиваясь.

Анджей осторожно подтянул под себя ноги и встал, держа автомат за ремень. Немой тоже поднялся, кося на него глазом и все продолжая прислушиваться. Сунув автомат под мышку, Анджей перебежал к двери и осторожно выглянул. Жаркий пыльный воздух обжег ему лицо. Улица была желта, раскалена и пуста по-прежнему. Только тишины больше не было. Огромный молот с унылой равномерностью бил в мостовую, и удары эти заметно приближались — тяжелые, хрусткие удары, дробящие булыжник в щебень. В доме напротив со звоном осыпалась расколотая витрина. Анджей от неожиданности отпрянул, но тут же взял себя в руки и, закусив губу, оттянул затвор автомата. Черт меня сюда понес, подумал он краем сознания.

Молот все приближался, и совершенно непонятно было — откуда, но удары были все тяжелее, все звонче, и была в них какая-то несокрушимая победительность. Шаги судьбы, мелькнуло в голове у Анджея, и он растерянно оглянулся на Немого. Он испытал шок. Немой стоял, прислонившись плечом к стене, и рассеянно орудовал своим тесаком, обрезая ноготь на мизинце левой руки. Вид у него был совершенно равнодушный и даже скучающий.

— Что? — хрипло спросил Анджей. — Ты что это?..

Немой посмотрел на него, кивнул и снова занялся своим ногтем. Бумм, бумм, бумм — раздалось совсем близко. И вдруг наступила тишина. Анджей снова выглянул. Он увидел: на ближнем перекрестке, доставая головой до третьего этажа, возвышалась темная фигура. Статуя. Старинная металлическая статуя. Тот, давешний тип с жабьей мордой — только теперь он стоял, напряженно вытянувшись, задрав объемистый подбородок, одна рука заложена за спину, другая — то ли грозя, то ли просто указывая в небеса — поднята, и выставлен указательный палец...

Анджей, обмирая, как во сне, смотрел на это бредовое чудище. Только он знал, что это не бред. Статуя была как статуя — дурацкое, бездарное сооружение из металла, покрытое не то окалиной, не то черной окисью, и в горячем воздухе, поднимавшемся от мостовой, очертания его дрожали и колебались точно так же, как очертания домов вдоль улицы. Анджей почувствовал руку на своем плече — Немой улыбался и успокаивающе кивал ему. Бумм, бумм, бумм — раздалось на улице. Немой все держал его за плечо. Анджей резко отстранился и снова выглянул на улицу. Статуи не было больше. И снова была тишина.

Тогда Анджей оттолкнул Немого и на ватных ногах побежал наверх, где по-прежнему, как ни в чем не бывало, бубнили голоса.

— Хватит! — рявкнул он, врываясь в библиотечный зал. — Пошли!

Голос у него совсем сел, и они его не слышали, а может быть, и услышали, но не обратили внимания. Помещение было огромное, уходило в глубину черт-те знает куда, стеллажи, набитые книгами, глушили звуки. Один из стеллажей был повален, книги лежали горой, и в этой горе копались Изя и Пак — оба очень довольные, разгоряченные, потные, азартные... Анджей, шагая по книгам, подошел к ним, взял за воротники, поднял.

— Пошли отсюда, — сказал он. — Хватит. Пошли.

Изя глянул на него затуманенным взором, рванулся, вырвался и сразу пришел в себя. Глаза его быстро обшарили Анджея с головы до ног.

— Что с тобой? — спросил он. — Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, — зло сказал Анджей. — Хватит копать. Куда вам надо? В пантеон? Вот и пошли в пантеон.

Пак, которого он все еще держал за шиворот, деликатно подвигал плечами и кашлянул. Анджей отпустил его.

— Понимаешь, мы тут нашли... — начал Изя и сразу же оборвал себя. — Слушай, что случилось?

Анджей уже взял себя в руки. Все, что было там, внизу, казалось совершенно нелепым и невозможным здесь, в этом строгом душном зале, под испытующим взглядом Изи, рядом с невозмутимо корректным Паком.

— Мы не можем тратить столько времени на каждый объект, — сказал он неуверенно. — У нас всего одни сутки. Пойдемте.

— Библиотека — это не каждый объект! — возразил Изя. — Это первая библиотека за весь маршрут... Слушай, на тебе лица нет. Что случилось?

Анджей никак не мог решиться рассказать.

— Пошли, — буркнул он, повернулся и зашагал по книгам к выходу.

Изя догнал его и, взяв под руку, пошел рядом. Немой в дверях посторонился, пропуская их. Анджей все не знал, как начать. Потом он вспомнил про дневник.

— Ты мне вчера дневник читал... — проговорил он. Они уже спускались по лестнице. — Ну, этого... который повесился...

— Да?

— Похоже, что он был не сумасшедший.

Изя остановился.

— Рябь?

— Неужели вы ничего не слышали? — сказал Анджей со злостью.

Изя замотал бородой, а Пак ответил негромко:

— Боюсь, что мы увлеклись. Мы спорили.

— Маньяки... — сказал Анджей. Он судорожно перевел дух, оглянулся на Немого и выговорил наконец: — Статуя. Пришла и ушла... Шляются, понимаешь, по городу, как живые...

Он замолчал.

— Ну? — сказал Изя с нетерпением.

— Что — ну? Все!

Напряженное лицо Изи изобразило огромное разочарование.

— Ну и что? — сказал он. — Ну, статуя... Ночью тоже шлялась одна, ну и что?

Анджей открыл и снова закрыл рот.

— Это железноголовые, — подал голос Пак. — Эта легенда возникла, по-видимому, именно здесь...

Анджей, не в силах произнести ни слова, переводил взгляд с Изи на Пака и обратно. Изя сочувственно — дошло до него, наконец! — тянул губу дудкой и все порывался потрепать Анджея по руке, а Пак, полагая, очевидно, что все необходимые разъяснения даны, украдкой поглядывал через плечо на дверь в библиотеку.

— Т-так... — выдавил наконец Анджей. — Очень мило. Ладно. В общем, все равно — пошли.

— Слушай, ты успокойся, — сказал Изя, ухватив его наконец за рукав. — Понимаешь, Эксперимент все-таки есть Эксперимент. За всеми этими нашими поносами и склоками мы как-то об этом забыли, а на самом-то деле... Слушай, здесь библиотека все-таки... Причем, выявляется любопытная картина: люди, которые здесь жили, — наши современники, двадцатый век...

— Понял, — сказал Анджей. — Пусти рукав...

В нем крепло ощущение, что он сваял дурака. Впрочем, эта пара еще не видела статую по-настоящему. Посмотрим, как они запоют, когда увидят. Правда, Немой тоже как-то странно...

— Нечего меня уговаривать, — сказал он. — Сейчас на эту библиотеку времени нет. Будем проходить мимо — навалите хоть целую волокушу. А сейчас пошли. Я обещал вернуться к отбою.

— Ну, хорошо, — успокаивающе сказал Изя. — Пошли.

Н-да, думал Анджей, шагая по раскаленному булыжнику. Что это я, действительно... И ведь не солдат, не шоферюга какой-нибудь... Это все Гейгер, подумал он со злостью. Объявил, понимаешь, что нет больше никакого Эксперимента, а я поверил... то есть не поверил, конечно, а просто принял новое мировоззрение из лояльности... а также — по долгу службы... Но ведь и то сказать: три года жили — ни о каком Эксперименте не вспоминали, других дел было по горло... Карьерку делали, ядовито подумал он. Ковры доставали, экспонатки для личных коллекций.

На перекрестке он приостановился, искоса глянул в переулок. Статуя была там — грозила полуметровым черным пальцем, неприятно ухмылялась жабьей пастью. Я, мол, вас, сук-киных котов!..

— Эта, что ли? — спросил Изя небрежно.

Анджей кивнул и пошел дальше.

Они шли и шли, постепенно дурея от жары и слепящего света, наступая на собственные короткие уродливые тени, пот соляной коркой застывал на лбу и на висках, и даже Изя перестал уже трепаться о крушении каких-то там своих гипотез, и даже неумолимый Пак уже приволакивал ногу — подошва оторвалась, и даже Немой время от времени широко разевал черный рот и, высунув страшный обрубок языка, принимался часто-часто, как собака, дышать. И ничего больше не происходило, только один раз Анджей, не успевши совладать с собою, вздрогнул, когда, подняв случайно глаза, увидел в распахнутом окне четвертого этажа огромное позеленевшее лицо, уставившееся на него слепыми выпученными глазами. Что ж, зрелище и в самом деле было жуткое — четвертый этаж и пятнистая зеленая харя во все окно.

Потом они вышли на площадь.

Таких площадей они еще не встречали. Она была похожа на вырубленный диковинный лес. Как пни, были понатыканы на ней постаменты — круглые, кубические, шестигранные, звездообразные, в виде каких-то абстрактных ежей, артиллерийских башен, мифических зверей, каменные, чугунные, из песчаника, из мрамора, из нержавеющей стали, даже, кажется, из золота... И все эти постаменты были пусты, только в сотне метров впереди голову крылатого льва попирала обломанная выше колена голая нога в человеческий рост, босая, с необычайно мускулистой икрой. Площадь была огромная, противоположного конца ее видно не было за мутным маревом, а справа, под самой Желтой стеной, виднелись искаженные потоками горячего воздуха очертания длинного приземистого строения с фасадом из тесно поставленных колонн.

— Ну и ну! — вырвалось у Анджея, а Изя спросил:

— Куда они, собственно, все подевались?

Никто ему не ответил. Все смотрели и не могли насмотреться, даже, кажется, Немой. Потом Пак сказал:

— Нам ведь надо вон туда...

— Это и есть пантеон? — спросил Анджей.

— Нет, я не понимаю, — сказал Изя. — Что же это, они все по городу шляются?

Почему же мы тогда их почти не видели? Их же здесь должны быть тысячи, тысячи!..

— Город Тысячи Статуй, — сказал Пак.

Изя живо повернулся к нему.

— Что, и такая легенда существует?

— Нет. Это я его так бы назвал.

— Трам-тарарам... — сказал Анджей, которого осенила неожиданная мысль. — Как же мы здесь пройдем с нашими тягачами? Тут же никакой взрывчатки не хватит — эти надолбы подрывать...

— Я думаю, — сказал Пак, — должна быть дорога вокруг площади. Над обрывом.
— Пошли? — сказал Изя.

И они двинулись напрямик к пантеону, шагая между постаментами, по булыжнику, который был здесь разбит и искрошен в мелкий щебень, в белую пыль, ярко мерцающую на солнце. Время от времени они приостанавливались и то пригибались, то поднимались на цыпочки, чтобы прочесть надписи на постаментах, и надписи эти были странными до того, что от них брала оторопь. НА ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ОТ УЛЫБКИ. БЛАГОСЛОВЕНИЕ МУСКУЛЮС ГЛЮТЕУС ТВОЕГО СПАСЛО МАЛЫХ СИХ. ВЗВИЛОСЯ СОЛНЦЕ, И ПОГАСЛА ЗАРЯ ЛЮБВИ, НО. И даже просто: КОГДА! Изя хохотал и гукал, бил кулаком в ладонь, Пак улыбался, качая головой, а Анджей нетерпеливо торопил их. «Ну хватит, хватит, — повторял он. — Пошли. Ну, какого черта? Опаздываем же, неудобно...»

Зло брало глядеть на этих идиотов — нашли, понимаете, место и время развлекаться. А они все задерживались и задерживались, водили грязными пальцами по выбитым строчкам, зубоскалили, ерничали, и он махнул на них рукой и почувствовал большое облегчение, когда обнаружил, что голоса их остались далеко позади и слов уже разобрать нельзя. Так оно и лучше, подумал он с удовольствием. Без этой дурацкой свиты. В конце концов, я что-то не помню, а приглашали ли их? Что-то там было сказано про них, но вот что именно? То ли просили быть в парадной форме, то ли просили, наоборот, не быть вообще... Ах, какое это теперь имеет значение? В крайнем случае, посидят внизу. Пак еще туда-сюда, а Изя вдруг начнет придирается к слогу, не дай бог сам еще полезет говорить... Нет-нет, без них лучше, правда, Немой? Ты держись у меня за спиной, вот здесь, справа, да поглядывай хорошенько. Тут, брат, хлопать ушами не приходится. Не забывай: мы здесь в стане оппонентов, это тебе не Кехада и не Хнойпек, на вот, возьми автомат, мне нужна свобода движений, и вообще лезть с автоматом на кафедру — я ведь, слава богу, не Гейгер... Позволь, а где же мои тезисы? Вот тебе и на! Как же я без тезисов?..

Пантеон высился перед ним всеми своими колоннами, разбитыми выщербленными ступенями, оскалившимися ржавой арматурой, из-за колонн несло ледяным холодом, там было темно, оттуда пахло ожиданием и тленом, а гигантские золоченые створки были уже отворены, и оставалось только войти. Он зашагал со ступеньки на ступеньку, внимательно следя за собой, чтобы — упаси бог! — не споткнуться, не растянуться здесь, на глазах у всех, он все ощупывал свои карманы, но тезисов нигде не было, потому что они, конечно, остались в железном ящике... нет, в новом костюме, я ведь хотел надеть новый костюм, а потом решил, что так будет эффектнее. Черт побери, как же я буду без тезисов? — подумал он, вступая в темный вестибюль. Что же там у меня было, в моих тезисах? — думал он, осторожно ступая по скользкому полу черного мрамора. Кажется, во-первых, про величие, весь напрягаясь, вспоминал он, чувствуя, как ледяной холод заползает ему под рубашку. Здесь было очень холодно, в этом вестибюле, могли бы предупредить, все-таки не лето на дворе, песком могли бы, между прочим, посыпать, руки бы не отвалились, а то того и гляди затылком здесь навернешься... Ну, куда у вас тут? Вправо, влево? Ах да, пардон... Значит, так. Во-первых, о величии, думал он, устремляясь в совсем уже темный коридор. Вот это другое дело — ковер! Догадались. А факельщиков, конечно, поставить не сообразили. Всегда у них здесь так: либо поставят факельщиков или даже юпитеры, но тогда уж непременно не будет ковра; либо вот как сейчас... Таким образом: величие. Говоря о величии, мы вспоминаем так называемые великие имена. Архимед. Очень хорошо. Сиракузы, эврика, бани... в смысле, ванны. Голый. Дальше. Атилла! Дождь венецианский. То есть, я прошу прощения: это Отелло — дождь венецианский. Атилла — гуннов царь. Едет. Нем и мрачен, как могила. Да чего там далеко ходить за примерами? Петр! Величие. Великий. Петр Великий. Первый. Петр Второй и Петр Третий не были великими. Очень может быть потому, что не были Первыми. Великий и первый очень часто выступают как синонимы. Хотя-а-а... Екатерина Вторая Великая. Вторая, но Великая. Это исключение важно отметить. Мы часто будем иметь дело с исключениями такого рода, которые, так сказать, только подтверждают наше правило...

Он крепко сцепил руки за спиной, упер подбородок в грудь и, вытянув нижнюю губу, несколько раз прошелся взад и вперед, каждый раз огибая изящно свой табурет. Потом он отодвинул табурет ногой, уперся напряженными пальцами в стол и, сдвинув брови, поглядел поверх слушателей. Стол, обитый серым цинком, совершенно пустой, тянулся перед ним, как шоссе. Дальнего конца его не было видно, в желтоватом тумане мигали колеблемые сквозняком огоньки свечей, и Анджей с досадой подумал, что это непорядочно, что уж кто-кто, а он должен был бы иметь возможность видеть, кто там — на том конце стола. Видеть его было гораздо более важно, чем этих... Впрочем, это не моя забота. Рассеянно и снисходительно он оглядел ряды этих. Они смиренно восседали по обе стороны стола, повернув к нему внимательные лица — каменные, чугунные, медные, золотые, бронзовые, гипсовые, яшмовые... и какие там еще бывают у них лица. Например, серебряные или, скажем, нефритовые. Слепые глаза их были неприятны, да и вообще, что там могло быть приятного в этих громоздких тушах, колени которых торчали на метр, а то и на два выше поверхности стола. Хорошо было уже то, что они молчали и не шевелились. Всякое движение сейчас было бы невыносимым. Анджей с наслаждением, даже с каким-то сладострастием прислушивался, как истекают последние капли отлично задуманной паузы.

— Но каково правило? В чем оно состоит? В чем его субстанциональная сущность, имманентная только ему и никакому другому предикату?... И здесь, боюсь, мне придется говорить вещи, не совсем привычные и далеко не приятные для вашего слуха. Величие! Ах, как много о нем сказано, нарисовано, сплясано, спето! Что был бы человеческий род без категории величия? Банда голых обезьян, по сравнению с коими даже рядовой Хнойпек показался бы венцом цивилизации. Не правда ли? Ведь каждый отдельный Хнойпек не имеет меры вещей. От природы он научен только пицеварить и размножаться. Всякое иное действие упомянутого Хнойпека не может быть оценено им самостоятельно ни как хорошее, ни как плохое, ни как полезное, ни как напрасное, и именно вследствие этого каждый отдельный Хнойпек при прочих равных условиях рано или поздно попадает под военно-полевой суд, каковой суд уже и решает, как с ним быть. Таким образом, отсутствие суда внутреннего закономерно и неизбежно восполняется наличием суда внешнего, например, военно-полевого. Однако, панове, общество, состоящее из хнойпек, просто не способно уделять такого огромного внимания суду внешнему — неважно, военно ли это полевой суд, или суд присяжных, или тайный суд инквизиции, или суд Линча, суд Фемы, или суд так называемой чести. А потому надлежало найти такую форму организации хаоса, разнообразных органов, такую форму этого вселенского кабака, чтобы хоть часть функций упомянутых внешних судов была бы передана суду внутреннему. Вот, вот когда понадобилась и пригодилась категория величия! А дело в том, господа мои, что в огромной и совершенно аморфной толпе хнойпеков время от времени появляются личности, для которых смысл жизни не сводится к пицеварению и половым отправлениям по преимуществу. Если угодно — третья потребность. Ему, понимаете, мало что-нибудь переварить и попользоваться чьими-нибудь прелестями. Ему, понимаете, хочется еще сотворить что-нибудь такое, чего раньше не было. Например, институциональную или, скажем, иерархическую структуру. Козерога какого-нибудь на стене. Или миф про Афродиту. На кой ляд ему это сдалось — он и сам толком не знает. И на самом деле, зачем Хнойпеку Афродита Пеннорожденная или тот же самый козерог на стене? Есть, конечно, гипотезы. Козерог, как-никак, — это очень много мяса. Об Афродите я уже не говорю... Впрочем, если говорить честно, происхождение этой третьей потребности для материалистической науки пока еще загадочно. Но в настоящий момент это и не должно нас интересовать. Нам важно, друзья мои, что? Что в общей серой толпе появляется вдруг личность, которая не удовлетворяется, пакость такая, овсяной кашей, а начинает идеализировать, абстрагироваться, зараза, начинает — мысленно обращает овсяную кашу в сочного козерога под чесночным соусом... Мать моя, мамочка! Да ведь такому человеку цены нет!

Такого человека надо поставить на высокое место и водить к нему хнойпеков целыми толпами, чтобы они учились понимать свое место. Вот вы, задрипы, умеете так, как он? Вот ты, ты, рыжий, шивый, умеешь котлету нарисовать, да такую, чтобы сразу жрать захотелось? Или анекдотец хотя бы сочинить? Не умеешь? Так куда же ты, дерьмо, лезешь с ним равняться? Пахать иди, пахать! Рыбу удить, ракушки промыслять!

Анджей оттолкнулся от стола и, восторженно потирая руки, снова прошелся взад-вперед. Очень здорово все получалось. Без никаких там тезисов. И все эти долдоны слушали затаив дыхание. Хоть бы один пошевелился. Да, уж я — такой. Я, конечно, не Шереметьев, я больше помалкиваю, но уж если меня доведут, если меня, черт побери, спросят... Правда, на том, невидимом, конце стола тоже, кажется, принялся кто-то говорить. Болтун какой-то. Может быть, Шереметьев пробрался? Ну, это мы еще посмотрим — кто кого.

Итак, величие как категория возникло из творчества. Но спросим себя, государи мои, кто же их будет мордой в дерьмо тыкать? Кто им скажет: куда, тварюга, лезешь? Кто делается, так сказать, жрецом творца? А делается им тот, сударики мои, кто рисовать упомянутую котлету не умеет, но и промыслять ракушки тоже не хочет — творец-организатор, творец-выстраиватель-в-колонны, творец, вымогающий дары и дары распределяющий. И тут мы вплотную подходим к вопросу о роли бога и дьявола в истории. К вопросу, прямо скажем, запутанному, архисложному, к вопросу, в котором, на наш взгляд, все завралось... Даже неверующему младенцу ясно, что бог — это хороший человек, а дьявол, наоборот, — плохой. Но ведь это же, господа, козлийный бред! Что мы про них на самом деле знаем? Что бог взял хаос и организовал его, в то время как дьявол, наоборот, ежедневно и ежечасно норовит эту организацию, эту структуру разрушить, вернуть к хаосу. Верно ведь? Но ведь вся история учит нас, что человек как отдельная личность стремится именно к хаосу. Он заявляет, что свободен. Он хочет быть сам по себе. Он хочет делать то, что ему хочется. Да возьмите вы в качестве примера все того же пресловутого Хнойпека... Вы понимаете, к чему я клоню? Ведь чем, спрошу я вас, занимались на протяжении всей истории самые лютые тираны? Они как раз стремились указанный хаос, присущий человеку, эту самую хаотическую хнойпекость надлежащим образом упорядочить, организовать, выстроить — желательно, в колонну, — нацелить в одну точку и вообще уконтропупить. Или, говоря проще, — упупить. Что им, между прочим, как правило, и удавалось, но на небольшое время и лишь ценой большой крови. Так теперь я вас спрашиваю: кто же на самом деле хороший человек? Тот, кто стремится восстановить хаос — то есть свободу! — или тот, кто стремится социальную энтропию понизить до минимума? Кто? Вот то-то и оно!

Прекрасный получился период. Сухой, точный и в то же время не лишенный страстности... Ну что это он там бубнит на том конце? Надо же, хамло какое!.. Работать мешает, и вообще... С очень неприятным чувством Анджей вдруг обнаружил в ровных рядах слушателей несколько повернутых к нему затылков. Он присмотрелся. Сомнений не было — затылки. Раз, два... шесть затылков! Он громко откашлялся и строго постучал костяшками пальцев по оцинкованной поверхности. Это не помогло. Ну, погодите, подумал он. Я вас сейчас! Как это будет по-латыни?

— Куос эго! — рявкнул он. — Вы, кажется, вообразили себе, будто вы что-то там значите? Мы, мол, каменные, а вы — плоть гниющая? Мы, дескать, во веки веков, а вы — прах, однодневки? Вот вам! — Он показал дулю. — Да кто вас помнит? Понавозводили вас каким-то забытым охламонам! Архимед — подумаешь! Ну, был такой, знаю, голый по улицам бегал без всякого стыда... Ну и что? При надлежащем уровне цивилизации ему бы ноги за это дело оторвали. Чтоб не бегал. Эврика ему, понимаешь... Или тот же Петр Великий. Ну ладно, царь там, император... А вот как его была фамилия? А? Не знаете? А памятников-то поставили! Сочинений понаписали! А студенты — дай бог, если один из десяти сообразит, какая у него была фамилия. Вот тебе и великий! И ведь со всеми вами так. Либо вас вообще никто не помнит, только глаза лупят, либо, скажем, имя

помнят, а фамилию — нет. И наоборот. Фамилию помнят — например, премия Калинин, — а имя... да что там имя — кто он такой был? То ли писатель, то ли вообще спекулянт шерстью... Да и кому это надо, сами посудите. Ведь если всех вас запоминать, так забудешь, сколько водка стоит. Вот увлекся я тут с вами и забыл...

Теперь он видел перед собой больше десяти затылков. Это было обидно. А Шереметьев на том конце стола бубнил все громче, все напористей, но так же неразборчиво.

— Приманка! — заорал Анджей. — Вот что такое ваше хваленое величие! Глядит на вас Хнойпек и думает: это надо же, какие люди бывали! Вот я теперь пить брошу, курить брошу, в библиотеку пойду и тоже всего этого достигну... То есть это предполагается, что он так должен думать. А думает он на самом деле совсем не то. И ежели караула вокруг не выставить, в загородку вас не взять, так он понавалит вокруг, мелом напишет да и пойдет обратно к своей бабе. Так что получается, что даже воспитательной своей функции вы не выполняете...

Он замолчал. Все разговоры были ни к чему. Никто его не слушал. Перед ним были только затылки — чугунные, каменные, железные, нефритовые... бритые, лысые, курчавые, с косицей, с выщерблинами, а то и вовсе скрытые за кольчугами, шлемами, треуголками... Не нравится, горько подумал он. Правда глаза колет. К песнопениям привыкли, к одам. Экзеги монументум... А что я такого вам сказал? Что думал, то и сказал. Я ведь не против величия. Мицкевич, Маркс, Эйнштейн... Я идолопоклонства не люблю. Делаю надо поклоняться, а не статуям. А может, и делам поклоняться не надо. Потому что каждый делает, что в его силах. Один — революцию, другой — свистульку. У меня, может, сил только на свистульку и хватает, так что же я — дерьмо теперь?

А голос за желтым туманом знай бубнил свое, и уже были слышны отдельные слова: «...невиданное и необычайное... только вы... и вечная благодарность...» Вот этого я особенно не терплю, подумал Анджей. Особенно я ненавижу, когда вечностями швыряются. Вечные, вечная, вечное... Откуда они все это берут? Что они видят вечного?

— Хватит врать! — крикнул он через стол. — Совесть надо иметь!

Никто не обратил на него внимания, он повернулся и побрел обратно, чувствуя, как сквозняк пробирает его до костей, вонючий сквозняк, пропитанный испарениями склепа, ржавчины, позеленевшей меди... А ведь это не Изя там болтал, — вяло думал он. — Изя таких слов сроду не произносил. Зря я на него... Зря я сюда пришел. Зачем меня, собственно, сюда принесло? Наверное, мне показалось, что я что-то не понял. Все-таки мне уже за тридцать, пора разбираться, что к чему. Что за дикая идея — убеждать памятники, что они никому не нужны? Это все равно что убеждать людей, что они никому не нужны... Может быть, это и так, да кто в это поверит?

Что-то со мной сделалось за последние годы, думал он. Что-то я утратил. Цель я утратил, вот что. Каких-нибудь пять лет назад я точно знал, зачем нужны те или иные мои действия. А теперь вот не знаю. Знаю, что Хнойпека хорошо бы поставить к стенке. А зачем это — непонятно. То есть понятно, что от этого мне станет легче работать, но зачем это нужно — чтобы мне было легче работать? Это ведь только мне одному и нужно. Для себя. Сколько лет я уже живу для себя... Это, наверное, правильно — за меня для меня никто жить не станет, самому приходится заботиться. Но ведь скучно это, тоскливо, сил нет... И выбора нет, подумал он. Вот что я понял: ничего человек не может и не умеет, одно он может и умеет — жить для себя... Он даже зубами скрипнул от безнадежной ясности и определенности этой мысли.

Он вышел из склепа в тень колонн и зажмурился. Желтая раскаленная площадь, утыканная пустыми постаментами, лежала перед ним. Оттуда волнами накатывал жар, как из печи. Жар, жажда, изнурение. Это был мир, в котором надлежало жить и, следовательно, действовать.

Изя спал, уткнувшись лбом в раскрытый томик, вытянувшись на каменных плитах в тени. На штанах сзади у него зияла прореха, ноги в стоптанных башмаках были

неестественно вывернуты. Немой был тут же — сидел на корточках с закрытыми глазами, привалившись спиной к колонне, на коленях у него лежал автомат.

— Подъем, — сказал Анджей устало.

Немой раскрыл глаза и встал. Изя приподнял голову и поглядел на Анджея сквозь заплывшие веки.

— Где Пак? — спросил Анджей, озираясь.

Изя сел, вцепился скрюченными пальцами в пыльную шевелюру и принялся ожесточенно скрестись.

— Ч-черт... — пробормотал он невнятно. — Слушай, жрать же хочется невыносимо... Сколько можно?

— Сейчас пойдем, — сказал Анджей. Он все озибался. — Где Пак?

— Поше-аузатеку, — ответил Изя, неистово зевая. — Ф-фу, разморило к чертям...

— Куда пошел?

— В библиотеку пошел. — Изя вскочил, подобрал томик и принялся запихивать его в мешок. — Мы решили, что он пока отберет книги. Сколько сейчас времени? Мои остановились, вроде...

Анджей взглянул на часы.

— Три, — сказал он. — Ну, пошли?

— Может, пожрем сначала? — предложил Изя нерешительно.

— На ходу, — сказал Анджей. Он испытывал какое-то смутное беспокойство. Что-то ему не нравилось. Что-то было не так. Он взял у Немого автомат и, заранее щурясь, шагнул на раскаленные ступеньки.

— Ну вот... — ворчал позади Изя. — Теперь на ходу жрать... Я как честный человек его ждал, а он даже пожрать толком не дает... Немой, дай-ка сюда мешок.

Анджей, не оглядываясь, быстро шел между постаментами. Ему тоже хотелось есть, внутри так и сосало, но что-то толкало его идти, и идти быстро. Он поудобнее пристроил ремень автомата на плече и снова мельком посмотрел на часы. Было все те же три часа без одной минуты. Он поднес запястье к уху. Часы стояли.

— Эй, господин советник! — позвал его Изя. — Держи.

Анджей приостановился и принял у него две галеты, проложенные жирной консервированной свиной. Изя уже смачно хрумкал. Рассматривая на ходу сандвич — откуда ловчее кусать, Анджей спросил:

— Когда Пак ушел?

— Да почти сразу же, — сказал Изя с набитым ртом. — Мы с ним осмотрели этот пантеон, ничего интересного не нашли, и он отправился.

— Зря, — сказал Анджей. Он понял, что его беспокоило.

— Что — зря?

Анджей не ответил.

IV

Никакого Пака в библиотеке не было. Он, конечно, сюда и не заходил. Книги валялись грудой, как и раньше.

— Странно, — сказал Изя, растерянно вертя головой. — Он же сказал, что отберет все по социологии...

— Он сказал, он сказал... — сквозь зубы проговорил Анджей. Он ткнул носком башмака подвернувшийся под ноги пухлый том, повернулся и сбежал по лестнице. Обвел все-таки. Обвел, гад косоглазый... Он сам толком не понимал, в чем именно заключается хитрость и гнусность замысла косоглазого гада, но всеми фибрами души чувствовал: обвел.

Теперь они шли, прижимаясь к стенам — Анджей по правой стороне улицы, Немой, который тоже понял, что дело дрянь, — по левой. Изя полез было на середину, но Анджей

так гаркнул на него, что архивариус опрометью вернулся и пошел след в след, возмущенно сопя и презрительно фыркая. Видимость была метров пятьдесят, а дальше улица представлялась словно бы в аквариуме — все там мутно дрожало, отсвечивало и даже вроде бы какие-то водоросли струились над мостовой.

Когда они поравнялись с кинотеатром, Немой вдруг остановился. Анджей, следивший за ним краем глаза, остановился тоже. Немой замер неподвижно, словно к чему-то прислушиваясь, обнаженный тесак он держал в опущенной руке.

— Гарью несет... — тихонько проговорил сзади Изя.

И Анджей сейчас же почувствовал запах гари. Вот оно, подумал он с отчаяньем. Немой поднял руку с тесаком, махнул вдоль улицы и двинулся дальше. Они прошли еще метров двести со всей возможной осторожностью. Запах гари усиливался. Запах горячего металла, тлеющего тряпья, солярки и еще какие-то сладковатые, почти вкусные запахи. Что же там произошло? — думал Анджей, стискивая зубы до хруста в висках. Что он там учинил? — твердил он в тоске. Что там горит? Это же там горит, несомненно... И тут он увидел Пака.

Он сразу подумал, что это Пак, потому что на трупе была знакомая куртка из выцветшей голубой саржи. Ни у кого в лагере больше не было такой куртки. Кореец лежал на углу, разбросав ноги, уронив голову на самодельный короткоствольный автомат. Ствол автомата был направлен вдоль улицы в сторону лагеря. Пак был какой-то непривычно толстый, словно раздутый, и кисти рук у него были черно-синие и лоснились. Анджей еще не успел как следует понять, что же он на самом деле видит, как Изя с каким-то карканьем оттолкнул его, отдавив ему ногу, бросился через перекресток и упал рядом с трупом на колени.

Анджей сглотнул и посмотрел в сторону Немого. Немой энергично кивал и показывал тесаком куда-то вперед, и Анджей увидел там, на самой границе видимости, еще одно тело. Кто-то там еще лежал посередине улицы, тоже толстый и черный, а сквозь марево видно было теперь, как поднимается над крышами искаженный рефракцией столб серого дыма.

Опустив автомат, Анджей пересек перекресток. Изя уже поднялся с колен, и, подойдя, Анджей сразу понял, почему. От трупа в голубой сарже непереносимо тянуло сладким и тошным.

— Боже мой... — произнес Изя, поворачивая к Анджею покрытое потом застывшее лицо. — Они же его убили, подонки. Они же все вместе его одного не стоят...

Анджей мельком взглянул под ноги на страшную раздутую куклу с черной язвой вместо затылка. Солнце тускло отсвечивало на россыпи медных гильз. Анджей обошел Изю и, больше уже не прячась, не пригибаясь, зашагал наискосок через улицу к следующей раздутой кукле, над которой уже сидел на корточках Немой.

Этот лежал на спине, и хотя лицо у него было чудовищно вспухшее и черное, Анджей узнал его: это был один из геологов, заместитель Кехады по съемке Тэд Камински. Особенно страшно было то, что он в одних трусах и почему-то в ватнике, какие носили водители. Видимо, ему попало в спину, и очередь прошла его насквозь — на груди телогрейка была вся в дырах, и из дыр торчали клочья серой ваты. Шагах в пяти валялся автомат без обоймы.

Немой тронул Анджея за плечо и указал вперед. Там, приткнувшись к стене на правой стороне улицы, скорчился еще один труп. Оказалось, это был Пермьяк. Его убило, видимо, на середине улицы, там еще осталось на брусчатке высохшее черное пятно, но он, мучаясь, пополз к стене, оставляя за собой густой черный след, и там, у стены, умер, подвернув голову и изо всех сил обхватив руками разорванный пулями живот.

Они здесь убивали друг друга в приступе неистовой ярости, как взбесившиеся хищники, как остервеневшие тарантулы, как обезумевшие от голода крысы. Как люди.

Поперек ближайшего к лагерю немощеного переулка валялся Тевосян. Он гнал за трактором, который свернул в этот переулок и уходил к обрыву, коверкая спекшуюся

землю торопливыми гусеницами. Тевосян гнался за ним от самого лагеря, стреляя на ходу, а с трактора стреляли по нему, и здесь, на перекрестке, где в ту ночь стояла статуя с жабьей харей, в него попали, и он остался лежать, оскалив желтые зубы, в своем выпачканном пылью, кровью и нечистотами солдатском мундирчике. Но перед смертью, а может быть, и после смерти, он попал тоже: на полпути к обрыву, вцепившись пальцами в раскрошенную гусеницами землю, вздутой горой лежал сержант Фогель, и дальше трактор шел уже без него — до самого обрыва и вниз, в пропасть.

В лагере лениво догорала волокуша. По исковерканным простреленным бочкам, иссиня-черным от жара, еще бегали чадные язычки оранжевого пламени, и медленно поднимались в тусклое небо клубы жирного дыма. Из черной спекшейся кучи на волокуше торчали чьи-то горелые ноги, и тянуло тем самым вкусным запахом, от которого теперь тошнило. Из окна комнаты картографов свисал голый труп Рулье, длинные волосатые руки его почти касались тротуара, а на тротуаре валялся автомат. Вокруг окна вся стена была избита и исковеркана пулями, а на противоположной стороне улицы лежали друг на друге скошенные одной очередью Десильва и Палотти. Оружия возле них не было, а на усохшем лице Палотти сохранилось выражение безмерного изумления и испуга. Второго геолога, второго картографа и зампотеха Эллизауэра расстреляли, поставив к той же стене. Так они и лежали рядком под пробитой пулями дверью — Эллизауэр в кальсонах, остальные — голые.

А в самом центре этой смердящей гекатомбы, прямо посередине улицы, на длинном столе с алюминиевыми ножками, покрытый британским флагом, спокойно лежал, сложивши руки на груди, полковник Сент-Джеймс в парадном мундире, при всех орденах, все такой же сухой, невозмутимый и даже иронически улыбающийся. Рядом, привалившись к ножке стола, уткнувшись седой головой в мостовую, лежал Даган — тоже в парадном мундире, — и в руке у него была зажата сломанная трость полковника.

И это было все. Шестеро солдат, в том числе и Хнойпек, инженер Кехада и второй трактор со второй волокушей исчезли. Остались трупы, осталось сваленное горой геологическое оборудование, осталось несколько автоматов в пирамиде. И смрад. И жирная копоть.

Анджей ввалился в свою комнату, упал в кресло и со стоном уронил голову на руки. Все было кончено. И не было спасения от боли, и не было спасения от стыда, и не было спасения от смерти.

...Я их привел сюда. Я. Я их бросил здесь одних, трус, подонок. Отдохнуть захотелось. От рыл ихних отдохнуть захотелось вонючке, чистоплюю, слизняку... Полковник, ах, полковник! Нельзя было умирать, нельзя! Если бы я не ушел, он бы не умер. Если бы он не умер, никто бы здесь и пикнуть не посмел. Звери, звери... Гиены! Стрелять надо было, стрелять!.. Он снова протяжно застонал и заерзал мокрой щекой по руке. В библиотеках прохладился, речи статуям говорил, раздолбай, трепло, все прогадил, все растерял... Ну и подыхай теперь, сволочь! На кой хрен ты такой кому нужен?.. Но страшно ведь, страшно... Гонялись друг за другом, стреляли, в лежащих стреляли, в мертвых стреляли, к стенке ставили, с руганью, с мордобоем... До чего же вы дошли, ребята, а? До чего я вас довел? Зачем, зачем?!

Он ударил по столешнице стиснутыми кулаками, выпрямился, обтер лицо ладонью. Было слышно, как за окном, не сдерживаясь, в голос, с какими-то нелепыми взвизгиваниями рыдает Изя, и Немой курлыкает, как голубь. Не хочу жить, подумал Анджей. К черту все это. К черту... Он поднялся из-за стола, туда, к Изе, к людям, и вдруг увидел перед собой раскрытый дневник экспедиции. Он с отвращением оттолкнул его от себя, но тут заметил, что последняя страница исписана не его рукой. Он снова сел и стал читать. Кехада писал:

«День 31-й. Вчера, утром 30-го дня экспедиции, советник Галчинский с архивариусом Шереметьевым и эмигрантом Паком отправился на рекогносцировку с расчетом возвратиться в лагерь к отбою, но не возвратился. Сегодня в 14 часов 30 минут

скоростижно, от сердечного приступа, скончался временно исполняющий обязанности начальника экспедиции полковник Сент-Джеймс. Поскольку советник Галчинский до сих пор из рекогносцировки не возвратился, принимаю командование экспедицией на себя. Подпись: заместитель начальника экспедиции по геологии Д. Кехада. 31-й день экспедиции, 15 часов 45 минут».

Далее следовала обычная муть о расходе продовольствия и воды, о температуре, о ветре, а также приказ о назначении сержанта Фогеля начальником по военной части, выговор зампотеху Эллизауэру за медлительность и приказ ему же — максимально форсировать ремонт второго трактора. Дальше Кехада писал:

«Я намерен завтра провести торжественные похороны безвременно усопшего полковника Сент-Джеймса и сразу после церемонии выслать хорошо вооруженный отряд на поиски рекогносцировочной группы. Буде исчезнувшая группа не обнаружится, я намерен отдать приказ о возвращении, поскольку считаю дальнейшее продвижение вперед еще более бессмысленным, нежели раньше».

«День 32-й. Рекогносцировочная группа не вернулась. За безобразную драку, учиненную минувшей ночью, картографа Рулье и рядовых Хнойпека и Тевосяна предупреждаю в последний раз и лишаю на день водного пайка...»

Дальше на бумаге шел чернильный зигзаг, и записи на этом кончались. Видимо, на улице поднялась стрельба, Кехада выскочил и больше не вернулся.

Анджей перечитал записи дважды. Да, Кехада, ты этого хотел. Чего хотел, то и получил. А я на Пака грешил, царство ему небесное... А почему?.. И тут до него дошло: тридцать второй день. Как тридцать второй? Тридцатый! Вчера я записывал за двадцать восьмой... Он торопливо перекинул страницу. Да. Двадцать восьмой... И трупы эти раздутые, они же лежат уже несколько суток... Господи, да что же это?.. Один, два... Какое сегодня число? Мы же сегодня утром ушли!

И он вспомнил жаркую, покрытую пустыми постаментами площадь, и ледяную тьму пантеона, и статуи за бесконечно длинным столом... Это было очень давно. Да-а... Закрутила, значит, завертела гадская сила, заморочила, одурманила... А ведь я мог бы в тот же день вернуться, полковника бы живого застал, не допустил бы...

Дверь распахнулась, и в комнату шагнул непохожий на себя Изя, весь словно высохший, с вытянутым костистым лицом, угрюмый, озлобленный, точно и не он сейчас рыдал там, под окнами. Он швырнул в угол полупустой мешок, сел в кресло напротив Анджея и сказал:

— Трупы лежат не меньше трех дней. Что происходит, ты понимаешь?

Анджей молча перекинул ему через стол дневник. Изя жадно схватил, разом проглотил записи, поднял на Анджея красные глаза. Анджеем сказал, криво усмехаясь:

— Эксперимент есть Эксперимент.

— Дрянь корявая, гнусная... — сказал Изя с отвращением. Он еще раз проглядел записи и бросил дневник на стол. — Гады.

— По-моему, это нас на площади скрутило, — сказал Анджеем. — Где постаменты.

Изя кивнул, откинулся в кресле и, задрав бороду, закрыл глаза.

— Ну, что будем делать, советник? — спросил он.

Анджей молчал.

— Ты мне стреляться только не вздумай! — сказал Изя. — Знаю я тебя... ясновельможного пана... орленка.

Анджей снова криво усмехнулся и потянул себя за воротник.

— Слушай, — проговорил он. — Пойдем отсюда куда-нибудь...

Изя раскрыл глаза и уставился на него.

— Смрад из окон, не могу... — сказал Анджеем с трудом.

— Пошли ко мне, — сказал Изя.

Они вышли в коридор, и Немой поднялся им навстречу. Анджеем взял его за голую мускулистую руку и потянул за собой. Все вместе они вошли в Изину комнату. Окна здесь

выходили на другую улицу. За окнами, над низкими крышами уходила ввысь Желтая стена. Здесь не было смрада, и было почему-то даже прохладно, только вот сесть было негде — весь пол и все сплошняком было завалено бумагой и книгами.

— На пол, на пол садись, — сказал Изя, а сам повалился на свою развороченную грязную постель. — Давай думать, — сказал он. — Я подышать не собираюсь. У меня здесь еще куча дел.

— Нечего здесь думать, — сказал Анджей угрюмо. — Воды нет, увезли, а жратва вся сгорела. Назад дороги нет — через пустыню нам не пройти. Даже если мы этих гадов догоним... да нет, где их нам догнать — несколько дней прошло... — Он помолчал. — Если бы воду найти... Далеко до этой твоей водокачки?

— Километров двадцать, — сказал Изя. — Или тридцать.

— Если ночью идти по холодку...

— Ночью идти нельзя, — сказал Изя. — Темно. И волки.

— Здесь нет волков, — возразил Анджей.

— Откуда ты знаешь?

— Ну давай тогда стреляться к чертовой матери, — сказал Анджей.

Он уже знал, что не будет стреляться. Он хотел жить. Никогда раньше он не знал, что можно так хотеть жить.

— Ну ладно, — сказал Изя. — А если серьезно?

— А если серьезно, то я хочу жить. И я выживу. Мне теперь на все наплевать. Мы теперь с тобой вдвоем, понял? Мы теперь с тобой должны выжить, и все. И провалились они все к чертовой матери. Найдем воду и будем около нее жить.

— Правильно, — сказал Изя. Он сел на кровати и принялся скрестись под рубахой. — Днем будем пить воду, а ночью предаваться содомскому греху. Прелестно.

— А мне плевать! — сказал Анджей. — Понял? На все. На всех. Хватит болтать, Шереметьев! Нам выжить надо, понимаешь ты? Выжить! В этом диком, неправдоподобном мире! Нам вода нужна, Шереметьев!

— Подожди, подожди... — бормотал Изя.

— Я ничего больше не хочу! — заорал Анджей. — Я не желаю больше ничего понимать! Не желаю ничего узнавать! Ведь там трупы валяются, Изя! Трупы! Они ведь жить хотели! А теперь просто вздулись и гниют!..

Изя, выпятив бороду, слез с кровати, схватил Анджея за куртку и силой посадил на пол.

— А ну, тихо! — сказал он. — По морде тебе дать? Сейчас дам. Баба!

Анджей стиснул зубы и замолчал. Изя, отдуваясь, вернулся на койку и снова принялся скрестись.

— Трупов он не видал... — ворчал он. — Мира он этого не видал. Баба!

Анджей, уткнувшись лицом в ладони, давил и затапывал в себе бессмысленный отвратительный вой. Краем сознания он уже понимал, что с ним происходит, и это помогало. Очень страшно было быть здесь, среди мертвецов, еще вроде бы живым, но на самом-то деле уже мертвым. Изя говорил что-то, но он не слышал. Потом его отпустило.

— Что ты говоришь? — спросил он, отнимая ладони от лица.

— Я говорю, что они драпали отсюда опрометью, сразу после бойни. Стало страшно. Повалились на волокушу — и газу. Надо в доме пошарить, наверняка здесь и вода найдется, и жратва... Я пойду пошарю у солдатни, а ты пошарь у интеллигенции. У Кехады в комнате пошарь — у него там геологический НЗ где-то должен быть. Не дрейфь, перезимуем...

В этот момент погасло солнце.

— Ах-х, ты... вот некстати, — сказал Изя. — Фонарь теперь надо искать... Подождика, ведь твой фонарь у меня...

— Часы, — сказал Анджей с трудом. — Часы надо поставить...

Он поднес запястье к глазам, разглядел фосфоресцирующие стрелки и поставил их на двенадцать ноль-ноль. Изя, ругаясь сквозь зубы, возился в темноте, двигая зачем-то кровать, шуршал бумагой. Потом чиркнула и загорелась спичка. Изя стоял посреди комнаты на карачках и водил спичкой из стороны в сторону.

— Ну, чего вы растопырились! — заорал он. — Фонарь ищите! Живее, а то у меня спичек всего три штуки!..

Анджей нехотя поднялся, но Немой уже нашел фонарь, поднял стекло и передал Изе. Стало светлее. Изя, сосредоточенно шевеля бородой, регулировал горелку, руки у него были крюки, горелка не желала регулироваться. Немой, весь лоснящийся от пота, вернулся в угол, сел на корточки и оттуда жалобно и преданно глядел на Анджея распахнутыми глазами ребенка. Войнство. Огрызки битой армии.

— Дай сюда фонарь, — сказал Анджей.

Он отобрал у Изы фонарь, наладил горелку и приказал:

— Пошли.

Он толкнул дверь в комнату полковника. Здесь окна были плотно закрыты, стекла целы, и поэтому смрада не чувствовалось — крепко пахло табаком и одеколоном. Полковником. Все было аккуратно прибрано, два упакованных чемодана отсвечивали добротной кожей, походная койка была застлана без единой морщинки, в головах на гвозде висела португепя с кобурой и фуражка с громадным козырьком. На громоздком комод в углу стоял на войлочном кружке газовый фонарь, рядом — коробок спичек, стопка книг, футляр с биноклем. Анджей поставил свой фонарь на стол и огляделся. Поднос с флягой и перевернутыми стаканчиками оказался на полке пустого стеллажа.

— Поддай, — сказал он Немому.

Немой кинулся, схватил и поставил поднос на стол. Анджей разлил коньяк по стаканчикам. Стаканчиков было всего два, и для себя он наполнил колпачок фляжки.

— Берите, — приказал он. — За жизнь.

Изя одобрительно посмотрел на него, взял стаканчик и понюхал.

— Это вещь, — сказал он. — За жизнь, значит... Да разве это жизнь? — Он хихикнул, чокнулся с Немым и выпил. Глаза его увлажнились. — Хорошо-о... — слегка осипшим голосом сказал он.

Немой тоже выпил — как воду, без всякого интереса. А Анджей все стоял с полным колпачком и пить не торопился. Что-то ему еще хотелось сказать, он и сам не знал, что. Какой-то очередной большой этап жизни заканчивался и начинался новый. И хотя ничего хорошего от завтрашнего дня ожидать не приходилось, завтрашний день все-таки был реальностью — особенно ощутимой потому, что это будет, может быть, один из очень и очень немногих оставшихся дней. Это было совсем незнакомое Анджею и очень острое ощущение. Но он так и не придумал, что сказать, — только повторил: «За жизнь» — и выпил.

Потом он зажег газовый фонарь полковника и вручил его Изе, сказавши:

— Если и этот раскокаешь, борода безрукая, надаю по шее...

Изя, оскорбленно ворча, ушел, а Анджей все медлил уходить, рассеянно оглядывая комнату. Надо было бы, конечно, пошарить здесь — наверняка у Дагана хранилась для полковника какая-нибудь заначка, — но шарить именно здесь казалось... стыдным, что ли?

— Иди, — сказал он Немому не оборачиваясь. — Помоги Шереметьеву.

Дверь у него за спиной скрипнула. Теперь комната была пуста. И стаканчики были пусты, и фляга была пуста, и в груди было как-то пусто, словно вырезали оттуда что-то большое и привычное. То ли опухоль. То ли сердце. И уже привыкая к этому новому ощущению, Анджей подошел к койке полковника, снял с гвоздика ремень с пистолетом, изо всех сил запоясался и передвинул кобуру на живот.

— На память, — громко сказал он белоснежной подушке.

Представленный выше текст будет уместно сопроводить кратким разбором. Как видим, главного героя зовут не Андрей Воронин, а Анджей Галчинский (поляк, а не русский, причем с сохранением «птичьей» фамилии), а Иосифа Кацмана — Изяслав Шереметьев (напротив, не еврей, а русский, причем с сохранением уменьшительного Изя). Изредка встречается правка других имен: так, вместо Василенко появляется Десильва. В речи Анджея перед статуями вместо перечисления «Пушкин, Ленин, Эйнштейн» появляется более уместный для поляка ряд: «Мицкевич, Маркс, Эйнштейн». А вот Петр Великий остается на своем месте...

Помимо переименования Кацмана, из отрывка убираются вообще любые упоминания о евреях. Внешность Изя теперь ассоциировалась не «с его вызывающе еврейской физиономией», а «с этими его бородавками». Корейца, заподозренного в измене, Анджей несколько раз именует не дальневосточным евреем, а косоглазым гадом. Эллизауэр назван не юдофобом, а русофобом, а его антисемитские высказывания попросту убраны.

Разумеется, превращение изъятых из произведения фрагментов в имитацию чего-то якобы самостоятельного было невозможно без замен и сокращений. Полностью снят завершающий диалог с Наставником (Немой так и остается Немым, вместо преображения в Наставника он просто выходит из комнаты). Нет сцены с падением трактора (в отрыве от истории с «Падающими Звездами» она не имеет удовлетворительной концовки).

В черновике было: «Ты мне только стреляться не вздумай! — сказал Изя. — Знаю я тебя... комсомольца... орленка». Разумеется, намек на слова известной песни был по цензурным причинам неприемлем, никуда не годилось также именование поляка Галчинского комсомольцем. Было, однако, найдено весьма изящное решение: «Знаю я тебя... ясновельможного пана... орленка». Рискованная аллюзия заменена безобидной, ибо в таком контексте «орленок» — намек уже на польские реалии, начиная с герба. А поскольку Анджей — поляк, убираются также прежние воспоминания Воронина о ленинградской блокаде.

Изменены мысли главного героя о пропагандистских штампах с упоминанием вечности. Вместо прежнего «Братья навек. Вечная дружба. Навеки вместе. Вечная слава...» дано более закамуфлированное «Вечные, вечная, вечное...».

От заключительной части выступления Андрея перед статуями сохранилось в измененном виде только начало, весь остальной текст (в окончательной версии он начинается со слов «Вот вам и память человечества!..») в варианте для «Невы» отсутствует.

Удалены были и некоторые другие фрагменты той же речи. В черновике и раннем чистовике за словами «Ведь если всех вас запоминать, так забудешь, сколько водка стоит» следовало: «Ойло союзное забудешь, сколько стоит. Вот увлекся я тут с вами и забыл. Помню, что два рубля с чем-то кило... А вещь, между прочим, вкусная, не то что вы. Вроде коз-халвы. С орехами. Едали?» Кроме того, несколько раньше слова «ойло союзное» использовались Ворониным в ругательном смысле (после «Надо же, хамло какое!»). Этому словосочетанию в романе вообще систематически не везло: для поляка Галчинского оно не годилось по национальному признаку, а к моменту подготовки через много лет нового чистовика ГО оказалось уже занятым в «Хромой судьбе»...

Некоторые сокращения призваны были просто уменьшить объем текста. Они совсем мелкие, в некоторых фразах убиралось одно-два слова при полном сохранении общего смысла. Более пристойными аналогами была также заменена нецензурная лексика.

Немало было сделано и стилистических изменений. Иногда текст повести позволяет лучше увидеть постепенную доработку стилистики от варианта к варианту. К примеру, в черновике уставший полковник сидел, «сжав в зубах погасшую трубку», в этом издании — «зажав», позже — «стиснув». Или вот мысли Воронина в черновике: «А прикажу я вам идти, сукины вы дети, разгильдяи, ландскнехты разболтанные...» В «Экспедиции на Север» ландскнехты — «балованные», а в чистовике и далее совсем уж уничижительно — «дрисливые».

Разумеется, тем, что упомянуто выше, все особенности данной публикации не исчерпываются, и читатели могут обнаружить в этом тексте еще немало интересного.

В апреле 1975 года АНС приезжал в Ленинград, в мае БНС несколько дней был в Москве, в июне АНС снова приезжал в Ленинград. Предпринимались ли в это время какие-то совместные усилия по подготовке чистовика ГО, неизвестно. Скорее всего, текст выправлял один БНС. В дневнике и письмах об этом ничего нет: далеко не все, что связано с этим произведением, Авторы решались доверять в ту пору бумаге. Да и очень важное письмо БНС от 23 августа никаких названий не содержит: «Труд, завещанный мне богом, я благополучно закончил 31.07 и с тех пор блаженно бездельничаю, размышляя, главным образом, о новой повестухе». Однако сопоставление указанной в письме даты с датировками в чистовой (наконец-то!) рукописи «Града обреченного» никаких сомнений в смысле сообщения не оставляет.

Что же нового появилось в чистовике по сравнению с черновой рукописью?

Выше упоминались лишь немногие изменения, а на основной части характерных отличий черновика от чистовика остановимся сейчас. Иногда, если это необходимо, будут упоминаться и

последующие варианты текста, хотя систематическое их рассмотрение — впереди. Следует подчеркнуть также, что речь сейчас пойдет лишь о тех фрагментах чернового текста, которые, будучи исправлены в раннем чистовике, затем ни в каких изданиях не восстанавливались и читателям ныне недоступны.

Первый эпиграф в черновике, как и в рабочем дневнике, давался явно по памяти: с неточной последней строкой «Хорошо живем, мерси...» и с подписью «Песенка». В чистовике цитата и подпись указаны уже верно.

Иными были в черновике имена некоторых персонажей. Корейца Пака звали Ни. Фамилия ненавистного Андрею солдата Хнойпека записывалась как «Хнеупек», что, пожалуй, правильнее. Как раз в пору работы над черновиком генерал Б. Хнеупек стал министром иностранных дел коммунистической Чехословакии. Возможно, при подготовке чистовика Авторы, смягчая прямые политические намеки, решили слегка изменить и эту фамилию. Но не исключено, что вариант «Хнойпек» понадобился просто для гладкого звучания слова «хнойпекомымренность»...

Рэй Додд, пропавший в Здании, в черновике назывался Бэла Барабаш, но это имя уже использовалось в «Стажерах». Комсомольского вожака факультета, где учился Воронин, звали не Леша Балдаев, а Леша Дадаев. Бабушку Воронина в черновике звали не Евгения Романовна, а Евгения Сергеевна, а отца его похоронили не на Пискаревке, а в Вологде (что соответствовало реальным обстоятельствам жизни АБС).

Сразу же следует специально отметить, что в черновике, когда Андрей вспоминает Кэнси уже после его смерти, несколько раз ошибочно использовалось имя Канэко из «Далекой Радуги». Эта абберация затем была исправлена в чистовиках лишь частично, а потому упоминания Канэко встречаются даже в части ранних публикаций романа.

Изменялись в процессе правки черновика многие числа. Некоторые разночтения не имеют принципиального значения. К примеру, малосущественно, выдал ли Ступальский гестапо двести сорок семь человек (как в черновике) или двести сорок восемь. Или, скажем, Кэнси говорит следователю Воронину, что «за последние пятнадцать дней в Городе исчезли без следа одиннадцать человек», а в черновике число исчезнувших — семнадцать. Интервью с фермерами Кэнси брал сначала «у двадцати человек», затем «у полсотни мужиков». В такой же пропорции менялась протяженность площади перед мэрией — «шагов двести» превратились в «шагов пятьсот». Предельный индекс интеллигентности в черновике был не шестьдесят семь, а семьдесят...

Но некоторые изменения чисел и дат более существенны. Вот, скажем, мелкая подробность, имеющая при этом серьезные основания. Валька Соифертис, одноклассник Воронина, умер по черновику в пятьдесят первом году, а в окончательной версии — в сорок девятом. Это изменение появилось из-за уточнения биографии самого Андрея. Черновик писался долго, между его частями возникали иногда нестыковки, затем постепенно устранявшиеся (хотя кое-какую намечавшуюся правку Авторы, как будет показано далее, так до конца и не довели). Первоначально Андрей в начале романа, думая про Изю и Дональда, вспоминал, что «пришел сюда из пятьдесят второго года, а эти двое — из шестьдесят седьмого». Поскольку, как указывалось выше, время действия эпилога Авторы определили для себя точно, а Воронин в конце романа вернулся в ту же точку пространства и времени, откуда ушел в Город, то и год его отбытия в чистовике был исправлен с пятьдесят второго на пятьдесят первый. Отсюда следует, что Соифертис в этом году мог умереть разве что перед самым уходом Андрея, так что лучше было дату его смерти сместить на пару лет раньше...

В сцене допроса сначала указывалось, что Изя Кацман родился в тридцать третьем году, но этот вариант уже в черновике был заменен тридцать шестым годом. Уточнен был в черновике и год отбытия Изя в Город: сначала — 1967-й, затем — 1968-й. Видимо, было решено, что «эмиграция» Кацмана должна произойти уже после чехословацких событий. Это подтверждается и тем, что в черновике Изя среди самых известных коллаборационистов XX века упоминал Василя Биляка — просоветского деятеля, активно способствовавшего подавлению Пражской весны. (Следует отметить, что песня Галича «Аве, Мария!» была написана 23 ноября 1968 года, и до ухода Изя все равно вряд ли успел бы ее услышать. Правда, ее мог принести в Город и кто-то из покинувших СССР позже...) А более ранний фрагмент с «шестьдесят седьмым» Авторы, похоже, выправить просто забыли. Этот разнобой так и остался во всех изданиях романа.

С Изей связана еще одна хронологическая несообразность. Если он тридцать шестого года рождения, то в январе 1951 года ему должно быть четырнадцать-пятнадцать лет, и такой возраст не слишком подходит для финальной сцены романа с игрой в прятки и «детскими голосами внизу». Комментируя варианты ГО в четвертом томе серии «Неизвестные Стругацкие» (2008), В. Дьяконов цитировал письмо БНС по этому поводу: «Я точно помню, что эта нестыковка была авторами в свое время отмечена и подлежала исправлению. Значит, забыли. Значит, надобно исправить. Причем исправить именно год рождения Изя — он, кажется, упоминается лишь один раз? Сделать

его на пяток лет младше!» Эти пожелания, однако, остались нереализованными, а вносить теперь правку произвольно, не зная окончательного решения БНС, вряд ли допустимо.

Обращение Изи к Андрею во время допроса было в черновике таким: «Тоже мне майор Пронин! Ты же знаешь меня больше года...» В раннем чистовике эмоциональность высказывания нарастает, но хронология не меняется: «Майор ты Пронин засранный! Ты же знаешь меня больше года...» При подготовке этого текста к публикации исправлено: «Майор ты Пронин задрипанный! Ты же знаешь меня два с лишним года...» (эта версия стала окончательной), а в некоторых изданиях, включая «Неву» и «Миры братьев Стругацких», стало и вовсе «три года».

Воронин-следователь размышляет: «Дело о Здании было начато еще в те времена, когда Андрей был мусорщиком...» В черновике было сказано точно — «шесть месяцев назад». А шеф полиции, выговаривая Воронину за недостаточную результативность, замечает: «Столько времени у нас работаете, а всего три жалких дела закрыли». В черновике фраза более конкретна («два месяца работаете»).

Гейгер, уже будучи президентом, замечает, что до Поворота жить было тяжело, «но вот жизнь в общем налаживается...» В черновике формулировка точнее: «Но вот уже минимум полтора года, как жизнь в общем наладилась...»

Кацман в черновике говорит о себе: «Кто бензин нашел? Восемьдесят тысяч тонн в подземном резервуаре». В раннем чистовике появилось: «Вот Фриц не даст соврать — кто уголь нашел? Тридцать тысяч тонн угля в подземном хранилище?» При дальнейшей переработке текста количество угля увеличивается на порядок: «триста тысяч тонн».

«Трупы лежат не меньше трех дней», — говорит Изя, возвратившись с Андреем из рекогносцировки. В черновике не «трех», а «четырёх». Но про «три дня» мог бы сказать в этой ситуации любой опытный человек, а вот «четыре дня» требуют уже профессиональных познаний, между тем Кацман — не судмедэксперт.

Уточнялись — для большей реалистичности — многие числовые данные, связанные с экспедицией. В окончательном варианте Воронин заносит в дневник «Пройдено 28 км», а в черновике тут было «48». А вот дневной расход в черновике был указан вдвое меньший: 20 литров воды вместо 40. Бурение в поисках воды выполнялось за последний день, согласно черновику, единожды — на 981-м километре. При подготовке чистовика вносится уточнение: «Проводилось бурение — 979-й, 981-й, 986-й км». Позже Воронин думает: «Как-никак, а прошли девятьсот километров». В черновике было не девятьсот, а «больше тысячи», что не соответствовало приведенным выше цифрам (совсем уж точным вариантом здесь было бы «без малого тысячу»), а в чистовиках появлялось столь же неправильное число «восемьсот километров».

Вообще говоря, для пытливого читателя эти дневниковые записи — и сами по себе, и в сравнении с другими эпизодами романа — могут стать предметом специального исследования. Например, записано, что дневной расход продовольствия — 20 норм. Между тем, даже если не учитывать Пака, Немого и Мымру, в составе экспедиции нетрудно насчитать — хотя бы по сцене ее гибели — 22 человека... А по поводу записи «Высота солнца 63°51'13".2» в марте 2009 года возникла — в ходе очередного уточнения канонического текста ГО — оживленная дискуссия с участием БНС. Предлагалось перенести значок «секунды» за дробную двойку и представить запись как 63°51'13.2", однако БНС ответил: «У нас» (Университетская обсерватория, ГАО и везде, где я бывал) писалось именно так: 33".7 или, скажем, 15'.10. <...> Давайте оставим как есть: пусть у Воронина будет собственный стиль астрометрических записей».

Во время разведки Изя, разглядывая план города, сообщает, что «через шесть кварталов должна быть площадь». (Видимо, изменение потребовалось, чтобы с учетом предстоящих событий разместить площадь подальше от места гибели экспедиции.)

Много изменений было сделано в описаниях различных особенностей Города. Изя Кацман говорит о том, что есть на севере за центральными обитаемыми районами: «А там еще город и город, там огромные кварталы, целехонькие дворцы». В черновике далее говорилось: «Там, конечно, почти никто больше не живет, потому что водопровода нет...» Но жить можно и без водопровода — была бы хоть какая-то вода, поэтому при подготовке чистовика уточнено: «Сейчас там, конечно, никого нет, потому что воды нет...» Также Кацман рассказывает о временах монарха Велиария Второго, когда на месте нынешних жилых кварталов были болота. «И было это не меньше, чем сто лет назад...» — говорит Изя, а в черновике добавляет: «По документам видно, по архитектуре...» Интересно также, кто именно жил на болотах. В черновике Изя говорит (скорее предполагая, чем зная точно): «вкалывали на этих болотах фермеры... или рабы». В чистовике на смену «фермерам» приходят «крестьяне», в окончательной версии замененные более подходящими здесь «крепостными». Кроме того, при упоминании в первый раз фермеров сообщалось, что живут они рядом с болотами. При правке черновика к болотам добавились еще и джунгли.

Кое-что менялось и в профессиях персонажей. Сначала Отто предполагалось сделать не товарищем министра профессионального обучения, а министром земледелия. В возглавляемой

Вороным газете Денни Ли заведовал отделом не писем, а рекламы, причем при самом первом появлении (еще до переворота) назывался только по должности, а не по имени. В первой части упоминается бывший сослуживец Андрея по бухгалтерии Палаты Мер и Весов, в черновике же это учреждение называлась Торговой палатой. Кэнси, узнавая Цвирика, кричал ему в черновике: «Ты деньги для сиротского дома разворовывал, сука!», позже стало: «Ты деньги для школ разворовывал, стервец...»

В черновике присутствует еще множество любопытных разночтений с последующими рукописями и публикационными версиями. Перечислим некоторые из них.

В самом начале черновой версии романа Ван хотел предупредить, что у бака «отломаны ручки», но такое трудно не заметить, приступая к погрузке бака, поэтому в чистовике дефект становится менее явным — «отломана ручка».

Когда собирался отряд добровольцев для обороны от павианов, Воронин замечает о Фрице Гейгере: «...и, даже не видя его в полутьме, по одному его голосу, Андрей чувствовал, как нравится командовать этому фашистскому недобитку». Поскольку Авторы в первой части романа стремятся показать, что между Гейгером и Вороным при очевидных вроде бы идеологических различиях есть немало общего, эта часть фразы была заменена другой, в окончательной версии выглядящей так: «...что было, с одной стороны, достаточно обидно, но, с другой стороны, нельзя было не признать, что в данной ситуации Фриц Гейгер, хотя и является бывшим фашистским недобитком, но оказался как-никак на своем, так сказать, месте».

Авторы смягчают отношение Воронина к Гейгеру и позже: наблюдая инцидент возле грузовика, Андрей в чистовике мысленно называет Фрица не «фашистской мордой», а — язвительно, но уже менее обидно — унтер-генералом: «...было крайне любопытно посмотреть, что теперь будет делать наш унтер-генерал и как он вывернется из создавшейся ситуации». Далее появилось подобное же исправление: «Андрей был вынужден признать, что унтер-генерал вывернулся с честью». Позже этот фрагмент еще не раз переписывался, во многих публикациях присутствовало исправление на «битый унтер» и «выбрался из ситуации с честью», но в конце концов за основу был взят вариант, предназначавшийся для «Хромой судьбы», где говорилось, что «было крайне любопытно посмотреть, что теперь будет делать наш унтер и как он вывернется из создавшейся ситуации», а также что «унтер вывернулся без каких-либо потерь». Сарказма в адрес Гейгера тут не осталось, как, впрочем, и слов «с честью». А вот в восприятии Андрея со стороны Фрица дистанция между ними была хоть и ненамного, но увеличена: не раз используемое в черновике обращение Гейгера-следователя к Воронину «брат» в чистовике все-таки изменено на «дружище».

На рассказ Воронина о металлургическом комбинате в Череповце Давыдов реагировал: «Значит, и до Череповца добрались?» В чистовике еще заметнее стало не особо восторженное отношение фермера к этой новости: «И его, значит, в оборот тоже взяли...»

О мэре Андрей вспоминал, что тот при встрече «величественно наклонял голову в знак приветствия, а затем неизменно осведомлялся, не мешает ли Андрею по ночам стук его пишущей машинки...». В чистовике приятность мэра в общении усилена: «...обязательно протягивал для пожатия большую теплую сухую руку и с неизменной вежливостью и предупредительностью осведомлялся, не мешает ли Андрею по ночам стук его, мэра, пишущей машинки...»

На вопрос Сельмы, нельзя ли кого-нибудь нанять для уборки квартиры, Андрей в черновике отвечал: «Фиг тебе!», а затем следовал диалог.

— Видишь, как надо мыть? — Он гордо повел рукой вокруг себя.

— Это ты сам? — осведомилась Сельма презрительно. — Ну и мужчина. Попался бы ты нашим парням... — Она вздохнула.

В чистовике этот конфликт убран: «Фиг тебе! — сказал он злорадно. — Сама отмоешь. Тут белоручкам делать нечего». И после некоторого враждебного молчания разговор продолжается.

На вопрос, кем она была в прежней жизни (по выражению Воронина — «на том свете»), Сельма в черновике отвечает: «Фокстейлером» — и после недоуменного вопроса Андрея поясняет: «Ну, чтобы тебе понятно было... Проституткой. <...> Не для денег же... Это для собственного удовольствия. Называется фокстейлеры. Понял теперь?» Потом вторая часть пояснения изменяется: «Это же не для денег. Просто интересно. Скука же...» Вместо удовольствия — простой интерес, да и то — от скуки...

Продолжая разговор, Воронин рассказывал в черновике Сельме: «Работать можно и здесь на благо людей. У меня есть хорошие друзья, мы тебе поможем...» В чистовике подчеркнут нерастроченный еще комсомольский пафос Андрея: «Может быть, и хорошо, что все так получилось: здесь ты все наवरстаешь. У меня полно друзей, все — настоящие люди...»

«Сдох ваш фюрер!» — говорила Сельма Гейгеру в черновике. «Сожгли его, вашего фюрера» — правится в чистовике. И далее в черновике пьяный Фриц первоначально произносил: «В сердце

каждого истинного немца фюрер жив, фюрер будет жить». В чистовике прямой намек на цитату из Маяковского, ставшую в советские времена «неприкосновенным» идеологическим штампом, слегка замаскирован: «В сердце каждого истинного немца фюрер жив! Фюрер будет жить века!»

«Все что угодно может быть сегодня, и все что угодно будет завтра, но послезавтра мы обязательно увидим небо в звездах, и на нашей улице наступит праздник...» — думает Воронин в черновике. Позже первая часть мысли исправлена на: «Что сегодня может быть как угодно тяжело и плохо, и завтра — тоже...»

По показаниям Теодора Буха, Здание находилось, согласно черновику, «на Третьейлевой улице, неподалеку от церкви». Позже уточнено — «от костела». Про Здание говорилось, что там не подстерегали «ни грабители, ни маньяки-садисты, ни кровососущие пауки», в чистовике вместо пауков названы «мохнатые твари».

Когда Воронин вместе с Чачуа просматривали дело о Падающих Звездах, оно в черновике состояло из «пухлой старой засаленной папки», в других вариантах — из «кучи пухлых засаленных папок». Получается, что дело стало более объемным, хотя чуть позже Чачуа упоминает об одиннадцати фигурирующих в деле трупах, в черновике же их восемнадцать.

Воронин говорит Эйно Саари: «Я уверен, что все подробности о Красном Здании вы узнали где-то на стороне. Сами вы его, может быть, даже и не видели». В черновике Андрей более открыто ставит под сомнение показания свидетеля: «Я лично не верю, что вы в тот вечер провожали Эллу Стремберг, видели Красное Здание и видели, как Элла вошла в это здание. Я лично думаю, что вам это все подсказали».

Антенна на Красном Здании, когда Андрей видит его в первый раз, сначала была названа в черновике телевизионной, потом в машинописи уточнено — «странной крестовидной». В чистовике антенна описана уже как «странная, с несколькими поперечинами», поскольку про крестовидную антенну на Здании говорится в конце четвертой части. Сельма, которую Воронин видит в Красном Здании, была в «кружевных розовых панталончиках», а не «трусиках», как в чистовике.

Отвечая на заявление пана Ступальского, что обитатели Города находятся в аду, Изя в черновике упирал на логику: «Если два явления разнятся по своим определениям, но идентичны по своим проявлениям, надлежит считать их одним и тем же явлением». В чистовике ответ стал более общим: «Во всяком случае, если это и не ад, то нечто совершенно неотличимое по своим проявлениям». А далее в черновике Изя говорил: «Правда, пан Ступальский, вы так и не нашли в моей прижизненной карьере ни одного поступка, за который всевышний мог бы по справедливости отправить меня сюда». В чистовике этот ответ переформулирован: «Однако согласитесь, пан Ступальский, вы ведь так и не нашли в моей прижизненной карьере ни одного проступка, за который стоило меня сюда отправить! Я даже не прелюбодействовал — до такой степени я был глуп». (Прежний «поступок» вместо «проступка» был, надо полагать, просто опечаткой.)

Андрей, размышляя о характере Вана, оценивал выражение «Запад есть Запад, Восток есть Восток» так: «Это были совершенно неправильные, несправедливые строчки, но в данном случае они почему-то казались уместными». В чистовике не только исправлена стилистика, но и учтено, что у Киплинга эти слова — лишь часть стихотворной строки: «Строчка лживая, несправедливая, унижительная, но в данном случае она почему-то казалась уместной».

На вопрос, что он делал в Красном Здании, Кацман отвечает: «Это мое личное дело. Вы не имеете права вторгаться в мои личные дела. Докажите сначала, что они имеют отношение к составу преступления. Статья четырнадцатая УПК». В черновике он эту статью цитировал: «В соответствии с четырнадцатой статьей УПК следствие имеет право вторгаться в личные дела граждан только в том случае, если может доказать, что дела эти имеют отношение к составу преступления».

Когда Изя говорит Андрею, что видел того в Красном Здании и не намерен это скрывать, ибо обязан говорить на допросе правду, Воронин возражает без внешних эмоций: «Вы же говорите, что это вроде сна. Тогда какая разница, видели вы меня во сне или не видели? Зачем что-то там давать понять?..» В черновике ответ был более саркастическим: «Странное рассуждение, Кацман. Красное Здание — это что-то вроде сна? И если вы меня там видели, это вовсе не значит, что я там был, так? Зачем же такое благородство, душевная тонкость...» Далее Изя поясняет: «Да нет. Я просто постеснялся вам сказать, что именно думаю о вас иногда. И зря постеснялся». В черновике — другое начало («Вы меня не поняли») и убранное позже добавление «Думал я правильно».

Когда во время переворота Кацман пытался ответить Воронину, что было в папке и что он сказал Гейгеру, акценты в черновике расставлялись иначе: «Такие вещи не положено знать простым горожанам. Это и мне бы конец был, да и тебе, наверное, тоже... <...> Ну конечно, зачем он тебе станет говорить... Зачем он вообще кому-нибудь станет говорить? <...> А я сижу и думаю, чего это меня не приканчивают? А ведь теперь он меня может прикончить, если вспомнит... <...> Пожалуй, все-таки лучше тебе этого не знать, — неуверенно проговорил он. — Или сказать?»

Просто даже не знаю. <...> Гейгер, наверное, об этом деле давно забыл. К вопросу о власти оно прямого отношения не имеет. По крайней мере, пока».

В черновике в сцене, когда в редакции жгут письма, Изя зачитывает предупреждение о Гейгере, где в том числе говорится: «У него везде свои люди». При подготовке чистовика этот фрагмент был заменен другим: «Его люди пронизывают весь муниципальный аппарат. Вероятно, они есть и в вашей газете».

«Официальная версия» Румера о происшествии на площади (после самоубийства Денни Ли): в черновике — пьяный фермер со взрывчаткой, в чистовике и далее — работяга-взрывник.

На обеде у Гейгера Кацман проговаривается, что «у Манджуро за обедом водку подают». В черновике сообщается, что это делают у Румера.

В разговоре о том, почему в Городе нет приличных писателей, Изя замечает: «Воображаю, как они расправятся с твоим Румером!» В черновике формулировка более конкретная: «Воображаю, что бы какой-нибудь Салтыков-Щедрин сделал с твоим Румером!»

Полковник, рассказывая о боевой тревоге после взрыва у Стеклянного Дома, оценивает боеготовность солдат так: «Это было ужасно! Такого я не видывал даже в Йемене. Да что там Йемен! Такого я не видывал, даже когда дрессировал этих чернозадых в Уганде!..» В черновике «дрессировка» имела место быть в Рас-аль-Хайме. Вариант с Угандой явно лучше хотя бы потому, что расширяет географию военных приключений Сент-Джонса (Йемен и эмират Рас-аль-Хайма находятся довольно близко).

После того как Воронин увидел проходившую статую, он напоминает Кацману, как тот недавно зачитывал дневник повесившегося горожанина. На реплику Изя «Да?» следует: «Вот тебе и да!» В черновике ответ другой: «Похоже, что он был не сумасшедший».

Некоторые имевшиеся в черновике подробности были при переработке в чистовик изъяты, радикально сокращены или заменены более короткими смысловыми аналогами.

О разнице в цене дерьма Ван говорит: «Это — в Сычуани, а в Цзянси, например, цены доходили...» Сначала Авторы словами Воронина поясняют читателю: «Ну да, — пробормотал он. — Это же в Китае...», затем эта реплика убирается (а где еще, как не в Китае?). Ван, продолжая рассказ, сообщает, что сегодняшних цен не знает: «После революции я не жил в деревне...» Далее «После революции» изменено на подходящее для разных периодов китайской истории XX века «Последнее время».

При первом появлении в романе Сельмы Андрей в черновике «ощутил крепкий запах духов, помады и еще какой-то парфюмерии». В чистовике помада из перечня убирается — скорее всего, потому, что выделить ее из сложного парфюмерного букета Сельмы (да еще рядом с изрядно «благоухающими» баками!) не слишком опытный в этих делах Андрей вряд ли бы смог.

«У Кэнси же кобура на боку, что он в ней — сигареты носит?» — возмущается Андрей. «Бутерброды», — отвечает Дональд. Сразу и не понять — шутка это или правда. В черновике следовали реплика Андрея «Вы шутите?» и ответ Дональда: «Нет. В ночных дежурствах Кэнси носит в кобуре бутерброды, днем она у него пустая».

В сцене с Изей и негром Сильвой присутствует некий Оскар Хайдман, который, как сказано в черновике, «считал, что Гаити — это то же самое, что Таити». Такая ошибка была бы слишком грубой, поэтому в чистовике дана более достоверная причина: «он путает Гаити с Таити».

Во время паники в мэрии при нашествии павианов Воронин жалеет, что «обеспечить кого-нибудь обмундированием второго срока — не может». В черновике фрагмент был длиннее: «...второго или, на худой конец, хотя бы третьего...» Тогда же Андрей видит своего бывшего сослуживца и пытается выяснить у него, что делать, прижав к стене, чтобы тот не убежал, а чиновник делает «слабые попытки вырваться». В черновике было, пожалуй, более зрелищно: «слабые конвульсивные попытки вырваться».

О пистолете Дональда Наставник говорит: «Вы, конечно, решили, что Дональд Купер уже отдался в руки полиции, арестован и признался в своих преступлениях...» В чистовике убирается «отдался в руки полиции», а «признался» заменяется «покаялся». Далее Наставник говорит Андрею об условиях Эксперимента, включая единый язык в Городе: «Помните, в первое время вы все допытывались...» В чистовике нет слов «в первое время», ибо ясно, что такой вопрос заинтересовал бы попавшего в Город сразу, а не потом.

Описывая появление Давыдова («По мостовой неторопливо приближалась пароконная телега» и т. д.), Авторы в черновике указывали: «Позади мужчины, в телеге, горбилась какая-то поклажа, накрытая брезентом».

Когда возбужденные павианы устремились на крышу и стали ломать там черепицу, в черновике было добавлено: «и швыряться ею». Позже эта подробность убрана, поскольку далее по тексту процесс этого швыряния описан подробно.

Давыдов отвечал в черновике на вопрос интеллигента («У кого гон?») не только пренебрежительно, но даже «не взглянув на него». А противостояние его с Гейгером после требования того «следовать» описывалось так: «Взгляды их скрестились. Наступила тягостная

тишина». Вторая фраза не соответствует бесшабашности фермера, который за словом в карман не лезет — и далее это демонстрирует, умышленно провоцируя Фрица.

Когда после рабочей ночи и отражения павианов Воронин, придя домой, сразу разделся догола, это в черновике пояснялось: «Он хотел бы содрать с себя все вместе с грязной, потной кожей». На кухне у Воронина, когда описывается куча грязной посуды, упоминался «кухонный стол», затем определение «кухонный» (раз стоит на кухне, то какой же еще?) убирается.

Сельма зашла к Воронину за сигаретой, получила ее, затем «чиркнула зажигалкой и закурила». В черновике уточнялось: «...зажигалкой, которая неожиданно появилась в ее пальцах...» Когда, показывая Андрею транзистор, Сельма «отобрала у него приемник, раздалось хрипение, треск разрядов и заунывное подвывание». В черновике добавлялось еще и «покрутила какие-то незаметные колесики».

Кэнси (на тот момент полицейский) заканчивал в черновике рассказ об операции по «одомашниванию» павианов так: «Павианы — твари умные, один там так прямо-таки нацеливается на должность старшего полицейского...» Этот персонаж — человек по природе веселый, но к работе привык относиться серьезно, так что в чистовике вместо продолжения разговора на служебные темы призывает: «Рюмки давай, рюмок не хватает...»

«Но я здесь свободный человек», — заявляет Давыдов во время застолья. В черновике он добавлял к этому: «...заметьте, в первый раз в жизни».

Разгоревшийся было разговор об Эксперименте перебивает Сельма, и Андрей остается этим недоволен: «Неожиданно оборвавшийся разговор взбаламутил в нем какой-то неприятный осадок — что-то было недоговорено, что-то было не так понято, не дали ему объяснить, не получилось единства». В черновике следовал вывод: «...и это ощущение мешало, как заноза».

Дядя Юра начинает петь, «уставясь своими ерническими светлыми глазами на голые ляжки Сельмы». В черновике дальше было: «...снова задравшей ноги чуть не на спинку кресла...»

«По-видимому, шефу здорово всыпал Главный прокурор», — говорит Андрею Гейгер. В черновике он пояснял: «Дела скапливаются, процент раскрытий хреновый...» А позже шеф полиции, объясняя Воронину важность дела о Здании, добавляет: «Так что, кроме вас, этим занимается и будет заниматься еще кто-то из прокуратуры». В черновике говорилось: «Одновременно с вами и независимо от вас этим делом будет заниматься еще кто-то из прокуратуры».

Когда Фриц приступает к допросу Копчика, звонит телефон, и Воронин, отвечая, говорит «сквозь зубы». В черновике пояснялось, почему: «...не разжимая зубов, чтобы не стучали». Позже Гейгер говорил, что отправил Копчика в яму, потому что «напоследок надобно еще проучить немножко». При подготовке чистовика конец фразы был исправлен на «надобно проучить слизняка», также убрано предположение Фрица: «Года три схватит».

Когда Гейгер предлагает Воронину по своему примеру рассказывать во время допросов про прежнюю работу в ЧК или ГПУ, в черновике Андрей думает: «Конечно, сравнивать гестапо с солдатами Железного Феликса...»

Упоминается, что когда Гейгер зачастил к Сельме, Андрей «сказал ему несколько слов». В черновике эти слова уточнялись: «сказал Фрицу прямо, что здесь ему ничего не отломится».

Изучая дело о Красном Здании, Андрей отмечал ненадежность свидетельских показаний, затем говорилось: «особенно же смущала полная бессмысленность и дикость происходящего». В черновике вместо эмоционального «дикость происходящего» давалось четкое определение: «ненужность такой дикой выдумки».

Дежурного, вызвавшего свидетелей ночью, Воронин в черновике обзывал «дубина вы безграмотная», а позже, после очередного конфликта с дежурным, думал: «...я на эту дубину напишу рапорт». В чистовике здесь появилось «я его, дубину этакую, припеку», а в окончательной редакции «дубина этакая» была заменена «дубиной стоеросовой».

Когда Андрей впервые видит Красное Здание, в чистовике идет сразу его описание, в черновике же сначала шла некая преамбула: «Андрей до последнего мгновения был уверен, что все это — вранье, глупый и бессмысленный блеф, мифическая оболочка какого-то антигосударственного заговора; но вот он стоял перед этим Зданием...»

Рассказ о брате, который Воронин услышал в Красном Здании, сопровождался в черновике пояснениями: «Сами знаете, как это было. После войны вся наша слушательская братия принялась устраивать свою судьбу и карьеру — в частности, наперебой ухлестывать за высокопоставленными дочками. А дочки, прямо вам скажу, просто п<и>сали — фронтовики, гвардейцы, то-се, да еще с высшим образованием. Только наш этот кавалер никогда и ни при каких обстоятельствах в этом гоне не участвовал».

Мысли Андрея после выхода из Красного Здания в черновике тоже описывались более обстоятельно: «Ну, нашел я это Здание, ну, побывал, увидел своими глазами... А дальше? Одну минуточку. Прежде всего я сделал фактическое открытие. Красное Здание существует...»

Затем Андрей разговаривает о Красном Здании с паном Ступальским. В чистовике и во всех последующих публикационных версиях один из фрагментов нарочито скомкан: «Он подробно описан в откровениях святого Антония. Правда, этот текст не канонизирован, но сейчас... Нам, католикам...» В черновике мысль досказана: «Он подробно описан в откровениях святого Антония. Правда, это не канонизированный текст, но сейчас нам это разрешено, нам, католикам...» А далее пан Ступальский говорит — уже о Городе как преисподней: «История знает случаи, когда людей брали живыми на небо...» Первоначально было не «людей», а «великих праведников».

В публикационных вариантах известный анекдот про зайца и медведя либо лишь упоминается, либо в лучшем случае (как в окончательной версии) дается ключевая фраза. В черновике анекдот приводился полностью, хотя особой надобности в этом, пожалуй, не было.

...и Андрей почему-то вспомнил анекдот, рассказанный в свое время Изей — про то, как медведь купил мотоцикл с люлькой и решил покатать зайца. Дал медведь шестьдесят километров в час и смотрит, как там косой. «У-лю-лю-лю-лю!» — лихо кричит заяц. Ишь ты, смельчак какой, подумал медведь с удивлением и дал восемьдесят километров. «У-лю-лю-лю-лю!» — голосит заяц. Ну, дает косой, подумал медведь и выжал сто. «У-лю-лю-лю-лю!» — знай себе орет косой. Тут медведь перепугался, сбросил газ. «Ты что, — говорит, — ошалел? Разобьемся же к чертям...» И затормозил. И тут заяц наконец выговорил: «У лю... У лю... У люльки же дна нет, дурак старый!..»

Мысли Андрея о том, что Сельма напропалую спит с доктором, предварялись в черновике словами: «Это было еще одно унижение...»

В черновике Изя рассказывал Сельме о своем освобождении («Всеобщая амнистия!» и т. д.) в ответ на ее вопрос: «Как же ты здесь оказался, Изечка?» В чистовике рассказ примерно тот же самый, а вот был ли перед этим какой-то вопрос Сельмы, Андрей не слышит, а читатели не знают. Попутно усилены эмоциональность и саркастичность рассказа Изя: «Великий вождь открыл двери узилищ!» (вместо «тюрем»), «Он заухал и застонал» (вместо «забулькал и застонал»).

В начале трагически завершившейся перебранки Кэнси и Цвирика Кэнси, указывая на вооруженных людей, прибывших вместе с Цвириком, спрашивает, не новые ли это сотрудники. Цвирик отвечает: «Представьте себе — да! Господин БЫВШИЙ заместитель главного редактора! Это новые сотрудники. Я не могу вам обещать, что они...» — и тут Кэнси его прерывает. В черновике же Цвирик успевал досказать: «Я не могу вам обещать, что они ваши новые сотрудники, но это новые сотрудники редакции».

При обсуждении экспедиции Гейгер говорит: «Как можно глубже. Насколько хватит горючего и воды». В черновике имелось продолжение: «Причем, если по дороге представится возможность пополнить запасы, надо будет использовать их до последней капли». Полнее была и ответная реплика Воронина: «Не понимаю, на какие запасы горючего ты там рассчитываешь. Там же средние века, какое там может быть горючее и какая может быть перестрелка?» А позже, когда Гейгер пытается выяснить, насколько далеко надо посылать экспедицию, Андрей замечает: «Я вообще не понимаю, на кой черт тебе до самого конца доходить».

Когда Воронин начинает отстаивать своих сотрудников («И скажи, пожалуйста, нашему дорогому Румеру, чтобы он зарубил на своем павианьем носу...»), Гейгер его обрывает: «А можно без ультиматумов?» В черновике Андрей договаривал до конца: «...в канцелярию по науке и технике этот самый нос пусть не сует».

Полнее в черновике выглядело и рассуждение Эллизауэра о Кацмане, одновременно юдофобское и комплиментарное. В поздних вариантах он говорит: «Нет ничего на свете хуже жида. Однако я никогда ничего не имел против евреев! Возьми, скажем, Кацмана...» В черновике было продолжение: «Он еврей? Да! Он жид? Ни в коем случае». (Кстати, в черновике эта тирада адресовалась «заместителю по двигателям», позже — главному мотористу, то есть Пермяку.)

В черновике было: «Тевосян что-то отмочил насчет Мымры, и его раздраженно послали к далекой матери». В чистовике реакция, напротив, одобрительная: «...солдаты заржали...»

Перед выходом на рекогносцировку Изя и Пак «рассматривали схему города», которую, как поясняется в черновике, «Изя раскопал в бумагах этой ночью». А позже Андрей обращает внимание, что «Изя шел теперь рядом с Паком, махал у него перед носом схемой и кричал что-то про масштаб». В черновике все было сказано вполне определенно: «...кричал, что масштаб на ней не соблюден».

Когда Воронин с Изей, Паком и Немым выходят в разведку и перечисляются смотрящие им вслед (Пермяк, Унгерн, Горилла-Джексон), в черновике имелось продолжение: «...заика Йонсен, посасывающий сбитый палец...»

Во время разведки Воронин замечает появление общественных зданий и магазинов. В черновике следовала ненужная констатация: «Видимо, начиналась деловая часть города». В той

же главе Андрей вспоминает случившееся ранее: «Например, куда все-таки девалась статуя?» В черновике это выглядело так: «Например, куда все-таки статуя делась? Конечно, Эксперимент есть Эксперимент, с этим давно никто не спорит. Всякое бывало: и павианы, и солнце гасло... И Здание ведь было, чего уж чудеснее! Но свою голову на плечах тоже надо иметь».

Возвратившись из рекогносцировки и застав на месте экспедиции трупы и пожар, Воронин читает свежие записи в дневнике, сделанные Кехадой. В окончательном варианте: «Дальше на бумаге шел чернильный зигзаг с брызгами, и записи на этом кончались». В черновике: «Дальше на бумаге шел чернильный зигзаг, а ниже, поперек страницы, огромными кривыми буквами было нацарапано «БУНТ». На этом дневник кончался».

Любопытны и результаты стилистической правки черновика, когда требовалось найти вместо прежних слов другие: более емкие, более точные, а иногда и более эффектные.

В рассказе Кэнси про своего двоюродного дядю, полковника Маки, говорилось, что тот «два года просидел в Берлине». В черновике Кэнси был более точен: «по долгу службы два года просидел в Берлине». Далее говорилось, что полковник «присутствовал при вступлении гитлеровских танков в Прагу», в чистовике сказано нейтральнее: «...при вступлении немцев...»

О дерьме Андрей в черновике говорил: «У нас это дело вообще не продается». Здесь возникала некая двусмысленность (то ли спросу нет, то ли не принято продавать), так что в чистовике уточняется: «У нас этим делом вообще не торгуют...»

О запрете полицейским носить оружие Воронин думает: «В конце, концов, полицейский-одиночка действительно соблазнительная приманка для этих гадов». В черновике конкретики больше: не «этих гадов», а «матерых уголовников».

Во время паники при появлении павианов Андрей, жалуясь Наставнику, говорил в черновике: «...никуда не могу пристроиться...» В чистовике сформулировано лучше: «Оказался никому не нужен». В ответе Наставника простоватое слово «безалаберность» правится на более официальное — «недостаток дисциплины».

Грузовик мусорщиков испускает густые клубы дыма — первоначально черного, а после правки, с учетом тумана, — синего.

Яма, наполненная черной водой, которую проскакивает грузовик Дональда, в черновике называлась просто «глубокой», позже для нее нашлось лучшее определение: «страховидная».

При описании пейзажа Города во фразе «...стала видна раскаленная Желтая Стена, поднимавшаяся в небо...» слово «поднимавшаяся» заменено на «уходящая».

При описании бесчинств павианов, которые «приставали к побелевшей от ужаса женщине, прижавшейся к стене», уточнено и ее психологическое состояние: «обмершей в подъезде».

Авторы сначала так описывали реакцию местных жителей на действия отряда самообороны по отражению павианов: «Женщины в окнах оскорбительно захохотали». Позже «оскорбительно» заменено на «издевательски».

Карнизы и водосточные трубы в чистовике характеризуются не как «усеянные» беснующимися павианами, а более наглядно — как «облепленные» ими.

Изменены краткие определения некоторых персонажей. Так, Отто Фрижа упомянут не как «чахоточный», а как «маленький тощий», Дональд — не «строгий холодноватый», а «строгий язвительный».

Голова Давыдова сначала описывалась как «волосатая», затем исправлено на «патлатая». Вспомнив о бабах, Давыдов в черновике «покрутил носом», затем исправлено на «пошевелил бородой».

На спине и груди куртки Воронина имеются буквы «ЛУ». В черновике говорится, что они «выцветшие», позже это определение заменяется на «переплетенные», ибо прежнее уточнение избыточно — о куртке только что говорилось, что она «застиранный».

Показывая Воронину транзистор, Сельма говорит: «На всех диапазонах один треск и вой, никакой музыки нет». В чистовике манера ее речи здесь стала свободнее: вместо «никакой музыки нет» — «никакого кайфа».

Высказанная Сельмой мысль об очеловечивании павианов кажется Воронину «не лишенной какого-то смысла». Соседство «мысли» и «смысла» создает ненужную аллитерацию, поэтому последнее слово замещается «рациональным зерном».

На вопрос Изи, что является целью координации со стороны руководства, Андрей отвечает: «Всеобщее благо, порядок, создание максимально благоприятных условий для работы...» При подготовке чистовика вместо «максимально благоприятных» появляется «оптимальных», вместо «работы» — «движение вперед».

Об изгнании павианов Изя замечал в черновике: «...силенок не хватит». Потом нашлась более яркая оценка: «...кишка тонка...» О возможности скрыть существование павианов Изя говорил: «Их слишком много, а правительство у нас пока, слава богу, не диктаторское». Вторая половина фразы изменена: «...а правление у нас пока еще до отвращения демократическое». Заполнивших город обезьян Изя сначала называл «банды», затем — «стада» или «стада и

шайки». Далее упоминалось, что Кацман одобрительно реагировал на слова Сельмы про короля Густава и кошек, «высоко задирая брови», позже мимика заменена жестом «ударяя кулаком в ладонь».

При общении с Гофштаттером Отто Фрижа «счастливого сиял», затем найдено более удачное определение (ибо, как выясняется дальше, радоваться-то ему особенно нечему): «не переставал улыбаться». Сам Гофштаттер просит передать Гейгеру, что он ему оставит немного свинины, «килограммчика три». Патологическая уважительность к соотечественнику не очень подходит к «килограммчикам», поэтому в чистовике исправлено: «килограмма три». О Гофштаттере также упоминалось, что он смертельно боится «китайцев, японцев и негров», потом японцы (как-никак союзники Рейха!) заменяются на арабов.

В ходе стилистической правки черновика просторечные выражения иногда приводились к литературной норме (например, вместо «навстречу ему выперся Изя» — «в дверях его перехватил Изя»), но в речи персонажей просторечия и даже заведомые речевые неправильности, насколько это возможно, сохранялись. Например, Давыдов не понимает слово «кальмары» и произносит его как «камáры». (Много позже чрезмерно бдительным корректорам иногда удавалось вписать в текст печатных изданий романа «кальмары», но в конечном счете восторжествовало исходное авторское написание.)

Во время застолья возникает разговор о нечеловеческой природе наставников. Дядя Юра говорит о происхождении своего мнения («В спорах родилось»), щупая у себя в черновике не «правую скулу», а «под глазом». На эти слова Изя реагирует с азартом, поэтому его прежняя реплика «Любопытная вещь!» усиливается: «Поразительная штука».

Далее, когда Изя рассказывает о северных районах, в черновике он говорит: «Правда, справедливости ради должен сказать, что многое в этих рассказах доверия совершенно не заслуживает». Для эмоционального Кацмана это слишком длинно и занудно, поэтому текст изменяется: «Правда, и врут про те места тоже безбожно». Изя также говорит о Городе: «Условно считаем, что направление на солнце, та сторона, где болота, поля, фермеры, — это юг, а обратная сторона, в глубину города, — север». Определение «обратная сторона» хотя и короткое, но для данного случая не самое удачное, оно заменяется «противоположной стороной».

Об интеллигенции Андрей говорит: «Терпеть не могу этих безволосых очкариков, дармоедов». Далее характеристика уточняется с заменой «безволосых» на «бессильных» и с добавлением «болтунов» перед «дармоедами».

Песню «про дрожащие кости старого дряхлого мира» пьяный и не улавливающий уже нюансов Андрей характеризовал в черновике как «славную боевую песню», в чистовике «славная» изменяется на «великолепную». Кроме того, в черновике эту песню проорал один Фриц, а в чистовике он проделывает это «на пару с Отто». А песню «Москва — Пекин» Воронин называет сначала «боевой» (каковой она вообще-то не является, да и раньше боевая песня в тексте уже фигурировала), а в исправленном варианте — «прекрасной».

Об уединении Андрея и Сельмы сначала говорилось, «что тут в его воспоминаниях оказался сладостный опустошающий провал». Позже фрагмент правится: провал теперь «в ощущениях оказался» (события происходят прямо сейчас — вспоминать пока нечего).

В сцене допроса Питера Блока по прозвищу Копчик говорилось, что у того на шее «длинно съехал книзу и снова подскочил под подбородок могучий хрящеватый кадык». Далее неудачная аллитерация «под подбородок» правится на «к подбородку».

В черновике тот же Копчик заявлял, что от дочери Гофштаттера «все мужики в околотке без памяти бегают», в чистовике — что «только и знай, что ноги уносят», в окончательном варианте: «по углам прячутся». Далее он во время очередного вопроса в черновике «воздел глаза к потолку», а чистовике же — «возвел». Особенности речи этого персонажа тоже правятся: не «напился», а «насосался», не «насовали» (о драке), а «навешали».

Андрей первоначально говорил Копчику, призывая его не врать: «Стыдно слушать...» Это вращению должно быть стыдно, а не слушающему, поэтому «стыдно» правится на «срамно». И далее Воронин думал в черновике: «Попробуй мне только пол заблевать — я тебя, сукиного сына, одной промокашкой заставлю все убрать...» Последнее слово правится на «подобрать».

Фриц при допросе наносил Копчику «короткий удар в живот», затем характеристика удара меняется на «режущий». У Гейгера во время допроса Копчика челюсть описывалась как «далеко выдвинутая вперед». Затем находится более удачное описание — «свирепо выдвинутая вперед». Андрей, невольно любясь Гейгером, замечал в черновике: «В нем уже почти ничего не осталось от надутого солдафона». В чистовике сравнение смягчено — «от надутого молодого унтера». И далее, вспоминая об исчезнувшей уже наглости Фрица, Андрей сначала называл ее «бессмысленной», позже — «туповатой».

Идя к шефу полиции, Воронин «ожидал втыка, крепкого начальственного фитиля». Далее «крепкого» заменяется на «шершавого».

В перечислении всевозможных слухов о Здании присутствуют «черные провалы люков, дышащие неслышанным кладбищенским зловонием». Неточное в данном контексте слово «неслышанным» исправлено на «ледяным».

Папки с делами у Чачуа описаны в черновике как «растрепанные» (что можно понять как признак неаккуратности следователя), а в чистовике — как «разбухшие» (это, напротив, говорит о его профессиональной успешности: вот сколько материала собрал, в папки не влезает!).

Чачуа в разговоре с Ворониным называет русских «дураками», в чистовике выбрано более оригинальное определение — «идиёты». И описание смеха Чачуа как «раскатистый хохот толстого кавказца» правится на «раскатистый хохот страшно довольного кавказца» (здесь важны не габариты, а мироощущение). Анекдот же про заварушку в Питере Андрей называл в черновике «нехитрым и глупым», позже — просто «дурацким».

Матильду Гусакову Воронин мысленно называл в сердцах «старой стервой». Особа это, конечно, своеобразная, да еще и не склонная к сотрудничеству со следствием, но «стерва» — уже чересчур, поэтому в чистовике Воронин характеризует Матильду как «старую корягу».

Про соседний с Красным Зданием кинотеатрик в черновике упоминается, что он был оштрафован «за нелегальный показ порнографических фильмов», а в чистовике и далее — «за показ порнографических фильмов в ночное время». Это надо понимать, видимо, так, что днем репертуар кинотеатра был вполне приемлемым, а вот ночью...

Один из военных, изображающих шахматные фигуры, в Красном Здании был украшен «массой орденов, значков, ромбов, нашивок». Слово «массой» здесь явно не лучшее, оно заменяется «созвездиями».

Когда Воронин окончательно приходит в себя во время разговора с Кацманом и паном Ступальским, это описывается в черновике так: «Словно соскользнула с него липкая полупрозрачная пленка кошмара...» Липкая пленка вряд ли может соскользнуть, и в чистовике сравнение уточнено: «Словно лопнула и растаяла эта липкая полупрозрачная пленка кошмара...»

Во время допроса Изи Андреем степень возмущения у обоих все возрастает и доходит, наконец, до крайности. Воронин кричит в черновике «так, что у него даже что-то щелкнуло за ушами», а в чистовике — «изо всех сил». В ответ на это, согласно черновику, «Изя тоже осатанел», в чистовике же формулировка другая: «И тут Изя сорвался». Далее Изя посылал Андрея в черновике «к такой-то матери», а в чистовике вместо «такой-то» подразумевается вполне определенное слово, замененное точками.

Когда во время переворота Давыдов гнал лошадь, он гикал в черновике «усердно», а в чистовике — «отчаянно».

Наставник, разговаривая с Ворониным о погасшем солнце, отмечал, что ретроспективно «эта тьма египетская будет рассматриваться уже как нормальная часть Эксперимента». Слово «нормальная» далее заменено на «неотъемлемая, запрограммированная».

В черновике Воронин-советник выходил из общего душа «ступая на цыпочках». Чтобы подчеркнуть благоприобретенную брезгливость персонажа, действие уточняется: «ковыляя по грязноватому кафелю на брезгливо поджатых пальцах». Поскольку шел Андрей все-таки не на пальцах, а как раз поджимая их, при дальнейшей переработке текста описание стало еще достовернее: «...и брезгливо поджимая пальцы».

После драки членов экспедиции разгоряченный Воронин тупо разглядывал в черновике «свои трясущиеся пальцы» (разумеется, уже на руках, а не ногах). В чистовике формулировка более мягкая: «подрагивающие».

Воронин думал о вызвавшихся идти в поход добровольцах: «...авантюристы, сорви-головы». В чистовике вместо «сорви-головы» появляется «сарынь на кичку».

Речь Воронина перед статуями изначально писалась, видимо, очень тщательно, поэтому при подготовке чистовика потребовалось в основном заменить «простые» слова аналогами, более подходящими для «трибунных» (пусть и стилистически вольных) речей. «Гладкая баба с бедрами» заменяется на «роскошную особу с бедрами», «целыми толпами» — на «побатальонно», «засранцы» — на «задрипы», «падла» — на «тварюга», «господа» — на «сударики мои» и так далее. Разве что только «фабрика имени Ногина» была заменена «премией Калинги», и, соответственно, предположения о занятиях носителя имени стали другими: не «то ли полководец, то ли живописец», а «то ли писатель он был, то ли вообще спекулянт шерстью».

Более выразительными делаются и описания Города. В черновике было: «Неоглядная сине-зеленая пустота к западу и неоглядная желтая вертикальная твердь с узенькой полоской-уступом, на котором тянулся город, — к востоку». В чистовике — гораздо полнее и эффектнее: «К западу — неоглядная сине-зеленая пустота — не море, не небо даже — именно пустота синевато-зеленоватого цвета: сине-зеленое Ничто. К востоку — неоглядная, вертикально вздымающаяся желтая твердь с узкой полоской уступа, вдоль которого тянулся Город. Желтая Стена. Желтая абсолютная Твердь. Бесконечная Пустота к западу и бесконечная Твердь к востоку».

Иногда в описаниях обнаруживались и устранялись смысловые повторы. Пример: «Ларечник ходил вокруг своего разгромленного ларька, кряхтел, почесывал спину и, судя по выражению лица, явно что-то такое прикидывал». «Судя по выражению лица» и «явно» в данном случае означают одно и то же, поэтому первое словосочетание в чистовике убрано.

Кроме того, в некоторых местах мыслям и репликам придавался более естественный вид, очищенный от признаков канцелярита. Вот несколько примеров в сценах с Андреем и дядей Юрой. Когда фермер в присутствии Воронина давал очкастому биологу пояснения о жизни на болотах, вместо «Бородач <...> снисходительно на него поглядывал и давал пояснения. Гон, оказывается, имел место у краснух...» в чистовике появляется: «Бородач <...> снисходительно пояснял, что гон на болотах бывает, брат, у краснух...» Приглашая Давыдова в гости, Андрей говорил: «Если меня не будет, обратитесь к дворнику...», в чистовике «обратитесь» заменено на «загляните». А мысли Воронина о Давыдове, что «его уход в Эксперимент больше похож на бегство от трудностей», переписаны существенно более живым языком: «в Эксперимент он, конечно, не пошел, а от трудностей убежал...»

Очень показательна и правка глаголов. Эта часть речи играет важнейшую роль — как бы увлекает читателя, несет его по сюжету, поэтому с подбором глаголов, подходящих именно для данного случая, нужна особая тщательность. Вот некоторые примеры. «Окрысился» заменялось в чистовике на «огрызнулся», «прекратились» (панические вопли) — на «утихли», «потрогал» (ударенное ухо) — на «ощупал», «спит» — на «дрыхнет», «неоднократно заговаривал» (о Кацмане) — на «не раз распространялся», «показалось» (в насмешливой реплике Сельмы) — на «померещилось», «хочется спросить» — на «тянет спросить», «стукнул» (кулаком) — на «ахнул», «пытаясь» (ухватить из пачки сигарету) — на «силясь», «душила» (одышка) — на «мучила», «подняло» (на вершину ликования и энтузиазма) — на «вознесло», «охватило» (ощущение вины) — на «пронзило», «выглядывала» (нижняя часть шофера из двигателя) — на «выпячивалась», «догадались» — на «сообразили», «вытащил» — на «извлек», «зашелестел» (бумагой) — на «зашуршал», «проорал» — на «завопил», «ткнул» — на «пнул»...

Копий одной и той же машинописи первого чистовика в архиве Автореве сохранилось две, и различаются они тем, что один экземпляр не содержит никакой правки, во втором же ее довольно много, хотя в основном мелкой. В копии с чистой машинописью указаны даты: «24.02.1970 — 27.05.1972 — 31.07.1975». Во втором экземпляре эти даты перечеркнуты, рукописно указано «1970–1972, 1975, 1987». Позже последняя дата в этой рукописи зачеркнута, но как раз она-то и позволяет ответить на вопрос, когда была предпринята новая правка чистовика. По целому ряду причин можно уверенно говорить, что вычитка чистовика (с исправлением мелких огрехов прежней машинописи) и дополнительная правка делались — в несколько приемов — в 1987 году, когда с появлением реальных шансов на публикацию полного текста романа его потребовалось подготовить для журнала «Нева». Далее этот этап работы будет рассмотрен подробнее, но о самом серьезном и заметном изменении следует упомянуть прямо сейчас. В отличие от прочей правки, не повлиявшей на общий сюжет, результат этого изменения имел фундаментальное значение, ибо стал совсем иначе показывать, чем же закончилось пребывание Андрея Воронина в мире Города. Разница заключалась всего в одном абзаце. Вот как он выглядел в черновике и — слово в слово — в первом чистовике.

И они сошлись, и остановились в десяти шагах друг от друга, — два рослых, неимоверно ободранных и изможденных человека, до глаз заросших нечистыми вострепанными бородами, и оба держали руку на пистолете, и оба уже спустили предохранитель, и они глядели друг другу в глаза, пытаясь угадать, что будет дальше, и не узнавали друг друга, и так и не успели узнать.

Потому что погасло солнце.

В правленной копии первого чистовика абзац перечеркнут, рукой БНС написано слово «ВСТАВКА», а на отдельном листке дан рукописный текст на замену прежнего. Основная часть нового абзаца сложилась сразу (с введением отдельных словосочетаний из прежнего фрагмента), кое-где потребовалось уточнить отдельные слова, но конечный результат правки — это именно тот текст, который хорошо знаком нам по окончательной версии.

Он потянул пистолет из кобуры. Пистолет зацепился. Стало страшно. Он дернул сильнее, потом еще сильнее, потом изо всех сил. Он ясно увидел резкое движение того, что шел ему навстречу (рослый, ободранный, изможденный, до глаз заросший нечистой бородой)... Глупо, подумал он, нажимая спусковой крючок. Был выстрел, была вспышка

встречного выстрела, был — кажется — крик Изиды... И был удар в грудь, от которого разом погасло солнце...

Таким образом, несмотря на то, что в подготовительных заметках к роману судьба главного героя была обозначена вполне определенно («У нулевой точки он убивает своего двойника и оказывается в своей комнате перед зеркалом»), Авторы написали сначала альтернативную развязку — с готовностью к стрельбе, но все-таки без нее. Андрей доходил до конца этого странного и страшного мира — и встречался, возможно, с самим собой. Все, что удалось понять и сделать в Городе, уже случилось, все непонятое и несделанное осталось на будущее, а в первом круге Воронину делать было больше нечего...

Возможно, правка потребовалась потому, что было усмотрено противоречие прежнего варианта тому, что в позднейших интервью и беседах БНС называлось «Главной тайной Города» (иногда даже использовалась аббревиатура ГТГ). Так определялось весьма важное свойство этого мира, то ли прямо, то ли косвенно связанное с исчезнувшей папкой Изиды Кацмана и ставшее известным не только ему, но и Фрицу Гейгеру. Для некоторых внимательных читателей этот аспект сюжета представляется совершенно очевидным и даже не воспринимается как тайна — текст романа дает все нужные подсказки. В гостевой книге сервера «Русская фантастика» в свое время шло бурное обсуждение этой тайны, время от времени по этому поводу высказывался в офлайн-интервью и БНС. Правильный ответ был сформулирован так: смерть тех, кто пришел в Город извне, является, словами БНС, «лишь возвращением в точку первоначальной вербовки». Между прочим, пан Ступальский категорически не мог принять мысль о том, что в преисподнюю можно попасть, не умерев физически. С возвращением из Города получается нечто подобное, хотя отличить в момент своей гибели истинную смерть от «виртуальной» человек не в состоянии. Более того, даже после возвращения домой он может так никогда и не понять, что его личные обстоятельства — лишь проявление фундаментальной особенности Города. Впрочем, повзрослевшему, во многом изменившемуся и утратившему былую идеологическую наивность Андрею адом должен был показаться как раз тот мир, куда ему пришлось из Города вернуться...

Для введения более острой концовки нашлись, видимо, и другие причины. В офлайн-интервью (20.12.1998) БНС предлагал, в частности, такую трактовку: «Ниоткуда не следует, что Андрей «на границе» стрелял в свое зеркальное изображение. То мог быть совсем другой человек, но с похожей, разумеется, судьбой. Для авторов было важнее другое: наш «добрый малый, но педаант» дошел к концу своего первого круга до такого состояния, что и думать не думает броситься в объятия неизвестности с оптимистическим криком «хинди-руси бхай-бхай!» — нет, он норовит палить из пистолета во все, что шевелится, другие варианты ему и в голову, заметьте, не приходят». Впрочем, в другом фрагменте того же интервью (21.04.2000) дана более традиционная версия: «Андрей застрелил сам себя и оказался в исходной точке своего путешествия по «кругам жизни». Читателю предлагается домыслить весь ужас его положения — ведь на дворе 1952 годик во всей своей красе». Вообще же то, что развязка романа, как и многие иные сцены, допускает самые разные способы прочтения, вполне соответствовало замыслу Авторы.

Когда была сделана правка сюжетной развязки? Вряд ли это случилось немедленно после завершения работы над ранним чистовиком 31 июля 1975 года — в противном случае можно было просто перепечатать заново последние две страницы, чтобы сохранить чистовую рукопись уже с ними. А вот позже это могло произойти в любой момент — вплоть до конца 1987 года. Возможно (и даже вероятнее всего), эта правка действительно делалась при подготовке публикационной версии романа в 1987 году наряду с прочими изменениями в последней части. Нельзя, однако, полностью исключить, что финал правился раньше и отдельно. Никаких более точных «зацепок» не дают ни письма Авторы, ни их беседы и интервью, ни материалы рабочих дневников. Уверенно сказать можно лишь одно: во всех публикациях ГО этот фрагмент, будучи единожды изменен, не подвергался больше никакой дополнительной правке.

Все это, однако, происходило много позже. А пока, передав надежным людям на хранение два экземпляра сделанного чистовика, одну из копий рукописи Авторы оставили в своем архиве. Никаких шансов на то, что она понадобится в последующие несколько лет для публикации, не было. Возникшая как-то в переписке АБС 1977 года спонтанная идея предложить «Литературной газете», захотевшей опубликовать отрывок из чего-то нового, фрагмент «либо из ГЛ, либо из ГО», не была серьезно воспринята самими же Авторами. БНС 20 декабря 1977 года справедливо заметил: «Я, честно говоря, совершенно не представляю себе, что можно выбрать из ГЛ и, тем более, ГО. Если ты представляешь, обязательно выбери и пошли. Пусть кушают». На том, как нетрудно догадаться, дело и закончилось.

Следующие упоминания «Града обреченного» появляются в письмах и дневниках АБС за последние месяцы 1981 года, когда началась работа над романом «Хромая судьба». Сначала записывались некоторые соответствия между прежним и новым замыслами — как косвенные

(«Дом в Москве, где Menzura, — переключка с Домом из ГО»), так и прямые («Эпизод: читает главку из ГО авторитетному старшему писателю на предмет узнать мнение: пойдет вещь или не пойдет?»). 9 января 1982 года в рабочих записях появляется заметка: «Булгаков — аналог Наставника в ГО». А на следующий день уже дается общий план будущего романа, содержащий и порядок чередования «московских» глав ХС с фрагментами ГО. Первоначально там планировалось дать пять отрывков (без указания, каких именно), позже планы были несколько уточнены: после каждой главы с Феликсом Сорокиным с первой по четвертую должна была располагаться и глава из ГО, а завершить повествование предполагалось сценой с чтением якобы ненаписанного еще фрагмента...

История работы над ХС будет в данном Собрании рассмотрена подробно (и не в одном томе!), далее же приводится в этой связи лишь некоторая информация по «Граду обреченному».

В «Комментариях» БНС сказано: «Работая над романом, мы, для собственной ориентировки, подразумевали под содержимым Синеи Папки наш «Град обреченный», о чем свидетельствовали соответствующие цитаты и разрозненные обрывки размышлений Сорокина по поводу своей тайной рукописи. Конечно, мы понимали при этом, что для создания у читателя по-настоящему полного впечатления о второй жизни нашего героя <...> в идеале надобно было бы написать специальное произведение, наподобие «пилатовской» части «Мастера и Маргариты», или хотя бы две-три главы такого произведения, чтобы вставить их в наш роман... Но подходящего сюжета не было, и никакого материала не было даже на пару глав, так что мы сначала решились скрепя сердце пожертвовать для святого дела двумя первыми главами «Града обреченного» — вставить их в «Хромую судьбу», и пусть они там фигурируют как содержимое Синеи Папки».

На самом деле глав было не две, а четыре — и сначала вовсе не первых. О том, что наступления лучших времен осталось ждать недолго, Авторы, разумеется, не имели понятия, и новое произведение в очередной раз предназначалось более для ящика стола, чем для публикации. Можно было попытаться объединить старый и новый романы, однако, по словам БНС, «это решало бы все проблемы, но в то же время означало бы искажение всех и всяческих разумных пропорций получаемого текста, ибо в этом случае вставной роман оказывался бы в три раза толще основного, что выглядело бы по меньшей мере нелепо». Для представления Синеи Папки решено было взять четыре главы, но не из пятой части, как в свое время планировалось для «Невы», а из второй.

Осенью 1982 года был принят ряд принципиально важных решений. 14 октября АНС записывает в дневнике: «Заменили из ГО 2-ю <часть> на 1-ю ввиду политнепригодности, а в 1-й только стих Галича заменим». И действительно, во всех сохранившихся рукописях, где «Хромая судьба» объединена с «Градом обреченным», прежний фрагмент с цитированием песни Галича «Аве, Мария!» («В этой песне был рефрен...» и далее) изъят, а вместо него сразу описывается реакция дяди Юры: «Во всяком случае, дослушав до конца, он вдруг со страшным треском обрушил пудовый кулак на столешницу, необычайно витиевато выматерился, после чего схватил стакан и припал к нему безо всяких тостов». А как «очень странную, будто с другой планеты» Андрей воспринимал теперь боевую песню, исполняемую Кэнси...

27 ноября в дневнике АНС появляется запись: «Закончил складывать и считать ХС. <...> Еще одна метка: главу ГО разделили на две части. 1-ю — после 1-й главы ХС, 2-ю — перед последней». Этот вариант нового романа стал последним из числа включающих ГО.

В то время возникали и другие идеи, оставшиеся нереализованными. 3 января 1983 года АНС зафиксировал в рабочем дневнике предложение своего хорошего знакомого Ю. Манина: «...сделать отрывки из ГО не буквальными, а пересказом, а la Трифонов». А через несколько дней в рабочем дневнике рукой БНС записано: «Не сделать ли для ХС спец<иальную> главу из ГО (между «Следователем» и «Редактором»). «Охота на Василиска» — погоня за человеком, которого было опасно обижать».

Осенью 1985 года у Авторов возникли новые представления о содержимом Синеи Папки. 4 октября 1985 года АНС написал в дневнике, что полностью одобряет идею БНС «начинить ХС не главой из ГО, а всей мощью ГЛ». С этих пор пути произведений разошлись окончательно и бесповоротно. Последним напоминанием о прежнем замысле стала журнальная публикация ХС («Нева», 1986), где основной текст Синеи Папки отсутствовал вовсе, но все мелкие фрагменты в «московских» главах относились по-прежнему к «Граду обреченному».

Как оказалось далее, решение о превращении «Гадких лебедей» в набор фрагментов, дополняющих сюжет другого произведения, не встретило понимания и одобрения у многих читателей, знавших из многочисленных интервью АБС о существовании иного и, как они полагали, куда более выигрышного варианта. Тем не менее, позиция Авторов была и осталась непреклонной. На очередное возражение БНС отвечал в офлайн-интервью (2.01.2000) так: «Нам стало жалко тратить любимый наш «подпольный» роман, обрекать его на существование в виде вспомогательного текста. А кроме того, что бы Вы ни говорили, мы оба считали (а я считаю и

сегодня), что ГЛ подходит лучше. Уже потому хотя бы, что это роман писателя о писателе, читай — о себе самом».

К этому вопросу будет еще возможность вернуться при рассмотрении вариантов ХС. Что же касается «Града обреченного», то в последующих томах Собрания читатели смогут ознакомиться не только с «каноническим» текстом «Хромой судьбы», но и с более ранней редакцией, включающей главы из ГО. А здесь и сейчас перечислим только некоторые характерные отличия этих вставных глав от разных вариантов полного текста романа.

Изменений, сделанных в предвидении будущей цензуры, обнаруживается мало (пример с Галичем уже приводился), основная правка — стилистическая. ГО писался в середине семидесятых, подготовка выдержек из романа делалась в первой половине восьмидесятых. К этому времени за плечами Авторов было еще несколько произведений, манера письма поздних Стругацких несколько изменилась, что отчасти сказалось и на особенностях правки. Разумеется, подобные разночтения могут быть чрезвычайно интересны и полезны для тех, кого заинтересует эволюция стилистики АБС в течение творческой жизни, но здесь этот аспект рассматриваться не будет — уделим внимание лишь изменениям тех или иных фактических подробностей.

Снова правятся некоторые числа. Если в романе в рассказе Кэнси о полковнике Маки говорилось, что в шахте он взорвал, по одному варианту, восемь тысяч китайских рабочих, а по другому — пять, то здесь упомянуты три с половиной тысячи.

В разных редакциях романа говорится, что Дональд прежде работал в Городе либо грузчиком на складе, либо продавцом в зеленой лавке, в варианте же для ХС «ему досталось быть продавцом в галантерейном».

Поведение полицейского, которого Андрей посадил на грузовик, описывалось в романе первоначально так: «Некоторое время ехали молча, полицейский посвистывал». В более поздних вариантах описание было уточнено: «насвистывал из оперетки». Но в варианте для ХС полицейский издавал совсем другие звуки: «крякал на колдобинах, сопел».

«И почему именно павианы? Почему не тигры?» — думает Воронин о нашествии павианов. В главах для ХС — не тигры, а крокодилы.

После сцены со стрельбой из пистолета следует разговор, в котором Андрей предлагает сдать пистолет, а Дональд думает о чем-то своем. Здесь появилась вставка.

Дональд вдруг спросил вроде бы даже с любопытством:

— И вы не чувствуете ни стыда, ни унижения, ничего?

— При чем здесь это? — растерялся Андрей.

Встретив Давыдова в первый раз, Воронин ощутил приступ ностальгии и при этом подумал: «...не то чтобы этот бородач казался ему воплощением родины, вовсе нет». К этому добавляется: «...не так представлял он себе воплощение Родины». Давыдов, рассказывая Воронину о фермерской жизни, замечает: «У нас, браток, на болотах с бабами очень туго». Здесь тоже сделано добавление: «Не едут они к нам!» Интересуясь, что произошло с селом после его ухода в мир Эксперимента, Давыдов спрашивает Андрея не абстрактно («как там на деревне»), а точно: «А на Вологодчине тебе бывать не приходилось?» О жарких спорах насчет Эксперимента он рассказывает, что они происходят, когда фермеры насосутся самогонки, но в варианте для ХС хватает напитка послабее — пива. Также из этого варианта можно узнать, что гон на болотах бывает у краснух раз в три месяца.

К объяснениям Андрея Сельме, что нужно сделать для получения работы («Пойдешь на биржу, заполнишь книжку, бросишь в приемник... Там у нас установлена распределяющая машина») добавлено: «Она решит, куда тебя направить вначале».

Андрей называет Изю в версии для ХС не просто «трепло», а «трепло астраханское».

Кэнси говорит Отто, что профессиональное обучение в Городе бессмысленно, коль скоро «каждый то и дело меняет профессию». В варианте для ХС — не «то и дело», а «шесть раз в год». Конечно, это не смена профессии каждую неделю, как в набросках к роману, а «Эксперимент есть Эксперимент», но и в этом случае быстро должна наступить полная дезорганизация городского хозяйства... Это, кстати, единственный случай, когда частота смены профессий указывается в каком-то из вариантов романа точно. (Интересующиеся миром Города читатели обычно полагают, что это происходит раз в полгода, хотя основания для этого вывода есть только косвенные.)

Когда Воронин во время вечеринки задумывается о соотношении Эксперимента и дела товарища Сталина, Изя вдруг отвечает ему, и Андрей осознает, что «уже некоторое время говорит вслух». В варианте для ХС было продолжение: «...причем, по-видимому, громко, потому что все смотрели на него и улыбались». Когда же разговор переходит на обсуждение интеллигенции и культуры, Воронин полностью соглашается с мнением Гейгера об интеллигенции, но расходится с мнением насчет полезности культуры. В варианте для ХС там, где Воронин поначалу старается

объяснить Гейгеру, как надо понимать культурное достояние, он, обрывая пояснение, говорит: «Э-э, да куда тебе!..» Давыдов говорит, что Город для Наставников — нечто вроде аквариума и они наблюдают за жителями Города, а затем добавляет в этом варианте: «Ученые они, понял?» Потом разговор заканчивается и начинается пение. В романе упомянуто хоровое исполнение песни «Там в степи глухой замерзал ямщик...», здесь же все поют: «Хазбулат удалой, бедна сакля твоя...»

Абсолютное большинство правок, сделанных в главах из первой части романа для «Хромой судьбы», в позднейшие варианты ГО не попало, хотя некоторые изменения все-таки включались в новые издания романа и далее при их рассмотрении будут частично упомянуты.

С постепенным изменением обстановки в стране все благоприятнее становились и условия для издания произведений Стругацких — включая и те, о выходе в свет которых совсем недавно нечего было и мечтать. В дальнейшей истории «Града обреченного» уже нет «пустых» лет: хотя обмен письмами между Авторами к этому времени прекратился, упоминания романа появляются в их дневниковых записях часто — и чем дальше, тем больше отображают не бесплодные усилия, а вполне реальные результаты.

Журнальная публикация «Хромой судьбы» («Нева», 1986, №№ 8–9) уже упоминалась выше. Судя по всему, здесь возникла любопытная ситуация. С одной стороны, даже без учета окончательного мнения Авторам, по идеологической приемлемости текст «Гадких лебедей» как таковой объективно был бы в качестве вставных глав менее рискованным, чем главы из ГО. С другой стороны, у ГЛ за долгие годы успела сложиться — безотносительно к реальному содержанию — вполне определенная и остающаяся на слуху репутация, а ГО ни с какими скандалами не ассоциировался. Так или иначе, в журнальной публикации остались следы именно «Града обреченного». Возглавивший «Неву» с декабря 1984 года Б. Никольский предлагал также наполнить Синюю Папку отрывками из романа (уже не теми, которые предполагалось включить несколько лет назад, а выдержками из разных частей). Авторы подготовили подборку фрагментов, но на подобный шаг редакция все-таки не решилась.

Поскольку «окно возможностей» понемногу расширялось, можно было вполне серьезно задуматься и о публикации самого «Града обреченного». Сначала был «пробный выстрел»: в мае 1986 года БНС передал в Таллин для журнала «Радуга» представленный выше текст якобы отдельной повести под названием «Экспедиция на Север», который был когда-то отвергнут «Невой», ничего не меняя ни в нем, ни в авторском предисловии. Отрывок был опубликован в первых четырех номерах «Радуги» за 1987 год.

Рассматривалась также идея опубликовать роман в журнале «Знание — сила», но для этого издания объем был слишком велик (АНС писал: «Но ГО для З–С — чушь, три года подряд печатать»). Такая публикация, даже будь она реальной, потребовала бы серьезных сокращений, так что вопрос был временно отложен.

А осенью 1986 года наметилась возможность опубликовать текст романа без изъятий в «толстом» журнале: 25 ноября БНС записал в дневнике, что подал заявку на ГО в «Неву». (Она к тому времени как раз благополучно опубликовала журнальный вариант ХС.) Дело было вроде бы за малым — представить рукопись. Но существующий чистовик был подготовлен давно и, по мнению Авторам, требовал доработки, которой они решили заняться при первой же возможности.

Основная часть правки прежнего чистовика делалась в Репино во второй половине января 1987 года. Редактировались первые четыре части. Почему не весь текст? На этот счет остается лишь строить предположения: поздний этап работы АБС над романом документирован крайне скудно и содержит много невосполнимых лакун. Видимо, договоренность с редакцией «Невы» о том, что ГО будет публиковаться не последовательно, а по частям, с некоторым промежутком, была достигнута с самого начала. Требовалось создать видимость того, что основная часть романа написана давно, а закончен он буквально только что. В «Комментариях» БНС по этому поводу сказано: «...почему-то казалось, что это важно и помогает (каким-то не совсем понятным образом) забить баки ленинградскому обкому, который в те времена уже не сжимал более издательского горла, но по-прежнему когтистой лапой придерживал издателя за полу».

Из дневников видно, что сначала Авторы пытались, наряду с правкой старого чистовика, сразу же печатать новую беловую рукопись, но, дойдя почти до конца 51-й страницы прежней рукописи (и, соответственно, до 43-й страницы новой машинописи), нашли более эффективный метод работы. 19 января АНС записал в дневнике: «Спохватились, что работаем зря: еще две встречи на упражнения в диктовке и машинописи! Решили править в тексте, затем дать машинистке». Дальше работа пошла существенно быстрее, и 22 января правка была завершена. 27 января из «Невы» пришел договор на публикацию романа, а 11 марта БНС представил Б. Никольскому чистовик первых четырех частей. Далее было несколько месяцев на то, чтобы согласовать с редакцией будущую публикацию, доделать при необходимости уже готовый текст и подготовить к печати рукопись оставшихся двух частей.

В «Комментариях к пройденному» тогдашняя обстановка оценивалась так: «Перестройка еще только разгоралась, времена наступали дьявольски многообещающие, но и какие-то неверные, колеблющиеся и нереальные, как свет лампы на ветру...» В этом смысле очень характерна дневниковая запись БНС от 11 ноября 1987 года: «Сняли Ельцина. Боюсь, это начало конца. И не успеть нам ни ГО в «Неве», ни УНС с ХС в СовПисе. Плохо быть пророком». Но опасения не оправдались, подготовка романа к печати продолжалась. 1 февраля 1988 года БНС записывает в дневнике: «Отнес в «Неву» 5-ю и 6-ю части ГО, а также страницы из ранних частей».

Итак, первые четыре части Авторы правили совместно, а остальное БНС, скорее всего, редактировал один (в дневниках это никак не отражено). Об особенностях нового варианта ГО можно судить по нескольким источникам. Прежде всего, это рукописная правка, сделанная в одном из экземпляров прежнего чистовика (того самого, к которому рукой БНС была дописана вставка с новым финалом). Сохранились и две чистовые распечатки. Первый чистовик — это, собственно, позднейшая компиляция из трех разных машинописных текстов, относящихся к разному времени. (Можно предположить, что несколько лет спустя Авторы, видя активный издательский спрос на ГО, решили на всякий случай собрать еще один полный комплект, но он оказался не востребован.) Основной блок — работа той самой машинистки, для которой предназначался исправленный текст. Это чистовая машинопись основной части романа, но неполная (с 52-й страницы по 336-ю, где завершается четвертая часть). Для первых двух с небольшим глав взят чистовик, сделанный самими Авторами и еще немного продолженный для связи с основным текстовым блоком. А третий блок с пятой и шестой частями имеет явно более позднее происхождение — он повторяет завершающие страницы второго, целостного чистовика, отличаясь только отсутствием правок. Второй чистовик, несомненно, был сделан уже после редактирования всего текста романа и, похоже, тоже стал результатом работы профессиональной машинистки. Здесь можно обнаружить несколько рукописных поправок, но они явно более поздние (из них в ранних изданиях была учтена лишь одна, да и то далеко не везде). В конце рукописи указано: 1970–1972, 1975, 1987 (последняя дата позже зачеркнута, как и в более раннем чистовике). В очень значительной мере эти чистовики совпадают, хотя некоторые разночтения обнаруживаются. Например, в полной распечатке отсутствуют вопрос Воронина во время допроса Кацмана «Партийная принадлежность?» и ответ: «Без», не попавшие и в часть ранних публикаций.

Каковы характерные особенности этого текста, что изменилось по сравнению с предыдущим чистовиком, подготовленным еще в 1975 году? Самым заметным отличием является, конечно, уже рассмотренная ранее переписанная финальная концовка. Все прочие вставки, изъятия и замены по объему довольно невелики. Самый большой убранный фрагмент — несколько строк про то, что такое «ойло союзное» (из речи Андрея перед статуями). Причина очевидна: в уже изданной «Хромой судьбе», это прозвище носит один из персонажей (по той же причине еще в одном месте романа убрано использование этого словосочетания как ругательства). А из-за появления в ХС персонажа по прозвищу «Гнойный Прыщ» прежде «гнойный прыщ на теле общества» (в мыслях Андрея о Копчике) было заменено на «фурункул на теле общества».

Все остальные изменения, выборочно приведенные дальше, — это в основном уточнения каких-то подробностей либо стилистическая правка. Следует отметить, что в некоторых почти одновременно появившихся ранних публикациях романа эти фрагменты могли выглядеть по-разному, а отдельные слова и словосочетания брались порой из ранней, неправленной версии чистовика. Дальше в большинстве случаев это обстоятельство не оговаривается.

При первой встрече Андрей говорит Давыдову про Гейгера: «Да нет, он парень деловой». При правке прежнего чистовика «парень» заменен на «мужика», а также дописано «И смелый». (Сделано это, похоже, позже других правок и не ручкой, а карандашом.) «Мужик» есть в новом чистовике и во всех дальнейших публикациях, а вот дописка «И смелый» в новую машинопись не попала, далее появлялась лишь в некоторых изданиях, а окончательно включена в текст романа уже в канонической его версии, начиная со сборника «Гадкие лебеди» 1993 года.

Некоторые уточнения были внесены в космографию Города. В романе есть, например, фраза: «Бесконечная Пустота к западу и бесконечная Твердь к востоку». В ранних рукописях стороны света были перепутаны. Из той же группы — другая правка: «По ночам в пропасти что-то светилось слабым зеленоватым светом, будто там, в бездне, что-то тихо гнило из века в век». (Вместо «в бездне» раньше было «на дне» — а есть ли оно там вообще?)

Поведение Фрица в гостях у Андрея первоначально описывалось так: «Лицо его было слегка повернуто ухом вперед: он прислушивался к взрывам женского смеха в столовой». Ухо — часть головы, но не лица, поэтому уже в варианте для ХС здесь появилось уточнение «голова его была слегка повернута», перешедшее в новый чистовик.

Смысловая неточность была уловлена и в сцене, где Андрей требует у Гейгера денег на продукты. В черновике Фриц на требование денег от Воронина выворачивает карманы. Это не похоже на аккуратного немецкого унтера, и Авторы уточняют: «...раскрывает портмоне».

Соответственно, в исправленном тексте чуть позже Гейгер «сунул Андрею несколько бумажек», а не «мятых бумажек».

Придя домой из мэрии, Андрей «остановился перед буфетом, где в самом дальнем углу под грудой салфеток и полотенец лежал у него пистолет Дональда». Прежде говорилось, что салфетки грязные, а пистолет — спрятанный. Последнее и так очевидно, а грязные салфетки в буфете обычно не хранят.

Вот еще пример уточненного описания. Советник Воронин, выглянув в приемную, видит Эллизауэра, большой рост которого обозначен иносказательно: «На нечеловеческой высоте над ним искательно маячила сплюснутая с боков физиономия Эллизауэра из транспортного отдела». В раннем чистовике было «перед ним», что существенно снижало точность образа.

Маринованная капуста, которой до правки чистовика с аппетитом закусывал Кэнси, стала более традиционной — кислой. Уточнена здесь и лексика Кэнси: он первоначально говорил не «Ах нет, друзья!», а «Ах нет, ребята!», а в его рассказе про Окинаву не очень свойственное японцу слово «парнишка» заменено нейтральным «мальчиком».

Дядя Юра спрашивал Андрея: «Ты не семейный?» Позже вопрос изменен так, что уже подразумевает ответ: «Ты ведь не семейный?» А ближе к концу застолья в прежнем варианте «Андрей ахнул кулаком по столу и затаил любимую». При правке уточнено: «любимую мамину».

Проект решения о павианах стал называться «Об упорядочении положения, создавшегося в связи с наличием в городской черте больших скоплений собакоподобных обезьян», а прежде обезьяны были «человекообразными».

В раннем чистовике Андрей «снял телефонную трубку, набрал номер Сельмы и стал ждать», позже исправлено на «номер дома», а в окончательном варианте остался просто «номер». (Для сюжета, собственно говоря, неважно, куда он звонил — к себе домой или в квартиру Сельмы.)

В исправленном тексте говорится: «Да, распространение слухов — это страшная штука, но Красное Здание страшнее любого слуха». Первоначально было сказано менее точно: «хорошая штука». В эпизоде с игрой, где про великого стратега говорилось, что «все его холеные люди в бородках и орденах палили себе в виски», уточнено одно слово, стало — «стреляли». В той же главе есть рассказ о некоем красавце, выбиравшем самых невзрачных девушек. Там, в частности, говорится: «Бывало, придет он на вечеринку на хате у сына какого-нибудь генерала или маршала, но чуть все разбредутся шерочка с машерочкой, он потихоньку в прихожую, фуражечку набекрень и — привет». Прежде не было слова «сынка», и рассказ получался менее правдоподобным.

Среди надписей в городе со статуями есть такая: «КОГДА!» Странность тут именно в соединении вопроса с восклицательным знаком, поэтому прежний вариант «КОГДА?» был далеко не столь интересен.

А вот примеры, когда одно и то же слово заменяется разными — и всякий раз более удачными. В окончательном тексте сказано: «В углу кухни стояли, оперевшись друг на друга, два тучных рогожных мешка». Для описания мешков прежде предлагалось тривиальное определение «здоровенных». От этого слова Авторы избавляются и в других эпизодах. Так появляется фраза: «Колымагу влекли два гигантских битюга, притомившихся, видно, с дальней дороги». Еще одна замена этого эпитета приводит к появлению слов: «...это был грузовик, мощный самосвал».

Давыдов говорит Андрею возле мэрии перед переворотом: «Фриц твой белокрысы — этот здесь». До правки эти слова были более подробными («Фриц твой белокрысы — помнишь его? — ну, немчик этот, все у тебя вместе пьем с ним, — этот здесь»), но затем прежние уточнения показались Авторам лишним. А несколько позже во время охоты за павианами «Стась ловко соскочил с телеги и от живота, в две коротких очереди срезал из автомата этот живой факел». Раньше слова «коротких» не было, между тем оно весьма уместно: боеприпасы, как говорит дядя Юра, высоко ценятся, а фермеры — народ хозяйственный.

В каноническом тексте поведение Вана в полиции описано так: «Ван покорился, ни о чем не спрашивая, и Андрею пришло в голову, что вот так же безмолвно и безропотно он шел бы и на расстрел, и на пытку, и на любое унижение. Андрей не понимал этого. Было в этом смиренности что-то животное, недочеловеческое, но в то же время возвышенное, вызывающее необъяснимое почтение...» В первоначальном тексте было не «покорился», а «шел покорно» (но «шел» уже есть далее), и не было очень точно поясняющего мизансцену слова «возвышенное».

О встрече с Кацманом после выхода того из тюрьмы Андрей думает: «Он нашел бы совершенно естественным, если бы Изя не заметил этой его руки или даже сказал бы что-нибудь презрительное и уничтожающее — сам он наверняка поступил бы именно так». Раньше вместо «наверняка» было «наверное», причем это слово явно использовалось не как «литературный» синоним для «наверняка», а в значении «скорее всего». Получается, что прежде Воронин в своем гипотетическом поведении уверен полностью не был, теперь же сомнений не имеет.

Гейгер так объясняет свою обеспокоенность тем, что в Городе нет выдающихся деятелей литературы и искусства: «Сам я, лично, не знаю, зачем все это нужно, но я слышал, что в каждом порядочном обществе все это есть». Прежде вместо «слышал» было «привык», что существенно

хуже: не тот у бывшего унтер-офицера вермахта кругозор, чтобы успеть к этому привыкнуть в прежней жизни. А вот слышать подобное от кого-то из умных людей он — да — мог вполне. Во время того же обеда Гейгер говорит о смерти прежнего шефа полиции в как бы давно прошедшем времени: «Это была чистая случайность. Перестрелка». В раннем чистовике слово «была» отсутствовало, что не очень-то подходило к событиям, случившимся несколько лет назад.

При обсуждении будущей экспедиции Андрей иронически замечает: «Может быть, там бесы кишмя кишат, так что же нам — попов прикажешь с собой брать?» Первоначально было «священников», что для комсомольца и несомненного атеиста Воронина, да еще в неофициальной беседе, выглядело неестественно. Он же говорит в каноническом варианте: «Так вот, великие писатели тоже всегда брюзжат». Прежде было «всегда недовольны», но недовольство можно держать и при себе, а вот брюзжать — уже только вслух...

Довольно много исправлений касается эпизодов с Сельмой. Из сцены, где она приходит в квартиру к Андрею, убрана развернутая оценка Ворониным ее ног («Они у нее были длинные, гладкие, твердые и теплые даже на взгляд. Впрочем, если подумать, то, может быть, как раз наоборот — прохладные...»), поскольку Андрей уже отдал должное ее ногам раньше, когда Сельму привел ночью Кэнси. В исправленном чистовике Сельма курила, «держа сигарету по-солдатски, огоньком в ладонь», а раньше было «огоньком внутрь ладони». О прежнем обитателе своей квартиры она отзывалась как о «бабнике», затем это слово исправлено на «лизунчик». На вопрос про магнитофон Андрей отвечал первоначально: «Что я тебе — учреждение, что ли?» Затем «учреждение» исправлено на «радиоузел». Разглядывали Сельма с Андреем друг друга первоначально не «со взаимной неприязнью», а «с явной». Воронин рассказывал Сельме: «У нас, бывало, на стройке уж такие долдоны приезжали — поначалу только и норовят в ларек да в лесок». (В варианте глав для ХС долдоны были еще и «беспросветными».) В новом чистовике вместо «долдонов» появились «сачки».

Объясняя слово «фокстейлер», Сельма прежде прямо говорила, что была проституткой. Позже появилось иносказательное объяснение: «Ну, как тебе объяснить... Раз-два, ножки врозь...» Андрей думал в чистовике до правки: «Вот ведь буржуйка. Проститутка, а туда же». И представлялась Сельма Изе как «проститутка». В исправленном тексте в этих местах стало использоваться слово «шлюха» — как и в последующих сценах, где Андрей, пока Сельма не остепенилась, в ранних рукописях реагировал на ее поведение совсем уже нецензурно.

Готовя текст к печати, Авторы основательно поработали над смягчением неприличных слов. Помимо сцен с Сельмой, тому есть немало других примеров. Шеф полиции оценивал закрытые Ворониным за время работы дела как «три говенных», а не «три жалких». В слова свидетеля Петрова «А чего с вами, говнюками, разговаривать?» вносилась правка «дармоедами». В сцене с чиновником в душе Воронин говорит: «Всего-то час в сутки просят вас поработать, а вы уже разнылись, будто вам карандаш в задний проход завинчивают...» Прежде было «в задницу», но господин советник, отчитывая более мелкого чиновника, должен оставаться в образе одного из отцов города и не опускаться до бранной лексики. В интервью Кэнси с фермерами сначала было не «поясницу чесать», а «задницу чесать». В еще более грубом слове «жопа» и производных от него часть букв стала заменяться многоточием (хотя есть пара мест, где оно осталось в прежнем виде). В выражениях наподобие «Пошел ты на хер!» неудобное слово заменялось либо чем-то другим (например, «на кой ляд»), либо просто многоточием. Следует заметить, что в разных публикациях подход к представлению бранных слов менялся: что-то убиралось дополнительно, что-то из уже убранного в рукописи восстанавливалось, а в позднейших изданиях почти все это было, за исключением откровенного мата, восстановлено по ранним авторским рукописям.

В связи со всем этим уместно привести суждение БНС из онлайн-интервью (13.03.2002): «Между тем, наше мнение по поводу ненормативной лексики всегда было вполне либерально. Мата в литературном произведении должно быть ровно столько, сколько его требуется для создания атмосферы максимальной достоверности. Не больше, но и, конечно, не меньше».

Вернемся к упомянутой выше сцене в раздевалке. В прежних рукописях Андрей мысленно характеризует крайне неприятного ему плановика: «Быдло». С одной стороны, Воронин уже вполне вошел в роль одного из правителей Города. С другой стороны, чиновник, пусть даже мелкий, пустой, суетливый, сам принадлежит к управляющему сословию. Поэтому определение меняется: «Недотыкомка». (Кстати, в свое время обсуждался — с привлечением БНС — вопрос, откуда Воронин мог знать содержание «Мелкого беса» Ф. Сологуба. Между тем ответ прост: несмотря на «неблагонадежность» Сологуба, в советские времена роман выходил в издательстве «Academia» в 1933 году и вполне мог оказаться Андрею доступен. Как, разумеется, и Авторам.)

А вот редкое уже на этом этапе правки изменение имени: у Федьки Чепарева (которому, по словам Давыдова, голову оторвало снарядам) фамилия до правки была Чепуров. (Тут, видимо, дело в том, что прежний вариант — это фамилия крупного ленинградского литературного начальника, возглавившего в 1975 году областную писательскую организацию.)

Уточнялись некоторые хронологические привязки. Гейгер сначала приходил забирать дело у Воронина второй раз не за последнюю декаду, а за последнюю неделю. Не было прежде мыслей Воронина про Кацмана перед самым переворотом: «Сколько ему еще сидеть осталось? Четыре месяца... Нет, шесть». А чуть позже состояние Андрея при встрече с Изей описывается так: «Режущее чувство вины и предательства, которое едва не свалило его с ног в то утро в подвале, за последний год притупилось и почти забылось...» Раньше было «за последние месяцы», то есть Изя тогда отсидел в тюрьме меньше. Андрей говорит Гейгеру: «Я у тебя два года добиваюсь экспедиции». В раннем чистовике срок меньше — «целый год». А уже в экспедиции Воронин думает о жизни после переворота: «Но ведь и то сказать: четыре годика жили — ни о каком Эксперименте и не вспоминали...» В раннем чистовике было «три года».

В исправленном чистовике Кацман говорит на допросе, что работает сейчас статистиком, а прежние профессии перечисляет в таком порядке: «разнорабочий, старший архивариус Города, конторщик городской бойни, мусорщик, кузнец». В прежних рукописях, где между событиями первой и второй части прошло меньше времени, список был другим: «конторщик городской бойни, старший архивариус Города, кузнец, мусорщик».

Хотя идея полной публикации ГО в журнале «Знание — сила» была признана несостоятельной, там увидели свет несколько отрывков. В № 12 за 1987 год была опубликована глава, содержание которой должно быть ясно из подзаголовка «Игра», а в № 1 за 1988 год — фрагмент из третьей части о событиях в редакции возглавляемой Ворониным газеты сразу после переворота. Кроме того, отрывки из третьей части ГО публиковала в 1987 году в четырех сентябрьских номерах газета «Ленинградский рабочий». Специального текстологического рассмотрения эти публикации не требуют.

Полностью роман печатался с небольшим перерывом в журнале «Нева» (1988, №№ 9 и 10; 1989, №№ 2 и 3). Для этого издания ГО была придумана разбивка романа на «книгу первую» (первые три части) и «книгу вторую» (остальной текст). В журнале были указаны даты написания «1970–1972, 1975». Хотя в «Комментариях» БНС упоминал, что «даты написания в конце романа поставили какие-то несусветные», в целом тут все правильно, только из этого перечня напрасно был выброшен 1987 год, когда Авторы проделали большую работу по редактированию романа.

А вот то, что рассмотренный выше новый вариант чистовика был не последним и что в журнале печатался, строго говоря, несколько иной текст, не упоминают ни «Комментарии», ни даже дневники. О том, когда, почему и по чьей инициативе делалась окончательная правка ГО для «Невы», нет совершенно никакой информации, хотя сам факт такой правки сомнений не вызывает. Не сохранились и никакие рукописи, относящиеся именно к этой версии — даже фрагментарные. В нашем распоряжении есть только сама журнальная публикация и несколько основанных на ней и более или менее точно повторяющих ее книг. Это, прежде всего, отдельные издания ГО, выпущенные в 1989 году ленинградским отделением «Художественной литературы», а в 1990 году — московским издательством «ДЭМ». Только в них прямо указан источником текст журнала и сохранено разбиение романа на две части. Есть в них и еще одна сразу бросающаяся в глаза отличительная особенность — упоминание в первом эпиграфе В. Катаева без названия его книги. Можно заглянуть также в конец текста: если в раннем издании (до 1993 года) указана датировка без 1987 года — это перепечатка журнального варианта.

А несколько более ранняя редакция нового чистовика использовалась — с некоторыми различиями — для многих других книг. В их числе двухтомник и трехтомник АБС, вышедшие в 1989–1990 годах в издательстве «Московский рабочий», два издания ГО — в переплете и в обложке — в одноименном сборнике («Молодая гвардия», 1991), восьмой том первого собрания сочинений АБС («Текст», 1992) и несколько следовавших затем точных перепечаток «текстовской» версии, а также второй том петербургского двухтомника избранных произведений (ТОО «Журнал „Нева“» и КПО «Кронверк», 1992). Отметим, однако, что позднейший, окончательный текст романа имеет в своей основе — при всех доработках и заимствованиях из других вариантов — именно журнальную версию.

Представленная ниже текстологическая выборка позволяет наглядно показать самые характерные особенности журнальной публикации в сравнении с последним сохранившимся чистовиком и, соответственно, главные различия между названными выше группами книжных изданий ГО.

Некоторые изменения носили глобальный характер. Уточнялась привязка к контексту вариантов написания «город» — «Город» (полностью она была завершена уже позже). Среди вариантов «Север» — «север» предпочтение везде было отдано второму. Японские фамилии (Убуката и Осима) стали склоняться, в отличие от рукописей и части ранних публикаций.

Еще тщательнее искоренялись в журнале неприличные слова. Например, Давыдов, в ответ на попытку Андрея урезонить его словами «мы из мэрии», в журнальном варианте (под которым здесь и далее понимаются также книжные издания «Художественной литературы» и «ДЭМ»)

отвечал не «Барал я вашу мэрию», а «Трах-тарарах я вашу мэрию», причем во всех прочих публикациях этой правки нет. После появления в городе павианов Фриц Гейгер командовал отрядом и, по верному замечанию Воронина, «в выражениях он не стеснялся», так что вместо появившейся в журнале и сохранившейся в новейших изданиях ГО фразы «Подберите брюхо!..» первоначально было «Подберите задницу!..».

Далее выборочно рассматриваются те изменения, которые из журнального текста перешли затем и в окончательный вариант романа. Особенно много их было сделано в начальных главах. В журнале сказано, что «лицо Вана было как у человека, замученного желтухой», а во всех сохранившихся рукописях и в большинстве ранних изданий — «страдающего желтухой». Уточнен фрагмент про банки из-под компота, «которые Ван собирал и сдавал в утиль». В журнале Ван их перед сдачей в утиль еще и «аккуратно рассортировывал». В той же сцене Андрей говорит про метущего дворника, «крутя кистью правой руки и прислушиваясь к своим ощущениям: ему показалось, что он немного растянул сухожилие», в большинстве ранних изданий слов про ощущения не было. Сначала описывалось, как «Ван свалил мусор в последний бак, утрамбовал совком и захлопнул крышку», но для журнала было найдено более подходящее аккуратному Вану действие — «ссыпал».

Андрей прежде говорил: «У нас в Канске были два ассенизатора — отец и сын». Роль Канска в биографии АНС несомненна, но что и когда там делал ленинградский астроном Воронин? В журнале эта байка рассказывается уже просто как анекдот: «Жили-были в одном городишке два ассенизатора — отец и сын», а чуть раньше добавляется фраза: «Надо было поднимать настроение». Далее про интерес Вана к стоимости дерьма в журнале сказано: «А Ван, возившийся возле бака, реагировал и вовсе странно. Он вдруг с интересом спросил...» Прежде было гораздо короче: «А Ван, возившийся возле бака, вдруг спросил с интересом...»

Слушая рассказы Дональда о России, «Андрей был тогда искренне уверен, что Дональд просто берет его на пушку или повторяет злопыхательскую болтовню Херста». Так в журнале, раньше же было: «В глубине души Андрей был тогда уверен, что Дональд...» Воронин, недавно попавший в Город, — человек прямой и непосредственный, прятать подобную уверенность «в глубине души» ему надобности нет.

Когда Кэнси говорит о русских женщинах, то на вопрос, при чем тут шведка Сельма, отвечает: «Да, она шведка. Но все равно». В журнале пояснено: «Это был рассказ по ассоциации».

О привычке Дональда к быстрой езде в журнале говорится: «Он всегда ездил так, «с максимально разрешенной скоростью», не думая даже тормозить перед частыми выбоинами на асфальте...» Прежде было менее удачное в этом контексте «на полной скорости».

Транспорт, в который следовало загрузиться отряду Гейгера, сначала описывался как «здоровенный грузовик, в котором, как видно, совсем недавно возили цементный раствор». После очередной замены слова «здоровенный» появился «мощный спецгрузовик для перевозки цементного раствора». Во время перебранки Гейгера с человеком в шлепанцах последний стал изъясняться сначала «высоким голосом», а затем, игнорируя приказ Фрица, «еще более высоким голосом». В сцене нашествия павианов уточняются и отдельные слова: паника на площади теперь не «царила», а «кипела». Наставник говорит о Дональде, что тот «не гангстер» (раньше было «не бандит»), а пистолет выменял за старинные часы с репетиром (а не за отцовские).

Прежде описывалось, как при виде телеги с фермером «обезьяны, настроенные до того довольно миролюбиво, пришли в необычайное возбуждение». Возбуждение может быть и доброжелательным, поэтому уточнено: «в необычайное злобное возбуждение». Фермеру кричат: «По кумполу же получишь, обалдуй болотный!..», а раньше к нему обращались просто «балда». Также добавилась фраза, описывающая, что происходит вокруг фермера с Фрицем: «Даже аборигены мужского пола вылезли из подъездов — кто с каминными щипцами, кто с кочергой, а кто и с ножкой от стула». А одна из реплик насчет того, разрешено ли фермерам оружие, раньше выглядела так: «Оружие никому не разрешено! — хрипло сказал Румер». Теперь это произносит другой персонаж — и уже с комическим эффектом: «Оружие никому не разрешено! — пискнул Фрижа и сильно покраснел».

Андрей думает в журнале, что в Давыдове было что-то такое, чего он не мог получить «ни от веселого, горячего, но все-таки какого-то чужого Кэнси, ни от Вана, всегда доброго, всегда благожелательного, но очень уж забитого. Ни тем более от Фрица, мужика по-своему замечательного, но как-никак вчерашнего смертельного врага...» В более раннем варианте последняя фраза отсутствует полностью.

Первоначально Андрей говорил Давыдову про Череповец: «Там же металлургический комбинат строится, крупнейший заводиче!..» Далее реплика уточнена: «Там же сейчас металлургический комбинат отгрохали...». (Про время отбытия Андрея в Город речь уже шла: это январь 1951 года. На тот момент строительство комбината, строго говоря, завершено еще не было. Впрочем, в тогдашней советской прессе это могло преподноситься как-то иначе...)

Давыдов рассказывает в журнале: «Они, видишь ты, музыку ставят, а я выпивку». Раньше вместо музыки была закусочка.

В предыдущей редакции текста Андрей, придя домой, поступал с грязной одеждой так: «Поискал, куда бросить комбинезон и белье, и, скомкав, бросил в мусорное ведро». А вот вариант для «Невы»: «Скомкал комбинезон и белье, швырнул все в ящик с грязным барахлом». Далее добавлена фраза: «Кухня была завалена грязной посудой». Раз комбинезон и белье теперь предназначены для стирки, а не для выбрасывания, фраза «Перемыв посуду (грязный комбинезон и грязное белье в ведре скрылись под слоем гнилых объедков), он схватился за швабру» сокращается (как это планировалось еще в версии для ХС) и принимает вид: «Перемывши всю посуду, он схватился за швабру». Кроме того, в рукописях говорилось про Андрея, что «никак он не мог привыкнуть и понять, зачем одному человеку столько комнат, да еще таких безобразно грязных и затхлых». В исправленном варианте — «безобразно огромных и затхлых».

Пришедшая к Андрею Сельма спрашивает: «Сигареты у вас не найдется?» В рукописях уточнялось — «не улыбаясь». В варианте для журнала это сформулировано определеннее — «без всякой приветливости». В воспоминаниях Андрея про выступления мэра на собраниях прежде не было слов «о гордом аскетизме».

Когда Фриц, только что появившись у Воронина, начинает активно уделять внимание Сельме, Андрей выдает шуточку про Гофштаттера и Эльзу. Далее в журнале (а ранее в версии для ХС) следует: «Азиатские шутки! — объявил Фриц с отвращением, однако лапищи свои убрал». В более раннем чистовике было несколько иначе: «Дурацкие шутки! — объявил Фриц с отвращением, однако лапы убрал». А во время вечеринки общение Фрица с Сельмой первоначально описывалось так: «Он лез к Сельме с полным стаканом и все норовил выпить с нею на брудершафт, а Сельма отпихивала его своим бокалом, хохотала, болтала и время от времени стряхивала волосатую ласковую лапу Фрица со своих коленок». (В ХС она «болтала чепуху».) Далее «болтала» заменяется для журнала на «болтала ногами», что полностью меняет смысл слова и делает «картинку» совершенно иной.

В журнале «дядя Юра бухнул на стол новую порцию». Прежде было «грохнул», но чуть дальше то же слово использовалось для описания всеобщего смеха.

В сцене, где «Копчик, всхлипывая и задыхаясь, торопливо возился на полу» первоначально не было продолжения: «Фриц подскочил к нему, схватил за ворот и рывком вздернул на ноги».

Будучи следователем, Андрей в журнальном тексте думает: «Всего год назад, когда он был еще мусорщиком, служебный втык бросил бы его в пучину горестей». Это место переделывалось и прежде: в черновике и раннем чистовике было «полгода назад» и без упоминания мусорщика, затем в часть публикаций попал фрагмент «Два года назад, когда он был еще мусорщиком».

Несколько уточнений сделано в сцене шахматной игры. Переданная Воронину записка Дональда сначала называлась посмертной (то есть найденной после смерти), далее становится предсмертной (написанной до самоубийства). Прежде упоминался «вольтеровский стул», но вольтеровским принято называть разновидность кресла с подлокотниками, поэтому стул становится «старинным». Также Андрей видел, как «кучка людей в белых халатах, деловитых и сосредоточенных, уже окружила хирургическую каталку, на которой лежал Валька Соифертис». Прежде было неточное «деловых».

Ступальский отвечает Андрею, отрицающему свою смерть перед появлением в Городе, что «это заблуждение». Первоначально использовалось более категоричное слово — «неправда».

Румер говорит Андрею о Ване: «Саботаж. Третий срок дворником сидит. Статью сто двенадцать знаешь?..» В прежнем тексте тут была статья сто двадцать два.

В журнальном варианте после того, как Воронин приносит извинения Вану за незаконный привод, добавлено (по черновику, с небольшой правкой): «И тут ему стало совсем неудобно. Чушь какая-то. Во-первых, привод не был, строго говоря, незаконным. Был он, прямо скажем, вполне законным. А во-вторых, следователь Воронин ни за что ручаться не мог, не имел такого права...»

В сцене допроса Кацмана восстановлен имевшийся в ранних рукописях, но исчезнувший из полного позднего чистовика и многих публикаций фрагмент про партийную принадлежность.

В других частях романа заслуживающих внимания правок заметно меньше. Из стишка «Жасмин — хорошенький цветочек! Он пахнет очень хорошо...» в сохранившихся чистовиках (и, соответственно, в части ранних публикаций) цитировались не две строки, а только первая, в черновике же и вовсе было: «За спиной его коренастый что-то сказал петушиным голосом, и милиционеры засмеялись». В ежедневном экспедиционном рапорте Кехады добавились слова «Раненых нет, травм нет». В сцене, описывающей гибель экспедиции, автомат без обоймы заменен на автомат без рожка. Изя говорит в журнале: «Норманнская крепость! Девятый век...», а прежде век был десятый. В сцене, где Изя делает пирамиду над конвертом с «Путеводителем», описывалось, «как он неистово, из последних сил, обламывая ногти, ворочает и расталкивает эти камни...» — слов «из последних сил» до этого не было.

Выше перечислено довольно много изданий ГО, появившихся после выхода журнальной версии и изданных немалым совокупным тиражом. С доступностью произведения особых проблем не было, и для читателей это было несомненным плюсом. Минус же заключался в том, что текстологическая упорядоченность публикаций оставляла желать много лучшего. Как уже было показано, практически сразу же возникли две группы изданий, различающиеся первоисточником. Но даже с учетом этого некоторые вещи плохо поддаются объяснению. Например, в чистовиках романа имя редактора отдела писем — Денни Ли, однако в одной группе изданий (основанной на последнем сохранившемся чистовике) принято писать «Дэнни», а в другой (условно говоря, «журнальной») — то так, то эдак в одном и том же тексте. Окончательный порядок был наведен только много лет спустя, в собрании «Сталкера», где это имя снова стало писаться как Денни Ли.

В некоторых изданиях что-то правилось вопреки написанному в рукописи, а потом в таком виде перепечатывалось. Особенно это характерно для текста из двухтомника «Московского рабочего». Например, в чистовиках Кэнси обращается к Цвирику: «На каком основании вы здесь испаряетесь?», а в части публикаций необычно употребляемое слово заменено тривиальным — «распоряжаетесь». В тех же изданиях даются по журнальной версии, а не по чистовику несколько фрагментов, связанных с Паком. Вот полный текст одного из них: «Он вдруг вспомнил, как брат рассказывал ему когда-то, что на Дальнем Востоке все народы, а особенно японцы, относятся к корейцам в точности так же, как в Европе все народы, а особенно русские и немцы, относятся к евреям». В «Московском рабочем» и далее текст дан по журнальной версии, где не было ни японцев, ни русских, ни немцев: «...на Дальнем Востоке относятся к корейцам в точности так же, как в Европе относятся к евреям». Отсутствует в этих изданиях и определение Пака как дальневосточного еврея, хотя в рукописи оно опять-таки есть. А вот еще пример явного несовпадения опубликованного текста с рукописью. Андрей думал: «Что за дикая идея — убеждать памятники, что они никому не нужны? Это же все равно, что убеждать людей, что они никому не нужны...» Вместо этого в части изданий напечатано: «Что за дикая идея — убеждать людей, что они никому не нужны...» (Очень похоже, что при наборе текста для двухтомника здесь была просто потеряна строка, а дальше дефект остался незамеченным.) Эти фрагменты были восстановлены уже в более поздних изданиях.

Иногда какая-то особенность текста свойственна только данной книжной версии — и более никаким. Например, среди ранних публикаций только в издании «Текста» слова Кэнси «Дура лекс сед лекс» записаны не русскими буквами, а латиницей в сопровождении сноски с переводом. (В позднейших изданиях латиница сохранена, но сноска убрана, ибо смысл фразы общеизвестен.)

Так или иначе, приведение всей этой «чересполосицы» к какому-то стандарту, очищенному от следов произвольной правки и явных ошибок, было необходимо. Первым изданием, где предпринята попытка это сделать, стал сборник «Гадкие лебеди», содержащий, помимо заглавной повести, «Град обреченный». Книга, подготовленная издательством «Terra Fantastica», вышла в Санкт-Петербурге в 1993 году. Позже этот вариант редактуры использовался для первого тома из двухтомника АБС в «Библиотеке фантастики» («Дружба народов», 1996) и тома в серии «Миры братьев Стругацких» («АСТ» и «Terra Fantastica», 1997 и далее). Здесь начинается отсчет «канонических» версий ГО, хотя уточнений и правок впереди было еще много.

Из этих изданий для текстологического анализа, некоторые результаты которого будут далее упомянуты, использовались в основном «Миры». Что касается издания «Дружбы народов», то хотелось бы отметить приведенное там крайне странное время написания ГО: «Июнь 1968 — Июль 1975». Если с последней датой все ясно, то первая вызывает недоумение. Возможно, что имелся в виду все же июнь 1969 года, когда в Москве писался план будущего романа. (Кстати, это издание вообще отличается экзотическими датировками произведений АБС.)

За основу исправленной версии был взят вариант, опубликованный в журнале «Нева», но с устранением правок, сделанных ради «проходимости» текста. Отменялось разбиение романа на две части, во многих случаях восстанавливалась в правах оригинальная лексика персонажей, включая и употребление всяческих «неприличностей», исправлены были ранее найденные и отмеченные в одном из чистовиков ошибки. Это сопровождалось дополнительной редактурой текста — правда, довольно умеренной. Вот один наугад взятый пример — более убедительное описание Цвирика во время конфликта в редакции: «Цвирик один стоял посредине кабинета, лицо его из багрового быстро делалось серым» (раньше «лицо его быстро серело».)

В ходе работы над ошибками прежний фрагмент «жили далеко на севере» заменен на «жили далеко в диких местах» (из-за замеченной Авторами очевидной смысловой ошибки: фермеры живут к югу от Города); несколько ошибочных вхождений имени «Канэко» в пятой части исправлены на «Кэнси» (раньше это было проделано лишь в части изданий); уточнено, что к дяде Юре Андрей ездил не за день до экспедиции, а за неделю (не самогонку пить следовало господину советнику прямо накануне важнейшего дела, а подготовку к нему завершать). А вот еще один любопытный казус. В черновике Амалия, в то время секретарша в редакции газеты, приносит Изе Кацману пирожки в пластикатовом пакете. В чистовике это слово было исправлено на

«полиэтиленовой». Но уже в конце романа Андрей вспоминает, как Изя запаял в Хрустальном Дворце экземпляры «Путеводителя по бредовому миру» «в конверты из странного прозрачного и очень прочного материала под названием “полиэтиленовая пленка”». Получается, что ранее название этого материала Воронин прекрасно знал, а позже — как бы увидел его впервые. В ряде ранних публикаций ГО пирожки приносят все в том же полиэтиленовом пакете, а в других изданиях — уже в бумажном промасленном пакете. Последний вариант и стал теперь окончательным.

Но некоторые ошибки исправлены не были. Остановимся на одной из них, касающейся «работы» солнца. По первоначальным наброскам, как уже упоминалось, условный «день» в Городе длился с 6.00 до 22.00. Впоследствии было решено, что солнце включается в восемь утра, и здесь больше ничего не менялось. Со временем отключения солнца вышло иначе. Единственное место в романе, где это прямо упомянуто, — сцена, в которой после гибели экспедиции Андрей пытается выставить остановившиеся наручные часы по единственно доступному ориентиру — времени отключения солнца. В черновике это «восемь ноль-ноль», в чистовиках и в подавляющем большинстве публикаций — «двенадцать ноль-ноль». Но последний вариант верным признать нельзя: он противоречит другим событиям романа, причем в одном случае — прямо. В сцене, когда следователь Воронин является к шефу, есть такое описание: «Окно было забрано решеткой, за стеклом была непроглядная тьма. Часов одиннадцать уже, подумал он». Тьма за окном в одиннадцать вечера означает, что солнце уже отключено. Видимо, при подготовке чистовика и замене прежних «восьми ноль-ноль» на другое время Авторы нестыковку не заметили, но много позже, при вычитке рукописи для «Московского рабочего», этот факт мимо их внимания не прошел: там появилось вполне приемлемое время «десять ноль-ноль». Однако другой вариант чистовика уже находился в «Неве», поэтому исправление попало только в часть ранних публикаций — и вовсе не в ту, которая использовалась при подготовке канонической версии. Впоследствии проблема забылась и повторно была замечена и исправлена только в нынешнем Собрании (наряду с некоторыми другими изменениями, о которых будет сказано особо).

Новый вариант был не лишен и других недостатков. Некоторые фрагменты текста ярче, точнее, полнее были представлены все-таки не в этой версии, а в альтернативной (условно говоря, «текстовской»). Кроме того, как это нередко бывало и с другими произведениями АБС, кое-какие реплики и описания лучше всего смотрелись в самом первом, черновом варианте...

Очередной этап оптимизации текста ГО приходится на время подготовки собрания сочинений АБС в издательстве «Сталкер». Основная часть правок делалась, чтобы заменить какие-то слова или части фраз более удачными аналогами, использованными уже в публикациях, но не в журнале «Нева», а в других изданиях. Например, обычный оборот «перед полковником трепетали» был заменен архаичным, но более ярким — «полковника трепетали». Иногда добавлялись кое-какие уточнения. К примеру, была восстановлена характеристика полковника Маки: «Бывший полковник бывшей императорской армии». А фраза в дневнике Кехады «Раненых нет, травм нет» перешла в текст романа из «Экспедиции на Север».

Исправлялись явно неудачные случаи словоупотребления. О прошлом Пака говорилось, что тот «учился в Кембридже и имел степень доктора философии» (до издания «Сталкера» здесь вместо степени ошибочно присутствовало «звание»). А часовой в одной из сцен в экспедиции теперь позвякивал подковками, а не подковами...

Латинское «Quos ego!» было заменено кириллицей («Куос эго!»), ибо дальше кириллицей уже записывалось «Экзэги монументум» (заодно в последней крылатой фразе было исправлено прежнее «Егзиге»).

Появлялись также в этой версии изменения, сделанные впервые и не связанные с прежними вариантами. Например, титулование правителя в городе со статуями еще со времен черновика было «Любимый и Простой», в этом издании оно было заменено на «Добрый и Простой», но при более поздней доработке текста возвращено к прежнему состоянию. (Согласившийся с таким решением БНС написал: «Почему поменяли, не помню. Наверное, ритма ради».)

Немалое число правок связано с возвратом тех или иных фрагментов к варианту черновика.

Негр Сильва, когда Изя шутиливо называет его тонтон-макутом, в черновике не только «строил страшные рожи, делал вид, что палит из автомата», но также «изображал пальцами очки». Последняя подробность, убранная в чистовиках, опять появилась в «Сталкере».

Матильда Гусакова, угодившая на допрос к Воронину за рассказы о Здании, пыталась выяснить, кто же настучал на нее. В публикациях романа ее слова долгое время были такими: «Кто же мог сообщить? — проговорила она. — Вот уж не ожидала!.. — Она покачала головой. — И здесь, оказывается, надо соображать, кто да с кем... При немцах сидели — рты на замке. Сюда подалась — и тут, значит, та же картина...» В сборнике «Гадкие лебеди» и сходных с ним изданиях к этому добавилась фраза: «Советы пришли — ничего не переменялось». Между тем в черновике все это было гораздо полнее — и чем ближе к концу, тем интереснее.

— Кто же это мог настучать? — раздумчиво проговорила престарелая Матильда. — У Лизы все свои, разве что Кармен где-нибудь натрепалась после... болтливая старуха... У Фриды? — Она покачала головой. — Нет, не может быть, чтобы у Фриды. Вот к Любе ходит один... противный такой старикашка, глазки у него так и бегают, и вечно он пьет за Любин счет... — Она положила вязание на колени и задумчиво посмотрела в стену. — Вот уж никак не ожидала! И здесь, оказывается, приходится соображать, кто настучал, на кого настучал... При немцах сидели — рты на замке. После сорок восьмого — опять помалкивай да посматривай. Только немножко рот открыли золотой весной — на тебе, русские на танках прибыли, опять заткнись, опять помалкивай... Сюда подалась — и тут та же картина.

Видимо, при последующей доработке даже не имеющего шансов на публикацию текста Авторы решили столь откровенный намек на сравнительно свежие политические события не оставлять. В первом чистовике сохранялась еще фраза про сорок восьмой год, затем была вычеркнута и она. А поскольку в фамилии Матильды ударение на первом слоге не указывалось, понять после этих правок, что она — чешка, можно лишь по косвенным признакам — обращению Андрея к этой особе «пани Гусакова» и упоминанию некоего Франтишека. Кроме того, на вопрос Воронина, верит ли она в Красное Здание, Гусакова отвечала в черновике: «За кого это вы меня принимаете, чтобы я в такие басни верила?» В издании «Сталкера» все ранее изъятые реплики Матильды восстановлены по черновику.

К этим изменениям прямо примыкает и следующее: в число увиденных Кацманом в Красном Здании наиболее одиозных пособников оккупационных режимов (Петэн, Квислинг, Ван Цзинвэй) вновь введен не попавший в свое время в чистовик чехословацкий партийный функционер Васил Биляк. А пан Ступальский, рассказывая о подполье, говорил о некоем инженере как о «материалисте», в черновике же речь шла о «коммунисте».

Размышления Андрея во время экспедиции («И вообще время всегда работает на начальство против бунтовщиков. Везде так было и всегда так было... Откуда я это взял? Изя? Да нет, пожалуй, это я сам придумал. Хорошо придумал, правильно. Молодец...») ранее печаталась без второй половины («Откуда я это взял?» и далее.) Это также возврат к черновой версии.

Продолжалась правка текста ГО и в более поздние времена. В 2009 году при активном участии БНС уточнялись для будущих переизданий тексты многих произведений — теперь уже во всеоружии знания о том, как тот или иной фрагмент выглядел не только в публикации, но и в рукописи, с возможностью выбора порой даже не из двух, а из трех и более вариантов. Много предложений делалось и по правке ГО, причем значительная часть их была принята. Касалось это и отмены некоторых правок, которые предназначались специально для канонической версии, но по прошествии времени были сочтены не очень удачными.

Убирались ненужные подробности (например, лишнее первое слово в реплике Изя о Кэнси: «Он мертвый... Убит...») или предположение Сельмы, что Андрея якобы лупили в участке «за наркоту»). Решено было отказаться от попыток фонетической передачи всяческих аббревиатур («Эс-эс-эс-эр», «че-ка», «у-пэ-ка» и так далее). Делались мелкие, но необходимые стилистические уточнения. Например, в цитате из газеты о том, что «лишь Фридрих Гейгер может сейчас претендовать на высокое звание...», фамильярное «Фриц Гейгер» было заменено полным именем. А во фразе «И покрывая все эти звуки, раскатывался знакомый басовитый голосок Юрия свет Константиновича» не очень уместный тут «голосок» стал просто «голосом».

Последнее слово в пафосном определении Изя «великая экспедиция на Север» опять стало писаться с заглавной буквы, по рукописям. С подготовкой этой экспедиции связано и еще несколько правок. Про солнце теперь говорилось: «Очевидно, что где-то далеко на севере оно сядет на горизонт и вообще скроется из виду» (прежде было «за горизонт»). Похожая правка была сделана и в другом месте: «Договорились идти, пока солнце не сядет на горизонт». Полковник теперь говорил: «У нас нет даже карт северных окрестностей...» (вариант без «даже» был лишь констатацией факта, здесь же выражается сожаление). А позже на вопрос Изя о том, как поступают с потворствующими и сочувствующими в полевых условиях, полковник в предыдущих изданиях говорил, что их обычно вешают, а после правки — совсем уж однозначно: «Их вешают».

Явившийся к Воронину Изя Кацман первоначально рассказывал о проекте снабдить обезьян ошейниками так: «Предлагается всех обезьян зарегистрировать, снабдить металлическими ошейниками и бляхами с собственными именами, а затем приписать к учреждениям и частным лицам, которые впредь и будут за них ответственны! — Он захихикал, захрюкал и с протяжными тоненькими стонами принялся бить кулаком правой руки в раскрытую ладонь левой. — Грандиозно! Все дела заброшены, на всех заводах срочно изготавливают ошейники и бляхи». При

позднейшей правке текст был изменен по включающей ГО ранней рукописи «Хромой судьбы», при этом появились мелкие, но любопытные дополнительные детали. Андрей комментирует излияния Кацмана репликой «Ну, пошел трепаться!..», а тот продолжает свою тираду, «еще более возвышая голос и придавая ему левитановские интонации». Кроме того, ошейники и бляхи теперь «срочно штампуют», а помимо «Грандиозно!» Изя говорит еще и «Титаны!».

Во всех сохранившихся рукописях и в части ранних публикаций стаж пребывания Кацмана в Городе на момент допроса во второй части — три года. Однако во многих публикациях, включая журнал и многотомники «Миров» и «Сталкера», были указаны «четыре года». Если учесть упоминавшийся ранее список профессий Кацмана и предположить, что на каждую из них должно уйти по полгода, то верным представляется именно вариант «три года». Он и был восстановлен.

А самый последний на сегодняшний день этап правки происходил — к глубокому сожалению, уже без участия БНС — при подготовке данного Собрания. По имеющимся рукописям и публикациям был уточнен целый ряд моментов — как совсем мелких, так и более существенных. О времени выключения солнца речь уже шла, а вот еще некоторые примеры.

Особенности фонетики исполняемой Андреем украинской песни в большинстве изданий были переданы с ошибками (наиболее верный вариант был в главах ГО для ХС), для Собрания здесь сделаны уточнения.

В эпизоде, где шеф полиции рассказывает Воронину о том, что на севере есть поселения, число которых неизвестно, сделана дописка по раннему чистовику: «Где — тоже неизвестно. На севере. Кем заселены — неизвестно». В прежних публикациях этих слов не было.

Когда Андрей в мэрии встречается с Копчиком (хотя сначала его не узнаёт), последний описывается в части источников так: «Серые глазки его, почти без ресниц, не мигали». Далее, однако, во многих изданиях печаталось, что «глазки мигали». Сейчас восстановлен ранний вариант — он психологически более точен, лучше передает внутреннее напряжение персонажа.

В разных изданиях долго печатались такие слова Давыдова во время митинга после переворота: «Погоди, браток, а зачем нам объезжать? — сказал дядя Юра. — Надо послушать, что люди говорят». В раннем черновике было «людям говорят», отчего смысл фразы заметно менялся. Для Собрания восстановлен именно этот вариант.

В столовой у советника Воронина Изя, цитируя фильм «Чапаев», орал: «Союзное командование предлагает за голову Чапаева двадцать тысяч!..» А Андрей вспоминал продолжение: «Союзное командование, ваше превосходительство, могло бы дать и больше. Ведь за ними Гурьев, а в Гурьеве — нефть. Хе-хе-хе». В собрании цитата уточнена — должно быть «Ведь за нами Гурьев» (представители Антанты могут дать белым деньги, но не контролируют нефтяные промыслы)...

Такова текстологическая история одного из самых выдающихся произведений братьев Стругацких, изложенная со всеми необходимыми и достаточными подробностями. Роман сложен, и судьба его написания и публикации не была простой. А в завершение хотелось бы привести еще одно высказывание БНС из офлайн-интервью (26.10.2011), применимое не только к героям романа, но также к самим Авторам и к каждому из нас: «Состояние ПОИСКА ОПОРЫ ничуть не уступает в насыщенности смыслом или ощущении ценности бытия, чем состояние убежденности «в знании сути», в надежности опоры под ногами. Это есть состояние, когда «ГЛАВНОЕ ВПЕРЕДИ», — может быть, лучшее из всех возможных состояний человека».

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий [Предисловие к рассказам У. Джекобса «Старые капитаны»]

Мир приключений. — М.: Детская литература, 1973 (выпуск 1).

В этих рассказах читатель найдет все, чему положено быть в классических повествованиях об отважных пенителях морей. Есть здесь отчаянный голодный бунт на борту и сорванец, пустившийся в море на поиски приключений, есть тайная охота за исчезнувшим сокровищем и коварный заговор команды против своего капитана, есть пылкая любовь помощника к капитанской дочке и вообще паруса, кубрики и трюмы, набитые порохом. Правда, борта кораблей здесь не окутываются пушечным дымом и не взвиваются на мачтах черные флаги с черепом и скрещенными костями, и капитаны здесь не из тех, кто распевает:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!¹

Да и откуда взяться в этих рассказах пушечной пальбе и пиратам, если действие их происходит не в восемнадцатом веке, а во второй половине девятнадцатого, и не в далеком Карибском море, а на реках и у берегов доброй старой Англии! Капитаны, помощники и сорванцы, о которых пойдет речь, плавали на непритязательных барках и шхунах, доставляя скромные грузы из оптовых складов где-нибудь на Темзе в лавки, мастерские и заводики заштатных городков на побережье Уэльса или Корнуэла, и в глаза не видели золота с испанских галеонов, вполне удовлетворяясь скромным жалованьем, которое отсчитывалось им наличными прямо из выручки за фрахт. Экипажи их состояли из помощника, двух-трех матросов, кока да юнги, а то и вообще из одного только помощника, выполнявшего по совместительству все прочие судовые обязанности. Впрочем, и этим труженикам малого каботажа приходилось переживать много занимательных приключений, и об этом-то и повествует в своих рассказах известный английский писатель-юморист Уильям Уаймарк Джекобс (1863–1943).

Следует отметить, что даже на самом маленьком барке поддерживалась самая суровая морская дисциплина и субординация. Рядовые матросы жили в тесных, дурно пахнущих кубриках на носу корабля, и им категорически воспрещалось без дела или без вызова появляться на корме, где находился штурвал и располагалась каюта капитана и помощника. Снабжение матросов продовольствием лежало целиком и полностью на совести капитана, который лично закупал для них те продукты, которые считал нужным,

¹ В рукописи вместо песни из «Острова сокровищ» Р. Л. Стивенсона приведен отрывок из «Капитанов» Н. Гумилева:

...бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что золото сыплется с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

то есть «числом поболее, ценою подешевле». Нарушения дисциплины жестоко карались либо вычетами из мизерного жалования, либо тюремным заключением в первом же порту.

Как увидит читатель, Джекобс великолепно знал жизнь на борту этих маленьких торговых судов. Его нельзя назвать писателем социальной темы, но он любил своих героев — грубых, невежественных, доверчивых моряков, в поте лица зарабатывавших каждый медный грош, и комические ситуации, создавать которые он так умел в своих рассказах, неизменно вызывают сочувствие к простодушно-хитрым капитанам, забулдыгам матросам и, конечно, к мальчишкам-юнкам.

Аркадий Стругацкий Перемены в стране Тэй-бак

Литературное обозрение. — 1973. — № 11.

То Хоай. ЗАПАДНЫЙ КРАЙ. Роман. Перевод с вьетнамского М. Ткачева. М., «Детская литература», 1973¹.

Две книги пришли мне на память, когда я читал роман «Западный край»: блестящее произведение покойного Георгия Тушкана «Джура» и знаменитая шолоховская «Поднятая целина». Как у Тушкана, действие происходит в горном краю на окраине государства, с оружием в руках отстаивающего свое право на светлую и радостную жизнь без эксплуатации и иноземного засилья, и могучий смерч революции выносит героев из пучины феодальной дикости к солнцу великих коммунистических идеалов. Как у Шолохова, после свержения эксплуататоров и изгнания иноземных захватчиков борьба продолжается, и у героев на пути к новой жизни громоздятся смердящие завалы предрассудков, суеверий, предательства. Но...

Как-то при встрече То Хоай неожиданно сказал мне:

— Знаете, я тоже буду писать фантастику. Это, пожалуй, самое интересное, такая литература может дать современному читателю что-нибудь новое и неожиданное...

Я не поверил своим ушам и некоторое время препирался с переводчиком, а То Хоай, дождавшись, пока смысл сказанного все-таки дошел до меня, прибавил:

— В своих вещах я уже отчаялся поразить воображение читателя.

Эта встреча имела место в семидесятом году, в том именно году, когда писатель получил международную премию «Лотос» и именно за свой «Западный край». Мариан Ткачев тогда только еще начал перевод этой книги, а у «Детской литературы» она значилась тогда только в перспективных планах. Поэтому я не нашелся, что возразить То Хоаю.

Я возражаю ему три года спустя.

Представления не имею, как воспринял эту книгу современный вьетнамский читатель. Могу, впрочем, догадываться, что и там для девяти человек из десяти она оказалась настоящим открытием. (Вряд ли в стране, столько лет напрягавшей все силы в борьбе против вооруженного до зубов агрессора, нашлось много туристов, посетивших крайний северо-запад Вьетнама, зажатый между Китаем и Лаосом.) Могу также догадываться, что для читателей из племен и народностей, населяющих край Тэй-бак, роман прозвучал, как звучат книги, раскрывающие по-новому знакомых уже людей и привычные вещи, как звучат для нас, скажем, произведения Казакевича или Симонова. Но

¹ В черновике было добавлено: «Это не объективная рецензия квалифицированного литературоведа. Это попытка среднего русского читателя сформулировать свои впечатления от книги одного из лучших писателей Демократической Республики Вьетнам».

в одном я убежден и утверждаю с полной ответственностью: на воображение русского читателя «Западный край» действует безотказно.

Прежде всего (я имею в виду первое, что бросается в глаза) — экзотика. С чьей-то легкой руки это слово вот уже несколько десятилетий непременно снабжается у нас эпитетом «дешевая», а зря! Наверняка не много на свете есть книг, персонажи которых происходят из племен мео, ха-ни, пу-пиео, са, ло-ло, нунгов, тхай, лы, са-фанг, зао... Растения и живые существа, названия которых известны у нас лишь в научном, латинском варианте, — корень гау, светящаяся тысяченожка зиой, персиковое дерево дао, клубни там тхат, миртовый кустарник вой, птица ты куи, индокитайский броненосец панголин... Дикобразы, истребляющие рисовые посевы... Географические названия — Фиенг-ша, На-данг, Киен-ан, Удон, Корат... — впрочем, за последние десятилетия европеец, читающий газеты, привык к экзотической топонимике и к экзотическим собственным именам.

Но дело, разумеется, далеко не только в местном колорите, хотя невыразимо странное ощущение возникает у читателя, когда в описании обычной ярмарки в райцентре он встречает рядом фосфатные и азотистые удобрения, инсектицид «ббб», и свернутые шкуры леопардов, и чешуйчатые кожи панголинов. Еще более, хотя и не сразу, поражает другое. Если так можно выразиться, антиэкзотика.

Оказывается, грозные и величественные события, сотрясающие в двадцатом веке нашу планету, воздействуют на людские судьбы поразительно одинаковым образом, где бы эти события ни разворачивались — на родных нам бескрайних просторах России или в изрытой причудливыми ущельями, совершенно фантастической для нас стране Тэй-бак, на площадях Петрограда и Москвы или в свайных деревушках вокруг фортеции Фиенг-ша. Очень, очень разнятся нравы и обычаи у русских мужиков и у крестьян народности мео, и одним порой с трудом удавалось собрать по осени жиденский урожай жита, а другие не за великую удачу сочтут взять два урожая маниоки в год, но, должно быть, очень уж одинаково угнетали их несправедливые властители, и потому гневный лик революции оказался одинаков и в тайге на берегах Енисея, и в джунглях по берегам реки Ма.

Столкновение миров есть столкновение миров, и всегда в нем одни сражаются за то, чтобы старое стояло нерушимо, а другие — за неведомое, но непременно прекрасное будущее, и баррикады порой воздвигаются не только поперек улиц, но и внутри семей.

Так случилось и с семьей вдовы Зианг Шуа в романе То Хоая. Старший сын ее после долгих скитаний попал к американским миссионерам и вернулся в свое село диверсантом и предателем родины. Средний сын ушел к партизанам и вернулся после победы кадровым работником народного правительства. А дочь стала активисткой и приняла деятельное участие в новой жизни своего народа. Не правда ли, очень похоже на ситуации, обрисованные в «Тихом Доне» Шолохова, «Строговых» Маркова, «Одиночестве» Вирты... Знаменательное и, на мой взгляд, весьма поучительное сходство.

Или вот один из центральных эпизодов романа — провокация феодально-империалистической агентуры на лаосской границе. Диверсанты распространили в приграничных деревнях слухи, будто объявился истинный государь народов мео и са, ждет их в королевском Лаосе, напоит и накормит досыта и навсегда, а потом поведет на киней (вьетнамцев), чтобы отобрать у тех поля и жилища, соль и серебро. И те самые люди, которые в годы Сопrotивления преданно сотрудничали с партизанами, бросают на произвол судьбы созревший урожай, режут скот¹ и ждут «исхода», а совратившие и запугавшие их проходимцы усердно поят их дешевой водкой, пока на помощь к одуревшим крестьянам не приходят партийцы и активисты из соседних деревень... И здесь вспоминаются известные страницы из «Поднятой целины», и естественно сливаются в

¹ В черновике было добавлено: «...и домашнюю птицу до последней курицы и собираются у границы...»

один образ черты вьетнамского коммуниста Нгиа и петроградского коммуниста Давыдова¹.

К слову сказать, образы партийцев и активистов прекрасно удались То Хоаю. Это живые, полнокровные персонажи, их логика, чувства и поступки определяются не сюжетными соображениями, а их судьбами в прошлом и их взглядами на будущее. В Нгиа без труда усматриваются автобиографические элементы: как и автор, кинь (вьетнамец) Нгиа много лет сражался рука об руку с горцами и полюбил их на всю жизнь. Только когда отгремели последние выстрелы в Диен-биен-фу, автор по воле партии сел за письменный стол, а Нгиа остался в Фиенг-ша помогать горцам жить по-новому...

Колоритна фигура председателя Тоа, простодушного, горячего и нетерпеливого дядьки, лучшего кузнеца в округе. За несколько лет до победы революции веселые сыновья правителя — прихвостня колонизаторов — извели его жену, самого бросили в подземелье, где он в результате мучительных пыток потерял два пальца, потом его угнали за границу, но он бежал и вернулся домой, и яснее ясного, что такой председатель исполкома жизнь положит, но не даст вернуться в Фиенг-ша старым порядкам...

Представитель молодого поколения кадровых работников, Тхао Кхай², вернувшись из фельдшерской школы, одержим идеей искоренить в округе все болезни, он дни и ночи разъезжает по отдаленным деревням, спасая детей и стариков от дизентерии, тактично внушая населению основные понятия санитарии и гигиены, вступая в дискуссии с местными шаманами. А когда открывается предательство его старшего брата, он сам арестовывает его и передает в руки работников безопасности...

Новые люди, небывалые люди, с горячей верой в слово партии, с неугасимым стремлением сделать жизнь народа богатой, разумной, устремленной в будущее...

И эта новая жизнь налаживается, и То Хоай с талантом истинного наблюдателя отбирает ее детали, способные опять-таки поразить самое заскорузлое воображение, иногда грустные, порой смешные.

В райцентре в магазин является старый шаман и спрашивает:

— А правительство не могло бы продать мне основу для сети?

Курсы ликбеза на месте старого форта. Старые кадровые работники ворчат:

— До седых волос дожили, ни разу в книжку не заглянули. А теперь правительство усадило за парты и нас...

На торги в Фиенг-ша является старик с гигантским котлом для варки водки. Но столько водки теперь никто не варит, и такой котел никому не нужен. К концу ярмарки все товары раскуплены, непроданным остается лишь этот котел. Старик уносит его домой, но на следующие торги неизменно тащит снова.

¹ В черновике вместо окончания фразы было: «Выше я упомянул о соли — провокаторы соблазняли ею наивных и доверчивых жителей приграничных районов. Эта деталь тоже поразила мое воображение. Впрочем, вряд ли это можно назвать деталью трудового населения страны Тэй-бак. Соль причудливо сочетала в себе понятия роскоши и первой необходимости. Ее везли издалека, за горсть купцы драли с покупателя три шкуры, на ярмарках из-за соли дрались, душились, убивали. Вероятно, я не ошибусь, если скажу, что коренными вопросами революции на северо-западе были власть, земля и соль.

Когда отгремели последние выстрелы в Диен-биен-фу, и бежал из Фиенг-ша в Лаос помещик и ставленник колонизаторов Муа Шонг Ко, и земля была отдана крестьянам, тогда первое, о чем позаботился умница Нгиа, уполномоченный партии в Фиенг-ша, была соль. Караван с солью пришел с равнины и как бы подтвердил каждому: прежние времена беспроектной нужды и бесправия не вернуться, новое правительство не оставит горцев своими заботами».

² В черновике было добавлено: «...тоже, впрочем, прошедший суровую школу партизанской войны».

На ярмарку являются несколько партизан из пограничного патруля. У каждого в одной руке клетка с птицами, в другой кальян, за спиной винтовка. Они садятся на выступ скалы, достают свирели и играют.

Когда в одну деревню впервые явились санитары с ДДТ, население возмутилось и даже сломало распылитель. Теперь же сандружину просят опрыскивать не только стены и циновки, но и алтарь предков...

Вот я и исчерпал суть своих возражений То Хоаю¹. Не знаю, покажутся ли они достаточно убедительными нашему вьетнамскому другу. Только хотелось бы прочитать его новую книгу — о Фиенг-ша за последние пять лет и в наши дни. Ведь что там ни говори, а главную цель подобных произведений очень толково выразил в романе кадровый работник партии Нгиа:

«Поколение двадцатилетних, повинувшись велению сердца, шагнуло по зову партии во все концы страны. И если они узнают, какими силами и какой кровью удалось народу отстоять и преобразить горные земли... если поймут нерушимую верность... народностей гор новому строю, — они проникнутся еще более твердой верой и высокой ответственностью за любое, пусть самое малое, дело, совершаемое во имя будущего этого горного края».

В заключение не могу не отметить здесь высокую точность и стилистическое единство перевода Мариана Ткачева и поблагодарить переводчика за превосходное предисловие, которое настоятельно рекомендую всякому, кто возьмет в руки эту книгу².

Аркадий Стругацкий Трудно быть фантастом...

Комсомолец Таджикистана. — 1973. — 5 окт. — Интервью Л. Сеницыной.

Писатели Аркадий и Борис Стругацкие широко известны и в нашей стране, и за рубежом, прежде всего, как авторы своеобразных фантастических произведений, среди которых «Стажеры», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Малыш», «Пикник на обочине». Аркадий Стругацкий — гость Душанбе. С ним встретилась наш внештатный корреспондент Л. Сеницына.

— С какой целью вы приехали в Душанбе?

— По приглашению «Таджикфильма» написать сценарий в соавторстве с Фатехом Ниязи. Рабочее название фильма «Город будет». Основная его тема — становление рабочего класса в Таджикистане, рассказ о рабочей династии. Это будет двухсерийный художественный телевизионный фильм. Действие его начинается с конца двадцатых годов, когда герой фильма — молодой дехканин — приходит на первую стройку в республике, а заканчивается в наши дни, когда его дети работают на таких гигантских стройках, какой, например, является Нурек... Большой интерес представили для меня сведения самого Фатеха Ниязи, который предложил сюжет и систему образов для фильма. Очень интересную беседу мне удалось «спровоцировать» в Нуреке — думается, она оставит след в сценарии.

— Значит, вы не «просто» писатель, а еще и сценарист. Что бы вы могли сказать об экранизации фантастики и собираетесь ли вы писать сценарий на «фантастические» темы?

¹ В черновике было добавлено: «Только суть, конечно, за недостатком места не было возможности высказаться подробнее».

² В черновике было добавлено: «...внимательно прочесть перед тем, как приступить к самому роману».

— Сценарист и писатель — это совсем не одно и то же. Писатель — реальный автор произведения. А автором фильма, по моему убеждению, все-таки является режиссер. Дело сценариста — найти живой конфликт и столкновение психологий, выразить все это через действие и диалоги. Но окончательное, образное воплощение сценария в фильме — заслуга режиссера. В принципе, мы ничего не имеем против экранизации наших литературных произведений, но уж если нам самим придется вплотную заняться сценарием на фантастическую тему, то мы будем писать оригинальные сценарии, то есть те, сюжет которых не будет непосредственно относиться к нашим уже готовым вещам.

Думается, что главная причина неудач «фантастического» кинематографа состоит в том, что часто режиссеры плохо представляют себе сущность фантастики. Мы считаем, что в основе всякого настоящего, современного фантастического произведения всегда должен быть человек сегодняшнего дня, создающий день завтрашний, но имеющий вчерашнюю психологию. Обычно же главный пафос фантастики сводят к столкновению вчерашней психологии нормального человека с уровнем технологическим, бытовым, мировоззренческим и т. д. будущего. И отечественная, и зарубежная кинематография не дали сколько-нибудь заметного результата в экранизации фантастической литературы. Исключение составляет «Солярис» А. Тарковского. Он показывает классический пример того, как талантливый режиссер должен относиться к экранизации.

— *Экранизация в какой-то степени напоминает перевод, а ведь вы по профессии — переводчик?*

— Да, моя специальность — переводы с японского языка. Предмет для перевода — один из самых увлекательных. Трудно сейчас встретить квалифицированного читателя, которого бы не привлекали оригинальность и своеобразие японской литературы. Особенно я «пристрастен» к литературе классической. Необыкновенно интересно создавать новую стилистику, которая не должна иметь соответствий в русской классике и в то же время не должна отдавать буквализмом и быть абсолютно инородным телом в нашей литературе. По-моему, цель перевода — производить такое же впечатление на сегодняшнего русского читателя, какое оригинал производит на современного читателя Японии.

— *А как вы относитесь к переводам ваших произведений на иностранные языки?*

— Переводы наших книг на языки, которыми мы владеем — английский, французский, японский, — всегда производят на нас странное впечатление. Я и раньше, сверяя переводы крупных русских и советских писателей, замечал массу «вольностей». То же получается и с переводами наших книг. Так, французский вариант «Возвращения» оказался просто пересказом, более того, из него были убраны одни герои и введены другие! В переводе нашей книги «Трудно быть богом», изданной в США, мы обнаружили массу неточностей, не говоря уж о «пустяках»; например, предложение «У него было напряженное злое лицо» стало таким: «У него было искусанное комарами лицо».

— *Вопрос, который, наверное, задают всем без исключения пишущим вдвоем: не мешает ли вам разность профессий — ведь ваш брат Борис — астроном. На какой «почве» обычно происходят споры и как вы распределяете работу?*

— «Разделение труда» у нас не существует. В наших книгах нет ни одной строчки, написанной кем-нибудь из нас единолично. Разумеется, когда мы собираемся вдвоем и пишем, работа сопровождается многочисленными столкновениями мнений и вкусов, а они у нас довольно разные, но связаны они не с нашими специальностями, а скорее с разным эмоциональным тономусом каждого. Когда же мы оказываемся не в состоянии прийти к соглашению, прибегаем к жеребьевке — верхнейшему способу разрешения спора.

— *И последний вопрос: какие у вас планы?*

— В ближайшее время мне предстоит перевод знаменитого японского рыцарского романа 16-го века «Сказание о Ёсицунэ». Последнее же, что я сделал, — предисловие к тому Акутагавы Рюноске в серии «Всемирной литературы». А вот относительно наших с

братом работ в области фантастики пока ничего не могу сказать — стоим на перепутье. У нас есть два занимающих нас сюжета, но к какому из них мы обратимся — не знаю...

Из архива

Аркадий Стругацкий Рецензия на научно-фантастический роман Е. Войскунского и И. Лукодянова «Ур, сын Шама»

(700 стр.)

Содержание:

Шесть тысячелетий назад в Двуречье обитали пастушеские племена, составлявшие один из древнейших известных народов на нашей планете — народ шумеров. Разводили в изобилии овец, торговали с соседями шерстью, сыром, кожами, отбивали налеты номадов-разбойников. И жил в одном из племен молодой пастух по имени Шамнилсин с юной женой Кааданнатум. Случилось так, что по несчастливому стечению обстоятельств (нападение разбойников, ссора с вождем племени, надвигающийся потоп) Шамнилсин оказался в большой опасности, и не миновать ему быть забиту насмерть камнями, если бы не взяли его с женой на борт своего космического корабля боги-пришельцы. Пришельцы явились на Землю с далекой планеты Эиры, заселенной очень древней цивилизацией, на сотни тысячелетий обогнавшей нашу земную. Эирский корабль преодолел пропасть пространства, отделявшую Землю от его родины, за три тысячелетия, но поскольку шел он с субсветовой скоростью, бортовое время его измерялось всего несколькими годами. За эти годы полета у Шамнилсина и Кааданнатум родился сын Урнангу. Естественно, жизнь высокоцивилизованной Эиры весьма отличалась от той, к которой привыкли полудикие пастухи. Шам и Каа (как их называли авторы для краткости) так, видимо, и не поняли, что с ними произошло и где они находятся. «Боги» были ужасны на вид, но добры, они дали супружеской паре хижину в уединенном месте своей планеты, и те зажили там, ни в чем не нуждаясь, но непрерывно вздыхая по овцам и себе подобным. Другое дело — Урнангу, он же Ур. Эирцы с первых же дней его появления на свет принялись его воспитывать и обучать по-своему. Как выяснилось, они имели на его счет вполне определенные планы. Дело в том, что космический корабль прибыл в нашу Солнечную систему не случайно. По ряду признаков эирцы поняли, что разумное население Земли является уникальным явлением во Вселенной в смысле скорости развития, энергичности и — как они решили — агрессивности. Древнейшая цивилизация во Вселенной встревожилась. Выход на космическую арену молодой задорной расы, отягченной хищническими разрушительными рефлексам, ей совсем не улыбался. С другой стороны, абсолютной уверенности в том, что именно такая тенденция возобладает в земной цивилизации, тоже не было. Эирцам необходим был на Земле свой соглядатай, «глаз», который мог бы замешаться в людские толпы и, незамеченным, наблюдать, делать выводы и сообщать их своему эирскому руководству. Для этой роли и готовили юного Ура, воспитывая его в безусловной верности идеалам неторопливой и глубоко мирной Эиры и обучая всему, что может ему понадобиться в этом странном предприятии. Тем временем и Шам с Каа, наскучив двадцатилетним одиночеством, взвыли, требуя у «богов», чтобы те вернули их на родину. И решено было отослать Ура вместе с отцом и матерью. В результате какой-то ошибки у эирцев остались сведения только о широте того места, где были подобраны Шам и Каа, и Ур, сброшенный с корабля на космической лодке, сел не в Месопотамии, а у западного берега Каспийского моря.

И начались приключения Ура на Земле. (Собственно, сюжет построен так, что с этого начинается и роман.)

Невозможно себе представить восторги Шама и Каа, когда они впервые встретились со стадом баранов одного из прикаспийских колхозов. Собственно, их одиссея кончилась. Такого пастуха, как Шам, приняли в колхоз немедленно. Незнание азербайджанского

языка послужило, как это ни парадоксально, своего рода амортизатором, смягчившим шумерам первые впечатления от столкновения с новой действительностью, и с ними все обошлось благополучно. Они как бы не заметили «промелькнувших» шести тысяч лет (три тысячи лет обратного полета). Руки у Ура, относившегося к родителям с величайшей заботливостью, были развязаны.

Не следует забывать, что Ур а) имел за плечами богатейшую, но чрезвычайно специфическую подготовку как морально-психологическую, так и образовательную, б) располагал могучими научно-техническими, в частности — психотехническими средствами, позволявшими ему осуществлять телекинез, гипноз, управление на расстоянии своей космической лодкой, которую он, кстати, немедленно по прибытии загнал куда-то в стратосферу, в) не имел ни малейшего понятия об образе жизни и психологии землян 20-го века. Поэтому смешаться с толпой, затеряться среди землян ему, разумеется, не удалось. Соответствующие организации, немедленно занявшиеся его необычным появлением на каспийском побережье и его странной личностью вообще, сразу пришли к выводу, что он — «не от мира сего», но с присущим им тактом решили, прежде чем что-либо предпринять, дать ему акклиматизироваться. С этой целью первому человеку, который встретился с Уром, а именно — Валерию Горбачевскому (герою одного из предыдущих романов тех же авторов), было поручено непосредственно шефство над странным человеком.

По сути дела, весь сюжет этого сложного, многопланового романа поставлен на решение одной, чрезвычайно интересной и важной с литературной точки зрения задачи: показать процесс превращения холодного предубежденного разведчика-соглядатая в истинного гражданина нового для него мира; процесс превращения древнего шумера, воспитанного бесконечно далекой и чуждой нам цивилизацией, в выдающегося советского человека; процесс полного и необратимого психологического перевоплощения Ура, сына Шама. И следует сказать, что с этой задачей авторы справились неплохо. Собственно, им не пришлось ничего выдумывать. Со времен Уэллса хорошие писатели-фантасты использовали этот превосходный прием: помещение необыкновенного элемента, наделенного такими-то и такими-то характеристиками, в самую гущу обычной для своего времени жизни. Но пользование этим приемом требует определенного умения. К чести Войскунского и Лукодянова, надо признать, что в романе показана не только эволюция отношения Ура к новому миру, но и в какой-то степени эволюция отношения этого мира к Уру. Вот основные этапы этой эволюции.

Первый этап. Взаимное любопытство. В коллективе НИИ, куда поступает Ур, к нему относятся с доброжелательным (или недоброжелательным) любопытством. Ур тоже полон любопытства к окружающим, но его отношение — чисто профессиональное, холодное внимание разведчика, обязанного отчетом своим хозяевам.

Второй этап. Ур познает несправедливость. В частности, заведомый невежда Пиреев закрывает тему, в которой заинтересован НИИ и сам Ур. Ур оскорблен и разочарован. Это уже реакция не инопланетного соглядатая, а разведчика.

Третий этап. Ур познает дружбу и жестокую вражду. Он становится другом своих друзей, но вражда ему пока еще непонятна.

Четвертый этап. На Ура обрушивается последний «психомутагенный» фактор — любовь. И одновременно — он объявляет жестокую войну лжи и мерзости в человечестве и, естественно, окончательно и навсегда становится человеком. Он заверяет своих прежних хозяев, что человечество само, без посторонней помощи справится с наследием зла и ненависти и никогда не понесет меч в Глубокий Космос.

Следует отметить, что все эти этапы довольно строго мотивированы психологически. И не столько с внешней, событийной стороны, сколько психологическими проявлениями людей, окружавших или сталкивавшихся с Уром, героями и действующими лицами романа. Вот «группа НИИ»: Валерий Горбачевский, в меру старательный, но еще не нащупавший своего места в жизни молодой человек с его

такой неудачной любовью к мещаночке Ане; великодушный жизнелюб-простяга Рустам; жесткая и целеустремленная Вера Федоровна, директриса института; наконец, Нонна, пылкая и холодная Нонна, один из самых прекрасных персонажей романа, окончательно «ввергнувшая» Ура в человеческое существование... Или незаурядная, новая в нашей литературе фигура Гуго Себастьяна, наполовину фанатика, наполовину холодного и расчетливого игрока, рискнувшего поставить все на единственную и непонятную карту. Или спокойный, печальный, рассудительный лилипут Иван Сергеевич, так много объяснивший Уру, такому же непонятому и чужому для людей, как он сам... Тетя Соня, Ной Соломонович и другие... Все они играют роль в переформировании психики Ура, их влияние закономерно и, что главное, неизбежно, и нельзя представить себе, <что> существо, обладающее хотя бы зачатками человечности, не превратилось бы в современного человека под их объединенным воздействием. Вот прослеживание этих воздействий и воссоздание их результатов и определяет основную ценность романа как художественного произведения.

Но «Ур, сын Шама» — научно-фантастическое произведение не только по методике, но и по тематическому содержанию.

Выше уже упоминалось, что тематической завязкой произведения является проблема использования земного магнетизма. Авторы достаточно долго и подробно задерживаются на этом вопросе, и читатель получает популярное изложение практически всех современных взглядов на это интереснейшее, не вполне еще изученное явление, а также на возможности использования его в мировой экономике. Вообще, эрудиция авторов позволяет им передать в романе огромное количество самых разнообразных научных, технических и природоведческих сведений. В этом отношении они довольно откровенно следуют за славным Жюлем Верном. Картины деятельности современного НИИ сменяются интереснейшими сведениями о способах приготовления шашлыка, воссоздание бытовых сцен Месопотамии в четвертом тысячелетии до нашей эры переходит в космографические (пусть даже гипотетические) экскурсы. Языкознание и физика. История и политическая география...

Аркадий Стругацкий **Рецензия на приключенческий роман** **Эдуарда Кондратова «Птица войны»**

(292 стр.)

Полтора года назад, в мае 1971 г., мне довелось ознакомиться с первым вариантом рецензируемой повести, называлась она тогда «За гранью табу». Я отметил тогда, что, несмотря на целый ряд довольно существенных (хотя и вполне поправимых) литературных недостатков, произведение это вполне пригодно для публикации, ибо содержит в себе хороший идейный, воспитательный, познавательный и развлекательный материал. В нынешнем виде повесть, как мне кажется, значительно улучшилась. Автор основательно поработал над нею. Счастливым обстоятельством является уже то, что объем ее сократился с 427 стр. до 292 стр. — и это почти без всяких потерь для полезной литературной нагрузки. Сюжет стал намного четче; образы действующих лиц, утратив неприятный налет пошловатости и неопределенности, обрисовались резче; социальные мотивировки действий героев выступили на первый план, не утратив при этом индивидуальных оттенков, определенных характеристиками героев как личностей с заданным этническим происхождением и воспитанием.

Напомним содержание повести (оно в целом не изменилось).

В середине прошлого века английская королевская администрация в Новой Зеландии приступила к насильственному отторжению маорийских земель в собственность британской короны. Народ маори раздроблен на десятки воинственных, непрерывно

враждующих между собой племен. Подкупом, лестью, военной угрозой представители английского губернатора стремятся вынудить племенных вождей «продавать» свои исконные владения; простодушных маорийцев натравливают друг на друга; для избежания и истребления наиболее строптивых заключаются временные военные союзы с племенами, которые стремятся свести с соседями старые счеты. Так начались кровавые «маорийские» войны 40–70-х годов прошлого века, в ходе которых коренное население Новой Зеландии сократилось почти на три четверти. [Далее текст отсутствует.]

Аркадий Стругацкий **Отзыв на приключенческую повесть Р. Киплинга** **«Отважные мореплаватели»**

(Пер. с английского Ф. Розенталя, 169 стр.)

В конце 19-го — начале 20-го века по каким-то (несомненно, весьма определенным и веским) причинам в приключенческой литературе возник новый сюжет: некая личность из «образованных классов» (писатель, сын или дочь из богатой семьи, интеллигент вообще) волею случая попадает, как правило — на море, в среду, ему совершенно незнакомую, трудовую, где резче резкого определены все противоречия капиталистического строя. Сейчас трудно назвать писателя, который первым открыл этот сюжетный поворот. Классическим произведением такого типа является знаменитый «Морской волк» Джека Лондона. Кстати, на «Морском волке» Лондон не остановился — по крайней мере, еще два его известных произведения («Путешествие на “Снарке”» и «Мятеж на “Эльсиноре”») построены по тому же принципу. Схожие мотивы усматриваются и в некоторых произведениях советских писателей (см. известную повесть Рысса).

Одним словом, содержание рассматриваемой повести не нуждается в изложении. Избалованный сынок мультимиллионера случайно попадает в трудовую семью рыбаков и за несколько месяцев трудового воспитания становится человеком.

Ценность повести Киплинга (чрезвычайно непрезентабельной для великого писателя) состоит не в описании самого процесса перевоспитания — что очень и очень здорово сделано Лондоном, — а в точном и могучем, детальном, со знанием дела описании быта и нравов рыбаков. И не только <в описании> быта и нравов, но и в том, что мы нынче называем генезисом трудового слоя. Читатель забывает благоглупости, связанные с необычайно быстрым перевоплощением тунеядца в человека труда, потому что автор (автор «Маугли», «Кима», великих и знаменитых сказок и т. д.) чрезвычайно искусно увлекает его, читателя, в быт и психологию этих людей. Повесть, несомненно, заслуживает опубликования, и я с готовностью воздаю благодарность редакции «Мира приключений» за благородное намерение.

Перевод сделан достаточно основательно и нуждается лишь в нормальной редакторской (стилистической) правке.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастический памфлет** **Б. Зубкова и Е. Муслина «Красная дверь, или** **Обыкновенные приключения Кена Прайса»**

(217 стр.)

В страшном мире живет Кен Прайс, старый коммивояжер и очень незначительная личность в чудовищной системе треста «Медикал секюрити». Авторам удалось создать и обусловить еще один вариант будущего капиталистического общества: мир, где идет

беспощадная война между конкурирующими фирмами, где сопротивление рекламе приравнивается к преступлению, где реклама в полном и физическом смысле забивает обывателя в гроб, где... Дальше идут уже совершенно фантастические ужасы (да и на что она, фантастика, если не для фантастических ужасов?): искусственные призраки, спортивные соревнования калек, ускоренное старение и т. д.

Мировая литература отводит почетное место политическому фантастическому памфлету: здесь и «История города Глупова», и «Остров пингвинов», и «В стране водяных», и «Восковой шарик», и «Смелый новый мир», и «1984». Все эти вещи в той или иной степени наносят идеологические удары по системе капитализма или тоталитаризма.

Как вариант «футуры» капиталистического мира рассматриваемая повесть звучит вообще-то очень неплохо. Литературные огрехи в ней сводятся к юмористической пошловатости (местами) и легко снимаются в ходе редакторской правки. Но главное не в этом. К сожалению, рецензент обязан прежде всего учитывать интересы издательства. И учитывающий интересы «Детской литературы» рецензент просто обязан озабоченно спросить: «А где же показаны у авторов силы, противодействующие описываемому обществу?» Издательство «Детская литература» является издательством особенным. Здесь неуместны рассуждения о том, что дидактичность не приличествует прозе (и поэзии). Издательство имеет специфические воспитательные функции, определенные господствующей в нашей стране идеологией. Я, как квалифицированный читатель (иначе я не был бы писателем), отлично обойдусь в этой повести без дидактики. Но я не уверен, что без нее обойдутся Ваня, Саша, Маша, для которых работает Издательство.

Именно поэтому я не могу рекомендовать повесть Муслина и Зубкова к печати.

Аркадий Стругацкий

Рецензия на сборник научно-фантастических произведений Р. Подольного «Скрипка для Эйнштейна»

(217 стр.)

Содержание:

Повесть «Восьмая горизонталь».

Сотрудник научно-популярного журнала «встревает» в загадочную историю, связанную с некоторыми неизвестными науке страницами биографии Исаака Ньютона, и буквально вынуждает современных физиков сделать открытие: техника превращения элементов (в данном случае — железа в золото) была известна еще в восемнадцатом веке.

Рассказ «Скрипка для Эйнштейна».

Талантливый парень, начисто лишенный музыкального слуха, берется «поверить гармонией алгебру» и вскрывает сущность музыки как акустического акселератора и оплодотворителя умственной деятельности.

Рассказ «Согласен быть вторым».

Герой рассказа, исследуя закономерности техники изобразительного искусства, выводит математические формулы, формализующие живопись и дающие возможность любому художнику создавать шедевры.

Рассказ «Сага про Митю».

Эпизод из жизни молодого человека, потомка норманнских берсерков, чьи физиологические процессы в известных условиях ускоряются в несколько раз (это проявляется в моменты тяжелой обиды, и тогда он разносит обидчиков в пух и прах — физически).

Рассказ «Разочарованный странник».

Старик-бухгалтер, обладатель феноменальных счетных способностей, будучи захвачен в плен басмачами (дело происходит в 20-х годах), становится великолепным стрелком и добивается освобождения.

Нет никакого сомнения в том, что изложение сюжета (вернее даже, сюжетной идеи) <не> может хотя бы в самой незначительной степени определить художественную ценность произведения. Блестящий «Солярис» Лема становится в один ряд с посредственной повестью Лейнстера «Одинокая планета», «Невидимки» Ж. Верна и Уэллса становятся произведениями равной ценности, и бездарный роман Шюта возвышается до уровня изумительного фильма, сделанного по этому роману. Правда, кое-что становится понятным и из изложения. В частности, что Подольного интересуют вещи, весьма мало затрагиваемые в фантастике. Кажется, вопросами, стоящими в центре внимания некоторых рассказов этого автора, интересовался лишь Гансовский...

Но ближе к делу. Я никогда не был поклонником беллетриста Подольного. То, что он писал прежде, принадлежало к обычному тусклому среднему уровню. Отличный историк науки не имел к своему беллетристическому творчеству практически никакого отношения. В лежащей передо мной рукописи все изменилось. На мой взгляд, издательство получило не просто хороший авторский сборник, но и необходимый читателю. Редко случается так, что о рукописи скажешь: она полезна для юношества. Это я и хочу сказать о рукописи Р. Подольного. При несомненных художественных достоинствах большинства произведений, составляющих рукопись, она вдобавок впрямую учит жить, мыслить, иметь цель существования. Сюжетные идеи (кстати, весьма интересные и оригинальные) позволили автору донести до читателя живое дыхание молодости, стоящей на пороге интересной и тем самым счастливой жизни. Короче, я всецело за опубликование сборника, предложенного Подольным, особенно трех названий: «Восьмая горизонталь», «Скрипка для Эйнштейна» и «Согласен быть вторым». У меня есть все основания полагать, что эти вещи не просто встретят особенное внимание молодых читателей, но и воздействуют на этих молодых читателей самым положительным (в смысле идей коммунистического воспитания) образом.

Что касается «Саги про Митю» и «Разочарованного странника», то эти вещи представляются мне более слабыми. Однако я полагаю невинным оставить их в сборнике, хотя развлекательный элемент в них намного мощнее воспитательного.

Итак, резюмирую. Я всецело за включение сборника Р. Подольного «Скрипка для Эйнштейна» в издательский план на ближайшее время. И я рад, что прочитанная рукопись позволила мне нацело изменить мнение об авторе к лучшему.

Аркадий Стругацкий **Так кто же все-таки «открыл» Америку?**

Все началось с того, что осенью 1956 года эквадорский археолог-любитель Эмилио Эсторадо начал раскопки стойбищ древних аборигенов своей страны в районе Бардибии. Буквально в первые же дни работы он наткнулся на обломки странных керамических изделий. Ни форма их, ни орнамент, ни технология изготовления никак не соответствовали культурному слою, с которым он приготовился иметь дело. С первого взгляда было ясно, что гончары, умевшие производить такие вещи, принадлежали <к> народу, который стоял на значительно более высокой ступени развития, нежели обитатели этих стойбищ. Эсторадо оповестил специалистов. Вначале его сообщением не заинтересовались, но несколько лет спустя в Бардибию прибыли из США супруги-археологи Клиффорд Эванс и Бэтти Дж. Меггерс. Находки Эсторадо поразили их. Было в них что-то поразительно знакомое и в то же время совершенно неуместное здесь, в Южной Америке, на земле инков. И можно представить себе, с каким трудом, преодолевая могучую тягу классической традиции, ломая в себе привычные научные представления, они в конце концов признали очевидное: перед ними были давным-давно известные всем археологам мира «дзёмонсики-доки», гончарные изделия с веревочным орнаментом, производство гончаров... японского неолита.

Радиоуглеродный анализ показал, что этим черепкам пять тысяч лет. Все было правильно, такая посуда изготавливалась в Японии с четвертого по первое тысячелетие до нашей эры. Японские археологи так и называют эту эпоху своего неолита: «дзёмонсики-доки дзидай» — «эпоха гончарных изделий с веревочным орнаментом». Изделия представляли собой большие глиняные горшки черно-коричневого цвета, похожие на перевернутый колокол с «талией» на уровне примерно верхней трети его высоты, вдоль которой выдавливался своеобразный узор — так называемый «дзёмон», или веревочный орнамент. Обломки таких изделий находят на Японских островах повсеместно, но обнаружить их при раскопках в Эквадоре...

Следует помнить, что японцы эпохи горшков с веревочным орнаментом не знали земледелия, занимались охотой, сбором съедобных ракушек и рыбной ловлей, пользовались каменными, роговыми и костяными орудиями и инструментами и жили в «татэани» — неглубоких ямах под соломенными навесами на шестах (впрочем, такими жилищами пользовались японские смерды и много позже, вплоть до одиннадцатого века нашей эры).

Супруги Меггерс бросились в Японию. Они самым тщательным образом исследовали неолитические стойбища той эпохи на Хонсю и Кюсю, а также находки, сделанные там при раскопках. Сомнений не могло быть: по форме, по виду орнамента, по технологии изготовления японские экспонаты были полностью идентичны эквадорским. Мало того, сами стойбища в Японии поразительно напоминали эквадорские.

С другой стороны, «родословная» керамики с веревочным орнаментом прослеживается в Японии до девятого тысячелетия до нашей эры, найдены все переходные ступени от самых примитивных глиняных изделий до «дзёмонсики-доки». В Эквадоре же ни одной такой находки сделано не было, «дзёмонсики-доки» появились там внезапно, словно бы на пустом месте. И пришлось признать, что либо сама керамика «дзёмонсики-доки», либо технология ее производства (и орнамент) была каким-то образом переправлена в третьем тысячелетии до нашей эры из неолитической Японии в неолитическую Южную Америку через восемь тысяч морских миль Тихого океана.

Ломая голову над этой проблемой, супруги Меггерс не пошли по легкому пути и не стали искать самых естественных решений. Они отмахнулись от предположения, будто пять тысяч лет назад в середине Тихого океана имел место громадный материк, который какое-то время служил мостом между Азией и Америкой, а впоследствии потонул, подобно пресловутой Атлантиде, в результате столкновения нашей планеты с неизвестным космическим телом. Не остановились они и на гипотезе о том, что пять тысяч лет назад космический корабль пришельцев из Вселенной приземлился в Японии, взял на борт груз горшков, перелетел через Тихий океан, разгрузился в Южной Америке и улетел к себе на родину. Нет, супруги-археологи искали объяснений менее романтических.

Рыбаки — вот кто мог переправить через Тихий океан керамику и технологию ее производства. Правда, уровень судостроительного мастерства во времена неолита вряд ли был высоким, но японцы, несомненно, всегда были искусными и отважными мореходами, а после Тура Хейердала и других знатоков нам стало известно, что при благоприятных условиях можно продержаться в открытом море сколько угодно, даже на довольно примитивном судне и даже при весьма ограниченных запасах пищи и пресной воды.

И нет никаких причин отрицать возможность того, что в незапамятные времена бури и течения погнали какую-нибудь «фунэ» под парусом из бамбуковой щепы или даже целую флотилию таких «фунэ» далеко на запад в океан и через несколько месяцев прибили к американскому берегу. Дело могло происходить примерно так. Вдоль восточного побережья Японских островов проходит на север мощное течение, скорость которого доходит до тридцати морских миль в сутки. Существовало оно, конечно, и пять тысячелетий назад. Древнеяпонские рыбаки пользовались им, чтобы выходить за косяками рыбы далеко в открытое море. Как правило, они благополучно возвращались

домой с хорошим уловом, но время от времени на них обрушивались могучие тайфуны и если не топили их, то гнали все дальше и дальше на север и на северо-восток, пока не загоняли в полосу западного течения, которое несло несчастных, потерявших уже всякую надежду не только на возвращение, но и на спасение жизни, к берегам Северной Америки. Но там это течение сворачивает к юго-востоку и, далее, к югу. Как раз на траверзе Эквадора оно лоб в лоб сталкивается со встречным течением, таким же могучим, и в результате воды океана устремляются на запад. Вот этот момент и был, вероятно, решающим в судьбах древнеяпонских рыбаков. Тех, кому не удавалось справиться с течением, уносило обратно через соленые просторы по направлению к Океании по маршруту Хейердала. Но некоторым, несомненно, достало силы и мужества (или удачи?) преодолеть обстоятельства и благополучно высадиться в районе Бардибии. Несомненно — потому что это единственно реальное объяснение тому, как неолитические японские горшки оказались в Эквадоре.

Перед принявшим эту гипотезу открываются поистине ослепительные перспективы. Что, если это был не единичный случай? И что, если высадки японских рыбаков в Южной Америке были достаточно регулярными (в исторических масштабах, разумеется)? Что, если не случайны в топонимике Эквадора названия, звучащие совершенно по-японски, например, Титикака? Что, если не лишена основания выдвинутая в одно время гипотеза, будто родоначальниками культуры древних инков были японцы?..

Но все это уже из области фантастики на исторические темы. Пока у нас достаточно оснований лишь для того, чтобы утверждать: Америку «открыл» не Колумб, не норвежский пират, а трудолюбивый и смелый японский рыбак каменного века.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть Вячеслава Пальмана** **«Песня черного дрозда»**

(326 стр.)

Постоянному рецензенту такого издательства, как «Детская литература», издательства, созданного для пропаганды «разумного, доброго, вечного» среди детей и юношества, время от времени попадают в руки произведения, имеющие, если можно так выразиться, абсолютную читательскую ценность, независимо или почти независимо от их литературного уровня. То есть, как правило, литературный уровень их достаточно высок, и выполнены они бывают добротной, крепкой, даже красивой, но эта их сторона затушевывается, отступает на задний план по сравнению с ценностью их идейного содержания. Чистота помыслов, страстность, благородные цели, четкое разделение понятий добра и зла, присущие авторам таких произведений, настолько поражают и захватывают читателя, что ему, как говорится, становится уже «не до литературы». Именно к числу таких произведений принадлежит повесть В. Пальмана «Песня черного дрозда».

На протяжении полутора десятков лет я довольно внимательно следил за литературной «карьерой» Вячеслава Пальмана. Помнится, он довольно долго не мог определить свою тему и нащупать свое место в писательском деле, но уже в первой его книге, изданной в Детгизе, слабой и подражательной — разумеется, по нынешним временам, а тогда это была хорошая новинка, — научно-фантастическом романе «Кратер Эршота» можно без труда очертить круг интересов автора: его неизбывная любовь к дикой природе, переходящая порой из-за несдержанности литературного новичка в откровенное любование. И вот передо мной последнее его произведение, зрелое, определенное, отмеченное печатью большого и умного литературного опыта.

Меня предупредили, что это — третья часть большой трилогии о крупном кавказском заповеднике и о судьбах людей, так или иначе связанных с ним. Я положил

себе непременно прочесть первые две части, но должен сказать: то обстоятельство, что я пока не знаком с ними, ничуть не помешало мне оценить третью часть. Сюжет ее достаточно прост, реминисценции вполне понятны, а ссылки на обстоятельства, связанные с содержанием первых двух частей, прекрасно увязаны с сюжетными поворотами. Другими словами, «Песня черного дрозда» — вполне самостоятельное произведение, и я буду рассматривать его здесь как таковое.

Молодой научный сотрудник заповедника, Саша Молчанов, под руководством опытного природоведа Котенко начинает уникальнейший эксперимент. В заповеднике обитают некогда ручные, а ныне совершенно одичавшие могучий красавец-олень Хоба и гигантский медведь-шатун Лобик. Непосредственная цель эксперимента — дружелюбием и лаской разбудить в этих двух зверях воспоминания об их «ручном» детстве, вступить с ними в контакт и завоевать их полное доверие и дружбу. Дальнейшая цель — имеющая огромное практическое значение — использовать эти контакты для того, чтобы «организовать» переходы оленьих стад с южных склонов и пастбищ на северные и обратно в периоды бескормицы, чтобы предотвратить в зимнее время падеж поголовья от бескормицы.

Эксперимент начался на удивление хорошо. Саше удалось подружиться с Хобой и Лобиком, они охотно выходили к нему и сопровождали его в походах по заповеднику; мало того, медведь и олень подружились между собой! И в один прекрасный день все пошло прахом. Некий Капустин, высокопоставленный чиновник из центрального учреждения, управлявшего заповедниками, в карьеристских целях организовал строгонастрого запрещенную охоту в черте заповедника. По его указаниям бывшие браконьеры, которых он определил в качестве лесников, отловили Лобика и заключили его в клетку, а Хобу застрелили. Правда, высокопоставленного браконьера взяли с поличным и привлекли к ответственности, но с таким трудом налаженное дело рухнуло: единственный посредник для контакта с оленьим поголовьем, прирученный олень Хоба был убит, а Лобик, оскорбленный и навсегда утративший доверие к человеку, навсегда ушел из заповедника.

Таково вкратце содержание повести.

Оно само по себе определяет благородный замысел автора: внушить молодому читателю заслуженное уважение к людям, которые с огромным трудом и с большими потерями стараются восстановить утраченные контакты человека с дикой природой, и не менее заслуженную ненависть к тем, кто ради сомнительных минутных удовольствий или ради карьеры и чистогана готовы оплевать, загадить, втоптать в землю саму идею этого большого дела.

Но есть у повести и другое громадное достоинство. Автор сам очень хорошо, досконально знает и очень любит природу. Описание и истолкование повадок птиц, оленей, медведя вызывают в памяти лучшие страницы замечательных писателей-звероведов — Виталия Бианки, Сетон-Томпсона, Чарльза Робертса. Я читал эти страницы с неизъяснимым удовольствием, и если кое-какие места в них уже потом, ретроспективно, и казались мне «лишними», не связанными с непосредственными нуждами сюжета, то это объясняется, скорее всего, тем печальным обстоятельством, что по своему воспитанию и по биографии своей я всегда был далек от дикой природы и всю жизнь моим отношением к ней руководили люди типа подлеца-Капустина. Тем более ценны эти страницы для молодого читателя — хоть в какой-то степени они нейтрализуют влияние беззастенчивых капустинных всех мастей и рангов.

Что касается чисто литературной стороны повести — могу сказать, что написано хорошо и крепко, редакторская правка требуется минимальная и коснется разве что только отдельных неудачных слов и выражений.

Могу рекомендовать издательству как можно скорее опубликовать эту нужную, полезную, интересную повесть.

Аркадий Стругацкий

Рецензия на сборник рассказов и повестей Александра Шагиняна «Пират»

(Всего 203 стр.)

Содержание:

«Тайна озера Хол-Хенс» (рассказ). Студент, пробавляющийся в летние каникулы мизерными заработками в провинциальной газете, выезжает «на сенсацию»: фермер, одиноко живущий на берегу озера Хол-Хенс, сообщил, что в озере обитает доисторическое чудовище. Студенту удается разоблачить фермера, который соорудил «чудовище» из резины и брезента, чтобы заманить на ферму корреспондентов, научных работников и туристов. Студент и фермер объединяются и успешно обжуливают приезжих, выклянчивая у них деньги за постой.

«Как это было на самом деле» (рассказ). Межзвездный пришелец приземляется где-то на берегах Аравии и улетает, оставив послушного кибернетического робота. Из-за этого «подарка» и возникла легенда об ифрите, вылезающем из кувшина, впоследствии вошедшая в «Сказки 1001 ночи».

«Коронный номер» (рассказ). Московский мальчик, навестивший родителей, работавших в одной из африканских стран, привез домой молодого удава. Удав привязался к мальчику, вырос вместе с ним, а впоследствии стал выступать с ним в цирке. Но мальчик — уже молодой человек, конечно, — влюбился в молодую наездницу, и удав на очередном представлении едва не задушил его от ревности. Помещенный в зоопарк, удав издох от тоски.

«Опять меня тянет в море» (повесть). Группа студентов географического факультета отправляется на небольшой шхуне искать затонувшие города. После долгих поисков находят такой древний город, поднимают металлическую статую и ларчик с изображениями каких-то жителей этого города и ложатся на обратный курс. Но их настигает шторм, статуя срывается с места и пробивает борт шхуны. Шхуна тонет, экипаж спасается. И следующей весной снова, хотя и не в полном составе, отправляется в экспедицию — на этот раз экспедицию Академии наук.

«Пират» (повесть). Двое американцев-уголовников и шестеро японцев из солдат бывшей императорской армии крадут списанный торпедный катер и принимаются пиратствовать в Южных морях. Вначале все идет успешно, размах их операций увеличивается, в конце концов они грабят гигантский океанский лайнер. Но после этого их главарь-американец пускает всех своих сообщников ко дну, а сам бежит с награбленными миллионами и в конце концов попадает на нож какого-то темного уголовного в Марселе.

Как мы видим, сюжеты и темы сборника не содержат ничего запретного и одиозного, мало того, на протяжении последнего десятилетия они усердно эксплуатировались как советскими, так и иностранными авторами. О спекуляциях на псевдосенсациях много писали Росоховатский и Михановский, Биленкин и Можейко. Фантастические истолкования классических мифов, легенд и сказок в изобилии встречаются у Казанцева, Зайцева и Цуцуи Ясутака. (Между прочим, сюжет могущественного ифрита в руках невежественного араба довольно подробно изложен в повести Стругацких «Попытка к бегству».) Ревнивый свирепый зверь — тема более старая, об этом писал, по-моему, еще Куприн, а также Чарльз Робертс и еще кто-то из писателей-звероведов. Что касается повестей о находках в затонувших городах, то им поистине нет числа. Тема о современном пиратстве собрала обильный урожай в художественной и публицистической литературе за рубежом.

Таким образом, «по новизне» эти вещи никак не «проходят», но ведь литература — не патентное дело. У самого Лема не наберется и двух-трех оригинальных сюжетов.

Главное — как и для чего написать. На мой взгляд, написано довольно слабо, в высшей степени непрофессионально, по-ученически. Автор еще не нашел ни своей стилистики, ни своей эмоциональной палитры. Рассматривать этот сборник с серьезных литературных позиций не представляется возможным. Но что-то позитивное в его манере изложения все же чувствуется — в частности, живое воображение и благородная любовь к детали.

Я не могу рекомендовать сборник к включению в план. Но можно было бы попробовать предложить повесть «Пират» в альманахах «Мир приключений», предварительно заставив автора много и тщательно поработать над нею, а потом дополнительно поработать над нею совместно с автором. Или наоборот — как найдет нужным редакция. Еще лучше порекомендовать автору предложить эту повесть в «Искатель», где такой материал будет вполне уместен.

Аркадий Стругацкий **Обзорная рецензия на журнал «Эсу-эфу-магадзин»** **№ 1 за 1973 год**

(Японский яз., 232 полосы, 464 книжные страницы.)

А. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ (ЯПОНСКАЯ) ФАНТАСТИКА.

1. Конниппаку Аран. «Сказание о безбрежном» (стр. 176–232).

Некто Отосинэ Дзёдзиро рассказывает свою необычайную повесть. На планете, управляющей судьбами мира людей, подобно тому как течение реки управляет плывущей щепкой, постигла его роковая любовь. Что есть жизнь человеческая? Не путешествие ли в вечности? Воспоминания человека, который блуждал бесцельно по свету, а потом, повинувшись голосу неба, едва не заплатил жизнью за любовь. Повесть одного из старейших работников японской научной фантастики.

2. Мито Мунээ. «Сокровища Акнара Барсака» (стр. 129–160).

Купив лицензию, вы можете официально совершить любое гнусное преступление. Гимель, самый скверный мир в нашей Галактике, скрывал в то же время ключ к тайне ее будущего.

Мито Мунээ — псевдоним. Настоящее его имя является редакционной тайной.

3. Исимори Сётаро, Хираи Кадзумаса. Повесть-гэкига¹ «Новая война демонов» (стр. 93–108). Продолжение. 15-й выпуск. Глава 3. «Кровь сверхчеловека» (6).

Сказочно-приключенческая фантастика о столкновении между демоническими силами на нашей грешной земле. Действие разворачивается главным образом в средневековой Японии.

4. Танака Кодзи. «Призрачный горизонт» (стр. 17–56). Окончание. Начало в №12 за 72-й год.

Сайкедилья, обетованная родина пожирателей наркотиков и галлюциногенов. Герой проникает в нее, чтобы разгадать причину загадочного уменьшения ее населения. И выясняется, что эта призрачная республика, куда он направился с риском для жизни, является волшебным миром сверхлюдей, погруженным в зловещую тишину.

Впервые повесть была опубликована в любительском журнале научной фантастики «Сэйдзин» («Звездная пыль») и неожиданно получила высокую оценку в прессе. В данном журнале автор публикуется впервые.

5. Тэдзука Дзитё. «Раса птиц-людей» (стр. 113–119). Комикс. Продолжение. 15-я глава. «Предание о Полоре» (4).

Автор — знаменитый японский художник-мультипликатор, последователь Диснея.

¹ Нечто среднее между комиксом и обычной повестью: текст чрезвычайно богато и мастерски иллюстрирован известными художниками-графиками. — *Прим. автора.*

Б. ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА.

1. Брайан Олдис. «Мягкая загвоздка» (стр. 68–92).
2. Пол Андерсон. «Свет» (57–67).
3. Джон Уэйн. «Лунная тишина» (поэма) (стр. 6–10).

В. ПУБЛИЦИСТИКА.

1. Ёкота Нобуя. «Классика японской научной фантастики» (стр. 11–16, 164–172).

Глава 1. Ёмихоны¹ по естествознанию. «Гансо-тайко-ки» (Записки о Великом Умельце Углероде»).

В поисках предтечи современной подлинно японской фантастики автор обращается к научно-популярной книге, вышедшей в 1926 году. Герои книги — персонифицированные участники современных технологических процессов, стилистика — под средневековые ёмихоны.

2. Три больших конкурса по научной фантастике.

Срок подачи 30 апреля 1973 г.

Приводятся имена и портреты членов жюри в конкурсах на а) лучшее литературное произведение, б) лучший комикс, в) лучшее произведение изобразительного искусства.

3. Като Такаси «Долина археологических находок и варвары-туристы» (стр. 4–5) (в серии «Научная журналистика»).

«Долина находок» в Альпах находится под угрозой полной утраты научной ценности из-за безобразного поведения туристов.

Г. РАЗДЕЛЫ.

1. «НФ сканнер» (о теме гибели нашей планеты в современной НФ).
2. «НФ детектор» (о новых произведениях НФ в Японии и за рубежом).
3. «Тоталоскоп» (о новых НФ кинофильмах).
4. «НФ информация» (о возможности преодоления скорости света в рамках теории относительности и обширное интервью, взятое у Андрэ Нортон).
5. «Телепатия» (письма читателей).
6. «Человеческий счетчик» (таблица читательских оценок произведений, опубликованных в № 10 за 1972 год).
7. «Антенна пространства-времени» (сообщения о достижениях современной науки и техники).
8. «Антология таинственных случаев» (о появлении «летающей тарелки» над Окинавой и о загадке Кембриджского аббатства).

Аркадий Стругацкий Рецензия на роман Александра Воинова «Западня»

(355 стр.)

В сюжетно-тематическом плане роман «Западня» мало чем отличается от многих и многих документальных и военно-приключенческих произведений наших авторов, пишущих о действиях советских разведчиков, партизан и подпольщиков в тылу у немецко-фашистских оккупантов. Речь в романе идет о сравнительно небольшом эпизоде в подготовке грандиозного наступления войск 3-го Украинского фронта на Одесском направлении, наступления, которое началось освобождением Одессы и далее выходом наших войск на линию реки Прут. Инсценировав побег пленного румынского офицера (прием довольно обычный, не требующий громадной технической и моральной подготовки), фронтовая разведка перебрасывает в Одессу молодую девушку Тоню. Задача Тони — выяснить готовность и возможности противника к отражению нашего десанта в тылу немецко-румынских войск в ходе предстоящего наступления. Инсценировка удается,

¹ Ёмихон — популярное ксилографическое издание с картинками, появилось в Японии в позднее средневековье. — *Прим. автора.*

Тоня прочно закрепляется в Одессе, связывается с нашими подпольщиками и начинает свою тяжелую, опасную работу. Казалось бы, все идет как по маслу. У абверовца Фолькенеца и гестаповца Штуммера как будто рассеялись последние сомнения относительно Тони: неприметная русская санитарочка, измотанная войной, перешла фронт, чтобы соединиться с единственной и горячо любимой сестрой. Но дальше начались осложнения. Во-первых, Штуммер немедленно вознамерился приспособить Тонию для своих целей: он «вербует» ее и для проверки заставляет связаться с одним из своих агентов-провокаторов, действующих против одесского подполья. Во-вторых, задание Тони оказывается невыполнимым без содействия подпольщиков и без личного ее участия в их работе. В-третьих, «спасенный» ею румынский офицер влюбляется в нее по уши, а абверовец Фолькенец недвусмысленно предлагает ей следить за ненадежным румыном и доносить на него.

И вот Тоня оказывается втянутой в чрезвычайно сложный клубок острой и кровавой борьбы между карателями и подпольщиками, борьбы, в которой каждое неосторожное слово, каждый ложный шаг может привести к гибели. В конце концов все, конечно, заканчивается благополучно, подпольщикам с помощью Тони удается провести смелую операцию — они выкрадывают самого Фолькенеца, — и Тонино задание оказывается выполненным с избытком.

Я говорю «конечно», ибо роман предназначен для юного читателя, и не для издательства «Детская литература» страшные и трагические концовки в духе одного из самых талантливых и глубоких писателей нашего времени Василя Быкова. Но вот что интересно (и, признаюсь, отраднo). Я никогда не был поклонником творчества Воинова. Его военно-приключенческие произведения всегда казались мне отмеченными печатью какой-то пресности и приторности, и я признаюсь, что приступил к чтению «Западни» с изрядным предубеждением. Сразу скажу, что я был приятно разочарован. И речь здесь вовсе не о чисто литературных достоинствах романа. Воинов достаточно опытный писатель, и проза его, при всей ее незамысловатости и, я бы сказал, простой «повествовательности», добротна, прочна и крепко сшита. Стилистика ясная, не оставляющая возможности для каких бы то ни было двусмысленностей. Сюжет построен умно, без кренов, с должными ударами в должных местах. Но более или менее так же точно обстоит дело и с многими другими военно-приключенческими произведениями для юношества многих других авторов. Чем же отличается (и в лучшую, гораздо лучшую сторону) роман «Западня»?

Во-первых, масштабностью описываемых событий. Традиция военно-приключенческой литературы еще с 19-го века требовала от автора, чтобы герой его совершал совершенно невероятные подвиги, изменяющие ход если и не истории государств, то войн или, по крайней мере, сражений. Так было с Питером Морицем, юным буром из Трансвааля, и с Капитаном Сорви-Голова, и с Красными Дьяволятами и т. д. Тоня у Воинова делает очень маленькое (в масштабах фронта) дело, в случае неудачи и провала фронтовая разведка без особого труда вышла бы из положения, направив на ее место другого человека или группу людей. Другими словами, эпопея Тони — крошечный, ничем особенным не примечательный рядовой эпизод Великой Войны.

Во-вторых, психологическая характеристика героя (вернее, героини). Та же традиция требовала личности с железными, на крайний случай — с деревянными нервами, презирающей опасности и ищущей мазохистического наслаждения в игре со смертью. Грубо говоря, сверхчеловека. Воиновская Тоня — всего лишь маленькая девушка, почти девочка. Она работает на пределе физических и моральных сил, она отчаянно трусит, но именно в преодолении этих совершенно естественных человеческих слабостей во имя безграничной любви к Родине, во имя воинского долга, во имя всего святого, что воспитано в ее душе родителями и учителями, в преодолении в себе эгоистического и состоит ее героизм, ставящий ее на много голов выше всяких Морицев и Сорви-Голов.

В-третьих, противник. По все той же традиции противника должно быть много и он должен быть непроходимо глуп. Не то у Воинова. Фолькенец и Штуммер не дураки. Правда, за их спиной и у них под руками изрядная масса немецких карателей и полицаев, но сила их не в этом. Они ведут против подполья и разведки сложную психологическую войну, оружием в которой выступают не столько штыки, сколько страх, предательство, искушение, неутомимость в стремлении к цели.

Воинов умело сочетает эти три совершенно нетрадиционных в военно-приключенческой литературе фактора и создает сильную, эмоционально насыщенную картину: слабенькая девушка вступает в схватку с могучим и коварным противником и лишь силою духа своего добивается успеха при выполнении порученного ей рядового задания. И закрывая книгу, молодой читатель поймет: это тысячи маленьких Тонь, выполнив тысячи рядовых заданий, во многом способствовали крушению чудовищной военной машины Гитлера.

Аркадий Стругацкий

Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Владимира Михановского «Гостиница «Сигма»»

(522 стр.)

В рукописи двадцать семь повестей и рассказов всего на двадцати двух авторских листах. Автор, справедливо предполагая, что далеко не все произведения сборника удостоятся одобрения редакции, оговорил в заявке, что рассчитывает на книгу объемом в шестнадцать-семнадцать авторских листов. Предположение справедливое, но чересчур оптимистическое. Добротного и заслуживающего внимания материала в рукописи наберется едва ли листов на десять. Мне как рецензенту нет смысла разбирать подробно те произведения, которые представляются мне недостаточными для опубликования, и я скажу о них только в нескольких словах, попытавшись более или менее отчетливо сформулировать причины, по которым я эти произведения «забраковываю».

Прежде всего, это почти весь цикл рассказов о роботах и о злодействах Уэстерн-компани: «Подделка», «Ограбили банк», «Малыш и Грубиян», «Залив Дохлого Кита», «Неустрашимый изьян», «Удача», «Последний жетон», «Беспроигрышная лотерея», «О, Тильда!», «Разгадка Плутона». Во-первых, эти произведения, если можно так выразиться, морально устарели. Анекдоты о роботах, которых принимают за людей, и о людях, которых принимают за роботов; ни к чему не обязывающие истории о жестоком обращении с роботами в капиталистической стране, претендующие на памфлетность; поверхностные обличения язв капитализма на «роботовой» основе, — все это за последние полтора десятка лет публиковалось в сотнях почти неотличимых друг от друга вариантов. Возможно, некоторые коротенькие вещицы были бы уместны на страницах периодики, но в авторском сборнике солидного издательства они никак не смотрятся. Во-вторых, и это очень важно, автор не совсем правильно, мягко выражаясь, отражает положение талантливых ученых в современном капиталистическом обществе. В таких рассказах, например, как «Разгадка Плутона» и «Малыш и Грубиян», руководство гигантской монополии изгоняет и пускает по миру крупных специалистов за действительные или мнимые неудачи в работе. Это в стране, где давно уже практикуется успешный «импорт мозгов»! Другое дело, что империализм протестует науку, превращает ученых в подобие публичных девок, но чтобы выгнать их и лишиться средств к существованию? Да ведь такой ученый немедленно побежит в конкурирующую фирму и вдобавок унесет с собой массу секретных сведений! Если уж писать памфлет, то нужно хоть немного представлять себе, о чем пишешь. В-третьих, имеют место просто литературные заимствования. Анекдот «Неустрашимый изьян» взят из «Экипажа

«Меконга»» Лукодянова и Войскунского; «Захлопни ящик Пандоры» — эпизод из «Познания себя» В. Савченки, да еще неважно пересказанный (нужды нет, что автор ставит в этом рассказе совсем иные цели; заимствование есть заимствование, и что можно маститому Лему, то нам, грешным, никак не полагается). То же, кстати, относится и к рассказу «Ночное путешествие Альвара» — полет на субсветовой ракете во сне был описан в фантастической повести «Вторая Земля», автора не помню, опубликованной в конце сороковых годов.

Далее, я предлагаю исключить из сборника несколько произведений «по незначительности содержания». Это «Гибкая тактика», «Рыжая», «Координаты бедствия» и «Искушение». «Гибкая тактика» — это опять-таки из набивших оскомину неудачных анекдотов о роботах. «Рыжая» — очень невнятная история о контакте, литературно весьма невысокого качества. «Координаты бедствия» — марсианский аналог истории об акуле, проглотившей транзисторный приемник. (К тому же, обстановка на Марсе в этом рассказе не соответствует современным представлениям; да это бы не беда — можно было бы перенести действие на другую планету.) «Искушение» — тоже анекдот, только на тему о машинах времени.

Далее, рассказ «Ловушка» должен быть исключен потому, что некоторые обстоятельства, описанные в нем, противоречат элементарным законам механики. Положим, корабль действительно увлекается магнитным полем с ускорением в десятки «же». Что же с того? Почему при этом должны возникать перегрузки? Ведь он же в свободном падении. Невесомость там должна быть при выключенных двигателях, а не перегрузки.

Далее, повесть «Стена», рассказ «Место в жизни» и маленькая повесть «Какое оно, небо?» написаны в общем неплохо, но очень близки как по содержанию, так и по мрачной тональности. Я предлагаю «Стену» и «Место в жизни» изъять, дабы не слишком утомлять читателя однообразием и отрицательными эмоциями.

Таким образом, в составе сборника, по-моему, должно остаться восемь произведений: «Гостиница “Сигма”», «Страна Инфория», «Степная быль», «Погоня», «Анитра распределяет лавры», «Жажда», «Мастерская Чарли Макгроуна» и «Какое оно, небо?», — всего на девять с половиной авторских листов. При этом полностью сохраняется жанровое, видовое и стилистическое разнообразие первоначального варианта. Это, разумеется, не значит, что отобранные произведения свободны от первоначальных недостатков. Нет, все они потребуют довольно большой авторской и редакторской работы, но зато в таком виде сборник обещает получиться значительным и интересным.

Главная вещь сборника — «Гостиница “Сигма”», повесть о судьбах космонавтов-релятивистов в отдаленном будущем. Тон повести светлый и поэтический, цветущая планета коммунистического завтра прекрасна. Хороши и люди, хотя очень не помешало бы сделать их образы более индивидуальными, характерными. За всем тем не лишена повесть и благоглупостей. Особенно это относится к любовным сценам, где автор ни с того ни с сего впадает в этакую «саганщину» (от имени Саган, пошлейшей писательницы из современных крупных литературных величин). Неудачен образ молодого Брока — вряд ли следует рисовать его таким истеричным. Немного коробит от истории с космическим табаком, словно автор задался целью еще раз напомнить нам о вреде курения. Может быть, попробовать распространить заразу каким-либо другим способом?

«Страна Инфория» — рассказ о смысле понятия «информация», не столько художественный, сколько познавательный. Примыкает к произведениям такого плана, как «Волшебный Двурог» Боброва. Рассказ следует несколько сократить.

«Степная быль» — рассказ о готовности коммунистического человека на любые лишения, когда дело касается безопасности родной планеты. Не мешало бы тщательно поработать над его литературной стороной.

«Погоня». Кибернетический робот, «альтер эго» своего создателя, в прошлом героя-космонавта, совершает побег, чтобы повторить подвиг своего создателя. Написан в форме

своеобразного детектива, да вот беда — читатель догадывается, в чем дело, уже в середине рассказа. Хорошо бы поработать в этом направлении.

«Анитра распределяет лавры». Добротный кибернетический анекдот. Интересен тем, что в нем Михановский опробовал необычную для себя интонацию. По-моему, рассказ несколько растянут.

«Жажда». Любопытный рассказ о кибернетическом мозге, совершенство которого довело его до саморазрушения. Только эту идею следовало бы обозначить порезче.

«Мастерская Чарли Макгроуна». Антикапиталистический памфлет. Изобретателя машины сновидений судят за то, что он дал своим согражданам хотя бы иллюзию счастья.

«Какое оно, небо?». Судьба человеческой единицы в нечеловеческом тираническом обществе. Надо сказать, что произведения на такие темы получаются у Михановского особенно хорошо.

Будем надеяться, что сборник Михановского будет встречен молодым читателем благожелательно.

Аркадий Стругацкий

Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Сергея Снегова

«Посол без верительных грамот»

(475 стр. ~ 20 а. л.)

Сергей Снегов уже хорошо известен читателям и, особенно, любителям научно-фантастической литературы: несколько лет назад в одном из ленинградских сборников «Приключения и фантастика» был опубликован его большой роман «Люди как боги», посвященный описанию быта и нравов человека в отдаленном коммунистическом будущем и грандиозной эпопее спасения землянами множества мирных инопланетных цивилизаций от нашествия чудовищных «зловредов» — наполовину разумных существ, наполовину кибернетических механизмов. Помнится, роман вызвал изрядное количество толков и пересудов, кое-кто из фантастов-профессионалов был склонен относиться к нему иронически, ибо автор, по их мнению, нарушил коренной закон художественной литературы, так хорошо сформулированный одним из величайших писателей земли русской: можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию. Возможно, в оригинале слова «выдумывать» нет, а есть слово «выдумать», но в конечном счете большой разницы это не составляет. Возможно, для такого рода обвинений Снегов и дал какие-то основания; но при всем том ему нельзя было отказать в богатстве фантазии и пылкости воображения, и если описания быта и нравов в этом романе и могли задеть чувства квалифицированного читателя, то достижения науки и техники будущего, инопланетяне, а особенно грандиозные космические битвы были там на высоте.

В рецензируемом сборнике действие происходит тоже в отдаленном коммунистическом будущем, в нем даже фигурируют некоторые бытовые и научно-технические детали из романа «Люди как боги» (напр., мебель из силовых полей, возникающая при помощи усилия мысли, или сверхсветовые космические корабли,двигающиеся за счет энергии превращения пространства в материю). Но автор, видимо, извлек соответствующие уроки из споров и замечаний по поводу романа и начисто отказался от «выдумывания психологии» (что бы под этой фразой ни подразумевалось в устах его критиков). Логика эмоций героев сборника вполне совпадает с логикой эмоций наших современников, иногда даже чересчур, они совершенно так же раздражаются, злятся, обижаются, как и мы, хотя проживают в 25-м веке — в эпоху развитых коммунистических отношений и зрелой коммунистической массовой психологии. И рецензент, как фантаст-профессионал и как квалифицированный читатель (это не похвальба, писатель просто не может не быть квалифицированным читателем),

утверждает: Сергей Снегов поступил правильно, изображать коммунистических людей иными, чем лучшие люди нашего времени, значит идти на открытый разрыв с художественной литературой, значит впасть либо в сухой публицистический трактат, либо в «розовое болото расхлябанного оптимизма», ничего общего с литературой и ее задачами не имеющего. Итак, первым достоинством рецензируемого сборника следует считать то обстоятельство, что при заданном и поддерживаемом на каждом шагу фоне развитой коммунистической морали и этики действующие лица в своих эмоциональных отправлениях остаются, на взгляд современного читателя, столь же разнообразными и индивидуальными (индивидуалистичными?), как люди нашего времени.

Рассмотрим теперь содержание сборника. Он включает в себя двенадцать рассказов и одну повесть, и все эти произведения объединены а) одними и теми же героями; б) одной и той же жанровой особенностью; в) одной и той же внелитературной задачей (или, если угодно, сверхзадачей). О том, что действие их всех происходит в 25-м веке, на фоне развитых коммунистических отношений, уже было сказано.

Начнем с жанровой особенности. Насколько рецензенту известно, произведений подобного жанра — во всяком случае, цепи или серии произведений подобного жанра — в советской фантастике было пока очень мало. По сути дела, сборник можно отнести к жанру «детектив в условиях полного осуществления принципа «человек человеку друг, товарищ и брат» на фоне фантастических достижений науки и техники». Каждое произведение сборника — история раскрытия таинственной загадки, которая возникает как следствие очередного научного или технического достижения или открытия, свершенного тружениками-коммунарами. Вообразить, придумать, описать по меньшей мере тринадцать очередных научно-технических достижений и открытий в 25-м веке — это уже само по себе весьма тяжелое дело, но надо сказать, что Снегов не только с этим делом справился, но еще и построил на этих «открытиях» довольно замысловатые и интересные сюжеты, относящиеся к категории детективных, кроме всего прочего, еще и потому, что «открытия» у него теснейшим образом связаны с судьбами отдельных людей и всего общества (в повести).

Далее, перейдем к героям. В центре каждого произведения стоят два действующих лица, братья Генрих и Рой Васильевы, сотрудники Института космических проблем. В наше время они, безусловно, по своей неизменной тяге ко всевозможным загадкам и тайнам сделались бы агентами уголовного розыска и работали бы на Петровке 38, и писал бы о них не Снегов, а Юлиан Семенов. В 25-м веке, где преступность почти изжита и сводится к патологиям, общество определило для них иную сферу деятельности: они расследуют и распутывают всевозможные таинственные происшествия, связанные с деятельностью ученых и научных организаций. Личности эти очень характерные, каждый со своим амплуа, как и положено героям классического детектива — Шерлоку Холмсу, Мегре, Эркюлю Пуаро, Перри Мэйсону и т. д., — и в ходе работы хорошо дополняют один другого. Работают они, опять-таки как положено героям классического детектива, на износ, себя не щадят, готовы на любой риск во имя истины. Вот перечень их дел, описанных в сборнике, а заодно и содержание произведений.

Расследование таинственного убийства на Альтоне — далекой планете, некогда колыбели неведомой цивилизации, исчезнувшей неведомо куда и оставившей после себя загадочную машинерию. Братья Васильевы выясняют, что машины эти под воздействием мощных электромагнитных полей способны материализовывать человеческие эмоции. («Стрела, летящая во тьме».)

Братьям Васильевым удается создать прибор, улавливающий излучения мозга людей, которых давным-давно нет уже в живых. Так они разгадывают тайну Великой теоремы Ферма и получают возможность сосуществовать в парижской тюрьме с Франсуа Вийоном, положив основание для новых путей исторической науки. («Умершие живут».)

Братья Васильевы остроумным приемом помогают своему другу предотвратить деградацию инопланетной цивилизации. («К проблеме среднего».)

Братья Васильевы находят причины застоя колонии землян на отдаленной планете, но, узнав, что устранение этой причины влечет за собой разрушение счастья двух человек, отказываются от этого. («Машина счастья».)

Братья Васильевы преследуют и настигают некоего профессора Брантинга, обвиненного своим помощником в намерении разрушить биологическое равновесие на Земле. На поверку, однако, выясняется, что помощник «натравил» братьев на профессора совершенно по другим причинам. («Эксперимент профессора Брантинга».)

Расследуя обстоятельства гибели академика Томсона, братья доказывают, что академик не убит из ревности, как могло показаться на первый взгляд, а погиб из-за вмешательства в эксперимент некоего неизвестного космического фактора. («Сквозь стены скользящий».)

Генрих совместно со следователем расследует таинственное похищение одного крупного ученого. Они идут по следу, но то, что оказалось в конце следа, не имело ничего общего с преступлением. («Принуждение к гениальности».)

Двое гениальных ученых решили проблему бессмертия — каждый по-своему. В результате поставленных над собой опытов один ученый превратился в тепличное существо, другой — в полуидиота. Несмотря на предосторожности, принятые Генрихом, тайна их работ осталась нераскрытой: оба «бессмертных» уничтожили друг друга. («Сверхцентр бессмертия».)

Расследуя тайну смерти биолога Плачека, братья Васильевы выяснили, что он создал препарат, устанавливающий в мозгу связи, соответствующие гениальности. («Тяжелая капля тщеславия».)

Расследуя загадку гибели композитора Симагина, братья Васильевы помогли родиться совершенно новому виду искусства. («Огонь, который всегда в тебе».)

Братья Васильевы расследуют и разгадывают тайну пришельцев из неведомого мира иного времени. («Пропать без дна».)

Рой Васильев принимает участие в первом эксперименте с кино, дающем полный эффект присутствия и соучастия. («Рожденный под несчастной звездой».)

Братья Васильевы расследуют и разгадывают невероятную загадку — посланцы чудовищно далекой цивилизации, намного обогнавшей в своем развитии земную, чтобы подготовиться к контакту с землянами, ухитрились превратить некоторых землян, без их ведома, разумеется, в своих разведчиков. («Посол без верительных грамот».)

Легко видеть, что загадки и тайны, с которыми имеют дело братья Васильевы, оказались бы не по плечу прославленным героям классического детектива. Тем интереснее читателю следить за перипетиями поисков.

Теперь о сверхзадаче. Можно ли сомневаться, что Сергей Снегов во многом остался таким же романтиком научной фантастики (или, вернее, фантастической науки), каким был, когда работал над романом «Люди как боги»? Фантастическая наука и техника увлекают его не меньше, чем литература как таковая. Выше уже выражалось восхищение его способностью «изобрести» более десятка очередных научных открытий 25-го века. Остается только добавить, что эта способность рецензенту чрезвычайно импонирует.

Из того, что говорилось, легко видеть, что рецензент относится к вопросу об издании сборника Сергея Снегова в целом положительно. Так оно и есть, однако здесь следует сделать два замечания.

Во-первых, вовсе не все произведения сборника равноценны. Если редакция примет решение включить сборник в план своей работы, следует тщательно изучить его именно с этой точки зрения. Со своей стороны рецензент рекомендовал бы изъять из состава сборника рассказы «Эксперимент профессора Брантинга», «Сквозь стены скользящий», «Сверхцентр бессмертия», «Пропать без дна» и «Рожденный под несчастной звездой». Недостатки этих рассказов довольно разные, но все они (рассказы) представляются

рецензенту слабыми литературно и недостаточными логически. Грубо говоря, литературная основа в них проламывается под тяжестью фантастических допущений.

Во-вторых, хотя Сергей Снегов, несомненно, и является серьезным писателем, в сборнике чувствуется зачастую стилистическая неряшливость, которая потребует, несомненно, вдумчивой работы редактора.

Думается, остальные произведения сборника, после хорошей редакторской правки, составят весьма незаурядную книгу, которая, вне сомнения, будет с интересом встречена молодым (да и не только молодым) читателем.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть Вадима Инфантьева** **«На льду у Кронштадта»**

(134 стр.)

Действие повести происходит в самом конце прошлого века в Сестрорецке, небольшом городке на берегу Финского залива к северу от Кронштадта, а героем повести является мальчишка по имени Прохор, сын и внук бывших военных моряков российского флота. Семья была большая, едва концы с концами сводили, вот и пришлось Прохору двенадцати лет отроду поступить учеником на Сестрорецкий оружейный завод, где работал и отец. И в ту первую его «заводскую» зиму произошла с ним удивительная история.

Чтобы принести в дом отнюдь не лишнюю копейку, Прохор по субботам и воскресеньям выходил на кронштадтский лед ловить корюшку (мать потом возила улов в Петербург и продавала по рублю-полтора за сотню). Как-то раз к Прохору, сидевшему с удочкой над лункой, подошел добротный одетый иностранец, назвавший себя Артуром Максимовичем, и предложил мальчику работу. Он, оказывается, ученый и интересуется жизнью рыб, и ему позарез надо выяснить, где ходят косяки подо льдом. Для этого в ледяном поле между Сестрорецком и Кронштадтом надо выдолбить множество лунок и забрасывать в каждую леску на пробу. Артур Максимович предложил Прохору долбить для него лунки по копейке за штуку каждый день до самой весны и пообещал притом договориться на заводе с мастером. Прохор, естественно, согласился, ведь за день он мог пробить лунку тридцать, да еще возможный улов отходил ему. И пошла у них эта работа. Почти каждое утро они выходили на лед: Прохор выдалбливал лунки, Артур Максимович опускал в них свою леску, записывал что-то в блокнотик, а вечером расплачивался. И так изо дня в день, с каждым днем продвигались все дальше от Сестрорецка на восток. Постепенно, однако, Прохор стал замечать странности в поведении Артура Максимовича, но не сразу придал им значение, а только после того, как поговорил со своей подружкой Ксюшей, дочкой соседа-рабочего. А когда поговорил, то ахнул: не рыбкой интересовался Артур Максимович, а тайно промерял фарватер к Петербургу в обход Кронштадта с севера, где не было тогда никаких фортов и береговой обороны. Короче говоря, понял, что Артур Максимович — иностранный шпион.

Прохор поделился с отцом и дедом. Отец сначала не поверил, но дед убедил его, что такое может случиться. Встал вопрос: что делать? В полицию и жандармерию обращаться не с руки, военное начальство их на порог к себе не пустит. В конце концов решились привлечь к этому делу прапорщика Савельева, работавшего на заводе, а тот привел к ним мичмана Порогина. Мичман сразу определил, что Артур Максимович действительно занимается шпионской деятельностью. Вскоре выяснилось, что Артур Максимович вовсе и не Артур Максимович, а английский морской офицер, бывший во время русско-турецкой войны в русском флоте и дезертировавший в Турцию. Тогда мичман обратился в Адмиралтейство с рапортом. К огромному удивлению и негодованию всех заинтересованных лиц, адмирал не только не похвалил мичмана, не только не принял

меры, но и приказал ему забыть об этом деле. Как выяснилось впоследствии, разоблачение шпиона грозило скандалом: на закрытие северного фарватера казна отпустила в свое время большие деньги, но работ никаких проведено не было, а деньги куда-то исчезли.

Тогда мичман, прапорщик и рабочие решили сами взять это дело в свои руки. «Артуру Максимовичу» устроили встречу с одним моряком, который опознал в нем дезертира, а Прохор при помощи своих новых (и старых) друзей забрался в его квартиру и забрал все бумаги и карты, на которых были нанесены результаты промеров. Шпион вынужден был с позором бежать из России, унося на морде пощечину, полученную на прощание на станции от прапорщика Савельева.

Таково содержание повести «На льду у Кронштадта». Она написана от первого лица, как рассказ старого боцмана, участника Первой мировой войны, Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. В повести подкупают прежде всего два обстоятельства: во-первых, превосходное знание реалий, во-вторых, бесхитростность и простота изложения. Чрезвычайно привлекательны и образы действующих лиц: самого Прохора, его подружки Ксении, суровых рабочих, только начинающих приобщаться к организованному революционному движению; прогрессивно настроенных офицеров Савельева и Порогина. Незауряден и образ «Артура Максимовича», хладнокровного и смелого шпиона, ловко орудующего под самым носом у полиции и жандармерии, — совершенно ясно, что если бы не патриотизм и бдительность Прохора и Ксении, их отцов и молодых офицеров, шпион спокойно выполнил бы свое дело и вернулся в Англию с богатым уловом.

Одним словом, мы с удовольствием рекомендуем эту повесть для издания.

Но не лишена она и недостатков. Не будем говорить о том, что она нуждается в редакторской правке, это принято (и справедливо) говорить о подавляющем большинстве рукописей. Главное в другом. Вспомним, что повествование от самого начала и до самого конца ведется от лица девяностолетнего старика. Между тем интонации и стилистика повести характерны именно для подростка лет пятнадцати, не двенадцатилетнего и мальчика полуграмотного, как Прохор, а вполне современного, окончившего седьмой или восьмой класс советской школы, да еще не в устной речи, а в хорошо подготовленном сочинении.

Рекомендаций для исправления этой неловкости можно дать несколько. Две представляются наиболее приемлемыми. Первая: перевести всю повесть в третье лицо. Сделать это очень несложно, тогда культура авторской косвенной речи будет вполне уместна. Вторая: «подогнать» всю повесть под интонации (и, между прочим, характерный словарный слой) старика-боцмана, родившегося где-то в 1880 году в неграмотной рабочей семье, все свои зрелые годы прослужившего на флоте и только после Великой Отечественной ушедшего на покой. Это значительно труднее, хотя и много интереснее как литературная задача.

Думается, повесть будет с интересом встречена читателем.

Аркадий Стругацкий

Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Игоря Росоховатского «Каким ты вернешься?»

(«Детская литература», 1971 год. 254 стр.)

«Уравнение не решалось. X-суммы углов увеличивались до бесконечности...»; «Аппарат начинает излучать волны энергии, убивающие любые существа, ритм колебаний которых совпадает с заданным...»; «На экранах... загорелись разноцветные карты, вспыхивали и бежали огоньки...»; «Он вспомнил электронный микроскоп, где от предмета отражались не световые волны, а электронные лучи...»; «Электромагнитные импульсы с

определенным ритмом и мощностью могут менять колебания молекул, резко усиливать защитные свойства определенного органа или участка ткани, в том числе их способность к восстановлению...»; «Зеленые и синие змейки танцевали на экране, то сплетаясь в клубки, то разбегаясь...»; «На стенах зала вспыхивают сотни разноцветных огоньков...»; «И снова, как эхо, во всех шести тоннелях стены ответили пульсирующим мерцанием, повторили порядок вспышек...»; «Сигом собрался расщепить его ультразвуком и проанализировать...»...

Конечно, из любого, самого прекрасного произведения современной научной фантастики можно надергать сколько угодно столь же одиозных цитат. Но обратим внимание на следующее: большинство приведенных фраз (не все, разумеется) взяты из кульминационных эпизодов рассказов и повестей Росоховатского. Мало того, некоторые из этих фраз взяты из прямой речи действующих лиц. О чем же эта книга? Некоторый свет на целевую установку автора проливает абзац из авторского предисловия, в котором объясняется, что такое «сигомы» — синтетические сверхчеловеки — действующие лица части произведений, включенных в рассматриваемый сборник. Вот этот абзац: «Тему сигомов автор начал повестью «Смертные и бессмертные» (газета «Киевский комсомолец», 1960 год). И хоть прошло всего одиннадцать лет, гипотеза, казавшаяся тогда полностью фантастичной, получила неожиданно много подтверждений. Успехи биологии, кибернетики, химии, создание искусственных органов и многое другое позволили ученым в разных странах начать работу по постановке этой проблемы, от которой во многом зависит будущее человечества».

Оставим в стороне вопрос о том, чья именно гипотеза, «казавшаяся тогда полностью фантастической», получила теперь подтверждение. Не исключено, что не гипотеза Росоховатского — спустя 11 лет, а гипотеза Алексея Толстого (см. пьесу «Бунт машин») — спустя 45 лет. Главное в этом абзаце — скромная гордость автора по поводу того, что научная гипотеза, высказанная в его художественном произведении, спустя какое-то время подтверждается.

Да, было время, когда ценность научной фантастики определялась не литературно-художественными достоинствами, а ее якобы способностью (или неспособностью) предугадать достижения науки и техники на ближайшие десятилетия. Естественно, что в научно-фантастических произведениях того времени главным героем и была научно-техническая гипотеза, и весь сюжет строился тогда таким образом, чтобы эту гипотезу сформулировать и изобразить следствия, из нее вытекающие. Но это время прошло, как сказано у Экклезиаста, оно давно миновало. И Росоховатский понял это, но не отказался от архаичной методологии, а попытался, если можно так выразиться, модернизировать ее.

Модернизация осуществляется им разными путями, но (за малыми исключениями) всегда за счет литературной высоты и даже элементарной логики. Прежде чем приступить к разбору общего принципа Росоховатского и характернейших примеров применения этого принципа, вынесем из поля нашего зрения рассказы «Обратная связь» (парафраз одного из ранних рассказов Емцева и Парнова), «Комназпредрас» (очень скверный вариант какого-то кибернетического анекдота Варшавского) и «Неопровержимые доказательства» (идея взята из рассказа американца Рассела «Неудавшееся вторжение»).

А общий принцип предельно прост. Излюбленная Росоховатским научно-фантастическая или технико-фантастическая идея, облеченная в произвольные псевдонаучные формулировки, противостоит естественной скрещивается с вполне нормальной для художественной фантастики морально-социологической идеей антропоцентризма. (Правда, сигом оказывается посильнее человека во всех отношениях, но Росоховатский не устает утверждать, что сигом — это тоже человек, только у сигома особенно развито чувство долга перед человечеством.) Вот выясняется, что кибермозг постигает нечто, для человека непостижимое («Нерешенное уравнение»). Это научная идея Росоховатского: достаточно могучее кибернетическое устройство способно воспринять и усвоить физические реальности, человеческой природе не данные. Но к этой идее нужно

пристегнуть художественный сюжет. Ничего нет проще: человек решает с огромным риском для жизни физиологически подключиться к кибермозгу. Драматическая ситуация налицо. Нет нужды, что ни автору, ни читателю неизвестно, о каких там неизвестных реальностях идет речь, нельзя ли подождать с их освоением, стоят ли они огромного риска человеческой жизнью. «Возможно, овладение этим видом энергии дало бы нам власть над временем и пространством?» — длинно думает герой, и этого Росоховатскому достаточно. «В случае моей гибели... следующим будет Володя». «Гуманисты!» — ошарашенно восклицает читатель.

Вот в пустыне обнаруживают гигантские статуи («Встреча во времени»), которые на поверку оказываются разумными существами, живущими в ином темпе времени — их секунда равна десятку наших лет. Тоже научно-фантастическая гипотеза, и очень даже интересная. Но опять-таки требуется сюжет. Что же придумывает антропоцентрист Росоховатский? Этим диковинным существам впрыскивают специальный эликсир и тем самым переводят их в наш темп времени. Описывается беседа их с нашими учеными, причем существа эти настроены весьма недружелюбно. По Росоховатскому, недружелюбие это объясняется побочными обстоятельствами, но читатель хватается за голову. «Гуманисты! — восклицает он. — Еще бы они были дружелюбными! Посмотрел бы я на автора, если бы ему что-нибудь такое впрыснули, отчего он остаток жизни прожил бы за две секунды!»

И так почти во всем. В повести «Стрелки часов» научная фантастика из вида литературы, показывающего социальные результаты развития науки, превращена в литературу о физиологических результатах научного открытия. В повести «Дело командора» ради понравившейся автору идеи о микробиологической цивилизации нагроможден банальный и неуклюжий сюжет с уголовным делом и участием следователя, а все оканчивается не лишенным ехидного остроумия утверждением, что в отдаленном будущем люди забудут, как лечить ангину.

Приятное исключение в сборнике составляют два рассказа: «Каким ты вернешься?» и «Мой подчиненный» — неплохо выполненные, несколько грустные произведения с неожиданным подтекстом: одиночество доброго сверхчеловека среди обычных людей, которых он любит. Остальные произведения в сборнике, по моему мнению, интереса не представляют.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть Андрея Яковлева «Тяжелая работа»**

(413 стр.)

Действие повести происходит в середине шестидесятых годов. Органами госбезопасности взят при переходе границы в Прибалтике агент иностранной разведки. Спасая свою шкуру, задержанный признался, что имел задание доставить рацию и деньги крупному, хорошо законспирированному резиденту, окопавшемуся в городе Крайске. Ни имени резидента, ни его явки он не знает, резидент его тоже не знает, связному предписывалось приехать в Крайск, сообщить о своем прибытии фальшивым объявлением на определенном фонарном столбе, а затем ждать в условленном месте в условленные часы условленных дней недели. Резидент сам подойдет к нему и обменяется паролем. Московский центр направляет в Крайск майора Миронова, который при помощи и руководстве местных товарищей, полковника Скворецкого и майора Луганова, должен был сыграть роль вражеского связника. В самый разгар операции — майор Миронов уже две недели выходит на встречу, но резидент не дает о себе знать, — в окрестностях Крайска происходят два отчетливо связанных между собой события: во-первых, повесился бухгалтер соседнего совхоза Рогачев, оставив письмо, в котором признавался, что в годы войны был предателем и подвел под разгром крайскую подпольную

организацию; во-вторых, был зверски убит мальчик, который вместе со своим приятелем побывал у бухгалтера вечером накануне его смерти и нашел и сохранил черновик его письма в органы, в котором покойный сообщал о недавней встрече с одним отъявленным мерзавцем, пытавшим его в бытность в плену в фашистском спецлагере...

Так начинается этот необычайно объемистый (17–18 авт. листов) детектив, рассказывающий о трудных буднях работников госбезопасности: как был обнаружен, выслежен и в конце концов взят человек-оборотень, страшный преступник и предатель Родины полковник РОА Соколов.

Прежде всего отметим одну характерную особенность повести. Сюжет ее чрезвычайно сложен и даже запутан, но сложность и запутанность эта не производит впечатления искусственности и литературной нарочитости. Напротив, размышляя над сюжетом, читатель в конце концов приходит к парадоксальному выводу, что автор практически ничего не сделал «для увлекательности», что описанные хитросплетения и перипетии погони за полковником Соколовым просто-напросто добросовестно отражают последовательность событий какого-то не выдуманного, а действительно имевшего место дела, хранящегося ныне в архивах КГБ, последовательность событий, как она воспринималась реальными работниками госбезопасности, распутывавшими шаг за шагом этот страшный и сложный клубок. Если это не так, если все или почти все в повести — авторская выдумка, автора надо от души поздравить: повесть выглядит на редкость убедительной именно своей безыскусственностью.

Не исключено, что большую роль в создании такого впечатления играют «сюжетные ответвления», которые обычно в детективах либо отсекаются напрочь (когда в детективе описывается истинное дело), либо вообще не приходят автору в голову (когда описываемое дело заведомо выдуманно). Так, превосходно «играют на убедительность» два тупиковых направления в следствии: версия Варихина, подозрительность поведения которого, как выясняется, определялась всего-навсего его нечистоплотностью в быту, и версия убийства водителя лесовоза в Якутии, которое, как выяснилось, было совершено не оборотнем Соколовым, а бежавшим из лагеря уголовником.

Далее, играют здесь свою роль и жуткие подробности деятельности полковника Соколова в спецлагере и вообще детали истории оуновского движения на Украине в годы фашистской оккупации. Автор наглядно показывает корни чудовищных преступлений, творимых отрицательными персонажами на страницах повести, психологически точные причины, по которым это темное отребье не может рассчитывать на прощение народа и вместе с тем проявляет такую слабость, оказавшись лицом к лицу со следователем: полная безыдейность, ненависть к бывшим соучастникам преступлений, мистический ужас перед своим бывшим главарем.

Далее, очень удалась автору личность «черного героя» повести, бывшего полковника РОА Соколова. Это необыкновенно сильный, хитрый, опытный враг, обладающий звериным чутьем на опасность, воистину бесценный слуга заграничной разведки. Два человека, старик и мальчик, попытавшиеся встать у него на пути, были немедленно и беспощадно раздавлены.

Каждый шаг следствия по его делу дается нашим работникам ценою огромных усилий. И даже когда горячий умница майор Миронов загоняет его в угол уже на другом конце огромной страны, где-то в пригородах Иркутска, ему опять-таки удастся уйти — правда, недалеко. Тут есть еще одно достоинство у этой повести: оборотень Соколов появляется перед читателем (и перед работниками госбезопасности) лишь на последних страницах, до этого автор штрих за штрихом, как это и бывает при настоящей работе, вскрывает его лицо, его фигуру, его характер, и лишь постепенно, как при печатании фотографии, проявляется облик этого холодного и страшного врага.

О повести можно сказать еще немало хорошего: и точность психологических мотивировок поведения как жены Дорохова-Соколова, так и ее сестры и зятя; и мрачноватая убежденность автора в том, что далеко не все страшные тайны времен

оккупации всплыли на свет божий; и эпизоды, рисующие своеобразную и необычную фигуру пройдохи Спиридонова (кстати, эти эпизоды тоже дают «тупиковую версию» и служат вящей убедительности повести), и кое-что еще. Но пора высказаться и о недостатках.

Прежде всего и самое досадное — это типичная неудача с образами главных положительных героев. Полковник Скворецкий и майоры Луганов и Миронов — все это, как и прежде, во времена «Библиотеки военных приключений», не живые люди, а плакатные фигуры, со своими определенными функциями и со всеми мыслимыми и немыслимыми добродетелями. Из этого высказывания не следует делать вывод, будто рецензент сомневается в абсолютной порядочности работников госбезопасности. Он только сомневается в их плакатности. Автор наделил своих героев массой «человеческих» характеристик: они и семьянины, они и футбольные болельщики, они, как неоднократно декларируется, люди разные по темпераменту. А вот живых, полнокровных образов у автора не получилось. Сравнить фигуру хотя бы отщепенца Длинного или пройдохи Спиридонова с образом того же Миронова — типичные примеры авторских удачи и неудачи. Заведомо, правда, известно, что отрицательные действующие лица удаются литератору много легче, нежели положительные (см. хотя бы «Мертвые души» Н. В. Гоголя), но надо же и честь знать! Может быть, все дело в некоем авторском благоговении перед положительным героем? В полном отсутствии критического отношения к нему? А может быть, как раз наоборот? В том, что слишком уж буквально воспринято крылатое и, признаюсь, наводящее тоску утверждение, будто наши чекисты — «простые обыкновенные люди»? По моему глубокому убеждению, простыми и обыкновенными могут быть, скорее уж, писатели средней руки или продавцы в пивных ларьках. Люди же на такой работе — посложнее и потаинственнее.

Далее, недостаток совершенно иного плана. В повести, предназначенной для молодого читателя, мы всегда стараемся по возможности не описывать самые скверные и жестокие проявления человеческой природы, хотя бы речь шла и о самых скверных и жестоких людях. Я думаю, редактор поймет меня: нельзя, наверное, даже просто упоминать в наших книгах для юношества о том, как гитлеровские палачи раскаленными щипцами кастрируют пленного, хотя это мощно характеризует палаческую сущность одного из «черных героев». А таких мест, описывающих зверства, немало в эпизодах, посвященных деятельности оуновцев.

Рецензента как читателя повесть не оставила равнодушным. Но он не может позволить себе безусловно рекомендовать ее издательству «Детская литература». Видимо, прежде следовало бы очень тщательно, а в некоторых частях — и коренным образом переработать ее.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастическую повесть** **Альберта Валентинова «Заколдованная планета»**

(152 стр.)

В далеком коммунистическом будущем, когда человечество неизмеримо разбогатело, овладело немыслимо могучими силами природы и стало хозяином космических пространств, появилась у людей новая профессия (или призвание?) — помогать отсталым цивилизациям на путях прогресса. Их так и называют, этих специалистов, — цивилизаторы. И есть в десятках парсеков от Солнечной системы вполне землеподобная планетка Такрия, населенная племенами гуманоидов, находящихся на стадии первобытно-общинного строя, вполне аналогичного тому, который некогда царил на нашей Земле — с шаманами, охотничьими ритуалами и прочей палеолитной атрибутикой. Но вот в чем беда: по каким-то причинам развитие местного человечества

затормозилось. По всем законам исторического развития ему бы давно уже надлежало перешагнуть в феодальный, а может быть, и в капиталистический век, но нет, топчутся они уже десятки тысячелетий на одном месте, и не то что простое колесо — лука со стрелами изобрести не смогли. И вот группа цивилизаторов уже на протяжении полустолетия изо всех сил, но довольно безуспешно старается столкнуть это человечество с мертвой точки...

В повести рассказывается о том, как девушка Ирина, биолог, прибыла на Такрию, чтобы изучить странный вид местной фауны — «плюющихся пиявок», как она выяснила, что это не животные, а кибернетические механизмы, выполняющие непонятную охранную функцию, а затем обнаружила и объект охраны — неведомый космический корабль, спрятанный под дном озера, в котором «обитают» таинственные пиявки. Выяснилась и причина торможения развития аборигенов: излучение аккумулятора, заряжающее энергией охранные приспособления, воздействует на психику гуманоидов и мешает ей нормально функционировать. А фоном всех этих сюжетных событий служит описание быта и обыденной работы цивилизаторов, веселых и (в идеале) умных юношей и девушек, посвятивших свою жизнь лозунгу «возлюби дальнего».

Помнится, я уже рецензировал несколько лет назад первый вариант этой повести. Была она тогда, кажется, чуть ли не вдвое объемней и поразила меня неопишуемой наивностью и простодушием. Нынешний вариант много компактней, мускулистей, что ли, однако элементы простодушия наличествуют и в нем, хотя их заметно поубавилось.

Следует сразу сказать, что, по моему мнению, в нынешнем виде повесть уже можно признать достаточно приличной, чтобы редакции имело смысл с ней поработать. Импонирует само понятие «цивилизаторства», да и картины коллективного быта коммунистических людей и картины быта первобытных людей — все это выполнено достаточно добротнo и на добротном среднем литературном уровне. В этой рецензии, однако, хочется говорить не о достоинствах повести, а о ее недостатках, которые, с нашей точки зрения, следует устранить во что бы то ни стало.

1. История с неведомым космическим кораблем — вполне приемлемая сюжетная завязка. Но с момента, когда цивилизаторы добираются до него (это последняя, пятая часть рукописи), начинается лютая банальщина. Конечно же, кристалл с информацией. Конечно же, гуманоидные братья по разуму. Конечно же, ждут помощи от высокоразвитой цивилизации. И конечно же, земляне и пришельцы с полуслова понимают друг друга (различие в мимике не в счет). Все это было сто раз в хороших и плохих книжках и почти теми же словами. Неужели нельзя придумать что-либо новенькое? Ну хотя бы что пришельцы не похожи на людей. Или что пришельцев там не оказалось вовсе. Или что человечество еще не в состоянии им помочь. Да что угодно, только не эти роковые слова: «Здравствуйте, разумные!»

2. Положим, что радиация аккумулятора воздействует тормозяще на племена, живущие поблизости от озера. Совершенно неясно, как обстоит дело с развитием аборигенов, живущих, например, в другом полушарии. Неужели этим никто из цивилизаторов не заинтересовался?

3. Малозаметная, но глубокая и неизлечимая дыра в сюжете: как дела с гарпиями? Объем мозга у них вдвое больше, чем у гуманоидов, руки есть, только зубы мешают. Будь я на месте цивилизаторов, то уж расстарался бы, отловил пару детенышей и попробовал воспитать в цивилизованной среде. А будь я автором, то и вообще бы написал повесть об этом; ручаюсь, было бы гораздо интереснее. Нечаянно выдали отличную идею, товарищ Валентинов, и прошли ведь мимо интереснейшего сюжета!

4. Очень убого выглядит принцип распознавания киберами разумных существ достаточной высоты развития: по одежде. Будь я командиром звездолета в такой аварийной ситуации, я бы основывался на чем-либо другом, не столь примитивном.

5. Следовало бы поубавить отрицательных эмоций у героини. Девушка она славная, умная, а эмоции у нее — как у современной школьницы из мещанской семьи.

Вот в этом направлении следовало бы подумать и поработать автору, и тогда может получиться интересная, вполне достойная опубликования фантастическая повесть.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на повесть Ю. Иванова «Сестра морского льва»**

(346 стр.)

Удивительно славную романтическую повесть написал Ю. Иванов. Именно славную, не хорошую, умную, нужную, наконец, а просто — славную. В наше время редко встретишь такое произведение, пишут больше либо слепые подделки под литературу, либо изощренные, с двойным и тройным подтекстом, глубокомысленные вещи. Сразу оговариваюсь: редакторской работы с этой повестью будет немало, главным образом — стилистической правки и чистки всякого рода повторов, но это уже редакторская работа, от которой, как известно, не застрахован ни один, самый даже маститый писатель. (В Гослитиздате некоторое время были вывешены для всеобщего обозрения страницы из рукописи Леонида Леонова — в качестве примера добросовестной редакторской работы.)

Повесть Ю. Иванова проста и открыта до прозрачности. И вся она пронизана великолепной и суровой романтикой нашего далекого северо-востока. Автору рецензии довелось некоторое время пожить и поплавать в тех краях, и он утверждает, что никогда еще не приходилось ему читать столь точных и живописных описаний тамошних земель, тамошнего океана, тамошней флоры, тамошнего быта. На этот фон Ю. Иванов наложил грустный и немного наивный сюжет, в котором воспоминания о молодости, сожаление об ушедшей любви, тревожное ожидание, размышления о смысле жизни и новые большие надежды сплелись в некое органическое целое, имя которому — хороший человек рядом с хорошими людьми. Собственно, следовало бы назвать эту повесть «БРАТ морского льва», ибо она — портрет во весь рост нашего современника Валерия Волкова, хорошего человека. И через образ этого героя красными нитями тянутся к душе читателя две идеи. Обе они — не новые, но именно о них говорит пословица «повторенье — мать ученья».

Первая идея — настоящему человеку хорошо не там, где ему хорошо, а там, где он нужен людям.

Вторая идея — человек есть часть великой матери-природы, и настоящий человек заботится о ней, любит ее, охраняет ее, как родную мать.

Можно было бы много говорить и о других достоинствах этого произведения, но и сказанного достаточно, чтобы заверить издательство: выпустив его в свет, оно сделает большой и нужный подарок советскому читателю.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **[Ответы на вопросы журнала «Советский шахтер»]**

1. Начнем с того, что нам трудно согласиться с Вашими формулировками относительно сути тех направлений в мировой фантастике, которые представляют и возглавляют Лем и Брэдбери. В самом деле, разве Солярис не стал сейчас символом чуждости и возможной нечеловечности иного Разума? А с другой стороны, разве марсиане Брэдбери не кажутся нам иногда ближе, не вызывают больше сочувствия и симпатий, чем те представители человечества, с которыми их сталкивает автор? Нам представляется, что суть направлений, представленных Лемом и Брэдбери, совсем в ином. Лем — певец и глубокий исследователь мощи земной науки и технологии. Брэдбери же — в первую очередь — яростный, чрезвычайно эмоциональный и бескомпромиссный критик технологического прогресса в его мыслимых крайностях. Оба эти автора близки нам, каждый по-своему. Спокойный рационализм Лема, опирающийся на могучий фундамент

поистине фантастической эрудиции. Мучительная, поражающая в самое сердце, тревога Брэдбери за судьбы лучшего, что создало человечество, — за судьбы культуры, доброты, гуманности. Нам кажется, что предпочтение здесь так же невозможно, как выбор между мощной красотой сверхзвукового лайнера и щемящей прелестью Сикстинской мадонны.

2. Если считать темой «Трудно быть богом» (как это делают многие читатели) контакт высокоразвитой цивилизации с цивилизацией на более низкой ступени развития, то ни о какой завершенности и исчерпанности не может быть и речи. Мы об этом писали и после «Трудно быть богом» и, возможно, будем писать и в будущем. Если же считать темой этой повести (как считаем мы) трагедию человека, воспитание и совесть которого требуют немедленных действий, а разум холодно констатирует, что немедленные действия бесполезны и даже вредны, если понимать эту повесть так, то тогда мы, пожалуй, сказали все, что хотели.

3. Мы никогда не уходили от этого жанра. «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан», «Пикник на обочине» — все это, на наш взгляд, повести, написанные в жанре социальной фантастики.

4. Вопросы оформления книг никогда не играли для нас существенной роли. Пусть в книге будет поменьше опечаток, пусть у нее будет твердая обложка и пусть ее будет приятно взять в руки — вот и все требования, которые мы предъявляем к книге. Что касается иллюстраций, то они должны быть либо очень хороши, находиться в точном соответствии со стилем книги, либо пусть их уж лучше вовсе не будет. Книги для школьников надо иллюстрировать обязательно — мы по собственному опыту далекого детства знаем, как это важно — иллюстрации в фантастической книжке.

5. Признаемся честно, этот вопрос ставит нас в тупик. Мы являемся в высокой степени неспециалистами в шахтном деле. Нам ясно только, что прогресс технологии неизбежно приведет к почти полной автоматизации этого рода работ, ибо только автоматизация способна обеспечить наивысшую эффективность и безопасность шахтерского труда. Шахтер будущего — это, несомненно, инженер за пультом, управляющий с поверхности земли мощным комплексом машин, работающих под землей, в скале, на дне океана. Можно представить себе также шахты-комбинаты, в которых добыча либо совпадает с переработкой и использованием ископаемых, либо непосредственно (без звена транспортирования) предшествует переработке и использованию. Напр., уголь не добывается в нынешнем смысле слова, а подвергается перерабатывающим процессам прямо в пласте. Но, повторяем, это мнение крайних НЕспециалистов.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на рассказ-утопию В. Мелентьева** **«Дорога через себя»**

(23 стр.)

С точки зрения писателя, профессионально занятого фантастической и научно-фантастической литературой, да и с точки зрения современного квалифицированного читателя этой литературы, насквозь знающего Шекли и Брэдбери, Лема и Ефремова, с точки зрения такого писателя и такого читателя предложенный рассказ по тематике мог бы показаться несколько банальным и даже наивным. Пробуждение генетической памяти под влиянием «неизвестного и непонятого излучения», имеющего место на «ниобиевом астероиде» в глубоком космосе, — не ахти какой вклад в тематический арсенал современной фантастики.

И тем не менее (и возможно, именно благодаря этому — нам представляется, что опытный писатель Мелентьев сознательно использовал банальную тему как своеобразный литературный прием), рассказ производит чрезвычайно благое впечатление. Несомненно,

опираясь на довольно уже богатую тенденцию изображения в образах великих идей научного коммунизма, успешно развивавшуюся со времен «Гуманности Андромеды» Ефремова, через органическое неприятие «черных» антиутопий западной литературы, Мелентьев, на наш взгляд, сумел очень убедительно воспроизвести некоторые элементы рабоче-бытовой обстановки отдаленного коммунистического будущего нашей планеты.

Действие рассказа происходит под защитным куполом заполярной шахты, где окончившая двухнедельную работу бригада ожидает смену. Мелентьев справедливо подчеркивает, что тяжелый физический труд превратится для наших отдаленных потомков в увлекательнейший отдых от непрерывного и напряженного труда умственного. Но и в этой ситуации интеллектуальные и эмоциональные грозы, бушующие в обществе коммунаров, зачастую врываются в эти трудовые будни-праздники.

Словом, нет сомнения, что рассказ удался и займет достойное место на страницах нашего альманаха.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на научно-фантастический детектив** **Владимира Караханова «Опасайтесь невинного»**

(100 стр.)

Действие повести происходит в отдаленном коммунистическом будущем. Огромны достижения земной науки и техники. Неизмеримо вырос уровень благосостояния человечества. Коммунистические мораль и нравственность воцарились на Земле окончательно и навсегда. Случаев нарушения общественного порядка или, как их стали называть, «проявления отрицательных эмоций» настолько мало, что интернациональная милиция при десятках миллиардов населения насчитывает всего несколько сотен человек, да и тем приходится работать не часто.

Земля вступила в контакт с галактианами — цивилизацией, населяющей центральные области Млечного Пути. Для укрепления и развития контакта к галактианам направляется чудо космической техники — светолет «Голубая планета». Главным актом предстоящей встречи будет полный обмен информацией о себе. Контейнеры с обменной информацией уже погружены на борт «Голубой планеты», готовой к невообразимо дальнему пути. Сам же светолет швартуется на космической станции в четырех днях пути от Земли.

Но возникает неожиданное осложнение. Интермил получает анонимное сообщение с борта транспортного корабля галактиан, что в составе экипажа находится предатель. Дело в том, что цивилизация галактиан не полностью готова к контакту. Существует опасная группа изоляционистов, которая готова пойти на все, чтобы контакт прервать и даже вступить во враждебные отношения с землянами. Согласно анонимному предупреждению, предатель по прибытии на борт «Голубой планеты» собирается уничтожить обменную информацию и таким образом представить дело так, будто земной светолет явился к галактианам с разведывательными целями.

Интермилу предстоит в течение четырех дней — время перелета экипажа «Голубой планеты» к месту старта — найти и обезвредить предателя. Для этого на борт планетолета, идущего к космической станции, направляется молодой интермилец Юнг. О том, как Юнгу в результате кропотливой детективной работы удастся найти и обезвредить не одного, а двух «предателей», рассказывается в повести Караханова. (Слово «предатели» взято в кавычки потому, что по существу они оказались галактианами-изоляционистами, которым удалось стереть память двум руководящим работникам экспедиции и создать на их мозгу копию своих интеллектов.)

Повесть построена остро и драматично, читается с неослабеваемым вниманием. Научно-фантастический детектив — чрезвычайно трудный и практически новый вид

научно-фантастической литературы. Азербайджанский писатель Караханов успешно справился со своей задачей. Весьма четко и тактично он ограничил «свободу возможностей» в сюжете, сразу задал определенную картину мира, очертил границы морально-нравственных отношений, показал читателю научные и технические возможности, которыми располагают преступники и следователи. По существу, ему удался классический детектив, только на совершенно несвойственном классическому детективу фоне.

Я настоятельно рекомендую в сборник «Мир приключений» эту компактную и сюжетно изящную повесть.

Однако следует сказать, что она нуждается в изрядной редакторской (чисто стилистической, языковой) правке. Впрочем, правка эта, по моему мнению, никаких особенных трудностей не представит. Речь идет о «разгрузке» громоздких грамматических конструкций и о замене неудачных слов, нововведенных терминов и выражений. В результате юный читатель получит увлекательный рассказ о мужестве и находчивости коммунистического человека и его победе над неведомым и могучим противником.

Аркадий Стругацкий

Отзыв на фантастическую повесть Александра и Сергея Абрамовых «Человек, который не мог творить чудеса»

(99 стр.)

В этой повести отец и сын Абрамовы вновь обращаются к любезной их сердцам теме — столкновению человека с могущественной негуманоидной цивилизацией. Но если «всадники ниоткуда» учинили нашествие в глобальном масштабе, вовлекли в контакт с собой гигантские государства Земли и имели на нашей планете не совсем бескорыстные интересы, то «невидимки» в предложенной повести действуют гораздо скромнее. Во-первых, по сути дела они вступили в контакт с одним-единственным человеком — молодым ученым-медиаологом, жителем Лондона и весьма заурядным представителем буржуазного мира и буржуазной науки. Во-вторых, пиком их вмешательства в земные дела, да и то по недомыслию героя, явился всего лишь скандал в связи с постройкой дома из чистого золота. В-третьих, явились они к нам за чистой информацией и кроме информации ничего не требовали.

Несомненно, Абрамовых очень интересует, так сказать, приключенческий аспект подобных нашествий. Но грош бы им была цена как современным писателям, если бы они этим аспектом ограничились. Нет, их интерес гораздо глубже. Готовы ли мы к контактам? Готовы ли мы к жестоким чудесам грядущего? Вот вопросы, которые интересуют их больше всего.

Во «Всадниках ниоткуда» им удалось достаточно убедительно показать, что даже наш разделенный политически мир способен выдержать, при наличии минимума доброй воли и при желании ее проявить, даже такое сокрушительное событие, как нашествие сверхмогущественной сверхцивилизации.

В «Человеке, который не мог творить чудеса», дело обстоит не так благополучно. Маленький буржуазный ученый, демонстративно игнорирующий политику, гибнет не только потому, что его организм истощен контактом с неосторожными «невидимками». Он потерпел поражение гораздо раньше, когда рухнули все его попытки применить могущество пришельцев в интересах простых людей — своих соотечественников. Он просто не знал, как это сделать, и все его потуги только причиняли людям вред. Он не мог творить чудеса.

Повесть написана интересно, с идейной стороны она практически безупречна. Но, на мой взгляд, она слишком растянута. Я не берусь указать пальцем точно в те места,

которые показались мне рыхловатыми. Полагаю, авторы определяют сами источник этого впечатления, если зададутся целью сократить рукопись страниц на двадцать.

Впрочем, я охотно рекомендую повесть в сборник «Мир приключений».

Аркадий Стругацкий **Отзыв на научно-фантастическую повесть** **Владимира Михановского «Гостиница “Сигма”»**

(167 стр.)

Эта повесть о судьбах космонавтов-релятивистов в отдаленном коммунистическом будущем. Михановский не первым всерьез задумался о людях, которым предстоит уходить на световых скоростях в бездны Космоса и возвращаться через сотни лет, когда знакомый и родной им мир уже стал легендой. «Гостиница “Сигма”» — своеобразный психический карантин для таких людей. В ее прозрачных стенах и разыгрываются драмы, которые мы пока можем только воображать.

Михановскому удалось создать отличную картину прекрасного цветущего мира полного коммунизма, соответственно и тон повести светел и поэтичен. Нет нажима на технику, какой обычно так раздражает в заурядных произведениях на эту тему. Вместе с тем мир Михановского — не безмятежное и безвкусное розовое болото телячьего оптимизма: в нем бушуют интеллектуальные грозы, люди любят, страдают и думают, чувствуют, хотят.

Я считаю, что повесть «Гостиница “Сигма”» может подойти для нашего сборника «Мир приключений».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Что касается фантастики...**

Итак, еще один путь в таинственное гиперпространство закрыт для фантастов. Айзек Азимов с присущим ему изяществом и талантом популяризатора еще раз продемонстрировал нам, как наука, способная открывать столь широкие перспективы и горизонты для самого богатого воображения, способна также воздвигать этому воображению непреодолимые препоны.

Азимов-популяризатор известен несколько не менее, чем Азимов-фантаст. Нам кажется, что в качестве научно-популярного эссе рассматриваемая статья представляет своего рода образец. Нам ведь и раньше приходилось читать общедоступные материалы относительно «тахиионно-тардионной гипотезы», но мы впервые столкнулись с таким точным, кратким и ясным изложением ее сути. Однако в той мере, в какой статья касается проблем фантастической литературы, она представляется нам, мягко выражаясь, уязвимой.

Ну скажите на милость, что бы выиграли писатели-фантасты, что бы выиграли читатели фантастики, что бы, наконец, выиграла сама фантастика как литературное течение, если бы «тахиионно-тардионная гипотеза» решила бы вопрос о возможности передвижения со сверхсветовыми скоростями в положительном смысле? Думается, ничего.

Конечно, было время, когда более или менее строгое научно-техническое обоснование фантастических событий, происходящих в романе, рассматривалось как признак солидности, а заодно и утверждало реноме автора как эрудита. Это была традиция, сложившаяся в жюль-верновские времена, когда научно-популярной литературы не существовало. В отечественной фантастике еще совсем недавно строгая научная обоснованность полагалась вообще едва ли не главным достоинством произведения. (Помнится, в аннотации к одному роману о путешествии на Марс редакция

с особенным восторгом подчеркивала то обстоятельство, что автор самостоятельно вычислил взаимные положения фигурирующих в романе планет.) Вот и торчат теперь тоскливыми пугалами на пройденных литературных путях эти ужасные гибриды популярных учебников с приключенческой макулатурой. Впрочем, если даже отвлечься от подобных несомненных крайностей, нетрудно заметить, что в самых лучших, ставших уже классическими образцами произведениях научной фантастики, самые слабые, самые худосочные страницы уделены именно попыткам научно-популярно объяснить несуществующее, невероятное или пока невозможное.

Как писатели, мы в свое время отдали обильную дань этой почтенной традиции, а потом нам пришла в голову крайне простая по своей сути мысль: неважно, каков принцип устройства двигателя межпланетного (межзвездного, межгалактического) корабля — важно, что за люди составляют его экипаж, что представляет собой общество, которое послало или прогнало их в глубокий Космос, что они ищут там, что они хотят там найти и с чем боятся столкнуться. По нашему глубокому убеждению, весь богатейший опыт мировой фантастики свидетельствует о том, что только подобный подход дает автору возможность (правда, только возможность) создать полноценное литературное произведение.

А двигатели... Ну что ж — двигатели! Не годится «тахсионная гипотеза», сойдет репагулярный переход Ефремова или проникновение в соседствующее пространство Саймака, или, на худой конец, обыкновенная незамысловатая нуль-транспортировка. Ведь если говорить обо всем этом серьезно, то вряд ли в ближайшем будущем наука даст сколько-нибудь конкретный рецепт, как (по словам Ивана Ефремова) преодолевать пространство вместо того, чтобы ломиться сквозь него. И между прочим, как бы ни стремился Азимов-популяризатор установить сколько-нибудь прочную связь между физикой переднего края и фантастической литературой, Азимов-фантаст в своей практической литературной деятельности уделяет этой связи лишь приличествующее ей, то есть минимальное, внимание.

Аркадий Стругацкий

Отзыв на фантастико-приключенческую повесть

В. Степанова «Подводный пират»

(300 стр.)

Здесь нет нужды пересказывать содержание повести — весьма подробная поглавная аннотация автора приложена к рукописи.

Следует сразу же сказать: автора постигла явная и весьма досадная неудача. Досадная потому, что автор, видимо, очень хороший специалист в своей области и те страницы рукописи, которые посвящены обстоятельствам, непосредственно связанным с его профессиональными знаниями, написаны прекрасно и читаются с громадным интересом. Особенно это относится ко 2-й главе, где описывается атмосфера и обстановка на борту современной боевой субмарины в океанском походе, а также к главе 11-й, в которой рассказано о фантастическом подводном рейдере. Право, читая повесть, то и дело ловишь себя на мысли о том, что автор способен и должен написать большую и очень нужную книгу военно-познавательного характера о современном подводном флоте, его оснащении, боевых возможностях и роли в морской войне. Такая книга чрезвычайно нужна советской молодежи.

Что же касается повести, то, как уже говорилось, она не удалась. Идеино-политическое ее содержание, пожалуй, не может вызвать особенных возражений: действительно, в наши дни, когда развивается смягчение наших отношений с США, вероятно, действительно приходится опасаться различных провокаций со стороны сил реакции, которым спад международного напряжения стоит поперек горла. Только вряд ли

эти силы станут действовать так уж наивно напрямик и изберут своим орудием маньяка, единственной мотивировкой действий которого является лютая ненависть к Советской России. Впрочем, возможно, я и ошибаюсь. Дело не в этом.

Главной причиной неудачи автора является сама сюжетная завязка: советский профессор, построивший фантастическую субмарину для врагов своей Родины. Рассеянные и гениальные профессора выпали из литературы еще в двадцатых годах, и мир их праху. Жюль-верновский Паганель мог по рассеянности выучить португальский язык вместо испанского. Но чтобы советский ученый по рассеянности не заметил, что два года трудится в логове врага, — этому просто невозможно поверить. Известно, что представляет собой современная система конструкторских бюро, разрабатывающих такую сложную машину, как боевая подводная лодка. Профессору неминуемо пришлось бы столкнуться с сотнями людей, и уж за два-то года даже самый рассеянный человек мог бы догадаться, что к чему. Не будем говорить уже о том, в каком оглушенном виде предстают перед читателем наши органы безопасности, которым надлежало бы глаз не спускать с такого непоседливого и гениального типа, как профессор Егоров. Не будем говорить о том, как искусственно и прямо-таки противоестественно выглядят отношения между профессором и его сыном: здесь автор на глазах изумленного читателя из сил выбивается, чтобы, не нарушая дружбы между отцом и сыном, воздвигнуть между ними непроницаемые перегородки...

Можно было бы привести еще целый ряд сюжетных несообразностей, а также примеров канцеляризма, дурных штампов, словесного мусора в тексте рукописи, но, полагаю, и сказанного достаточно, чтобы отклонить рукопись и предложить автору либо хорошенько и наново продумать сюжет, либо — что было бы очень полезно и нужно — обратиться к военно-познавательному жанру.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на книгу Тацухиро Осиро** **«Окинава. Репортаж с места событий» (неоконч.)**

(342 стр.)

Как известно, судьба Окинавы, крупнейшего острова архипелага Рюкю, в последние годы неоднократно появлялась в фокусе внимания международной общественности. Окинава — американская колония? независимое государство? провинция Японии? Окинава — ракетно-ядерная база Пентагона? американский арсенал «грязной войны» в Юго-Восточной Азии? неотъемлемая частица в структуре бешено развивающейся японской экономики? Проблема Окинавы чрезвычайно сложна и запутанна, в этом клубке тесно переплетены экономические, политические, культурные интересы по крайней мере трех государств; важность этой проблемы для дальнейшего хода событий на Дальнем Востоке ни у кого не оставляет сомнений, а между тем выработка правильного, объективного взгляда на эту проблему сталкивается с большими трудностями, среди которых не последнее место занимают и противоречия внутренней жизни этого острова, и языковой барьер, и особенности политического устройства (Окинава, с одной стороны, является формально независимой страной, а с другой — управляется американской гражданской администрацией). В этом смысле книга Тацухиро Осиро, виднейшего окинавского и крупного японского писателя, крупного чиновника национальной окинавской администрации, представляет большой интерес и, на наш взгляд, несомненно заслуживает перевода на русский язык и представления советскому читателю.

Осиро — коренной окинавец, несомненный патриот и весьма наблюдательный и вдумчивый автор (нашему читателю известны главы из его превосходной повести «Коктейль-парти», удостоенной одной из высших литературных премий Японии — премии Акутагавы). «Репортаж с места событий» посвящен гл<авным> образом

внутриполитической обстановке, сложившейся на его глазах в его стране за последние несколько лет. Автор с большим знанием дела (повторяем, он является крупным чиновником в окинавском административном аппарате) и совершенно объективно рассматривает все главные аспекты окинавской проблемы, раскрывает такие ее детали, которые были скрыты и непонятны даже для подготовленного читателя. Выводы, которые он делает при этом, не являются плодами чисто теоретических и умозрительных рассуждений; они подкреплены живыми наблюдениями, почерпнутыми в самой гуще событий, а в конце книги иллюстрируются прекрасно составленной подборкой из местной прессы.

Книга включает в себя 12 глав.

1-я глава: «Что мы обрели, и что мы утратили?» Автор рассматривает одно из узловых противоречий окинавской проблемы. Движение за возвращение Окинавы в состав Японии достаточно сильно, но далеко не все окинавцы его поддерживают. В народе еще живы воспоминания о засилье японской администрации, продолжавшемся вплоть до капитуляции Японии, об унижениях и угнетении со стороны японских префектуральных властей, когда окинавцам запрещалось пользоваться своим диалектом, когда на острове свирепствовала чудовищная нужда. С другой стороны, несмотря на произвол американской администрации, на бесправие окинавцев перед американскими военными, на гнетущую опасность в любой момент быть заподозренным в шпионаже, житель Окинавы впервые за всю многобедную историю этого острова достиг какого-то благосостояния: «Раньше мы ходили босиком и питались одной картошкой, а теперь в самых захолустных деревнях есть телевизоры»; Окинава впервые соприкоснулась с современной городской культурой; женщины Окинавы получают образование, становятся инженерами; Окинава ведет активную самостоятельную торговлю с зарубежными странами.

2-я глава: «Квазиправительство квазинезависимой страны». 1-е окинавское правительство было сформировано 1 апреля (в «день дурака») 1952 г., что и поныне служит поводом для невеселых насмешек у многих окинавцев. Автор дает краткий очерк истории создания и функционирования правительства «независимого государства Рюкю». Вплоть до последнего времени американская гражданская администрация всячески саботировала официальные непосредственные связи рюкюского пр<авительст>ва с правительством Японии. Все внешнеполитические шаги Рюкю должны были осуществляться через американцев, что создавало большие трудности, помимо всего прочего, еще и потому, что из 44 начальников отделов в рюкюском правительстве только 10 с грехом пополам говорят по-английски и еще 10 кое-как по-английски читают.

Глава 3-я: «Экономика на цыпочках». Краткий очерк развития экономики Рюкю с 1605 г. (захват Рюкю Японией) и по наши дни. В 1968 г. бюджет рюкюского пр<авительст>ва составил 120 млн долларов; в эту сумму входила финансовая помощь Японии (ок<оло> 24 млн долларов, 19,8%) и вспоможение США (ок<оло> 16,5 млн долларов, 13,9%). Подробный обзор послевоенной экономики по отраслям, стимулирующее воздействие на нее образования КНР и Вьетнамской войны. Экономика напряжена, в 1967 г. импорт превышал экспорт на 28 млн долларов.

Глава 4-я: «Бегство от доллара». Две фундаментальные проблемы перед экономикой Окинавы: Как быть с базами, когда встанет вопрос о возвращении в лоно Японии? Каков должен стать курс экономического развития Окинавы в качестве участника японской экономической сферы? Рассматриваются возможности, открывающиеся перед Окинавой как в качестве японской префектуры, так и в качестве так наз<ываемого> свободного экономического района Японии.

Глава 5-я: «После того, как сгорел Б-52». В 1968 г. предвыборная борьба велась между кандидатом Нисиака от Либерально-демократической партии Окинавы и кандидатом Яра от Конгресса борьбы за реформы. ЛДП выступила с утверждением, будто требовать эвакуации американских баз — безумие: базы-де — это промышленная

занятость; если баз не станет, «Окинава вернется к босым ногам и картошке». Конгресс выступил с лозунгом «Победа либералов означает войну».

10.11.68 г. взорвался при взлете бомбардировщик Б-52, окинавские трудящиеся развернули широкое движение за эвакуацию бомбардировщиков. Это предопределило победу Яры. Вскоре за тем началась всеобщая забастовка.

Глава 6-я: «Неудача забастовки». Очерк о ходе и причинах поражения всеобщей забастовки окинавских трудящихся в 1968 г.

Глава 7-я: «Гордость острова без знамени». Нынешний президент Яра — бывший председатель Ассоциации окинавских педагогов.

<...>

Взгляд не экономиста, не социолога, а патриота Окинавы, крупного писателя.

Как японист и как писатель, настоятельно рекомендую эту книгу к переводу и изданию. Предисловие крупнейшего советского специалиста по Окинавe проф. _____.

Субъективно и эмоционально, но ведь и Чехов о Сахалине, и Гончаров во «Фрегате “Паллада”» тоже были не сухими статистами, а большими публицистами с горячей душой и любопытным разумом.

[Далее текст отсутствует.]

Тексты подготовлены: Ю. Флейшман

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Переписка, 1973

Борис — брату, 3 января 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Как раз сегодня собирался писать тебе, а тут и твое письмо.

1. Путевки в Комарово нам выписаны с 15 по 27 января. Я полагаю, что встретиться нам необходимо. Тут и необходимость многое обсудить, и то немаловажное обстоятельство, что если мы не поедем, это будет ТРЕТИЙ подряд отказ от заранее заказанных путевок, а на меня и так уже косятся. Опыт прежних аналогичных ситуаций показывает, что отказывался ты от путевок совершенно попусту и без толку. Уверен, что и сейчас ничего не сгорит, если мы съедемся на 13 дней и наконец займемся делом. Словом, я настаиваю на встрече и жду от тебя соответствующей телеграммы. Может, у тебя сейчас денег нет? Так пусть это тебя не беспокоит: разок можно съездить и за мой счет. В общем, срочно бери билет на 14-е и посылай телеграмму.

2. Деньги из ферлага есть, по-видимому, результат моего письма, которое я, как известно, отправил им еще 1 декабря. 28-го пришел ответ, датированный 12-м. Ферлаг бешено извинялся, что полагающиеся нам деньги они «забыли выслать летом», и заявлял, что приказ о немедленной высылке уже отдан. Сумма, впрочем, не называлась. Большая просьба к тебе: в этот раз и всегда впредь, получая сертификаты, выясняй и записывай следующие сведения: а) издательство, выславшее гонорар; б) дата получения гонорара; в) сумма гонорара в валюте (точно); г) сумма в сертификатных рублях, выдаваемая на руки (точно); д) за что именно выслан гонорар (название книги); е) название гонорара (аванс, расчет за такой-то год и т. д.). Все эти сведения необходимы для того, чтобы всегда понимать положение дел. Кроме того, выясни, пожалуйста, названия ферлагов, заключивших договора на УНС, СоТ, ХВВ и пр., дату заключения договоров и точные суммы авансов. Потрудись, это важно. Было бы идеально, если бы ты раздобыл образец типового договора, заключаемого Межкнигой.

3. Что касается лениздатовского сборника, то тут какое-то недоразумение. Никаких договоров не будет, насколько мне известно. Просто составитель просит у нас вешшь, а поскольку составитель Дмитревский, вероятность опубликования — при прочих равных условиях — весьма возрастает. Тут главное не договор, а вешшь. Вешши нет, и если мы и дальше будем работать так же интенсивно, как в этом сезоне, то ее и не будет.

4. Затея твоя с ИМЛ вызвала у меня ряд противоречивых чувств. С одной стороны, конечно, будет лучше, если ты — вместо того чтобы шляться по Москве, ища с кем выпить — будешь сидеть дома и писать диссертацию. Но, с другой стороны, как это отразится на нашей работе? Не знаю, не знаю. Все это тоже нужно обсудить. И уж, во всяком случае, постарайся сделать так — для начала, — чтобы эта затея не помешала хотя бы нашей встрече в январе.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке <Воскресенской> привет.

Аркадий — брату, 25 января 1973, М. — Л.

Дорогой Борис.

Извини, что так долго молчал, но, с одной стороны, зубы меня заели, а с другой — хотелось все-таки добиться толку в МГ. Сегодня окончательно выяснилось, что толку добиться не удалось.

1. Всё по порядку. 17-го Бела вышла на работу, я ее сразу увидел, и сообщила она мне следующее. Еще в ее отсутствие Авраменко подсунула Осипову наш договор, кой и пролежал там благополучно целую неделю, после чего Осипов вызвал младшего редактора (Алю <Лобанову>, м<ожет> б<ыть>, ты ее помнишь) и без разъяснений отдал ей договор, присовокупив при этом: «Отдайте там вашему заведующему». Рассказав об этом, Бела предложила мне подождать до 25-го и явиться к ней в этот день с рукописью (не помню, сообщал ли я тебе, что еще во время нашего пребывания в Малеевке она по телефону обрадовала меня сообщением, что дело, кажется, двинулось, и переслала рукопись с тем, чтобы я ознакомился с замечаниями и приготовился к работе; впрочем, ее официальное письмо я тебе переслал; замечания, прямо скажем, дикие). Итак, я сегодня отправился к ней. Вот что она рассказала. В силу каких-то странных обстоятельств сейчас о договоре нечего и думать. Договор Осипов завернул не только нам, но и еще дюжине самых разных авторов. Да, нам от этого не легче, но это значит, что дело направлено не специально против нас. Что все это значит, никто не знает и даже догадаться не может. Не исключено, что это как-то связано с большими переменами в аппарате, курирующем издательство в ЦК ВЛКСМ, а также не исключено и какое-то впечатление с историей с покойным Ефремовым. Я в этой истории ничего не понимаю, тайна какая-то, и Бела тоже ничего не знает. Но к делу. Бела пресекла мои попытки идти и скандалить, тем более что Осипов благополучно слинял в какую-то командировку, и предложила, что с одобрения Авраменко она с начала февраля примется работать с рукописью и затем сдаст ее в производство, поставив таким образом начальство перед свершившимся фактом. На мое возражение — как же можно сдать в производство рукопись, не заверенную главным редактором (я-то сам редактором был, знаю, что это невозможно, производственники просто не примут), она коротко сказала, что сдаст. И я поплелся домой. Говоря по чести, надежду я потерял, и прямая кишка из меня выпала окончательно.

2. В «Знании» тоже дела не радуют. Парнов написал им на нас хорошую рецензию, но они вдруг ни с того ни с сего дали рукопись (или гранки?) снова на рецензию, причем тщательно скрывают — кому именно. Лабуда все это, если хочешь знать мое мнение. Стопчут они нас.

3. Где-то числа 31-го по договоренности буду звонить в УОАП насчет венгерских гонораров.

4. Не знаю, есть ли это результат разговора с Косаревой, но на «Мультфильме» что-то вдруг сдвинулось. Несколько дней назад состоялось там совещание, и ПвК поставили на 74-й год не только в тематический, но и в производственный план, а дирекция нажала на Котеночкина и требует, чтобы он принимал сценарий. По первым впечатлениям, там Котеночкин уже поддался и начал читать, а читает он очень медленно и только большими буквами, по складам, так что придется ждать его согласия или отказа недели две.

5. Из ВУОАП пришло письмо следующего содержания: «Венгерское издательство «Тантич» планирует издание сборника «Научно-фантастические рассказы» (том 11), в который желает включить Ваше произведение «Второе нашествие марсиан». Тираж сборника — 20.000 экз. Цена сброшюрованного экземпляра 21 форинт. Гонорар начисляется в размере 6% от цены всех экземпляров и распределяется между авторами пропорционально объемам используемых произведений. Просим Вас в возможно короткий срок сообщить нам Ваше мнение относительно этого издания, а также мнение Б. Н. Стругацкого».

Я сообщил, что мнение положительное.

6. Звонил в Межкнигу. ФРГовцы затеяли издать сборник советской фантастики, просят наш рассказ (!) «Полдень, XXII век», а также «День гнева» Гансовского и почему-то «Разговор в купе» Нудельмана. Черт-те что. Я сказал, что это повесть, целая книга. Пусть переспросят. Да, еще они хотели наш «О странствующих и путешествующих». Ладно, положим, им понадобится книга. Но где мне достать экземпляр? Я отослал тебе последний. Что касается гонорара, то теперь от них ничего не зависит, а зависит от бухгалтерии.

7. Сегодня я узнал, что авторская конвенция со ВСЕМИ странами соц<иалистического> лагеря существует уже больше года. Как же тогда заключались с нами договора в Польше? И в ГДР?

Ну, пока всё. Хожу без зубов, ем только пюре и кашу, пью чай в изобилии.

Жму, целую, Арк. Привет Адке и Росшеперу <прозвище Андрея Стругацкого>.

Поцелуй маму.

Борис — брату, 29 января 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. А не настала ли пора идти к начальству (м<ожет> б<ыть>, прямо к Ганичеву) и у него там ныть и стонать, дескать, что же это такое, Сортир Сортирыч, сколько же можно нас мучить, за что?.. и т. д. Хоть понять, что происходит. А вообще-то надо, наверное, искать другие оазисы. Как там насчет «Нашего современника»? Давеча Смолян рекомендовал туда обратиться.

2. История с Ефремовым произвела у нас тут впечатление разорвавшейся бомбы. Все так и присели и до сих пор находятся в этом присевшем состоянии. Никто толком ничего не знает, а кто знает — помалкивает. У меня, впрочем, есть одна гипотеза, довольно убедительная. Вывод из нее: ничего страшного не произойдет, но неприятности у ВСЕХ фантастов вполне могут быть... К Демичеву, к Демичеву надо идти, защиты просить!

3. Детгизовский сборник с М теперь обещают в конце февраля. Тогда же и деньги выплатят с потиражными вместе.

4. У нас тут маленькая сенсация: председателем бюро секции выбрали не Успенского, как все ожидали, а Брандиса. Лично для нас это даже лучше, но очень ненамного.

5. Как быть с экзом ПХХПВ, и сам не знаю. Впрочем, думаю, раздобудем, если припрет. Насчет авторской конвенции со ВСЕМИ соцстранами, которая существует больше года, — вряд ли. Это тебе что-то напутали. Еще не известно, БУДЕТ ли таковая. Борщаговский, например, полагает, что нет.

6. Я все работаю с Лешкой. Выстраиваем один сценарий. Хорошо выстроим — может, даже заплатят. Работать будем еще примерно до 5 февраля, потом Лешка поедет в Москву и образуется перерыв. А мы с тобой будем когда-нибудь работать? Вообще надо бы встретиться, обсудить положение, прикинуть, как жить дальше. Может, приедешь на пару дней, или мне к тебе приехать?

Крепко жму ногу, твой [подпись].

Р. С. Леночке <Воскресенской> и Машке <Стругацкой> — привет!

Аркадий — брату, 4 февраля 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. К начальству ходить по поводу ПНО и пр. не стоит. Был я в «Вокруг света» у Димки Биленкина, у него точно такая же история: он в плане этого года, а договора с ним не заключают. У Гиши Гуревича еще хуже — не только не заключили договора, но еще и

перенесли из этого года в 75-й. Так что это такой, понимаешь, по столетию ветер гудит. Бела просит ждать, ну что же, раз такое положение, будем ждать. А уж идти к Демичеву... Я, может, и пошел бы год назад, но помнишь, мы разговаривали перед твоим отъездом из Москвы? Не хочется.

2. Звонил зав. западного отдела в УОАП насчет Венгрии. Ответа от них пока нет, она просила еще раз позвонить в середине месяца.

3. Звонил в Межкнигу. Здесь интереснее. Во-первых, деньги перечислили, и через неделю-две мы сможем получить. Во-вторых, нужен в ФРГ не весь П22В, а только ОСиП. В-третьих, не то Марион, не то Инзель просят на прочтение ПНО. Мы договорились, что в понедельник (завтра) я им отнесу то и другое. Затем я стал спрашивать, кто на что имеет с нами договоры. Узнал (после длинной и томительной возни у них в картотеках), что на ХВВ, УнС, ВНМ, СоТ и ПНвС у нас договор с Инзелем. Что М и ОуПА посылались в Марион по их просьбе, но договор они не предложили. Наконец, узнал, что никакого учета у них не ведется и за что мы получаем сейчас деньги — тоже неизвестно: то ли за ТББ, то ли отступное за продажу права на ТББ Вильгельму Гейне. Я говорил около часу, но продрасться через этот бардак не смог. Может быть, ты окажешься удачливее, если попробуешь. Кроме жалоб, что иностранцы их обжуливают, ничего толком не понять.

4. Вступил в прямой контакт с Котеночкиным. Он сейчас заканчивает очередную «Ну, погоди», четырнадцатого сдает, и тогда мы начинаем конструктивные беседы. Ему предложено соавторство, что его очень воодушевило. Правда, я уже настолько во всем изверился, что гляжу на это довольно равнодушно.

5. Что М скоро выйдет — это отлично. А то впору кричать «капиви». Денег нет ни хрена, долги растут. Как бы это их там подстегнуть, сволочей? Ты им позванивай и надоедай, скажи, что я-де должен приехать и лично получить деньги, так как не могу себе позволить такие затраты на перевод денег в Москву. Пусть хоть подготовят заранее.

6. А я действительно намерен приехать в конце февраля. К тому меня побуждают три соображения. Во-первых, зубы. С ними опять морока, подробностей рассказывать не буду. Во-вторых, я бы дождался сертификатов и привез их живьем. В-третьих, я бы действительно хотел получить деньги у вас в Детгизе без тягомотины с переводом и без затрат на оный. Предлагаю из этого и исходить. А приеду — и поговорим обо всем хорошо, да и многое яснее к тому времени будет.

7. Все, чему я сейчас свидетелем, доказывает, что на ближайшее время писать для денег будет невозможно. Из этого и надо исходить. И если уж продолжать писать, то встольную литературу, настоящую, но предварительно надо самообеспечиться как-то.

Крепко жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Борис — брату, 8 февраля 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Очень хорошо, что ты попытался хоть что-нибудь выведать в Межкниге. Теперь хоть стало ясно, откуда можно ждать поступлений. Когда будешь получать деньги, запиши точную сумму, которая нам причитается (без вычетов). А потом можно будет (я этим займусь) написать и в Межкнигу, и УОАП, и в ферлаг, чтобы выяснить подробности. Контроль и учет, милостиздарь! Контроль и учет — вот все, что нам осталось.

2. Насчет М в Лендетгизе дело обстоит не так хорошо, как мне говорил Брандис. Я тут обзвонил весь Детгиз (поразительно, что никто ничего не знает!) и добрался, наконец, до производственного отдела, где мне сказали, что в I квартале сборник не выйдет, а выйдет он, надо думать, во втором по причинам типографии. Так что на конец февраля не рассчитывай. Максимум, что я попытаюсь сделать, это выбить 40 процентов,

кои, кажется, полагаются по подписании в печать. В общем, я громко кричу капиви и тебе советую делать то же. Марочки! О, мои марочушечки! Конец вам, кажется, пришел!

3. В конце февраля жду тебя с нетерпением. Надобно всё обсудить. Умоляю тебя только об одном: не сдавайся! Превращай подступающее отчаяние в злобу. У меня это, в общем, получается.

4. В Ленинграде тут за нас тоже хлопочут, пытаюсь найти нам заработок. Но если это будет с тем же успехом, что у тебя в Москве... Слушай, ты же там в телевидение что-то носил... еще куда-то... неужели ничего? Ничегошеньки?

5. С Лешкой мы поработали и прервались. Сейчас он в Москве. До сих пор неизвестно, будут ли деньги. Вот, господа, главный вопрос современности: будут ли деньги?

7. Приезжай скорее, соскучился я по тебе.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет. И Машке. И твоим зубам.

Аркадий — брату, 17 февраля 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Получил и «Аврору», и сценарий, спасибо.

2. Из Межкниги и УОАП пока никаких известий. В понедельник (19-го) намерен позвонить.

3. В МолГв из плана 73-го года выпали Альтов и Журавлева (не представили рукопись), и Бела получила добро от Авраменко немедленно начать работу с нами, потому как мы как раз числимся в резерве того же 73-го. В связи с этим мне было предложено немедленно (это уж как водится) представить дополнительно еще два комплекта «Незначенных встреч» — один художнику, второй автору предисловия. Наскреб я (и то, опустошив свои резервы) только один комплект, да и то в вариантах журнальных. Впрочем, Бела согласилась. Иллюстраций все едино не будет, оформление самое скромное, так что художник, по ее словам, перебьется. Автором же предисловия Авраменко предложила доктора философских наук некоего Волкова, который нас любит, хотя и работает, кажется, в Институте философии. Это их, молодогвардейский человек. А Брандису не отломилось. При встрече Бела сказала, что Авраменко снова идет на штурм Осипова с договором, всё взяла на себя. Честно говоря, мой оптимизм не играет. Но поглядим.

4. Сценарий просил <у> тебя для того, чтобы попытаться завязать отношения с драматической редакцией на радио. Если им понравится, быстренько переделаю в пьесу, и будут шансы получить рябов по пятьсот.

5. Намерен прикатить в Ленинград числа 26-го или 27-го, после первых деловых бесед с Котеночкиным. Он пылает жаждой деятельности, мы встречаемся в начале двадцатых чисел. Нашим сценарием уже заинтересовался некий Орлов из Комитета по кино, мы с Котеночкиным должны посетить его и рассказать обо всем.

6. Набилась небольшая идея. Хочу дать заявку в Детгиз. Тут две возможности. Либо заявка на «Погоню в Космосе» — куда-то на 75-й год, либо заявка на переложение для юношества японского феодального эпоса «Хэйкэ моногатари» («Повесть о расцвете и падении дома Тайра»). Хочу предварительно посоветоваться с Ниной, но она пока болеет.

Об остальном при встрече.

Целую, жму. Твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу, поцелуй маму.

Борис — брату, 20 февраля 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Сегодня я иду получать 40 процентов за М — выписали-таки. Заодно узнаю, когда все же выходит этот проклятый сборник (по телефону ни черта не понять: в производственном отделе говорят, что в апреле; в редакции ничего об этом не знают и крайне изумлены; главный редактор — Наталья Кирилловна <Неуймина>, помнишь ее? — тоже удивляется). Так или иначе, но рублей по четыреста мы в ближайшее время имеем. Выясню, стоит ли деньгам дожидаться твоего приезда. Если окажется, что это связано с дополнительными сложностями (всякие там заявления, заблаговременные предупреждения, дабы деньги привезли из банка, и пр.), то я им скажу, чтобы переслали тебе по почте — получишь через десять дней. Если же все окажется просто — пусть лежат; приедешь — сходим (благо это рядом с мамой — через Неву).

2. Наша редакторша по сборнику ПХХПВ+М сообщила мне, что дело потихоньку движется: рукопись у художника; сокращать ее (как сначала думали) вроде бы не будут; скоро и расклейкой займемся. Они там, в Детгизе, очень настойчиво просят у нас что-нибудь для них. Отношение в издательстве к нам хорошее, надо бы уважить. Будешь думать о будущей работе — думай в этом направлении (тем более что Дмитревский снова и снова твердит, что надобно нам написать что-нибудь этакое... оптимистичное... бодрящее что-нибудь...).

3. То, что происходит с нашими НВ в МолГв, злит меня еще и потому, что я тут перечитывал на досуге и ДоУ, и М, и ПнО и ясно вижу: надо и надо пройти по всему этому добру рукой мастера, подправить стиль, выкинуть кое-какие благоглупости и пр. Но делать это **ВООБЩЕ** — неохота, а конкретности мы, судя по всему, так и не добьемся — доведут рукопись до готовой книги без всякого договора, а потом либо разом зарубят, либо разом разрешат. Ты человек опытный, скажи мне: в предположении, что книга все-таки выйдет, будет у нас время и возможность произвести стилистическую правку? Я понимаю, что это вопрос третьестепенный, что ты криво ухмыляешься, читая эти строчки, но — все-таки? Деньги, знаешь ли, деньгами, а занюханную книжку выпускать тоже неохота.

4. Лешка звонил мне из Москвы. Он там общается, в частности, и с мультяшечниками, так все совершенно убеждены, что наша мультяшка — дело решенное. Лешка меня даже слегка обложил: жалуешься, мол, на зажим, а у самого полнометражная мультяшка на выходе. Это я тебе сообщаю твоей бодрости и оптимизма для.

5. Заяву в Детгиз ваш, конечно, дай. Насчет Моногатарии я, натурально, пас, а что ПвК мы сможем усовершенствовать и продолжить в том же стиле до бесконечности — в этом я уверен. Был бы договор и псевдоним.

6. Теперь обычные вопросы — в целях финансового планирования. В предположении (опять же), что все пойдет как по маслу, когда можно ожидать поступлений:

а). За мультяшку.

б). За ПвК в «Мире приключений».

в). За ЧиП в МолГвардейской «Фантастике».

г). За отрывок из ПнО в «Биб<лиоте>ке совр<ременной> ф<антасти>ки».

7. Чехи из «Спирала» прислали просьбу выслать им на рассмотрение ПнО и М. Выслал. То есть ПнО выслал, а М вышлю, когда выйдет сборник.

8. Надеюсь еще до твоего приезда получить от тебя одно письмо.

Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке приветик!

Аркадий — брату, 11 марта 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

Не писал долго потому, что из-за праздников и выходных ни до кого и ни до чего невозможно было добиться. Так что пока новостей немного.

1. Получил сертификаты: по 81 ряб 88 коп на рыло. Где-то на подходе маленькая сумма в долларах из Испании (Барселона). Собственно, деньги уже имеются в УОАП, но поскольку это сборник, они направили в Межкнигу просьбу, чтобы там определили, кому сколько платить. Дело, вероятно, недели-двух. Апропо: когда я получал сертификаты, эти недоступные и важные девки повскакали со своих мест за прилавком, облепили меня и взмолились, чтобы я принес им ПНО. «Хоть бы почитать... мы вернем! А то все говорят, какая чудная вещь, а достать негде!»

2. Напечатал и отослал в УОАП во внешний отдел заявление относительно венгерского неустройства с ОО.

3. Начал писать ПвК-2. Пока за всеми хлопотами удалось только разработать подробный план и написать первые полторы страницы.

4. С мультяшечниками пока не встречался. Говорил только с Лариным, который нас обосрал за неумение творчески подойти к сюжету. Намерен сходить еще и посоветоваться с Аграновичем.

5. Вчера весь день сидел у Борецкого. Есть такой парень, Костя Ахтырцев, он работает в Комитете по кино, а сейчас перешел на одну из студий зав. редакцией так наз. фильмов-сувениров. Это фильмы для частного употребления на пленке в 8 мм для показа дома с проектором. Ведению комитета не подлежат. Было бы интересно и раскупалось бы охотно. Одна часть в продаже стоит 3 р. 60 коп. Костя предложил нам с Борецким принять участие в качестве режиссера и сценариста. Дело это анонимное, между прочим. Я решил попробовать начать с «Дьявольской шкатулки». А вообще Костя признал желательным делать серию походов какого-нибудь одного героя или героев. Ну, там поглядим. А у Борецкого мы собрались по другой причине. Речь идет об экранизации «Стажеров». Имеется уже договоренность с зав. отделом пропаганды ЦК Казахстана и с руководством Казахфильма на постановку этой картины — по МОТИВАМ повести «Стажеры», в связи с тем, что на месте Быкова там будет казах. Уже и актер есть, очень известный казахский актер. Идея: у нас покупают право на экранизацию. Затем пишется сценарий именем Борецкого и Ахтырцева, мы им помогаем и участвуем в прибылях анонимно. Собственно, я уже начал помогать: вчера формулировались идеи, определялись характеры и роли героев, писалась очень развернутая заявка, заканчивающаяся словами: «Договоренность о продаже права экранизации с авторами уже достигнута». С богом.

Вот, кажется, и все дела пока.

Привет Адке и Росшеперу. Поцелуй мамочку.

Обнимаю, твой Арк.

Адку ждем, раскладушку приготовили.

Да! Прочитал я здесь удивительную книжку — М. Туровская «Герои безгеройного времени». Надлежит тебе достать ее и прочитать незамедлительно. Если не достанешь, скажи Адке, я тебе ее перешлю с нею.

Борис — брату, 15 марта 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Затею с фильмами для частного употребления одобряю, хотя весьма важной детали — сколько платят? — ты и не сообщил. Насчет «Стажеров» в кино — одобряю тем более. Скорей бы только Борецкий поворачивался.

2. Сертификаты — это хорошёе! Только ты все-таки не написал мне ИСХОДНУЮ сумму ТОЧНО. А если исходить из 81.88 на рыло, то получается, что прислать должны были не 1300 марок, а 1400. Так все-таки, сколько прислали? Для отчетности это необходимо. Как я им писать буду, имея неточные цифры? И вообще. Выясни, выясни, не уклоняйся.

3. А что они там издали в Барселоне? Я знаю, в Барселоне издавали СБТ. А еще что?

4. Книжку Туровской я прочитал уже довольно давно. Действительно, хорошая книжка. Я тебе о ней рассказывал в свое время. Я оттуда выписал прекрасную цитату из Эпиктета: «Что такое человек? Душонка, обремененная трупом».

5. Новостей у меня никаких нет, кроме того, что Брандис снова спрашивал, что именно мы дадим для лендетгизовского сборника на 75-й год. Я его заверил, что дадим, но сами пока не знаем что.

6. Было отчетно-перевыборное. Со страшным треском провалили Шестинского. Такого, брат, я не видывал ни разу. Помню, провалили Прокофьева — так там было совсем другое дело: с самого начала было все ясно, обком от него отмежевался, выступающие его материли во весь голос и т. д. Здесь же — все как один хвалили с трибуны, обком — за, а в результате из списка правления в 49 человек (!) выпал единственный (!!) — Шестинский. Теперь морока — кого в первые секретари? Дудин отказался решительно, Ходза — тоже, Воронин — тоже, Гранин — тоже, но нерешительно... В общем — кабак. Больше недели прошло после перевыборов, а первого определить не могут.

7. Что-то ты ничего не пишешь про ХэйкУ Моногатари. И тем меня огорчаешь. Это было бы настоящее дело для тебя — не то что вонючая диссертация.

8. Работа моя с Лешкой приостановилась: Лешка сидит в Москве и чего-то улаживает с Симоновым. Ох, уж мне эти знаменитые писатели! Лешка подарил мне свою идею детективного сценария. Собственно, не мне, конечно, а нам; и не одну идею, а две. Во-первых, идею написать сценарий про Джона Брауна и его сыновей. Гарантирует девяносто процентов проходимости. Правда, про Дж. Брауна я знаю только, что он заступался за негров и что тело его воспето в популярной песне. Не очень-то мне охота с этим связываться, но если ты — за, то отчего же? А во-вторых, идея детектива: бывший русский эсэсовец, скрывающий татуировку под мышкой, а татуировку эту видит некий человек. Последний ничего не понимает, а на него начинается охота. (Точно такая история была на самом деле в Сосново: одному трактористу стало плохо на работе, прибежал врач, осмотрел его и узрел татуировку. Правда, этот врач был образованный...) В обоих случаях Лешка предлагает свое сотрудничество (на паях, разумеется) в написании сценария и свои услуги для пробития заявки, но снимать фильм при прочих равных не намерен.

9. Вообще-то, все это — моча. Нам надо писать вещь для печати. Я тут подумываю так и эдак об РНпСО («Рукопись, найденная...») — ей-богу, стоит повозиться! И МиП, при всех его недостатках, стоит внимания. Одна беда — и то и другое все-таки, как я чувю, не для Детгиза. Ну и плевать. Писать надо! Писать! Собираться нос к носу и писать! Как встарь.

10. С телевидения не звонили, а сам я не звоню, потому что, как выяснилось, начисто забыл всю историю с Рыбкиным <<Выбор пал на Рыбкина>>. Невелика потеря, конечно, но обидно.

11. Говорил я тут с одним. Очень он рекомендовал нам обратиться в изд<ательст>во «Современник». Говорит, что сидит там в основном молодежь, и довольно приличная, а главный, некто Цветков, так и совсем шарман. А? Переиздание бы туда сунуть — ПкБ+ТББ+ОО. А?

Ну, вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

Аркадий — брату, 16 марта 1973, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Позавчера рассказал Борецкому наши три сюжета: «Дьявольская шкатулка», «За проходной» и «Невидимки». Ему все очень понравилось. Остается, чтобы это понравилось Ахтырцеву. Всё в руках божьих. Если получится, то за каждый сюжет получим по 500 ру. Но я имею основания сомневаться. В общем, посмотрим. Буду следить тщательно за всем этим делом. Думаю, не разворуют.

2. Насчет сертификатов. Нам получилось 1330 марок. Имей еще в виду, что с нас берется подоходный налог.

3. В Барселоне издали сборник советской фантастики. У нас там — «Второе нашествие». Днями буду звонить, просить, чтобы дали экз. Но кажется, это безнадюга. Сейчас в связи с заключением конвенции все пошло кувырком. Ничего ни у кого не понять.

4. Насчет ХэйкЭ моногатарии — пока все закисло. Слишком много людей заинтересовано в том, чтобы дать сразу академический вариант. Я отступаю, даже не огрызаясь. Хрен с ними.

5. Звоню непрерывно Беле: никаких положительных сведений. Предисловие Волкова будет только к концу месяца, рукопись находится у Авраменки, она еще не прочитала и т. д. Однако есть сведения, что в Литобозе («Литературное обозрение») уже вышла положительная рецензия Ревича на ПНО. К сожалению, связаться с Ревичем непосредственно я не смог. Видимо, завтра идем к нему в гости.

6. Лышу себя надеждой, что сможем встретиться в начале апреля. Это было бы славно. Попробуй взять путевки хотя бы с пятого по двадцатое.

Вот всё пока. Жму и целую, твой Арк.

Борис — брату, 18 марта 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Только что написал письмо в ЭКОН ФЕРЛАГ ГМБХ. Спрашиваю, за что нам перевели гонорар, и прошу газетные отклики на ОО. Отправлю заказным сегодня или завтра.

2. Насчет сертификатов. Снова и снова прошу тебя записывать и сообщать мне каждую цифру, которую тебе удастся выяснить (точно). То есть теоретически можно получить четыре числа: сумма в марках, переведенная на Межкнигу; сумма в марках, положенная на наше имя (результат вычета из предыдущей 25 процентов); сумма в сертификатных рублях на наше имя во Внешпосылторге (предыдущая сумма, переведенная по курсу в рубли); сумма в сертификатных рублях, выдаваемая на руки (предыдущая сумма за вычетом 35 процентов). В идеале хорошо бы знать все четыре числа. Два последних ты можешь выяснить совершенно точно, получая наличные во Внешпосылторге. Что касается первого и второго, то одно из них (а возможно, и оба?) ты можешь узнать в Межкниге или УОАПе. Пожалуйста, не ленись и каждый раз выясняй все это, без стеснения записывая искомое число в книжечку, дабы не возлагать излишних надежд на перегруженную заботами и склерозом память. Вот будешь получать деньги за барселонское издание (если) — сразу и займись.

3. В результате сложных подсчетов мне удалось добиться совпадения полученной от ФРГ суммы с ожидаемой. Просто я поначалу забыл, что марка уже ревальвировалась однажды и теперь стоит 25.6 коп вместо прежних 24.8. Между прочим, недавно ее снова ревальвировали, но мы успели получить по старому курсу, а то потеряли бы еще 3 процента. Вот так вот оплата труда титанов советской фантастики зависит от валютных бурь, сотрясающих так называемый «свободный мир».

4. Очень огорчительно, что Хэйку Моногатари отпал. Или, может быть, шансы еще есть?

5. Теперь насчет путевок. Ты знаешь, как я хочу работать. Я весь изнылся. Но! Хватит с меня унижительных объяснений в Литфонде-с! Позвонить мне туда не трудно, съездить — лишь немногим труднее, и, может быть, даже заказ мой примут (хотя время весеннее, старички лезут на солнышко, и местов может не оказаться). Но! А ты потом скажешь, что у тебя срочные дела и пр. Давай лучше так. Ты точно уясняешь себе свое положение. Скажем, в течение 10–14 дней. Затем отписываешь мне, и я попытаюсь хоть разок в жизни получить путевки с налету, коротким решительным ударом, по телефону, как это делают все известные мне писатели. Получится — прекрасно! Не получится — закажу на конец апреля — начало мая. А? Ей-богу, надоело чувствовать себя виноватым перед этими чиновниками. Они ведь, падлы, каждый раз нам одолжение делают, мы ведь не члены правления и даже не члены бюро (я, по крайней мере).

6. Да. Будешь в Межкниге или УОАПе, попробуй выяснить, как будет дальше, после заключения конвенции. С кем будут заключать договора — с автором или с Межкнигой? Деньги будут по-прежнему в сертификатах или теперь уже в рублях (как с Венгрией)? И т. д. Насчет обратной силы попытайся выяснить. Вот у нас в Польше должна в этом году выйти минимум одна книжка и в ГДР тоже, договоров, натурально, нет, теперь что же — мы вообще ничего за них не можем получить? Логика такая: раньше не было конвенции, но издательства из любезности отваливали-таки куш, если туда приедешь, а теперь как? Выясни, выясни, язык, небось, не отсохнет, а за спрос деньги не берут.

7. А новостей у меня никаких нет. Все ждут сборника с М, который обещают вот-вот выпустить.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет!

Борис — брату, 2 апреля 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Как мне сообщила мама, ты жалуешься, что от меня нет писем. Очень мило! Значит, ты не получил моего письма, отправленного тебе где-то в середине марта? Не помню уж, писал ли я тебе там что-нибудь важное, но одно там во всяком случае было: я просил тебя тщательно взвесить все свои возможности и уладить все дела, прежде чем я буду заказывать путевки в Комарово. С тех пор я жду ответа. Путевок, естественно, не заказываю. Сопоставив все возможности, пришел к выводу, что ты не пишешь потому, что новостей нет, а дела твои всё еще не улажены и дать приказ: «Путевки!» ты пока не можешь... Очень мило! Работа почты улучшается из месяца в месяц — раньше письма только задерживались, теперь они вовсе не доходят.

У меня никаких событий нет, поскольку их, собственно, и не должно быть. Детгизовский сборник все еще «вот-вот выйдет». Из гэдээровского изд<ательст>ва «Фольк унд Вельт» прислали любезное письмо, где сообщают, что «Отель» выйдет у них «в течение ближайших недель», и спрашивают, где у нас будут публиковаться полные, не журнальные, тексты М и ПнО. Я понемногу работаю с Лешкой, занимаюсь по просьбе Брандиса с молодыми писателями при секции, время от времени прикидываю, что же нам теперь писать. Между прочим, худо-бедно, а набирается-таки ПЯТЬ сюжетов. Все сырые, все неразработанные, все не ах, но думать есть над чем.

Как дела у тебя? Что с ПвК? Что с мультотом? Двигается ли дело? Не-ет, брат, неправильно мы всё с тобой в этом году распланировали! Каюсь, я виноват. Надо было собраться два-три раза словно для настоящей работы и кончить с этой мурой, чтобы тебе осталась только доводка и не надо было голову ломать. Ладно, век живи, век учись. Впредь буду умнее. Пропал весь сезон! Ни настоящих повестей, ни денег. Страм.

В общем, теперь жду твоих соображений насчет дальнейшего. И учти, что я не знаю ничего из того, что случилось (если) после, грубо говоря, 15 марта. Отпиши, ради Христа.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет!

Борис — брату, 6 апреля 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу тебе сразу после нашего неоконченного разговора. Ну и связь у нас! Ладно, попытаемся прибегнуть к методу заказной корреспонденции.

1. К сведению: первое письмо я послал тебе 17 марта; второе — 2 апреля.

2. Сегодня пришел ответ на мой запрос в Экон Классен. Прислали, как я и просил, очередную пачку рецензий на ТББ и ОО. Матерьял, судя по внешнему виду, того же рода, что и раньше, правда, есть радиорецензия, которую передавали у них где-то там в Кёльне. Интересно другое: впервые они прислали настоящий финансовый отчет — копию отчета, направленного в свое время в Межкнигу. Из отчета выясняется:

а). Деньги, которые мы получили в последний раз (1330 м.), есть гонорар (за вычетом аванса) за экземпляры, проданные в период от выхода ТББ до 31.12.1971 года (!). Всего за указанный период продано 1804 экз, с каждого нам причитается 0.91 м. (8 процентов продажной стоимости), итого 1642 м. Плюс деньги, полученные по лицензии с Гейне-ферлага (!), одна треть некоей суммы, всего 631 м. Итого — 2273 м. Минус аванс — 500 м. Минус налог (оказывается, и они еще дерут налог!) — 25 проц, т. е. 443 м. Итого послано в Межкнигу 1330 марок.

б). Таким образом, денег по ТББ за 1972-й и, тем более, за 1973 год мы еще не получали.

в). Денег за ОО, который вышел в 1972 году, мы, значит, тоже еще не получали, если не считать аванса.

г). С Гейне-ферлага мы таки что-то имеем, хотя и непонятно, третью часть чего именно нам перечисляют.

Такие вот у нас валютные дела.

2. Итак, позвонил Андрей Островский. Для разгону сообщил, что пришла очередная пачка рисунков какого-то любителя к нашим произведениям, а потом предложил вступить в договорные отношения. С Торопыгиным — главредом — вроде бы все уже улажено. В чем загвоздка? Прежде всего в том, что на составление заявки нам дается меньше месяца — представить ее надо к началу мая. (В мае они начнут собирать сентябрьский номер и хотят знать, что у них будет в рекламе на 74-й год.) Другая загвоздка в том, что у нас накопилось пять возможных сюжетов, и ни один толком не разработан. Что выбрать для заявки — непонятно. Вот что у нас есть (напоминаю):

а). «Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах» (РОпСО). Дневник современного писателя. Внешний сюжет: писателя принимают за пришельца. Внутренний сюжет — история планеты, построившей машины для переброски в будущее. Сюжет разработан на 4 (в десятибалльной системе). Повесть может получиться на 7–8 баллов (10 баллов считаем ГО). Вероятность опубликования довольно велика, хотя чем лучше получится повесть, тем меньше шансов, что ее опубликуют. Составить проходимую заявку довольно трудно, но все-таки можно.

б). «Новосел» (Н). История современного молодого человека, получившего новую квартиру. Сатирическая сказка. Сюжет разработан на 2 балла. Повесть может получиться на 6–8 баллов. Вероятность опубликования вряд ли больше половины; для восьмибалльной повести — существенно меньше. Проходимую заявку составить очень легко.

в). «Мальчик из преисподней» (МиП). История инопланетного вервольфа, пробудившего забытые инстинкты в ребятах светлого будущего. Сюжет разработан на

5 баллов. Повесть может получиться на 6–7 баллов. Вероятность опубликования довольно велика — собственно, для шестибальной повести типа «Малыша» она близка к единице. Проходимую заявку составить легко.

г). «Июль с пришельцем» (ИсП). История одного математика, который взял в июле академический отпуск, сидит в квартире один (семья на даче) и вдруг обнаруживает пришельца, который вперся на своем корабле к нему в детскую. Целый месяц они проводят вместе, спасаясь от преследования соседей, дворников, милиции и приятелей как математика, так и его сына — очень реалистическая ситуация: представь мою квартиру. Масса забавных и трагикомических приключений. Элемент новизны: пришелец оказывается туристом; хотя он и житель суперцивилизации, но ни хрена о ней не знает — существо жалкое и ничтожное — современный инкассатор, у которого пытаются выяснить, как устроен мир, в котором он живет, или, хотя бы, магнитофон, которым он пользуется. Возможно объединение с Н — пришельца замуровали в стену строители дома. Сюжет разработан (мною) на 4–5 баллов. Повесть может получиться на 6–7 баллов. Вероятность опубликования довольно велика. Проходимую заявку составить легко.

д). «События на рифе Октопус» (СнРО). История открытия и уничтожения странной формы жизни, способной снижать у людей уровень мотивации преступных действий. Сюжет разработан на 5–6 баллов. Повесть может получиться на 7–8 баллов. Вероятность опубликования около половины, быстро уменьшается, если повесть получается лучше. Проходимую заявку составить трудненько, но можно.

Надо, наверное, иметь в виду еще вот что: Н, МиП и ИсП по крайней мере ТЕОРЕТИЧЕСКИ могут оказаться пригодными для Детгиза; РОпСО и СнРО — вряд ли.

Такая вот получается картина. Думай, брат, думай! Я уже несколько дней думаю, ничего особенного не придумал.

По-моему, каждый из нас должен дать ответы на следующие вопросы:

1. Хочется ли мне писать данную повесть? Во сколько баллов я оцениваю это желание? (ГО — принимаем за 10 баллов.)

2. Сумею ли я писать данную повесть? Достаточно ли хорошо я ее себе представляю, чтобы за нее браться и написать ее к ноябрю-декабрю? Во сколько баллов я оцениваю свою практическую готовность? (ГО — 10 баллов.)

3. Надо ли писать эту повесть? Стал бы я ее писать, если бы не нуждался в деньгах? Во сколько баллов я оцениваю эту готовность писать без денег? (ГО — 10 баллов.) (Может показаться, что 3-е похоже на 1-е. Это не так. В 1-м имеется в виду реальная сегодняшняя ситуация, когда писать, кроме указанных повестей, больше нечего. В 3-м рассматривается ситуация абстрактная: все хорошо, все прекрасно, так стоит ли заниматься данной повестью?)

Я уже проставил оценки (баллы) по каждому пункту для каждой повести. Для вящей объективности сохранил их от тебя в тайне. Ты тоже проставь и пришли мне. Посмотрим, велик ли разброс оценок и какая повесть наберет больше всего баллов. Может быть, именно ее и следует заявить. Конечно, кроме сухих баллов, я хотел бы получить от тебя любые другие практические соображения.

Время у нас пока еще есть. В течение двух-трех недель надо что-то выбрать, я накаю заявку (соображения по заявкам на РОпСО и СнРО обязательно мне пришли) и отнесу в «Аврору». Глядишь — авансик отломится!

Вот пока и всё. Отвечай побыстрее, но поразмыслив. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет.

P. P. S. А телефон так до сих пор и молчит у меня! Вот уже два часа.

Аркадий — брату, 11 апреля 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

Наконец, наконец, муха села. Вчера вечером явилась зареванная почтальонша и вручила мне изрядную пачку писем. Их, оказалось, складывали в ящик квартиры 273 соседнего дома, где (в квартире) никто не живет пока. Получил сразу оба твои письма, два письма от мамы, всевозможные извещения, а также письмо от нашего венгра-переводчика Геллерта, в котором он любезно сообщает, что номера «Авроры» с ПНО получил, прочел и ему понравилось, ведет переговоры с издательством. Ну-с...

1. В МолГв пока всё на мертвой точке, потому что серьезно заболела Бела. Впрочем, рукопись уже у Авраменко, а она, по словам редакционных друзей наших, землю роет, чтобы книга вышла. Но конкретного ничего.

2. После апреля зашевелится наше дело в Детгизе в смысле договора на большой сборник о Быкове и Ко. Так сказала Нина.

3. Как я тебе уже по телефону докладывал, мультик понемногу продвигается. Я регулярно встречаюсь с Котеночкиным, уточняю детали и пр. К началу мая я предоставляю ему готовый сценарий, и он сразу принимается за режиссерскую разработку. Запуск фильма — в октябре. Интриги по этому поводу разводятся отчаянные, в основном Хитруком.

4. С трудом продвигаюсь по стезе ПвК-2. Нина дала еще один срок (это я тебе тоже говорил, но зафиксируем письменно) до 1 мая. Надеюсь уложиться. Написал сорок страниц, нужно еще хотя бы столько же.

5. Разговаривать сейчас о положении с конвенцией просто смехотворно. Никто ничего не знает. Насколько мне известно, комиссия по разработке положения с конвенцией разбухла уже до пятисот человек, и каждый несет свое. Авторское право отменено, нового нет, министерство финансов вырабатывает гонорарный устав, по которому писатели и художники, при сохранении нынешних гонорарных ставок, будут получать на 30–35% меньше, нежели раньше. Впрочем, все это так, слухи. Сам знаешь, когда нет информации, питаемся жирной пеной слухов.

6. Сборник «Фантастика, 72–73» в МолГв (это я тоже тебе говорил, кажется) вот-вот выйдет, там ЧиП, кое-что перепадет. На прямой дороге к выходу и 25-й том с главой из ПНО.

7. Затея с Хэйкэ действительно провалилась, и это очень жаль. Но Гослитиздат заказывает мне небольшой перевод из Ихара Сайкаку, был такой классик у японцев в начале 17-го века. На безрыбье, сам понимаешь.

8. О Комарове. Как я успел тебе сказать, приемлемо было бы похлопотать о путевочке где-нибудь с пятого-десятого мая. Но если это очень трудно, валяй к нам. Ей-ей, мы и здесь отлично поработаем. Что нам? Ну, попытаемся консервированными супами, только это ведь и препона, других я не вижу. А раздольице у нас отличное, даже прогулки не противопоказаны. Подумай.

Что же это там такое с М?

Знаешь, я хочу для уточнения всех вопросов и полного обмена информацией прикатить в Ленинград денька на три-четыре где-нибудь числа 19-го или 20-го. Этот срок связан с тем, что 18-го в Детгизе гонорарный день, и мне там перепадет несколько десятков за рецензию.

Вот пока всё. Крепко обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу, поцелуй маму. Я ей отпишу.

Аркадий — брату, 14 апреля 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

Получил позавчера твое заказное (тоже, брат, сроки: выходит, письмо шло до меня пять дней!). Отвечаю коротко, поскольку, очевидно, подробно будем разговаривать при встрече дней через семь или десять.

Продумал я всё ТЩАТЕЛЬНО (насколько я умею и могу при нынешних обстоятельствах что-нибудь ТЩАТЕЛЬНО продумывать) и пришел к выводу: писать надо «Мальчика из преисподней». Ты сам сформулировал все формальные выгоды этого выбора (сюжет разработан на 5, повесть может получиться на 6–7, вероятность опубликования близка к 1). Кроме того, даю оценки по предложенным тобой пунктам, причем загодя утверждаю, что эта повесть получила у меня по всем трем пунктам наивысшие оценки, а именно: 1. Желание писать при нынешних конкретных обстоятельствах — 8 баллов. 2. Практическая готовность писать — 7 баллов. 3. Желание писать в абстрактном плане — 7.5 баллов.

По остальным сюжетам соответственно:

РОпСО — 3; 4; 6.

Н — 4; 5; 5.

ИсП — 5; 7; 5.

СнРО — 2; 7; 7.

Вот в таком плане. В пользу МиП есть и еще одно соображение, но о нем пока говорить рано, думаю, к моменту встречи все прояснится. Я имею в виду возможности кино.

Итак, я за то, чтобы ты сразу же по получении сего письма, не дожидаясь моего приезда, накатал заявочку страницы на четыре и отнес бы к Топоркову.

Вот пока всё. Рассчитываю получить от тебя еще одно письмо до приезда.

Привет Адке и Росшеперу. Жму и целую, твой Арк.

Поздравляю с рождением и желаю.

Борис — брату, 16 апреля 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Отвечаю сразу на оба твои письма.

1. Сравнение наших оценок показало следующее. Сумма всех баллов и среднее:

		я	ты
РОпСО	15.0	17	13
Н	11.5	9	14
МиП	16.8	11	22.5
ИсП	17.0	17	17
СнРО	17.0	18	16

Далее я попытался учесть то обстоятельство, что желание писать и способность писать данное произведение для нас практически ценнее, чем общественная необходимость писать его. Поэтому баллы по первым двум параметрам я складывал, удвоивши их, а балл по третьему параметру складывал, умножая на единичку. Таким образом получают среднее ВЗВЕШЕННОЕ. Получилось:

		я	ты
РОпСО	25.0	30	20
Н	18.5	14	23
МиП	28.8	20	37.5
ИсП	30.0	31	29
СнРО	28.0	31	25

Картина в общем, как видишь, получилась сходная, но формальный вывод: писать надо ИсП. Во-первых, ИсП по обоим методам выходит на первое место; во-вторых, по ИсП у нас НАИЛУЧШАЯ сходимость оценок — мы, не сговариваясь, дали ИсП почти одинаковое кол-во баллов. Впрочем, сам понимаешь, такие вещи статистикой не решаются. Поэтому никаких заявок я пока писать не буду, тем более что время есть, а ты должен приехать. Приедешь, окончательно всё обсудим, да и заявку, наверное, напишем тут же. Нам нужно четко уяснить, какую вещь мы лучше себе представляем. Например, я лучше представляю себе ИсП, но зато — это опять история с пришельцем, что надоело. С другой стороны, МиП — светлое будущее (тоже не сахар), и придется корячиться над деталями, а ИсП — наше время, с деталями всё ОК. В общем, приезжай: будем выбирать между ИсП и МиП.

2. Я тоже полагаю, что, встретившись у тебя в Москве, а не в Комарове, мы ничего не потеряем. Готов приехать в первых числах дней на 10–12.

3. Прислала письмо Ирена Левандовска, предлагает выслать вызов на сентябрь. Я написал ей, чтобы пригласила нас с Адкой, а ты, мол, еще не решил и решишь позже. Подумай на эту тему.

4. Звонил я в производственный отдел Лендетгиза. Сказали, что сейчас сборник находится в Горлите и они надеются, что тираж пойдет после 20-го. Гм.

5. Волгоградские ребята прислали мне на день рождения великолепную коллекцию фотографий разнообразнейших пистолетов с подробными историями. Так что теперь наш Воронин будет собирать свою коллекцию оружия со смыслом и знанием дела.

Вот, кажется, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

Аркадий — брату, 29 апреля 1973, М. — Л.

Дорогой Борик!

Новости:

1. Как это ни странно, в МолГв дело движется. Авраменко была в ЦК и прямо спросила, есть ли возражения. Там сказали, что никаких возражений нет, но только ведь у Стругацких в этом году выходит книга в Л<енингра>де. К моему приезду недоразумение уладилось. Сейчас положение такое: Авраменко ведет сосредоточенную атаку на Осипова. Ганичев ЗА. Но Осипова повалить трудно. Получена рецензия на сборник от некоего Маркова из ЦК, очень хорошая рецензия («Стругацкие наконец преодолели свой классовый индифферентизм и написали настоящие социальные вещи»). Правда, есть ряд замечаний, с которыми придется посчитаться. Я беседовал с Авраменко, выясняется, что сейчас нам от имени редакции придет письмо с предложениями исправить кое-что, а затем будут звонки сверху и будет договорчик. Ты приедешь как раз вовремя, чтобы принять участие в работе с рукописью. Но я полагаю, что на зМЛдКС времени хватит.

2. Пришли экзы «Отеля» из ГДР. Сообщи, пришли ли тебе, а впрочем, если не пришли, возьмишь, когда приедешь. Мы тебя все очень ждем.

3. Вчера Ленка вернулась с работы и сообщила, что звонили из Межкниги и сказали, что есть какие-то экзы чего-то. Лапоть Ленка, разумеется, забыла, чего именно. Сразу после праздников поеду туда. В УОАП не дозвонился, во Внешпосылторг тоже. Ничего, всё впереди. Перед праздниками, сам понимаешь, чудовищный кабак везде. Все выпивают и закусывают квантум пенис, толку было не добиться.

Такие дела. Итак, пришли еще одно письмо и приезжай.

Обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Борис — брату, 2 мая 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Отвечаю.

1. С договором в «Авроре» всё ОК. Главный подписал его еще до праздников, задержка за мной, а я ждал от тебя телеграммы с адресом твоей сберкассы. Теперь уже получил и продиктовал по телефону, так что завтра, наверное, подпишу и еще до отъезда постараюсь получить деньги. Тебе же перешлют.

2. Экзы из ГДР получил в количестве 2+5. Хорошо издали!

3. Очень рад, что будет возможность почиркать в рукописях ДоУ и ПнО. Только какие, интересно, исправления они потребуют? Неужели мертвяков придется выбросить? Это будет скотство! Вообще ты бы написал мне, что тебе конкретно известно о требуемых поправках — я бы тут, по крайней мере, подумал об этом на досуге.

4. Приеду я, вероятно, числа девятого-десятого. (Заранее, конечно, телеграфирую.) Поработаем дней 12–14. Очень хотелось бы хоть начать зМЛдКС. Хоть страниц 40–50 накатать бы! Ты думай об ей, думай! Проникайся. Например, мне кажется, что а) надо, чтобы большинство — подавляющее — происшествий носило совершенно реалистический характер; б) неплохо бы ввести сюда полусон-полуявь на тему загубленной планеты с машинами времени, перебрасывающими в будущее; в) герой наш должен в конце отступить (жена, ребенок, страх за них) и остаться на позиции должен только «Манин».

5. Надеюсь получить от тебя еще одно письмо с новостями и поправками к НВ. Очень интересно узнать, что там за экзы пришли и вообще — не ожидают ли нас сертифицики?

Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке — поцелуи.

Борис — брату, 24 мая 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу тебе на другой же день, позвонив в разные бухгалтерии.

Дела обстоят так. Аванс за «Аврору» тебе выслан. Я пойду получать эти деньги завтра. С потиражными за «Талисман» дело обстоит несколько хуже: издательство истратило все фонды. Поэтому тебе выслали только часть денег (кажется, 500 руб). Мне пока вообще ничего не дают, обещают после 4-го и тоже только часть. Остальные деньги дадут только в июле (повторяю: в июле). Вот гады! Я даже позвонил Наталье Кирилловне (главному редактору), но она оказалась не в силах помочь, подтвердила лишь, что насчет истраченных фондов — истинная правда. Вот так они делают из нас зайцев.

Насчет дальнейших планов пока воздержусь тебе писать. Дело в том, что днями нагрывает теща, вот тогда-то многое и выяснится.

Маме я звонил. У нее всё ОК. Завтра к ней поеду пить чай.

Дома тоже в общем ничего.

Жду известий от тебя.

Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет.

А хорошо мы в «Пекинчик» сбродили! И в девяточку!

Аркадий — брату, 29 мая 1973, М. — Л.

Дорогой Борик!

Отчитываюсь:

1. Деньги из Лендетгиза — 490 ру с копейками получил. Ну, что поделаешь — в июле-то уж получим остальное?

2. В МолГв денег на руки не получил — было сказано, что такое большое состояние на руки не выдается. Я вручил наши заявления. Обещались перевести на указанные счета в пятницу, т. е. в прошлую пятницу, 25-го. Так что днями жди, а я завтра попробую проконтролировать.

3. В Детгизе пока без перемен.

4. Вчера навестил Давыдову и встретился у нее с редактурой Сценарной студии. Бланки и печати студией получены. Мне почти клятвенно обещано, что буквально на днях с нами заключат договор на сценарий «Мальчик из преисподней».

5. Сценарий мультя отдал главному редактору «Мультфильма». Котеночкина в городе не было, он приехал только вчера. Сейчас сценарий размножается, в среду (завтра) иду говорить и получать указания. Но буду тверд: только после сумм и только для режиссерского варианта вновь подниму я перо на этот сценарий.

6. О договоре на НВ. Опять чудовищное невезенье: преподобная Белка накануне того дня, когда они собирались к Ганичеву, умудрилась сломать палец на ноге и сидит дома. К Жемайтису не могу прорваться, он дни и ночи на заседаниях. НО: я звонил Нине Сергеевне <Косаревой> и захватил ее накануне отъезда в отпуск. Она попросила изложить дело по телефону, что я и сделал. Она одобрила наше решение послать письмо Беляеву и содержание письма. Сказала: не исключено, руководителям МолГв только указания сверху и не хватает. Я сразу же позвонил Беле, она тоже с этим согласилась. Таким образом, я полагаю: сегодня или завтра добиться все-таки Жемайтиса, и если никаких движений до сих пор нет, посылать письмо.

7. Пришло письмо из журнала «Советский шахтер». Они, видишь ли, получили полтора десятка писем от читателей и жаждут по этому поводу взять у нас интервью. Просят места и часа для моей встречи с корреспондентом. Я решил послать им письмо с предложением дать вопросы в письменном виде и письменно же ответить, чтобы не получилось, как с «Техникой — молодежи». Согласен?

Вот пока всё. Срочно пиши свои соображения по поводу этой информации.

Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Борис — брату, 1 июня 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Все мероприятия полностью одобряю. Единственное исключение: может быть, все-таки посылать письмо Беляеву не сразу, а подождав, как мы раньше договаривались, до 15-го? Дать, так сказать, начальству возможность проявить добрую волю. По-видимому, ты сейчас уже поговорил с Жемайтисом. Не знаю, что он тебе сказал, но если он сказал что-нибудь вроде: подождем, ребята, хоть недельку — тогда надобно подождать. А вот если до 15-го ничего не произойдет — тогда уж посылать письмо. И обязательно, конечно, изъяснить ситуацию Жемайтису, что ты, вероятно, уже сделал. Конечно, если Беляев вызовет нас на ковер — пиши мне, я примчусь.

У меня тут, сам понимаешь, никаких особых новостей нет и быть не может. Жду 4-го, когда можно будет сходить в Лендетгиз и получить хоть половину. (Аванс за

«Аврору» я уже получил, а ты? 250 руб примерно.) Провел последнее занятие с молодыми в этом сезоне. Принимаю тещу.

Говорил с Брандисом насчет письма Стукалину по поводу Девиса. Брандис сначала уклонялся, а потом предложил набросать мне аргументацию. Я дам аргументацию, он оформит это в виде письма, подпишутся некоторые (избранные) ленинградские писатели и — пошлем. Я был бы тебе благодарен, если бы ты СРОЧНО прислал мне свои соображения по аргументации (посоветовавшись с Мирером вдобавок).

С очередной встречей происходит определенный кабак. Во-первых, Андрюха <Стругацкий> (впервые в истории) вовсе не рвется в Киев, а скорее наоборот. Это было бы еще полбеда. Беда в том, что и теща, вроде бы, не рвется его брать. Пятый день она уже здесь, а все непонятно, чем дело кончится. Боюсь, что надо нам будет ориентироваться все-таки на осень. В конце концов, получается не так уж и плохо. Встречи будут: 1) в сентябре, 2) в конце октября — начале ноября, 3) в конце ноября. Если трех встреч окажется мало, я уверен, нетрудно будет попросить пролонгацию в «Авроре» хоть до февраля. Между прочим, как выясняется, Комарово не закрывается совсем. Постоянно будет действовать административный корпус на 18 номеров. А кроме того, все говорят, что в межсезонье очень легко получить путевки в ВТО и Дом кинематографистов. Как ты полагаешь? Опять же, если мне удастся отвертеться от летнего отпуска, можно будет встретиться и в августе — у тебя или у меня. А пока давай думать о зМЛдКС и регулярно переписываться.

Сейчас я второпях заканчиваю письмо — ты велел отвечать срочно, а я спешу в Инокомиссию получать хар<актеристи>ку на выезд. Но в следующем письме я уж постараюсь дать некоторый материал для размышлений по поводу зМЛдКС.

Между прочим, если не захочешь отвечать на вопросы «Шахтера» — пересылай их мне: люблю всякие анкеты, интервью и пр.

Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Бабам привет не передаю — они небось уже на юге.

Аркадий — брату, 13 июня 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

Задержался так с письмом потому, во-первых, что ничего интересного не было, а во-вторых, сильно приболел, обожравшись свиной тушенки с картошкой. Отравился, наверное, и провалялся несколько дней. А затем грянули события.

1. Вчера состоялся официальный разговор у меня со Снесаревым и Котеночкиным. Наш сценарий всем нравится, у Котеночкина есть некоторые сомнения по частностям, но это уже в процессе режиссерской работы. Я заявил, что к сценарию не притронусь до начала режиссерского, и Снесарев сие очень одобрил, пообещавшись при этом произвести кое-какие расчеты с нами в июле.

2. Сегодня состоялась расширенная редколлегия в Сценарной студии, где обсуждался наш заявчик на «Мальчика из преисподней». Приняли очень хорошо, тут же был составлен договор на 6 тыс. руб (я его попросил оформить на одного себя, чтобы было легче с расчетами), завтра иду брать заверенную копию и отдавать в бухгалтерию заявление на перевод на текущий счет. Значит, где-то в ближайшее время получим по семьсот с лишним на рыло. Сдать первый вариант 1 декабря. Всё, как видишь, весьма и весьма, но мне все же стало не по себе, очень уж они все это берут всерьез. Тут же прикрепили ко мне редактором известного тебе Сашу Шлепянова (передает сердечный привет) и добровольным консультантом режиссера и сценариста Будимира Метальникова. И очень меня хотя и доброжелательно, но донимал Габрилович. Здесь нужно будет товар очень лицом. В связи с этим я намерен в ближайшее время прыгнуть в Ленинград на два-три дня договориться с тобой об этой стороне наших дел. Не возражаешь? В случае чего я с успехом остановлюсь у своих друзей, так что никому не буду в тягость.

3. В МолГв без перемен, только сообщили мне, что рукопись опять у Авраменко. Зачем? Никто не знает, ибо ни Сергея, ни Белы нет на месте. Расчет произвели: 28-го — по «Фантастике-72», позавчера — по тому 25. Так что жди прибылей.

4. По Венгрии ничего.

5. Деньги из «Авроры» 250 р. 16 к. получил.

6. Письмо Беляеву согласно всеобщему одобрению послано 30 мая. Результатов ноль пока. Но я и не полагал, что все будет очень скоро. А может быть, Авраменко потому и взяла рукопись?

7. Аргументацию по письму Стукалину подробно обсудил с Мирером, мучаясь при этом животом. Возможно, именно поэтому рекомендация получилась очень жиденькая. А именно: антиимпериалистический и антивоенный фронт борьбы западной культуры проходит сейчас именно в западной фантастике. И это всё, что нам с Мирером удалось из себя выжать.

8. «Шахтер» молчит.

9. Мои возвращаются в воскресенье (17-го). Через день-два после этого я буду у тебя. Повторяю, за мои ночлеги не беспокойся, я прекрасно устроюсь. А поговорить надобно настоятельно, и, кроме всего прочего, мне требуются согласованные и утвержденные данные по зМЛдКС — фамилии, момент начала действия, содержание ретроспекций.

Обнимаю, жму. Твой Арк.

Привет всем твоим.

Аркадий — брату, 26 июня 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

Сразу оказалось, что есть о чем писать.

1. По приезде узнал, что Осипов просит ему позвонить. Так я в понедельник и сделал: пошел в МолГв и прямо от Али Лобановой позвонил. Осипов объявил следующее: а) По нашему письму в ЦК ему позвонил Потемкин (бывший директор МолГв, ныне заместитель Беляева по литературе) и осведомился о положении с нашим сборником. Ему Осипов ответил, что Издательство имеет возможность включить наш сборник в план выпуска 1975 года и что сразу по утверждении этого плана в ЦК ВЛКСМ (октябрь-ноябрь) с нами будет заключен договор. б) Когда я взвыл в том смысле, что, во-первых, сколько же можно утверждать этот злосчастный сборник и почему же, во-вторых, нельзя заключить договор раньше, он сухо ответил, что договоры теперь заключаются только по утверждении плана, и сразу принялся сетовать и вчинять мне в вину, что из-за отрывка, помещенного в т. 25, ему выговаривали в ЦК — много-де жаргона. Я в ответ его успокоил, сказавши, что мы по указаниям редакции провели основательную чистку рукописи. На том мы и расстались (повесили трубки). Я тут же кинулся к Инне Федоровне Авраменко. От нее я узнал, что: сомнений в целесообразности публикации сборника нет теперь даже в ЦК ВЛКСМ; рукопись в настоящее время читает Ганичев; вопросом о литературных судьбах Стругацких в сфере издательства МолГв охвачены неопределенные по величине массы работников Большого и Малого ЦК. В заключение эта милейшая (без иронии) женщина дала очень интересный и ценный совет: написать Беляеву еще одно письмо с выражением искренней благодарности за заботу и между делом посетовать на затяжку с договором. Так я и полагаю поступить. Но каков сукин сын Осипов! Как вывернулся, подонок! Это же явная игра на затягивание: кто-нибудь за это время подохнет — либо он, либо мы, либо изменится конъюнктура.

2. Был на Мультстудии у Снесарева. Положение с нашим сценарием таково. Сценарий сейчас в Госкомитете, у куратора студии некоей Святковской, бабы, по общему мнению, дурной и вредной. Когда и если сценарий благополучно выйдет из стен Госкомитета, студия произведет с нами окончательный расчет (с перезаключением

договора на нас и Котеночкина) и начнет работу над фильмом. Сегодня я опять еду туда для совместного обсуждения положения с Котеночкиным.

3. Связался с ответственным секретарем сценарной студии Раисой Ивановной Куприенко, изложил результаты нашей работы над МиПом. Она предложила не откладывать дела в долгий ящик, а быстренько упорядочить все наши наброски и уже завтра явиться на студию и показать результат Шлепянову и Метальникову, который, как оказалось, из-за болезни жены не смог уехать и пребывает по-прежнему в Москве.

Такие дела.

Обнимаю, жму, твой Арк. Привет тебе от наших женщин.

Привет Адке.

Да! Совсем забыл. Я ведь опоздал на поезд. Сволочи на три дня изменили расписание, и вместо 16.50 дневные поезда уходили в 15.50. Горе мое было невероятно. Но, к моей неопишуемой радости, оказалось, что в кассах на вечерние поезда билетов сколько угодно, и я уехал 59-м (20.54). Тебя уж беспокоить снова не стал, а посмотрел кино «Профессиональный риск». Ехал прекрасно вдвоем с милиционером в полупустом купированном вагоне. Так-то.

Борис — брату, 28 июня 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Только что получил твое письмо. Отвечаю немедленно.

1. Конечно, результаты нашего демарша в верха оказались довольно скромными. Но и на том спасибо. Несомненно, надо написать Беляеву и поблагодарить. И, несомненно, надо вставить в это письмо горестное недоумение, напомнив, что сборник, собственно, уже одобрялся в плане и даже был разрекламирован (и может быть, неоднократно?). Вообще-то если честно говорить, то в результате письма нас попросту накормили еще одним «завтраком» — обещали в 73-м, обещали в 74-м, а теперь вот обещают в 75-м. Н-да, силен Осипов!

2. По-видимому, ты так и не выяснил (а если выяснил, то забыл написать), СКОЛЬКО процентов мы УЖЕ получили по мультяшке. Мне хотелось бы это знать хотя бы для того, чтобы представлять, на что еще можно рассчитывать в лучшем случае. И вообще, какие-то странные там порядки. При чем здесь Госкомитет? Посмотри в договоре: при заключении — 25%, после первого варианта 10%, после второго — 15%, после утверждения ХУДСОВЕТОМ — 50%. В конце концов, бог с ними, с 50, но хоть ВТОРОЙ-то вариант у нас приняли? Если да, то где проценты; если нет, то на каком мы вообще свете и что за кабак?

3. Общался я тут с этой немкой. Даже дважды. Обменялись информацией. Подарил я ей ОО и «Талисман», дал «напрокат» перевертыш (на предмет ВНМ) и ШС (на предмет «Извне»). Взял у нее адрес, она обещалась устроить вызов. Конвенция на ГДР не распространяется, но они дают от 1500 до 2000 марок за книгу. Она, Ханнелоре Менке, лично нас очень ценит, но пробивать наши книги в ее издательстве очень трудно. Сейчас она может обещать точно только выход ТББ — вопрос этот решен, перевод сделан, книга выйдет в первой половине 75-го года (а может быть, и в конце 74-го). Познакомился поближе с Леной Вансловой — очень она мне понравилась. Ругала московских фантастов, что палец о палец не ударили, чтобы спасти Девиса. Кстати, не забыл ты про письмо?

4. Подначиваемый А. А. Мееровым, позвонил я нашей областной начальнице УОАП. Она очень любезно мне все рассказала по поводу конвенции, и было ясно, что ничего еще толком неясно. Пока твердо держится версия Стукалина, каковую он и подтвердил вновь в своем интервью «Журналисту» (номер 6). Похоже, что все наши прежние труды идут коту под хвост — надо новые романы писать, чтобы подпасть под конвенцию. Зачем это начальству понадобилось — именно так трактовать понятие обратной силы, — это, брат, уму непостижимо. В прошлом, по крайней мере, были Булгаков, Бабель, Симонов,

Шолохов, а чего можно ожидать после 27 мая сего года? Правда, авторские права Бабеля и Булгакова истекли, но все равно — Аксенов, Окуджава, лучшие вещи Бакланова, Бондарева, Гранина, Быкова и т. д. — все это коту под хвост. А впереди что? Эх, хорошие у них там головы, на болотах, да дуракам дадены. Наша начальница УОАП под конец сказала: «А вы бы спросили Горелик — она ваша большая поклонница и Аркадия хорошо знает, а уж больше, чем она, в конвенции никто не понимает...»

5. Я тут мучаюсь фурункулами <...> и с ужасом жду ремонта. Завтра вот уже привезут материалы. Ах и ой! Бог теперь, кажется, снова в Москве, так что жми-нажимай. Жду твоих писем.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке огромные приветы и смачные поцелуи.

P. P. S. Да! Получил, наконец, деньги за 25-й том. Всего-то 940 рябчиков, а я-то надеялся, будет больше куска. Впрочем, и 940 деньги неплохие, и я, по крайней мере, на дороге таких никогда не видел.

Аркадий — брату, 7 июля 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Виделся с Жемайтисом и Белой. Подробно поговорили, пришли к выводу, что письмами тут не очень обойдешься, что надо писать к Беляеву и просить аудиенции, чтобы выяснить для них самих всё до конца. В личном разговоре многое может стать понятнее. М<жду> п<рочим,> письмо благодарственное Беляеву я таки послал, но тут вот такая вещь: вдруг оказывается, что наши друзья перестали (не знаю уж, по каким причинам) доверять Авраменке, а ведь благодарственное письмо было послано по ее совету. Отпиши свое мнение на этот счет, и если ты — за, то я буду писать и проситься встретиться.

2. С мультяшкой произошли за эту неделю поразительные вещи. Ни с того ни с сего получается на Мультистудии письмо от Баскакова (первое в истории Мультистудии личное письмо от него), состоящее из двух строк: «Госкино считает тематически неприемлемым сценарий полнометражного мультфильма “Конец планеты негодяев”». Это сплошная загадка. Поскольку студия пришла в панику (у нее утвержден годовой план-74 на 15 частей, а наш фильм составляет 6, т. е. у них около половины готового плана вылетело сразу), началась борьба. Пока Снесарев (ныне главред Мультистудии) снесся с главной редакцией Госкомитета. Выяснилось, что там почти ничего об этом неизвестно. И что Баскаков сам наверняка сценария не читал. Сам понимаешь, в таких обстоятельствах тем более хорошо бы побеседовать в Отделе культуры ЦК. Я было бросился к Косаревой, но меня отговорили: она слишком слаба для Баскакова.

3. Получен аванс за МиП, по 681 ряб на душу. Хочешь — привезу, хочешь — перешлю, хочешь — подожду, пока приедешь.

4. По здравому размышлению я решил не раскрывать карт заранее и представить на суд Шлепянову и Метальникову просто нулевой вариант МиП'а. Пишу его. Нынче закончил 33-ю страницу, почти половину. Закончил сценой дрессировки робота, на очереди — прием гостей. М<жду> п<рочим,> решил я — это вытекает из складывающегося сюжета — опустить сцену с внуком, а всё, что из нее следует, перевести в сцену первой встречи Гая с группой. Ты уж не обессудь. На мой взгляд, как оно получается, внук совершенно ни к чему, а то уж больно глупым выйдет наш прогрессор Лев Петрович. Полагая, что за июль или к второй декаде августа сценарий закончу, чаю представить его КАК ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ на Студию. Или ты посоветуешь сначала прислать тебе? Отпиши.

5. Подписал договор с Детгизом. Там нам выплатят сейчас 25% за десять страниц новой вещи, сиречь будущей сказки. Одно может тревожить, что срок представления — 1 января 74-го года (опять же), но, во-первых, я теперь уверен, что сценарий мы худо или

хорошо сдадим гораздо раньше обусловленного срока (полагаю, как уж сказал, в августе), а во-вторых, поскольку план выпуска все равно 75-го года, можно будет рассчитывать на большие отсрочки под разными предложениями.

6. Еще забыл о мультяшке. Как я был мудаком, так и остался. Выяснилось: а) на 25% не остановилось, а получил я еще 10%, да почему-то тебе опустил послать. Значит, должен я тебе еще 140 руб.; б) никаких официальных совещаний по поводу нашего сценария не было и, соответственно, нет и никаких документов, опираясь на которые, мы, в худшем случае, могли бы требовать выплаты остальной суммы. А там, что ни говори, остается 65%. Но это еще надо будет проверить потщательнее. Есть хороший юрист на примете.

7. Поставь <...> припарки из ржаной муки. Говорят, помогает.

Вот пока всё.

Я тут еще обязался для Нины Берковой отредактировать (в приватном порядке, разумеется) ее запись мемуаров про одного танкиста. Дел по горло.

Адке привет. Обнимаю, целую, твой Арк.

Не сердись за мультяшечные деньги, ей-пра, не помню, когда это было. И как.

Борис — брату, 11 июля 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то! Вчера закончили ремонт. Теперь надо за ними мыть и всё ставить на места. Но это уже одно удовольствие.

1. Пока снова не забыл. СРОЧНО сходи, куда ходил в прошлом году, и получи доверенность на гонорары в Польше. В ДВУХ экземплярах. И перешли. И сделай это без откладки, а то снова забудем — и ты, и я. Картиночка будет, если я припрусь в Варшаву без твоей доверенности!

2. Звонил в бухгалтерию Лендетгиза. Фонды получены. Деньги нам с тобой переведут в ближайшее время (а может быть, и уже перевели — я звонил 3-го). Это, напоминаю, остатки за М в сборнике.

3. Деньги, каковые мне через тебя причитаются (за МиП, 10 проц<ентов> за мульт, и, может быть, аванс за переиздание в Детгизе) перешли, пожалуй, с мамой. Это будет проще всего и быстрее всего.

4. История с мультотом весьма огорчительна, но никакой «сплошной загадки» для меня не представляет. В конце концов, разве когда-нибудь бывало иначе? Жалко только, что не удалось выжать нормальных 50 проц<ентов>. Может быть, еще удастся? Поднажми там. И между прочим, уверяю тебя, с МиП будет то же самое, а потому вырывай за него деньги при каждом удобном случае. Перечитай договор и следи за всеми формальностями: вариант принят — деньги на бочку.

5. Ты огромный молодец, что так здорово вкалываешь над МиП. Да уж! А. Н., как известно, мудака и задница, когда речь идет об учете, контроле и прочей финансовой дисциплине, но уж коли речь зашла о работе!.. Я вот, напротив, ничем похвастаться не могу. Воображал, что буду хорошо работать, пока идет ремонт. Куды там!.. Машинку ведь некуда поставить! Впрочем, думать я не перестаю, а время еще есть.

6. Я тоже полагаю, что встретиться лично с Беляевым не повредило бы. Готов при необходимости принять участие, хотя, честно говоря, считаю, как и раньше, что такие беседы лучше проводить тет на тет — чтобы друг другу не мешать и не создавать неловкостей. Тем более что в данном случае картина предельно ясна. В общем, действуй, как найдешь нужным, но учти, что 4 августа я отбываю в Коктебель.

7. Посылать мне I вариант МиП не надо. Какой смысл?

8. Договор с Детгизом — это хорошо! Смущает новая вещь, смущают сроки, смущает жидкий аванс. Ты точно выяснил, что так мало нам полагается? Ведь в

Лендетгизе нам (тоже за переиздание) выплатили 50 проц<ентов> из расчета 120 руб. за а<вторский> л<ист>. Проверь все-таки.

9. Вручил ли ты Биленкину деньги?

10. Не забывай каждые две недели названивать в УОАП и Межкнигу. Что это тебе — шею мыть, что ли?

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет.

Аркадий — брату, 20 июля 1973, М. — Л.

Дорогой Борис!

1. За доверенностью для Польши схожу, когда кончится фестиваль: сейчас никого нигде не добиться.

2. Деньги из бухгалтерии Лендетгиза не получил.

3. Деньги за МИП посылаю. За мульт (10%) вышлю с очередной получки. Договор на переиздание в Детгизе равномерно с прочими договорами там же пока задержался подписью начальства, ибо Детгиз обанкрутился: даже получку сотрудникам занимали у какого-то другого учреждения. Нина утверждает, что это на месяц, не более.

4. Все киношные дела, в т. ч. и по «Мультфильму», отложены из-за того же фестиваля. Никого нет на местах, никто никого не может поймать.

5. МиПа написал 45 страниц, уперся в последний кусок — Гай в группе. Предаюсь размышлениям. Это как бы самостоятельный сюжет, который хочется продумать поподробнее. Короче, осталось писать страниц 40.

6. Имеет место соображение, что хорошо бы идти не к Беляеву, а прямо к Демичеву. Но это надо опять же отложить до выяснения судьбы мультфильма. Чтобы пойти сразу по двум делам.

7. Ни в ОАПе, ни в Межкниге ничего нового.

8. Расчет по договору с Детгизом сделан правильно. Конечно, денег маловато, но всё по закону.

Пока всё.

Жму и целую, твой Арк.

Привет Адке.

Борис — брату, 24 июля 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Задержался с ответом, думал, будут новости. Нет особых новостей.

1. Спасибо за деньги. Очень в жилу. С деньгами за мульт не торопись — дело терпит, встретимся — отдашь (или не отдашь, если будет трудно).

2. Деньги из Лендетгиза и я не получил. Озверев, позвонил туда, и что же? У них, видите ли, был квартальный отчет, и потому они еще не переводили! А ведь обещали <...> перевести не позже 10-го. В общем, я рыдал, орал, плевался в телефон — обещали в ближайшее время, но дату все-таки не назвали. Словом, где-то в августе получим.

3. Не забудь про доверенность для Польши. В двух экзах.

4. Отдал ли Биленкину 30? Что-то ты ничего об этом не пишешь.

5. Получил письма. От Блока Румынского (ты, вероятно, тоже получил). Я ответил в том смысле, что достать экз ТББ невозможно. Не хочет ли он на немецком или испанском? И почему бы ему не перевести ОО? Очень трогательное письмо пришло из Свердловска. Тамошний студенческий театр ПИЛИГРИМ поставил в прошлом году ХВВ под названием «Слег!». Пишет режиссер. Присылает вырезку-рецензию из местной комгазетки (похвальную) и кучу фото с генеральной репетиции. Рассказывает кое-что о

постановке. Мне понравилось, что у них зал был практически соединен со сценой. Зал — Земля, сцена — Город Дураков. Граница — забор, изрисованный надписями (в т. ч. «слеги»). Желаящие могли подняться из зала на сцену (зрители — туристы) и выпить в баре прохладительного — бесплатно, как и всё в Городе. Он пишет, что поставили премьеру весной, хотели возобновить осенью, так хрен-с! Не разрешили. Еще одно письмо пришло из Новосибирска, из тамошнего электротехнического института. Пишет преподаватель кафедры философии и марксизма. Он там второй год учиняет при кафедре диспуты о ф<антасти>ке, так прислал две вырезки об этих диспутах из институтской газетки «Энергия». Все это очень трогательно, хотя и бесполезно.

6. Звонил я в ДетгизЛен насчет сборника ПХХПВ+М. Дело движется, хотя и медленно. Обещают скоро начать расклейку. Рисунки то ли готовы, то ли будут готовы вот-вот. Художник тот же, что в «Талисмане».

7. Читаю ребятам ГО. Еще не кончил, так что обсуждения не было пока, но вроде бы нравится. Эх, всё мы неправильно делаем! Нам надо сейчас вообще исчезнуть, перейти на псевдоним, зарабатывать деньги таким образом и писать потихоньку ГО. Это я к тому, что зря мы затеяли с «Авророй». Придумывается трудно. Синяков и шишек будет в изобилии, а денег — вше на лапу.

8. Один ты меня радуешь. Уверен, что с МиП-С будет всё ОК, и, возможно, даже еще 10% дадут. Ты там особенно не корячься. Важно дать им поначалу общую канву. Все равно заставят, засранцы, всё заново переписывать.

9. Не забывай каждые две недели звонить в ОАП и Межкнигу. Прямо так и запиши на будущее в своей амбарной книге (если ты ею еще пользуешься). Если до сентября опять ничего не пришлют, придется снова писать им, напоминать гадам. Кругом — жулье! Ужас.

10. Насчет похода к Демичеву. Не слишком ли радикально? Страшно, брат. Времена больно смутные, ни хрена не понять. Не посоветоваться ли предварительно с Нинами — с Матвеевной и Сергеевной? С Беляевым как-то всё попроще. Ожидаемого толку, конечно, поменьше, но ведь и возможного риску тоже значительно меньше. То ли сейчас время, чтобы идти ва-банк? Понимаешь, есть что терять, вот в чем беда: договоры с Детгизами, со сценарной студией, с «Авророй», в конце концов. Напомним мы о своем существовании — как это всё грохнут! И вася-кот. Правда, с другой стороны, конечно, ситуация вроде не катастрофическая — видишь, Литературка нас все чаще поминает и каждый раз — без мата. Нет, не знаю. Советуйся брат, советуйся! За Беляева я точно ЗА, а насчет Демичева — советуйся. В ЦК ВЛКСМ бы сходить. Я теперь точно ошшушшаю, что вся МолГвардейская история тянется ТОЧНО оттуда. Неужели нет там ни одного симпатизирующего нам человека?

11. Ехать в Коктебель я намерен 4-го. Черкни еще письмишко, а? До моего отъезда.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке приветы.

Мама благодарит за всё и тоже шлет привет. Она ОК.

Аркадий — брату, 30 июля 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Получил деньги из Лендетгиза — 516 ру.

2. Получил письмо из ОАП с приглашением позвонить насчет гонорара из ВНР. Сегодня буду звонить.

3. Звонил в Межкнигу, нашего Лункина нет, он в отпуск ушел, но, по счастью, оказался наш прежний шеф, Фомин, который работает в Кельне и приехал сюда в командировку. Он обещал пройтись по бумагам и бухгалтерии и выяснить всё насчет наших счетов с ФРГ.

4. По странному совпадению (Фомин никак не связан с США) на следующий же день получил из Межкниги экземпляр «Трудно быть богом», издано в Нью-Йорке издательством «Сибэри Пресс», в серии «Сайенс метафикшн» (в рекламе на задней полосе суперобложки объявлены в той же серии «Непобедимый» и «Рукопись, найденная в ванне» Лема). Само собой, прочитал от доски до доски. Перевод очень неровный, местами — отдельные предложения — имеют прямо противоположный смысл, масса опечаток, но есть места, переведенные очень хорошо. Не знаю, выслали ли и тебе, поэтому пока этот экз оставляю здесь.

5. Вышел номер «Сорэн бунгаку» («Советская литература», яп.). В нем опубликован с незначительными сокращениями наш «Малыш». Денег за это не будет, издание наше.

6. В пятницу (сегодня понедельник) по требованию — вдруг — Соловьева, директора сценарной студии, отнес ему для ознакомления готовую часть МиПа, зван к нему сегодня в полдень для разговора.

7. Один из наших друзей переслал мне адресованное ему письмо югославского переводчика Митора Поповича. Вот выдержка:

«...Я не мог узнать по телефону, что у нас переводили из фантастики Стругацких, но издательство «Карманная книга» у нас издает фантастику. Если есть что-нибудь по размерам печатных листов приблизительно как «Солярис» (его издали именно в этом издательстве), прошу БЫСТРО мне выслать почтой книгу, я должен до сентября подготовить предложение. Я был так оккупирован другими книгами, что не сделал этого в Москве...»

Полагаю сегодня зайти к нашему приятелю и передать ему для Поповича ПнО — выдирку из «Авроры».

8. С Биленкиным и Ревичем еще не встречался. То одного, то другого нет в городе. Буду еще звонить.

9. В Мультстудии ничего. Был у меня в субботу Снесарев, главный редактор. Похоже, у них там опять разгром какой-то.

10. Звонил ребятам в МолГв, они рекомендуют обратиться не к Демичеву на первых порах, а в ЦК ВЛКСМ. Обещали к сегодняшнему дню посоветоваться и определить, к кому там надо обращаться.

Вот пока всё. Если будет не лень, черкни из Коктеёбля.

Адке и Росшеперу привет.

Позвони мамочке, передай мои сердечные поцелуи и скажи, что на днях напишу.

Жму и целую, твой Арк.

У Машки 2-го начинаются экзамены.

Борис — брату, 31 июля 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Спасибо за письмишко. Приятно было получить перед отъездом.

1. Одновременно с твоим письмом пришло здоровенное без адреса (обратного) — некий Н. Бочаров прислал копию своей статьи в Литературку. Называется «Кризис отношения». Парень берет быка за рога и, хоть и неуклюже, но очень толково и напористо объясняет весь кризис в ф<антасти>ке тем, что затирают «ведущих фантастов, общепризнанных фантастов № 1», каковые «почти не печатаются, находятся в опале и перебиваются крохотными повестушками и рассказами, печатаемыми в местных журналах». Очень все свирепо написано, опубликовано, конечно, не будет, да и вообще... того... не было бы хуже. Я таперича пуганый.

2. Купил тут я новый словарь-справочник «Новые слова и значения», изд<ательст>во «Советская энциклопедия», Москва, 1973. Поздравляю вас, Аркадий Натанович! На странице 209 имеем: «КИБЕР, -а, м<ужской>. Кибернетическая машина, робот (в разг<оворной> проф<ессиональной> речи)...» Приятно, правда? Но дальше идет

хуже. Там у них каждое слово сопровождается примерами. Так вот к нашему КИБЕРу примеры у них: 1. Из КомсПравды. 2. Из Анчарова. 3. Из Шефнера. Ссылаются также на Гранина и неких Рубина с Рыжковым. Мать вашу за ногу! В кои-то веки введешь в язык новое слово — и тут же тебя как автора забывают! Нет, этого так оставлять нельзя. Подговори ты там Нуделя, что ли, или Севку — пусть напишут. Нам самим же неудобно. Тебе для памяти: слово КИБЕР придумали мы лично и впервые опубликовали его в рассказе «Забытый эксперимент» («Знание — сила», № 8, 1959 г.). Кроме того, ПЛАНЕТОЛЕТ и ПЛАНЕТОЛЕТЧИК — тоже, по-моему, наше изобретение, хотя здесь я не так уж уверен. Помню только отчетливо, что ты это слово все протаскивал, а оно мне ужасно не нравилось, казалось надуманным. И было это во времена СБТ.

3. Американское издание ТББ получил вчера. Очень удивился. Тоже, конечно, стал читать, но, натурально, не подряд. Одну глупость нашел: это когда Румата в полудреме видит Киру и Анку на высоком доме «в советской России» — это они так перевели «на плоской крыше Совета». Совсем не понял я в выходных данных: при чем здесь МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА?

4. Прочитал Громо-Нуделевское сочинение про Институт Времени. Ах, подлецы, ах, негодяи! Скажи им, что в следующем нашем романе выведем их в натуральную величину. А вообще детектив, противу ожиданий, оказался совсем неплох. К сожалению, слишком быстро становится ясно, что к чему. Однако мотив убийства придуман прекрасно — тут они орлы!

5. То, что ты получил деньги из Лендетгиза — это прямо фантастика! Неужели мой разговор так сильно на них подействовал? Ну и быстрота!

6. Чует мое сердце, что не получить нам 50% ни за мультик, ни за МиП. Но я был бы, однако ж, весьма тебе благодарен, если бы ты прислал мне отчет о своих переговорах с Соловьевым, а равно и в ЦК ВЛКСМ (если), в Коктебель по адресу: Крым, пос. Планерское, Дом творчества писателей.

7. Да! Тут ни с того ни с сего пришло мне на квартиру извещение о почтовом переводе на 44 руб. 42 коп. на имя Воскресенской Елены Ильинишны! Адрес мой, фамилия Ленкина. Завтра пойду выяснять. Наверное, придется им возвращать перевод назад, там будут долго разбираться... в общем, не скоро вы получите эти рубли.

8. Улетаю 4-го утром, возвращаюсь 27-го.

Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленке — привет.

Машке — ни пуха, ни пера!

P. P. S. Не забудь отдать Биленкину деньги. Неудобно же! Кстати, какова судьба письма к Стукалину?

Аркадий — брату, 27 августа 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

Никаких конкретных новостей пока нет.

1. Был у Белы. Сергей ходил к Ганичеву и требовал договора с нами. Ганичев сказал, что в принципе ничего против не имеет, но он еще не прочитал рукописи (а рукопись у него, подлеца, уже три месяца) и сейчас идет в отпуск, а как вернется из отпуска, то прочитает, и тогда будет решать. И добавил в ответ на Сергеевы протестации: «Ждали они два года, подождут еще месяц». С тем все и кончилось. Видимо, дело решится где-то во второй половине сентября. С-с....

2. В Мультстудии ничего нового. Однако Ларин настоятельно рекомендует следующее. Существует положение авторского права, согласно которому, если студия не дала никакого заключения в течение двух месяцев, автор может претендовать на 100%. И чтобы я отправился туда и, переговорив предварительно со Снесаревым, изложил эти соображения прямо директору и потребовал бы от него либо 1) чтобы развернутые

причины отказа дал Комитет, либо 2) чтобы развернутые причины отказа дала Студия, либо 3) чтобы с нами расторгли договор, уплатив нам 100%. При всех обстоятельствах следует сразу после разговора идти в ОАП и просить юрисконсульта начать дело, не дожидаясь результата. Сегодня я намерен говорить со Снесаревым.

3. Если будем встречаться в сентябре, то не раньше, чем в последней декаде. Причины тому чрезвычайно важны, пока рассказывать тебе не буду, а расскажу где-то в середине сентября, когда все останется позади так или эдак.

4. Машка поступила в МИИТ на отделение автоматики и электронно-вычислительных машин (АЭВМ), набрала на балл выше проходного. Так что хоть с этой морокой все кончено.

5. Носил то, что сделал по МиП'у, в Студию. Читал Шлепянов, дал Ц<енные> У<казания>, в результате которых пришлось всё переделывать. Начал снова и написал уже сорок три страницы, почти половину. Но больше в незаконченном виде давать сценарий не буду.

И с тем, кажется, все дела. С Биленкиными-Ревичами так и не встретился, да они и не в городе.

Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

P. S. Мы с Ленкой 23 окт<ября> едем на полный срок в Дубулты.

Борис — брату, 30 августа 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

О боже! О господи аллахе (как любит восклицать мой сын)! Кажется, я наконец дома! Иезус, Мария и Иосиф! Нет, все эти коктебели, крымы, аэрофлоты и тутти-фрутти — не (повторяю НЕ) для белого человека! Ну ладно.

1. Письмо твое меня дождалось. Спасибо. Действуй там по обстоятельствам и, главное, тщись выдрать у равнодушного хаоса 100 процентов (в крайнем разе — 50). Главное, что Машка поступила! Мария — ура! Вив Мари! Поцелуй ей мои и наши и поздравления. Скажи ей, что она — орел.

2. Несмотря на то, что ты ссылаешься на некие серьезные обстоятельства, намерен я все-таки просить у тебя свидания именно в середине сентября. Положение тут складывается такое. Документы в Польшу я получу дней через пять-десять, не раньше. Надо успеть взять билеты, связаться с Иреной и т. д. В общем, получается, что в Польшу я смогу поехать только в конце сентября. А я очень хотел бы повидать тебя и побывать в Москве до поездки в Польшу. Мы могли бы: а). обсудить зМЛдКС — я, конечно, продвинулся чрезвычайно мало и вообще имею серьезные по поводу этой повести соображения, каковые надобно обсудить; б). быстренько подшлифовать МиП-С — на пару мы покончили бы с первым вариантом моментально и эффективно; в). обсудить полученное из Одессы письмо, в коем режиссер Театра миниатюр предлагает нам договор и сотрудничество; г). кроме того, в Москве меня ожидает некое филателистическое приключение, в котором я хотел бы принять самое деятельное участие. Исходя из вышеизложенного (а также из простого человеческого желания встретиться с братом и потрепаться за стаканом чая-виски), предлагаю на твое рассмотрение следующий вариант: я нагрянываю к вам числа 8–10-го, десяток дней мы с тобой эффективно работаем, поглощая по вечерам огромные порции чая-виски, а потом я качу в Польшу и мы снова встречаемся, уже для основательной работы, в Комарово где-нибудь в первых числах октября. А? Отпиши свое мнение срочно.

3. Получил за этот месяц кучу писем (11 штук). Блок Румынский просит прислать ОО (раз уж не можем мы раздобыть ему ТББ). Эрик Симон из ГДР сообщает, что в Познани в сентябре состоится Второй консультативный симпозиум фантастов, и спрашивает, кто из совфантастов поедет туда. Совершенно случайно я узнал, что от

Ленинграда послали на утверждение в Москву Брандиса, Дмитревского и Шалимова. Москва утвердила Шалимова. Тот же Симон приводит смешной пример переводческого ляпа в фрговском издании ТББ. Кусок «...перекошенную животным ужасом, всегда такую незаметную, бледненькую физиономию дона Рэбы...» был переведен так: «...всегда такую незаметную бледную физиономию дона Рэбы, теперь полностью разъединенную вонючими комарами...» Симон пишет, что таких ляпов несколько, но в общем перевод неплохой и имел, по его сведениям, успех у читателей ФРГ и Австрии. Ленинградский Дом композиторов предлагает мне выступить перед композиторами, обожающими наше творчество. Есть и трогательные письма от поклонников.

Вот пока и всё. Жду твоего ответа. Крепко пожимаю ногу, твой [подпись].

P. S. Поцелуй Леночке и орлу-Машке.

Борис — брату, 18 ноября 1973, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Ну, надеюсь, вы с Ленкой в добром здравии и вновь готовы к бою.

1. Звонил я в Комарово. С 20 ноября дом встает на ремонт. Так что придется искать нам с тобой другое пристанище. Давай свои предложения. Я в общем готов приехать, как и договаривались, — числа первого. Срочно отпиши.

2. У меня теперь новый телефон: 91–37–55. Запиши в свою книжечку.

3. Был я в «Авроре», говорил с Островским насчет МиП и отсрочки. Договорились. Теперь надо представить рукопись в начале марта, не позже. Поднатужимся?

4. Разыскал на «Ленфильме» с Лешкиной помощью окончательный вариант ДоУ-С. Перепечатал вот и завтра отправлю Ирине. И да поможет нам бог.

5. Получил любопытное письмо от Эрика Симона из ГДР. Он находится в переписке с эдитором изд<ательст>ва «Инзель» г<осподи>ном Роттенштейнером. Так вот «Понедельник» они там собираются издать весной 74-го, а УНС — в конце 75-го или в начале 76-го. Не торопятся, я бы сказал.

6. Котляр снова лягнул нас в «Октябре». На этот раз ляг получился какой-то совершенно уж бредовый — этот кретин обвинил нас в том, что мы всегда выступали против художественной фантастики во имя фантастики как приема. Впрочем, в основном удар направлен там не против нас, а против Альтова.

7. Письма в Марион фон Шредер я так и не написал. Понимаешь, я снова проглядел всю переписку, и у меня создалось впечатление, что они переводят деньги точно в конце года, а поэтому пиши — не пиши... Главный же препон в том, что я не нашел пока материала для содержания письма. Надо же как-то и декорум соблюдать.

8. В общем, жду от тебя письма со следующей информацией:

а. где и когда встречаемся;

б. как дела в кино;

в. как дела в МолГв;

г. как дела в Межкниге;

д. как дела с мультотом (суд); (М<ежду> п<рочим>, Мишка мне рассказывал, что читал недавно где-то интервью Котеночкина, где тот заявлял, что бросает «Ну погоди» и начинает снимать сценарий Стругацких.)

е. как дела в Детгизе.

9. В нашем Детгизе ничего особенно нового нет. Редакторшу так пока я и не поймал — она на пенсии и бывает в редакции нерегулярно. А Брандис знает только, что очередной фантсборник стоит на месте, ибо они ждут нашу новую повесть (МиП).

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет!

А подарочек-то тебя ждет-с! Ужо привезу.

Аркадий — брату, 23 ноября 1973, М. — Л.

Дорогой Борик!

Письмо твое получил, отвечаю по пунктам.

1. Ближайшие две недели я буду zelo занят здесь в связи со сценарными делами. Далее, я очень хочу приехать на несколько дней в Ленинград, повидать маму и обсудить с тобой некоторые технические детали работы над МиПом. Далее, как там договоримся, так и будем действовать — у тебя, или на нейтральной земле (напр. в Дубултах — условия отличные), или у меня. Здесь тебя готовы принять с радостью, но я очень боюсь за Ленку, она же не выдержит и примется таскать после работы всякие тяжести, а это ей абсолютно противопоказано. Итак, я намерен приехать в Ленинград десятого-двенадцатого.

2. В кино дела такие: я кое-что подправил в первоначальном варианте МиПа и сейчас должен новый вариант перепечатать и сдать. Это к первому декабря. Душанбинский сценарий написал, сейчас бешено перепечатаваю в четырех экзах, одновременно саморедктируюсь. К концу месяца должен выслать в Душанбе все четыре.

3. В МолГв никакого почти движения. Усилиями редакции нас втиснули в план 75-го года, сейчас план пошел на утверждение в ЦК ВЛКСМ, что из этого выйдет — неизвестно. Бела советует снова написать Беляеву и попросить поддержку на этом этапе. От Ганичева, естественно, ни слуху ни духу. Можно изойти в письме Беляеву из этого. Был бы тебе благодарен, если бы ты набросал проектик письма и прислал мне, а то я очень занят.

4. В Межкниге движения никакого.

5. «Мультфильм» платить отказался, прислал на нас контржалобу. Дело пойдет в суд. Их жалобу на комментирование пришлют мне дней через десять.

6. В Детгизе дела ничего. «Мир приключений» сдали в набор, а договор с нами Камир заключать воздерживается. Нина требует, чтобы я шел к Ильину. А мне не хочется.

7. Котляра в «Октябре» читал. А вот читал ли ты статью в № 11 «Вопросов литературы»? Там про нас очень лестно говорят. Хотя ставят на одну доску с Азимовым и Каттнером, что мне претит.

8. В Дубултах встретил громадного гризлиподобного мужчину, который откомендовался твоим другом, назвался Юрием Давыдовичем и был все дни пьян. Потом приехал Торопыгин и тоже был пьян.

Вот все дела.

Еще раз прошу проектик письма Беляеву — слезницу, что-де научены горьким опытом, не можем больше доверять руководству издательства, просим вступить. А впрочем, можешь и не писать. В Беляева я тоже как-то не верю. Ну их всех.

Привет Адке и Росшеперу.

Жму, обнимаю, твой Арк.

Борис — брату, 29 ноября 1973, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

1. Прямо скажем, ничего не понял из твоего письма по части того, ГДЕ и КОГДА мы будем работать над МиП. «Повидать маму и обсудить некоторые технические детали работы над МиПом» — это, конечно, прекрасно, но дело в том, что нам некогда теперь уже обсуждать детали работы, нам надо работать. МиП ждут в «Авроре» — раз и в Лендетгизе — два; и там и там — в начале марта. Следовательно, нам осталось три встречи: декабрь, январь и февраль (плюс понадобится еще какое-то время на перепечатку). Поэтому нам нужна сейчас полная определенность. Если у тебя работать нельзя — напиши. Тогда жду тебя 10–12-го, но не обсуждать детали, а просто вкалывать до тех пор, пока не кончим черновик (думаю, что за 10–12 дней управимся). Жить будешь

у мамы, а вкалывать будем у меня. Это не слишком удобно, но за неимением лучшего... Короче говоря, немедленно и точно напиши свое решение по этому вопросу. (Дубулты — вещь, по-моему, нереальная сейчас; может быть, в январе или феврале?)

2. Если встречаться будем в Ленинграде, свяжись, пожалуйста, с Севкой за несколько дней до своего отъезда. Он передаст тебе марки для меня, ты их привезешь, и я буду в восторге. (Только не ссылайся, умоляю, на чудовищную загруженность — операция встречи с Севкой вряд ли займет у тебя больше двух часов, считая с дорогой.)

3. Тут на меня напал из-за угла Дмитревский — требует что-нибудь для ленинградского сборника фантастики, который они наконец, кажется, пробили в Лениздате. Я сначала отослал его разбираться с Брандисом, которому обещан МиП для лендетгизовского сборника, а потом подраскинул мозгой и меня осенила гениальная идея. Я предложил ему главу (3 а<вторских> л<иста>) из неоконченного фантомана, который мы пишем вот уже два года, написали 4.5 главы, а кончить всё не можем, так как приходится все время зарабатывать деньги. Третья глава под названием, скажем, «Переворот» — коротенькая врезка, объясняющая в общих чертах ситуацию, то, се... В общем, он был очень доволен. А как твое мнение? Почему бы нам не заработать по 900 на рыло? Работы практически никакой, только небольшая правка и расходы на перепечатку. А?

4. Как так — в Межкниге никакого движения?! А что это ты маме писал насчет шведов и УнС? Отпиши поподробнее!

5. О статье в «ВопЛи» слышал. Краем уха. Знаю только, что Гор жаловался Брандису на автора статьи: зачем-де он восстанавливает (сталкивает с? противопоставляет?) Стругацких против него, Гора. Там, действительно, есть что-нибудь в этом роде?

6. К Ильину тебе по поводу договора идти не хочется. А лапу тебе сосать, жопой закусывать — хочется? Впрочем, тебе виднее. Отнюдь не настаиваю.

7. Гризиподобный мужчина — не Юрий Давыдов, а Сергей той же фамилии. Он поэт (можешь себе представить?). Он мой друг в той же степени, что и твой — неоднократно мы все вместе проживали в Комарово. А был ли ты достаточно мил с Торопыгиным? Помнил ли, что он главред «Авроры»? И вообще, говорят, мужик не вредный.

8. Сейчас, отодвинув машинку, полчаса обдумывал письмо к Беляеву. Ничего приличного не придумал. О чем, собственно, мы сейчас должны его просить? На что жаловаться? Повесть включена в план, утверждается план не дирекцией, а Цекамол... Просить его воздействовать на Цекамол? Но с какой стати? У нас все-таки с ним не такие отношения, чтобы просить о таких вещах. А жаловаться пока вроде бы не на что. Не можем же мы писать: у нас есть подозрение, что в Цекамоле нас не любят и зарубят сборник в плане — помогите! Как-то все это несерьезно. Или я ошибаюсь? Нет, я понимаю, если бы Цекамол УЖЕ зарубил бы сборник — тогда было бы ясно, что писать и на что жаловаться, а так... Не жаловаться же нам, что директор нас не принял и не ответил на наше письмо? Ситуация ведь какая (с точки зрения Беляева): я на ваше письмо отреагировал? Отреагировал. Дирекция меня послушалась, в план вас включила? Послушалась, включила. Чего же вам еще надобно, старче? Чтобы я в Цекамол звонил, за вас бы там хлопотал? А чего ради и почему? Что я — нанялся вам ваши делишки проворачивать? Несерьезно. Вот будет реакция Цекамолы — тогда посмотрим. Не знаю, не знаю... Честно, я ничего толком придумать не сумел.

Вот пока и всё. С категорическим приветом, твой [подпись].

P. S. Ленуське привет!

И Машке.

P. P. S. Да отвечай поскорее! А то у меня после твоего письма все планы к черту полетели — договаривались же работать в первых числах декабря! А теперь ничего не понятно.

Аркадий — брату, 7 декабря 1973, М. — Л.

Дорогой Борик.

Как тебе, возможно, уже доложил Дмитриевский, наша встреча опять срывается. Лечу за золотым руном. Пока и отсюда дело представляется вполне перспективным: они должны представить сценарий в госкомитет по телевидению в Москву 15 января, так что принять от меня полностью сценарий должны в первых числах января. Иначе им карачун. Невыполнение плана, простой и т. д. Возможно, застряну в Душанбе до начала января и впервые за десятилетия не буду встречать Новый год дома.

Сразу по возвращении будем встречаться. Скорее всего, работать будем у меня, но мне все-таки хотелось бы побывать в Ленинграде и повидаться с мамой, я по ней сильно соскучился. Однако, если Ленкино здоровье не выправится к этому времени, надо искать иные пути. Впрочем, элементарный путь всегда есть — Андрей Копылов и Ким Терман по-прежнему готовы предоставлять мне ночлег на любое время. Конечно, лучше было бы самостоятельно, например, в тех же Дубултах. Ладно, посмотрим.

За повесть не беспокойся, успеем хорошо. Конечно, лучше было бы, если бы ты набросал черновичок к моему приезду, но, зная твоё отвращение к отдельному труду, я на это слабо рассчитываю. На днях перечитал начало — ничеГё, полагаю, краснеть не придется.

Вчера пошел к Ильину. Просидел, как холуй, в прихожей полтора часа — не удостоился. Всё заходили к нему чивилихины, рекемчуки и прочая аристократия, каким-то вдовам устраивали отдельные квартиры, до нас ли ему! Но нет худа без добра. Встретился с Севером <Гансовским>, и мы отлично помирились. Тут же был Дмитриевский, нес высокопарную чушь. Свысока говорил с Севером, выразил сожаление, что не может его у себя печатать, поскольку Север — не ленинградец. Тут я взвился. Схватил Севера за руки, задрал ему рукава, ткнул Дмитриевского носом в эти страшные шрамы от разрывных пуль. «Это, — кричу, — где он заработал? Кто из вас больше ленинградец?»

И представляешь, Дмитриевский пришел в восторг! Тут же стал расписывать, как он обо всем этом распишет в предисловии...

Теперь о новостях.

1. Со слов Севки и Димы <Биленкина>, Бела и Жемайтис совершенно уверены, что наш сборник в 75-м году таки пойдет. У меня с тех же слов этой уверенности нет.

2. Главу из ГО Дмитриевскому дать можно, только вряд ли он ее возьмет. Судя по его словам, он представляет нечто вроде штурма Зимнего дворца. Знамена, лозунги и проч. Ну что ж, попытка — не пытка. Попробуем двинуть.

3. Шведы обычным порядком через Межкнигу заключают с нами договор на УнС. Самое любопытное тут — что экземпляра для перевода не просят. Этот пункт тщательно вычеркнут из официального послания Межкниги.

4. Сегодня Эстония прислала просьбу на разрешение перевода «Отеля». Разрешение высылаю.

5. На все гонорары вводится новый налог — на содержание комитета по Женевской конвенции. Изрядный налог, хотя конкретно еще ничего не известно.

6. Насчет МиП(с). Звонил Шлепянову. Он еще не читал. И никто еще, насколько он знает, не читал. Обещал оттягивать худсовет до моего возвращения из Душанбе.

Вот примерно все новости. Да, Севка сказал, что насчет марок он персонально с тобой состоит в переписке. Когда мы назначали встречу, я попросил его привезти марки, но тут пришла телеграмма из Душанбе, так что это дело сорвалось.

Обнимаю, целую, твой Арк.

Борис Стругацкий Письма матери, 1973

Борис — матери, 6 августа 1973, Коктебель — Л.

Дорогая мамочка!

Итак, мы в Коктебле. Добирались с мучениями: никак не могли попасть из Симферополя в Коктебель. Здесь нам дали номер, не бог весть какой, но жить можно. Вчера совершили первый поход. Я обгорел сильно, Адочка слабо, а хитрый Андрюшка совсем не обгорел. В походе он держал себя неплохо, чем очень нас порадовал. Сейчас сидим в номере, благо тут пока тень, отдыхаем после вчерашнего. Фрукты на рынке есть и по умеренным ценам. Особенно хороши вишни и персики. В столовой кормят прекрасно — вкусно и много, — Коктебель этим славится. Проблема обратных билетов пока не решена; мы записались в очередь, но когда будут билеты и что это будут за билеты, пока не ясно. Боюсь, что обратный путь будет еще утомительнее. Как только получим билеты, напишу тебе снова. А пока крепко целую, твой [подпись].

Привет от Адочки.

Борис — матери, 17 августа 1973, Коктебель — Л.

Дорогая мамуся!

Наконец-то пришли от тебя вести, а то я уже и беспокоиться начал. Большое тебе спасибо за все. С огромным наслаждением я прочитал и перечитал твой «дневник» — это ты здорово придумала. «Болячки» твои, конечно, меня беспокоят, но, надеюсь, это только «русский барометр».

Каляма не томи (и сама с ним не томись) — выпусти, пусть гуляет, ничего с ним не стряется. То, что он начал писать где попало — верный признак: пора. Обязательно заберись в большой книжный шкаф — там масса журналов: и «Природа», и «Знание — сила», и «Иностранная литература». А в секретере внизу — предыдущие номера «Америки».

Аркашка и мне не пишет, хотя, вроде бы, и обещал. Думаю, что это не есть дурной признак. Наоборот, если бы Машка уже завалилась, он бы написал. А раз не пишет, значит экзамены идут своим чередом, и ничего еще не ясно.

О нашей жизни Андрюха тебе написал довольно подробно. Могу добавить только, что каждый почти вечер мы смотрим кино. Некоторые фильмы хороши — например, французский «Профессиональный риск».

Времена, когда эвакуатор «легко и без хлопот» доставал билеты, давно миновали. Ты не представляешь, что такое Крым сегодня. Чудовищные толпы, все загажено, везде очереди, ничего не хватает. Там, где раньше были пустынные пляжи (в 1968 году), теперь — суп с клецками. Так что сейчас в Крыму ничего нельзя достать «легко и без хлопот».

А в общем здесь неплохо. Сейчас мы уже пришли в норму и даже уже начали понемногу облезать. Теперь будем много и далеко ходить, это всем нам полезно.

А ты там береги себя, плюй на все и сохраняй полное спокойствие.

Еще раз спасибо за чудесные письма, твой [подпись].

Большой привет от Адочки.

Из Киева тоже было письмо — там все в порядке.

Борис Стругацкий Письма супруге, 1973

Борис — супруге, 17 мая 1973, М. — Л.

Дорогая Адонюшка!

Вот уже и полсрока миновало. Скоро увидимся.

Дела у нас идут. Правда, вместо того чтобы вплотную взяться за новую повесть, мы вынуждены были заняться совсем другим, но такова се ля ви! За это время мы написали последний вариант сценария мультяшки, ответили на кучу важных писем и вот только сегодня закончили правку молодогвардейского сборника по замечаниям редакции. Всего было учтено 170 разнообразных мелких замечаний плюс несколько крупных (для чего пришлось написать дополнительно страниц пять-шесть текста). В общем, вся эта мура позади. Теперь слово за редакцией. Договор на стол, господа! Договор! Эх, если бы это зависело ТОЛЬКО от редакции!

Завтра рассчитываем засесть-таки за новую повесть. Если бы удалось написать хоть страниц 30, я бы уже был доволен. Главное, как известно, начать.

Из знакомых видели пока только Юру Манина. Сегодня приглашены вечером к Ревичу, завтра — к Мирерам. От прочих приглашений было решено отказаться. Есть, конечно, слабая надежда сбегать в «Пекинчик», но...

Как вы там без меня? Как Андрюха? Передай ему, что все время просматриваю монеты, но пока абсолютно ничего интересного не обнаружил. Проследи, пожалуйста, за его алгеброй и геометрией. Ох, представляю себе, как он там без контроля лоботрясничает — небось по всем предметам уже трояков нахватал. Ну, Андрюха, погоди!

Маленькая моя, ты уж там как-нибудь. Приходи, что ли, пораньше, потом отработашь. А я тут очень по тебе скучаю (и по Андрюхе тоже), хотя, казалось бы, и времени-то скучать, вроде бы, нет. («Хоть причины не скучать очень даже есть...») Ладно, теперь уже скоро. Аркашка попробовал было подъехать ко мне, чтобы я сдал билет и взял другой — попозже: мол, надо сделать то-то и нанести такие-то визиты, — но я ни в какую.

Целую крепко тебя, а Андрюхе жму его тошную ногу, ваш [подпись].

Передавай привет ребятам и звякни маме. Мы ей посылаем письмо одновременно, но мало ли что...

И еще раз целую и жму.

Борис — супруге, 12 сентября 1973, М. — Л.

Дорогая Адонюшка!

Итак, я в Москве. Обстановка не слишком веселая. Ленка в больнице, ждет операции. Подозревали у нее рак, но потом выяснилось, что опухоль вроде бы доброкачественная. Аркашка, конечно, здорово перенервничал, но сейчас ничего, оклемался.

Живем вдвоем. Машка перебралась на это время к бабушке. Сами варим и жарим еду. Вчера приходил Юрка Манин, сварил нам гречневую кашу-размазню. Вера Мирер снабжает нас котлетами. В общем — живем.

Работа идет понемножку. В основном корпим над сценарием МиП, но сегодня вот начали писать статью для Литературки.

Были в гостях у Миреров, провели очень приятный вечер. Вера показывала камни, которые они в этом году собрали на Кавказском побережье. Приперли 26 кг! Говорят, что там весь берег усеян агатами и яшмой, и никто об этом не знает.

В воскресенье вечером, вероятно, встретимся с Ревичами и Биленкиными. Ревич своего старшего сына женит, со свадьбы будут потрушины, поедем.

Не забыла ли ты: а) получить злотые, б) справиться о билете и послать Ирене <Левандовской> телеграмму, в) купить для Ирены цветной бархатной бумаги?

Как вы там? Андрюшка пусть не бездельничает, пусть готовит пятерки. Без пятерок мы ему ничего не привезем из Польши — пусть знает.

Позвони маме, расскажи ей вкратце, как мы и что. Скажи, что будем ей писать, когда получим от нее письмо.

Вот пока и все. Крепко тебя целую, моя маленькая, твой [подпись].

Андрюхе привет!

Р. S. Лекарство для Натальи <Свенцицкой> я Аркашке заказал, но никакой уверенности нет.

Арк передает привет!

У него теперь есть телефон! 434-71-51.

Борис — супруге, 12 октября 1973, М. — Л.

Дорогая Адошка!

Сегодня ночью мне приснился страшный сон. Мы были с тобой на каком-то невообразимом празднестве — фейерверк, музыка, драки, пьяные юнцы, играющие в карты, одурманенные наркотиками, воюющие под гитары, пристающие к нам, злобные, жалкие, — а потом ты вдруг пропала, всю ночь я искал тебя, праздник уже кончился, все разошлись, а тебя все нет, и я проснулся, как от удара в сердце, и долго потом не мог заснуть.

Все ли у вас ладно?

Мы работаем. Написали уже полтора листа. Получается не так чтобы хорошо, но и не совсем уж плохо. Леночка чувствует себя прилично, хотя иногда у нее вдруг начинает болеть шов. Все, что мы привезли из Польши, понравилось и пришлось впору. Благодарят.

Был Юрочка Манин. Была Вера Мирер. В понедельник придут, наверное, Ревичи с Биленкиными. Уезжать я намерен либо в следующее воскресенье 21-го, либо в понедельник 22-го. Еще не знаю. Возьму на неделе билет — телеграфирую.

Издательские дела плохи. МолГвардия не мычит, не телится; попытались мы встретиться с директором — он нас не принял, сославшись на занятость. В Детгизе работает какая-то комиссия по проверке, все дела заторможены, договор на переиздание отложен подписанием на неопределенное время. «Мультфильм» расторг с нами договор, Аркашка подал на них в суд. В общем, назревают дурные времена.

Как дела у Андрюхи? Контролируешь ли ты его, как договорились? Ты уж, пожалуйста, займись этим. Потом я приеду и чуть ли не два месяца буду с ним возиться, а сейчас — ты. И передавай ему привет.

Маме Аркашка написал, говорит, позавчера, но ты ей позвони и передай, что все боль-мень благополучно.

Крепко тебя целую, твой [подпись].

Всем ребятам привет. Слушай, а может быть, вы с Чистяковым и Витенькой <Новопашенным> перевезли бы пока Энциклопедию, а?

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Рабочий дневник, 1971–1987

26.02.1973

Арк приехал в Л<енингра>д.

Думаем над мультяшкой и над продолжением ПвК.

3.03.1973

Арк уехал.

[Запись БНС между встречами]

Возможные сюжеты:

1. «Рукопись, [«найденная» — вычеркнуто] обнаруженная при странных обстоятельствах».

Дневник чел<ове>ка, которого принимают за пришельца. Он пишет в дневнике роман о машине, перебрасывающей в будущее, как о собственной судьбе.

(М<ожет> б<ыть> — детектив об исчезновении человека; появившаяся и исчезнувшая телефонная будка; дневник обнаружен на Марсе.) О жажде необычайного у людей.

2. «Новосел». См<отри> выше.

3. «Мальчик из преисподней». Его спасают, когда он ранен; держат в интернате; он увлекает ребят на свою планету, и там — убийство.

4. «[«Отпуск» — перечеркнуто] Июль с пришельцем». Пришелец-турист вперся в детскую. Продавец, ничего не знает, жалкая личность, запуганная, боится подслушивания. Запах духов. Милиция (из-за соседней квартиры). Дворник. Соседи. Гости. Подозрения. Проблема питания. Мучения без всякой научной пользы.

5. «Риф Октопус» [исправлено на «События на рифе Октопус»]. См<отри> выше. Идея: снижение уровня мотивации.

	РОпСО	Н	МиП	ИсП	СнРО
Разработка сюжета на	4	2	5	4,5	5,5
Повесть может получиться на	7,5	7,0	6,5	6,5	7,5
[среднее]	5,8	4,5	5,8	5,5	6,5
Вероятность опубликования	> 1/2 6	< 1/2 4	>> 1/2 8	> 1/2 8	1/2 5
Годность для Детгиза	0	1	1	1	0
Желание писать	6	2	4	6	6
2 х	3	4	8	5	2
Способность писать	7	3	4	8	7
2 х	4	5	7	7	7
Общ<ая> необходимость писать	4	4	2	3	5
1 х	6	5	7,5	5	7
	17	9	11	17	18
	13	14	22,5	17	16
	30	14	20	31	31
	20	23	37,5	29	25
	6,0	2,8	4,0	6,2	6,2
среднее	15,0	11,5	16,8	17,0	17,0
	25,0	18,5	28,8	30,0	28,0

Ср<едний> балл:

5.7	4.3	3.0	4.7	3.7	7.5
6.0	4.0	2.8	4.6	4.0	7.5
5.0		3.8		5.6	
5.0		3.7		5.8	

23.04.73

Арк приехал писать заявку в «Аврору».

1. «Фауст, XX век». Ад и рай пытаются прекратить развитие науки.

2. «За миллиард лет до конца света» (до Страшного суда).

Диверсанты.

Дьявол.

Пришельцы.

Спруты Спиридоны.

Союз Девяти.

Вселенная.

а) Явления чисто бытовые, вполне вероятные: соблазнительная подруга жены.

б) Явления бытовые, но чрезвычайно маловероятные: коньяк в холодильнике.

γ) Явления мистического плана: привидение.

δ) Явления н/ф плана: пришельцы, замедление хода времени.

ε) Явления внецелевые: кусок мяса.

Motto¹: наш долг перед человечеством, а не перед Вселенной.

Заявка

Предлагаем вашему вниманию новую фантастико-приключенческую повесть «За миллиард лет до конца света» (название условное).

Действие повести разворачивается в наше время в одном из крупных городов Советского Союза. Герои повести — молодые ученые, специалисты в практически не связанных между собой областях науки. Каждый из них, работая в своей области, стоит на пороге небезынтересного (хотя и не блестящего) открытия. И тут все они начинают ощущать себя в центре каких-то странных, зачастую фантастических событий. Проходит немного времени, и они осознают, что какая-то мощная сила старается помешать им закончить работу. Сопоставляя свои наблюдения и догадки, они приходят к выводу, что работа каждого из них является частью некоего надвигающегося открытия огромной важности, и этого открытия боятся и не хотят представители иного, нечеловеческого разума. Преодолев (не без потерь) все трудности, наши герои не только заканчивают свою работу, но и, обративши зло в добро, вплотную принимаются за поиск этой неведомой, но уже витающей в воздухе идеи, которая, может быть, поднимет человечество на новый уровень знания и могущества.

Повесть видится нами как увлекательное, полное загадочных происшествий повествование. С другой стороны, это будет рассказ о неизбежности и неостановимости научно-технического прогресса, о мужестве и бесстрашии настоящего ученого, о верности его долгу перед человечеством.

Ожидаемый объем повести — 7–8 авторских листов. Рукопись может быть представлена в ноябре-декабре 1973 г.

23.04.73

— Камень свалился с моей души... и застрял за пазухой.

24.04.73

Сделали заявку в «Аврору» на ЗМЛДКС.

Баба (подруга жены с запиской; оч<ень> соблазнительная).

¹ Здесь: девиз (англ.).

Коньяк в холодильнике.

Странное (само)убийство соседа.

Странное поведение следователя (Кафка).

Дьявол: копыта на подоконнике.

Агент Союза Девяти.

Агент пришельцев.

Внезапное повышение по службе, требующее отказа от работы.

Коллекционерские находки (монеты, марки).

Нашествие сладострастных баб.

Фальшивые идеи (Ньютон — пойман на Апокалипсис; Ферма никогда не доказывал своей теоремы, почерк не его).

Телефонные звонки (телефон соединился с бюро разных справок).

Подкинут мальчика, 4-х лет («Больше воспитывать не могу, воспитай сам»).

Застрял в лифте.

Раздражение — удивление — страх — I понимание (все это не случайно) — ужас, поиск поддержки.

Губарь — электронщик, знакомый Вайнгартена, 29 л. Захар Захарович, бабник.

Малянов — 1-е лицо, астроном. Дмитрий Алексеевич.

Вечеровский — математик. Филипп Павлович.

Лубнева Софья Марковна — баба.

Вайнгартен — биолог, генетик. Валентин Анатольевич.

Глухов — лингвист-историк, знакомый Губаря. Владлен Семенович.

Снеговой — сосед убитый, физик из ящика. Арнольд Петрович.

Малянов Дмитрий Алексеевич, астроном, 30 лет, кандидат наук, Институт теоретической астрофизики, м<ладший> н<аучный>с<отрудник>, 170 р. в месяц, рядовой науки, без собственной темы, на подхвате, озарен темой «Распределение плотности в газопылевом облаке под воздействием звезд разных светимостей». Жена и ребенок у родителей жены в Одессе. Жена работает, в отпуске (она из того же института). Отец погиб, мать живет у брата в этом же городе. Хобби — фотослайды. (Обнаружил в своей слайдотеке снимки, кот<орых> никогда раньше не видел.) Похож на [«Севку Ревича» — вычеркнуто] Б. Н. С.

Жена — Ирка.

Сын — Бобка.

Вечеровский Филипп Павлович, математик, учился вместе с Маляновым в матмехе, 30 лет, доктор наук, профессор университета, тема — ?, разведен, купил квартиру в этом кооперативе. Родители в другом городе. Хобби — Брассанс, Пит Сигер и десятки др<угих>, крутит на магнитофоне, и поэзия. Похож на Шилейко. Читает стихи, хе-хе-хе, чисто физиологическое удовольствие — довольное уханье уэллсовских марсиан, когда они напиваются кровью.

Вайнгартен Валентин Анатольевич, биолог-генетик, учился вместе с Маляновым в школе, 5 лет на одной парте, 30 лет, кандидат, без пяти минут доктор, работает в Институте защиты растений АН, зав<едующий> отделом (изранец), женат, двое дочек. Страстный коллекционер марок, монет, значков, пуговиц, а также кактусов. Похож на Громова: преждевременно постаревший, почти лысый, горбоносый, очень болезненного вида, тощий, но с брюшком. Привычки: у всех спрашивает «покажи мелочь», грызет обгорелые спички, очень язвительен, полностью под каблуком жены, в науке — фантастический эрудит, знает всю биологию. Сын очень крупного биолога.

Губарь Захар Захарович, электронщик, одно время учились вместе с Вайнгартеном на биофаке, 30 лет, МНС в ящике, готовит кандидатскую. Холост, большой бабник,

ничего не кончал, а работает где угодно, стал конструктором без диплома а la Мирер или Копылов. Мастерит проигрыватели, карманные приемники, миниатюрные телевизоры. Похож на Ревича.

Глухов Владлен Семенович, италист, познакомился с Губарем в больнице, 40 лет, сотрудник Института Европы, кандидат, разрабатывает тему «Практика и последствия культурного влияния США на Италию. Количественная и качественная оценка», заведует группой, ст<арший> науч<ный> сотрудник. Женат, сын-студент (пьют вместе). Одна из лучших в СССР коллекция детективов (читает только какой-то памятник, малоизвестный широкой публике, и детективы в переводе на итальянский). Пишет в ЛГ статьи о зарубежном детективе, но никто их не печатает. Похож на Томашевского: маленький, курносый, красноглазый, суетливый, в очках, очень не дурак выпить, говорит быстро, готовыми формулировками.

Снеговой Арнольд Петрович, сосед по лестничной площадке, 63 года, физик, работает в ящике, живет один. Большой, грузный, совершенно седой, обожженное лицо. Часто отсутствует — уезжает на несколько месяцев, оставляет ключ Малянову, но ключ никто ни разу не попросил. За 2 месяца очень интересовался работой Малянова, когда работа еще была в математическом тупике.

25.04.73

Арк. занят своими делами.
Б. отвез заявку в «Аврору».

26.04.73

Арк уезжает.

[Запись БНС между встречами]

Именно ему предлагают повышение; приезжает жена, напуганная его письмом, — они вдвоем, в темноте, прижавшись друг к другу, борются со страхом.

Следователь: Кто это там у вас?

Я: Да... так... подруга жены.

Смотрят — а там никого, только Калям, уронивший цветок.

— Гордиться надо, что на нашу работу обращают такое внимание! (Аналогия с писательством.)

Ужас за жену и ребенка. Приезжает жена, получив фальшивое письмо. Он всё скрывает, чтобы уберечь ее от страхов. Она находит лифчик — он вынужден рассказать. Потом всё рвет и пытается забыть.

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Черной речки.

(Б. Окуджава)

«Март великодушный» стр. 110.

И тени их качались на пороге.
Безмолвный разговор они вели,
Красивые и мудрые, как боги,
и грустные, как жители земли.

(Б. Окуджава)

...И вечно в сговоре с людьми —
Надежды маленький оркестрик
Под управлением любви.

(Б. Окуджава)

Кто знает, что ждет нас?
Кто знает, что будет?
И сильный будет,
И подлый будет.
И смерть придет
И на смерть осудит.
Не надо
В грядущее взор погружать...

(Аполлинер) стр. 164.

Потому что век наш весь в черном,
Он носит цилиндр высокий,
И все-таки мы продолжаем бежать,
А затем, когда бьет на часах
Бездействия час и час отстраненья
От дел повседневных,
Тогда приходит к нам раздвоенье
И мы ни о чем не мечтаем.

(Аполлинер) стр. 170.

«Маленький балаган на маленькой планете Земля» А. Белый (стр. 450).
«Сказали мне, что эта дорога...» Стр. 227.

Сила навалилась на человека — мнет, лепит, ломает, плющит, делает то, что хочется Ей, а не ему. Не все ли равно, какая сила? Если она заведомо превышает силы человека. Тля под кирпичом или тля под гривенником. Судьба человека и его борьба — главное здесь.

12.05.1973

Б. приехал в Москву писать ЗМЛДКС, но писать, кажется, придется совсем другое.
Написали письмо Чоличу.

13.05.1973

Думаем над мультяшкой.
Сделали 10 стр.

14.05.1973

Сделали 10 стр.
 Вечером сделали 6 стр.
 И ЗАКОНЧИЛИ СЦЕНАРИЙ НА 26-й СТРАНИЦЕ.

15.05.1973

Сделали мелкие поправки по НВ.

16.05.1973

Сделали крупные поправки по НВ.

17.05.1973

Письмо в МолГв.
 Едем к Ревичу.

18.05.1973

Гл. 1:

а) Калям — рыба, баба, тел<ефонные> звонки, жара, водка из стола заказов, соблазны, белая ночь;

б) тел<ефонный> звонок от Вайнгартена, сосед — разговоры вокруг да около, все напуганы.

Гл. 2:

а) следователь, несколько раз просит документы, читает и каждый раз забывает, убийство, исчезновение бабы, звонок о сдаче преступника;

б) тел<ефонный> звонок от Вайнгартена, опять вокруг да около, спросил почему-то о Губаре. В конце — звонит Вечеровскому.

Гл. 3.

Беседа с Вечеровским. Отпечатки копыт на подоконнике. Вокруг да около, и он вдруг с ужасом замечает, что ведет себя, как вчера сосед. Бежит домой — на кухне Валя Вайнгартен и Губарь, пьют водку. Дверь была открыта. Выясняется, что им мешают. Зовут Вечеровского. Губарь зовет Глухова. Губарь явился с мальчиком-подкидышем.

Гл. 4.

Военный совет. Глухов появляется в середине.

Масса помех житейского типа.

Губарю — [вставлено: «хотел запатентовать изобретение, с этого все и началось»] младенец и засилие девиц, сломал чистый страх (агент Союза Девяти).

Вайнгартену — монеты и марки, его сломила административная должность.

Малянову — семья. Сначала соблазны, неразбериха, затем угроза.

Глухову — разочарование и апатия.

Были у Миреров, вернулись в час ночи.

19.05.1973

Сделали 1 стр.

20.05.73

Сделали 7 стр. (8)
Вечером сделали 2 стр. (10)

21.05.73

Ездили в МолГв. Сдали сборник.

22.05.73

Юрка <Манин>:

Эх, расшибить бы историю лбом бы
В те трогательные моменты,
Когда отцы водородной бомбы
Начинают платить алименты.

(По Киплингу?)

Глянуть смерти в лицо сами мы не могли,
Нам глаза завязали и к ней привели.

23.05.73

Б. уезжает.

[Запись БНС между встречами]

Герой — НЕ Саша Привалов; это человек нашего круга, знающий, критически мыслящий и т. д. (Может быть, сделать его старше — 37–40 лет.)

Текст первых глав — описательный, с юморком, с реминисценциями. Настроение — отчаянная, бесшабашная решимость, когда холодок в груди, но и гордость собой, и интересно, что же будет, и все это — на более подсознательной уверенности, что все кончится хорошо. («Я не бросал это дело потому, что мне смешно...»)

Вайнгартена писать с Лешки <Германа> — большой, толстый, веселый — этаким Фальстаф. Остриг напропалую, все рассказы гротескны... «Нетленка», «Социалка».

20.06.73

Арк нагрязнул в Ленинград по поводу МиП-С.

21.06.73

Продолжали разработку сюжета и эпизодов по МиП-С.

22.06.73

То же. Арк едет за билетом.

23.06.73

Арк уезжает.

Итого: сделали подробную разработку сценария.

[Запись БНС между встречами]

Провести идею: субъективно никто из отступников не отступник. Каждый убедил себя, что поступает не только разумно, но и с пользой для общества и для науки. «Что, черт возьми, важнее: закончить мою работу по анаэробным или как следует организовать работу в новом большом институте». Но в самой глубине души каждый знает, что подлец, трус, отступник.

Дать рассуждения Малянова о своей работе, когда он пытается уяснить, кому она может помешать.

1. Обязательно комментарий для ЛитГаз.

2. Поискать «Сельск<ую> молодежь» (~ июнь, июль 1973-го): Домбровский «Царевна-лебедь».

<...>

10.09.73

Б. в Москве. Работаем над сценарием. Был у Миреров.

11.09.73

Работаем над сценарием. Был Манин.

12.09.73

Работаем над сценарием и комментарием для ЛитГаз.

13.09.73

Раб<отаем> над сцен<арием> и комм<ентарием>.

14.09.73

Закончили комментарий.

Были у Миреров.

Звонили на «Мультфильм» (плохо); в МолГв (неизвестно); в Межкнигу (ничего).

15.09.73

Кейфовали.

16.09.73

Думали о МиП. Принимали Ревича и Биленкина.

17.09.73

Были в Пекине с Маниным.

18.09.73

Б. уезжает.

9.10.1973

Вчера Б. приехал в МСК писать МиП.
Гаг — 16 лет, Бойцовый Кот с 10 лет, дитя трущоб.

1. Война.
2. Город (гостиница).
3. Усадьба Корнея.
4. Робот.
5. Путеш<ествие> по миру.
6. Соотечественники.
7. Лагерь.
8. Попытка удрать на ракетодром.
9. Создание оружия.
10. Взрыв страстей; истерика: «Не хочу!»
11. Возвращение.

Недоверие и страх → презрение (богов можно обвести вокруг пальца).
Противоречие фанатизма: подспудное стремление находить недостатки у богов; удовлетворение, когда бога удастся обмануть. Утилитаризм фанатика: использовать могущ<ественные> силы для личных целей.

В конце — жгучая зависть к ребятам, как они с аппетитом живут и какой он на их фоне увечный.

Развенчание фанатизма оставляет после себя футляр для хорошего человека.
Разрушение фанатизма вовсе не создает цинизма, оно создает голод по идеологии, кот<орая> не дает дороги цинизму.

10.10.1973

Утром сделали 6 стр.
Вечером сделали 2 стр. (8)

11.10.73

Утром сделали 3 стр. (11)
Вечером сделали 5 стр. (16)

12.10.73

1. Декорация. Испытание. (А звезды? А Луна? А язык?)
2. Действит<ельно>, Земля, но Корней — офицер; он меня испытывает. Д<олжна> быть тонкая игра.

3. Всё правда. Но что надо землянам? Почему не отпустили? Хотят завербовать? Завербуюсь — а Корней наш офицер? Вон он какие разговоры ведет про его сиятельство.

Сделали 8 стр. (24)

13.10.73

Сделали 5 стр. (29)

Вечером сделали 3 стр. (32)

Череп человека. Не человека. Разумн<ая> раса — негуманоиды. Никак не договориться. «Мне здесь тоже полагается стоять».

14.10.73

Сделали 6 стр. (38)

Вечером сделали 2 стр. (40)

Чем ты отличаешься от человека?

— Я знаю о себе всё.

Обелиск.

Муштра (строевая).

Политзанятия (в тени обелиска).

Насчет звездолетов.

Насчет информария — чтобы Корней ничего не знал.

Об оружии.

15.10.73

Сделали 6 стр. (46)

Вечером сделали 2 стр. (48)

Написали письмо Ганичеву.

16.10.73

Сделали 2 стр. (50)

А. в Детгиз; Б. за билетами

ПРЕРВАЛИСЬ НА 50-й СТР.

Будем заниматься МиП-С.

Надо:	
стр. 17–18	1. Диалог с Володей о прогрессорах.
стр. 27–28	2. Диалог с Жаком об этнографии.
стр. 31–?	Диалог с Жаком, приводящий к драке.
стр. 35	4. Диалог с Володей о величии герцога; вербовка Володи.
стр. 43	5. Попытка завербовать Жака (хохмы Жака).
	6. Разговор с Галкой — она, оказ<ывается>, водит звездолет. Гай — о Земле.
	7. Бунт. Роль Атоса.

17.10.73

Работаем над сценарием.

18.10.73

А. пишет сценарий. Б. копается в бумагах.

19.10.73

Аналогично. Были у Миреров.

20.10.73

Б. уезжает.

[Запись БНС между встречами]

Надо ли общение с ребятами? Как бы без этого. М<ожет> б<ыть> — ввести внука?

24.11.73 предложил Дмитревскому главу из ГО (Ш). Он рад.

«Костер» просит чего-нибудь. Дать им «Погоню в Космосе»?

«Возвращение», II изд<ание> для американца.

Кот — Элегант. Пес по фамилии Верный, он же — Верка. А мальчик — вундеркинд, почитывает «Кубические формы» Ю. Манина (цитаты), очкарик, любит петь, когда моет посуду, Высоцкого. 12 лет в восьмеричной системе счисления; цитирует труды Иллича-Святыча.

Повесть представляет собой рукопись дневника мальчика с добавлением из регистр<ующей> аппаратуры робота. Некоторые страницы показаны спецам — «спец почесал ногтем седую бровь и молвил: “Как вам сказать...”» — после чего страница опущена. (Рассуждение о контрапункте кошачьего пения.)

Кот по утрам, вернувшись со спевки, стирает перчатки.

Пса учат за едой не сопеть, не чавкать и пользоваться ножом и вилкой. Уходит демонстративно из-за стола и шумно, с обидой, грызет кость под домом.

Аркадий Стругацкий **Дневник, 1971–1973**

2 января 73 г. (вт)

Встреча Нового года была под знаком дикого флюса, доводившего до умоисступления.

Вчера флюс прорвало, были у Ревичей и Биленкиных, Рем <Щербаков> довез домой.

Сегодня был у Ларина. Дал ему письмо Снесареву с просьбой иметь в виду полномочия Ларина на ведение моего сценария.

Надо писать рецензию на «Ура, сына Шама», и не знаю — как. Плохой роман.

Звонил Косаревой, она попросила позвонить завтра в 3.

4 января 73 г. (чт)

Вчера зашел к Антоновичу договориться о радио-антологии. От него звонил к Косаревой, договорились, что позвоню сегодня в 10.00. (Позвонил. Назначила на 2 часа, подъезд 6, эт<аж> 7, ком<ната> 762.)

Еще звонил в Межкнигу. Деньги из М<arion> v<on> S<chröder> — 1330 руб. Выдадут, вероятно, в феврале.

Еще звонил Ларину. Он предлагает представить руководству идею о группе молодых режиссеров под общим руководством Хитрука. Это тот плач, что Хитруку нечего терять, а в случае успеха он прибавит себе славы.

У Антоновича оказался джин, нарзан и апельсиновый сок.

Вечером по условию встретились в ЦДЛ с Яшей Акимом. Конечно, насчет перевода бабушка надвое. Потрепался заодно с Тимуром Гайдаром и Леном Карпинским. Бедняга!

Письмо маме.

Был у Косаревой. Впечатление самое благоприятное. Рассказал: о студии Довженко и ПНвС, о «Мультфильме» и ПвК, о «Мол<одой> гв<ардии>» и нашем сборнике. Прием продолжался 1 час. Просила позвонить в пятницу (12-го). Сама будет на «Мультфильме».

6 января 73 г. (сб)

Были у Громовых. Говорили о моем поступлении в ИМЛ. Звонил дальневосточному руководителю: тот сказал, что насчет диссертации — пожалуйста, а вот насчет штата — трудно. Еще звонил Шилейке и Столперу (режиссеру).

В ИМЛ — в понедельник к 12.00, ком<ната> 5, где встречу Лиду Громову.

С Шилейкой — в среду 16.00.

Столпер приедет в четверг сюда к 12.00.

7 января 73 г. (вс)

С тошнотой написал рецензию на «Ура, сына Шама». Все-таки плохая вещь, не за что даже уцепиться. Пришлось выдумать концепцию. Дешевую притом.

Гостят Натка с Эдиком <Фошко>. Выпили.

13 января 73 г. (сб)

Получили деньги за перевод китайской философии — 220 р., уплатили за квартиру за ноябрь-декабрь.

В ИМЛ ничего не получается. Сучков ничего не имеет лично против меня, но японист ему не нужен. Вчера звонил Марику, он еще держит надежду на Томашевского: только Сучкову надобно представить меня не как япониста, а как спеца по мировой фантастике. Не знаю.

Приезжал Столпер, побеседовали. И только. Ничего конкретного. М<ожет> б<ыть,> он соблазнится на вариант ХВВ. Дал ему сдуру М, С+ВНМ, ОО. Надо не забыть отобрать.

Активные переговоры с Борисом — отменили и январские путевки в Комарово.

Был в Детгизе, отдал рецензию на Войскунского–Лукодьянова. Вика Мальт предложила рецензию на Э. Кондратова — второй вариант его новозеландской повести.

В понедельник ехать в Детгиз. Отвезу рецензию на Кондратова, и Нина обещала ряд рецензий на самотек.

Встречались с Борецким. Утверждает, будто в Киргизии заинтересовались экранизацией «Стажеров».

Звонил Нине Сергеевне <Косаревой>. Пока определилось только для «Мультфильма»: Вальков обещал ей исчерпывающую информацию к вторнику. Буду звонить.

16 января (вт) 73 г.

Вчера вырвал четыре зуба. Теперь на верхней — ни одного. Осталось вырвать три в нижней. Заходил в Детгиз, сдал Мальт рецензию, взял у Нины три рукописи: Киплинг, Подольный, Зубков–Муслин. Позавчера начал читать «Белое кольцо» Арамаки Ёсио. Начало занятное. Посмотрим. Надо ежедневно читать не менее 2 часов, тогда будет толк.

18 января 73 г. (чт)

Вчера вырвал еще два зуба. Всё. Осталось всего три зуба во всем рту, зато, кажется, никогда больше не будет флюсов и серьезной зубной боли.

Пил у Аграновича пиво. Вечером с Ленкой потребляли коньяк. А вообще-то надобно переходить к новому образу жизни. Ужо с понедельника.

22 января 73 г. (пн)

Отвез в Детгиз рецензии на Киплинга, Зубкова–Муслина, Подольного. Самочувствие не на высоте. Завтра к Маркману. Кажется, в следующую среду (31-го) выступлю в Доме ученых.

Да, вернул Аграновичу деньги (50 р.) из полученных за рецензию на Войскунского–Лукодьянова.

24 января 73 г. (ср)

Вчера был у Сановича, посмотрел рецензию Иоффе на статью об Акутагаве. Правильные замечания. Но суть сводится к тому, чтобы сократить статью на 8–9 стр<аниц>. Вернувшись от Маркмана (отнес ему М и ПнО, последний должок) в половине первого, сидел до двух и сокращал. Сегодня с ранья закончил сокращать. М<ожет> б<ыть>, что-то и улучшилось?

Еще был Смагин. Договорились о выступлении в институте Энгельгарта 7 февраля. Деньги на бочку.

Звонил Ларину. Тот сообщил, что Котеночкин якобы согласен (почти) взяться за ПвК. Блеф какой-то.

25 января 73 г. (чт)

Был в МГ у Белы. Отнес ей рукопись. Что за незадача! И никто ничего не понимает, и спросить ведь некого.

Был на «Мультфильме». Говорил со Снесаревым и со Степанцевым. Говорят, дело сдвинулось, ПвК вставили в производственный план 1974 г. Уговаривают Котеночкина.

Написал письмо Борису.

30 января 73 г. (вт)

Вчера наконец развязался с Акутагавой и Сановичем. Он подал мысль: написать «Мифы древней Японии».

Встречался на студии с Котеночкиным, договорились, что 14–15 февраля буду ему звонить.

Сегодня приводил в порядок письма. Был на Бережковке, позвонил в ОАП: из Венгрии ничего, из ФРГ ничего. На книжке тоже ничего.

Завтра выступить в Доме ученых.

31 января 73 (ср)

Выступал. Вместе с Гуревичем и Парновым под водительством Захарченки. Отвратно.

4 февраля 73 (вс)

В Доме ученых встретил Семейко. Сделал и отнес в «Вокруг света» очерк «Кто же все-таки открыл Америку?». Минц и Биленкин читали, им понравилось.

Встретился с Сановичем, договорились попробовать дать в Детгиз заявку на пересказ «Хэйкэ моногатари». Сижу и читаю по японскому литературному словарю про гунки и пр<очее>.

Письма от Бориса и Семейки. От мамы раньше.

6 февраля 73 (вт)

Был на Бережковке, искал, нет ли в сберкассе денег. Нет. Ездил к Гладилину. Забавную историю он рассказал. «Заговор секретариата». Прямо детектив.

Был в ЦДЛ на обсуждении плана Девиса. Обо...ал Немцова. Вечер провели с Белой и Юркой Клюевыми.

Сегодня надо: к моему будущему (?) заведующему отделом и на выступление в ин<ститу>т Энгельгарта.

А позавчера, в понедельник, был: в Межкниге (отдал им ОСиП и «ПнО» в «Авроре»), у Гуревича (взял ГЛ), в Детгизе (денег не дали, взял у Вики <Мальт> 9 р., у Лены <Махлах-Львовской> 1 р.), в Радиокomiteте (говорил с Литвиновым, получил задание написать «Нос<овой> платок») и у Анчарова.

Дико бурная жизнь. Некогда «Хэйкэ» заниматься.

Плохо со зрением: в очках работать не могу, а без очков — нагибаться низко надо. Пишу без очков.

Надо попробовать сунуть на радио «Трижды смертник». Дал телеграмму Борису, пусть вышлет экз.

Аркадий Стругацкий Дневник, 1973–1974

7 февр. 73 (ср)

Радио: 1 стр. — 2 мин. На «Носовой платок» дается 28 мин. Можно попробовать дать передачу по Акутагаве на 40 мин. В 1-м случае своего текста — 6–8 стр. Во втором, естественно, 15 стр. Для передачи на 1 час — 30 стр.

Литвинов Ал<ександ>р Зиновьевич: 2901205.

Радиокomiteт на Пятницкой:

Зайчикова Валентина Михайловна.

д. 2420238.

р. 2336068.

(Рукопись Полковникова.)

Позвонить: 12.00 к Смагину: 1318893.

Еду к Лукину Владимиру Петровичу:

Ленинский пр. 12, кв. <...> М<етро> «Октябрьская».

Позвонить: к Сановичу: 2619588 насчет материалов по «Хэйкэ».

||12-го позвонить Разгону насчет Переводческого центра.

8 февр. 73 (чт)

Воздействие на Арбатова сверху или сбоку: Делюсин, Бовин, Рахманин — по линии ЦК и прежних связей. Арцимович и Миллионщиков — по линии Президиума АН.

Резерв воздействия на изд<ательств>ва:

письмо Маркову Георгию Мокеевичу, 1-му секретарю Союза писателей СССР; копия тов<арищу> Шауро В. Ф., зав<едующему> Отделом культуры ЦК КПСС.

Или звонить: его заместителю Беляеву Альберту Андреевичу, 2062509.

Телеграмма Борису: выслать «Трижды смертник» и 3 экз ПНО («Аврора»).

|| 13-го к Сановичу за «Хэйкэ».

|| 14-го звонить Котеночкину.

Орлов из Главка интересовался ПвК, но Котеночкин выразил желание не давать сценарий, а пойти к Орлову вместе со мной.

Парнов считает, что академическая линия для Арбатова не годится.

Звонили Симонову. Нет уверенности. Симонов запросил послужную справку.

Дана телеграмма Борису, чтобы прислал экз<емпляр> «Трижды смертника» и 3 комплекта «Авроры».

9 февраля 73 (пт)

Закончил «Последнее открытие Рюноскэ Акутагавы» для Литвинова (радио). Хочу отнести сегодня вместе со сценарием ПНвС.

|| 12-го или 13-го зайти к Иоффе. Лучше 13-го после Сановича.

Надлежит написать обзоры-рецензии на № 1 и 2 «SF-магадзин».

Надлежит написать рецензии для Детгиза: Шагинян и Пальман.

|| 15-го с утра к Игельницкой (четверг).

Отвез Акутагаву Литвинову, ПНвС — Красиной.

|| 12-го позвонить Литвинову, как пойдет Акутагава.

|| 15-го вечером встретиться с Литвиновым: шведский фильм.

Говорил с Соней Давыдовой насчет «Встречи миров».

|| На неделе отвезти Давыдовой схему. 12-го ей позвонить, после 12.00.

Дед <т. е. И. Ошанин> договорился с Делюсиным, что тот поговорит с Арбатовым.

10 февраля 73 (сб)

|| Позвонить Лукину насчет Делюсина.

День рождения Екатерины Евгеньевны <Ошаниной>.

Получены деньги от Вайсброта — 100 р.

Получены деньги из Детгиза, взял 120 р., на книжке осталось 35 р.

11 февраля 73 (вс)

|| 12-го съездить к Неизвестному, отдать 100 руб.

Был у Миреров по дороге за картошкой.

Завтра надо:

- 1) позвонить Разгон;
- 2) <позвонить> Литвинову насчет Акутагавы;
- 3) <позвонить> Лукину о Делюсине;
- 4) <позвонить> Давыдовой о «Встрече миров»;
- 5) Отвезти деньги Неизвестному.

Хорошо бы написать рецензии на Шагиняна и Пальмана! Да отвезти завтра в Детгиз и заодно отдать 10 р. Вике <Мальт> и Лене <Махлах-Львовской>.

12 февраля 73 (пн)

Написал утром рецензии на Шагиняна и Пальмана.

Отвез. Отдал 10 р. девочкам. Письмо от Бориса.

Отвез Эрику <Неизвестному> 100 р.

Звонил Литвинову. Просил звонить завтра — шеф не читал.

Сынишка Лукина дал неправильный телефон. Буду стараться дозвониться до Лукина вечером.

|| 13-го звонить к Литвинову

|| 15-го к 16.00 к Давыдовой для встречи с реж<иссером> Вадимом <Виноградовым> (Встреча миров).

Звонил Лукину. Он не оптимистичен. Видимо, Делюсин наврал отцу. Но другого выхода нет. Я сообщил ему, что задействовал Симонова. Он не очень доволен. Странная мысль: что, если он меня боится?

У Аграновича встретил Мишу Богина, режиссера «Зоси». Он был уволен из «Мосфильма» за профнепригодность.

Зашли в клуб. Вернул Владу <Чеснокову> журнал.

13 февраля 73 (вт)

Звонить:

- 1) Литвинову;
- 2) Разгон.

Еду к Сановичу за «Хэйкэ», затем думаю к Дмитревск<ому>.

Мама прислала 3 комплекта «Авроры» с ПНО.

|| 20-го вернуть Сановичу книги. Утром в Гослит.

Хинкис Виктор Александрович. 4940458.

М<етро> «Речной вокзал», автоб<ус> 199. Ул. Фомичевой 16, кор. 6, кв. <...>.

Взял у Сановича 3 книги.

|| 14-го звонить Литвинову, Разгон, Иоффе на предмет посещения.

Звонить Лукину, Шилейко.

Послал поздравительную телеграмму Нине Берковой.

Был у Бобров, виделся с протезистом. Бобровый адрес: 113209 ул. Перекопская 17, кор. 5, кв. <...>.

14 февраля 73 (ср)

Попробовать достать в ЦДЛ книги:

1. Сборник «Восток», т. 1 «Литература Китая и Японии». 1935 г.
2. Конрад Н. И. «Японская литература в образцах и очерках», т. 1 и 2. Л. 1927 г.

Позвонил:

Шилейке. В 15.00 встреча на Лозовском.

Лукину. Делюсин будет говорить с Арбатовым через 3–4 дня.

Разгон. С переводами пока ничего.

|| 21-го звонить Разгон.

|| 19-го звонить Лукину.

Звонил Иоффе. Ее нет.

|| 21-го звонить Котеночкину. 2531060 (3–69).

Встретился с Шилейко, получил подарок для Ленки — бутылку Beefeatera. В б<иблиотек>ке ЦДЛ нашелся Конрад, забрал его себе. Пока жив — не отдам.

Информация Ленки: Бела двинула сборник, требует срочно еще 2 экз<емпляра> для художника и автора предисловия, некоего Волкова. Надлежит прибыть в пятницу утром.

|| 16-го к Беле в «Мол<одую> гв<ардию>» с экзами ОУПА, М, ПНО.

Литвинову звонил, но безуспешно.

|| 19-го с утра к Ткачеву, ехать в Детгиз за гонораром и

переговорами с Беркман (Смудрит) по поводу «Хэйкэ».

15 февраля 73 (чт)

Звонил Литвинову. Начальство не пропустило «Носовой платок» — сложно для слушателей.

Был у Давыдовой, несколько часов говорили с Вадимом Виноградовым. Москва В–49 Донская 25, кв. <...>. 2366165. Вряд ли придется пользоваться адресом и телефоном.

16 февраля 73 (пт)

День рождения Крысы.

Был у Белы, отнес 1 экз<емпляр> ОуПА, М и ПНО. Это для предисловия некоему доктору философии Волкову, то ли из «Вопросов философии», то ли из Института философии. Бела сейчас же отдала кому-то. Сейчас же начинают работать. «Неназначенные встречи» были в резерве 73-го. Сейчас перевели в резерв Альтова и Журавлеву и на их место — нас.

Договорились, что завтра с Ленкой идем к Клюевым.

Был в «Вокруг света». Биленкин точно не знает, но ему кажется, что материал о неолитических японцах пойдет.

Был в Радиокomitee. Литвинов полагает заменить «Носовой платок» «Мандаринами» (по моему предложению) и всё доделать самому. На здоровье. Красина держится нагло. Сдержался и любезно обещал зайти на той неделе. Заберу рукописи ПвК и сценарий ПНвС.

Денег было 20 коп. медью.

|| к 17.00 17-го к Клюевым. Иметь в перепечатке начало ПНО.

Литвинов Александр Зиновьевич: д. 4580067.

м. «Водный стадион», ул. Дыбенко 38, кв. <...>, авт. 138.

17 февраля 73 (сб)

Приходила Ольга Осетинская, жаловалась на мужа.
Письмо Борису.
Были и пили у Белы Клюевой. Отвез ей начало ПнО.

18 февраля 73 (вс)

Написал обзорную рецензию на № 1 «SF-магадин». Надо бы и на № 2, но очень устал.

Завтра надлежит:

1) Звонить Лукину, Игельницкому, Осетинскому.

2) К 11.00 к Ткачеву, затем в Детгиз: попытаться взять гонорар и переговорить с Берковой и с Беркман.

19 февраля 73 (пн)

Вчера начал, сегодня закончил «Утерянная развязка» Сакё Комацу (SF, 1, 73). Неплохо. Есть трагизм.

В Детгизе денег не оказалось. Ждать до 5-го. Занял у Вики Мальт 10 р. Вика дала на рецензию рукопись Воинова.

20 февраля 73 (вт)

Крыса сообщила о предложении Григорьева идти работать в ФБОН. 150 р. Подумать. Еду к Сановичу, верну ему всё.

|| 21-го в 15.00 звонить Берковой.

|| 23-го с утра к Лукину.

Сановича не было. Книги оставил. Заехал в МолГв.

Маршрут: Ново-Басманная — Новослободская — Аэропорт — Каховская.

У Белы оставил рецензию на № 1 SF.

У Тани Ревич <Чеховской> занял 10 р.

У Бобров занял 80 р.

Звонил Деду. Он будет говорить с Рахманиным.

21 февраля 73 (ср)

Маршрут: Комсомольская — «Мультфильм» — Ревичи.

Купил билет на 26-е.

Договорился с Котеночкиным о встрече в 11.00 25-го. м<етро> ВДНХ Звездный бульвар 12, кор. 1, кв. <...>. 2825839.

Ревич дал прочитать оттиск рецензии на ПнО и вернул рукопись из «Знания».

Звонил Разгон — никаких новостей.

23 февраля 73 (пт)

Сегодня к Лукину. Звонить:

Берковой — 2522418.

Осетинск<ому> — 2568808.

Миллерам — 1412839.

Горбовскому — 1314628.

Литвинову — 2901205.

Красиной — 2903374.

И еще — Иозефу Фаркашу: 1297597, 1297687, ул. Обручева, д. 4, кор. 2, кв. <...>. Москва 117421. По поводу конференции в Будапеште.

И еще:

ОАП — Нонне Александровне <Лебедевой> — 2314061 — ФРГ.

<ОАП> — Регине Марковне <Горелик> — 2316716 — Венгрия.

Внешпосылторг: Раиса Ивановна 2439277 ФРГ.

Звонил:

Берковой. Встреча завтра в 12.00.

Нонне Ал<ександров>не: деньги из ФРГ за ТББ пришли, но всего по 130 р. без вычетов. Следоват<ельно,> получим рублей по 50.

Регине М<арков>не: венгры отказались издавать ОО, надо написать заявление, чтобы содрать деньги.

Иозефу Фаркашу: это заочная радиоконференция писателей по вопросам о будущем. Нам пришлют вопросы, мы отошлем ответы.

Литвинову: вчера сдал текст на машинку.

Миллеру: уезжают за рубеж, надо понимать. Буду звонить по возвращении из Л<енингра>да.

24 февраля 73 (сб)

Был у Нины Берковой. Договорились:

1) Нужно дать в «Мир приключений» 2-ю часть ПвК на 3 листа в течение марта.

2) После апреля (утверждения плана на 74-й г.) она принимается толкать на договор нашу заявку на трилогию.

25 февраля 73 г. (вс)

Был у Котеночкина, присутствовал также его художник Светозар Русаков (2212578). Хорошо посидели, определили схему сценария. Порядок: 1) я привожу из Ленинграда поэпизодную схему; 2) меняем договор на трех; 3) пишу новый сценарий, и Кот добивается оплаты остальных до 50%; 4) где-то в сентябре начинаем писать режиссерский сценарий.

26 февраля 73 г. (пн)

Приехал в Ленинград.

4 марта 73 г. (вс)

Вчера вечером приехал из Ленинграда. Сделали: 1) разработку сценария для Котеночкина; 2) схему для продолжения повести ПвК; 3) обговорили «Рукопись, найденную при странных обстоятельствах». Это о человеке, писателе-фантасте, которого все стали принимать за пришельца.

Получил за «Малыша» в лен<инградском> Детгизе 500 руб.

В Ленинграде было хорошо, спокойно.

Борис отказался от предложения Нины <Берковой> идти на синекуру. И вообще, воодушевлен он одним принципом: работать. Это его жизнь и смерть.

Завтра:

- 1) Заплатить за квартиру.
- 2) Отдать долг Ковалевскому.
- 3) Съездить в Детгиз — отдать рецензию и получить гонорар.
- 4) При возможности вернуть долг Бобрам.

Сделал рецензию на Воинова.

Натали <Фошко> беременна. Отправил с нею 70 р. долг родителям.

Рассчитал: 100 р. Ковалевскому, 80 р. Бобрам. Это — завтра. И еще 10 р. Вике Мальт.

|| 5 марта. К 12.00 к Ковалевскому.

Было отдано 10 р. родителям на Бережковке. И вообще: будет долгов 1000 руб. Манину, 300 р. в Литфонд и 100 р. самому Борису Натановичу.

А рецензию на Воинова сделал.

5 марта 73 г. (пн)

Очень славно помылся. Читал ПвК. Не понимаю, что там не нравится Борису.

|| Завтра. Звонить Симонову с 2 до 3. 1510574, 1518715.

Уплачено множество долгов:

- 1) за квартиру — за февраль и март 86 р.;
- 2) Ковалевскому 100 р.;
- 3) Бобрам 80 р.;
- 4) родителям 70 р.;
- 5) выдано Ленке в кассу взаимопомощи 80 р.

Всего: 416 р.

Получено в Детгизе за рецензии 110 р.

Отвез рецензию на Воинова.

6 марта 73 г. (вт)

Симонов сделал свое дело. Через Валентина Сергеевича Зорина (известный обозреватель) связал меня с заместителем директора и<нститу>та США Журкиным Виталием Владимировичем. Тел. 2911494.

|| Завтра звонить Журкину 11.30–12.

Главный редактор Всесоюзного бюро переводов Смирнов Иван Павлович. Тел. 1277725. Б. Черемушкинская, м<етро> Академическая, авт<обус> 121, 119, 115 ост<ановка> «Н<овые> Черемушки», 9.

|| 8 марта в гости к Деопику. 15.00. Ленинский проспект 92, кв. <...>. Дега Витальевич. 1338012.

|| 12 марта 14.00 в ЦДЛ на отчетно-выборное собрание.

|| Завтра к 11.00 к Борецкому.

7 марта 73 г. (ср)

У Борецкого. Звонил Лукину. Он считает — всё неправильно, и Зорин, и Журкин. Связываюсь с ним после звонка Журкину, м<ожет> б<ыть,> встретимся.

Журкина нет на месте, ушел из ин<ститу>та. В 12.00 встречаюсь с Лукиным в Д<оме> Ж<урналиста>.

В 15.00 у Борецкого встречаюсь с Костей Ахтырцевым (по экранизации «Стажеров»).

Встретились с Лукиным в ДЖ, звонили Журкину до 14.30, так и не дозвонились.

|| 9 марта с 10.00 по 11.00 звонить к Журкину, затем Лукину.

Ахтырцев явился к Борецкому поздно, успели только договориться, что встречаемся 10 марта и пишем большую заявку на экранизацию «Стажеров».

|| 10 марта к 12.00 к Борецкому, писать заявку.

8 марта 73 г. (чт)

Написал заявление в УОАП насчет денег с венгров, отказавшихся издать ОО.

ВИНИТИ Шейнис Иосиф Михайлович д. 2606966.

Набросал первичный план продолжения 2-й ч<асти> ПвК на 4,5 стр.

Были у Деги Деопика. Весело.

9 марта 73 г. (пт)

Был у Ларина. Он недоволен сюжетом мультя.

Послал письмо в УОАП (о венграх).

Забрал сертификаты (по 81.88 на нос).

Написал 1 стр. ПвК-2. Что-то лень писать.

Встретил на улице Бориса Ивченко.

Купили мне мои женщины новый костюм за 150 р. Выяснилось, что деньги эти — долг родителям (70 р.) и долг в кассу взаимопомощи (80 р.). Ладно, пусть тешатся.

10 марта 73 г. (сб)

С 13.00 по 19.00 сидел у Борецкого с Костей Ахтырцевым, разрабатывал персонажи и писал заявку на к/ф «Стажеры». Интересно, что Ахтырцев руководит заведением, которое выпускает т<ак> наз<ываемые> фильмы-сувениры, на 8-мм пленке для домашнего употребления. 1–2 части. Надо дать ему «Заколдованную шкатулку».

11 марта 73 г. (вс)

Послал письмо Борису.

Был у Аграновича, разбирал с ним сюжет мультяшки. Он сказал, что главный порок — отсутствие концепции, а вернейший способ внесения концепции — заражение Планеты Негодяев вирусом честности, так что мальчишка должен сам единолично разгромить пиратское гнездо.

«Молодой коммунист» собирается устраивать круглый стол по поводу «Соляриса» Тарковского: Э. Неизвестный, Карякин, Стругацкий, кто-либо из ученых.

А. Якобсон получил извещение, что избран в члены «Пен-клуба».

12 марта 73 г. (пн)

Сегодня весь день забит: с утра в Детгиз, отдать Вике Мальт 10 р.; затем прямиком к Ларину для работы со сценарием ПвК; затем в ЦДЛ на отчетно-выборное собрание прозаиков.

|| 15-го к 18.00 в Дом кино на дискуссию.

Звонить:

1) Борецкому — насчет заявки на «Стажеры».

2) Лукину — о новостях по США.

3) Шилейко — дружески.

4) Ткачеву — дружески.

5) Ревичу или Чеховской — насчет рецензии.

6) Беле Ключевой — о новостях по НВ.

Зайти в бюро пропаганды насчет денег.

Звонил Лукину: тот подбирается к Аграновскому.

|| 14-го с утра к Лукину. Не забыть бы ПвК, В. Скотта и СоТ.

Звонил Чеховской: кажется, «Литобоз» с рецензией вышел.

<Звонил> Ключевой: она только что из командировки, пока ничего не знает.

|| 17-го к 13.00 приедет Женя Войскунский.

Основательно поработали с Лариным над сюжетом мультяшки. Ларин горд.

Отдал деньги 10 р. Вике Мальт.

13 марта 73 г. (вт)

Написал 9 стр. ПвК-2.

Приходил электрик чинить нижнюю (штепсельную) проводку. Михаил Семенович, 2-й подъезд кв. 67.

14 марта 73 г. (ср)

Встретился с Шилейко.

|| 15-го с утра к Лукину, от него звонить Деду относительно результатов с Рахманиным.

|| 15-го от Лукина звонить Борецкому, встретиться с ним, показать сюжеты.

|| Лукину не забыть СоТ и Скотта.

|| 18.00 15-го быть в Доме кино.

|| Вечером приезжает Адка.

|| 16-го:

|| 1) с утра в Суриковское училище,

|| 2) затем к Игельницкому,

|| 3) к 16.00 в ЦДЛ встреча с Шилейко.

15 марта 73 г. (чт)

Был у Лукина. Ему удалось связаться с Аграновским из «Известий». Арбатов приезжает 26-го. Предложил Лукину без лишних слов идти к Арбатову самому и договориться: да или нет.

Звонил:

Беле Ключевой — пока ничего нового.

Чеховской — не застал.

Ленке — чтобы позвонила в бухгалтерию МолГв насчет гонорара за рецензию, выписанного на ее имя.

Ахтырцеву — не застал.

Сижу у Борецкого, буду излагать ему сюжеты для фильмов-сувениров. «Дьявольская шкатулка».

Борецкому понравились все три сюжета: «Шкатулка», «За проходной» и «Невидимки».

Был у С. Давыдовой. Узнал об учреждении сценарной студии. Буду пытаться. Баскакова снимают. Сытина уволили полгода назад.

В Дом кино не пошел — очень устал.

Написал 4 стр. ПвК–2.
 «Экспедиция в преисподнюю».
 Часть 1. Погоня в космосе.
 Часть 2. Операция «Итай-итай».
 Часть 3. Нейтронный ад.

Приезжает Адка.

17 марта 73 г. (сб)

Был Женя Войскунский. Хорошо поговорили.
 || 23-го к 13.00 к Войскунскому.
 Были у Ревичей. Взял 3 экз. «Литературного обозрения» с рецензией на ПНО.
 || 19-го к 14.00 в Детгиз к Берковой. Заодно и насчет гонорара.

19 марта 73 г. (пн)

Вчера весело попьянствовали с Бобрами.
 Сегодня заходил в Детгиз — денег нет, а встреча с Ниной завтра.
 Звонить завтра:
 Борецкому,
 Венжер,
 Разгон (по поводу Бюро переводов).

20 марта 73 г. (вт)

Был у Нины Берковой, получил на рецензию рукописи Михановского и ленинградца Снегова.

Говорил с Давыдовой. Оказывается, руководит Сценарной студией не кто иной как Соловьев Василий Иванович, тот самый, который несколько лет назад, будучи главредом «Мосфильма», пытался спарить меня с Журавлевым. Это упрощает. Тел. дом. 2495564.

|| 21-го звонить Соловьеву.

Давыдова познакомила меня с редактором «Таджикфильма» Киямовой Любовью Ивановной. Душанбе 13, Академическая 15, кв. <...>. Есть шанс на договор.

Звонил Борецкому. Ахтырцев послал заявку в Алма-Ату. Насчет фильмов-сувениров пока ничего.

|| 21-го с утра к Клюевой, передать статью Ревича.

21 марта 73 г. (ср)

Написал 6 стр. ПвК–2 (всего 20 стр.).

Был у Клюевой. Рассчитывают добиться договора в апреле. Принимают очень хорошо. Авраменко получила у Осипова разрешение сдавать рукопись.

Аля Лобанова снабдила бумагой и папками. Просит узнать иероглифы «праздника осеннего полнолуния».

|| 22-го звонить Лобановой, узнал ли я иероглифы.

|| 22-го к 14.00 к Ткачеву за информацией.

Звонил Котеночкину. Очень меня ждет.

|| 27-го (во вторник) к 11.00 к Котеночкину с материалами.

|| Звонить Ларину о состоянии сюжета ПвК.

Звонил Соловьеву, но не дозвонился.

- || 22-го до 12.00 позвонить Лукину домой
- || 22-го к 12.00 встретиться с Соловьевым в Доме кино, 3-й эт., ком. 22 т. 2542100.
- || 24-го (±) ок<оло> 19.00 придет Борецкий.

22 марта 73 г. (чт)

- Написал еще 3 стр. ПвК (вс<его> 23 стр.).
- Звонил Лукину. Встречаемся в буд<ущую> среду с предшественником Арбатова.
- || 28-го к 11.00 к Лукину.
- Был у Соловьева. Очень мило беседовали. Просил в начале апреля принести заявку на «Мальчика из преисподней» на 5 стр.
- || К 5 апреля заявку на МиП к Соловьеву.

23 марта 73 г. (пт)

- Написал еще 3 стр. ПвК–2 (вс<его> 26 стр.).
- Был у Войскунских. Вечером у Соловьева (усл<овились>). Шла разработка заявки на «Мальчика из преисподней».
- В мое отсутствие нагрянули пьяные Завьялов и Юрьев. Огорчили Ленку.

24 марта 73 г. (сб)

- Еще 3 стр. ПвК–2 (вс<его> 29 стр.).
- Были и пили у Миреров. Устроили Бобринского к Феликсу Березину. Начало операции Каппе.
- || 26-го ок<оло> 11.00 звонить Миреру на работу. 2626806.
- Месяц назад умер Яша Карнаков. Упокой, господи, его грешную и любящую душу! Амен.
- Был Борецкий с Олей Осетинской. Принес водочки.

25 марта 73 г. (вс)

- Выполнил рецензию на сборник Михановского, 22 а<вторских> л<иста>. Читал Ленке и Машке <Стругацкой> 2-ю главу ПвК–2. Очень им понравилось, по-моему.

26 марта 73 г. (пн)

- Отнес Нине рецензию. Обещает, что 3-го выплатят.
- || 29-го к 11.00 к Давыдовой писать заявку на «Мальчика из преисподней». Оттуда в 14.00 звонить Нине.

27 марта 73 г. (вт)

- С 7 утра писал для Котеночкина схему ПвК. Схема не подошла, зато наконец твердо выработали схему фильма.
- Вечером приходили Миреры.
- Опять нет денег.
- || 30-го к 12.00 в студию с аннотацией ПвК для Орлова. Оттуда, возможно, к Когану.

28 марта 73 г. (ср)

Был у Лукина, но Бовина не было, он заболел.
 Поехал к Ковалевскому, взял у него 100 руб. на два месяца.

29 марта 73 г. (чт)

|| 4-го к 12.00 к Ковалевскому. Предварительно позвонив.

С 11.00 до 15.30 с Давыдовой обсуждали заявку на «Мальчика из преисподней». Много любопытных деталей, в частности, обрисовалась хорошая концовка. Звонил Нине Берковой. Принять меня сегодня она не смогла, принимает своего генерала, зато попросила написать несколько страничек про танковое наступление.

|| 2-го позвонить Нине, приготовить к этому времени про танки.

От Бориса нет ни строчки. Странно.
 «Трижды смертник» на конкурсе погорел, что неудивительно.

30 марта 73 г. (пт)

Написал аннотацию для Орлова, но она, кажется, не пригодится. Котеночкин не явился на студию, зато Снесарев передал мнение Родионова, что к Орлову ходить и вообще не надо, а надо прямо писать сценарий. Запуск сценария в работу в октябре. Котеночкин якобы ругается с начальством, что ему дают мало времени на режиссерскую разработку.

Давыдова заболела, вероятно, не хочет писать заявку на «МиП».

Был в ЦДЛ, взял письмо-ходатайство от Ильина насчет телефона.

Написал письма маме и Алпатову. Закончил читать всё, что получил на рецензию. Хорошо бы завтра написать все три рецензии.

|| 1-го к 17.00 у входа в «Гавану» встреча с Биленкиными.

|| 2-го к 17.00 в Детгиз, взять у Нины рукопись на рецензию.

31 марта 73 г. (сб)

Написал рецензии на: Снегова «Посол без верительных грамот», на «Кронштадтский детектив» и на Росоховатского «Каким ты вернешься?». Устал как собака. Исписал половину общей тетради и напечатал 15 стр.

1 апреля 73 г. (вс)

Написал 4 стр. ПвК-2 (всего 33 стр.).

Вечером пытались с Ревичами и Биленкиными пообедать в «Гаване». Черта с два. Плюнули, накупили еды и вина и повеселились у нас.

2 апреля 73 г. (пн)

Написал для Нины 6 стр. описаний танковых боев.

3 апреля 73 г. (вт)

Получил за рецензию на Михановского 102 р. А за Воинова Мальт, оказывается, счет не передала. Был у Котеночкина на студии, договорились встретиться у него дома в субботу 10–11.00.

|| 7-го в 10–11.00 к Котеночкину — писать первые эпизоды.

Был у Нины, получил для ПвК–2 отсрочку до 1 мая.

Был в «Софии» на юбилее Светозара <Русакова>. Хорошо было, весело.

5 апреля 73 г. (чт)

Читал рукописи Свердлова (детектив) и Валентинова (НФ).

6 апреля 73 г. (пт)

Написал рецензию на повесть Яковлева (Свердлова) «Тяжелая работа» (413 стр.). Отнес в Детгиз.

10 апреля 73 г. (вт)

За это время написал 4 стр. ПвК–2.

Был у Котеночкина, уточняли вариант начала.

Помогал Крысе перепечатывать ее китайский перевод.

Вчера: был на Гагаринском узле связи, подал угрожающее заявление — 25 дней нет ни единого письма. А между тем говорил в пятницу с Борисом по телефону — он послал два письма, Коган жаловался — послал письмо, Ванслова негодует — послала письмо. Отвратительная история.

Был у Ковалевского.

Был у Давыдовой, написали черновик МиП. Соколова сейчас нет, будет с понедельника.

Вечером объяснилось с почтой: явилась почтальонша и принесла все пропавшие письма. Оказалось, они застряли в верхней части ящика.

12 апреля 73 г. (чт)

Вчера практически никуда не ходил, но и не делал ничего.

Письмо Борису и тут же вечером письмо от Бориса. Заказное.

13 апреля 73 г. (пт)

Закончил третью главу ПвК–2, всего 46 стр.

14 апреля 73 г. (сб)

Письма Борису и маме. Весь день перепечатывал Ленкин перевод — книга китайца о турне по синологическим учреждениям ФРГ.

15 апреля 73 г. (вс)

Написал рецензии:

в Детгиз на Валентинова «Заколдованная планета» (152 стр.),

в МолГв на Ю. Иванова «Сестра морского льва» (346 стр.).

Были у Ошаниных. Встретились с Володией <Мясниковым> и Светланой <Марковой>.

16 апреля 73 г. (пн)

Оформил заявку на сценарий МиП. Сегодня маршрут: МолГв, Ленинградский вокзал, Детгиз, М. Грузинская.

|| 18-го — в Детгиз за гонораром и к 15.00 в ДЖ для встречи с Лукиным.

Отнес рецензии в МолГв и в Детгиз, взял билет в Ленинград на 22-е.

|| Завтра 17-го к 11.00 к Соловьеву в Дом кино с заявкой.

18 апреля 73 г. (ср)

В Детгизе гонорар перевели на книжку, виделся с Лукиным в Доме журналистов. Письмо от Бориса.

29 апреля 73 г. (вс)

С 23-го по 27-е был в Ленинграде.

Разработали сюжет «За миллиард лет до конца света».

Вышел только что сборник «Талисман» с «Малышом».

В Москве: в МолГв дело с договором продвигается. Как я понял, некто Марков из ЦК написал на нас хорошую рецензию.

Вышел сборник «Фантастика-73» с ЧиП. Света Михайлова пытается устроить выплату 10 мая.

<...>

|| Завтра 30-го к 15.00 к Войскунским.

|| Первого мая хорошо бы к Бобрам.

Из ГДР пришли экзы «ОуПА». Из Межкниги звонили, просили явиться за экзами чего-то.

|| 3 мая в Межкнигу за экзами.

14 мая 73 г. (пн)

Сидим с Борисом в Москве, сегодня закончили сценарий ПвК = 30 стр. (нормальных).

20 мая 73 г. (вс)

Два дня вносил поправки в рукопись НВ. Завтра к 10.00 к Беле воевать за договор.

Вышел «Мир приключений». 18-го весьма своевременно гонорар за Джекобса — 447 руб.

Работаем с зМЛдКС. Вчера написали первую страницу.

Долги:

Манину — 1000 р.

Литфонд — 300 р.

Ковалевскому — 100 р.

Бобрам — 60 р.

Родителям — 70 р.

Машке — 75 р.

Вороновой — 50 р.

[Итого:] 1655 р.

Наташке 45 р. отданы вчера.

Надо отдать незамедлительно:

Ковалевскому 100 р.

Бобрам — 60 р.

Вороновой — 50 р.

[Итого:] 210 р.

Зашли Бобрики, отдал им 60 р. + 35 р. за починенную машинку. Будем считать, что родителям теперь должны 35 р. Осталось Ковалевскому 100 р. и Вороновой 50 р., всего отдать в первую очередь осталось 150 р. Ошибка: родителям мы не были должны, это они теперь нам должны 35 р. Отдали — Ленка ездила и отвезла машинку.

21 мая 73 г. (пн)

Ездили в МолГв, отдали рукопись. Жемайтис обещал вломиться к Ганичеву.

Вчера написали 10-ю стр. зМЛДКС.

25 мая 73 г. (пт)

Борис уехал 23-го.

Вчера:

заплатил долг Ковалевскому,

отвез в «Мультфильм» сценарий «Конец Планеты Негодяев»,

говорил по телефону с Косаревой,

был в бухгалтерии МолГв и отдал заявление.

29 мая 1973 г. (вт)

В воскресенье 27-го получено 490 р. из Лендетгиза.

Вчера дали Смагину 100 р. — плата за репетиторство вперед.

Понесли заявку на МиП на визу к Габриловичу.

Сегодня: письмо Борису, маме, Алпатову.

30 мая 1973 г. (ср)

Письмо в ЦК Беляеву.

13 июня 1973 г. (ср)

Вчера был у Снесарева, виделся с Котеночкиным. Встречаемся 18-го в 15.00 для окончательной отработки замечаний. Снесарев обещает в июле выплату.

Из МолГв выплатили за Ф-72, а за 25-й том только сегодня переводят.

Сегодня к 11.00 — в Дом кино на коллегию по «МиП».

Заявка одобрена, договор мною подписан. Завтра идти в Дом киноактера в Студию и получить копию, а также сдать в бухгалтерию заявку на перевод. Редактор будет Шлепянов, курировать взялся Боримир Метальников.

За обедом встретил Лукина, а также Каппе и Зину из «Дружбы народов». Было интересно.

|| Завтра:
к 11.00 — в Сценарную студию,
к 13.00 — к Нине Берковой,
вечером — на Спортивную?
|| 15-го к 11.00 к Лукину.

Письма маме и Борису.

16 июня 1973 г. (сб)

Вчера у Лукина.

Долги:

Мирер — 25 р.

Солонович — 10 р.

Емцев — 10 р.

Ларин — 100 р.

Ткачев — 250 р.

Договор заключен и получен. Ура!

19 июня 1973 г. (вт)

Мои вернулись позавчера.

Сегодня уезжаю в Л<енингра>д работать над схемой МиП.

Был в Студии, бухгалтерия завтра выписывает аванс.

Звонил Нине. Пешеходова как будто дала добро на наш том переиздания.

26 июня 1973 г. (вт)

23-го выехал из Л<енингра>да, опоздав на поезд.

Хорошо разработали с Борисом сюжет и эпизодику МиПа.

Вчера:

1. Был в МолГв, говорил по телефону с Осиповым. Письмо наше к Беляеву отпрыгнулось следующим образом. Осипову звонил Потемкин и спросил, что у вас там. Осипов доложил, что издательство имеет возможность включить сборник в план 1975 года, и как только ЦК ВЛКСМ утвердит этот план (октябрь, ноябрь), с нами будет заключен договор. Затем Осипов а гроро укорил мне, что за отрывок в 25-м т<оме> его ругали: много-де жаргона. Я ему возразил, что мы по указаниям редакции основательно всё почистили. На том разговор закончили, а затем Аля Лобанова отвела меня к Инне Федоровне Авраменко, которая порекомендовала мне написать письмо Беляеву с благодарностью за заботу и внимание, прозрачно намекнув при этом на сетование по поводу задержки с договором.

2. Был у Снесарева. Котеночкина не было — извинился, что внезапные дела. Назначили встречу на 13.00 на сегодня. Наш сценарий сейчас в Госкомитете у Святковской, это плохо, по утверждению Снесарева. Впрочем, если и когда сценарий пройдет Госкомитет, студия с нами сразу будет расплачиваться.

3. Был у Раисы Ивановны <Куприенко>. Завтра в 11.00 в Студии коллегия. Хорошо было бы, если бы я упорядочил все заметки, сделанные с Борисом, и принес их Шлепянову и Метальникову.

Письмо Борису.

Из встречи с Котом ничего не вышло. Опять он не готов.

27 июня 1973 г. (ср)

|| 2 июля 10.00 встреча с Закгеймом.

В «Мультфильме», куда меня срочно вызвал Снесарев, выяснилось, что Баскаков прислал на «Конец планеты негодяев» резолюцию: «Отменить за тематической непригодностью».

Письмо Беляеву.

1 июля 1973 г. (вс)

В пятницу был в Доме кино, надеялся посоветоваться с Косаревой. Не удалось, да и Венжер отсоветовала. Надо писать Демичеву. Ужо схожу к Снесареву, поговорю с ним.

Вчера написал 8 стр. МиП'а. Нулевой вариант.

Сделано еще 8 стр. МиП'а. Всего 16.

Был Манин, унес «Галисман» и «Фантастику-72».

2 июля 1973 (пн)

Был Закгейм, оставил два рассказа. Забавные. И просил подыскать соавтора (!).

4 июля 1973 г. (ср)

Вчера:

был у Берковой, взял у нее 3 главы ее повести на переделку;

был у Давыдовой, рассказал о беде с мультком, она предложила обратиться в ОАП;

был у Снесарева, он сказал, что, по словам Котова, всё устроила Святковская, а Баскаков сценарий даже не читал; мне не придется, вероятно, идти к Ермашу;

пытался дозвониться до Раисы Ивановны.

9 июля 73 г. (пн)

Вчера послал письма Борису, маме, написал Алпатову.

МиПа на сегодняшний день сделано 33 стр.

В пятницу приобрел восьмитомник Чехова у Феоновой.

19 июля 73 г. (чт)

МиПа сделано 45 стр. Всё до его появления в «Гулливере».

<...>

Завтра уезжает мама. Алпатов тоже завтра.

31 июля (вт)

За «Талисман» в Лендетгизе и за ОО в ВНР получили.

Пришел ТББ из США, «Малыш» в «Сорэн бунгаку».

Письмо Борису.

Скучно писать.

Вчера Шлепянов дал нахлобучку за первые 45 стр. МиПа. Нынче иду получать нахлобучку от Давыдовой. С данями.

<...>

8 сентября 73 г. (сб)

Дописал рецензию на «Западный край» То Хоя.

46 (31) стр. нового варианта МиПа.

9 сентября 73 г. (вс)

<...>

Приезжает Борис.

14 сентября 73 г. (пт)

<...>

21 сентября 73 г. (пт)

19-го поздно вечером (22.30 по местному) прибыл в Душанбе, рейс 627, билет 54 р. 30 коп. Встретил меня мой редактор Юрий Самойлович Калганов (?) [исправлено: «Каплунов»]. В самолете худой длинный таджик, похожий на Никулина, бродил между креслами.

Прочел сценарий «Город будет». Страшная бодряга. Придется писать всё заново.

Жара 30–35°. Таю. Огромное количество беременных и с маленькими детьми.

Получил в бухгалтерии вперед все деньги за 10 суток и на обратную дорогу — 89 р. 10 коп.

Читаю литературу по Таджикики. Кое-что намечается.

Живу в гостинице «Душанбе», № 566. Обедаю в ресторанах.

22 сентября (сб)

С Юрием Самойловичем встречались в больнице с соавтором Ниязовым. Мужик — ничего. Много благоглупостей. Но я уверен, что настоящее его не минет. Потом у Юры пили джин.

Договорился с Любовью Ивановной <Киямовой> о встрече.

Фатех Ниязович. Вечером смотрел немецкую (ГДР) комедию. Слегка повеселился. Л<юбовь> И<вановна> полностью одобряет мой курс. Мое дело — представить сюжет. Надо, Федя.

24 сентября (пн) 73

Сегодня закончил черновик либретто. Затем был на просмотре «Рустама и Сухраб» и «Тайны забытой переправы». «Рустам» — отлично.

Вечером были у художника Володи Серебровского.

27 сентября 73 г. (чт)

Ночью резко похолодало. Сейчас утром нет ни холодной, ни горячей воды.

Позавчера дал телеграмму в Москву — просил сообщить, что с Ленкой. Вчера ответа не было.

Вчера ездили с Юрой в Нурек, осмотрели плотину, говорили с секретарем горкома Павлом Ивановичем Горбачевым.

Два варианта 2-й серии забраковано. Сейчас буду работать над третьим.

29 сентября (сб)

Вчера подписали договор. Денег нет, но Юра божится, что если не будет в понедельник или вторник, то на неделе мне их переведут. Взял билет на самолет на 2-е, дал Ленке телеграмму. Завтра идем к Фатеху.

1 окт. 73 г. (пн)

Договор дали, выдали аванс 1017 р. 05 коп. и под расчет 12 руб. Беседовал у директора с режиссером (возможным) Авессаломом Рахимовым. Завтра домой. Был у Франков — криминалист, виктимолог. Очаровательный дядька.

2 окт. 73 г. (вт)

Звонили из «Памира»: Леонид Никитич <Пашенко> — главный, Сергей Корнеев — зав<едающий> отделом прозы. Обещал им статью о зарубежной ф<антасти>ке.

6 окт. 73 г. (сб)

Вчера отнес в ВУОАП заявление с жалобой на «Мультфильм». Давыдова утверждает, что дело решится в месяц самое большее.

9 окт. 1973 г. (вт)

Вчера приехал Борис. Расчет полный, он еще должен 500 р., а привез тряпье для девок и туфли.

6 и 7 окт<ября> пошли на выправление ЭВП (сказка) для «Мира приключений» и редактирование перевода с кхмерского Наташки.

Борис отказался работать со сценарием. Будем писать повесть МиП.

10 окт. 1973 г. (ср)

Вчера распланировали МиП (повесть). Был Манин.

Сегодня с утра сварил кашу и написал маме письмо.

Написали 8 стр. МиПа. Мне не нравится. Что-то от подвига панфиловцев.

12 окт. 73 г. (пт)

Вчера сделали 8 стр. Всего 16. Кое-что нащупали.

Написал письмо Алпатову. Подобрал почтовые открытки для Соломоновны <Каплуновой> в Душанбе. Сегодня надо везти обратно альбом для марок и еще выступить с «Литобозом» в Политехническом.

14 окт. 73 г. (вс)

Вчера сделали 8 стр. Всего 32.

Были Бобры, распили 4 бутылки (при Машке). Послал письмо Каплунову.

16 окт. 73 г. (вт)

Сделано 48 стр. Полагаю дойти до 60 и взяться за сценарий. Сегодня идти к Калакуцкой, опять она что-то не любит в сказке.

Написали письмо Ганичеву. Сегодня отправлю.

19 окт. 73 г. (пт)

Закончил черновик сценария МиП. Борис уезжает завтра.

Пришло письмо от венгров — там клуб S/F им<ени> бр<атьев> Стругацких.

Азбель пригласил в понедельник в гости.

22 окт. 73 г. (пн)

Пишу в общем-то 23-го. Вчера закончил и сдал МиП(с) Соловьеву. Расписки не взял. Раиса Ивановна сказала, что все зарегистрировано и в порядке. Вернулся домой поздно. Навалило полно мокрейшего снега.

27 окт. 73 г. (сб)

Дубулты. Приехали позавчера. Живем на 5-м этаже, двухкомнатный номер, 58. Всё отлично, только воняет из раковины. Здесь же Коткины, справляли 25-летие свадьбы.

25-го раздолбали меня на студии, вернули сценарий и обещали прислать рекомендации — что исправить. Хотят, чтобы к 1 декабря я представил в обновленно-улучшенном виде, и тогда они смогут собрать официальную редколлегию.

Пишу «Город будет». Вчера сделал 6 стр.

Дни солнечные, ветреные.

1 ноября 1973 г. (чт)

Дубулты. В номере постоянно воняет г... Погоды стоят разнообразные — то сильный ветер, то солнце, то дождь. Море и сосны режут очень громко, но как-то не оглушают и не заглушают иных звуков.

Сделано 42 стр. «ГБ».

Сегодня день рождения Папани, будет изрядная пирушка.

Из сценарной студии ничего нет. Может, и не будет?

2 ноября 1973 г. (пт)

И конечно же, через полчаса после записи получил письмо от Шлепянова. Теперь работа на два фронта.

Вчера попили: 4 б<утылки> шампанского, 2 б<утылки> водки, 2 б<утылки> яблочной, 3 б<утылки> нарзана, 5 б<утылок> тоника. С 17.00 по 23.00. А сегодня — всё чисто. Сходили с папаней за пивком.

За работу!

3 ноября 73 г. (сб)

ГБ — 54 стр. К МиП(с) еще не приступал. Пока есть несколько идей и всё.

Гуляем с Папаней, погоды чудесные. Разработали социально-экономическую систему [иероглифом «Со<циализма?>»].

[Рисунок: схема. От «Nom» идут стрелки: пунктиром к «директора —> серфы» и обычная к «Mach.». И толстая стрелка от «директора —> серфы» к «Mach.».]

[Пунктирная стрелка] — владение и распоряжение законодательными, внеэкономическими, экономическими и др<угими> средствами.

[Обычная стрелка] — распоряжение.

[Толстая стрелка] — ответственность.

Что-то получается.

4 ноября 1973 г. (вс)

Закончил 1-ю серию ГБ, 62 стр.

Вчера порассуждал над МиПом, кое-что посчитал. Сегодня утром пришла идея — внести сцену бунта Гая в середину, а не в конец. Это здорово оживит сценарий, прямо скажем. Но ведь буквально всё придется переписать!

8 ноября 1973 г. (чт)

Сделано 84 стр. ГБ, кругло 30 стр. МиПа.

Вчера все перепились, папан разбил стеклянную ограду на балконе и уронил очки на крышу столовой. Сегодня достали.

Письма:

Каплунову,

Алпатову,

Раисе Ивановне,

маме.

14 ноября 73 г. (ср)

«Город будет» закончен на 119-й странице. Точность поразительная.

16 ноября 73 г. (пт)

Закончен МиП на 90-й странице. Интересно, сколько будет стандартных страниц? Штук 75, я думаю.

Практически выполнены ВСЕ требования коллегии. И те, что прислал Шлепянов, и те, которые высказывались на совещании.

21 ноября 73 г. (ср)

Вчера утром вернулись в Москву.

Выяснилось:

1. В МолГв нас вставили в план 75-го года, но ЦК ВЛКСМ план еще не утвердил. Надо ждать января.

2. «Мультфильм» платить отказался, прислал в ОАП позорное письмо, где во всем виноват я. Дней через десять я получу копию его и должен буду писать опровержение.

3. «Мир приключений» с ЭВП сдан в производство, но еще не прошел контроль Госкомитета.

4. Договорились с Давыдовой, что 23-го в 19.00 буду читать у них МиП(с), а затем Раиса Ивановна будет перепечатывать по вечерам под диктовку.

Сегодня начал перепечатывать ГБ(с). Напечатал 17 стр.

Написал много писем, в т<ом> ч<исле> маме.

Письмо от Бориса.

27 ноября 73 г. (вт)

Закончил печатать ГБ(с) — 135 стр. Ленка считывает.

Вышел мой перевод «Девушка для танцев» Тору Миёси в «Азии и Африке сегодня» № 11. Получил деньги — 66 р.

Вышла рецензия на То Хоая в «Литобозе». Деньги в декабре.

МиП(с) перепечатывает Раиса Ивановна. Кончит, видимо, завтра.

4 декабря 73 г. (вт)

К 1 декабря все рукописи сданы.

Сегодня звонили из Душанбе, а потом я звонил в Душанбе Каплунову. Ругались: зовут туда дней на 20 на предмет коренной доработки сценария ГБ. Решил ехать.

Надо:

письмо Борису;

редакция рукописи Берковой.

10 декабря 73 г. (пн)

Вчера вечером прилетел в Душанбе. Встретил меня Каплунов, проводил в место, именуемое «правительственные дачи». Ну, если правительство ТАК отдыхает, я ему не завидую. Я сижу в своем номере, просторном и светлом, всё правда, но! Ни одна дверь или дверца здесь не закрывается и не открывается; сижу я за ресторанным столиком, который трясется как студень (а как мне работать?), в ванной обломана вешалка... Да. Если устроить меня сюда старался Фатех, то зря. Не стоило труда.

Завтрак: ряженка, пельмени, чай. Всего 54 коп. Как в лучших домах.

Но что хорошо — пустынно. Ладно, посмотрим.

12 декабря 73 г. (ср)

10-го имел предварительную беседу с Каплуновым и выручил свои 54 р. за самолет. Вечером гостил у Серебровских (были еще Нина Иванова и Людмила Сеницына), беседовал с Валей Максименко, кот<орый> готовил меня к обсуждению.

Обсуждение состоялось вчера в 11.00. Присутствовали: главред Ситхи, Каплунов, критик Ахроров, Любовь Ивановна, Гуля Мухаббатова и Фатех, конечно. Противу

ожиданий все говорили ясно, четко и дельно. Главное — приняли как 1-й вариант и наговорили комплиментов — хоть и вразнобой. Мы с Фатехом обязались дать готовый материал к 10 января, после чего Фатех насел на Каплунова насчет 10%, т. к. его сын Фарук строит кооператив. Так и мне легче будет.

А кормят в этих правит<ельственных> дачах препохабно!

Вчера с середины дня и до позднего вечера валил снег. Утром сегодня подморозило, а сейчас, к полудню, все течет и тает. Но сад перед окнами под снегом.

15 декабря 73 г. (сб)

Вчера закончил, отпечатал и отдал Каплунову сюжетный поэпизодный расписок сценария. Сегодня звонил ему. Он говорит: «Небо и земля». Вернее, так он обмолвился. Все же по-прежнему много беллетристики. Каждый эпизод должен играть на характер. Халил и Вахид — друзья-соперники, всё решают борьбой национальной; их разрыв и скатывание Халила в негодяйство — результат их разного понимания семейных обязанностей. Нори — выбросить вообще. Мансур — упрямец, его конфликт с отцом должен быть заявлен в первой же серии: теперь, когда Нори нет, это будет легче. Завтра с утра начинаю писать. Кстати, Закия девочкой спасает Раджаба, когда ходит в горы за хворостом.

Вчера — письмо Крыске.

17 декабря 73 г. (пн)

Приходил Фатех, всё детально обсудили, можно начинать писать. Вчера был на дне рождения у Каплунова и затем вечером — у Гордонов.

Хорошо бы сделать 1-ю серию за неделю — к 24-му, скажем.

Сделал 10 стр.

18 декабря 73 г. (вт)

С утра вкалывал. Позвонил Каплунов, вызвал. Получил я 410 р. и заключение редколлегии. Пришлось, правда, прерваться на 16-й стр<анице>. Но ничего, десяток свой сегодня выгоню. Солнце жарит, весь взмок, пока ездил туда-сюда. Сейчас распахнул дверь — где-то орет ишак: иа, иа, иа... Убил четырех здоровенных мух — прямо летающих слонов.

Письма маме и Алпатовым.

19 декабря 73 г. (ср)

Вчера сделал 10 стр., сегодня тоже. Всего 30 стр. Заходил к Серебровским, говорил с Максименко. Очень он надрался.

Письмо Крыске.

21 декабря 73 г. (пт)

Сегодня дописал половину страницы, и вчерашняя порция закончена. Сейчас, в 11 утра, 40 стр. А вчера не успел доработать, потому что по случаю приезда Полянского ребят из «Памира» не пустили, и пришлось идти к ним. Отдал «ПвК» и статью об Акутагаве. Сильно поддали. Вернулся домой в 11 вечера и рухнул спать.

22 декабря 73 г. (сб)

Вчера-таки сделал 10 стр. Всего 50. Был на дне рождения у Максименко.

Что делать с Мансуром — ума не приложу. Черт знает, что такое. М<ожет> б<ыть,> плюнуть? Считать, что I серия готова?

Считаю, что готова. Иду к Валерию Ахадову читать. Боже, спаси меня и помилуй!

24 декабря 73 г. (пн)

Итак: читал Ахадову, Ивановой и Синицыной. Все сказали, что ВПОЛНЕ. Сегодня надо нести на машинку — Каплунов договорился с секретаршей Дома кино.

И надо начинать 2-ю серию. Менять начало коренным образом.

Позавчера вечером был у Этингена. Было очень мило.

25 декабря 73 г. (вт)

Вчера отнес рукопись 1-й серии в Госкино, машинистке Эмме Николаевне. Расплачиваться и иметь с ней дело, видимо, будет Фатех.

Был в «Памире». Подарили мне осколки посуды 2-го и 9-го веков. Рассказ о летающем блюде.

Из 2-й серии надо исключить Мухиддинова. Зачем он, когда есть Халил? Завтра с утра начинаю писать. Хорошо бы закончить к 31-му. Ведь тоже 50 страниц надо, не больше. А?

Каплунов звонил, есть письмо от Крыски.

27 декабря 73 г. (чт)

Сделано 20 стр. 2-й серии. Как бы 1) соединить Закию с Багиром? Через Раджаба? Старые друзья, встреча, то-сё... 2) отыграть револьвер, который Халил тогда взял у раненого Раджаба. Халил возвращает с поклоном? Намек на самоубийство?

Вчера написал письмо Крыске.

Звонил Каплунов. Эмма Николаевна сегодня вечером заканчивает печатать 1-ю серию. Говорит, ей понравилось.

Послал 5 телеграмм: Крыске, бережковцам, маме, Борьке, Алпатовым.

28 декабря 73 г. (пт)

Солнце выходит из-за сопки в 9.15. Вероятно, когда буду уезжать, оно выйдет в 9.00.

Разработал эпизодно всю 2-ю серию. Раздирательно получается. Сделал 10 стр. Всего 30.

30 декабря 73 г. (сб)

На сегодня утром 42 стр.

Отметить: вчера, 29 декабря 73-го г., стал умываться, нагнувшись над ванной, и разогнулся с трудом. Боль в пояснице, то ослабевая, то усиливаясь до невозможности, продолжается уже сутки. При этом: алкоголя либо 0, либо очень незначительно.

Дни невероятно ясные и теплые, даже жаркие. Ночью подмораживает, но не сильно.

Вчера звонил Каплунов. Прочитал сценарий, похвалил и тут же вывалил массу «но». Похоже, сидеть мне здесь до 20-го. Или? М<ожет> б<ыть>, потребовать худсовета? Мало ли что требует Каплунов...

31 декабря 73 г. (пн)

Очень болит спина. Грею у электрокамина.

Сегодня в 13.30 закончил 2-ю серию на 59-й странице.

С утра пошел снег, но сейчас уже все тает.

Звонил Миша Табачников, приглашал на Новый год. Никуда не хочется. Серебровские тоже приглашали.

**Аркадий Стругацкий
Записная книжка, 1972–1973**

9 марта 73 г.

По 81.88. Всего с Борисом 163.76.

[10.03] суббота 73

К 12.00 к Борецкому и Ахтырцеву писать заявку на «Стажеров».

[13.03.73 перенесено на 15.03.73]

Утром к Лукину, затем к Борецкому с сюжетами.

[14.03.73]

Ровно год.

[16.03] 73 г. (пт)

16.00 — ЦДЛ — Шилейко, Люда.

[23.03] 73 г. (пт)

К 13.00 к Жене Войскунскому.

[26.03.73 перенесено на 29.03.73]

К 11.00 к Давыдовой, составлять заявку на «Мальчика из преисподней».

[3.04] 73 г.

Заявку на «Мальчика из преисподней» 5 стр.

[5.04] суббота 73

К 11.00 к Котеночкину.

Аркадий Стругацкий
Записная книжка, 1973–1974

[22.04] 73 (вс)

Отъезд в Ленинград.

[17.05] 73

К 15.00 к Котеночкину.

[24.05.73]

К 12.00 к Ковалевскому.

К 15.00 в МолГв по гонорар.

Беляев Альберт Андреевич.

[28.05.73]

К 12.00 к [«Осетинскому» исправлено на «Давыдовой»] с заявкой.
Позвонить Столперу? Ткачев. 15.00–16.00.

[29.05.73]

К 12.00 в Дом кино для встречи со Столпером.

[30.05.73]

[«К Мальцеву» исправлено на «В “Мультфильм”».] 12.00. Встреча с Котеночкиным и Снесаревым.

[1.06.73]

Позвонить насчет Венгрии.

[6.06.73]

Придет Ковалевский — 12.00.

Позвонить Энгельгарту.

[7.06.73]

Агранович — 12.00.

Утром позвонить Нине <Берковой>.

[8.06.73]

К 15.00 в Дом кино.

[9.06] 73

Придут Ревичи — 20.00, сб.

[12.06.73]

Дано:
Миреру — 25 р.,
Солоновичу — 10 р.

[14.06.73]

День рождения Эдика <Фошко>. Зайти и подарить книжку.

[15.06.73]

11.00 — к Лукину.
Позвонить насчет Венгрии.
К 18.00 к Давыдовой, Васильеву.

[16.06.73]

К 13.00 в МИИТ, вестибюль, к Шилейке.

[17.06.73]

Встречать: поезд 170, вагон 6, 19.56. К Бобрам с чемоданчиком.

[18.06.73] (пн)

15.00 — в «Мультфильм».

[5.07.73] (чт)

11–12.00 к Лукину.

[6.07.73] (пт)

12.00 в МолГв.

[11.07.73] (ср)

10.00 из «Памира».
11.30 в «Дом кино» к Венжер за билетами.

[13.07.73 перенесено на 14.07.73]

17.45, «Парк культуры». У первого вагона к «Октябрьской». В. Санович (Фельдман).

[14.07.73] (сб)

Подготовить заявку на «Кота».

[22.07.73] (вс)

18.00 к Берковой.

[30.07.73]

Быть у Вас. Ивановича <Соловьева>. 12.00. Сценарная студия.
Затем к Ткачеву.

[15.08.73] (ср)

К Ковалевскому — 12.00.

[3–4.09.73] 1973

Связаться с Шилейкой с утра.
10.00 в Детгиз.
10.40 в больницу, затем к Аграновичу.
12–13.00 Ковалевский ко мне.

[5.09.73]

11.00 к Лукину.
13.00 — позвонить Раисе Ивановне <Куприенко>.

[15.09.73]

Звонить Маркманам.

[26.11] ноябрь (пн)

Понедельник — в ЦДЛ.
К 12.00 — отнести «Азию <и Африку>» и «В<опросы> л<итературы>».
К 14.00 — в «АзАфр» за гонораром.

[10.12] 73

Душанбе, день 1-й.
Завтрак — 55 <коп.>, «Опал» — 2.10, одеколон и мыло — 2.30, за билет + 54.00,
телеграммы и конверты 2.00.
Валя и Таня Максименко.
Абдусалом Рахимов?!!
Валерий Ахадов.
Тимур Зульфикаров, сценарист.

[16.12.73]

Санаторий УД (управделами) Совета Министров.

[31.12.73]

«Полдень. 22-й в<ек>».
Пер<евод> с рус<ского> В. Берзинь.
Вильнюс. «Вага» 72-й г.

**Борис Стругацкий
Дневник, 1969–1974**

21.01.73

Отдал А. А. <Меерову> Soviet. I взнос — конец февраля.

25.01.73

По слухам, был обыск на квартире у И. А. <Ефремова>.
«Несообразности в ф<антасти>ке». Несколько замечаний о стиле А. Б. С. Подпись
Н. М. («Русская речь», № 6, 1972.)

14.02.73

Звонил в ЛДГ. 40%, м<ожет> б<ыть>, дадут 2 марта (за «Талисман»). «ПХХПВ» на
иллюстрации, м<ожет> б<ыть>, пустят целиком.

20.02.73

Письмо Арку.

22.02.73

Звонили из телевидения. Елена Александровна Шмакова (38–68–48, I полов<ина>
дня). Реально: получасовая смешная инсценировка («Театр кукол»). Трудно-возможно:
инсценировка большой вещи.

Попытаться предложить:

1. «Выбор пал на Рыбкина».
2. «Мальш».

2.04.73

Письмо Арку.

3.04.73

Звонил Островский. Предлагал вступить в договорные отношения.

6.04.73

Получил послание от Econ Verl.

Вывод:

- 1). За ТББ они рассчитаются только за 71-й год (включая W<ilhelm> H<eyne> V<erlag>).
- 2). За ОО пока мы получили только аванс.

7.04.73

Послал Арку заказное.

16.04.73

Послал Арку письмо.

28.04.73

Пришли экзазы ДоУ из ГДР.

2.05.73

Письмо Арку.

3.05.73

Подписал договор на зМЛДКС.

4.06.73

Послал Брандису проект письма Стукалину.

11.06.73

Гранин отверг мой проект; Брандис предлагает использовать его для Москвы.

20.06.73

Арку:

1. Письмо Стукалину.
2. Насчет МиП.

28.06.73

Вручил Ханнелоре Менке:
ОО, Талисман — насовсем,
ШС, ВНМ+С — напрокат.

Обещают издать ТББ в 1975-м.
Обещает послать приглашение.

Адрес:
Hannelore Menke, 1162 Berlin
Abmannstraße <...>.

3.07.73

Звонил в бух<галтерию> Лендетгиза. Фонды пришли. Обещали вскорости выслать и мне, и Арку.

Борис Стругацкий Дневник, 1965–1979

9.02.73

Рассказ об Эрмлере и Германе. «Надо убить Сталина».

Рассказ о немке с девочкой — насильовали 6 раз. Спокойно.

Рассказ о Драгунском. «Я стрелял в сов<етские> танки». Мальчишки. Из 100 танков осталось 3.

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких. Отдельно даются примечания к используемым в томе фотографиям и рисункам.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2 т. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 т. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Леониду Ашкинази, Вадиму и Юлии Казаковым, Алле Кузнецовой, Дмитрию Макарову, Роману Муринскому, Юрию Флейшману, Илье Юдину.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «русский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен Авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Град обреченный

Машинопись из папки «Чистовики».

Написано в 1972–1974 гг.

Первые публикации — журнальная: Нева (Л.). — 1988. — №№ 9, 10; 1989. — №№ 2, 3; книжная: Л.: Худож. лит., 1989.

С. 3. <Заглавие> — заглавие романа происходит от названия картины Н. Рериха. См. на с. 217 цитату из письма БНС от 4.01.69.

С. 3. *Как живете, караси? / — Ничего себе, мерси. / В. Катаев. «Радиожираф»* — «Радиожираф», Л.-М.: Радуга, [1926], [1927]: «Злая щука поскорей / Вызывает карасей: / — Как живете, караси? / — Ничего себе, мерси!». Четверостишие процитировано автором в повести «Трава забвенья».

С. 3. ...Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы... / Откровение Иоанна Богослова / (Апокалипсис) — глава 2, ст. 2.

С. 5. *Постоянная Хаббла* — коэффициент, входящий в одноименный закон, который связывает расстояние до внегалактического объекта со скоростью его удаления от Земли.

С. 6. *У меня есть двоюродный дядя, полковник Маки. Бывший полковник бывшей императорской армии. ~ Потом он попал к русским в плен, и они, вместо того чтобы повесить его или, что то же самое, передать его Китаю, всего-навсего упрятали его на десяток лет в концлагерь...* — **БНС**, офлайн-интервью от 24.02.1999: Полковник Маки — лицо вполне историческое. АНС в качестве переводчика участвовал в его допросах, когда в Казани в 1946 году готовился Токийский процесс над японскими военными преступниками. Все, что в «Граде» написано об этом субчике, — суцая (по словам АНС) правда. **Сост.**: Фактически Токийский процесс начался уже во время казанской командировки АНС (март–август 1946 г.) и шел со 2.05.46 по 12.11.48 гг. Поэтому можно предположить, что протоколы допросов 1946 г. японских военнопленных в Казани были использованы как для Токийского процесса (Международного военного трибунала для Дальнего Востока), так и для Хабаровского процесса 1949 г. над бывшими японскими военными служащими, обвинявшимися в создании и применении бактериологического оружия.

С. 6. *Потом он командовал дивизией, высадившейся на Филиппинах, и был одним из организаторов знаменитого «марша смерти» пяти тысяч американских военнопленных...* — «Марш смерти» имел место на полуострове Баатан в 1942 г. В 97-километровый марш было отправлено 75 тысяч военнопленных.

С. 6. *Сахалинский укрепрайон* — находился в Китае в районе города Сахалин (Хэйхе).

С. 7. *Диабаз* — устаревшее название мелкозернистых горных пород.

С. 9. *Я, конечно, считаю, что социология — это никакая не наука...* — **БНС**, офлайн-интервью от 15.09.2011: ...в те годы социология в СССР считалась «буржуазной лженаукой» и была без малого под запретом.

С. 9. *Футбол есть футбол, мяч круглый, поле квадратное, пусть победит достойнейший...* — **БНС**, офлайн-интервью от 8.04.2001: Выражения «футбол есть футбол» и «мяч круглый» (в смысле: удача может повернуться лицом к любой команде) — это стандартные фразы из репертуара советских футбольных комментаторов 60-х годов. Не знаю уж, кто их выдумал первый. Может быть, еще Вадим Синявский.

С. 11. *...тонтон-макутом (...) изображал пальцами очки (...) строчит из автомата (...) путает Гаити с Таити.* — **БНС**, офлайн-интервью от 22.04.2000: Тонтон-макуты — это страшная тайная полиция гаитянского диктатора Дювалье («папы Дока»). Рекомендую Вам прочитать роман Грэма Грина «Комедианты» — там о тонтон-макутах написано предостаточно.

С. 12. *Павианы* — **БНС**, офлайн-интервью от 6.06.2000: *Вопрос:* ...почему в «Граде» для нашествия животных на Город вы использовали именно павианов? *Ответ:* Не знаю. Наверное, потому, что павианы — довольно неприятные животные, неприятно напоминающие людей. Во всяком случае, никакого глубокого подтекста в этой нашей выдумке искать не следует.

С. 15. *Репетир* — механизм боя в механических часах.

С. 18. *Фосген* — боевое отравляющее вещество.

С. 21. *Смычка города и деревни* — понятие времен первой пятилетки, означавшее экономическое, политическое и культурное сближение городского рабочего класса с крестьянством.

С. 22. *Гон* — поведение зверей в брачный период.

С. 22. *Млеко-яйки? Гитлер капут!* — Имитация ломаного русского языка, которым разговаривали немецкие оккупанты в советской литературе и кинематографе. **БНС**, офлайн-интервью от 28.07.2010: *Вопрос:* Как дядя Юра мог сказать «гитлер-капут», — ведь в Городе нет языков, и Андрей бы услышал «гитлеру конец»? *Ответ:* Это — одно из многих допущений, которые авторы были вынуждены сделать, чтобы сохранить достоверность изложения и не терять времени на бесконечное выдумывание объяснений «чудес» Города. Пусть каждый говорит на своем языке, а понимают его разные люди — на своем... Господи, как скучно все это выдумывать и объяснять! И главное, — зачем?

С. 24. *Все восстановили, цены каждый год снижают...* — В рукописи у АБС здесь было «на каждый год» — и это было обусловлено практикой ежегодного снижения цен, устанавливаемых на следующий год (с одновременным повышением цен на «предметы роскоши») специальным постановлением Совета Министров СССР. Впоследствии текст был адаптирован к современным грамматическим правилам.

С. 25. *До войны — за грудь, после войны — за горло.* — Возможно, Давыдов имеет в виду коллективизацию и катастрофическое положение в деревне после Великой Отечественной войны,

вызванное не снижавшимися, а зачастую даже увеличивавшимися, несмотря на послевоенную разруху и отсутствие мужчин, планами хлебозаготовок.

С. 27. *...куртку с переплетенными буквами «ЛУ» на спине и на груди.* — То есть с монограммой Ленинградского университета.

С. 28. *Детекторный радиоприемник* — радиоприемник, не имеющий усилительных элементов и не нуждающийся в электропитании; в быту это название ошибочно применялось к малогабаритным полупроводниковым (транзисторным) радиоприемникам (в противопоставлении их ламповым). В СССР транзисторные радиоприемники появились в 1957 г.

С. 28. *Здесь всего одна радиостанция, так она транслирует прямо в сеть.* — Сетевая радиотрансляция — советская реалья.

С. 28. *Патефон, граммофон* — патефон — переносная модель граммофона, механического устройства для проигрывания грампластинок.

С. 29. *Фокстейлер* — «вертихвостка». **БНС, 20.07.1995** (ответ на вопрос польского переводчика Т. Литвинского): Так называли шведских проституток, промышлявших в автомобилях (словечко 40–50-х годов).

С. 30. *Труд, знаешь, даже обезьяну очеловечивает...* — Аллюзия на название работы Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

С. 31. *Левитановские интонации* — известная всей стране манера диктора радио Ю. Левитана, зачитывавшего по радио самые важные новости.

С. 31. *Перманент* — химическая завивка волос.

С. 33. *Вдвоем быстрее. Ты встанешь к прилавку, я — в кассу...* — Длинные двойные очереди при дефиците продуктов — советская реалья.

С. 33. *Товарищ министра* — заместитель министра в дореволюционной российской терминологии.

С. 34. *Разоблачение Рема* — глава штурмовиков (СА) Эрнст Рём был заподозрен в подготовке путча и уничтожен (наряду с другими) в «ночь длинных ножей» 30 июля 1934 г.

С. 34. *Дюнкерк* — населенный пункт на северном побережье Франции, вблизи которого 26 июня — 4 июля 1940 г. немецкие войска нанесли тяжелое поражение англо-французским.

С. 40. *Двойка тебе по «Основам»...* — Имеется в виду вузовский курс «Основы марксизма-ленинизма», впоследствии переименованный в «Основы научного коммунизма».

С. 40. *Талмудист и начетчик!* — Термин «начетчики и талмудисты» — из статьи И. Сталина «Ответ товарищу А. Холопову» («Правда», 2 августа 1950 г.), вошедшей в сборник Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

С. 40. *Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет!* — Цитата из пьесы Г. Йоста «Шлагетер»: «Когда я слышу слово «культура»... я снимаю с предохранителя свой браунинг!» (действ. 1, сцена 1).

С. 41. *Это как на Окинаве... Я был тогда мальчишкой, шла война, и у нас в школе окинавским ребятам запрещалось разговаривать на своем диалекте. Только по-японски.* — Ср. в разделе публицистики фрагмент материала «Рецензия на книгу Тацухиро Осиро “Окинава. Репортаж с места событий”»: «...когда окинавцам запрещалось пользоваться своим диалектом...»

С. 42. *...мы обязательно увидим небо в звездах...* — Восходит к словам из пьесы А. Чехова «Дядя Ваня»: «...мы увидим все небо в алмазах...» (действ. 4).

С. 43. *...незнакомую, но отличную песню про дрожащие кости старого дряхлого мира...* — Нацистский марш «Завтра будем маршировать мы!». Автор слов и музыки Х. Бауман, авторское заглавие — «Не шумите!». Первые строки: «Es zittern die morschen Knochen / Der Welt vor dem roten Krieg». **БНС**, офлайн-интервью от 5.03.2001: *Вопрос:* Фриц Гейгер с Отто Фрижей в «ГО» поют «замечательную песню о дрожащих костях старого мира» (...) — но как Андрей мог найти ее «замечательной», если он слова понимал (из-за отсутствия иностранных языков в Городе), и был убежденным комсомольцем-антифашистом и т. д.? Тут либо песня замечательная, либо ты антифашист... Или? *Ответ:* Вся соль ситуации как раз в том и состоит, что фанатик-комсомолец Воронин и фанатик-нацист Гейгер необычайно легко находят общий язык. Тоталитаризм един в своей сути, будь то немецкий фашизм или сталинский коммунизм. Символы веры могут отличаться (расовая теория или классовая борьба), но дух, но принципы действия, но ненависть к инакомыслию, но преклонение перед силой, но жажда «железной руки» — все это объединяет гораздо сильнее, чем разъединяет.

С. 44. *«Москва — Пекин»* — песня В. Мурадели на слова М. Вершинина «Русский с китайцем — братья навек!» Песня посвящена дружбе Сталина и Мао, а также дружбе народов.

С. 44. *«Там в степи-и глухой за-амерзал ямщик...»* — Строка песни «Степь да степь кругом», основа которой — стихотворение И. Сурикова «В степи».

С. 44. *«Щоб дома нэ журылись»* — «Чтобы дома не печалились»; украинский тост.

С. 45. «Аве, Мария!» (...) Упекли пророка в республику Коми, / А он и перекинись башкою в лебеду. / А следователь-хмурик получил в месткоме / Льготную путевку на месяц в Теберду... — А. Галич, «Поэма о Сталине», 6 («Аве Мария»).

С. 45. А Кэнси, по какой-то одному ему понятной ассоциации, чрезвычайно неприятным визгливым и яростным голосом спел другую, явно маршевую, песню, в которой говорилось о том, что если все японские солдаты примутся разом мочиться у Великой Китайской стены, то над пустыней Гоби встанет радуга; что сегодня императорская армия в Лондоне, завтра — в Москве, а утром в Чикаго будет пить чай; что сыны Ямато расселись по берегам Ганга и удочками ловят крокодилов... — Японская солдатская песня. АНС пел ее по-японски и по-русски в кругу друзей.

С. 46. *Шмара* — здесь: подруга (воровской жаргон).

С. 51. *Именины сердца* — цитата из поэмы Н. Гоголя «Мертвые души» (т. 1, гл. 2).

С. 52. *Локаль* — от нем. Lokal — заведение, ресторан. Здесь: закусочная.

С. 54. *Гедонист* — здесь: ищущий наслаждений, удовольствий.

С. 55. *Слушай, там у вас в семнадцатом году в Петрограде заварушка была. Чем кончилась, а?* — Анекдот процитирован также в ХС.

С. 58. *После сорок восьмого — опять помалкивай да посматривай.* — Речь о переходе власти от демократического правительства Э. Бенеша к коммунистическому К. Готвальда.

С. 58. *Только немножко рот открыли золотой весной — на тебе, русские на танках прибыли...* — Речь о «Пражской весне» и вводе войск Организации Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г.

С. 62, 155. *...странная, с несколькими попережинами антенна; ...странная крестовидная антенна.* — Воронин никогда не видел телевизионных антенн.

С. 63, 65, 66. *...пожилой человек в полувоенной форме, партнер, противник...; Гениальный стратег...; Великий стратег...* — И. Сталин.

С. 64. *...плотный, по-кавалерийски кривоногий мужичок в бурке и в папахе, с чудовищными пушистыми усами, со скуластым лицом и жесткими, слегка раскосыми глазами.* — Маршал С. Буденный.

С. 64. *...самое ценное — это люди...* — Аллюзия на высказывание И. Сталина «Самый ценный капитал — это люди». Точная цитата: «...из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры», речь 4 мая 1935 г. в Кремлевском дворце перед выпускниками военных академий.

С. 64, 67. *...какие-то неожиданно интеллигентного вида люди в штатском, с бородами, в пенсне, в старомодных галстуках и жилетках...; ...все его холеные люди в бородах и орденах стреляли себе в виски, выбрасывались из окон, умирали от чудовищных пыток...* — «Старые большевики» и их судьба во время репрессий конца тридцатых годов.

С. 64. *...военные в непривычной форме, с многочисленными ромбами в петлицах...* — Ромбы в петлицах до 1940 г. соответствовали званиям высшего начальствующего состава Красной Армии — от комбрига до командарма 1 ранга.

С. 64. *Красивое бледное лицо, вдохновенное и в то же время отталкивающее каким-то высокомерием, голубоватое пенсне, изящная вьющаяся борода, черная копна волос над светлым лбом...* — Л. Троцкий.

С. 65. *И сейчас же какой-то смуглый, оливково-смуглый, не по-русски, не по-европейски даже выглядящий человек скользнул между рядами к голубому пенсне, взмахнул огромной ржавой лопатой, и пенсне голубой молнией брызнуло в сторону, а человек с бледным лицом великого трибуна и несостоявшегося тирана слабо ахнул, ноги его подломались, и небольшое ладное тело покатило по выщербленным древним ступеням, раскаленным от тропического солнца, пачкаясь в белой пыли и ярко-красной липкой крови...* — Аллюзия на убийство Троцкого Р. Меркадером.

С. 65. *...высокий статный красавец, украшенный созвездиями орденов, значков, ромбов, нашивок, гордый красавец с ледяными глазами и пухлыми, как у юноши, губами, гордость молодой армии, гордость молодой страны, преуспевающий соперник таких же высокомерных, усыпанных орденами, значками, нашивками гордецов западной военной науки.* — Маршал М. Тухачевский.

С. 66. *Люди в голубых фуражках* — сотрудники НКВД.

С. 66. *Жогж! Я чегтовски пгоголодался! Вели скогее подать мне гюмку кюгасо и а-ня-ня!..* — **БНС, 2.06.2012:** Это некий ВОЗГЛАС, с которым вступает то ли в гостиную, то ли в зал ресторана молодящийся элегантный хлыщ (потирая покрасневшие на морозе лапки): «Жог'ж! Я чег'товски п'гоголодался! Вели подать г'юмку кюг'асо и а-ня-ня!» Конец возгласа. Одобрительное ворчание присутствующих. Возглашавшему тут же наливают что бог послал. НЕ кюрасо. **Сост.:** Кюрасо, кюрасао — ликер, изначально изготовлявшийся на одноименном карибском острове.

С. 66. *Приходя — не радуйся, уходя — не грусти.* — **БНС**, офлайн-интервью от 14.11.2000: Эти слова действительно оставил, уходя из жизни, один поэт-символист эпохи Серебряного века. К сожалению, не помню его имени. Применены они к вполне конкретному персонажу и вовсе не являются авторской позицией. **Сост.**: Возможно, речь о поэте-символисте и сотруднике ВЧК Витольде Ашмарине, страдавшем наркотической зависимостью и застрелившемся из именного оружия на скамейке Петровского парка, излюбленного места московских символистов. **БНС**, 7.07.1996: «Приходя не грусти, уходя не радуйся» — старинная поговорка российских эзков. **Сост.**: Цитата из книги А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»: «У эзков есть даже такой примечательный миф: будто где-то существуют «ворота Архипелага» (сравни в античности столпы Геркулеса), так вот на лицевой стороне этих ворот для входящего будто бы надпись: «не падай духом!», а на обратной стороне для выходящего: «не слишком радуйся!» И главное, добавляют эзки: надписи эти видят только умные, а дураки их не видят. Часто выражают этот миф простым жизненным правилом: приходящий не грусти, уходящий не радуйся. Вот в этом ключе и следует воспринимать взгляды эзка на жизнь Архипелага и на жизнь обмыкающего пространства. Такая философия и есть источник психологической устойчивости эзка» (ч. 3, гл. 19).

С. 66. *Вот уже брат с отцом снесли по обледеленной лестнице и сложили в штабель трупов во дворе тело бабушки, Евгении Романовны, зашитое в старые простыни...* — Ср. в т. 1 записи в дневнике Н. Стругацкого от 3.01 и 18.01.42.

С. 66–67. *Вот и отца похоронили в братской могиле где-то на Пискаревке, и угрюмый водитель, пряча небритое лицо от режущего ветра, прошелся асфальтовым катком взад и вперед по очолевшим трупам, утрамбовывая их, чтобы в одну могилу поместилось побольше...* — В первоначальных вариантах отцка Воронина похоронили в Вологде, что отражало фактическую судьбу Н. Стругацкого.

С. 67. *«Ну что ты орешь, как больной слон?»* — Метафора принадлежит одному из школьных друзей БНС. См. в разделе публицистики т. 31 интервью «Справедливое общество: мир, в котором каждому — свое». Метафора использована также в ПНВС и ПП.

С. 67. *...какого-то азиата с желтоватым лицом и раскосыми глазами, нет, не Вана, какого-то изысканного, даже элегантного азиата, и еще ему показалось, что за спиной этого незнакомца прячется кто-то совсем маленький, грязный, оборванный, наверное, беспризорный ребенок...* — **БНС**, офлайн-интервью от 21.12.2003: Это Андрей увидел кусочек своего будущего — он увидел корейца Пака и Мымру.

С. 68–69. *...Представляете себе — красавец, в плечах косая сажень, кавалер трех орденов ~ а Сережа там остался со своим полным набором орденов Славы...* — **БНС**, офлайн-интервью от 22.03.2007: Этот образ имеет прототип. АНС лично знал этого человека и даже приятельствовал с ним. Так что фигура хоть и странная, но вполне реальная.

С. 68. *Кавалер трех орденов Славы (...) полный бант этих орденов...* — То есть орденов Славы всех трех степеней.

С. 68. *Шерочка с машерочкой* — устаревшее выражение для обозначения двух танцующих в паре женщин. Здесь: парами. От фр. «chérie», «ma chérie» — «милая», «моя милая».

С. 68. *Мезальянс* — неравный брак; здесь — разительное несоответствие партнеров.

С. 68. *Хвост колом* — эвфемизм, означающий высокую потенцию.

С. 68. *«Серп и Молот»* — металлургический завод в Москве.

С. 68. *Ничего в волнах не видно* — строка из русской народной песни «Вниз по матушке по Волге». Авторство песни иногда приписывается Ивану Осипову (Ваньке Каину).

С. 68–69. *Под розовым акварельным небом Кореи, где впервые великий стратег попробовал свои силы в схватке с американским империализмом.* — То есть в Корейской войне 1950–1953 г., в которой СССР официально не участвовал, а войска США входили в состав вооруженных сил ООН. Советские военные советники направлялись в Северную Корею, в частности, под видом корреспондентов ТАСС.

С. 69. *Широкие пары, Поток Схилта* — **БНС**, сентябрь 1996 г. (ответ на вопрос японской переводчицы Сато Сёко): Это все из звездной астрономии. «Широкие пары» — так называются двойные звезды с большим расстоянием между компонентами. Схилт — американский астроном, его именем Андрей называет явление, когда группы из нескольких близких друг к другу звезд движутся все вместе как бы в одном направлении (как в едином потоке).

С. 70. *Это как на сборах ребята развлекались...* — Вероятно, Воронин имеет в виду лагерь, которые слушатели военной кафедры — а ими были почти все студенты мужского пола вузов, в которых таковая имела, — проходили перед присвоением им лейтенантских званий.

С. 71. *...веревка — вервие простое...* — Цитата из басни И. Хемницера «Метафизический ученик»; редакция В. Капниста: «Метафизик» («Веревка! — Вервие простое!»).

С. 71. *Оставь надежду...* — Цитата из «Божественной комедии» Данте. «Ад», песнь 3, строка 9.

С. 71. ...вроде штрафного батальона — смыть кровью свои преступления... — С получивших ранения военнослужащих штрафных батальонов, сформированных в соответствии с приказом № 227 от 28 июля 1942 г., судимость снималась с формулировкой «...как искупивших кровью».

С. 71. *Манихеец* — приверженец религиозного учения, основанного в III в. Мани, в основе которого — дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия.

С. 71. *Схизма* — раскол, распря в церкви. Здесь употреблено в смысле «ересь».

С. 72. «И еще являлся мне дом, живой и движущийся, и совершал непристойные движения, а внутри через окна я видел в нем людей, которые ходили по комнатам его, спали и принимали пищу...» — Псевдоцитата.

С. 72. «И спутник мой, простерши руку, сухую и костлявую...» — Псевдоцитата.

С. 72. «Кровавых тел нагих сплетенье в покоях сумрачных...» — Псевдоцитата.

С. 73. ...преисподняя вечна, возврата нет, а вы ведь еще только в первом круге... — Отсылка к «Божественной комедии» Данте, описывающей, в частности, круги ада.

С. 78, 149. *Запад есть Запад, Восток есть Восток.; Восток есть Восток.* — Строки «Баллады о Востоке и Западе» Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, / И вместе им не сойтись».

С. 82. «Она схватила ему за руку и неоднократно спросила: где ты девал папку?» — Вариация фразы А. Аверченко из «Почтового ящика “Сатирикона”» (1909, № 48): «Рудольфу. — Вы пишете в рассказе: «Она схватила ему за руку и неоднократно спросила: где ты девал деньги?» Иностранных произведений не печатаем». См. в т. 1 запись в записной книжке БНС 1954–1957 г.

С. 82. «Джойнт» — американская еврейская организация, созданная для оказания помощи евреям в других странах. Советская пропаганда утверждала, что организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе, и причастна к «Делу врачей».

С. 82. ...место посадки обозначим кострами... — Кострами обозначалось место посадки самолетов, для сброса груза при доставке через линию фронта или при нелегальной переброске через границу. Ср. шутку Малянова в ДЗ: «Место посадки обозначьте кострами...»

С. 82. *Национальность?* / — Да, — сказал Кацман и хихикнул. — Источник — анекдот, первое использование которого в литературе — стихотворение Е. Аграновича «Еврей-священник»: «...писал в графе “национальность” — “да!”».

С. 82. *Ты лучше вспомни, как у врача Тимашук орден отобрали...* — Письма врача-кардиолога Л. Тимашук (через четыре года после их написания) послужили поводом для «Дела врачей» — уголовного дела против группы высокопоставленных советских врачей, главным образом евреев, обвиненных в заговоре и убийстве ряда советских лидеров. В январе 1953 г. Л. Тимашук была награждена орденом Ленина «за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц». После смерти И. Сталина, в апреле 1953 г. дело было прекращено, а указ о награждении Л. Тимашук был отменен.

С. 83. *Земной год отбытия* — **БНС**, офлайн-интервью от 5.03.2008: *Вопрос:* Каким максимальным земным годом отбытия человека ограничивались наставники? *Ответ:* Наставники приглашали в Град землян в интервале от минус 20000 г. до плюс 1975 г. У авторов была мысль расширить интервал до плюс 2000 года, но это допущение сделало бы роман совсем другим, и авторы от него отказались. **Сост.:** Вероятно, БНС имел в виду интервал от –2000 до +2000, поскольку маловероятно, что Авторы планировали появление в Городе людей позднего палеолита.

С. 84. *Петэн, Квислинг, Ван Цзинвэй, Биляк* — французский, норвежский, китайский и чехословацкий коллаборационисты, т. е. правители, сотрудничавшие с оккупантами.

С. 84. *Это что-то вроде сна.* — **БНС**, офлайн-интервью от 17.06.2003: *Вопрос:* Скажите, а не был ли «Град обреченный» написан по мотивам сновидений? *Ответ:* В общем, нет. Но Красное Здание мы действительно взяли из одного моего сна. **Сост.:** См. в т. 14 запись от 25.03.68 в записной книжке БНС 1965–1979 гг.

С. 85. *Майор Пронин* — **БНС**, сентябрь 1996 г. (ответ на вопрос японской переводчицы Сато Сёко): Герой бездарного детективного романа советского писателя Льва Овалова. Стал символом этакого советского Джеймса Бонда — всезнающего, всемогущего, непобедимого и глупого.

С. 86. ...космополиты всякие... — См. примечание к с. 211.

С. 87. «Когда я приезжаю в чужую страну, (...) я никогда не спрашиваю, хорошие там законы или плохие. Я спрашиваю только, исполняются ли они...» — Ср.: «Если государство находится в беспорядке, то не потому, что беспорядочен закон, но потому, что он не применяется».

Все государства имеют законы, но не существует закона, который гарантирует исполнение законов». Шан Ян, «Книга Правителя области Шан», 18.

С. 87. *Dura lex, sed lex* — закон суров, но это закон (лат.).

С. 87. *Нет единого закона для эксплуататора и эксплуатируемого.* — Отсутствие равенства прав «эксплуататоров» и «эксплуатируемых» было одним из основных принципов советской правовой системы, установленной Конституцией РСФСР 1918 г.

С. 89, 136. *Ну что ж, мой еврей, пойдём? (...) Пошевелевайся, мой славный!; Угощайся, мой еврей. Угощайся, мой славный.* — Контаминация характерных выражений властей предержавших из нескольких произведений Л. Фейхтвангера: «Угощайся, мой славный» («Лже-Нерон», ч. 1, гл. 20; перевод И. Горкиной и Р. Розенталь; в части редакций перевода) и «Мой еврей» («Еврей Зюсс», трилогия об Иосифе Флавии).

С. 92. *Тьма египетская* — отсылка к Библии (Исход, гл. 10, ст. 22), к одному из чудес, которые совершил пророк Моисей.

С. 93. *А сегодня еще в тюрьму идти, тащить Изю передачу... Сколько ему еще сидеть осталось? Четыре месяца... Нет, шесть.* — **БНС**, офлайн-интервью от 18.07.2001: *Вопрос:* ...за что все-таки (конкретно) Гейгер упрятал Изю в тюрьму? *Ответ:* Изя был посажен, безусловно, «за сопротивление органам следствия и за нанесение побоев следственному работнику господину Румеру во время исполнения последним служебных обязанностей...». На самом деле, он Гейгера просто «достал», во-первых, а во-вторых, узнав у Изю Главную Тайну Города, Гейгер слегка растерялся и решил что-нибудь вроде: «Пусть этот еврей пока посидит в камере. Пока я продумаю, как можно употребить эту замечательную информацию...» Что касается Андреевой совести, то она начала по-настоящему мучить его, когда все уже было кончено, и оставалось только надеяться на какую-нибудь амнистию. Впрочем, не так уж долго Изя и сидел — всего-то несколько месяцев прошло, и началась Тьма Египетская.

С. 96. *Лабильнее* — здесь: подвижнее, гибче.

С. 96. *Махновщина* — повстанческое движение под руководством Н. Махно на Украине с июля 1918 по август 1921 г. под лозунгами анархизма. В советское время термин «махновщина» употреблялся как синоним бандитизма.

С. 96. *Шарпать* — **БНС**, 20.07.1995 (ответ на вопрос польского переводчика Т. Литвинского): Слово времен Стеньки Разина, означающее «грабить».

С. 96. *Жакерия* — крестьянское восстание во Франции в 1358 г.

С. 96. *Антоновщина* — или Тамбовское восстание 1920–1921 гг. — массовое крестьянское движение, направленное против Советской власти и получившее название по фамилии одного из его руководителей, А. Антонова.

С. 96. *Стояли в основном женщины, у многих на рукавах были почему-то белые повязки. Андрей, конечно, сразу вспомнил про Варфоломеевскую ночь...* — Варфоломеевская ночь — массовая резня гугенотов (французов-протестантов) во Франции, устроенная католиками в ночь на 24 августа 1572 г., в канун дня святого Варфоломея. Белые повязки на рукавах и шляпах участников погрома описаны, например, в романе Г. Манна «Молодые годы короля Генриха IV».

С. 96. *Кафе «Квисисана»* — **БНС**, сентябрь 1996 г. (ответ на вопрос японской переводчицы Сато Сёко): Было такое кафе на Невском проспекте в довоенном и сразу послевоенном Ленинграде. **Сост.:** «Grand Hotel Quisisana» — самый престижный отель на Капри, один из лучших в Италии. Также «Квисисана» — название двух ресторанов на Невском проспекте Петербурга в начале XX века.

С. 97. *...в каскетке с буквами «джи» и «эм».* — То есть GM, возможно — «General Motors».

С. 97. *«Жасмин — хорошенький цветочек! Он пахнет очень хорошо...»* — Начало акростиha из школьного фольклора. Далее: «Понюхай, миленький дружочек, — / А я сорву тебе еще!»

С. 104. *...под Ельней...* — Первая успешная крупная контрнаступательная операция Красной Армии в Великой Отечественной войне, 30.08 — 6.09.41.

С. 104. *Болванка* — здесь: артиллерийский снаряд с твердым сердечником, без взрывчатого вещества.

С. 104. *В городе фашистский переворот.* — **БНС**, офлайн-интервью от 18.09.2003: Ничего специфически фашистского в гейгеровском перевороте нет. Переворот как переворот — что Великий октябрьский, что пивной путч в Мюнхене, что чилийский переворот Пиночета. Они отличаются только степенью успешности, а значит, и числом жертв. Кэнси называет его «фашистским», но это — исключительно эмоциональная оценка, и не более того. И результатом переворота может быть что угодно: чилийское экономическое чудо; или советская разруха (с последующим превращением страны в сверхдержаву); или пшик — как это произошло в Мюнхене (но «зато» мюнхенский путч научил Гитлера, как прийти к власти — без всяких дурацких путчей).

С. 106. *...в чесуче ходить будешь, на «Победе» раскатывать!* — Чесуча — китайская шелковая ткань. В предреволюционной России и в годы нэпа чесучовый костюм — символ

респектабельности; у советских писателей человек в чесуче — это сытый бездельник, эксплуататор, демагог. ГАЗ-М-20 «Победа» — советский легковой автомобиль, выпускался в 1946–1958 гг., обладание им в личной собственности или право пользования им как служебной машиной было одно время символом успешности.

С. 106. *...шею помой...* — Отсылка к анекдоту.

С. 114. *Всеобщая амнистия! (...) Всех уголовников выпустили до единого...* — Отсылка к советской практике амнистий, в частности — знаменитой амнистии 1953 г., объявленной после смерти И. Сталина.

С. 115–116. *Такие вещи, согласишься, простым гражданам знать ни к чему. Этак все, к чертовой матери, вразнос может пойти... (...) Господи, ну конечно же... С чего это я взял, что он тебе все это расскажет? Зачем это ему — рассказывать? Он же у нас орел, вождь! Кто владеет информацией, тот владеет миром, — это он хорошо у меня усвоил!.. (...) Сказал только, что дело касается одной большой тайны Эксперимента, сказал, что опасно эту тайну знать.* — Речь о «Главной Тайне Города». **БНС**, офлайн-интервью от 9.01.1999: В папке была Главная Тайна Города. **БНС**, офлайн-интервью от 17.01.1999: *Вопрос:* Так может быть это — фактическое бессмертие жителей в том смысле, что даже их гибель в мире города не является на самом деле гибелью, а... *Ответ:* ...лишь возвращением в точку первоначальной вербовки. **БНС**, офлайн-интервью от 17.01.1999: ...Андрей (...) так и не узнал о существовании ГТГ, хотя испытал ее, так сказать, действие на себе лично. Правда, в принципе он мог бы и догадаться, что к чему. Но — не догадался. Просто не подумал об этом. **БНС**, офлайн-интервью от 21.01.1999: В папке, действительно, ничего не было о ГТГ. Там были «имена и адреса» — в широком смысле этого слова. Изя, человек по-своему весьма порядочный, до такой степени не хотел называть эти имена и адреса Гейгеру, что (под пыткой) пошел даже на разглашение ГТГ, хотя ему о-очень не хотелось этого делать — по понятным соображениям.

С. 116. *Рукописи не горят* — цитата из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (ч. 2, гл. 24).

С. 118. *Они так сразу не придут, — немедленно возразил Изя. — Они сначала позвонят! — Он швырнул в камин письмо, которое читал, и прошелся по кабинету. — Вы этого, Денни, не знаете и не понимаете. Это ритуал! Процедура, отработанная в трех странах, отработанная до тонкости, проверенная...* — Изя говорит о СССР при Сталине и Германии при Гитлере. Какую третью страну он имеет в виду — неясно. Возможно, Италию при Муссолини или Японию перед Второй мировой войной и во время нее.

С. 120. *Младший адъютант (что бы это могло значить, черт побери, слово какое-то знакомое... адъютант, коадъютант... что-то из истории... или из «Трех мушкетеров»)...* — Адъютант (от лат. adjutor) — помощник. «Кoadъютантом великого магистра ордена рогоносцев» называл А. Пушкина анонимный диплом-пасквиль. Кoadъютант — должность второстепенного действующего лица романа А. Дюма «Двадцать лет спустя».

С. 123. *Недотыкомка* — фантастическое существо из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» и стихотворения «Недотыкомка серая».

С. 124. *«Гейгер сказал: надо! Город ответил: сделаем!»* — Возможно, отсылка к советскому штампу «Партия сказала «Надо!» — Комсомол ответил «Есть!»».

С. 128. *Нормальный колледж* — амер. Normal College — учебное заведение, в котором повышают квалификацию учителя, главным образом — младших классов.

С. 128. *У них там президента застрелили (...)* *Прямо у него в городе...* — Отсылка к убийству президента США Дж. Кеннеди в 1963 г. в Далласе.

С. 129. *Индекс интеллигентности* — **БНС**, офлайн-интервью от 21.12.2003: *Вопрос:* Как определяется «индекс интеллигентности», упоминаемый в четвертой главе ГО? Почему Фриц Гейгер вообще захотел ввести подобный способ подбора кадров для своей канцелярии? Вроде бы бывший унтер-офицер вермахта никогда особой интеллигентностью не отличался. Да и его любимый советник Румер вряд ли сможет дотянуть хотя бы до минимального уровня. *Ответ:* «Индекс интеллигентности» есть некий аналог пресловутого IQ. А Гейгер хоть и унтер-офицер, а не дурак и управлять предпочитает людьми неглупыми. Что же касается Румера, то это подчиненный совсем другой категории — он верный. Без умных (в крайнем случае) обойтись можно, без верных — ни в коем случае.

С. 129. *Опять двадцать пять за рыбу деньги.* — Поговорка использована также в ЗМЛДКС и ДСЛ.

С. 131. *Отвоевался он капитаном и за всю войну убил одного-единственного человека — собственного политрука. Они тогда выходили из окружения, Евсеенко увидел, что политрука взяли немцы и обшаривают ему карманы. Тогда он выпалил в них из-за кустов, убил политрука и убежал. Очень он себя за этот поступок хвалил: они бы его запытали...* — Рассказ Т. Сыщенко, сотрудника экспедиции ГАО 1960 г. на Северном Кавказе. См. в т. 4 запись от 12.08 в записной книжке БНС 1960 г.: «Двое немцев держали политрука, завернув ему руки за спину, а

третий срывал с него петлицы, срезал пистолет, рванул ворот. Он выстрелил из автомата, и все четверо упали, а он побежал в кусты. Немцы издевались над политруком. Он не знал, правильно ли сделал. Это были его первые». См. также в т. 6 в ДК: «Интродукция: как я убил политрука, которого схватили эсэсовцы».

С. 132. *...правда ваша еще хуже лжи.* — Реминисценция комедии А. Грибоедова «Горе от ума»: «...Я правду об тебе порасскажу такую, / Что хуже всякой лжи» (действ. 3, явл. 9).

С. 132. *Господь да покарает вашу скуку!* — Цитата из романа Л. Леонова «Дорога на Океан», глава «Утро» («Бог да (...)»).

С. 133, 137. *Народничество* — движение в различных слоях российского общества в 1860–1910 гг.

С. 136. *Я не твой еврей, — возразил Изя, наваливая себе на тарелку салат. — Я тебе сто раз уже говорил, что я — свой собственный еврей. Вот твой еврей. — Он ткнул вилкой в сторону Андрея.* — **БНС**, офлайн-интервью от 26.06.2010: Это — скрытая цитата из трилогии Лиона Фейхтвангера об Иосифе Флавии. Там император Веспасиан так обращается к историку Флавию, своему (волею обстоятельств) рабу. Кацман хочет сказать, что он, Кацман, Гейгеру не раб и не прислуга; скорее уж Воронина следовало бы считать таковым. Кацман, конечно, не прав, но таков уж этот человек: ради острого словца не пожалеет и отца.

С. 136. *Сытые бунты* — вероятно, имеются в виду студенческие волнения в Западной Европе в 1968 г.

С. 136. *Хиппи* — протестная философия и субкультура 1960–1970-х гг.

С. 137. *«Вынесет все — и широкую, ясную...»* — Цитата из поэмы Н. Некрасова «Железная дорога» (2).

С. 137. *Технократ* — сторонник общественного устройства, при котором власть принадлежит научно-техническим специалистам.

С. 137. *Всяк сверчок да познает приличествующий ему шесток.* — Приблизительная цитата из «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина: «Всякий сверчок да познает соответствующий званию его шесток» (гл. «Эпоха увольнения от войн»).

С. 138. *«Перчику ему в жизнь, перчику!»* — Цитата из рассказа А. Чехова «Торжество победителя»: «Я ему в жизнь перчику... перчику!»

С. 138. *...а вот автомобиля у него нет. Почему? Он, понимаешь, на Земле привык к автомобилю, а здесь у него нет и, главное, не предвидится...* — **БНС**, офлайн-интервью от 27.12.2001: Автомобиль в Городе — большая редкость. Они есть, конечно, но их мало — производственные мощности малы, и нет возможности их наращивать. Я представляю себе (в смысле автомобилизации) Город таким предвоенным Ленинградом: пустынные улицы с многочисленными пешеходами на тротуарах и с конским навозом на мостовой.

С. 138. *...апокалипсис получается... Семь чаш гнева и семь последних язв...* — Откровение Иоанна (гл. 15–16).

С. 139. *Человечество не ставит перед собой проблем, которые оно не способно решить.* — К. Маркс, «К критике политической экономии», предисловие: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить...»

С. 140. *Как с обезьяньей лапкой. Уж если и исполнится желание, так с таким привеском, что лучше бы уж и не исполнялось совсем.* — Отсылка к рассказу У. Джекобса «Обезьянья лапка».

С. 141. *...она умеет особенно много гитик.* — «Наука умеет много гитик» — ключевая фраза карточного фокуса.

С. 143. *«Мрак и туман»* — наименование операции по вывозу из оккупированной Европы в Германию лиц, провинившихся перед нацистами. Выражение взято из оперной тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга».

С. 143. *Якобинцы* — в переносном смысле — крайне радикальные революционеры.

С. 145. *Лепаж* — Le Page — французская оружейная фирма, существовавшая с XVIII века до начала Второй мировой войны.

С. 145. *Шалльдämpfer* — Schalldämpfer — глушитель (нем.).

С. 145. *«Девятка»* — **БНС**, сентябрь 1996 г. (ответ на вопрос японской переводчицы Сато Сёко): Сленговое название редкой разновидности маузера. **Сост.**: Девятка — обозначение калибра 9 мм, вырезавшееся на рукоятке для предотвращения заряжания патронами обычного маузеровского калибра 7,63 мм.

С. 145. *«Маузер ноль-восемь»* — относится к чрезвычайно редкой разновидности (произведено не более сотни экземпляров, последний зарегистрированный номер — 77) M1906-08 с 20-зарядным магазином.

С. 145. *Кулеврина* — огнестрельное оружие, предшественник аркебузы, мушкета и легкой пушки.

С. 147. ...великие писатели тоже всегда брюзжат. Это их нормальное состояние, потому что они — это больная совесть общества, о которой само общество, может быть, даже и не подозревает. — **БНС**, офлайн-интервью от 19.04.2004: *Вопрос*: В «Граде обреченном» Вы с братом высказывали мысль (формулирую своими словами), что писатель (да и вообще, как я понял, имелся в виду интеллигент) не может хвалить власть, то есть не может быть заодно с ней. (...) Является ли некая оппозиция власти обязательной чертой интеллигента? *Ответ*: Тут, видимо, дело в том, что цели-задачи власти и интеллигенции противоположны. Суть, цель, главная задача всякой власти — удержать себя на вершине, в той или иной степени, но обязательно, сохранить статус кво. Суть любой интеллектуальной деятельности — открытие нового, внедрение нового, стремление нарушить статус кво. Кроме того, интеллигенция не любит «хвалить», она, по природе своей, настроена критиковать и искать червоточины общественной жизни. Ей без этого неинтересно — пресно, скучно, уныло. А какой власти (какому человеку вообще) нравится критика, особенно — точно нацеленная? Так вот и возникает противостояние. Субъективно вредное для оппонизирующих сторон, но объективно очень полезное для общества.

С. 148. *Комиссары в пыльных шлемах* — строка «Сентиментального марша» Б. Окуджавы.

С. 148. *Люгер с оптическим прицелом* — **БНС**, офлайн-интервью от 30.05.2001: *Вопрос*: Что за люгер с оптическим прицелом фигурирует у Вас в ОУПА и в том же ГО? На люгеры не ставилась оптика... *Ответ*: «Люгер с оптическим прицелом» — личная выдумка АНС (который как бывший военный был у нас всегда главным авторитетом по части вооружения). Я, помнится, тоже тогда усомнился было: ой ли? Смущал меня, впрочем, не оптический прицел, а главным образом, странный калибр. «Ничего, ничего! — было мне отвечено. — Это самое то!..» **Сост.**: В начале XX века для американской армии были изготовлены опытные образцы люгера калибра 0.45.

С. 148. *И телефон нужно белый.* / — *Белый мне не полагается,* — сказал Андрей со вздохом. — **БНС**, офлайн-интервью 28.07.2010: *Вопрос*: Почему Андрей жалуется Наставнику, что ему не полагается белый телефон, — ведь он один из приближенных Гейгера? *Ответ*: Он один из приближенных Гейгера, а спецтелефон вот ему не полагается. Да-с. Решение Гейгера. Принято в воспитательных целях: пусть помучается, пусть плешь себе переест: что надо еще сделать, чтобы заслужить этот чертов телефон... Начальство любит заниматься такими вот глупостями, а чиновники жизни себе не представляют без этих игр.

С. 149, 150. *Знаю я эти экспедиции! И в археологических я бывал, и во всяких прочих (...)* палатка, ночь, пустыня вокруг, безлюдье, волки воют, град, буря (...) *Град, понимаете? С голубиное яйцо величиной... И надо идти по нужде.; ...ни про Пенджикент, ни про Харбаз...* — Отражение экспедиционного опыта БНС, см. в т. 1 и 4 письма и дневники БНС 1957 и 1960 гг. **БНС**, офлайн-интервью от 22.03.2003: Да, я провел один сезон в археологической экспедиции в Таджикистане, недалеко от Пенджикента. Это было в 1957 (кажется) году. Кроме того, один из моих близких друзей был профессиональным археологом и много рассказывал мне о своей работе. Приходилось мне работать и в экспедиции по поиску места для Большого телескопа (Северный Кавказ, 1960 год). Эта экспедиция, конечно, во многом отличалась от археологической, но и общего с ней тоже имела много. По крайней мере, ситуации типа «ночь, палатка, волки воют...» — имели место и там, и там.

С. 150. *Чифань* — еда (кит.).

С. 152. *АХЧ* — административно-хозяйственная часть.

С. 153. *Фольксштурм* — *Volkssturm* (нем.) — ополченческие формирования Третьего рейха в последние месяцы Второй мировой войны.

С. 153. *Эль-Аламейн* — город на египетском побережье Средиземного моря, в районе которого в 1942 г. произошли два важных сражения между войсками Оси и Антигитлеровской коалиции.

С. 154. *Хватит с меня тех неприятностей, которые я претерпел от евреев в Палестине...* — Полковник имеет в виду сионистское движение за создание независимого еврейского государства в Палестине во время нахождения ее под Британским мандатом.

С. 154. *Дольфюсиха рассказывала Чачуа про милый Кенигсберг, на что Чачуа кивал носом и страстно приговаривал: «А как же! Помню... Генерал Черняховский... Пять суток пушками ломали...»* — Военная операция Красной армии по взятию Кенигсберга продолжалась четыре дня (6–9.04.1945). Генерал Черняховский, действительно воевавший в Восточной Пруссии, погиб до начала этой операции, 18.02.1945.

С. 154. ...«...ему дали десять суток за хулиганство и десять лет каторжных работ за разглашение государственной и военной тайны». — Анекдот, в котором виной осужденного являлась инвектива в адрес руководителя государства.

С. 155, 194. *«А вы знаете, полковник? (...) Союзное командование предлагает за голову Чапаева двадцать тысяч!..»* (...) *«Союзное командование, ваше превосходительство, могло бы дать и больше. Ведь за нами Гурьев, а в Гурьеве — нефть. Хе-хе-хе»;* *«Александр Македонский тоже был великий полководец, но зачем же табуретки ломать?»* (...) *«Чапаев»* (...) *«Брат*

умирает — *Митька, уши просит...*» — Фразы из к/ф «Чапаев», реж. Г. Н. и С. Д. Васильевы; третья — перефразировка из комедии Н. Гоголя «Ревизор»: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» (действ. 1, явл. 1).

С. 156. *Puo-puta* — популярный пасодобль 1930-х гг. германского композитора Э. Сантеухини.

С. 157, 233, 247. *Манерка* — походная металлическая фляжка с завинчивающейся крышкой в виде стакана (*устар.*).

С. 157, 192. *Стадо незнакомых голых обезьян...; Банда голых обезьян...* — Возможно, аллюзия на книгу по этологии человека Д. Морриса «Голая обезьяна», вышедшую в 1967 г. Мотив «голой обезьяны» как символа животного в человеке встречается также в ОО. Кроме того, БНС неоднократно высказывался в офлайн-интервью по поводу «обезьяны, сидящей внутри каждого из нас».

С. 160–161. *Статуя изображала коренастого типа в чем-то вроде тоги, наголо обритого, с неприятной жабьей физиономией. В свете прожектора статуя казалась черной. Левая рука показывала в небеса, а правая с растопыренными пальцами простиралась над землей.* — **БНС**, офлайн-интервью от 13.02.2001: *Вопрос*: Когда бываю в Питере, не могу отделаться от мысли, что «Град Обреченный» (...) — это Ленинград. *Вопрос*: «огромный железный человек с жабьим лицом и пафосно растопыренными руками» (...), — не памятник ли это Володарскому у одноименного моста через Неву? Уж очень похож по описанию. *Ответ*: Откровенно говоря, я совсем не помню этого памятника, хотя, разумеется, видел его, и неоднократно, проезжая по Володарскому мосту. Так что, скорее всего, совпадение чисто случайное. Но вообще-то Вы правы: Город — это в значительной степени Петербург-Ленинград, а дом, в котором живут Воронин и Сельма, — есть точная копия того дома, в котором жила наша семья до, во время и после войны (а также — того дома, в котором живут «здесь», в нашем мире, Воронин и Иська Кацман). [С позволения Бориса Натановича уточняю для особо дотошных — дом этот располагался по адресу: Сампсониевский (К. Маркса), 4. — **БВИ**.]

С. 167. *Стол и дом* — слова из басни И. Крылова «Стрекоза и Муравей»: «...Как под каждым ей листком / Был готов и стол, и дом».

С. 172. *Додон, Шамаханская царица* — персонажи «Сказки о золотом петушке» А. Пушкина (правильно: «Дадон»).

С. 175. *...татуировка «раб Хрущева».* — **БНС**, офлайн-интервью от 5.11.2004: *Вопрос*: Что означает у одного персонажа из ГО татуировка на лбу «Раб Хрущева»? *Ответ*: Как нам рассказывали, в советских лагерях 50-х, 60-х годов зеки-уголовники частенько делали себе на лбу татуировки: «Раб Хрущева», «Раб КПСС». Как я понимаю, это была такая форма протеста.

С. 175. *Говно — двигатель, — сказал он. — Его у нас вторым делали, не поспедали к сроку... Чудо еще, что до сего дня продержался.* — Отсылка к обычной для советского производства практике жертвовать качеством работы ради соблюдения директивных сроков.

С. 177. *Сегодня утром Любимый и Простой прошел по улице и заглянул ко мне в окно. Это улыбка. Пора.* — **БНС**, офлайн-интервью от 27.04.2000: Напоминаю, действие происходит в Городе Оживших статуй. «Любимый и простой» — титулование, надо думать, самой важной и могущественной статуи. «Улыбка» — безусловно некий специфический термин, соответствующий, может быть, нашему «...дец!».

С. 177. *Сие от нас не зависит.* — Ср.: «Необходимо Америку снова закрыть, — но, кажется, сие от меня не зависит?» М. Салтыков-Щедрин, «Современная идиллия» (глава 20, «Сказка о ретивом начальнике...», черновая рукопись четвертой и пятой редакции). Выражение популяризировано И. Сталиным в докладе о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. (раздел 4).

С. 179. *...мы, маленькие люди...* — «Мы люди маленькие» — характерная фраза персонажей А. Чехова. См., например, «Ненужная победа» (гл. 4), «Черный монах» (гл. 5).

С. 185. *Десант в Чемульпо* — операция армии США в сентябре 1950 г.

С. 186. *Раскаленное это безмолвие.* — Перефразировка заглавия рассказа Джека Лондона «Белое Безмолвие».

С. 190. *То он в бронзе, а то он в мраморе, то он с трубкой, а то без трубки...* — Цитата из «Ночного дозора» А. Галича.

С. 190. *Мускулюс глутеус* — *musculus gluteus* — ягодичная мышца (*лат.*).

С. 190. *Малых сих* — евангельское выражение. См. от Матфея, гл. 18, ст. 6.

С. 191. *...Отелло — дож венецианский.* — Контаминация двух строк песни А. Охрименко, С. Кристи, В. Шрейберга «Отелло»: «Отелло, мавр венецианский» и «Отец был дож венецианский».

С. 191. *Аттила — гуннов царь. Едет. Нем и мрачен, как могила...* — «В сталь закован, по безлюдью, / Едет гуннов царь Атилла, / Как медведь мохнат и крепок, / Нем и мрачен, как могила!»

«Атилла (из Залесского)», перевод В. И. Славянского (псевдоним Вас. И. Немировича-Данченко) фрагмента из поэмы польского поэта-романтика Ю. Б. Залесского «Дух степей».

С. 191. *Стол (...) обитый серым цинком...* — Оцинкованные столы — атрибут морга.

С. 192. *Мера вещей* — принцип древнегреческого философа Протагора: «Человек есть мера всех вещей».

С. 192. *Суд Линча* — убийство толпой без суда и следствия; практиковалось в США с 1860-х гг. до середины XX века.

С. 192. *Суд Фемы* — тайный исполнительный трибунал в средневековой Германии.

С. 192. *Товарищеский суд* — в СССР такие суды создавались на предприятиях, в учреждениях и организациях, а также при домоуправлениях.

С. 193. *Свобода, равенство и братство* — девиз Великой французской революции.

С. 193. *Куос эго!* — Quos ego! — Вот я вас! (*лат.*). Вергилий, «Энеида», кн. 1, строка 135.

С. 193. *Премия Калинги* — ежегодная премия ЮНЕСКО, присуждаемая за достижения в популяризации науки.

С. 194. «*Графиня, ваш Буцефал притомился, а кстати, не хотите ли вы со мной переспать?*» — Отсылка к анекдоту. Буцефал — кличка любимого коня Александра Македонского.

С. 194. *Экзэги монументум...* — Exegi monumentum — Я воздвиг памятник (*лат.*). Гораций, «К Мельпомене» («Оды», кн. 3, ода 30, строка 1). Фраза использована А. Пушкиным в качестве эпиграфа к стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

С. 198. *...Кехада, ты этого хотел.* — Ср.: «Ты сам этого хотел, Жорж Данден!» Мольер, «Жорж Данден, или Одураченный муж», действ. 1, явл. 7. Перевод В. Чернявского.

С. 199. *Комсомолец, орленок* — восходит к строке песни В. Белого на слова Я. Шведова «Орленок»: «На помощь спешат комсомольцы-орлята».

С. 203. *...как отец заставлял вас прочесть «Войну миров», как вы не хотели, как вы злились, как вы засовывали проклятую книжку под диван, чтобы вернуться к иллюстрированному «Барону Мюнхгаузену»... Вам было скучно от Уэллса, вам было от него тошно, вы не знали, на кой ляд он вам сдался, вы хотели без него... А потом вы прочли эту книжку двенадцать раз, выучили наизусть, рисовали к ней иллюстрации и пытались даже писать продолжение...* — См. в разделе публицистики т. 28 интервью АНС «Воспоминание о будущем»: «Мы начали писать, когда Борису было шесть, а мне 13 лет. Борис от руки переписывал Уэллса, представляете?». **БНС**, офлайн-интервью от 19.11.2004: «...В школьные годы АН с удовольствием иллюстрировал свои любимые книжки («Арктанию» Гребнева, «Войну миров» Уэллса)».

С. 203. *Барон Мюнхгаузен* — то есть «Приключения барона Мюнхгаузена» Р. Распэ.

С. 203. *...чтобы все мы были здоровы, а они нехай все подохнут.* — Использовано также в рассказе «Дачное происшествие» (т. 1) и в ПНО.

С. 204. *И только пыль, пыль, пыль, пыль...* — Аллюзия на рефрен стихотворения Р. Киплинга «Пыль (Пехотные колонны в последнюю войну)»: «Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог». Перевод А. Оношкович-Яцыны.

С. 205. *...присутствие Изю с его почти неестественным равнодушием к смерти...* — См. примечание к с. 115–116.

С. 205. *Отвалится ведь в ближайший же кол времени...* — Шуточное употребление «кол» вместо «единица» восходит к Д. Хармсу: «Прошло 35 колов времени, и хозяин принес Ивану Ивановичу антрекот на круглой деревянной дощечке», «Вот тут-то и произошла неприятность, так как не прошло и пятнадцати колов времени, как в животе у Ивана Ивановича начались сильные рези» («Случаи», 26. Исторический эпизод).

С. 206. *...Всеу на свете цена — дерьмо...* — Приблизительная цитата из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»: «Всеу этому цена дерьмо!» (ч. 1, гл. 1). Перевод П. Богатырева.

С. 210. *А ты кету едал? / — Навалом, — сказал Андрей. — Под водку знаешь как идет? Или бутерброды к чаю... А что? / — Так... — сказал Изю. — А вот мои дочки ее уже не пробовали.* — Многие продукты питания, бывшие в СССР в свободной продаже в 1940–1950 гг., стали дефицитными в 1960–1970 гг.

С. 210. *Вот тебе и на! Три дочки! У Изю!* — **БНС**, офлайн-интервью от 28.07.2010: *Вопрос:* Неужели Кацман бросил в Ленинграде трех дочерей? Почему? *Ответ:* Посмотрите на Кацмана внимательнее. Неужели так трудно понять: почему? *Вопрос:* Как, по-Вашему, Кацман-еврей мог относиться к Гейгеру-нацисту, особенно после подвала и сломанной руки? Простил? Презирал? Ненавидел? Может, и в экспедицию пошел потому, что хотел бежать? *Ответ:* Для него Гейгер — замечательно интересный образец человеческой породы. Живой, настоящий фюрер в натуральную величину! Где еще можно встретить такого? В кино? Из Ваших вопросов я вижу: Вы совершенно не понимаете, кто такой Кацман. А Кацман — великий, неутомимый, бесконечно

жадный до дела исследователь природы человека и обществ. Все прочее для него — вторично и малосущественно.

С. 211. *...только после Гутенберга или, как вас учили, после Ивана Федорова.* — Изя намекает на кампанию по «борьбе с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом», происходившую в 1948–1953 гг., в ходе которой также велась борьба за русские и советские приоритеты в области науки и изобретений.

С. 211. *Синдбад-Мореход и могучий Улисс...* — Строка «Капитанов» (2) Н. Гумилева.

С. 211. *Синдбад-Мореход* — персонаж арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

С. 211. *Улисс* — латинизированная форма греческого имени мифического царя Итаки Одиссея, персонажа «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.

С. 211. *И память у меня самая обыкновенная — не могу я ее обогатить всеми сокровищами, которые накопило человечество...* — Отсылка к статье В. Ленина «Задачи союзов молодежи»: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

С. 213. *«Человек есть душонка, обремененная трупом!»* — Марк Аврелий, «Наедине с собой. Размышления»: «Человек — это душонка, обремененная трупом», как говорит Эпиктет» (кн. 4, запись 41). Перевод С. Роговина. Источник — «Беседы Эпиктета (записанные Флавием Аррианом)», кн. 1, гл. 9, абзац 34. Эта цитата почерпнута АБС из книги М. Туровской «Герой “безгеройного времени” (заметки о неканонических жанрах)» (М.: Искусство, 1971). См. в т. 18 запись БНС между встречами 3.06 и 19.10.72 в рабочем дневнике АБС 1971–1987 гг. и в т. 19 письмо БНС от 15.03.73. Цитата была любима Авторами и использована также в ХС, ОЗ и ПП.

С. 213. *Всякая элита — это гнусно...* — Ср. слова Банева в ГЛ: «ненавижу всяческую элиту», а также мысли Тойво в ВГВ: «ибо я (...) не терплю элиты ни в каком обличье».

С. 214. *Он ясно увидел резкое движение того, что шел ему навстречу (рослый, ободранный, изможденный, до глаз заросший нечистой бородой)...* — **БНС**, офлайн-интервью от 3.12.2000: *Вопрос*: ...мир Града — «зеркало в точке Начала» или «четырёхмерный объёмный аналог листа Мебиуса»? *Ответ*: Если выбирать только из этих двух возможностей, то, конечно, «лист Мебиуса». Хотя, придумывая космографию Города, мы этого термина не использовали.

С. 215. *...свежая «Ленинградская правда» с большой передовой под названием: «Любовь ленинградцев к товарищу Сталину безгранична».* — Номер от 19 января 1951 г. См. в т. 18 запись БНС между встречами 3.06 и 19.10.72 в рабочем дневнике АБС 1971–1987 гг.

Варианты рукописей и изданий

«Град обреченный»

С. 216. *...как едва не погиб за 10 лет до того замечательный роман Гроссмана...* — «Жизнь и судьба».

С. 216. *Слова «НОВЫЙ АПОКАЛИПСИС» действительно внесены в рабочий дневник 15 марта 1967 года...* — Переписку и дневники за 1967 г. см. в т. 12.

С. 216. *...25 марта 1968 года БНС записывает в дневник...* — Переписку и дневники за 1968 г. см. в т. 14.

С. 217. *...фрагмент письма АНС брату от 4 января 1969 года с изложением нового сюжета завершается так.* — Переписку и дневники за 1969 г. см. в т. 15.

С. 217. *«Как живете, караси? / Хорошо живем, мерси!»* — См. примечание к с. 3.

С. 218. *Чешские события* — см. примечание к с. 58.

С. 218. *Фокстейлер* — см. примечание к с. 29.

С. 218. *Гарвардский университет* — один из старейших и самых уважаемых научных центров США.

С. 219. *Казни египетские* — отсылка к Библии (Исход).

С. 220. *«Кризис — это ситуация, при которой терпимый прежде круг обстоятельств становится вдруг, из-за появления нового фактора, совершенно нетерпимым».* Люис Борнхэйм. — Персонаж и цитата в переводе АНС из повести М. Крайтона «Штамм Андромеда» (ч. 1, гл. 3).

С. 220. *...сходство с недавно вышедшим романом А. и С. Абрамовых «Рай без памяти»...* — М.: Дет. лит., 1969.

С. 220. *Подготовка к работе над будущим романом продолжается и в начале 1970 года. БНС пишет брату незадолго до встречи: «О ГО думаю, конечно. ~ И вообще, главное — начать».* — Переписку и дневники за 1970 г. см. в т. 16. Цитируется письмо от 6 февраля.

С. 221. *Югенды* — здесь: члены молодежных политических организаций.

С. 221. *Ля пистон* — здесь: постельная сцена.

С. 222. *«O mein Gott!»* — О мой Бог! (нем.).

С. 223. *Тьма египетская* — см. примечание к с. 92.

- С. 224. *Контроль и учет* — лозунг В. Ленина. См. напр. статью «Государство и революция» (гл. 5, пар. 4).
- С. 226. *В 1971 году внимания Авторов требовала работа над другими произведениями (в первую очередь над «Пикником на обочине»), поэтому к ГО они вернулись лишь через год, в декабре. В рабочем дневнике этого периода содержатся среди прочего набросок предсмертного письма Денни Ли и прибаутки, предназначенные для дяди Юры.* — Дневники за 1971 г. см. в т. 17.
- С. 226. *Кибуц* — сельскохозяйственная коммуна в Израиле.
- С. 226. *27 февраля 1972 года АНС пишет брату...* — Переписку и дневники за 1972 г. см. в т. 18.
- С. 226. *...хочется, но странною хотенью.* — Аллюзия на строки стихотворения М. Лермонтова «Родина»: «Люблю отчизну я, но странною любовью»
- С. 227. *Грибины* — от «грибенкес» — гусиные или куриные шварки с луком (*идиш*). Слово использовано в ДСЛ.
- С. 227. *«Ауф айн припечек брент а файерл».* — «Алеф-бейс» (или по начальным словам «Афн припечек») — песня на идиш на слова и музыку М. Варшавского. Использовано в ПП.
- С. 230. *Эпиктет, «Человек есть душонка, обремененная трупом!»* — См. примечание к с. 213.
- С. 230. *«“Любовь ленинградцев...” Л<енинградская> П<равда>, 19.01.51, пятница»* — см. примечание к с. 215.
- С. 231. *Откладывалась работа над ГО и в 1974 году (...) БНС писал 15 марта...* — Переписку за 1974 г. см. в т. 20.
- С. 231. *«Дело Хейфеца–Эткинда»* — в рамках этого дела в 1974 г. М. Хейфец был арестован КГБ. БНС проходил свидетелем по его делу. Эта история получила художественное отражение в ПП.
- С. 231. *«Ленинградское дело»* — серия судебных процессов в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Жертвами репрессий стали все руководители ленинградских областной, городской и районных организаций ВКП(б), а также почти все советские и государственные деятели, которые после Великой Отечественной войны были выдвинуты из Ленинграда на руководящую работу в Москву и в другие областные партийные организации. Аресты производились по всей стране.
- С. 232. *Когда в январе 1975 года Стругацкие собрались-таки совместно править ГО, их встреча в Ленинграде оказалась не особо результативной (...) 6 февраля он записывает в дневник...* — Переписку и дневники за 1975 г. см. в т. 21.
- С. 233. *...прусским голосом...* — Отсылка к стереотипному представлению о прусской муштре, бытующему в русской культуре с середины XVIII века.
- С. 233, 262. *Стадо незнакомых голых обезьян...; Банда голых обезьян...* — См. примечание к с. 157, 192.
- С. 236. *Статуя изображала коренастого типа в чем-то вроде тоги, наголо обритого, с неприятной жабьей физиономией. Сейчас, в свете прожектора, она казалась черной. Левая рука статуи показывала в небеса, а правая с растопыренными пальцами простиралась над землей.* — См. примечание к с. 160–161.
- С. 241. *Стол и дом* — см. примечание к с. 167.
- С. 248. *Дерьмо двигатель, — сказал он. — Его вторым у нас делали, не поспевали к сроку... Чудо еще, что до сего дня продержался.* — См. примечание к с. 175.
- С. 249. *Сегодня утром Добрый и Простой прошел по улице и заглянул ко мне в окно. Эта улыбка. Я больше не могу.* — См. примечание к с. 177.
- С. 250. *Сие от нас не зависит.* — См. примечание к с. 177.
- С. 251. *А мы — люди маленькие...* — См. примечание к с. 179.
- С. 256. *Десант в Чемульпо* — см. примечание к с. 185.
- С. 257. *Раскаленное это безмолвие.* — См. примечание к с. 186.
- С. 261. *Мускулюс глутеус* — см. примечание к с. 190.
- С. 261. *Малых сих* — см. примечание к с. 190.
- С. 261. *...Отелло — дож венецианский.* — См. примечание к с. 191.
- С. 261. *Атилла — гуннов царь. Едет. Нем и мрачен, как могила.* — См. примечание к с. 191.
- С. 262. *Стол, обитый серым цинком...* — См. примечание к с. 191.
- С. 262. *Мера вещей* — см. примечание к с. 192.
- С. 262. *Суд Линча* — см. примечание к с. 192.
- С. 262. *Суд Фемы* — см. примечание к с. 192.
- С. 263. *Куос эго!* — См. примечание к с. 193.
- С. 264. *Премия Калинин* — см. примечание к с. 193.
- С. 264. *Экзеги монументум...* — См. примечание к с. 194.
- С. 268. *...Кехада, ты этого хотел.* — См. примечание к с. 198.

С. 271. *Комсомолец, орленок* — см. примечание к с. 199.

С. 271. *Ойло Союзное* — **БНС**, офлайн-интервью от 17.01.1999: «Ойло Союзное» — вполне профессиональное название некоего восточного лакомства типа рахат-лукума. Довольно часто встречалось в кондитерских магазинах 60–70-х годов. **БНС**, офлайн-интервью от 21.02.2004: ...у Ойла Союзного есть совершенно точный (и говорят — очень похожий) прототип. **Сост.**: См. в т. 18 запись от 21.01.72 в рабочем дневнике 1971–1987 гг.: «В магазине продается «Ойло Союзное», 2 р. с чем-то».

С. 271. *Коз-халва* — точнее, кос-халва — восточное лакомство с орехами.

С. 271. *Труд, завещанный мне богом...* — Реминисценция драмы А. Пушкина «Борис Годунов»: «...Исполнен долг, завещанный от бога / Мне грешному» (сц. «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»).

С. 273. *Майор Пронин* — см. примечание к с. 85.

С. 274–275. ...в черновике пьяный Фриц первоначально произносил: «В сердце каждого истинного немца фюрер жив, фюрер будет жить». В чистовике прямой намек на цитату из Маяковского, ставшую в советские времена «неприкосновенным» идеологическим штампом, слегка замаскирован... — «Ленин — / жил, / Ленин — / жив, / Ленин — / будет жить» — строки стихотворения «Комсомольская».

С. 275. ...мы обязательно увидим небо в звездах... — См. примечание к с. 42.

С. 277. *Железный Феликс* — прозвище Феликса Дзержинского, руководителя ВЧК.

С. 280. *Песню про «про дрожащие кости старого дряхлого мира»...* — См. примечание к с. 43.

С. 280. «*Москва — Пекин*» — см. примечание к с. 44.

С. 281. *Премия Калинги* — см. примечание к с. 193.

С. 282. *Он ясно увидел резкое движение того, что шел ему навстречу (рослый, ободранный, изможденный, до глаз заросший нечистой бородой)...* — См. примечание к с. 214.

С. 283. «*Хинди-руси бхай-бхай!*» — «Индийцы и русские — братья» (*хинди*). Лозунг советско-индийской дружбы в 1950–1980-е гг., официально пропагандировавшийся обеими сторонами. Провозглашен Н. Хрущевым на митинге в Бангалоре 26.11.1955.

С. 283. ...в переписке АБС 1977 года... — Переписку за 1977 г. см. в т. 22.

С. 283–284. ...в письмах и дневниках АБС за последние месяцы 1981 года (...) 9 января 1982 года в рабочих записях появляется заметка... — Переписку и дневники за 1981 и 1982 гг. см. в т. 25.

С. 284. 3 января 1983 года АНС зафиксировал в рабочем дневнике... — Переписку и дневники за 1983 г. см. в т. 26.

С. 284. 4 октября 1985 года АНС написал в дневнике... — Переписку и дневники за 1985 г. см. в т. 27.

С. 286. «*Там в степи глухой замерзал ямщик...*» — См. примечание к с. 44.

С. 286. «*Хазбулат удалой, бедна сакля твоя...*» — Романс на стихи А. Аммосова «Хас-булат удалой» (другое название — «Элегия»). Автор музыки (или обработчик народной мелодии) — О. Агренева-Славянская.

С. 286. ...АНС писал: «*Но ГО для 3–С — чушь, три года подряд печатать*»... — Запись от 3.05.86 из дневника 1984–1986 гг. См. т. 27.

С. 287. ...дневниковая запись БНС от 11 ноября 1987 года... — Дневники за 1987 г. см. в т. 28.

С. 287. 1 февраля 1988 года БНС записывает в дневнике... — Дневники за 1988 г. см. в т. 28.

С. 289. *Недотыкомка* — см. примечание к с. 123.

С. 291. *Релетир* — см. примечание к с. 15.

С. 294. ...называет его тонтон-макутом (...) «строил страшные рожи, делал вид, что палит из автомата» (...) «изображал пальцами очки». — См. примечание к с. 11.

С. 295. *После сорок восьмого — опять помалкивай да посматривай.* — См. примечание к с. 58.

С. 295. *Только немножко рот открыли золотой весной — на тебе, русские на танках прибыли...* — См. примечание к с. 58.

С. 295. *Петэн, Квислинг, Ван Цзинвэй, Васил Биляк* — см. примечание к с. 84.

С. 296. *Левитановские интонации* — см. примечание к с. 31.

Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий. [Предисловие к рассказам У. Джекобса «Старые капитаны»]

Беловая рукопись — машинопись из папки «АНС, Джекобс».

Написано 2.12.71. См. в т. 17 записи от 20.11, 2.12, 19.12 и 26.12.71 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется по изданию: Мир приключений. [Выпуск 1]. — М.: Дет. лит., 1973. Измененные в первом издании фрагменты рукописи приведены в подстраничных сносках.

С. 297. ...*об отважных пенителях морей.* — «...Для смелых пенителей моря...» — цитата из стихотворения Н. Гумилева «Капитаны» (4).

С. 297. ...*Пятнадцать человек на сундук мертвеца. / Йо-хо-хо, и бутылка рому! / Пей, и дьявол тебя доведет до конца. / Йо-хо-хо, и бутылка рому!* — Песня Билли Бонса из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» («...дьявол тебя доведет до конца»). Перевод Н. Чуковского.

С. 297. ...*бунт на борту обнаружив, / Из-за пояса рвет пистолет, / Так что золото сыплется с кружев, / С розоватых брабантских манжет.* — Строфа стихотворения Н. Гумилева «Капитаны» (1): «(...) сыплется золото (...)».

С. 297. *Малый каботаж* — прибрежное морское судоходство между портами одного и того же государства на одном и том же море.

С. 298. «*Числом поболее, ценою подешевле*» — цитата из комедии А. Грибоедова «Горе от ума», действ. 1, явл. 7.

Аркадий Стругацкий. Перемены в стране Тэй-бак

Черновик — рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Написано 8.09.73. См. запись от этой даты в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется по изданию: Литературное обозрение (М.). — 1973. — № 11. Сокращенные в первом издании фрагменты черновика приведены в подстраничных сносках.

С. 298. *Международная премия «Лотос»* — премия Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

С. 298. ...*в стране, столько лет напрягавшей все силы в борьбе против вооруженного до зубов агрессора...* — Речь идет о войне во Вьетнаме — боевых действиях в 1957–1975 гг., начавшихся как гражданская война в Южном Вьетнаме. Позднее в них были вовлечены США и Северный Вьетнам, получавший поддержку СССР и КНР.

С. 299. *Инсектицид «666»* — гексахлорциклогексан, гексахлоран.

С. 301. *ДДТ* — инсектицид дихлордифенилтрихлорэтан.

Аркадий Стругацкий. Трудно быть фантастом...

Ответы АНС на вопросы журналиста Л. Синицыной напечатаны под рубрикой «Наши интервью».

Публикуется по изданию: Комсомолец Таджикистана (Душанбе). — 1973. — 5 окт.

С. 301. *Рабочее название фильма «Город будет».* — Двухсерийный к/ф 1975 г. режиссера В. Ахадова по сценарию Ф. Ниязи и АНС вышел под названием «Семейные дела Гаюровых». См. также примечание к с. 366.

С. 301. *Нурек* — речь о строительстве Нурекской ГЭС на реке Вахш в Таджикистане в 1961–1972 гг.

С. 302. «*Солярис*» А. Тарковского — к/ф 1972 г. по одноименному роману С. Лема.

С. 302, 308, 319, 330. *Квалифицированный читатель* — см. трактовку обычного для публицистики и переписки АБС термина в т. 6 в рабочих записях БНС 1961–1962 гг. № 3: «...я имею в виду квалифицированных читателей, которые отличаются от всех прочих тем, что, во-первых, читают много (...), а во-вторых, любят не только читать, но и перечитывать». См. также в т. 4 эссе АНС.

С. 302. ...*французский вариант «Возвращения» оказался просто пересказом...* — Les revenants des étoiles / Trad. de P. Mazel. — Paris: Hachette, 1963.

С. 302. *В переводе нашей книги «Трудно быть богом», изданной в США, мы обнаружили массу неточностей, не говоря уж о «пустяках»; например, предложение «У него было напряженное злое лицо» стало таким: «У него было искусанное комарами лицо».* — Hard to be a

God / Transl. W. Ackerman. — NY: Seabury, 1973. Имеются в виду следующие цитаты из оригинального и переводного текста: «...перекошенную животным ужасом всегда такую незаметную, бледненькую физиономию дона Рэбы...» и «...and Don Reba's insignificant face being eaten up alive by stinking flies...» («...и незначительное лицо дона Рэбы, поедаемое заживо вонючими мухами...»). Перевод В. Экерман был выполнен с немецкого перевода ТББ Г. Бухнера: Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein / Übers. v. H. Buchner. — Düsseldorf: Marion von Schröder Verlag, 1971. См. также письмо БНС от 30.08.73 и примечание к нему.

С. 302. *В ближайшее время мне предстоит перевод знаменитого японского рыцарского романа 16-го века «Сказание о Ёсицунэ».* — Будущее издание: Сказание о Ёсицуне. — М.: Худож. лит., 1984.

С. 302. *Последнее же, что я сделал, — предисловие к тому Акутагавы Рюноскэ в серии «Всемирной литературы».* — Предисловие «Три открытия Акутагава Рюноскэ» в будущем издании: Акутагава Рюноскэ. Новеллы. — М.: Худож. лит., 1974.

Из архива

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастический роман Е. Войскунского и И. Лукодянова «Ур, сын Шама»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 7.01.73. См. записи от 26.12.72 (т. 18), 2.01, 7.01, 13.01 и 22.01.73 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Роман Е. Войскунского и И. Лукодянова был опубликован в издательстве «Детская литература» в 1975 г.

С. 304. *Номады — кочевники.*

С. 304. *...у зирцев остались сведения только о широте того места, где были подобраны Шам и Каа, и Ур, сброшенный с корабля на космической лодке, сел не в Месопотамии, а у западного берега Каспийского моря.* — Ошибка авторов романа. Фактически, западный берег Каспийского моря находится на долготе, близкой к долготе Месопотамии, но значительно севернее.

С. 305. *...одного из предыдущих романов тех же авторов... — «Экипаж “Меконга”».*

С. 305. *...внимание разведчика, обязанного отчетом своим хозяевам.* — Скрытая цитата из романа Ф. Достоевского «Бесы»: «Помните, что вы обязаны отчетом» (ч. 1, гл. 4, глава 4). Та же цитата использована в ЖВМ.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на приключенческий роман Эдуарда Кондратова «Птица войны»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС». Рецензия на второй вариант повести. Рецензию на первый вариант см. в разделе публицистики т. 17.

Написано 13–16.01.73. См. записи от 13.01 и 16.01.73 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Роман Э. Кондратова был опубликован в издательстве «Детская литература» в 1981 г.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на приключенческую повесть Р. Киплинга «Отважные мореплаватели»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 21.01.73. См. записи от 16.01 и 22.01.73 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Р. Киплинга была опубликована в альманахе «Мир приключений» за 1976 г. под заглавием «Отважные капитаны».

С. 307. *Повесть Рысса — возможно, имеется в виду повесть Е. Воеводина и Е. Рысса «Буря».*

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастический памфлет Б. Зубкова и Е. Муслина «Красная дверь, или Обыкновенные приключения Кена Прайса»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 21.01.73. См. записи от 16.01 и 22.01.73 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Вероятно, именно эта повесть из цикла о Кене Прайсе не была опубликована. (Ранее, в 1966 г., был опубликован рассказ под близким заглавием — «Красная дверь».)

С. 307. «Медикал секюрити» — «Medical security» (англ.) — медицинская безопасность.

С. 308. «История города Глупова», «Остров пингвинов», «В стране водяных», «Восковой шарик», «Смелый новый мир», «1984» — произведения, соответственно, М. Салтыкова-Щедрина («История одного города»), А. Франса, Акутагавы Рюноскэ, Ш. Мида («The Big Ball of Wax»), О. Хаксли и Дж. Оруэлла.

С. 308. Как вариант «футуры» капиталистического мира... — То есть будущего (от англ. future).

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических произведений Р. Подольного «Скрипка для Эйнштейна»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 21.01.73. См. записи от 16.01 и 22.01.73 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Сборник Р. Подольного в данном составе в издательстве «Детская литература» не издавался. Были опубликованы следующие произведения: «Восьмая горизонталь» — сборник «Фантастика, 1971» (М.: Мол. гвардия, 1971); «Скрипка для Эйнштейна» — сборник «НФ: Сборник научной фантастики. Выпуск 11» (М.: Знание, 1972); «Согласен быть вторым» — журнал «Искатель» (1973, № 1); «Сага про Митю» — журнал «Памир» (1973, № 12). Рассказ «Разочарованный странник» не был опубликован.

С. 308. «Поверить гармонией алгебру» — модифицированная цитата из «маленькой трагедии» А. Пушкина «Моцарт и Сальери» («Поверил / Я алгеброй гармонию», сд. 1).

С. 308. Берсерк — в древних Германии и Скандинавии воин, посвятивший себя богу Одину, бесстрашный, яростный и неистовый.

С. 308. «Разочарованный странник» — перефразировка заглавия повести Н. Лескова «Очарованный странник».

С. 308. Басмачи — участники партизанского движения местного населения в Средней Азии, действовавшего после революции 1917 г. до начала 1930-х гг.

С. 309. Лейнстер, «Одинокая планета» — М. Leinster, «The Lonely Planet», 1949.

С. 309. ...«Невидимки» Ж. Верна и Уэллса... — Речь о романах Ж. Верна «Проклятая тайна» («Тайна Вильгельма Шторица», «Невидимая невеста») и Г. Уэллса «Человек-невидимка».

С. 309. ...бездарный роман Шюта возвышается до уровня изумительного фильма, сделанного по этому роману. — Речь о романе Н. Шюта «На берегу» («On the Beach», 1959) и одноименном кинофильме 1959 г. реж. С. Крамера (в советском прокате — «На последнем берегу»).

Аркадий Стругацкий. Так кто же все-таки «открыл» Америку?

Рукопись из папки «АНС, блокноты, тетради, тексты».

Написано 4.02.73. См. записи от этой даты в дневнике АНС 1971–1973 гг. и от 16.02.73 в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

С. 310. ...бури и течения погнали какую-нибудь «фунэ» под парусом из бамбуковой щепы или даже целую флотилию таких «фунэ» далеко на запад в океан и через несколько месяцев прибили к американскому берегу. — Вероятно, оговорка АНС; нужно: «на восток».

С. 310. «Фунэ» — японская плоскодонная лодка.

С. 311. ...по направлению к Океании по маршруту Хейердала. — В 1947 г. Т. Хейердал с командой из пяти человек на плоту «Кон-Тики» проплыл из Перу до островов Туамоту.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Вячеслава Пальмана «Песня черного дрозда»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 12.02.73. См. записи от 9.02, 11.02 и 12.02.73 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть В. Пальмана была опубликована в издательстве «Детская литература» в 1975 г. под заглавием «Песни черного дрозда».

С. 311. «Разумного, доброго, вечного» — отсылка к строке стихотворения Н. Некрасова «Сеятелям»: «Сейте разумное, доброе, вечное...»

С. 311. «Кратер Эршота» — Пальман В. Кратер Эршота. — М.: Детгиз, 1958.

С. 311. ...это — третья часть большой трилогии о крупном кавказском заповеднике... — Первые две части: «Восточный кордон» (М.: Дет. лит., 1969) и «Там, за рекой» (М.: Дет. лит., 1972).

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник рассказов и повестей Александра Шагиняна «Пират»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС». См. в разделе публицистики т. 9 рецензию АНС на рассказ из этого сборника — «Тайна озера Хол-Хенс».

Датировано 12.02.73. См. записи от 9.02, 11.02 и 12.02.73 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Сборник А. Шагиняна в издательстве «Детская литература» не издавался. Были опубликованы следующие произведения: «Тайна озера Хол-Хенс» — журнал «Молодая гвардия» (1966, № 1); «Как это было на самом деле» — альманах «Мир приключений. 1975» (М.: Дет. лит., 1975); «Пират» — альманах «Океан» (М.: Дет. лит., 1981).

Аркадий Стругацкий. Обзорная рецензия на журнал Эсу-эфу-магадзин №1 за 1973 год

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Написано 18.02.73. См. записи от 9.02, 18.02 и 20.02.73 в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

С. 315. *Брайан Олдис*, «Мягкая загвоздка» — рассказ «The Soft Predicament», 1969 г.

С. 315. *Пол Андерсон*, «Свет» — рассказ «The Light», 1957 г.

С. 315. *Джон Уэйн*, «Лунная тишина» — поэма «Moondust», 1969 г.

С. 315. «Тоталоскоп» — название рубрики восходит к заглавию рассказа Абэ Кобо, переведенного на русский язык АНС под псевдонимом «С. Бережков».

Аркадий Стругацкий. Рецензия на роман Александра Воинова «Западня»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 4.03.73. См. записи от 19.02, 4.03, 5.03 и 3.04.73 в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

Роман А. Воинова был опубликован в издательстве «Детская литература» в 1973 г.

С. 316. *Так было с Питером Морицем, юным буром из Трансвааля, и с Капитаном Сорви-Голова, и с Красными Дьяволятами и т. д.* — Персонажи и заглавия следующих произведений: романа А. Нимана «Питер Мориц — юный бур из Трансвааля», романа Л. Буссенара «Капитан Сорви-голова», повести П. Бляхина «Красные дьяволята».

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Владимира Михановского «Гостиница “Сигма”»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 24.03.73. См. записи от 20.03, 25.03 и 3.04.73 в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

Сборник В. Михановского «Гостиница “Сигма”» был издан в издательстве «Детская литература» в 1979 г. и включал в себя следующие отрецензированные произведения: «Гостиница “Сигма”», «Разгадка Плутона», «Какое оно, небо?», «Погоня», «Мастерская Чарли Макгроуна», «Захлопни ящик Пандоры», «Малыш и Грубиян», «Место в жизни», «“Анитра” распределяет лавры», «Степная быль», «Искушение» (под заглавием «Искуситель»), «Жажда», «Страна Инфория» (под заглавием «Приключение в лесу»), «Бесприигрышная потеря». Также были опубликованы следующие произведения: «Последний жетон», «Рыжая», «Координаты бедствия» — авторский сборник «Тайна одной лаборатории» (Харьков: Прапор, 1964); «Удача» — альманах «На суше и на море. 1967–1968» (М.: Мысль, 1968); «Залив Дохлого Кита» — альманах «На суше и на море. 1970» (М.: Мысль, 1970); «Стена» — во втором выпуске альманаха «Мир приключений. 1973» (М.: Дет. лит., 1973); «Ограбили банк» (под заглавием «Ограбление») — журнал «Вокруг»

света» (1974, № 9); «Гибкая тактика» — авторский сборник «Перекресток дальних дорог» (М.: Мол. гвардия, 1987).

С. 317. *Уэстерн-компани* — Western company — западная компания (англ.).

С. 318. «Познание себя», В. Савченко — точнее, «Открытие себя».

С. 318. ...полет на субсветовой ракете во сне был описан в фантастической повести «Вторая Земля», автора не помню, опубликованной в конце сороковых годов. — Повесть идентифицировать не удалось.

С. 318. Далее, рассказ «Ловушка» должен быть исключен потому, что некоторые обстоятельства, описанные в нем, противоречат элементарным законам механики. ~ Невесомость там должна быть при выключенных двигателях, а не перегрузки. — Утверждение ошибочно. Перегрузки в ускоряемом магнитным полем корабле не возникали бы только в том случае, если бы это магнитное поле действовало бы на человеческий организм так же, как на корабль (то есть вызывало бы такое же ускорение).

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Сергея Снегова «Посол без верительных грамот»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 31.03.73. См. записи от 20.03 и 31.03.73 в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

Сборник С. Снегова «Посол без верительных грамот» был издан в издательстве «Детская литература» в 1977 г.

С. 319. ...несколько лет назад в одном из ленинградских сборников «Приключения и фантастика» был опубликован его большой роман «Люди как боги»... — В сборнике «Эплинский секрет» в серии «В мире фантастики и приключений» (Л.: Лениздат, 1966).

С. 319. ...коренной закон художественной литературы, так хорошо сформулированный одним из величайших писателей земли русской: можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию. — А. Чехов, письмо М. Горькому от 25 апреля 1899 г.: «Третьего дня я был у Л. Н. Толстого (...). Он сказал: “Можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадают именно психологические выдумки...”».

С. 320. «Человек человеку друг, товарищ и брат» — положение из Морального кодекса строителя коммунизма, составной части Третьей программы КПСС.

С. 320. ...сделались бы агентами уголовного розыска и работали бы на Петровке 38, и писал бы о них не Снегов, а Юлиан Семенов. — В доме № 38 на улице Петровка располагался Московский уголовный розыск (МУР). Одна из повестей Ю. Семенова о сотрудниках МУРа называется «Петровка, 38».

С. 320. Личности эти очень характерные, каждый со своим амплуа, как и положено героям классического детектива — Шерлоку Холмсу, Мегре, Эркюлю Пуаро, Перри Мэйсону... — Перечислены персонажи детективов А. Конан Дойла, Ж. Сименона, А. Кристи, Э. С. Гарднера.

С. 320. Великая теорема Ферма — считалась одной из наиболее трудных проблем математики. Доказана в 1995 г. Э. Уайлсом.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Вадима Инфантьева «На льду у Кронштадта»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 31.03.73. См. запись от этой даты в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

Повесть В. Инфантьева не была опубликована.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Игоря Росохватского «Каким ты вернешься?»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС». См. в разделе публицистики т. 10 рецензию АНС на повесть и рассказ из этого сборника — «Дело командора» и «Каким ты вернешься?».

Датировано 31.03.73. См. запись от этой даты в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

С. 324. Алексей Толстой, пьеса «Бунт машин» — обработка пьесы К. Чапека «Р.У.Р.».

С. 324. *Но это время прошло, как сказано у Экклезиаста, оно давно миновало.* — Фактически — автоцитата из «Стажеров»: «...время нищих духом прошло (...). Оно давно миновало, как сказано в том же Апокалипсисе». Имеется в виду апокрифический Апокалипсис Баруха: «Юношеское время мира уже прошло, и лучшая пора творений уже давно пришла к концу, и время почти уже прошло, уже почти миновало» (85, 10).

С. 324. Рассел, «Неудавшееся вторжение» — E. F. Russell, «Legwork», 1956.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Андрея Яковлева «Тяжелая работа»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 6.04.73. См. записи от 5.04 и 6.04.73 в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

Повесть А. Яковлева (Свердлова) была опубликована под заглавием «Схватка с оборотнем» в издательстве «Детская литература» в 1975 г.

С. 326. РОА — Русская освободительная армия — название вооруженных сил Комитета освобождения народов России, воевавших на стороне Третьего рейха против СССР.

С. 326. Оуновское движение — ОУН, Организация украинских националистов — политическая, военная и террористическая организация, действовавшая в 1920-х — 1950-х гг.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Альберта Валентинова «Заколдованная планета»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС». Рецензия на второй вариант повести. Рецензию на первый вариант см. в разделе публицистики т. 17.

Датировано 15.04.73. См. записи от 5.04 и 15.04.73 в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

Повесть А. Валентинова была опубликована в альманахе «Мир приключений» за 1975 г.

С. 328. «Возлюби дальнего» — антитеза Ф. Ницше евангельскому положению «возлюби ближнего своего» («Так говорил Заратустра», 1, Речи Заратустры, О любви к ближнему; от Матфея, гл. 22, ст. 39).

Аркадий Стругацкий. Отзыв на повесть Ю. Иванова «Сестра морского льва»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 15.04.73. См. запись от этой даты в дневнике АНС 1973–1974 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Ю. Иванова была опубликована в издательстве «Молодая гвардия» в 1973 г.

Аркадий Стругацкий. Борис Стругацкий. [Ответы на вопросы журнала «Советский шахтер»]

Два варианта машинописи из переписки АБС. Публикуется второй вариант.

Датировано 10.07.73. См. письма АНС от 29.05 и 13.06.73, письмо БНС от 1.06.73.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на рассказ-утопию В. Мелентьева «Дорога через себя»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 2.09.73.

Публикуется впервые.

Рассказ В. Мелентьева был опубликован в альманахе «Мир приключений» за 1975 г.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на научно-фантастический детектив Владимира Караханова «Опасайтесь невинного»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 2.09.73.

Публикуется впервые.

Научно-фантастический детектив В. Караханова не был опубликован.

С. 332. *Азербайджанский писатель* — в данном случае это указание не на язык, на котором пишет писатель, а на место его проживания.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастическую повесть Александра и Сергея Абрамовых «Человек, который не мог творить чудеса»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Написано 2–8.09.73.

Публикуется впервые.

Повесть А. и С. Абрамовых была опубликована в альманахе «Мир приключений» за 1974 г.

С. 332. «Человек, который не мог творить чудеса» — аллюзия на заглавие рассказа Г. Уэллса «Человек, который мог творить чудеса».

С. 332. *Но если «всадники ниоткуда» учинили нашествие в глобальном масштабе...* — «Всадники ниоткуда» — негуманоидная цивилизация, описанная А. и С. Абрамовыми в трилогии «Всадники ниоткуда», «Рай без памяти», «Время против времени» (к 1973 г. были опубликованы только две части трилогии).

С. 332. *Медиолог* — точнее, медиевист — историк, изучающий Средние века.

С. 332. *Готовы ли мы к жестоким чудесам грядущего?* — Реминисценция заключительных слов романа С. Лема «Солярис»: «...не прошло время ужасных чудес». Перевод Д. Брускина.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на научно-фантастическую повесть Владимира Михановского «Гостиница “Сигма”»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС». Рецензию на сборник В. Михановского, включающий эту повесть, см. выше.

Написано 2–8.09.73.

Публикуется впервые.

Повесть В. Михановского была опубликована в альманахе «Мир приключений» за 1974 г. и одноименном авторском сборнике в издательстве «Детская литература» в 1979 г.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Что касается фантастики...

Машинопись из папки «Статьи о нас (неопубликованное)». Заказанная «Литературной газетой» статья-комментарий АБС к планировавшейся публикации статьи А. Азимова «Куда же «лететь» писателю-фантасту...». Фактически, в номере газеты от 26 декабря 1973 г. вместе со статьей Азимова были опубликованы послесловия И. Варшавского «В страну воображения» и Б. Чирикова «Вокруг всей Вселенной!».

Датировано 14.09.73. См. письмо БНС супруге от 12.09.73, запись БНС между встречами 23.06 и 10.09.73 и записи от 12–14.09.73 в рабочем дневнике АБС 1971–1987 гг.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 333. *Итак, еще один путь в таинственное гиперпространство закрыт для фантастов. Айзек Азимов с присущим ему изяществом и талантом популяризатора еще раз продемонстрировал нам, как наука, способная открывать столь широкие перспективы и горизонты для самого богатого воображения, способна также воздвигать этому воображению непреодолимые препоны.* — Asimov I. The Ultimate Speed Limit // The Saturday Review (NY). — 1972. — July 8.

С. 333. *Тахионы, тардионы* — тахионы — гипотетические частицы, двигающиеся со скоростью, превышающей скорость света в вакууме, тардионы — частицы, скорость которых всегда меньше этой скорости.

С. 333–334. *...в аннотации к одному роману о путешествии на Марс ~ автор самостоятельно вычислил взаимные положения фигурирующих в романе планет.* — Возможно, речь об издании повести Г. Бовина о путешествии на Венеру «Дети Земли» (М.: Сов. Россия, 1960). Аннотация гласила: «Над повестью «Дети Земли» Г. Бовин работал десять лет (1948–1958). Одной из отличительных особенностей книги является то, что все описываемые в ней астрономические явления, даты, положения звезд, планет достоверны».

С. 334. *Репалулярный переход Ефремова* — отсылка к роману «Туманность Андромеды».

С. 334. *Нуль-транспортировка* — реалия ПКБ, ДР, ОО, М, ПИП, ЭВП, ЖВМ, ВГВ, упомянута также в ПНВС и ОЗ.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастико-приключенческую повесть В. Степанова «Подводный пират»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Написано, вероятно, в 1973 г.

Публикуется впервые.

Повесть В. Степанова не была опубликована.

С. 334. ...*в наши дни, когда развивается смягчение наших отношений с США...* — Речь о «разрядке напряженности» — политических процессах во взаимоотношениях между СССР и США с конца 1960-х гг. (когда был достигнут ядерный паритет) до конца 1970-х гг.

С. 335. *Жюль-верновский Паганель* — персонаж романа «Дети капитана Гранта».

Аркадий Стругацкий. Рецензия на книгу Тацухиро Осиро «Окинава. Репортаж с места событий»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Написано, вероятно, в 1973 г.

Публикуется впервые.

Перевод книги Тацухиро Осиро не был опубликован.

С. 335. <*Заглавие*> — Осиро Тацухиро. Гэнти-кара-но хококу Окинава. — Токио: Гэккан Пэн Ся, 1969.

С. 335. *Окинава, с одной стороны, является формально независимой страной, а с другой — управляется американской гражданской администрацией* — Окинава стала провинцией Японии в 1972 г.

С. 335. ...*нашему читателю известны главы из его превосходной повести «Коктейль-парти»...* — Осиро Тацухиро. Приглашение на коктейль // Японская новелла 1960–1970. — М.: Прогресс, 1972.

С. 336. ...*когда окинавцам запрещалось пользоваться своим диалектом...* — См. примечание к с. 41.

С. 336. *Вьетнамская война* — см. примечание к с. 298.

С. 337. ...*Чехов о Сахалине...* — Книга путевых очерков «Остров Сахалин».

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1973

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Одно письмо не датировано. Его датировка была выполнена составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 339. *История с покойным Ефремовым* — 4 октября 1972 г., через месяц после кончины И. Ефремова, сотрудниками КГБ в его квартире был проведен обыск с формальной целью обнаружения «идеологически вредной литературы». Это вызвало многочисленные и разнообразные домыслы в писательской среде и — позднее — в печати.

С. 339. *Стопчут они нас.* — Автоцитата из СОТ–2.

С. 340. ...*«Разговор в купе» Нудельмана.* — Нудельман Р. Разговор в купе // Фантастика, 1964 год. — М.: Мол. гвардия, 1964.

С. 340. *Сортир Сортирыч* — использовано в ХС.

С. 340. *Гиша Гуревич* — **БНС**, офлайн-интервью от 10.04.2011: АНС называл его (Гуревича. — **Сост.**) Гиша — в честь доисторического гигантского зверя гишу, пожирателя слонов, из романа Ефремова. **Сост.**: См. повесть «На краю Ойкумены», ч. 2, гл. 8. Именование зверя упомянуто также в ХС.

С. 341. *Так что это такой, понимаешь, по столетию ветер гудит.* — «Такой по столетию ветер гудит» — строка песни А. Галича «Уходят друзья».

С. 341. *Кричать «капиви»* — реминисценция перевода АНС повести Р. Кипплинга «Stalky & Co» (глава «Slaves of the Lamp», 1): «...we must make him cry “Capivi!”» Кипплинг широко использовал роман Р. Сертиса «Handley Cross, or Mr. Jorrocks’s Hunt». Здесь неточно процитировано частое у Сертиса восклицание «Carevi!» (видимо, его персонаж путает «carevi» и «ressavi», «я виноват» — (лат.).

С. 341. *И если уж продолжать писать, то встольную литературу, настоящую...* — То есть «в стол», без расчета на публикацию.

С. 341. *Контроль и учет* — см. примечание к с. 224.

С. 342. *Марочки! О, мои марочушечки!* — Автоцитата из ВНМ («Марочки мои, марочушечки»).

С. 344. *Напечатал и отослал в УОАП во внешний отдел заявление относительно венгерского неустройства с ОО.* — Сложности с изданием ОО в Венгрии возникли из-за того, что система имен на Саракше показалась издательству сходной с венгерской. АБС действительно использовали для ОО реальные венгерские и албанские имена и фамилии. В итоге перевод повести вышел в Венгрии только в 2009 г.

С. 344–345. *Прочитал я здесь удивительную книжку* — М. Туровская «Герои безгеройного времени». (...) *Я оттуда выписал прекрасную цитату из Эпиктета: «Что такое человек? Душонка, обремененная трупом».* — См. примечание к с. 213.

С. 345. *Правда, про Дж. Брауна я знаю только, что он заступался за негров и что тело его воспето в популярной песне.* — Песня «John Brown's Body», слова У. Стэффа, мотив религиозного гимна.

С. 345. *...главный, некто Цветков...* — Вероятно, фамилия неверна. В то время директором издательства «Современник» являлся Ю. Прокушев, главным редактором — В. Сорокин.

С. 346. *В Барселоне издали сборник советской фантастики. У нас там* — «Второе нашествие». — Точнее, не ВНМ, а три рассказа: El experimento olvidado; Las seis cerillas; El blanco cono de Alaid / Trad. C. Robles // Lo mejor de la ciencia ficción rusa. — Barcelona: Bruguera, 1973. — Исп. яз. — Загл. ориг.: Забытый эксперимент; Шесть спичек; Поражение.

С. 346. *Сейчас в связи с заключением конвенции все пошло кувыркком.* — См. примечание к с. 357.

С. 346. *...в Литобозе («Литературное обозрение») уже вышла положительная рецензия Ревича на ПНО.* — Ревич В. Позднее прозрение рыжего Шухарта // Литературное обозрение (М.). — 1973. — № 2.

С. 346. *Только что написал письмо в ЭКОН ФЕРЛАГ ГМБХ. Спрашиваю, за что нам перевели гонорар, и прошу газетные отклики на ОО.* — Die bewohnte Insel / Übers. v. H. Buchner. — Hamburg; Düsseldorf: Marion von Schröder Verlag, 1972. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Обитаемый остров. Права на издание были переуступлены одним издательством другому.

С. 347. *Из гэдээровского изд<ательст>ва «Фольк унд Вельт» прислали любезное письмо, где сообщают, что «Отель» выйдет у них «в течение ближайших недель»...* — Hotel «Zum Verunglückten Bergsteiger» / Übers. v. R. Willnow. — Berlin: Volk und Welt, 1973. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Отель «У Погибшего Альпиниста».

С. 348. *История современного молодого человека, получившего новую квартиру. Сатирическая сказка.* — Упомянуто в ХС.

С. 350. *Наконец, наконец, муха села.* — Строка фривольного стихика.

С. 350. *...Гослитиздат заказывает мне небольшой перевод из Ихара Сайкаку...* — Будущая публикация: Сайкаку Ихара. И барабан цел, и ответчик не в обиде; В женских покоях плотничать женщине; Подсчитали — прослезились бы, да некому / Пер. с яп. А. Стругацкого // Классическая проза Дальнего Востока. — М.: Худож. лит., 1975.

С. 354. *Я решил послать им письмо с предложением дать вопросы в письменном виде и письменно же ответить, чтобы не получилось, как с «Техникой — молодежи».* — В 1967 г. в № 7 журнала «Техника — молодежи» было опубликовано фальсифицированное Ю. Медведевым интервью с АБС «Дороги научного прорицания». (См. раздел публицистики т. 11.) Скорее всего, Медведев действительно посетил Авторов в Москве, но составленный текст интервью не предоставил им на визирование, сознательно провоцируя скандал.

С. 354. *Борис — брату, 1 июня 1973...* — Датировка составителей.

С. 356. *Большого и Малого ЦК* — то есть ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ.

С. 356. *...кто-нибудь за это время подохнет — либо он, либо мы, либо изменится конъюнктура.* — Реминисценция романа Л. Соловьева «Возмутитель спокойствия»: «...за двадцать лет кто-нибудь из нас уж обязательно умрет — или я, или эмир, или этот ишак».

С. 357. *«Профессиональный риск»* — французский к/ф 1967 г., реж. А. Кайат.

С. 357. *Пока твердо держится версия Стукалина, каковую он и подтвердил вновь в своем интервью «Журналисту» (номер 6).* — Стукалин Б. Конвенция: права и обязанности // Журналист (М.). — 1973. — № 6. Речь в статье идет о состоявшемся 27 мая 1973 г. присоединении СССР к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве и о выплате гонораров за новые зарубежные издания «ныне здравствующим авторам, а также наследникам авторов, умершим не более 25 лет назад». Изменен также порядок перевода произведения на другой язык: он «допускается не иначе как с согласия автора или его правопреемников».

С. 358. *Эх, хорошие у них там головы, на болотах...* — Автоцитата из ОО.

С. 358. *Бог теперь, кажется, снова в Москве...* — Перефразировка «Бог теперь в Италии» (эти слова Юста Тивериадского часто повторяет Иосиф в первых двух книгах трилогии Л. Фейхтвангера об Иосифе Флавии — «Иудейская война» и «Сыновья»).

С. 359. *Тет на тет* — шутливая вариация французского «tête à tête» — с глазу на глаз, без посторонних. Возможно, восходит к песням В. Высоцкого «Песенка про йогов» и «Жертва телевидения».

С. 360. *Что это тебе — шею мыть, что ли?* — Автоцитата из ОО.

С. 360. *Фестиваль* — Международный фестиваль молодежи и студентов (Берлин, 28.07–5.08.73).

С. 360. *Очень трогательное письмо пришло из Свердловска. Тамошний студенческий театр ПИЛИГРИМ поставил в прошлом году ХВВ под названием «Сле!».* Пишет режиссер. Присылает вырезку-рецензию из местной комсгазетки (похвальную) и кучу фото с генеральной репетиции. — Спектакль «Сле!» был поставлен режиссером Виктором Журавлевым весной 1972 г. в студенческом театре «Пилигрим» Уральского государственного университета.

С. 361. *Еще одно письмо пришло из Новосибирска, из тамошнего электротехнического института. Пишет преподаватель кафедры философии и марксизма.* — Глебов Владимир Львович, сын репрессированного Льва Каменева.

С. 361. *...Литературка нас все чаще поминает и каждый раз — без мата.* — Упоминания АБС в положительном либо нейтральном контексте см.: Кагарлицкий Ю., Парнов Е. Фантастика: Вчера, сегодня, завтра // Лит. газ. (М.). — 1973. — 23 мая; Птушенко А. Болезни роста — не кризис // Лит. газ. (М.). — 1973. — 18 июля.

С. 362. *...получил из Межкниги экземпляр «Трудно быть богом», издано в Нью-Йорке издательством «Сибэри Пресс»...* — Hard to be a God / Transl. W. Ackerman. — NY: Seabury Press, 1973. — Англ. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом.

С. 362. «Сайенс метафикшн» — «Science Metafiction» — научная метапроза (англ.), произведение, важнейшим предметом которого является исследование природы литературного текста.

С. 362. *...черкни из Коктеёбля.* — Именование от песни В. Бахнова «Коктебля».

С. 362. *Словарь-справочник «Новые слова и значения»* — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. — М.: Сов. энциклопедия, 1973.

С. 363. *Ссылаются также на (...) неких Рубина с Рыжковым.* — Ссылка в словаре дана на следующую статью: Рубин Е., Рыжков Д. Исповедь хоккейного репортера // Юность (М.). — 1967. — № 12.

С. 363. *Тебе для памяти: слово КИБЕР придумали мы лично и впервые опубликовали его в рассказе «Забывтый эксперимент» («Знание — сила», № 8, 1959 г.).* — Слово «кибер» было также употреблено в СБТ, опубликованной фактически одновременно с ЗЭ (книга подписана к печати 23.07.59): «...сбегали «киберы» всех сортов — строители, геологи, взрывники, землекопы, повара...»

С. 363. *Прочитал Громо-Нуделевское сочинение про Институт Времени.* — Громова А., Нудельман Р. В Институте Времени идет расследование. — М.: Дет. лит., 1973. Главных героев романа зовут Борис Николаевич Стружков и Аркадий Левицкий, в тексте присутствуют аллюзии на книги АБС.

С. 364. *МИИТ* — Московский институт инженеров железнодорожного транспорта Министерства путей сообщения СССР.

С. 365. *Тот же Симон приводит смешной пример переводческого ляпа в фрговском издании ТББ.* — Следующее издание: Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein / Übers. v. H. Buchner // Hamburg, Düsseldorf: Marion von Schröder, 1971; München: Heyne, 1972. Исследование Д. Макарова и Э. Симона этого перевода Г. Бухнера см. по сетевой ссылке <http://dimaka.livejournal.com/5422.html>.

С. 365. *Запиши в свою книжечку.* — Любимая фраза мистера Адамса, персонажа «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова (ч. 3, гл. 20; ч. 3, гл. 26 и др.).

С. 365. *Эдитор* — editor — редактор (англ.).

С. 365. *Котляр снова лянул нас в «Октябре».* — Котляр Ю. Фантастика и характеры // Октябрь (М.). — 1973. — № 10.

С. 366. *Душанбинский сценарий* — сценарий к к/ф 1975 г. «Семейные дела Гаюровых», реж. В. Ахатов, сценарий Ф. Ниязи и А. Стругацкого. В варианте киноповести опубликовано: Семейные дела Гаюровых // Памир (Душанбе). — 1974. — №№ 5, 6.

С. 366. *А вот читал ли ты статью в № 11 «Вопросов литературы»?* — Смелков Ю. Гуманизм технической эры // Вопросы литературы (М.). — 1973. — № 11.

С. 367. *Чего же вам еще надобно, старче?* — А. Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке»: «Чего тебе надобно, старче?»

С. 368. *Андрей Копылов и Ким Терман — БНС, 13.01.2007*: Это питерские знакомые АНа. Ким Терман даже, кажется, еще школьный приятель.

С. 368. *НичеГё — БНС, 17.07.2010*: Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?... ОтчеГё же...»

Борис Стругацкий. Письма матери, 1973

Подборка писем БНС Александре Ивановне за 1973 г. Одно письмо не датировано. Его датировка была выполнена составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях.

Публикуется впервые.

С. 369. *Борис — матери, 17 августа 1973...* — Датировка составителей.

С. 369. «*Профессиональный риск*» — см. примечание к с. 357.

Борис Стругацкий. Письма супруге, 1973

Подборка писем БНС Аделаиде Андреевне за 1973 г. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках. Одно письмо не датировано. Его датировка была выполнена составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях.

Публикуется впервые.

С. 370. «*Хоть причины не скучать очень даже есть...*» — Строка песни В. Высоцкого «Письмо на сельхозвыставку».

С. 370. *...начали писать статью для Литературки.* — См. в разделе публицистики материал «Что касается фантастики...».

С. 370. *...со свадьбы будут потрушины, поедим.* — От украинского «потрусини» или белорусского «патрушины» — сбор самых близких семье гостей в конце свадьбы, поедание остатков праздничного стола.

С. 371. *У него теперь есть телефон!* — Домашний телефон в советские времена относился к разряду «дефицита», и зачастую его установка требовала многолетнего ожидания в очереди или «блата».

С. 371. *Борис — супруге, 12 октября 1973...* — Датировка составителей.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1971–1987

Представлены записи за 1973 г.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 373. *Союз Девяти* — мифическая организация, якобы основанная правителем империи Маурием царем Ашокой (273–232 гг. до н. э.). Впервые упомянут в романе Т. Манди «The Nine Unknown» (1923). Упомянут в СОТ–2 и ЗМЛДКС.

С. 374. *...Ньютон — пойман на Апокалипсис...* — Имеется в виду написание И. Ньютоном труда «Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна».

С. 374. *...Ферма никогда не доказывал своей теоремы, почерк не его...* — Речь идет о заметках на полях «Арифметики» Диофанта издания 1621 г. к вопросу 8 Книги 2, в которых содержится формулировка Великой теоремы Ферма.

С. 375. *Он умел бумагу марать / под треск свечки! / Ему было за что умирать / у Черной речки. / (Б. Окуджава) / «Март великодушный» стр. 110* — Окуджава Б. Март великодушный. — М.: Сов. писатель, [1967]. Цитата из стихотворения «Счастливчик». Использовано в ЗМЛДКС.

С. 376. *И тени их качались на пороге. / Безмолвный разговор они вели, / Красивые и мудрые, как боги, / и грустные, как жители земли. / (Б. Окуджава)* — «Мне нужно на кого-нибудь молиться...»

С. 376. *...И вечно в сговоре с людьми — / Надежды маленький оркестрик / Под управлением любви. / (Б. Окуджава)* — «Песенка о ночной Москве».

С. 376. *Кто знает, что ждет нас? / Кто знает, что будет? / И сильный будет, / И подлый будет. / И смерть придет / И на смерть осудит. / Не надо / В грядущее взор погружать... / (Аполлинер) стр. 164.* — Аполлинер Г. Стихи. — М.: Наука, 1967. Цитата из стихотворения «Я вспомнил задорный куплет». Перевод М. Кудинова. Использовано в ЗМЛДКС.

С. 376. *Потому что век наш весь в черном, / Он носит цилиндр высокий, / И все-таки мы продолжаем бежать, / А затем, когда бьет на часах / Бездействия час и час отстраненья / От дел повседневных, / Тогда приходит к нам раздвоенье / И мы ни о чем не мечтаем. / (Аполлинер)*

стр. 170. — Цитата из стихотворения «Звуки рога». Перевод М. Кудинова. Использовано в ЗМЛДКС.

С. 376. *«Маленький балаган на маленькой планете Земля» А. Белый (стр. 450).* — Белый А. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, 1966. Точное заглавие стихотворения: «Маленький балаган на маленькой планете “Земля”».

С. 376. *«Сказали мне, что эта дорога...» Стр. 227.* — Японская поэзия. — М.: Гослитиздат, 1956. Зачин стихотворения Ёсано Акико «Трусость». Перевод В. Марковой. Использовано в ЗМЛДКС.

С. 378. *(По Кипплингу?) / Глянуть смерти в лицо сами мы не могли, / Нам глаза завязали и к ней привели.* — Р. Киплинг, «Эпитафии войны. Трус». Перевод Ю. Манина. Использовано в ЗМЛДКС.

С. 378. *Фальстаф* — Джон Фальстаф — персонаж пьес У. Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские насмешницы».

С. 379. *Поискать «Сельск<ую> молодежь» (~ июнь, июль 1973-го): Домбровский «Царевна-лебедь».* — Повесть опубликована в № 4 журнала.

С. 382. *Кот — Элегант. ~ грызет кость под домом.* — Использовано в ХС.

С. 382. *«Кубические формы» Ю. Манина* — Манин Ю. Кубические формы. Алгебра, геометрия, арифметика. — М.: Наука, 1972. Книга упомянута в ХС.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1971–1973

Фрагмент дневника за 1973 г.

Публикуется впервые.

С. 382. *Надо писать рецензию на «Ура, сына Шама»...* — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на научно-фантастический роман Е. Войскунского и И. Лукодянова “Ур, сын Шама”».

С. 383. *Потрепался заодно с Тимуром Гайдаром и Леном Карпинским. Бедняга!* — В то время Л. Карпинский был вынужден уволиться из Института конкретных социальных исследований АН СССР и перейти на работу в издательство «Прогресс».

С. 383. *ИМЛ* — Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР. Чаше употребляется аббревиатура ИМЛИ. ИМЛ'ом обычно именовался Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

С. 383. *Получили деньги за перевод китайской философии...* — См. в т. 18 в записях этого дневника АНС за июль-август 1972 г. упоминания работы над переводом «Китайской мысли» Гун-Син Вана. Перевод, вероятно, не был опубликован.

С. 383. *...предложила рецензию на Э. Кондратова — второй вариант его новозеландской повести.* — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на приключенческий роман Эдуарда Кондратова “Птица войны”».

С. 384. *...взял у Нины три рукописи: Киплинг, Подольный, Зубков–Муслин.* — См. в разделе публицистики материалы «Отзыв на приключенческую повесть Р. Киплинга “Отважные мореплаватели”», «Рецензия на сборник научно-фантастических произведений Р. Подольного “Скрипка для Эйнштейна”», «Рецензия на фантастический памфлет Б. Зубкова и Е. Муслина “Красная дверь, или Обыкновенные приключения Кена Прайса”».

С. 384. *Институт Энгельгарта* — ныне Институт молекулярной биологии им. В. А. Энгельгардта; в 1973 г. — Институт молекулярной биологии АН СССР. Энгельгардт был его директором в 1959–1984 гг.

С. 385. *Был на Бережковке...* — То есть у родителей жены на Бережковской набережной.

С. 385. *Сделал и отнес в «Вокруг света» очерк «Кто же все-таки открыл Америку?».* — См. в разделе публицистики материал «Так кто же все-таки «открыл» Америку?».

С. 385. *Гунки* — или гунки-моногатари (воинские повествования) — литературный жанр, сформировавшийся на рубеже XII–XIII вв.

С. 385. *Сегодня надо: к моему будущему (?) заведующему отделом и на выступление в ин<ститу>т Энгельгарта.* — Вероятно, писалось уже после полуночи, фактически в среду 7 февраля.

С. 385. *...получил задание написать «Нос<овой> платок»...* — То есть радиопостановку по новелле Акутагавы Рюноскэ.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1973–1974

Фрагмент дневника за 1973 г. Часть записей выполнена иероглифами. Составители признательны Н. Караеву за перевод с японского.

Публикуется впервые.

С. 386. *Надлежит написать рецензии для Детгиза: Шагинян и Пальман*. — См. в разделе публицистики материалы: «Рецензия на сборник рассказов и повестей Александра Шагиняна “Пират”», «Рецензия на повесть Вячеслава Пальмана “Песня черного дрозда”».

С. 387. *...встретил Мишу Богина, режиссера «Зоси»*. — Польшо-совет. к/ф 1967 г.

С. 388. *Сборник «Восток», т. 1 «Литература Китая и Японии». 1935 г.* — Восток. Сборник 1. Литература Китая и Японии. — [М.:] [Academia], 1935.

С. 388. *Конрад Н. И. «Японская литература в образцах и очерках», т. 1 и 2. Л. 1927 г.* — Конрад Н. Японская литература в образцах и очерках / Т. 1, 2. — Л.: Ин-т живых вост. языков им. А. С. Енукидзе, 1927.

С. 388. *Beefeater* — здесь: марка джина.

С. 388. *«Мандарины»* — рассказ Акутагавы в переводе Н. Фельдман.

С. 389. *Написал обзорную рецензию на № 1 «SF-магадзин»*. — См. в разделе публицистики материал «Обзорная рецензия на журнал Эсу-эфу-магадзин № 1 за 1973 год».

С. 389. *Вчера начал, сегодня закончил «Утерянная развязка» Сакё Комацу (SF, 1, 73)*. — Фактически — во втором номере журнала.

С. 389. *Вика дала на рецензию рукопись Воинова*. — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на роман Александра Воинова “Западня”».

С. 389. *ФБОИ* — Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР.

С. 394. *...получил на рецензию рукописи Михановского и ленинградца Снегова*. — См. в разделе публицистики материалы «Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Владимира Михановского “Гостиница “Сигма”» и «Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Сергея Снегова “Посол без верительных грамот”».

С. 394. *...ленинградца Снегова*. — Фактически С. Снегов жил в Калининграде.

С. 396. *«Гавана»* — ресторан на Юго-Западе Москвы, в районе, где проживал АНС.

С. 396. *Написал рецензии на (...) «Кронштадтский детектив»...* — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на повесть Вадима Инфантьева “На льду у Кронштадта”».

С. 396. *...на Росоховатского «Каким ты вернешься?»*. — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Игоря Росоховатского “Каким ты вернешься?”».

С. 397. *Написал рецензию на повесть Яковлева (Свердлова) «Тяжелая работа» (413 стр.)*. — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на повесть Андрея Яковлева “Тяжелая работа”».

С. 398. *Написал рецензии: / в Детгиз на Валентинова «Заколдованная планета»...* — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на фантастическую повесть Альберта Валентинова “Заколдованная планета”».

С. 398. *...в МолГв на Ю. Иванова «Сестра морского льва»...* — См. в разделе публицистики материал «Отзыв на повесть Ю. Иванова “Сестра морского льва”».

С. 398. *Вышел сборник «Фантастика-73» с ЧиП*. — Фактически — «Фантастика, 1972». (Подписан к печати 5.03.73.)

С. 400. *A rgoro* — кстати (лат.).

С. 401. *Восьмитомник Чехова* — Чехов А. Собрание сочинений. В 8 т. — М.: Правда, 1969–1970.

С. 402. *Дописал рецензию на «Западный край» То Хоая*. — См. в разделе публицистики материал «Перемены в стране Тэй-бак».

С. 402. *Надо, Федя*. — Цитата из к/ф Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Также — слова из «Песни о конькобежце» В. Высоцкого.

С. 403. *«Рустам и Сухраб», «Тайны забытой переправы»* — к/ф 1972 г., реж. Б. Кимягаров; к/ф 1973 г., реж. С. Хамидов.

С. 403. *Подвиг панфиловцев* — согласно канонической версии, 19 ноября 1941 г. в бою у разъезда Дубосеково 28 бойцов из дивизии генерала И. Панфилова уничтожили около двух десятков немецких танков. В 1948 и 1988 гг. официальная версия подвига была изучена Главной военной прокуратурой СССР и признана литературным вымыслом.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1972–1973

Книжка заполнена разнообразными записями: календарная часть — записями планов и событий 1972–1973 гг., алфавитная часть — адресами и телефонами знакомых. Публикуются записи за 1973 г.

Публикуется впервые.

С. 409. *Ровно год*. — Со дня вселения в новую квартиру.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1973–1974

Книжка заполнена разнообразными записями: календарная часть — записями планов и событий 1973–1974 гг., алфавитная часть — адресами и телефонами знакомых. Публикуются записи за 1973 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 410. *Позвонить Энгельгарту*. — Видимо, в Институт молекулярной биологии им. Энгельгарта насчет гонорара за февральское выступление.

С. 413. «Полдень. 22-й век». / Перевод с русского В. Берзинь. / Вильнюс. «Вага» 72-й г. — Vidurdienis, XXII amžius / Vertė V. Beržinis. — Vilnius: Vaga, 1972. — Лит. яз. — Загл. ориг.: Полдень, XXII век (Возвращение).

Борис Стругацкий. Дневник, 1969–1974

Тетрадь заполнена датированными и недатированными записями дневникового и творческого характера, цитатами из книг, статистическими подсчетами выдвижений членов Политбюро в Верховный Совет. Публикуются записи за 1973 г.

Публикуется впервые.

С. 413. *ЛДГ* — Ленинградский Детгиз, то есть Ленинградское отделение издательства «Детская литература».

С. 414. *Получил послание от Econ Verl. (...) За ОО пока мы получили только аванс*. — См. примечание к с. 346.

С. 414. *Пришли экзы ДоУ из ГДР*. — См. примечание к с. 347.

Борис Стругацкий. Дневник, 1965–1979

Тетрадь заполнена датированными и недатированными записями дневникового и творческого характера, цитатами из книг. Публикуется единственная запись за 1973 г.

Публикуется впервые.

Примечания к фотографиям и рисункам

Вкл. С. 10. См. т. 15. См. также с. 218 раздела «Варианты рукописей и изданий».

Вкл. С. 11. См. т. 16.

Вкл. С. 13. См. т. 18.

Вкл. С. 14. См. с. 228 раздела «Варианты рукописей и изданий».

Вкл. С. 15. См. т. 18.

В. Курильский, Л. Рудман

Библиография. 1973 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1.1.1. Малыш: Фантаст. повесть / Худож. Л. Рубинштейн // Талисман. — Л.: Дет. лит., 1973. — С. 10—157. — (Б-ка приключений и науч. фантастики).

1.1.2. Пикник на обочине: Отрывок из повести // Антология. — М.: Мол. гвардия, 1973. — С. 112—151. — (Б-ка современной фантастики; Т. 25).

1.1.3. Пришельцы: Рассказ участника археологической группы «Апиды» К. Н. Сергеева // Фантастика и приключения. — М.: Прогресс, 1973. — С. 74—94. — [2-я глава повести «Извне»].

1.1.4. Шесть спичек // Фантастика и приключения. — М.: Прогресс, 1973. — С. 95—117.

2. Статьи, интервью, выступления

2.1. А. и Б. Стругацких

2.1.1. О контакте // Молодой дальневосточник (Хабаровск). — 1973. — 25 авг. — С. 2. — [Полностью см. 1968/2.1.1].

2.2. А. Стругацкого

2.2.1. Б. н.: [Предисловие к подборке рассказов У. Джекобса «Старые капитаны»] // Мир приключений; [Вып. 1]. — М.: Дет. лит., 1973. — С. 700—701. — [Не подписано].

2.2.2. Перемены в стране Тэй-бак // Лит. обозрение (М.). — 1973. — № 11. — С. 89—90.

2.2.3. Трудно быть фантастом / [Вопросы задавала] Л. Сеницына // Комсомолец Таджикистана (Душанбе). — 1973. — 5 окт. — С. 4.

3. Работа над переводами

3.1. Джекобс У. Старые капитаны: Рассказы / Пер. с англ. А. Н. Бережкова // Мир приключений; [Вып. 1]. — М.: Дет. лит., 1973. — С. 701—757. — Содерж.: Просоленный капитан; В погоне за наследством; В павлиньих перьях; Бедные души; Романтическое плавание.

3.2. Миёси Тору. Девушка для танцев / Пер. с яп. С. Бережкова // Азия и Африка сегодня (М.). — 1973. — № 11. — С. 31—34.

Ю. Флейшман

Указатель имен

Menke Hannelore — см. Менке Ханнелоре.

Абрамовы Александр Иванович и Сергей Александрович — писатели, отец и сын.

Авраменко Инна Фёдоровна — заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия».

Агранович Евгений Данилович — сценарист, поэт, журналист.

Аграновский Анатолий Абрамович — журналист, сотрудник газеты «Известия» и «Литературной газеты».

Азбель Марк Яковлевич — физик, правозащитник.

Азимов Айзек — американский писатель, популяризатор науки.

Аким Яков Лазаревич — поэт, переводчик.

Аксёнов Василий Павлович — писатель.

Акутагава Рюноске — японский писатель.

Александр Македонский — царь Македонии, полководец.

Алпатов Михаил Владимирович — искусствовед, историк искусства.

Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.

Андерсон Пол Уильям — американский писатель.

Антоний Великий, Святой Антоний — монах-отшельник, проповедник.

Антонович — вероятно, сотрудник Главной редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио.

Анчаров Михаил Леонидович — писатель, поэт, бард.

Аполлинер Гийом (Костровицкий Вильгельм-Альберт-Владимир-Александр-Аполлинарий) — французский поэт.

Арамаки Ёсио — японский писатель.

Арбатов Георгий Аркадьевич — политолог, директор Института США и Канады АН СССР, сотрудник ЦК КПСС.

Архимед — древнегреческий математик, механик, инженер.

Арцимович Лев Андреевич — физик.

Атилла — царь гуннов.

Аттила — см. Атилла.

Ахадов Валерий Бакиевич — режиссер.

Ахроров Ато — киновед, член худсовета киностудии «Таджикфильм».

Ахтырцев Константин — сотрудник Госкино СССР.

Бабель (Бобель) Исаак Эммануилович — писатель.

Бакланов (Фридман) Григорий Яковлевич — писатель.

Баскаков Владимир Евтихианович — первый заместитель председателя Госкино СССР.

Белинский Виссарион Григорьевич — критик, публицист.

Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич) — писатель, поэт, философ.

Беляев Альберт Андреевич — заведующий сектором литературы Отдела культуры ЦК КПСС, позднее — редактор ряда изданий.

Березин Феликс Борисович — врач-психолог.

Берзинь Виктор — переводчик, редактор.

- Берия Лаврентий Павлович — политический и государственный деятель.
- Беркман Смуидритэ (ошиб. Смудрит) Карловна — редактор издательства «Детская литература».
- Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.
- Берман Феликс Соломонович — режиссер.
- Бианки Виталий Валентинович — писатель.
- Биленкин Дмитрий Александрович — писатель, критик, журналист, популяризатор науки.
- Биленкины — Биленкин Дмитрий Александрович, писатель, критик, журналист, популяризатор науки; Притула Татьяна Юрьевна, географ; супруги.
- Бияк Василь — чехословацкий политический и государственный деятель.
- Блок Игорь Генрихович — румынский переводчик.
- Бобринские (дружески — Бобры) Геннадий Иванович и Виктория — друзья АНС.
- Бобров Сергей Павлович — поэт, писатель, филолог, переводчик, популяризатор науки.
- Бовин Александр Евгеньевич — журналист, публицист, политолог, ранее — руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС.
- Богин Михаил Синаевич — режиссер, сценарист.
- Бондарев Юрий Васильевич — писатель.
- Борецкий Юрий Александрович — режиссер.
- Борман Мартин — немецкий политический и государственный деятель.
- Борщаговский Александр Михайлович — писатель, критик.
- Босх Иероним (Акен Ерун Антонисон ван) — нидерландский художник.
- Бочаров Н. — корреспондент БНС.
- Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
- Брассанс, Брассенс Жорж Шарль — французский шансонье.
- Браун Джон — американский политический деятель.
- Брэдбери Рэй (Брэдбери Рэймонд Дуглас) — американский писатель.
- Булгаков Михаил Афанасьевич — писатель, драматург.
- Быков Василь Владимирович — писатель.
- Вайсброт Евгений Павлович — переводчик, педагог.
- Валентинов (Вайнштейн) Альберт Абрамович — писатель.
- Ван Цзинвэй — китайский политический и государственный деятель.
- Ванслова Елена Гавриловна — редактор издательства «Мир», переводчик.
- Варшавский Илья Иосифович — писатель.
- Васильев (Юрий?) — вероятно, сотрудник киностудии «Мосфильм».
- Венжер Наталия Яковлевна — киновед.
- Верн Жюль Габриэль — французский писатель.
- Вийон Франсуа — французский поэт.
- Виктория, Александрина Виктория — королева Великобритании.
- Виноградов Вадим Петрович — режиссер киностудии «Центрнаучфильм».
- Вирта (Карельский) Николай Евгеньевич — писатель, драматург, сценарист.
- Воинов Александр Исаевич — писатель.
- Войскунские — Евгений Львович, писатель, друг АНС; Лидия Владимировна; супруги.
- Войскунский Евгений Львович — писатель, друг АНС.
- Волков Юрий Евгеньевич — философ.
- Воронин Сергей Алексеевич — писатель.
- Воронова Татьяна Владимировна — сотрудница географического факультета МГУ.
- Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; домашнее прозвище — Крыса) Елена Ильинична — супруга АНС.
- Высоцкий Владимир Семёнович — поэт, бард, актер.
- Габрилович Евгений Иосифович (Осипович) — писатель, драматург, сценарист.
- Гайдар Тимур Аркадьевич — писатель, журналист.
- Галич Александр Аркадьевич (Гинзбург Александр Аронович) — бард, поэт, драматург.
- Ганичев Валерий Николаевич — директор издательства «Молодая гвардия».
- Гансовский Север Феликсович — писатель.
- Геллерт Дьёрдь — венгерский переводчик.
- Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) — режиссер, сценарист.
- Герман Юрий (Георгий) Павлович — писатель.
- Гиммлер Генрих Луйтпольд — немецкий политический и государственный деятель.
- Гитлер Адольф — немецкий политический и государственный деятель.
- Гладилин Анатолий Тихонович — писатель.
- Гоголь Николай Васильевич — писатель, драматург.

- Гомер — легендарный древнегреческий поэт-сказитель.
- Гончаров Иван Александрович — писатель.
- Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.
- Горбачёв Павел Иванович — первый секретарь Нурекского горкома КП Таджикистана.
- Горбовский Александр Альфредович — историк, писатель.
- Гордон Яков Ильич — литературовед, поэт.
- Горелик Регина Марковна — заведующая отделом внешних сношений ВУОАП.
- Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.
- Григорьев (Абрамсон) Григорий Моисеевич — синолог, дипломат, сотрудник разведки, преподаватель ВИИЯ, составитель словарей.
- Громов Борис Васильевич — микробиолог, друг БНС.
- Громов Михаил Петрович — литературовед.
- Громова (Опульская) Лидия Дмитриевна — литературовед, супруга М. Громова.
- Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
- Гроссман Василий Семёнович (Иосиф Соломонович) — писатель.
- Гумилёв Николай Степанович — поэт.
- Гуревич Георгий Иосифович — писатель, критик, друг АНС.
- Густав VI Адольф — король Швеции.
- Гутенберг Иоганн, Гуттенберг Иоганн Генсфляйш цур Ладен цум — немецкий изобретатель, книгопечатник.
- Давыдов Сергей Давыдович (Давыдович Спартак Давыдович) — поэт.
- Давыдов Юрий Владимирович — писатель.
- Давыдова Софья — сценарист, редактор сценарной студии Госкино СССР.
- Данте Алигьери — итальянский поэт.
- Дарвин Чарльз Роберт — английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения.
- Девис Евгений Артурович — заведующий редакцией научно-популярной и научно-фантастической литературы издательства «Мир».
- Делюсин Лев Петрович — историк, синолог.
- Демичев Пётр Нилович — политический и государственный деятель.
- Деопик Дега (Дмитрий) Витальевич — историк, востоковед.
- Джекобс Уильям Уаймарк — английский писатель.
- Дисней Уолт Элиас — американский режиссер-аниматор, художник, продюсер.
- Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
- Домбровский Юрий Осипович — писатель.
- Достоевский Фёдор Михайлович — писатель.
- Драгунский — вероятно, Давид Абрамович, военачальник, общественный деятель.
- Дудин Михаил Александрович — поэт, руководитель СП СССР.
- Дьяконов Владимир Юрьевич — литературовед, член группы «Людены».
- Екатерина II Алексеевна — императрица.
- Ёкота Нобуя — японский литературовед.
- Ельцин Борис Николаевич — политический и государственный деятель.
- Емцев Михаил Тихонович — писатель, редактор.
- Ермаш Филипп Тимофеевич — председатель Госкино СССР.
- Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
- Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.
- Журавлёв Василий Николаевич — режиссер.
- Журавлёва Валентина Николаевна — писательница.
- Журкин Виталий Владимирович — политолог, заместитель директора Института США и Канады.
- Завьялов Захар Алексеевич — японист, составитель словарей, сотрудник ВИНТИ.
- Зайцев Вячеслав Кондратьевич — историк.
- Зайчикова Валентина Михайловна — старший редактор Главной редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио.
- Закгейм Александр Юделевич — химик, педагог, писатель.
- Захарченко Василий Дмитриевич — главный редактор журнала «Техника — молодежи».
- Зинаида — сотрудница журнала «Дружба народов», переводчик.
- Зорин (Гейм) Валентин Сергеевич — политический обозреватель, журналист.
- Зубков Борис Васильевич — писатель, редактор.
- Зульфикаров Тимур Касимович — поэт, писатель.
- Иванов Юрий Николаевич — океанолог, писатель.

- Иванова Нина Евгеньевна — сотрудница душанбинского Дома кино.
 Игельницкая Вера Ильинична — переводчик.
 Иллич-Свитыч (ошиб. Иллич-Святыч) Владислав Маркович — лингвист.
 Ильин Виктор Николаевич — секретарь по организационным вопросам МО СП СССР.
 Инфантьев Вадим Николаевич — писатель.
 Иоффе Ирина Львовна — переводчик, востоковед.
 Исимори Сётаро — см. Исиномори Сётаро.
 Исиномори Сётаро, Исимори Сётаро (Онодэра Сётаро) — японский мангака.
 Кадзумаса Хираи — японский писатель, сценарист.
 Казакевич Эммануил Генрихович — писатель.
 Казанцев Александр Петрович — писатель.
 Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».
 Камир Борис Исаакович — заместитель главного редактора издательства «Детская литература».
 Каплунов Юрий Самуилович — сценарист, член сценарно-редакционной коллегии киностудии «Таджикфильм».
 Каплунова Ида Соломоновна — супруга Ю. Каплунова.
 Каппе Юрий Семёнович — переводчик.
 Караханов Владимир Евгеньевич — писатель.
 Карнаков Яков Борисович — редактор журнала «Новое время», знакомый АБС.
 Карпинский Лен Вячеславович — публицист, заведующий редакцией издательства «Прогресс».
 Карякин Юрий Фёдорович — литературовед, публицист, историк.
 Катаев Валентин Петрович — писатель.
 Като Такаси — японский журналист.
 Каттнер Генри — американский писатель.
 Кафка Франц — австрийский писатель.
 Квислинг Видкун Абрахам Лёуриц Йонссён — норвежский политический и государственный деятель.
 Киплинг Джозеф Редьярд — английский писатель, поэт.
 Киямова Любовь Ивановна — редактор киностудии «Таджикфильм».
 Ключева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».
 Ключевы — Кривцов Юрий Владимирович, сотрудник разведки, переводчик; Ключева Бела Григорьевна, редактор издательства «Молодая гвардия»; супруги.
 Ковалевский Владимир Павлович — географ, писатель.
 Коган Александр Исаакович — корреспондент АНС.
 Колумб Христофор — испанский мореплаватель, первооткрыватель Америки.
 Комацу Сакё (Комацу Минору) — японский писатель, журналист.
 Кондратов Эдуард Михайлович — писатель.
 Конниппаку Аран, Кёдомари Аран (Мидзусима Юкки) — японский писатель.
 Конрад Николай Иосифович — востоковед, филолог, переводчик, педагог.
 Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.
 Копылов Андрей — знакомый АНС.
 Корнеев Сергей Павлович — поэт, писатель, ответственный секретарь журнала «Памир».
 Косарева Нина Сергеевна — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС, ранее — главный редактор журнала «Аврора».
 Кот — см. Котёночкин.
 Котёночкин (в тексте также Кот) Вячеслав Михайлович — режиссер-аниматор, сценарист, художник.
 Коткин Валентин Семёнович — писатель, переводчик, ответственный секретарь Иностранной комиссии СП СССР.
 Котляр Юрий Фёдорович — писатель, критик.
 Котов Евгений Сергеевич — сценарист, режиссер, заместитель главного редактора Главной сценарной редакционной коллегии Госкино СССР.
 Красина Татьяна Борисовна — редактор Главной редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио.
 Куприенко Раиса Ивановна — редактор Центральной сценарной студии Госкино СССР.
 Куприн Александр Иванович — писатель.
 Ларин (Эпштейн) Борис Абрамович — сценарист, друг АНС.
 Лебедева Нонна Александровна — старший инспектор ВУОАП.
 Левандовска Ирена — польский переводчик, журналист.

- Лейнстер Мюррей (Дженкинс Уильям Фитцджеральд) — американский писатель.
- Лем Станислав — польский писатель, философ.
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — политический и государственный деятель.
- Леонов Леонид Максимович — писатель.
- Ли Сын Ман — южнокорейский политический и государственный деятель.
- Литвинов Александр Зиновьевич — редактор Главной редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио.
- Лобанова Альбина Захаровна — младший редактор издательства «Молодая гвардия».
- Лондон Джек (Гриффит Чейни Джон) — американский писатель.
- Лукин Владимир Петрович — заведующий сектором дальневосточной политики Института США и Канады, впоследствии — государственный и политический деятель; друг АНС.
- Лукодянов Исая Борисович — писатель.
- Лункин Юрий Сергеевич — сотрудник ВО «Международная книга».
- Лурье Самуил (дружески — Саша) Аронович — критик, литературовед, редактор журнала «Нева».
- Максименко — ошиб., см. Максименков.
- Максименков (ошиб. Максименко) Валентин Михайлович — сценарист, сотрудник киностудии «Таджикфильм».
- Мальт Виктория Сергеевна — редактор издательства «Детская литература».
- Мальцев (Пупко) Елизар Юрьевич (Логгинович) — писатель.
- Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.
- Мао Цзэдун — китайский политический и государственный деятель.
- Маркман Александр Соломонович — врач, знакомый АНС.
- Марков Геннадий Евгеньевич — историк, этнолог, археолог.
- Марков Георгий Мокеевич — писатель, первый секретарь СП СССР.
- Маркова Светлана Даниловна — филолог, синолог, супруга В. Мясникова.
- Маркс Карл Генрих — немецкий экономист, философ, политик, создатель марксизма.
- Махлах-Львовская Елена Константиновна — редактор издательства «Детская литература».
- Маяковский Владимир Владимирович — поэт, драматург.
- Меггерс Бэтти Джейн — американская археолог.
- Мееров Александр Александрович — писатель, инженер-ракетостроитель.
- Мелентьев Виталий Григорьевич — писатель.
- Менделеев Дмитрий Иванович — ученый-энциклопедист.
- Менке Ханнелоре — редактор немецкого издательства «Фольк унд Вельт».
- Метальников Будимир (ошиб. — Боримир) Алексеевич — режиссер, сценарист.
- Миёси Тору — японский писатель.
- Миллеры — знакомые АНС.
- Миллионщиков Михаил Дмитриевич — физик.
- Минц Лев Миронович — географ, этнограф, журналист.
- Мирер Александр Исаакович — писатель, литературовед, редактор.
- Мирер Вера Леонидовна — супруга А. Мирера.
- Михаил Семёнович — электрик, сосед АНС по дому.
- Михайлова Светлана Николаевна — редактор издательства «Молодая гвардия».
- Михановский Владимир Наумович — писатель.
- Мицкевич Адам Бернад — польский поэт, публицист.
- Можейко Игорь Всеволодович (псевдоним — Кир Булычёв) — писатель, историк, редактор.
- Мунээ, Мунэй Мито, Хаммура Рё (Киёно Хэйтаро) — японский писатель.
- Муслин Евгений Салимович — писатель.
- Мухаббатова Гуландом (в тексте — Гуля) Салаховна — редактор, позднее — сценарист, режиссер, продюсер киностудии «Таджикфильм».
- Мясников Владимир Степанович — историк, востоковед, синолог, супруг С. Марковой.
- Н. М. — Михайловская Наталия Георгиевна, доцент Института русского языка АН СССР.
- Нацумэ Сосэки (Нацумэ Кинноскэ) — японский писатель.
- Неизвестный Эрнст (дружески — Эрик) Иосифович — скульптор, теоретик искусства.
- Немцов Владимир Иванович — писатель.
- Неуймина Наталия Кирилловна — главный редактор ленинградского отделения издательства «Детская литература».
- Николай II, Романов Николай Александрович — император.
- Никольский Борис Николаевич — главный редактор журнала «Нева».
- Никулин Юрий Владимирович — актер кино, артист и руководитель цирка.
- Нисиака (Нисиоку?) — японский политический деятель.
- Ниязи (в тексте — Ниязов) Фатех Ниязович — писатель.

- Новопашенный Виктор Борисович — астроном.
 Нортон Андрэ, Нортон Эндрю (Алиса Мэри) — американская писательница.
 Нудельман (дружески — Нудель) Рафаил Ильич (Эльевич) — литературовед, критик.
 Ньютон Исаак — английский физик, математик, астроном.
 Окуджава Булат Шалвович — поэт, писатель, бард.
 Олдис, Олдисс Брайан Уилсон — английский писатель.
 Орлов Даль Константинович — сценарист, критик, киновед, главный редактор Госкино СССР.
- Осетинский Олег Евгеньевич — сценарист, писатель.
 Осима Хироси — японский военачальник, дипломат.
 Осипов Валентин Осипович — главный редактор издательства «Молодая гвардия».
 Осиро Тацухиро — японский писатель, драматург.
 Островский Андрей Львович — писатель, заместитель главного редактора журнала «Аврора».
- Ошанин Илья Михайлович (в тексте также Папаня) — синолог, составитель словарей, тесть АНС.
- Ошанина-Фортулатова Екатерина Евгеньевна — теща АНС.
 Пальман Вячеслав Иванович — писатель.
 Парнов Еремей Иудович — писатель.
 Пащенко Леонид Никитович — поэт, ответственный секретарь журнала «Памир».
 Пётр I Великий, Романов Пётр Алексеевич — император.
 Пётр II Алексеевич — император.
 Пётр III Фёдорович — император.
 Петэн, Петен Анри Филипп — французский военный и государственный деятель.
 Пешеходова Галина Кузьминична — директор издательства «Детская литература».
 Писарев Дмитрий Иванович — критик, публицист.
 Плеханов Георгий Валентинович — политический деятель, философ.
 Подольный Роман Григорьевич — писатель, журналист, популяризатор науки.
 Полковников (Перфильев) Борис — автор рукописи.
 Полянский Дмитрий Степанович — министр сельского хозяйства СССР, член Политбюро ЦК КПСС.
- Попович Митор — югославский переводчик.
 Потёмкин Сергей Васильевич — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС.
 Прокофьев Александр Андреевич — поэт, ранее — руководитель ленинградского отделения СП РСФСР.
- Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.
 Разгон Наталия Львовна — сотрудница ЦНИИПИ.
 Раиса Ивановна — сотрудница Внешпосылторга.
 Рассел Эрик Фрэнк — английский писатель.
 Рахимов Абдусалом (в тексте также — Авессалом) Рахимович — актер, режиссер.
 Рахманин Олег Борисович — дипломат, историк, синолог.
 Ревич Всеволод Александрович — журналист, литературовед, кинокритик, друг АНС.
 Ревичи — Ревич Всеволод Александрович, журналист, кинокритик, литературовед, друг АНС; Чеховская Татьяна Петровна, журналист, редактор журнала «Знание — сила»; супруги.
 Рекемчук Александр Евсеевич — писатель.
 Рём Эрнст Юлиус — немецкий политический деятель.
 Рерих Николай Константинович — художник, философ, писатель.
 Робертс Чарльз Джордж Дуглас — канадский писатель, поэт.
 Родионов Николай Ильич — главный редактор студии «Союзмультфильм».
 Росохватский Игорь Маркович — писатель.
 Роттенштайнер Франц — австро-немецкий критик, переводчик, редактор издательства «Инзель», позднее — литагент АБС.
- Рубин Евгений Михайлович — спортивный журналист.
 Русаков Светозар Кузьмич — художник-аниматор.
 Рыжков Дмитрий Леонтьевич — спортивный журналист.
 Рысс Евгений Самойлович — писатель, сценарист.
 Саган (Куаре) Франсуаза — французская писательница, драматург.
 Сайкаку Ихара (Хираяма Того) — японский писатель.
 Саймак Клиффорд Дональд — американский писатель.
 Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — писатель.
 Санович Виктор Соломонович — редактор издательства «Художественная литература», переводчик.

- Свенцицкая Наталия Александровна — физик-оптик, знакомая БНС, супруга Ю. Чистякова.
 Свердлов Андрей Яковлевич (псевдоним — Андрей Яковлев) — дипломат, сотрудник НКВД, историк, писатель.
- Святковская Виктория Николаевна — старший редактор Госкино СССР.
 Семейко Лев Семёнович — историк, сотрудник Института США и Канады.
 Семёнов (Ляндрес) Юлиан Семёнович — писатель.
 Серебровский Владимир Глебович — художник.
 Сетон-Томпсон Эрнест — канадский писатель, художник.
 Сигер Пит (Питер) — американский поэт, бард.
 Сидхи (ошиб. Ситхи) Д. — главный редактор киностудии «Таджикфильм».
 Симон Эрик — немецкий переводчик, литературовед, редактор.
 Симонов Константин (Кирилл) Михайлович — поэт, писатель.
 Сеницына Людмила Алексеевна — сотрудница киностудии «Таджикфильм», журнала «Памир», позднее — писательница, редактор.
 Ситхи — ошиб., см. Сидхи.
 Скотт Вальтер — английский писатель, поэт.
 Смагин Борис Иванович — физик, журналист, писатель.
 Смирнов Иван Павлович — главный редактор Всесоюзного бюро переводов.
 Смолян Александр Семёнович — писатель, журналист.
 Снегов (Козырюк, Штейн) Сергей Александрович (Иосифович) — писатель.
 Снесарев Аркадий Георгиевич — сценарист, главный редактор студии «Союзмультфильм».
 Соловьев Олег Игоревич — журналист, редактор журнала «Вокруг света».
 Соловьёв Василий Иванович — главный редактор и директор Центральной сценарной студии Госкино СССР.
- Сологуб Фёдор (Тетерников Фёдор Кузьмич) — поэт, писатель.
 Солонович Евгений Михайлович — поэт, переводчик.
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — политический и государственный деятель.
 Степанов Виктор Александрович — писатель.
 Степанцев Борис Павлович — режиссер-аниматор.
 Стивенсон Роберт Льюис Бэлфур — английский писатель.
 Столпер Александр Борисович — режиссер.
 Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС.
 Стругацкая Александра Ивановна — мать АБС, педагог.
 Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.
 Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.
 Стукалин Борис Иванович — председатель Госкомпечати (позднее — Госкомиздата) СССР.
 Суслов Михаил Андреевич — государственный и политический деятель.
 Сучков Борис Леонтьевич — литературовед, критик, директор Института мировой литературы.
- Схилт, Шилт Йен — американский астроном.
 Сытин Виктор Александрович — писатель, ранее — заместитель главного редактора Госкино СССР.
- Табачников Михаил Яковлевич — поэт, писатель.
 Танака Кодзи — японский писатель.
 Тарковский Андрей Арсеньевич — режиссер, сценарист.
 Терман Ким — одноклассник АНС.
 Тимашук Лидия Феодосьевна — врач-кардиолог, чьи письма в вышестоящие органы послужили поводом к «делу врачей».
- Ткачёв Мариан Николаевич — переводчик, писатель, друг АНС.
 То Хоай (Нгуен Шен) — вьетнамский писатель.
 Толстой Алексей Николаевич — писатель.
 Толстой Лев Николаевич — писатель, философ, публицист.
 Томашевский Николай Борисович — литературовед, переводчик.
 Топорков — ошиб., см. Торопыгин.
 Торопыгин (ошиб. Топорков) Владимир Васильевич — главный редактор журнала «Аврора».
 Трифонов Юрий Валентинович — писатель.
 Туровская Майя Иосифовна — театровед, критик, сценарист.
 Тушкан Георгий Павлович — писатель.
 Тэдзука Осаму (в тексте ошиб. — Тэдзука Дзитё) — японский художник.
 Успенский Лев Васильевич — писатель, филолог.
 Уэйн Джон Баррингтон — английский поэт, писатель.
 Уэллс Герберт Джордж — английский писатель.

- Фаркаш Йозеф — корреспондент венгерского телевидения в СССР.
 Фёдоров Иван, Москвитин Иван Фёдорович — один из первых русских книгопечатников.
 Фельдман-Конрад Наталья Исаевна — филолог, переводчик, составительница словарей.
 Феонова Вера Борисовна — переводчик.
 Ферма Пьер — французский математик.
 Фомин Олег Николаевич — сотрудник ВО «Международная книга».
 Фошко (урожденная Воскресенская) Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
 Фошко Эдуард Львович — зять АНС, супруг Н. Воскресенской.
 Франк — Лев Вульфович, криминалист; Лия Давидовна, педагог; супруги.
 Хаббл Эдвин Пауэлл — американский астроном, космолог.
 Хейердал Тур — норвежский путешественник, антрополог.
 Хейфец Михаил Рувимович — литератор, историк, друг БНС.
 Хемингуэй Эрнест Миллер — американский писатель.
 Херст Уильям Рэндольф — американский газетный издатель, медиамагнат.
 Хинкис Виктор Александрович — переводчик.
 Хираи Кадзумаса — японский писатель.
 Хитрук Фёдор Савельевич — режиссер-аниматор, художник.
 Хнёупек Богуслав — чехословацкий политический деятель.
 Ходза Нисон Александрович — писатель.
 Хрущёв Никита Сергеевич — государственный и политический деятель.
 Цветков (вероятно, фамилия ошибочна) — сотрудник издательства «Современник».
 Цуцуи Ясутака — японский писатель, драматург, сценарист, мангака.
 Чайковский Пётр Ильич — композитор.
 Чапаев Василий Иванович — военачальник.
 Челлини Бенвенуто — итальянский скульптор, ювелир.
 Чепуров Анатолий Николаевич — писатель, руководитель Ленинградского отделения СП СССР.
- Черняховский Иван Данилович — военачальник.
 Чесноков Владислав Фёдорович — переводчик, сотрудник Иностранной комиссии СП СССР.
 Чехов Антон Павлович — писатель, драматург.
 Чеховская Татьяна Петровна — журналист, редактор журнала «Вокруг света», супруга В. Ревича.
- В. Ревича.
 Чивилихин Владимир Алексеевич — писатель.
 Чолич Милан — югославский переводчик.
 Шагинян Александр Вартанович — писатель, драматург.
 Шалимов Александр Иванович — писатель.
 Шауро Василий Филимонович — заведующий Отделом культуры ЦК КПСС.
 Шейнис Иосиф Михайлович — сотрудник ВИНТИ.
 Шекли Роберт — американский писатель.
 Шестинский Олег Николаевич — поэт, писатель, руководитель СП СССР.
 Шефнер Вадим Сергеевич — писатель, поэт.
 Шилейко Алексей Вольдемарович — физик, популяризатор науки, друг АНС.
 Шлепянов Александр Ильич — сценарист, редактор Центральной сценарной студии.
 Шмакова Елена Александровна — сотрудница Литературной редакции ленинградского телевидения.
- Шолохов Михаил Александрович — писатель.
 Шют Невил Норвей — английский, австралийский писатель, авиаинженер.
 Щербаков Рем Леонидович — журналист, сценарист, литературовед.
 Эванс Клиффорд — американский археолог.
 Эйнштейн Альберт — немецкий, американский физик, общественный деятель.
 Эмма Николаевна — машинистка.
 Энгельгардт (в тексте — Энгельгарт) Владимир Александрович — биохимик, директор Института молекулярной биологии АН СССР.
 Эпиктет — древнегреческий философ.
 Эрмлер Фридрих Маркович (Бреслав Владимир Маркович) — режиссер, сценарист.
 Эсторадо, Эстрада Эмилио — эквадорский археолог.
 Этинген Лев Ефимович — врач, душанбинский знакомый АНС.
 Эткинд Ефим Григорьевич — литературовед.
 Юрьев Игорь Григорьевич — сотрудник ВИНТИ.
 Якобсон Анатолий Александрович — литературовед, переводчик, правозащитник.
 Яковлев Андрей — см. Свердлов.
 Яра Тиобио — японский политический деятель.

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

- Ваш покорный слуга кот — замысел второго перевода АНС повести Нацумэ Сосэки.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 ВММ — Второе нашествие марсиан.
 Возвращение.
 Волны гасят ветер.
 Встреча миров — либретто научно-художественного фильма.
 Второе нашествие марсиан.
 Выбор пал на Рыбкина — либретто киноминиатюры.
 Гадкие лебеди.
 ГБ — Город будет.
 ГЛ — Гадкие лебеди.
 ГО — Град обреченный.
 Город будет — см. Семейные дела Гаюровых.
 Град обреченный. Варианты заглавия романа, его фрагмента, новелл и притч для него: Дом; Мой брат и я, или Новый апокалипсис; Седьмое небо; Шахматы, Экспедиция на Север.
 Далекая Радуга.
 Дачное происшествие.
 Девушка для танцев — перевод АНС рассказа Тору Миёси.
 Дело об убийстве — см. Отель «У Погибшего Альпиниста».
 Дом — замысел, реализованный в романе «Град обреченный».
 ДОУ — Дело об убийстве.
 ДР — Далекая Радуга.
 Дьявольская шкатулка — либретто киноминиатюры. Вариант заглавия: Заколдованная шкатулка.
 ЖВМ — Жук в муравейнике.
 Жук в муравейнике.
 За миллиард лет до конца света.
 За проходной — либретто киноминиатюры.
 Забытый эксперимент.
 Заколдованная шкатулка — см. Дьявольская шкатулка.
 ЗМЛДКС — За миллиард лет до конца света.
 ЗЭ — Забытый эксперимент.
 ИСП — Июль с пришельцем.
 Июль с пришельцем — замысел.
 Конец планеты негодяев — либретто мультфильма. См. Погоня в космосе.
 Кот — см. Ваш покорный слуга кот.
 Кто же все-таки открыл Америку? — очерк АНС.
 Люди и боги — замысел.
 М — Малыш.
 Малыш.
 Мальчик из преисподней — см. Парень из преисподней.
 МИП — Мальчик из преисподней.
 Мой брат и я, или Новый апокалипсис — замысел, реализованный в романе «Град обреченный».
 Н — Новосел.
 НА — Новый Апокалипсис.
 НВ — Неназначенные встречи.
 Невидимки — либретто киноминиатюры.
 Нейтронный ад — первоначальное заглавие третьей части повести «Экспедиция в преисподнюю».
 Неназначенные встречи — название планируемого сборника.
 Новосел — замысел.
 Новый апокалипсис — см. Мой брат и я, или Новый апокалипсис.
 Обитаемый остров.
 ОЗ — Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
 ОО — Обитаемый остров.
 Операция «Итай-итай» — заглавие второй части повести «Экспедиция в преисподнюю».
 ОСИП — О странствующих и путешествующих.

- Отель «У Погибшего Альпиниста». Вариант заглавия: Дело об убийстве.
 Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
 ОУПА — Отель «У Погибшего Альпиниста».
 Охота на василиска — замысел.
 П22В — Полдень, XXII век.
 ПХХIIV — Полдень, XXII век.
 Парень из преисподней. Вариант заглавия: Мальчик из преисподней.
 ПВК — Погоня в Космосе.
 Пикник на обочине.
 ПИП — Парень из преисподней.
 ПКБ — Попытка к бегству.
 ПНВС — Понедельник начинается в субботу.
 ПНО — Пикник на обочине.
 Погоня в космосе — либретто мультфильма, позднее — первая часть повести «Экспедиция в преисподнюю». Вариант заглавия: Конец Планеты Негодяев.
 Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.
 Полдень, XXII век.
 Понедельник начинается в субботу.
 Попытка к бегству.
 Последнее открытие Рюноске Акутагавы — статья АНС.
 ПП — Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.
 Риф Октопус — см. События на рифе Октопус.
 РНПСО — Рукопись, найденная при странных обстоятельствах.
 РОПСО — Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах.
 Рукопись, найденная при странных обстоятельствах — замысел.
 Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах — замысел.
 С — Стажеры.
 СБТ — Страна багровых туч.
 Седьмое небо — замысел, реализованный в романе «Град обреченный».
 Семейные дела Гаюровых — сценарий кинофильма АНС и Ф. Ниязи, киноповесть. Вариант заглавия: Город будет.
 Сказка о Тройке.
 Следователь — замысел.
 СНРО — События на рифе Октопус.
 События на рифе Октопус — замысел.
 СОТ — Сказка о Тройке.
 Стажеры.
 Страна багровых туч.
 ТББ — Трудно быть богом.
 Трижды смертник — сценарий АНС.
 Трудно быть богом.
 Улитка на склоне.
 УНС — Улитка на склоне.
 Фауст, XX век — замысел.
 ХВВ — Хищные вещи века.
 Хищные вещи века.
 Хромая судьба.
 ХС — Хромая судьба.
 Человек из Пасифиды.
 ЧИП — Человек из Пасифиды.
 Шаматы — замысел, реализованный в романе «Град обреченный».
 Шесть спичек.
 Шкатулка — см. Дьявольская шкатулка.
 ШС — Шесть спичек.
 ЭВП — Экспедиция в преисподнюю.
 Экспедиция в преисподнюю. Заглавия частей: Погоня в космосе; Операция «Итай-итай»; Иван, сын Портоса (раннее заглавие — Нейтронный ад).
 Экспедиция на Север — заглавие публикации фрагмента романа «Град обреченный».

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Град обреченный	3
ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ	
«Град обреченный»	216

II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

Аркадий Стругацкий. [Предисловие к рассказам У. Джекобса «Старые капитаны»]	297
Аркадий Стругацкий. Перемены в стране Тэй-бак	298
Аркадий Стругацкий. Трудно быть фантастом...	301

ИЗ АРХИВА

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастический роман Е. Войскунского и И. Лукодянова «Ур, сын Шама»	304
Аркадий Стругацкий. Рецензия на приключенческий роман Эдуарда Кондратова «Птица войны»	306
Аркадий Стругацкий. Отзыв на приключенческую повесть Р. Киплинга «Отважные мореплаватели»	307
Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастический памфлет Б. Зубкова и Е. Муслина «Красная дверь, или Обыкновенные приключения Кена Прайса»	307
Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических произведений Р. Подольного «Скрипка для Эйнштейна»	308
Аркадий Стругацкий. Так кто же все-таки «открыл» Америку?	309
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Вячеслава Пальмана «Песня черного дрозда»	311
Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник рассказов и повестей Александра Шагиняна «Пират»	313
Аркадий Стругацкий. Обзорная рецензия на журнал Эсу-эфу-магадзин №1 за 1973 год	314
Аркадий Стругацкий. Рецензия на роман Александра Воинова «Западня»	315
Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Владимира Михановского «Гостиница “Сигма”»	317
Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Сергея Снегова «Посол без верительных грамот»	319
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Вадима Инфантьева «На льду у Кронштадта»	322
Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов Игоря Росоховатского «Каким ты вернешься?»	323
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Андрея Яковлева «Тяжелая работа»	325
Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Альберта Валентинова «Заколдованная планета»	327
Аркадий Стругацкий. Отзыв на повесть Ю. Иванова «Сестра морского льва»	329

Аркадий Стругацкий. Борис Стругацкий. [Ответы на вопросы журнала «Советский шахтер»]	329
Аркадий Стругацкий. Отзыв на рассказ-утопию В. Мелентьева «Дорога через себя»	330
Аркадий Стругацкий. Отзыв на научно-фантастический детектив Владимира Караханова «Опасайтесь невинного»	331
Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастическую повесть Александра и Сергея Абрамовых «Человек, который не мог творить чудеса»	332
Аркадий Стругацкий. Отзыв на научно-фантастическую повесть Владимира Михановского «Гостиница “Сигма”»	333
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Что касается фантастики...	333
Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастико-приключенческую повесть В. Степанова «Подводный пират»	334
Аркадий Стругацкий. Рецензия на книгу Тацухиро Осиро «Окинава. Репортаж с места событий»	335

III. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1973	338
Борис Стругацкий. Письма матери, 1973	369
Борис Стругацкий. Письма супруге, 1973	370
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1971–1987	371
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1971–1973	382
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1973–1974	385
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1972–1973	409
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1973–1974	410
Борис Стругацкий. Дневник, 1969–1974	413
Борис Стругацкий. Дневник, 1965–1979	415

IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	416
Комментарии и примечания	416
Библиография. 1973 г.	444
Указатель имен	445
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	452